

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

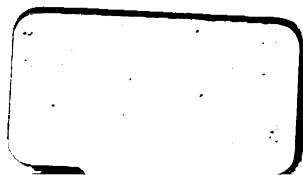
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d 80

Сам. М. М. М. М.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1865

ЯНВАРЬ

КНИЖКА ПЕРВАЯ ч II

	СТР.
I. Недавнее. Романъ въ четырехъ частяхъ. <i>Часть первая.</i> Главы I—II. В. Крестовскаго (автора романа «Въ ожиданіи лучшаго»).....	1
II. Петербургскія трущобы. Романъ въ шести частяхъ. <i>Часть третья.</i> Двауголовныхъ дѣла. В. В. Крестовскаго.	29
III. Русскіе лгуны. Очерки. I—V. А. Ф. Писежскаго,.....	88
IV. Мнѣнія Воэла о сочиненіяхъ Милля. <i>Статья первая.</i>	117
V. О множествѣ обитаемыхъ мировъ. К. Фламмарьона, проф. астрономіи въ Парижѣ. II. X.....	188
VI. Нашъ взаимный другъ. Романъ Чарльза Диккенса. Книга вторая. Главы VII—X.....	169
—————	
VII. Политическая хроника. Очеркъ положенія дѣлъ въ Европѣ въ началу 1865 года.—Итоги нашей гражданской жизни въ 1864 году.....	1
VIII. Обзоръ спеціальныхъ журналовъ. О чемъ мы будемъ говорить въ этомъ отдѣлѣ.....	26
IX. Питерскіе литераторы и науки на Западѣ. О значеніи этого отдѣла въ журналѣ. Речь Либала о современномъ состояніи геологій.....	43
X. Литературная летопись. — Труды Макса Мюллера. Наука о языкѣ.....	71
XI. Курганы. Англійскій романъ изъ русской жизни.....	80
XII. «Современнику», на сорокъ страницъ его полемики противъ «Отеч. Записокъ».....	86

САИКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Кудавскаго* (Литовск., № 33).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВОКИМЪ и С. ДУДЫШКИНЫМЪ.

ТОМЪ СЛѢД.

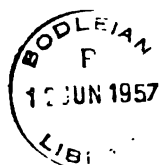

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. А. КРАЕВСКАГО (Литейная, № 38).

1865.

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ. 7 января 1865 года.

Н Е Д А В Н Е Е .

РОМАНЪ.

Часть первая.

I.

Было семь часовъ утра, погода прекрасная; отъ росы блестяль дернъ и еще темнѣли дорожки цвѣтника предъ небольшимъ господскимъ домомъ въ селцѣ Надеждинскомъ. Это селцо стоитъ довольно глухо въ сторонѣ отъ уѣздныхъ городовъ N—ской губерніи. Назадъ тому пятнадцать лѣтъ, когда происходила эта исторія, селцо было бѣдно обстроено, и для того, чтобы не портить вида, расположено далеко отъ господскаго дома, нарядно выдвинутаго на пригорокъ, надъ тощимъ и зацвѣтшимъ прудомъ. Селцо называлось Лоскутовщиной; но его владѣлица, Аграфена Петровна Таманова, нашла приличнѣе назвать его по имени своей старшей дочери, которой назначала его въ приданое. Переимѣна названія произвела нѣкоторую запутанность въ дѣлахъ любовнаго размежеванія и другихъ, потому что владѣлица никакъ не соглашалась даже соединить два имени, съ прибавкой частицы *тожъ*, а становые, землѣвры, посредники никакъ не умѣли взять въ толкъ этого Надеждинскаго, несуществующаго ни на какихъ планахъ; въ Надеждинское не знали дороги крестьяне окрестныхъ деревень; въ Надеждинское не вѣрилъ попъ прихода, къ которому оно принадлежало; грубые сосѣди-помѣщики еще долго терзали слухъ владѣлицы именемъ Лоскутовщины, пока, наконецъ, это обошлось и всѣ немного попривыкли. Въ іюнѣ 1849 года, Аграфена Петровна Таманова жила въ Надеждинскомъ съ дочерью и ея мужемъ, Григоріемъ Николаевичемъ Боровицкимъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ тридцати, гораздо моложе жены своей Надежды Сергѣевны, которая, семь лѣтъ назадъ, вышла за него замужъ по любви.

Т. CLVIII. — Отд. I.

1

Въ это утро, Боровицкій одинъ гулялъ, или, вѣрнѣе, бродилъ по цвѣтнику, посматривая на цвѣты, которыхъ было много и всѣ разведенные его работами. Половина оконъ дома была еще заперта ставнями; тамъ почивали, хотя во дворѣ была замѣтна суета, непривычная въ деревнѣ, а въ переднихъ комнатахъ—залѣ, гостиной, диванной—производилась чистка, подобная тѣмъ, которыя производятся въ барскихъ домахъ передъ праздниками. Два лакея вытащили изъ гостиной, чрезъ балконную дверь, коверъ, и принялись выколачивать его на площадкѣ предъ цвѣтникомъ.

— Чтó вы дѣлаете? закричалъ имъ Боровицкій:—вся пыль на розаны!

— Барыня приказала, возразилъ лакей.

— Вынесите во дворъ!

— Подъ окошками у Зинаиды Сергѣевны нельзя стучать, неравно разбудишь, возразили опять, въ голосъ, оба, работая палками.

— Подальше оттащали-бы... проговорилъ, задохнувшись, Боровицкій.

Но работа была уже кончена; люди, непривычные къ подобному труду, скоро утомились, и находя, что коверъ достаточно вымоченъ о сырой песокъ, повлекли его обратно на балконъ. Надъ мѣстомъ совершившагося дѣла поднимался столбикъ пыли, очень красивый въ чистомъ воздухѣ. Боровицкій чихнулъ и повернулъ за уголь дома.

Домъ приходился тамъ въ два этажа, нижній и антресоль; узелки, тряпки, банки на окнахъ показывали, что это комнаты не парадныя, а жилыя, и жилыя—женскія; съ антресоля несея скрипка кофейной мельницы. Когда проходилъ Боровицкій, одно окно внизу отворилось.

— Здравствуй, папа! раздалось оттуда.

Боровицкій оглянулся.

— Здравствуй, Машурка, отвѣчалъ онъ.

На его лицѣ выразилось удовольствіе, очень-понятное, если вообразить предельный дѣтскаго голоса, который посылалъ его, и на темномъ фонѣ стараго окна, между вѣтками одичавшихъ акацій, маленькую, бѣленькую дѣвочку, съ золотистыми вьющимися волосами, съ большими черными глазами, съ алыми губками, яркими какъ влажный кораллъ или листокъ только-что распустившагося мака.

— Здравствуй, моя дѣвчоночка, повторилъ Боровицкій, под-
ходя и привставъ на фундаментъ: — что же ты сидишь, не гу-
ляешь? давно проснулась?

— Давно, папа. Да видишь, некогда, я и не одѣта, на мнѣ
только юбочка. Няня ушла, она кофей варить. Надо кофей сво-
рѣе пить, какъ только тѣта проснется, сейчасъ надо...

— Но развѣ кромѣ няни никому сварить? сказалъ Боровицкій.

— Всѣмъ некогда, отвѣчала Маша:— всѣ ушли. Я видѣла, какъ
ты шелъ мимо. Я бы сама надѣла капотикъ, вышла къ тебѣ, да
меня заперли.

— Кто жъ это распорядился?... Ну, надѣвай капотикъ, выль-
зай отсюда.

— Сейчасъ, папа.

Она исчезла изъ окна и чрезъ минуту явилась опять, засте-
гивая пуговицы своего капотика. Боровицкій протянулъ руки и вы-
садилъ ее.

— Я Богу молилась, папа, сказала она:— bonjour, papa.

— Ну, лучше порусски, возразилъ отецъ, между тѣмъ какъ
она его цаловала, прижималась къ его лицу и душила ручонка-
ми, что было силъ.

— Ъсть хочешь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, а скоро захочу. Пойдемъ гулять побуда, пой-
демъ на деревню.

— Нѣтъ, душечка, на деревню нельзя—далеко.

— Отчего? ми тогда съ тобой ходили; ничего, недалеко.

— Конечно, ты не устанешь, но мнѣ нельзя: мнѣ надо быть
дома. Я вѣдь ховяинъ, Машурка. Вотъ, Петръ Иванычъ встанетъ;
мнѣ надо къ нему, занимать его.

— Петръ Иванычъ... Это—дядя, папа?

— Дядя. Надо говорить: mon oncle. Это мужъ тѣти Зины.

— Какой онъ толстый!

— Онъ очень хорошій человекъ.

— Чѣмъ, папа, онъ хорошій человекъ?

— Всѣмъ, мила. Добрый.

— Я вчера вечеромъ какъ испугалась, папа! Я ужъ легла. Онъ,
Петръ Иванычъ, пришелъ въ корридоръ и какъ онъ своего че-
ловѣка бранилъ! Ахъ, папа, какъ онъ его бранилъ, какъ кри-
чалъ! Помнишь, бабушка на старосту тогда кричала?.. вотъ,
такъ кричалъ. Помнишь, ты тогда ходилъ прошенія просить, а
бабушка тогда легла...

— Хочешь розановъ, Машурка?

— Ахъ, дай, папа, дай, голубчикъ! Пойдемъ на деревню, миленькій, пойдемъ, мое золото! Я кормилъ розаны отнесу. Ты поскорѣй воротись къ Петру Иванычу... къ шоп uncle, а меня оставь. Нани сказала, что нынче пошлютъ въ лѣсъ за ягодами; я пойду съ сестрицами въ лѣсъ, къ обѣду ворочусь, ягодъ тебѣ принесу...

— Съ какими сестрицами?

— Какъ, съ какими?—съ кормилицыными! съ сестрицами! объяснила Маша нетерпѣливо.

— Да!.. Я думалъ, съ кузинами. Нѣтъ, Маша, этого нельзя. Ты neodѣта, пойдешь въ лѣсъ, вся выпачкаешься—что хорошаго, съ крестьянскими дѣвочками. Вотъ, вечеромъ, если тѣтя Зина позволить, вы пойдете гулять съ маленькими кузинами, можетъ быть, и въ лѣсъ.

— Я съ кузинами не пойду, возразила Маша, надувъ губки.

— Почему? онѣ такія хорошенькія, умныя.

— Съ ними скучно.

— Какъ, скучно? Какая ты у меня дикарка, Машурка! Онѣ только вчера пріѣхали, ты ихъ всего часъ какой-нибудь видѣла. Вотъ, познакомишься получше, будете играть...

— Нѣтъ, папа, милочка, я не хочу. Пойдемъ лучше учиться; я натошакъ всегда лучше учусь.

Боровицкій улыбнулся, но въ ту же минуту его лицо приняло нѣсколько озабоченное выраженіе.

— Это нехорошо, Маша, сказалъ онъ:—видишь, какая ты непостоянная. Бабушка правду говоритъ, что у тебя нѣтъ никакого порядка. Ты въ разныя стороны мечешься—то въ лѣсъ, то въ классъ—вѣдь это крайности...

Дѣвочка глядѣла, широко открывъ глаза.

— Посмотри, у всѣхъ порядокъ, продолжалъ отецъ:—вотъ, твои маленькія кузины—теперь лѣто—онѣ и совсѣмъ не учатся, вакація...

— Это, папа, какъ ты хочешь, возразила она:—ты же самъ говорилъ, что надо учиться.

Она, казалось, огорчилась.

— Я говорилъ, конечно, отвѣчалъ Боровицкій:—не порядокъ нуженъ во всемъ, Маша, у тебя порядка нѣтъ. Вакацію можно заниматься такъ, чѣмъ-нибудь, стихи учить...

— Ахъ, знаешь, весело прервала она:—я, тѣ, что ты третьяго дня читалъ, выучила... спроси до точен, я тебѣ сейчасъ прочту:

O padre nostro, che ne' cieli stoi. .

Она читала молитву изъ «Чистилища». Отецъ улыбался, довольный, и подсказывалъ; дѣвочка была очень счастлива, хотя сбивалась; у нея даже покраснѣли глазами отъ усилій памяти.

— *Dà, oggi a noi la cotidiana mamma...* Нѣтъ, больше не знаю, сказала она, вдругъ прервавшись, и стала целовать его и душить, что было въ ея привычкахъ.

Боровицкій опять отуманился.

— Все это хорошо, Маша, сказалъ онъ:—но надо, мой другъ, знать что-нибудь другое. Это—языкъ малонзвѣстный, стихи эти старинные, серьезныя. Если тебѣ велятъ прочесть что-нибудь для гостей — ты ничего не знаешь.

— Какъ, ничего? возразила она:—я басни знаю, я пропасть стиховъ знаю...

— *Пропасть!* кто это такъ говорить? Такъ мужички говорятъ! Маша, сконфуженная, подняла голову.

— Что ты, папа?

— Ну, да, въ избахъ, мужички. Ты такъ скажешь при комъ-нибудь, тотчасъ и догадаются, что ты все въ избахъ съ ребятами.

— Я ничего, ни при комъ не буду говорить, возразила она: — я все буду молчать. Что же за бѣда, что я съ кормилкой, съ сестрицами? вовсе не бѣда. Я ихъ люблю. Я съ ними всегда буду жить; я къ гостямъ не пойду...

— Вотъ еще, вздоръ какой! прервалъ, разсердась, Боровицкій.

— Не пойду! вскричала дѣвочка, разсердась тоже: — зачѣмъ къ гостямъ? Стихи читать? Вѣдь ты гостямъ стиховъ не читаешь? Что жъ, ты приведешь меня, скажешь: читай? Вѣдь это смѣшно! развѣ это театр? ты мнѣ о театрѣ рассказывалъ...

— Ну, пожалуйста, не разсуждай, сказалъ строго Боровицкій: — ступай къ себѣ домой; вотъ, дядя идетъ, а ты даже и непричесана.

Но Маша не успѣла отойти, какъ къ нимъ приближился господинъ, въ легкомъ сѣромъ пальто, и во всемъ остальномъ такого же изящнаго сѣраго цвѣта, и изящной материн. Этой материн должно было пойти очень много, чтобы облечь плотную, высокую фигуру, съ животомъ, почти невѣроятнаго размѣра. Эта

Фигура невольно вселяла уваженіе важностью и достоинствомъ, съ которыми она занимала свое мѣсто на землѣ; она была бодрa и непоколебима; и если что-либо беспокоило ее, то, казалось, одно ея собственное тяготѣніе. Господинъ ступалъ медленно и легко, дышалъ сильно, отчего отдувались его круглыя щоки и подбородокъ, покоившійся на батистѣ. Его глаза были круглы, брови дугою, носъ округлялся; кисти рукъ, лишенная возможности соединиться, были мягки и круглы, и украшались кольцами — съ печатью, обручальнымъ, и съ большой бирюзой. Пальцы, совсѣмъ барскіе, негибающіеся ни для какого дѣла, развѣ для мягкой и плавной распылки картъ по столу, были обременены на этотъ разъ тонкой тросточкой, взятой, конечно, для вида, потому что служить опорой такому барину — было не по силамъ тросточкай. Баринъ назывался Петръ Ивановичъ Черемышевъ; онъ былъ зять Боровицкаго, женатый на сестрѣ его жены, Зинаидѣ Сергѣевнѣ.

— А, mademoiselle, произнесъ онъ, увидя Машу: — въ какомъ negligé! Что жъ, кланяйся-же, gut morgen, bonjour. Allez faire votre toilette... Я у тебя, братецъ, обошелъ тутъ кое-что, обратился онъ къ Боровицкому.

— Развѣ вы рано проснулись, Петръ Ивановичъ?

— Да, не спалось. Не на мѣстѣ. Кабинетъ твой... Комаровъ миллионы. Люди поднялись; гвалтъ.

— Васъ потревожили? спросилъ, встревожась, Боровицкій.

— Папа, теперь можно, я войду къ тебѣ въ кабинетъ, возьму «Европейскую Галерею», сказала тихо Маша.

— Il ne faut pas comme-ça interrompre la conversation, зашѣтала ей дядя: — большіе говорятъ, слушать надо.

Но Маша уже ничего не слушала и, подпрыгивая, бѣжала на балконъ. Это движеніе выказывало ея тоненькія ножки, но съ ними вмѣстѣ и старенькіе башмачки и чулочки не первой свѣжести, что было весьма прискорбно родительскому сердцу, особенно потому, что за всѣмъ этимъ наблюдалъ изящный дядюшка.

— Выправки нѣтъ, сказалъ Боровицкій улыбаясь, будто извиняясь.

Черемышевъ не обратилъ вниманія.

— У тебя есть оравжерей? спросилъ онъ.

— Маленькая цвѣточная, отвѣчалъ Боровицкій: — я люблю цвѣты.

— Цвѣты! Цвѣтами смѣть не будешь. Это—женское дѣло, цвѣты.

У тебя и въ парникахъ ничего нѣтъ — я проходилъ. Это, братъ, не расчетъ. Если самъ не ѣшь, не по средствамъ — то продавать бы могъ.

— Кому же здѣсь покупать? возразилъ, покраснѣвъ, смиренно Боровицкій: — губернский городъ — двѣсти верстъ; въ уѣздныхъ городахъ, или сесѣди...

— Свинымъ, братецъ, свинымъ, это я знаю. Это все рѣдковъ да лукомъ питается. Это все мелкотравчатые. Вотъ, только отстаивать ихъ надобно, а отъ нихъ за вероту лукомъ, лукомъ несеть — а отстаивать ихъ надобно!

Черемышевъ засмѣялся, что было хотя пріятно для глазъ, но нѣсколько опасно при его сложеніи. Боровицкій смѣялся тоже, самъ не зная зачѣмъ.

— А отстаивать надобно? повторилъ онъ.

— Надобно, братецъ, надобно! отвѣчалъ Черемышевъ, смѣхъ котораго начиналъ переходить въ свистъ и кашель. — По обязанности надобно! Выбрали губернскимъ, ну, *magéchal de la noblesse*, такъ и рѣжься за нихъ, что бы тамъ ни было. У меня еще съ зимы, слава-богу, покойно, ничего не вышло еще. Да вѣдь и губернаторъ у насъ человѣкъ такой... Прекрасный человѣкъ, заключилъ онъ, передохнувъ и серьезно.

— Прекрасный? повторилъ Боровицкій.

— Прекраснѣйшій, не только прекрасный, подтвердилъ Черемышевъ. — И жена — милая женщина. Онъ въ большую играетъ, съ дрянью не связывается. Извѣстно, гдѣ же губернаторъ можетъ лучше сойтись съ обществомъ, какъ не въ клубѣ? Ну, а если тамъ онъ себѣ выберетъ, такъ, по мелочи, какое же онъ понятіе получить о дворянствѣ? Ему честь дѣлаетъ, что онъ умѣлъ выбрать: все люди съ состояніемъ, не то что служащіе — служащіе ему въ глаза глядятъ, а съ состояніемъ, нашъ братъ, дворянинъ... Понимаешь — это не чиновникъ какойнибудь...

— Да, конечно, сказалъ Боровицкій: — чиновники, тѣ отъ него зависятъ. Пожѣтки, неслужащій, конечно, человѣкъ образованный, съ голосомъ...

— Ну, да, ну, да, съ голосомъ. Вѣдь если онъ какуюнибудь безъ трехъ въ червахъ заломить — зависящій чиновникъ ему смолчать, а дворянинъ, равный его — предъ тѣмъ онъ не посмѣетъ: вѣдь ему скажутъ и докажутъ... Это ему честь дѣлаетъ, честь дѣлаетъ Василью Васильичу...

— Вашего губернатора зовутъ Василій Васильичъ?

— Василій Васильевичъ Палугинъ, отвѣчалъ Черемышевъ. — Да что жь ты это, братецъ, «вашъ губернаторъ?» развѣ онъ и не твой губернаторъ? Кажется, губернія-то у насъ съ тобой одна. Онъ, казалось, чѣмъ-то оскорбился.

— Одна-то, одна, повторилъ Боровицкій: — но такъ-какъ у меня нѣтъ ничего въ этой губерніи... да и нигдѣ нѣтъ, прибавилъ онъ, смѣясь, но нѣсколько осторожно.

— Да-а... Но все-таки, продолжалъ Черемышевъ: — но все-таки ты отъ жены, отъ тѣщи шаръ имѣешь. Сколько у нихъ, сто... съ чѣмъ?

— Сто... сто-четыре... сто-четырнадцать душъ, отвѣчалъ Боровицкій.

— Какъ же, шаръ. Еще мало вапъ шаръ неприятностей надѣлалъ на выборахъ, зимою. Скотина Бѣлосницынъ метилъ туда же, въ губернскіе. Когда стали меня баллотировать, онъ вдругъ вопросъ поднялъ: слѣдуетъ ли считать шаръ зятя, тѣщи — за дѣйствительный? Шуму надѣлалъ. Да не выгорѣло его дѣло. Всякая тля, въ самомъ дѣлѣ, себя воображаетъ... Онъ, отроду, какъ засѣлъ у себя въ деревнѣ, да носомъ утенулся въ разные римскіе-греческіе законы, да о семипольномъ, да о десятипольномъ... право, съ тѣхъ поръ ячичницы съ саломъ дворянамъ не подавъ, не то что какое нибудь сближеніе...

Предводитель закашлялся и задохнулся. Боровицкій почувствовалъ себя неловко, когда онъ, переведа духъ, взглянулъ на часы. Было уже девять. Гость, вѣроятно, желалъ кушать.

— Одожди мнѣ, братецъ, огня, сказалъ онъ, послѣ новаго свиста и кашля, доставая сигару: — поутру, я непривыкъ...

Боровицкій поспѣшилъ къ балкону, въ домъ, за спичками, но Черемышевъ вошелъ вслѣдъ за нимъ и, закуривъ, расположился на диванѣ, въ глубинѣ гостиной. Боровицкій нашелъ возможнымъ уйти на минуту, узнать о хозяйственныхъ распоряженіяхъ для чая, для завтрака, для чего нибудь...

Лета юношески быстро по узенькой лѣстницѣ на антресоли, Боровицкій едва не сбилъ съ ногъ горничную, которая несла нахрамленное платье, со множествомъ оборокъ. Посторонясь, онъ спросилъ:

— Что барыня, скоро?

— Встаетъ-сь, отвѣчала ему.

— Только еще встаетъ! Можно къ ней?

— Я спрошу.

Боровицкій подождать у двери, куда скрылась горничная.

— Пожалуйте.

Надежда Сергѣевна занималась предъ импровизированнымъ туалетомъ. Она уступила свою спальню прѣзжей сестрѣ, свою уборную—ея дѣтямъ и гувернанткѣ, и временно помѣщалась въ «складочной», то-есть въ удобной, красивой комнатѣ, съ выходящимъ балкономъ въ садъ, но запущенной, заваленной, загрязненной какъ только возможно. Большое зеркало, которое, казалось, могло бы и висѣть, было приставлено къ стѣнѣ и придержано стуломъ. Боровицкій постарался не смотрѣть на остальной безпорядокъ — къ тому же, было некогда.

— Нада, что же чай, душа моя? сказалъ онъ.

— Что же чай? возразила она, нетерпѣливо вынимая изъ рукъ горничной подвизную косу, и еще нетерпѣливѣе старалась укрѣпить ее сама на своей головѣ. — Что же чай? Ты видишь... некогда. Да кому же чай? Зина пьетъ кофе въ постели. Она не выходитъ раньше двѣнадцати. М-ле Дуаре и дѣтямъ ужь подали молоко и котлеты...

— Но, Петръ Ивановичъ?

— А, Петръ Ивановичъ! Но развѣ ты не спросилъ Петра Ивановича? развѣ онъ ужь всталъ? Не могу же я, такъ, бѣжать, узнавать, что надо Петру Ивановичу!

— Да, но... Онъ, кажется, чай пьетъ...

— «Кажется!» Право, точно я хозяйка, что я должна обо всемъ... Наталья, поди, скажи, чтобъ няня сдѣлала, подала бы туда... гдѣ онъ?

— Въ гостиной.

— Въ гостиную бы подала. Да столъ бы накрыли, а то они, пожалуй, такъ, безъ салфетки... скажи вниѣ, гдѣ у нея новыя ложечки... они, пожалуй, подадутъ обгрызенныя... Мои ложечки, съ вензелемъ, скажи! Да приходи скорѣе, мнѣ здѣсь одной... Да если куличъ готовъ, скажи, чтобъ нарѣзали, подали бы...

Надежда Сергѣевна бросилась отъ зеркала къ двери. Въ дверь выглянула голова, повязанная платочкомъ.

— Няня, да сдѣлай же милость, не бѣгай изъ мѣста въ мѣсто, дѣлайте толкомъ. Ложечки мои...

— Знаю, матушка, слышала я про ложечки. Да поваръ ждетъ, который часъ ужь, сударина, кушать что прикажетъ?

— Что онъ пристасть? обѣдать будутъ въ пять часовъ, слава-богу, успѣть.

— Такъ, матушка, да провинимъ надо. Вчера съ вечера не приказали. Съѣздили бы, сударыня, за говядиной въ Панево, тамъ, село богатое, бьютъ, авось. Да пристань тамъ, рыбы бы посмотрѣли. А теперь, поваръ говоритъ, нѣтъ ничего. Цыплятъ однихъ душить, что съ нихъ возьмешь. Вотъ, о чухонскомъ маслѣ не приказали съ вечера—и нѣтъ его; Зинаида Сергѣевна къ кофейю спрашивала, а его нѣтъ...

— Господи! вскричала Надежда Сергѣевна, залившись слезами: — сестра въ десять лѣтъ въ первый разъ у меня въ домѣ, и ей нѣтъ нечего!

— Слажи повару, чтобъ сейчасъ онъ самъ ѣхалъ въ Панево, виѣшался Боровицкій

— Отецъ родной, возразила она, всплеснувъ руками: — это двадцать верстъ-то? да когда же онъ оборотитъ? Когда жъ ему готовить-то? Покуда пріѣдетъ, покуда испуитъ, да лошаду покормить... да найдетъ ли еще что испуитъ?... да самъ, грѣшнѣйшій человѣкъ, отдохнетъ, да воротится — глядишь, ужъ и вечеръ на дворѣ! Гдѣ же за всѣмъ управиться! Нѣтъ, вы извольте что другое приказать. И еще какъ маменька позволить подводу брать: сѣнобось. Да и народъ весь въ дуга ушелъ.

Надежда Сергѣевна рыдала.

— Пойдемъ, няня, я самъ потолкую съ поваромъ, сказалъ Боровицкій, уводя ее: — а ты покуда сдѣлай чаю для Петра Иваныча... Да сыру дайте, чего нибудь, тартинки...

Онъ пошелъ и воротился опять къ женѣ. Надежда Сергѣевна, вся расплаканная, занималась своей босою.

Надежда Сергѣевна была четыре года старѣе своего мужа, блондинка, когда-то недурна, но семь лѣтъ супружества, хотя бы и по любви, притушаютъ желаніе нравиться, и потому, въ настоящую минуту, Надежда Сергѣевна не заботилась скрывать разочаровывающихъ подробностей, въ родѣ наладной косы и легкихъ притираний, румяныя слѣды которыхъ виднѣлись на воротничкѣ. Слезы идутъ къ немногимъ лицамъ; къ тонкимъ, завалымъ чертамъ Надежды Сергѣевны онѣ не шли положительно. Къ тому же это были слезы гнѣва, столько же, сколько грусти, а гнѣвъ былъ блѣдный, безсильный, какъ блѣдна и безсильна вся блѣкурая фигура Надежды Сергѣевны.

— Боже мой, какъ я несчастна! выговорила она, не оборачиваясь къ мужу, но выдвигая его за собою, въ зеркало.

— Успокойся, Нада, я все устроилъ, сказалъ Боровицкій.

— Это—безпорядокъ, это—нерадѣніе, какого я и не видывала!

— Наши люди не привыкли... возразилъ Боровицкій.

— Не привыкли! Кто жъ въ этомъ виновать? Я думаю, чѣмъ заниматься ботаникой, ты бы могъ заняться чѣмънибудь въ домѣ. Я противъ моей матери идти не могу, а ты мужчина. Надо жъ имѣть хоть какую-нибудь силу характера. Я вѣчно одна! Минька, говорятъ, даже и не проснулась, у нея и ставень не отворяли; если и проснулась, то богу молится, а это для того только, чтобы оставить меня одну въ затрудненіи...

— Ну, вотъ, затрудненія кончены, отвѣчалъ Боровицкій:— одѣнься, узнай, что сестра...

— Одѣнься! вскричала она:—еще бы... Но, ради-бога, не мни же моего платья!

Платье, пли ворохъ оборокъ, висѣло на стулѣ, книзу рукавичками. Боровицкій имѣлъ неосторожность къ нему прислониться.

— Поди же отсюда, оставь меня одѣться! прибавила Надежда Сергѣевна съ новыми слезами.

Боровицкій поспѣшилъ уйти. Маша позвала его вниз, въ корридоръ, но онъ отвѣтилъ ей: некогда — и направился въ гостиную.

Тамъ завтракалъ Черемышевъ. Завтракъ устраивали няня и лакеи, люди непривычные, потому кое-что и вышло неладно. Куличъ горячій, только изъ печи, былъ нарезанъ толстѣйшими, неуклюжими ломтями и поданъ безъ салфетокъ; напротивъ, сыръ, о которомъ приказывалъ Боровицкій, былъ настроганъ очень тонко и разложенъ кружочкомъ по тарелкѣ. Лакеи, невѣдѣніе понятія о тартиналѣ, сообразили, что къ сыру необходимы черныя хлѣбъ и вода. Видъ этихъ предметовъ покоребилъ Боровицкаго, хотя они и были уже отставлены на другой столъ, вѣроятно, но приказанію самого Черемышева.

— Чѣмъ у тебя, братецъ, люди зовутъ? спросилъ онъ:—колокольчика нѣтъ, я и кричалъ и свисталъ — никого нѣтъ.

— Что вамъ угодно, Петръ Ивановичъ?

— Да вотъ, чтобы это убрали.

Боровицкій пошелъ отыскивать лакеевъ. Пока онъ занимался этимъ, гувернантка ввела въ гостиную двухъ дѣвочекъ, лѣтъ восьми и шести, дочерей Черемышева. Дѣвочки были очень нарядны, прекрасно причесаны, держались чинно и, присѣдая, граціозно вертели коротенькими шелковыми юбочками.

— Bonjour, rara, сказали онъ обѣ въ голосъ.

— Bonjour, отвѣчалъ Черемышевъ, величественно кура сигару и отечески давая имъ цаловать свою руку.—*Bien bonjour, mademoiselle Loïrot*, прибавилъ онъ, отдѣляясь отъ спинки дивана и шаркнувъ ногой не вставая.

Гувернантка присѣла тоже.

— *Prochenez? Vous allez prochenez?* продолжалъ Черемышевъ.

— Мы не знаемъ куда идти, заговорили обѣ дѣвочки.

— Спросить надо, *demander*. Эй, человѣкъ!

Лакей явился убирать завтракъ.

— Гдѣ тутъ, братецъ, пройти въ садъ, чтѣ ли?

— Вотъ-съ, отвѣчалъ тотъ, нѣсколько изумленный, показывая на отворенный балконъ, изъ котораго былъ видѣнъ садъ.

— Да вѣдъ проводить надо, братецъ, понимаешь?

— Собаки нѣтъ-съ, отвѣчалъ лакей, поглядывая на барышень и улыбувшись отъ удовольствія, что въ гостиной такіе нарядные гости.

— Чему ты смѣешься, болванъ? строго замѣтилъ Черемышевъ:—вынеси все и сейчасъ ивнись проводить. Живѣй, все, все разомъ! *Les n'ont pas d'esprit ces hommes*, прибавилъ онъ, обратясь къ гувернанткѣ.

— *Oui!* Очень неловки! отвѣчала она.

Лакей, забравшій слишкомъ много на руки, запнулся въ дверяхъ. Что-то зазвенѣло.

— Бей! закричалъ Черемышевъ, тѣмъ насмѣшливымъ тономъ, которымъ господа равнообразятъ свои грозы.—Чтѣ, много ли переколотилъ?

— Ничего-съ, отвѣчалъ лакей изъ залы, но было замѣтно по голосу, что онъ наклонился къ полу и черепки измѣнили, зашуршали.

— Ничего! повторилъ, засмѣявшись, Черемышевъ:—хорошо! все ничего!... Да въ этомъ домѣ *il n'y a pas beaucoup des choses pour casser, pas beaucoup des choses*.

Дѣти и гувернантка смѣялись вслѣдъ за нимъ.

— *Il ne vous plaît pas le séjour ici, le séjour?* продолжалъ онъ, обращаясь къ гувернанткѣ:—ну, ненадолго. Дня три-четыре еще пробудемъ. Надо мнѣ было, наконецъ, это для моей *belle-mère* сдѣлать: я десять лѣтъ женатъ, и въ первый разъ у нихъ. Честь знать надо, *il faut savoir l'honneur, mademoiselle Loïrot*... А чтѣ вы, *grand'maman* видѣли?

— Нѣтъ, еще не встала, отвѣчала гувернантка, за дѣтей, которыя стояли, чинно сложа ручки.

Черемнишевъ засмѣялся.

— Ну, allez пропенег, сказалъ онъ:—въ цвѣтницѣ можно. Да тутъ у васъ кузиночка есть маленькая, видѣли вчера? Вы ей скажите, чтобъ она васъ проводила.

Боровицкій, обходившій, между тѣмъ, весь домъ за распоряженіями и приказаніями, зашелъ въ гостиную на эти слова.

— Гдѣ твоя дочка, братецъ? спросилъ его Черемнишевъ:—мен гулять хотять; хотя бы она похозяйничала, людей у васъ не добьешся.

— Сейчасъ, сказалъ Боровицкій и отправился звать Машу.

Онъ нашелъ ее въ ея дѣтской. Надежда Сергѣевна была тамъ, одѣтая и разстроенная, наблюдая, какъ Машу причесывали. Горничная старалась пригладить и примазать вьющіеся волосы, никогда незнакомые съ помадой. Дѣвочкѣ было приказано не шевелиться; впрочемъ, и безъ того ей было трудно шевелиться во всемъ, чтó на ней было надѣто накрахмаленнаго, и въ бантикахъ, которыми ее украсили, въ подражаніе наряду кузинъ.

— Машу зовутъ, сказалъ входя Боровицкій:—чтó это, Надя! чтó за варварство, какъ такъ безобразить ребѣнка? Сдѣлай милость—заботься о чемъ хочешь, а это не твое дѣло!

Онъ вспылилъ не на шутку.

— Снимите съ нея сейчасъ эти вздоры! продолжалъ онъ, обрывая съ дѣвочки бантики:—сейчасъ, все долой!

— Чтó жъ ты хочешь, чтобъ твоей дочери было стыдно показаться? выговорила Надежда Сергѣевна, вся блѣдная.

— Ну, да, этого хочу! вскричалъ Боровицкій:—воды, Наталья, намочи ей голову.

Надежда Сергѣевна вышла, хлопнувъ дверью, и остановилась плакать въ корридорѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, мимо нея, мужъ провелъ за руку Машу въ простомъ ситцевомъ платьицѣ; золотые волоски, обрадовавшись водѣ, завились еще круче, кусочками и клубочками.

— Удивительно! сказала Надежда Сергѣевна.

— Полно, моя милая, сказалъ Боровицкій:—Маша, давай просить прощенія у мамы. Мама, душечка, (не наряжай насъ впередъ богъ-знаеть-какъ. Это нейдетъ къ ней, Надя; это не художественно, другъ мой (онъ поцаловалъ жену). Ну, прости насъ, мама. Ты видишь, Надя, я тебѣ столько разъ говорилъ, у нея

не тотъ жанръ фзіономіи; у нея своя красота, красота для знатока...

— Э, полноте! прервала Надежда Сергѣевна, отворачиваясь.

— Ну, вѣдь этому конца не будетъ! сказалъ Боровицкій и увелъ дѣвочку.

— И это—мужъ! и это—отецъ семейства! выговорила Надежда Сергѣевна, сжавъ руки съ отчаяніемъ.

Она прошла корридормъ къ дверямъ своей спальни, которую занимала сестра, и постучалась.

— Можно войти, Зина?

— Entrez, ma chère, раздался голосъ за дверью.

II.

Зинаида Сергѣевна сидѣла въ больномъ креслѣ, придвинутомъ къ туалетному столу. Это кресло стояло прежде у окна; Надежда Сергѣевна имѣла привычку, по вечерамъ, погружаясь въ мягкія подушки, смотрѣть въ темноту и слушать ночную тишину. Она не узнала также и своего скромнаго туалетнаго стола, перемещеннаго изъ уборной: онъ былъ заставленъ серебрянымъ зеркаломъ, серебряными коробочками, хрустальными флаконами. Пятнадцать лѣтъ назадъ, въ провинціи, роскошь подробностей туалета была еще всеобща; дамы, даже владѣтельницы полуторы тысячи душъ, какъ Зинаида Сергѣевна, еще экономничали, хозяйничали, отговаривались, что имъ не до туалета, некогда. Но Зинаида Сергѣевна ужъ позволяла себѣ пользоваться своимъ состояніемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ея мужъ былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ. Къ тому же, ей было едва тридцать лѣтъ и она была очень хороша собою; прекрасный свѣжій цвѣтъ ея лица не нуждался ни въ какихъ притираниахъ, темно-каштановые волосы были роскошны. Въ N. ее единогласно называли une belle femme, и, выбирая предводителя, ахали отъ восторга, какая будетъ предводительша.

На Зинаидѣ Сергѣевнѣ былъ бѣлый капотъ, весь вышитый; въ то время, имѣть шитье хотя въ небольшомъ видѣ, считалось богатствомъ, но объ обладаніи такимъ капотомъ не смѣли думать многія богатныя. Надежда Сергѣевна оглянулась на узенькую оборочку собственнаго произведенія, грустно прижавшюся къ ея стѣсненной груди, и поцаловала сестру.

— Хорошо почивала, Зина?

— Да. Тамъ ужъ всё встали?

— Мужья наши, дѣти, да. Маменька еще не выходила.

— А ты, что жъ такъ рано? козявничаетъ?

— О, нѣтъ.

— Кто жъ у васъ этимъ заправляетъ?

— Маменька... мужъ.

— Григорій Николаичъ? будто онъ умѣетъ?

Надежда Сергѣевна была слишкомъ взволнована и потому не могла отвѣчать спокойно.

— Ровно ничего не понимаетъ... Впрочемъ, гдѣ жъ ему, сѣге аміе, прибавила она, спохватившись и удержавъ порывы своего голоса:—ты знаешь, онъ воспитанъ не въ деревнѣ, никогда не былъ помѣщикомъ. До него, съ дѣтства не доходили эти мелочи. Въ богатствѣ, въ роскоши, въ знати...

— Что его тѣтя... тѣтка, кажется? графиня Рашкова, жива?

— У которой онъ воспитывался? жива, сѣге аміе—во Флоренціи. Дядя Зерновичъ умеръ, больше года... потому я и не въ траурѣ, прибавила Надежда Сергѣевна.

— Что жъ онъ, сдѣлалъ для Григорія Николаича что-нибудь?

— Вѣдь онъ былъ внучатный дядя, сѣге аміе, и свои дѣти... Да, онъ оставилъ Грегуару... деньги.

— Много?

— Да...

Зинаида Сергѣевна осторожно промолчала.

— Впрочемъ, что я говорю? нѣтъ, немного. Судя по состоянію Зерновичей, вовсе малость. Знаешь, Зина, я это говорю не изъ интереса, а такъ... Я по сердцу сужу: отъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, оставить племяннику, который росъ на глазахъ, какіянибудь шесть тысячъ серебромъ... это тоже обидно!

— Маменька, то-то, я думаю, сердилась?

— Она за все сердится, отвѣчала Надежда Сергѣевна довольно рѣзко:—ей больше всего неприятно, что Грегуаръ не отдаетъ ей въ руки этихъ денегъ... Ты вообрази, каково мнѣ между ними...

— А, сама хотѣла! за то мужъ хорошенькій, возразила Зинаида Сергѣевна, смѣясь. — Батюшки, какъ ты была въ него влюблена! Что ты, попржнему, стихи пишешь?

— О, полно!

— Помилуй, чего «полно!» Я тогда тебя вывела, ты моей

меньшой вдругъ сдѣлалась... Еще какія штуки дѣлала: бывало, въ собраніи, даже не садится близко ко мнѣ, чтобъ не видѣли, съ кѣмъ пріѣхала, какъ-будто никто и не догадается! Тебѣ это было очень неприятно, что я замужемъ, а ты—нѣтъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ очень неприятно, une fille de vingt-cinq ans... Тебѣ, никакъ, ужь двадцать-семь было, какъ ты вышла?

— Да...

— Вотъ, étiez-vous amoureuse, bon Dieu! продолжала, смѣясь, Зинаида Сергѣевна:— вотъ была страсть романтическая! тебѣ, я думаю, самой теперь смѣшно?

— Не смѣшно, а грустно.

— Чѣмъ же грустно?

— Онъ... далеко не тѣ...

— Ахъ, матушка, не вѣкъ же цаловаться! да ты и старше его! Довольно, что тогда ему голову тобой набали. Вѣдь его, просто, поймали; ты сама, я думаю, помнишь. Стихи твои тогда ему водсунули, а онъ, романтическая голова... Ахъ, Господи, такая была потѣха! Старуха Деревская, молодець, все устроила. Еслибы не она, не быть бы тебѣ замужемъ.

— Да вѣдь всякое замужство трудно устроить, возразила Надежда Сергѣевна, побряснѣвъ:—и ты о себѣ немало хлопотала...

— Ахъ, матушка, что жъ я хлопотала, да развѣ такъ какъ ты? Для меня человѣка не ловили; я только шила себѣ платья къ лицу, да выѣзжала больше... И къ тому же, было изъ чего хлопотать! Пьеръ имѣетъ состояніе, слава-богу, я десять лѣтъ живу какъ должно. А ты совсѣмъ другое дѣло; ничего больше, какъ то, что тебѣ хотѣлось замужъ. Что жъ такое твой Грегуаръ? За душой ничего; родство у него, что для него сдѣлало это родство?

— Конечно, ничего, отвѣчала Надежда Сергѣевна:—но онъ и самъ странный человѣкъ, нисколько о себѣ не заботится... такъ...

— Что онъ дѣлаетъ? спросила Зинаида Сергѣевна.

— Ничего цѣлый день... Ахъ, Зина!

Надежда Сергѣевна заплакала, обнимая сестру.

— Vous êtes romanesque comme toujours, ma chère, сказала Зинаида Сергѣевна, слегка прикоснувшись къ ея щекѣ своими свѣжими, тонкими губами:—но, вѣдь, я думаю, ему и дѣлать-то нечего? Имѣніе невелико, и то въ рубахъ у маменьки.

— Да, но все же... Знаешь, Зина, право, нужно чтонибудь и положительное, онъ долженъ бы подумать...

— Правда, вотъ, дочь у васъ. Кто у тебя при ней?

— Нинька... отвѣчала Надежда Сергѣевна, глядя въ сторону, потому что конфузилась своего отвѣта:—кому же больше, *chère amie*? Я не имѣю возможности взять гувернантку... Но, вотъ, еще, дочь: онъ самъ ее учитъ; положимъ, *elle parle le français, l'allemand*, выдумалъ учить ее нонтальянски...

— Да! вѣдь онъ, кажется, былъ тамъ?

— Какъ же, дѣтство провелъ въ Италіи.

— Да, да, да, у своей тѣтушки. То-то онъ и фантазируетъ. А вѣдь вы вмѣстѣ фантазировали, Дина? Ты еще въ невѣстахъ стихи писала: «*Italie, seconde patrie...*» такъ, кажется? Вмѣстѣ туда собирались, какъ обвѣнчаются.

Зинаида Сергѣевна смѣялась, Надежда Сергѣевна закусила губы.

— Конечно, что жъ, если средствъ нѣтъ, продолжала Зинаида Сергѣевна. — *Il est toujours très-joli garçon, ton mari*. Но ты бы для дочери взяла когонибудь. Впрочемъ, и тутъ опять бѣда: возьмешь старуху — съ маменькой не поладить, возьмешь молодую—мужъ...

— Ахъ, Зина, я не думала, что ты станешь смѣяться! Мое положеніе ужасное, я такъ скучаю, такъ скучаю! Впервыхъ, маменька; ты знаешь ея характеръ. У нея и у Грегуара постоянныя непріятности. Маменька недовольна, что онъ ничего не дѣлаетъ, а онъ не ужѣетъ ни за что взяться. У него какія-то понятія странныя; надъ нимъ мужики смѣются, его всѣ обманываютъ. Выросъ у знатныхъ родныхъ, въ богатствѣ, служилъ — ну, одному ему и доставало чѣмъ жить, а теперь, какъ пришлось жить въ семействѣ, домохъ, онъ сорить деньгами, ничему цѣны не знаетъ, ни о чемъ не позаботится! Цѣлый день возитъ съ этой дѣвочкой, балуетъ ее, а то начинается и не кончается картины, пейзажи... Вообрази только, инѣйшей весной послалъ на выставку свои пейзажи!

— Куда? спросила Зинаида Сергѣевна.

— На выставку, *ma chère*, въ академію, въ Петербургъ. И вообрази еще — вздумалъ продавать это тамъ, цѣну назначил!

— Что за вздоръ! воскликнула предводительша.

— Счастье, что не продано, продолжала Надежда Сергѣевна:—но вѣдь все равно — ими свое онъ выставилъ, компрометировался. Ну, какъ послѣ этого, подумай только, покажется онъ къ своей тѣткѣ, графинѣ Рашковой, къ кузенамъ Зерновичамъ, какъ они его примутъ? Съ вѣмъ онъ ставилъ себя на одну до-

ску?... И все, вотъ такъ... Да, хуже! Вздумаль переводить или сочинять, сочинять, кажется... un roman, que sais-je, и тоже и осмалъ, просилъ печатать...

— Что ты говоришь? Съ ума онъ съшелъ?

— Да, слава-богу, запретили. Вотъ, спроси его, онъ тебѣ самъ расскажетъ...

— Боже меня сохрани! Стану я о великой чепухѣ спрашивать!

— И, вотъ, я тебѣ говорю, все такъ. Представь себѣ, послѣ этого, какъ идетъ у насъ день. Я вѣчно одна—то-есть, съ маменькой; маменька цѣлый день сердится, упрекаетъ меня, зачѣмъ я колюблила Грегюара, зачѣмъ за него вышла...

— Ну, вотъ когда спохватилась, прервала, смѣясь, Зинаида Сергѣевна: — а сама первая была рада тебя отдать! Что бы она стала съ тобой дѣлать? Il n'y avait donc plus de chances pour vous marier. Вывозить тебя—денегъ не было, да и сколько же еще лѣтъ, наконецъ? Если она надѣялась на Петра Иваныча, такъ вѣдь и того довольно, что до твоего замужства—вешного, немало, три зимы—Петръ Иванычъ дѣлалъ тебѣ весь гардеробъ для выѣздовъ... И то еще я упросила...

— Я это помню, Зина, отвѣчала смиренно Надежда Сергѣевна.

— Маменька, богъ ее знаетъ, чѣмъ и когда бываетъ довольна, продолжала спокойно Зинаида Сергѣевна.—Помнишь, какъ тебѣ отдали, она наирашивалась переѣхать жить къ намъ. Она тогда говорила Петру Иванычу, что обяжетъ твоего мужа поднискомъ, выплачивать ей на содержаніе по смерти. Это значило, расцететь: жить у насъ на всемъ готовомъ, да и отъ своего—вотъ отъ этого—нигдѣ пользоваться. Ты въ подробности этихъ переговоровъ, я думаю, не знала: ты вся въ своей любви была. Это было ни на что непохоже, что маменька дѣлала. Петръ Иванычъ ей наотрѣзъ отказалъ. Помилуй, жить съ нею! Ты сама видишь, каково; что же за радость на себя брать? Мы тогда уѣхали къ себѣ въ ярославскую деревню, потому въ Москвѣ жили—помнишь? Я могу тебѣ показать письма: Петръ Иванычъ не скривалъ отъ меня... Маменька ему по десяти разъ въ годъ писала, все жаловалась и все денегъ просила. То хлѣбъ не родился, то хлѣбъ не проданъ, то твой мужъ ни о чемъ не заботится. Ну, смерть! Я поставила себѣ за правило—ни о чемъ, и ни о комъ не просить Петра Иваныча. Да и въ самомъ дѣлѣ, скажи, пожалуйста: ну, не вышла бы я за богатаго человѣка—маменька вѣдь жила бы чѣмъ нибудь? А это оттого просить,

что есть кого просить. Пьеръ меня за то и любить, что я ничего не прошу. Надо мнѣ, дѣтямъ, на туалетъ, на домъ, экипажи, это—дѣло другое, это — видимое; въ этомъ я могу отдать ему отчетъ—потому могу и просить. Да я и для мужа же обязана хорошо одѣваться. Вотъ теперь еще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ губерскимъ предводителемъ, я издерживаю почти вдвое. Безъ этого нельзя. У насъ каждую недѣлю обѣдъ, мужской, но и я выхожу, приглашаю въ этотъ день какую нибудь знаемую, одну, чтобы мнѣ не было неловко. Потому и такъ случаются обѣды. У Петра Ивановича безпрестанно дворяне. Въ царскіе дни только у насъ ничего не бываетъ: обѣдъ у губернатора, формальный — Пьеръ съ нимъ хорошъ, а потому и не перебываетъ—а вечеромъ балъ въ собраніи. За то я сама ужъ непременно въ собраніи—вотъ, туалетъ... Вечера у насъ больше карточные, но все же бываютъ и дамы—опять туалетъ. Потому, въ прошлую зиму, мы сдѣлали два бала... Ah, c'était joli, Дина, не могу не похвастаться, c'était extremement joli! Для второго бала, особенно, мы залу передѣлали, соединили съ большой гостиной и эта арка была вся увѣшана виноградомъ: сначала завита плющемъ, зеленью, а потомъ кисти... И въ зелени моя пунцовая мѣбель, московская, серебряные канделябры...

— Я совсѣмъ не знаю твоей мѣбели и твоего дома, Зина, сказала Надежда Сергѣевна: — я вѣдь шесть лѣтъ не была въ N.

— Неужто шесть лѣтъ? Это вы все здѣсь сидите? Что, у тебя есть сосѣди? У насъ, въ ярославской деревнѣ, много ихъ было. Я тамъ выучилась въ карты играть.

— Ты играешь? спросила Надежда Сергѣевна.

— А что жь?

— Молодой женщинѣ...

— Э, матушка, это ваши поэзии! Кто жь нынче не играетъ? Чтò же больше дѣлать? Я-то, конечно, больше танцую. Вотъ, въ Москвѣ, я все танцевала. Нынѣшнюю зиму въ N меньше—нельзя. Я вѣдь честь дѣлаю съ кѣмъ танцую, заключила она и засмѣялась.

— Твой мужъ ревнивъ, Зина?

— Ma chère, это вы, романтическія сердца, ревнуете. Чтò ему ревновать? Сважи, изъ чего я могу подать ему поводъ? Чтò жь, я стану дурачиться съ кѣмъ нибудь, на сплетни набиваться? Пустяки какія! Изъ чего? Есть у меня мужъ, есть состояніе—чтò же мнѣ еще?

— Нѣтъ, но такъ... ипе illusion...

Зинаида Сергѣевна махнула своей маленькой, полной и прелестной ручкой почти надъ лицомъ сестры, размѣялась и встала.

— Сумасшедшая! сказала она: — все такая же, какъ была...
Надо мнѣ одѣться; скоро двѣнадцать, кажется.

— Я позову; что прикажешь?

— Приказывать ничего не надо; моя Палагея знаетъ. Только отыщи ее. Она вѣдь здѣшняя, доскутовская; вѣрно, обрадовалась, чай расшниваетъ съ тѣтушками, да съ дядюшками. Позови, пожалуйста.

Надежда Сергѣевна пошла отыскивать горничную.

— Дина, та сѣге, кстатя, envouez-moi mon mari! закричала ей вслѣдъ Зинаида Сергѣевна.

Мужья были оба въ гостиной. Черемышевъ все еще сидѣлъ на диванѣ; сидѣть было не очень покойно, но онъ приловчился къ мѣсту и потому не оставилъ его, сирѣпя сердце. Онъ докуривъ свою сигару, постукивалъ пальцами въ столъ, повачивалъ ногою молча. Лицо его не выражало ни нетерпѣнія, ни недовольства человѣка, желающаго чѣмъ нибудь заняться; напротивъ, на немъ было начертано спокойствіе совершенное, довольство полнѣйшее: онъ жилъ, слѣдовательно, дѣлалъ дѣло. Боровицкій былъ обезпокоенъ не столько желаніемъ, сколько чувствомъ обязанности занимать гостя и истощалъ на это усилія, которыхъ гость даже не замѣчалъ. Дѣти были въ цвѣтничѣ. М-ле Луаро спросила шляпки своихъ воспитанницъ и свой зонтикъ. Боровицкій находилъ, что надо быть и съ ними, и время отъ времени заглядывалъ на балконъ. М-ле Луаро стояла предъ клумбой цвѣтовъ, ея воспитанницы подлѣ нея, также неподвижно. Маша бродила кругомъ и говорила одна изъ всего общества.

— Смотрите, сколько тутъ щавелю, между дерномъ, звонко закричала она, принеся нѣсколько листовъ кузинкамъ.

— Ne touchez pas à ces vilainies, замѣтила своимъ m-ле Луаро.

— Marie, fi, quelle horreur! строго сказалъ Боровицкій.

— Папа, да ты вчера самъ же говорилъ, что здорово...

Боровицкій ушелъ въ комнату.

— Вы, вѣроятно, поутру привыкли къ газетамъ, сказалъ онъ Черемышеву: — что дѣлать! Почта у насъ здѣсь приходитъ только разъ въ недѣлю...

— Я не получаю. Въ клубѣ получаютъ «Пчелу», отвѣчалъ Черемышевъ, продолжая постукивать пальцами.

Это небольшое, ровное движение, при остальной неподвижности, дѣлало гостя какъ-то еще величавѣе.

— И нынѣшнія газеты! продолжалъ Боровицкій:— даже досадно, ничего толкомъ нѣтъ. Вотъ хоть бы послѣднія происшествія въ національномъ собраніи, Ледрю-Ролленъ...

— Да, въ окошко-то они погѣзли! сказалъ Черемышевъ и расхохотался до свиста.

— Вмѣстѣ и трагедія и комедія, продолжалъ Боровицкій, улыбувшись для компаніи: — и потомъ, эта осада Рима...

— Чтѣ у тебя, братецъ, есть сажалка? спросилъ Черемышевъ, прищурясь и вглядываясь въ балконную дверь.

— Сажалка?... нѣтъ... отвѣчалъ Боровицкій, хотя нѣсколько осторожнѣе отъ неожиданности вопроса, но почему-то сознаваясь, что разговоръ, который онъ старался завести, былъ не кстатѣ, а этотъ въ самомъ дѣлѣ лучше.

— Для чего же нѣтъ сажалки? Ты бы выкопалъ. Гдѣ же вы рыбу держите? Матушка востинца была; развѣ теперь все еушаетъ, не разбираетъ.

— Нѣтъ, она востится, отвѣчалъ Боровицкій.

— Какъ же вы безъ рыбы? Въ N., въ садкахъ зимой всегда есть; я подрядилъ для себя, чтобъ затрудненія никогда не было. Съ Столовымъ у меня непріятность вышла на прошлой масляницѣ. У меня блины были — почти официальные, потому что Василій Васильичъ общалъ; а онъ, Столовъ, вдругъ, въ тотъ же день, *folle jougée* у себя назначаетъ! Мой поваръ приходитъ въ садокъ; тамъ ужъ Столова люди перекусили и тащить хотятъ къ себѣ, лучшее-то. Двѣ стерляди было: одна въ три четверти, а другая безъ полувершка аршинъ. Этакіи! (Черемышевъ развелъ руками). Звенья янтарныя, вотъ, горы! (Онъ показалъ обѣими ладонями). Соусъ у меня подають изюсладкій, особенный; я самъ составляю... А эти перекували и тащутъ! И рыбаки-мошенники, продали... съ этими послѣ, это ужъ полицеймейстера было дѣло... Мой дуракъ прибѣжалъ домой, доложили мнѣ. Я къ Столову вѣсно, онъ не отвѣчаетъ, я— другое... да такъ изъ кухни у него взялъ своихъ стерлядей. За столомъ это еще предметомъ разговора послужило. Я говорю Василью Васильичу, что мнѣ динь съ боя взятѣе; сбѣлалъ...

Онъ засмѣлся. Боровицкій былъ очень доволенъ, что гостю весело; ему даже начало казаться, что эти подробности его самого занимаютъ.

— Съ боя взятое! повторилъ онъ.

— Съ боя, съ боя! подтвердилъ Черемышевъ.

— Это кто же, Столовъ? спросилъ Боровицкій.

— Бывшій откупщикъ, братецъ; развѣ ты не знаешь? отвѣчала Черемышевъ съ какою-то негодованіемъ.—Онъ кончилъ откупъ въ милліонѣ, Столовъ. Имѣніе купилъ въ нашей губерніи, заломилъ громаднѣйшее. Милліонеръ, однако, стѣснулся: на другой день ко мнѣ пивничать пріѣзжалъ. Знаешь, что я, губернский предводитель, могу его очень и очень противъ шерсти поглядить, коли захочу только. Очень перетрухнулъ. И къ женѣ съ любезностями—букетъ цвѣтовъ ей необыкновенныхъ изъ Москвы выписалъ; въ четырнадцать часовъ его въ пуховыхъ подушкахъ примчали, къ балу, прямо. У Василія Васильича былъ балъ на прощальное воскресенье...

. — Въ N. весело живутъ, замѣтилъ Боровицкій.

— Да, дома четыре-пять есть, кому можно развернуться. Остальные такъ, мелкотравчатые, служащіе. Ты самъ служилъ, знаешь, каковы служащіе.

— Да, но я вѣдь служилъ неженатый. Неженатому всегда есть возможность пожить.

— Какъ пожить... замѣтилъ равнодушно и вмѣстѣ значительно Черемышевъ.—А что, тѣща твоя и супруга, всегда такъ позволяютъ, до двѣнадцати? или это только важности ради, при гостяхъ?

— Не знаю, сказалъ съ досадою Боровицкій, вставъ и направляясь къ двери, тоже не зная, зачѣмъ.

Ему встрѣтилась его жена; Черемышевъ нежно приподнялся.

— Bonjour, сказала Надежда Сергѣевна, подавая ему руку:—надѣюсь, вы несовсѣмъ безпокойно почивали?

— Такъ давно всталъ-съ, что ужъ и забылъ, отвѣчалъ онъ, не то желая уснуть, не то желая полюбовничать.

— А Зина зоветъ васъ.

— Иду-съ.

Отъ пошегъ. Надежда Сергѣевна засуетилась, осматривая гостиную и самую себя въ зеркало.

— Матушка встаетъ или нѣтъ? спросилъ Боровицкій, которому зачѣмъ-то, казалось, нужна Аграфена Метревна, хотя онъ самъ не могъ сказать, зачѣмъ.

— Не знаю. Гдѣ дѣти?

— Въ саду, съ гувернанткой.

— Тагъ m-me Луаро одна?

— Съ кѣмъ же ей быть? Мнѣ нельзя же было оставить Петра Ивановича.

— Никто и не просить тебя ее занимать... Что же обѣдъ?

Ее прервало на полусловѣ помяненіе матери. Аграфена Петровна была старушка бодрая, хотя уже нѣсколько согнутая, носила темный парикъ, низко надвнутый надъ бровями, что усиливало суровость ея взгляда, часто морщилась, хотя бы могла этого и не дѣлать, потому что ея крупныя черты и безъ того были довольно сморщены. Ея чемадъ былъ старушечій, съ широкой оборочкой, но съ большой претензіей на моду; правда, зеленые банты, нѣсколько завялые, опустылись и хлопали ушами, что ленты были дороги, французскія. Мантилья почтенной дамы была подъ горлою заколота брошкой въ видѣ подковы.

— Bonjour, maman, сказала Надежда Сергѣевна, цалуя ея руку. Боровицкій поклонился, молча.

— Ты о столѣ спрашиваешь? сказала Аграфена Петровна дочери, между тѣмъ, какъ рѣчь назначалась для зятя:—вчера вѣдъ никто объ этомъ не подумалъ. Теперь, по пословицѣ: «на охоту ѣхать—собагъ кормить.» Не безпокойтесь, сдѣлайте одолженіе: въ Панево чѣмъ свѣтъ поѣхали.

— Кого же вы послали? спросилъ Боровицкій.

Аграфена Петровна посмотрѣла на него.

— Кого послала?.. Да кто же у меня прислуги? Дѣвку свою гоняла на деревню, она велѣла мужику. Вы у меня отчета спрашиваете, кого я послала? вотъ кого—мужика. Мужикъ и поѣхалъ. Вѣдъ если на васъ надѣяться—голодомъ насидишься...

— C'est mesdames votre grand'mère, послушался голосъ m-me Луаро на балконѣ.

Она вошла съ своими воспитанницами; онѣ сдѣлали реверансъ и цаловали ручку бабушки. Мать подошла тоже и успѣла поцаловать эту ручку шалету: бабушка была взята гостями.

— Камія милнннннннн! Кушала вы, милнннннннн?

— Merci, madame, отвѣчала за нихъ гувернантка.

— Ахъ, какія милнннннннн! повторяла бабушка:—что же, милнннннннн, вамъ не скушно?

Вошла Черемшинева и Зинаида Сергѣевна. Опнова началось цалованья ручки и вопросы о здоровьѣ. Зинаида Сергѣевна держала въ рукахъ какой-то ящикъ; ея горничная принесла и положила на столъ довольно большой свертокъ. Присутствующіе,

должно быть, догадались въ чемъ дѣло, потому что Боровицкій отвернулся, Надежда Сергѣевна потупила глаза, Аграфена Петровна старалась удержать свои взгляды, увлекавшіеся то на свертокъ, то на ящичекъ.

— Ты похорошѣла, очень похорошѣла, Зина, говорила она, цалуя дочь: — и вы, Петръ Ивановичъ, знаете, какъ вы поправились, послѣ того, какъ я васъ въ послѣдній разъ видѣла.

Петръ Ивановичъ еще переводилъ духъ, наклонившись цаловать ея ручку, и потому Аграфена Петровна приподналась-было на цыпочки, желая еще разъ поцаловать его въ лобъ, но удержалась, чтобъ его больше не тревожить.

— Мы васъ обезпокоили, маменька, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Чѣмъ же, мой другъ, помилуй, чѣмъ же? Я съ вами душой отдохнула. Вчера не могла долго заснуть, все думаю: какъ это они со мной подъ одной кровлей? и сегодня — первая мысль... Оттого поздно и проснулась.

— Отъ дѣтей, позвольте, вамъ, маменька, проговорилъ наконецъ Черемышевъ.

— Отъ дѣтей, повторила Зинаида Сергѣевна, отрывая ящичекъ:—это—отъ Софи.

— Софи! сказалъ Черемышевъ.

Зинаида Сергѣевна вложила въ руки своей старшей дочери статуэтку изъ вызолоченной и вычерненной бронзы, представлявшую рыцаря; подножіе было малахитовое.

— Это—звонокъ, людей звонить, объяснилъ Черемышевъ, и въ доказательство тронулъ пружинку: кулакъ рыцаря ударился въ щитъ и звонъ пошелъ на всю комнату.

— Ахъ, какая прелесть! воскликнула Аграфена Петровна.

Черемышевъ повторилъ онытъ.

— Вамъ встать, сказалъ онъ:—у васъ звонка нѣтъ.

— Ахъ, какая прелесть! повторила Аграфена Петровна и еще позвонила сама; ей понравилось.

— А вотъ это отъ Жюли, сказала Зинаида Сергѣевна, развернувъ между тѣмъ свертокъ и поддерживая вѣстѣ съ меньшей дочерью маленький вышитый коврикъ. — *Dites, Julie: «pour votre table à écrire, grand'maman...»*

— *Pour votre table à écrire, grand'maman,* повторила поверно дѣвочка.

Бабушка припала къ ней и заключила вмѣстѣ съ коврикомъ въ объятія, не выпуская, между тѣмъ, изъ одной руки рыцаря.

— Вы меня такъ утѣшили, такъ утѣшили... что, вотъ, ихъ привезли! сказала она.

— Дина, chère amie... Грягорій Николаичъ... говорила Зинанда Сергѣевна, доставая изъ свертка батистовый платокъ съ кружевами и караловый набалдашникъ для палки.

Надежда Сергѣевна припала къ ней на плечо.

— Ты такъ добра... прошептала она, разстроганная.

Боровицкій былъ и затрудненъ и доволенъ, ему было чего-то совѣстно; онъ пожалъ ручку невѣстки съ какимъ-то чувствомъ раскаянія предъ этими добрыми людьми, которыхъ присутствіе было ему, за минуту, въ тягость, между тѣмъ, какъ они заранѣе думали доставить удовольствіе всему семейству. Боровицкій протянулъ руку и Черемышеву.

— Не за что, братецъ, не за что, возразилъ тотъ:—это жена хлопотала.

Боровицкому понравилось, что отклонили благодарность, это показалось ему деликатно.

— Du vrai point de Bruxelles, madame, для бала! сказала съ восхищеніемъ m-lle Луаро Надеждѣ Сергѣевнѣ, стоявшей въ раздумьѣ съ своимъ воздушнымъ платкомъ.

— Вотъ, для Мари, заключила Зинанда Сергѣевна, доставая изъ свертка послѣднее—маленькій розовый зонтикъ съ бахромой и лентами:—у моихъ точно такіе.

— Ахъ, c'est mignon! сказала гувернантка.

Маша взяла подарокъ, покраснѣла отъ радости, сконфузилась, и раскрывъ свои большіе глазки, могла только выговорить:

— Ахъ, тѣтя!

— Eh bien, cela vous plaît? Хорошо это? спросила Зинанда Сергѣевна.

— Очень хорошо! отвѣчала дѣвочка, стараясь распушить зонтикъ.

— Mais remerciez, au moins... сказала ей мать.

— Спасибо, тѣтя Зина! вскричала Маша, обнявъ и по своему обыкновенію, душа тѣтку.—Папа, гляди, голубчикъ, вотъ въ лѣсъ съ тобой пойдемъ, я ужь отъ тебя не пропаду, ты надали увидишь красенькое; пойдемъ сегодня?

— Ah, quelle petite campagnarde! замѣтила Зинанда Сергѣевна:—она у тебя совсѣмъ на свободѣ, Дина?

— Что ж дѣлать ребѣнку въ деревнѣ, какъ не расти на свободѣ? возразилъ Боровицкій, шутливо, чтобы загладить неловкость своей дѣвочки.

Маша обрадовалась, что за нее заступились, и прижалась къ колѣнамъ отца.

— Approchez votre grand'maman, къ бабушкѣ, сказала м-ле Луаро тихо своимъ.

Софи и Жюли подошли, и тихо стали по обѣимъ сторонамъ кресла бабушки, которая рассказывала Черемышеву:

— Судьба моя, или предопредѣленіе, такъ я думаю: у всѣхъ нынѣшній годъ озимой хлѣбъ отличный...

— Отличный, произнесъ Черемышевъ, сидя на диванѣ и воступивъ по столу.

— А у меня — ничего! Вы ѣдали, могли видѣть. Нерадѣніе! кое-какъ вспахано, кое-какъ засѣяно...

— Прикащика за бока, сказалъ спокойно Черемышевъ. — Нерадѣніе тоже и ваше. Прикащикъ смотри какъ вспахано, какъ засѣяно, а вы смотрите за прикащикомъ.

— Родной мой, кому у меня смотрѣть? еслибъ я могла... Ахъ, миленькія!

Она положила по рукѣ на плечико каждой дѣвочки.

— Еслибъ я могла сама смотрѣть... Вотъ, Петръ Ивановичъ, что у меня недавно случилось. Я могу вамъ, какъ другу, откровенно рассказать...

Зинаида Сергѣевна усаживалась тоже на маленькомъ диванчикѣ.

— Мамаше... заѣтила ей м-ле Луаро.

Она отцѣпила длинный листокъ травы, прильнувшій къ кружевному воротничку Зинаиды Сергѣевны; это осталось отъ объятій Машин. Гувернантка прослѣдила взоромъ отъ воротничка до ручекъ Машин, и до зонтика, который она мала, неловко держа поперекъ. Взоръ м-ле Луаро выразилъ сожалѣніе. Боровицкаго это покорбило; смутясь, онъ ласкалъ и разбиралъ волосы Машин.

— А она рыжевата, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Да, какъ Форнарина, отвѣчалъ, улыбувшись, Боровицкій.

— Какъ кто? переспросила Зинаида Сергѣевна.

— Ты шутишь, напа, сказала весело Маша: — будто ужъ и Форнарина!

— Надо понимать, что говоришь, а не повторять какъ испугай, сказала ей Надежда Сергѣевна.

— Я понимаю, мама, отвѣчала дѣвочка: — Фернарина была красавица; Рафаэль, живописецъ, говорилъ, что она — его глазки; онъ ее любилъ...

— Quelles bêtises elle dit! сказала Зинаида Сергѣевна, улыбувшись кончиками губъ: — кто это ей рассказываетъ?

— Все я, отвѣчалъ Боровицкій, и смущенный, и довольный, и съ досадою: — она у меня все читаетъ.

— Все? право? Можно бы и поменьше. А ты, Дина, позволяешь?

Надежда Сергѣевна грустно опустила глаза; она покорялась своей участи, она просила прощенія у сестры, она замѣтно страдала...

— Дина, ты что нибудь работаешь?

— Коверъ. Ты видѣла пальцы въ залѣ.

— Неужели такой большой? Я тоже шила мужу подушку; шерсть ео стеклярусомъ.

— Машенька тоже шьетъ, экранъ.

— Замѣтите, что у насъ нѣтъ камня, сказалъ Боровицкій.

— А какъ нынче шерсть вздорожала! сказала Аграфена Петровна: — я хотѣла тебѣ, Зина, въ Мясву написать, чтобы ты мнѣ прислала; не дешевле ли тамъ...

— Нѣтъ-съ, въ Москвѣ еще дороже, отвѣчалъ за жену Черемшевъ.

— Право? А здѣсь, мнѣ изъ Н. прислаютъ. Здѣсь и тѣней не подберешь. Я, вотъ, покажу тебѣ, что шью.

Аграфена Петровна пошла къ яльцамъ, стоявшимъ въ углу, и открыла ихъ. Ея шитье изображало деревенскій праздникъ, со множествомъ фигуръ; кобошники на дѣвцахъ были изъ серебрянаго и золотого бисера.

— Ахъ, какъ хорошо! воскликнула Зинаида Сергѣевна: — посмотри, Пьеръ! И лица, аха, какія лица! выраженіе какое! взгляни! Черемшевъ поднялся.

— Я незнатокъ-съ, а очень хорошо, сказалъ онъ.

— Такъ прошу отъ меня принять на память, сказала нѣсколько торжественно Аграфена Петровна: — какъ кончу, такъ вамъ перешлю. И не смѣйте женѣ дарить, это — вамъ.

— Вы его балуете, маменька, сказала Зинаида Сергѣевна, между тѣмъ, какъ Черемшевъ спокойно и съ достоинствомъ поцаловалъ ручку тѣщи.

— Вотъ, хорошо, этакъ, имѣть маменьку, сказалъ онъ Боро-

вицкому: — сейчас и подарочекъ. Тебѣ выгодно, должно быть, братецъ; подъ бокомъ живешь, часто получаешь.

— Я до шитья неохотникъ, отвѣчалъ Боровицкій.

— То-есть, «зелень виноградъ»? То-то, и въ самомъ дѣлѣ, у тебя въ кабинетѣ ничего нѣтъ. Ну, дочь посади, чтобъ вышла. Миѣ мои въ день рожденія слабо подъ ноги поднесли.

— Какъ, миленькія, вы умѣете? спросила Аграфена Петровна.

— То-есть, я подозреваю тутъ больше Зинаиду Сергѣевну, продолжалъ Черемышевъ:— да m-lle Луаро. Сюрпризъ миѣ сдѣлали, какъ же.

— Et para a donné pour cela... Dites ce que para a donné, сказала m-lle Луаро.

— Папа по золотому подарилъ, отвѣчала Софи.

— О, миленькія! сказала бабушка.

Маша, этимъ временемъ, положивъ свой зонтикъ, подошла по-смотреть на рыцаря бабушки и позвонила. Общество встрепенулось отъ неожиданнаго звука.

— Не шали! вскричала бабушка, оборачиваясь.

— Ай, ай, ай, какая непослушная! сказалъ Черемышевъ.

— Потому, надо все это убрать, нетерпѣливо сказала Аграфена Петровна.

Надежда Сергѣевна стремительно подхватила подарки и ушла съ ними.

— Мама, ты не прячь мой зонтикъ! шептала Маша, догоняя ее, но напрасно.

Черемышевъ смѣлся имъ вслѣдъ.

— Allez promenez, сказалъ онъ своимъ дѣтямъ.

В. Крестовскій.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья.

ДВА УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛА.

—

I.

У СПАСА НА СѢННОЙ.

Была пятница — день постный.

На СѢнной площади торговля кончилась, ибо со спасовской колокольни давно уже пробило шесть — урочный часъ для прекращенія зимней торговой дѣятельности на СѢнной.

Съ лѣвой стороны этой площади (если направиться отъ Невскаго къ Покрову) дремали какими-то безобразными глыбами навѣсы мясныхъ, зеленныхъ и посудныхъ рядовъ, укутанные на ночь грязными рогожными полостями; съ правой тянулась неопредѣленная, сливавшаяся въ одну гряду, масса розвальней съ рыбой и сѣномъ, надъ которою, подобно частоколу, торчали подняты вверхъ оглобли. Самая площадь, то-есть центръ торговли, давно уже спала, а вдоль Садовой улицы, разсѣвающей СѢнную на двѣ равныя половины, подобно быстрому потоку рѣки, пронизывающей своимъ теченіемъ воды большого и тихаго озера, кипѣла неутомимая дѣятельность: укутанные кое-какъ и кое во что гнѣсходы шлепали взадъ и впередъ по лужамъ; извозничьи сани глубоко ухали въ ухабы, наполненные грязной и жидкой кашицей песку и снѣгу; громыхали проносащіяся вареты, которыя направлялись къ Большому театру. По брамъ площади, въ громадныхъ, многоэтажныхъ и не менѣе улицы грязныхъ домахъ мигали огоньки въ окнахъ и фонари надъ входными дверями, означая собою цѣлый рядъ харчевень, трактировъ, съѣст-

ныхъ, перекусочныхъ подваловъ, винныхъ погребовъ, кабаковъ съ портерными и тѣхъ особенныхъ приютовъ, гдѣ лѣпится, прячется, болѣетъ и умираетъ всѣми отверженный развратъ, изъ котораго почти нѣтъ возврата въ болѣе чистую сферу и гдѣ знаютъ только два исхода: тюрьму да кладбище. По этимъ окраинамъ Сѣнной площади тоже кипитъ своего рода жизнь и дѣятельность. Вонъ хрипящія звуки трехъ шарманокъ: одна изъ нихъ вѣетъ съ аккомпаниментомъ слѣдча «Лирейста безъоначную «Лучинушку»; другая спитъ подъ бубень и разбитыя выкрикиванья шарманщика развеселую пѣсню «Вдоль вагъ по рѣчкѣ еще ль по Казанкѣ» — пѣсню, которая особенно нравится гуляющему люду Сѣнной; третья — итальянской конструкции съ флейтой — вибрируетъ «Casta diva»; и всѣ эти разнородные, разнокалиберные звуки стоятъ въ мглисто-неподвижномъ воздухѣ гнилаго вечера и своимъ дикимъ диссоансомъ — какою-то кричащею тоскою врываются въ душу: въ этихъ диссонансахъ, среди этого мрака, вамъ невольно слышится убійственный голодь и холодъ — это какіе-то вопли отчаянія, а не музыкальные звуки... Но не однѣ шарманки оглашаютъ собою окраины Сѣнной: изъ низенькихъ подваловъ темнаго Тауровскаго переулка, вагъ изъ глухой пропасти, порою вторятъ имъ то скрипка съ клавирами, отжившими мафусайловъ вѣкъ, то подобный скрипу несмазанной двери голосъ беззубой женщины:

Моя рушая коша-да
Вшиму городу краша!

на мгновеніе донесется вдругъ оттуда съ попутнымъ порывомъ вѣтра и тотчасъ же затеряется въ закоулкахъ торговыхъ навѣсовъ да въ высокихъ выступахъ и углахъ каменныхъ громадъ — затеряется и смолкнетъ, заглушенное громыханьемъ каретъ, ухабнымъ ухапьемъ ванекъ и другими, не менѣе выразительными, звуками. Вонъ на другомъ концѣ площади, около знаменитаго Малинника (*), раздается крупный говоръ и руготня, которые съ каждой минутой становятся все громче и крупнѣе, собираютъ кучку праздныхъ, прохожихъ зрителей; кучка растетъ, прибываетъ и превращается наконецъ въ дѣлую толпу, изъ середины которой разлетается во всѣ концы обширной площади тараторливая женская перебранка, издали очень похожая на краханье

(*) О томъ, что такое Малинникъ, читатель узнаетъ впоследствии.

всколоченныхъ утокъ. Что это за крики и что за толпа? на что она смотритъ и перою раздражается такимъ поспешительнымъ рыготаньемъ? — Пьяная драка... влчья... кровь... Вонъ раздается кризливый свистокъ волицейскаго жомалаго, которымъ онъ зоветъ на помощь подчаска, а въ эту самую минуту съ противоположной стороны, у Полторацкаго переулка, новые крики... «Караулъ! караулъ!» слышится оттуда и, судя по короткому, обрывавшемуся выкрику, можно съ достовѣрностью предположить, что человѣка взяли за горло и душатъ...

Вы смущены этимъ крикомъ? Онъ, конечно, зловѣще подѣйствовало на ваше ухо и болѣзненно на ваше сердце? Но вотъ прошла минута — и его не слышать, онъ донесся до васъ только урывкомъ, на одно мгновенье, послѣ котораго успѣлъ уже, подобно всѣмъ этимъ разнороднымъ звукамъ, затеряться и утонуть въ обихномъ гулѣ городской жизни...

И вотъ надо всѣмъ этими звуками, надо всей этой невеселой картиной мрачной, слѣпотной пропади — низко виситъ непроглядно-черное смреое небо и сыплетъ легкій снѣжокъ, который, не успѣвъ еще долегъ до земли, превращается въ мелкій, моросащій дождикъ.

Быль восьмой часъ въ исходѣ.

На гауптвахтѣ шагала по платформѣ часовой съ ружьемъ, утанниый въ свою сѣрмагу, а противъ него, съ другой стороны улицы, моли и дрѣзали разнородныя группы нищихъ, на паперти Сѣннаго Спаса. Въ церкви кончалась служба. Нищихъ на этотъ разъ собралось нарядное количество: завтра родительская суббота — значить, сегодня за всемошней изобиліе купчихъ и прочихъ моделецкинокъ, щедрныхъ на подаваніе, по случаю предстоящаго помина родителей и сродниковъ.

Вотъ группа простоволосыхъ, босоногихъ дѣвчонокъ и мальчишекъ, отъ пяти до двѣнадцати лѣтъ, въ локмотяхъ, со опущенными рукавами, въ которыхъ они отогрѣваютъ свои залоченныя отъ холоду руки, т-е-есть одну какую-нибудь руку, потому что пока лѣвая грѣется, правая остается протанутой къ вамъ за подаваньемъ. Телуть у нихъ отъ холоду не то слезы изъ глазъ, не то изъ носу постороннія капли; и стоять эти дѣти на холодномъ каменномъ помостѣ не поладови, а больше все на одной ногѣ толвутся, ибо

пока одна ступня совершаетъ свое естественное назначеніе— другая, конвульсивно сѣжась и скорчась, старается отогрѣться въ висящихъ лохмотьяхъ. Чуть выходитъ изъ церкви богомолецъ—эта орава маленькихъ нищихъ наливается на него, разомъ, всей гурьбою, не взирая на весьма чувствительные тычки и пинки нищихъ взрослыхъ, обступаетъ его съ боковъ, и спереди, и сзади, иногда теребитъ за платье и протягиваетъ вверхъ посылѣми ручки, прося «христа-ради копеечку» своимъ надѣждиво-пискливымъ речитативомъ. Она мѣшаетъ ему идти, провожаетъ со ступеней паперти и часто шаговъ на двадцать отъ мѣста стоянки преслѣдуетъ по мостовой свою жертву, въ тщетномъ ожиданіи христорадной копеечки. Копеечка, по обыкновенію, выпадаетъ имъ очень рѣдко, и вся орава въ перегонку бросается снова на паперть, стараясь занять болѣе выгодныя мѣста въ ожиданіи новыхъ богомольцевъ. Это—самый жалкій изъ всѣхъ родовъ нищенствующей братіи. Не одинъ изъ этихъ субъектовъ успѣлъ уже добывать въ исправительномъ доиѣ, откуда выпущенъ на поруки людей, съ которыми сходится въ стачку по этому новоду нищіе взрослые, всегда почти эксплуатирующіе нищихъ-малолѣтнихъ. Всѣ эти мальчишки и дѣвчонки, еще съ пелѣнъ обреченные на подобную жизнь, являются будущими жертвами порога и преступленія; это—либо будущіе кандидаты въ тюрьму и на каторгу, либо добыча разврата, который застигаетъ ихъ очень рано, если еще раньше разврата не застигнетъ ихъ смерть. Часто случается, что нищая дѣвочка, едва дойдя до двѣнадцати-тринадцати-лѣтняго возраста, а иногда еще и раньше, начинаетъ уже въ мрачныхъ трущобахъ Сѣвной площади, за самую ничтожную цѣну, отдаваться разврату.

Нищіе взрослые держатъ себя нѣсколько солиднѣе малолѣтковъ. Если проходитъ богомолецъ неподвижій, взрослые встрѣчаютъ его только протянутой рукою и просительнымъ склоненіемъ головы. Но чуть изъявить онъ малѣйшее желаніе совершить обрядъ христіанскаго милосердія, взрослые точно такъ же обступаютъ со всѣхъ сторонъ добродѣтельнаго дателя и нѣсколько десятковъ смерщеныхъ, грязныхъ рукъ, съ громами христорадичаньемъ, жадно протягиваются къ нему во всѣ промежутки и скважины сплоченной толпы, гдѣ только можетъ протискаться промышленная паперня палыдевъ. Часто случается, что добродѣтельный датель, послѣ такого маневра со стороны нищей братіи, по приходѣ домой, не донскавается платка, кошелька или часовъ съ цѣпочкой.

Эти обступанія дѣлимъ кагаломъ производятся преимущественно за вечерними и всенощными службами, гдѣ рано наступившій мракъ зимняго вечера, по возможности, скрываетъ такія эволюціи нищей братіи отъ зоркаго ока полицейскихъ хожалыхъ, имѣющихъ иногда обыкновеніе забирать ее въ арестантскія сибирки. Истинная бѣдность и нищета рѣдко показывается въ средѣ патентованныхъ надворныхъ и «притворныхъ» (то-есть стоящихъ въ церковныхъ притворахъ) попрошасекъ. Истинная бѣдность и нищета прежде всего совѣтлива, застѣнчива и робка; она держится одиноко, отдѣльно, и если рѣшается обратиться съ просьбою къ прохожимъ, то просьба эта звучитъ прямымъ физиологическимъ голодомъ и дѣйствительной нуждою.

Первый планъ между взрослыми попрошайками занимаютъ бабы. Тѣ же платья, какъ и у малолѣтнихъ, тѣ же, кое-какъ спитые доскуты и расползающіеся швы лохмотьевъ, тотъ же официально-нищенскій, какъ пѣсня выработанный и заученный речитативъ, и на рукахъ — завернутые въ тряпки младенцы, часто, за немѣннимъ собственнымъ, взятые напрокатъ. Вотъ стоятъ двѣ безобразныя, безносыя старухи, которыхъ, во время дню, не пощадилъ отвратительная болѣзнь, но пощадилъ смерть, дозволивъ имъ перейти лѣтами за ту грань, гдѣ на Сѣнной, по большей части, оканчивается промыселъ разврата и начинается промыселъ нищенства. Онѣ не успѣли добыть себѣ младенцевъ напрокатъ, а потому, вмѣсто нихъ, завернули въ тряпье по полѣну, и баюкаютъ его, какъ ребѣнка. Въ потьмахъ не видно, да и кто станетъ заглядывать, чтó тамъ такое лежитъ у старухи?

Второй планъ, ближе къ притвору, заняло все то, чтó посильнѣе физически. Тутъ гбръбятся и хрмѣются попрошайки мужскаго пола съ ходобичьями на построеніе. Третій планъ, въ самомъ притворѣ, завоевала себѣ аристократія нищенства, всегда отличающаяся какими-нибудь особенностями и по преимуществу уродствомъ. Вотъ, въ самомъ мрачномъ, темномъ углу дрожить и жметса высокая, худощавая старуха, съ вытанутымъ длиннымъ носомъ и впалыми глазами, которые зорко высматриваютъ добычу; влобъ черныхъ съ сѣдиню волосъ выбился ей на лобъ изъ-подъ мокраго платка и придаетъ еще болѣе дикій видъ этой, и безъ того уже дикой физиономіи. Она тоже что-то кутаетъ въ лохмотья, но это не ребѣнокъ и не полѣно—это безобразная старуха-карлица-идiotка, которую она, какъ младенца, держитъ у себя на рукахъ для привлеченія людскаго состраданія. Идиотка очень мала и страшно-

худощава; съдны космы волосъ ея смутались въ безпорядкѣ и мѣшаютъ смотрѣть тупымъ бѣльмамъ—на выкатѣ. Трусливо-порывистыя ужимки и движенія сопровождаютъ каждый взглядъ идиотки, которая, чуть выдастся ей спокойная минута—быстро схватываетъ въ ротъ бахромку платка своей няньки, либо втащить туда же концы своихъ собственныхъ волосъ, либо, наконецъ, съ аппетитомъ принимается жевать комочъ штукатурки, сколупнутой ею отъ мокрой отсырѣлой стѣны. Нищая старуха, со своей странною пошею, боится быть все время на виду; она прячется и жмется въ темномъ углу отъ людскихъ, а наипаче отъ полицейскихъ взоровъ; но это прятанье заставляетъ ее еще зорче высматривать добычу. Чуть появится въ дверяхъ добротный датель, нищая съ идиоткой бросается, съ быстротой и ловкостью дикой кошки, въ толпу собратовъ и, продираясь впередъ, подставляетъ свою изможденную, высохшую руку. Едва эта морщинистая рука ощутитъ на закарюзлой корѣ своей ладоню поданную копейку, какъ уже старуха съ тою же быстротой удаляется въ темноту своего обычнаго мѣста, изъ котораго она, словно паукъ изъ гнѣзда, жадно бежится на добычу.

Вотъ у внутреннихъ церковныхъ дверей расположился не человекъ, а какое-то подобіе человекъ, скорѣе наметъ на человѣческій организмъ, безотрадно представляющійся взорамъ въ видѣ кривого, горбатаго и безногаго существа, которое держится на деревянныхъ колодкахъ, прирѣзанныхъ къ бывшимъ ладьямъ, а нынѣ обрубамъ человѣческаго тѣла, обрубамъ выше колѣнъ, и движется съ помощью рукъ, замѣняющихъ ему ноги. Вся фигура его необмысленно живо напоминаетъ жа или дикобраза, а въ маленькихъ глубоко-ушедшихъ глазахъ, которыми существо это поводитъ изъ стороны въ сторону, свѣтится что-то мышиное.—«Господи, Иисусе Христе, владычица Тифинская!» безсознательно произносить оно съ какимъ-то высвистомъ своимъ фальцетнымъ голоскомъ, и правая рука его при этомъ необмысленно быстро болтается, какъ-бы торопясь надѣлать возможно большее количество крестныхъ знаменій.—«Касьяничку-старчику Христа-а-ради!» вышвааетъ онъ дрожащимъ козелкомъ, силясь повыше вытянуть за чюдаляннемъ свою руку—и подаянье, по большей части, благодаря выгодѣ перваго мѣста, попадаетъ прежде другихъ на ладонь Касьяничка-старичка. Касьяничку-старичку никогда не удалось бы занять лучшаго нищенскаго мѣста, еслибы у него не было сильной и близкой поддержки. Поддержка эта являлась въ образѣ сосѣда и

сетоварища его, известнаго подъ именемъ Омушки-блаженнаго. Радій, коренастый мужичина, лѣтъ тридцати-пяти, росту выше чѣмъ средняго, плечистый и плотный — онъ представлялъ дѣйствительно весьма внушительный и надежный олицетвореніе для такого жалкаго существа, какъ Касьяничекъ-старчикъ. Омушка никогда не мылся и никогда не стригся. Порыжѣлая бархатная скуфейка, на манеръ монашеской, частію прикрывала слутанниа, длинныя космы его рыжихъ и жесткихъ волосъ. Одутловато-мясистыя жирныя щеки и клюквенно-пуклый носъ служили верными характеристическими признаками его лупоглазой, отчасти свиной фізіономіи; фізіономія эта украшалась ржею щетинной вмѣсто усомъ и клоками неопрятной бородицы, которая отдѣльными щепотами произрастала у него въ различныхъ направленіяхъ. Стальной обручъ, замѣняя собою косякъ блаженнаго, охватывалъ въ талии его черную хламиду, которая также старалась неходить на монашескую рясу. Поги хламиды, вся оборванными ключьями, были насыжены пропитаны обильнымъ слоемъ уличной грязи, которая, не будучи никогда очищаема, закружала тутъ въ видѣ дѣлныхъ пластовъ, комковъ и наростовъ. Отъ этого костюма и отъ самаго Омушки разлило на три шага невыносимымъ смрадомъ. Но въ этомъ смрадѣ и въ этой грязи своей, Омушка находилъ особенную усладу, а почитатели его относили все это къ подвижничеству. Омушка бойко и независимо стоялъ себѣ на своемъ мѣстѣ, ежеминутно почесываясь и тяжело сопя носомъ на весь притворъ церковный. Вся остальная братія чувствовала достопажитное почтеніе къ его внушительному кулачищу, съ которымъ, въ самомъ дѣлѣ, нехорошо бы было повстрѣчаться въ пустомъ, уединенномъ мѣстѣ.

Совершенный контрастъ съ Омушкой-блаженнымъ представляла кривошейка—vis-à-vis ежа-Касьяничка, женщина лѣтъ уже за сорокъ, съ выраженіемъ благообразно-постнаго смиренія въ желтоватомъ лицѣ. Съ головы ея спускался большой черный платокъ, а остальной костюмъ, отличаясь своей опрятностью, составлялъ нѣчто среднее между костюмомъ монашенокъ и полусвѣтскимъ платьемъ мірскихъ странницъ, возлюбившихъ хожденіе по обителямъ. Особа эта, подобно Омушкѣ-блаженному, покровительствомъ котораго пользовалась наравнѣ съ Касьяничкомъ-старчикомъ, составляла своего рода авторитетъ и была известна подъ именемъ Макриды-странницы. Она рѣзко отдѣлялась отъ остальной братіи, къ которой ее даже и нельзя было причислить.

Макрида стояла съ книжкой—и стало быть, подвизалась добродетельными сборами на постройку храма. Говорила, будто ей по этому поводу сонное видѣніе было. Эта Макрида-странница, купно съ Омушкой-блаженнымъ и Касьяничкомъ-старчикомъ, составляли одно цѣлое, какъ бы одну семью и преслѣдовали одиъ и тѣ же цѣли.

Позади всѣхъ этихъ группъ разнородной нищей братіи, жила отъ холоду еще одна новая личность, которая, крадучись конячьей походкой, прохаживалась за спинами своихъ сотоварищей, видимо стараясь быть незамѣченной ими. Но нищие вообще народъ очень зоркій: крадущуюся личность они встрѣчали и провожали градомъ крупныхъ насмѣшекъ, отъ которыхъ та отбивалась стончески-терифливымъ молчаніемъ. Эта личность являлась въ видѣ высокаго, длиннаго, сухаго старика, въ ветхомъ халатникѣ, подпоясанномъ дырчатымъ фуляромъ. Энергически сжатія губы и брови, нависшія надъ тускло-неподвижными глазами, придавали ему какое-то странное, безсердечно-черствое выраженіе, которое сосредоточенно присутствовало безъ малѣйшей перемены на его пергаментно-блѣдной, выцвѣтшей и давно небритой физиономіи.

Служба кончилась; изъ церкви повалилъ народъ.

Вышелъ благочестивый блюститель порядка, и толпа нищихъ ребятишекъ, издали еще завидя приближенія врага, на время его прохода разбѣжалась въ темные закоулки, по близости церкви; а нищие взрослые постарались притвориться не нищими, и сдѣлали видъ, будто тоже выходятъ изъ церкви. Но блюститель порядка скрылся во мракѣ — и публика наперти заняла свои прежнія роли.

Вышелъ чахоточный купецъ и сунулъ грошъ въ руку Касьяничка-старичка.

— Не плошай! ткнулъ его пальцемъ въ голову Омушка и протянулъ къ датею свою широкую лапу. Макрида потянулась туда же съ книжкой, на переплетѣ которой «для близиру» (*) лежало нѣсколько мѣдяковъ. А въ это самое время высокій сухощавый старикъ въ халатѣ, пользуясь тѣснотою образовавшейся вокругъ датея толпы, незамѣтно стаялъ грошъ съ Макридиной

(*) На воровскомъ argot «для близиру» — тоже, что для виду.

книга, и съ судорожной поспѣшностью сунувъ его въ карманъ, протянулъ изъ-подъ локтей какаго-то нищаго обѣ свои руки, въ надеждѣ, что подающій купецъ приметъ ихъ за двѣ отдѣльныя руки двухъ отдѣльныхъ личностей, и въ каждую положить по грошу. Эта продѣлка иногда удавалась художавому старику; но она-то именно и вызывала безконечныя насмѣшки и покоры попрошайекъ. Едва Оомушка-блаженный очутился за сивною купца, какъ его тяжеловѣсная лапища легонько давнула загривокъ старика.

— Ты что, лѣшій? опять двуручничать? (*) просонѣлъ онъ ему шопотомъ.

Старикъ только окрысился, зацокалъ зубами, да часто замигалъ въѣями со злости и перебрался подалеже отъ блаженного.

Вышла молодая купчиха, охотница до раздачь — и на наперти повторился тотъ же самый процессъ. Старикъ въ отдаленіи отъ Оомушки снова двуручничалъ.

Вышла купчиха пожилая, толстая, сонная, съ благочестиво-тупиимъ и забито-апатическимъ выраженіемъ въ лоснящемся отъ поту лицѣ и, какъ къ знакомой, привѣтливо обратилась къ Макридѣ:

— Здравствуй, Макридушна, здравствуй, голубушка! заговорила она на полужалобный распѣвъ. — Приходитко завтра на блин-ки... родителей помянуть... Не побрезгуй... да вотъ — и блаженного упреси съ собою.

Оомушка, при появленіи этой особы, мгновенно преобразилъ выраженіе своей физиономіи, сдѣлавъ его необыкновенно глупымъ и безсознательно улыбающимся, что означало у него вступленіе въ амплуа юродиваго.

— Раба Степанида! забормоталъ онъ, брестясь: — ангели ликуютъ, на Москвѣ колоколамъ трезвонъ... Ставь столы дубовые, леки кулебяку съ блинами: я те, раба Степанида, въ небеси предвосхйшу!

— Предвосхйщи, Оомушка, предвосхйщи, блажененькій! слезно умилялася низколобая толстуха, уловивъ только звукопроизношеніе, но не познавъ значенія послѣдней фразы юродиваго, и сунула пятакъ въ его лапу.

Ободренный Оомушка уже нараспѣвъ скороговоркой доканчи-
своей мысль:

Подставлять обѣ руки.

— Предвоскипу, мать моя, предвоскипу, идеже вси святїи упокоуются; на вѣчницахъ красныя, христосскія янца, въ янцахъ Ѳомушкѣна копеечка мотается — тукъ-тукъ-тукъ молоточкомъ!

При фразѣ насчетъ укуоемїа и молоточка, бессмысленный, овечїй страхъ отразился на физиономїи толстухи. Макрида, замѣтивъ это, толкнула въ бокъ своего прїятеля Ѳомушку, и строго повела на него бровями.

— Не печалуйся, раба, не печалуйся! снова забормоталъ блаженный:—гряди домой съ миромъ, хозяйнвъ твой пьянъ лежитъ, надо полагать, бить будетъ; а ты, раба Степанида, сто лѣтъ проживешь.

Раба Степанида успокоилась и вздохнула.

— Это точно что, это ты правильно, голубчикъ, божьё волю предсказываешь, заговорила она въ минорномъ тонѣ:—пожалуй, и въ правду бить станеть, потому, надо быть, вѣрно хмѣльной воротился да самовару не нашель... Охъ-тихъ-тихъ! жите-го наше!

— Блаженный, мать моя, въ просвѣтленїи теперь находится, въ просвѣтленїи! благочестиво пояснила ей Макрида.—А то тоже бываетъ, что на него затмѣнїе находитъ, яко мертвъ лежитъ — это значить — душа его съ богомъ бесѣдуетъ...

— Касьянчику-старчику копеечку христа-а-ради! прерываетъ ее дребезжащїй козелокъ безногаго.

Купчиха, повторивъ свое приглашенїе на блинны, одѣлаетъ пятаками Макриду съ Касьянчикомъ и продолжаетъ свое тучное шествїе далѣе, съ такимъ же надѣломъ прочей братїи. Сухощавый старикъ, озираясь на Ѳомушку, изъ-за чьей-то дальней спины, протягиваетъ свои длинныя руки.

Изъ церкви почти все уже вышли, когда на паперти появился невысокаго роста плотный стариченко, повидимому — изъ отставныхъ военныхъ, въ сѣрой шинели и въ солдатски-скроенной фуражкѣ съ кокардой. Чувство амбицїи и чувство самодовольства оживляли фигуру старичонки, необыкновенно ярко сочетаясь между собою и высказываясь въ свинныхъ глазахъ и въ закрученныхъ вверхъ, нафабренныхъ щеточкахъ-усахъ.

— Осипу Захаричу — нѣжайшїй поклонъ! неожиданно обратился онъ къ худощавому старику:—что подѣлываете, батенька, добраго?

— Да вотъ... страдаю все... почечуй... какъ-то глухо, ненаходчиво и болѣзненнымъ тономъ отвѣчалъ старикъ, видимо кон-

фузьясь отъ неожиданной и притомъ нежеланной встрѣчи.— Молитесь вышесть, продолжалъ онъ, стараясь неопредѣленно глядѣть куда-то въ сторону.— Благолѣшіе — въ храмъ-то... истинно сказать...

— Да что это вы въ такомъ легкомъ костюмѣ-то? а еще болыны! я не бережетесь! укорилъ отставной, съ участіемъ покачивая головою.

Старикъ кинулъ взглядъ на полы своего халатиска и окончательно сконфузился.

— Это я... такъ... ничего... «не пецытеса» сказано... торопился къ молитвенному бдѣнію... не успѣлъ...

— Да! торопился онъ! укорливо стали обличать его кое-какія бабѣнки изъ нищихъ, заторатора всѣ разомъ.— Поди чай, нарочно натануль на себя!...

— Богачей эдакой, да чтобъ одежины хорошей у него не было.

— Скарета, одно слово!

— Торопился!... А самъ промежъ нашего брата двурушничаль — только хлѣбушки сиротскіе перебиваетъ!

— У самого-то, поди, посчитай-ка добра! сундуки, чу, ломится... То же вѣдь, сиротское все!

— Что и говорить! Кощей-человѣкъ!

Старикъ еще въ самомъ началѣ этого потока обличающихъ замѣчаній, торопливо поклонился отставному и, стараясь ни на кого не глядѣть, бѣгомъ спустился со ступеней на площадь.

— Ну, вы, тѣтки! чего стоите?! что младенцевъ домой не несете?! поди-ко переоцѣли всѣ отъ холоду — маршь долой! Живо! заговорилъ самодовольный отставной, обратившись въ нѣсколько начальственномъ тоиѣ къ двумъ бабамъ съ младенцами на рукахъ.

— Пѣтра Кузьмичъ! господицъ Спица! майоръ ты нашъ милосливный! просительски закличили бабѣнки: — ужъ уважь ты, насъ, сиротъ — оставь младенцовъ-ту до завтрева!... Онослѣ обѣдѣть — вотъ те христокъ — принесемъ!

— Ну, ну, ладно, ладно! безъ разговоровъ! это вздоръ, этого нельзя! строго отрѣзалъ господинъ Спица.

— Почему жъ те нельзя? Мы вѣдь промату твоей милости всады вѣрно, со всѣмъ уваженіемъ...

— Неси домой, сказано! вербыль майоръ, начальственно топнуть ногою. — Отдайте тамъ барниѣ, женѣ моей, да скажите,

чтобъ нагормила ихъ! А то вы -- твари безчувственныя! на васъ положись только, такъ вы мнѣ всѣхъ младенцевъ переморите!

— Да завтра мы бы и за ранней и за поздней постояли бы... поне выручки не больно-то казисты: еле-еле гривну въ обѣдню настояшь — самъ знаешь!...

— Врете, колотовни! завтра родительская! — выручка лиха! будетъ — поэтому назавтра прокату — сорокъ копеекъ съ младенца, коли кто брать хочеть! рѣшительнымъ тономъ объявляя для всеобщаго свѣдѣнія майоръ Спнца.

— Чтò жъ такъ дорого? Несообразно больно! завсяды по пятнадцати, много-много ужъ по двадцати брали; а жомѣ — на-ка-ся! Сорокъ! возражали недовольныя нищенки.

— Ну, стойте безъ младенцевъ, мнѣ все равно, заключилъ майоръ, показывая намѣреніе удалиться.

— Да ты чтò, батюшко, больно кочевряжешься со своими младенцами-ту? замѣтилъ ему косоглазый и криворукій слюняй. — Твой товаръ нашимъ бабамъ небожно-то еще и подходячій. — Потому у твоихъ младенцевъ лицо чистое, а намъ на руку тò, коли младенцу все лицо язва источила... За извленаго въ родительскую точно что, можно копеекъ тридцать-пять, а за твоихъ — больше четвертака не могли!

Майоръ отвѣтилъ слюняю только юпитеровскимъ, презрительно скошеннымъ взглядомъ.

— Опять же вонъ у Мавры и не горлодѣра совѣзмъ, пояснила одна изъ завинтересованныхъ въ дѣлѣ бабёнокъ.

— Такъ что не горлодѣра?! возразилъ недовольный майоръ. — Ну, щипни его, подлеца, полегоньку, или булавной чуточку — тани — онъ тебѣ и будетъ кричать, сколько хочешь!

— Такъ какъ же, Пѣтра Кузьмичъ, возьми по четвертаку со штуки! пристали опять бабѣнки.

— Тридцать-пять — и ни одной копейки меньше! порѣшилъ майоръ.

— Мы-те надбавимъ, ты намъ спусти — вѣстимо, дѣло торговое, полюбовное... Хочешь тридцать, да на косушку вздатокъ?

Майоръ колебался. Косушка дѣйствовала соблазнительно.

— Ну, ужъ такъ и быть, черти! Правс, черти! согласился Петръ Кузьмичъ, махнувъ рукою. — Себѣ въ убытокъ отдаю... Выннмай же, что ль, на косушку, да таци ребятъ къ баринѣ... Сважи, что я скоро буду — знакомаго встрѣтилъ, чаю напитокъ завель...

На гауптвахтѣ барабанщикъ пробилъ повѣстку къ вечерней во-

рѣ. Публика навѣрня очнулась и побрела въ разныя стороны, направляясь преимущественно къ Полтарацкому кабаку и перекусочнымъ подваламъ.

II.

Перекусочный подвалъ.

Въ промежуткѣ торговыхъ навѣсовъ и каменныхъ домовъ лѣвой стороны образовалось нѣчто въ родѣ переулка, который въ теченіе дня переполненъ группами закусывающего люда. Закусываютъ на ходу или сѣдя, передъ грязноватыми лотками со всякой всячиной. Днемъ тутъ—неутомное, непрерывное движеніе; вечеромъ же царствуютъ тьма и пустота, ибо тѣ же самыя, вѣчно стоящія и вѣчно бродящія группы сѣраго народа передвигаются нѣсколько дальше—къ Полтарацкому дому и Тавровскому переулку. Тьма перекусочнаго ряда всегда пребываетъ неизмѣнною, потому что крыши зеленныхъ навѣсовъ заслоняютъ собою свѣтъ газовыхъ рожковъ. Этотъ импровизированный переулокъ служить для нищей братіи обычнымъ, переходнымъ путемъ отъ паперти Спаса до Полтарацкаго дома (*).

Мокрый свѣтъ пополамъ съ мелкимъ дождекомъ зарядили надолго. Туманъ и холодъ... Дивій воздухъ, дивій вечеръ и все какое-то дикое, угрюмое...

Вонь потянулася нищая братія.

Впереди всѣхъ—голодною походкой, и частыми, широкими шагами забираетъ прямо по лужамъ высокая тощая фигура старухи. Она кое-какъ прикрываетъ дырявымъ платкомъ свою идиотку. Идетъ потупясь, ни на кого не глядитъ, и только сжимаетъ въ кулакѣ нѣсколько собранныхъ грошей, словно боясь, чтобы у ней кто не отнялъ ихъ. Вслѣдъ за этимъ, далеко опередившимъ остальныхъ, авангардомъ, подпрыгивали мальчишки и дѣвчонки, разбрасывая ногами брызги во всѣ стороны; тянулись и ковыляли убогіе кривыши, костыльники, сухоруки, нѣмтырѣ, и такъ называемые—слѣпенькіе. Салопницы—также аристократія нищенства—отдѣлились гораздо раньше и пошли въ разбродъ: кто на Вознесенскій, кто въ Гороховую; зато ходебщани «на построеніе» оставались при главномъ корпусѣ кривышей и костыльничковъ, купно съ Оо-

(*). Нынѣ одна часть принадлежитъ кн. Вяземскому, другая — Кетовичу; у старожиловъ сѣнной до сихъ поръ извѣстенъ подъ именемъ Полтарацкаго дома.

мушкой-блаженнымъ и Магридой-страшицей. Шестые всей этой оравы убогихъ, грязныхъ дыривыхъ зацать я вопиющаго о хлѣбѣ безобразія замыкало собою, въ видѣ аріергарда, безногое, цѣллоползущее существо, какое-то пресмыкающееся, скорѣе гномъ, нежели человѣкъ—гномъ, напоминающій чернаго большого жука, что съ тяжкимъ усліемъ, медленно и бочкомъ забираетъ впередъ своими неуклюжими лапами. Это былъ горбатый ёжъ, называвшій себя Касьянчикомъ-старчикомъ.

— Ома, а, Ома! пискнула онъ своей болѣзненно-надорванной фистулой, остановясь на краю широко-разлившейся лужи, словно тараканъ, обведенный кружкомъ воды.

Ома не слышалъ и продолжалъ шлепать сапожищами.

— Оомка-чортъ! съ раздраженіемъ крикнулъ безногій, пустивъ ему вдогонку рыхлый комокъ снѣгу.

— Я-у! отозвался какимъ-то лаемъ блаженный.

— Кулькомъ хочучи жалѣ ползти: лужица... отрывисто и съ передышкой пояснилъ свою надобность Касьянчикъ.

Омушка-блаженный захватилъ безногаго своего сильною лапшой, и словно кулъ муки взваливъ его сразу къ себѣ на спину, зашагалъ черезъ лужу кратчайшимъ путемъ къ главному корпусу.

— Ночуемъ нѣне какъ? По купечеству къ кому, что ли, пойдемъ, али тагъ, въ ночлежныхъ? освѣдомился старчикъ за шечами.

— Нѣ! Увеселиться желаю! порѣшилъ блаженный, что означало у него всеночный загулъ въ честной компаніи. — А тебѣ только бы кочерыжки свои распаривать по хозяйскимъ лежанкамъ! презрительно укорилъ онъ безногаго, спускаясь съ нимъ въ преисподняя перекусочнаго подвала по обледенѣлой и сплошь забитой нанесеннымъ снѣгомъ лѣстницѣ.

— Сала! Сала!... Горшковъ! Молока! завопилъ Омушка продавщицинымъ речитативомъ, въ припрыжку вертясь по подвалу со своимъ кулькомъ-Касьянчикомъ.

— Продай молока! Молока давай! приступила къ нему почти вся сбродная орава дѣтей и взрослыхъ, и къ сплнѣ старчина потянулось нѣсколько десятковъ рукъ и ручонокъ, при чемъ каждая норовила дернуть, щипнуть или волупнуть безногаго.

— Стопъ-машина! скомандовалъ Омушка, поднявъ вверхъ указательный палецъ. — Вамъ чего? Молока?

— Молока, Омушка, молока! опять приступила орава.

— Погоди, народъ! Еще не дошли бива! съостригь блажен-
ный, снуская на полъ Касьяничка—и орава дружно зарыготала.

Въ перекусочномъ подвалѣ столпилось изрядное количество
народа, такъ что становилось весьма тѣснораво и душно.

Подвалъ являлъ собою низкую, почти квадратную комнату со
сводами, узенькія тускляя оконца которой приходились какъ
разъ подь потолокомъ, въ уровень съ тротуаромъ, ибо стѣны
этой комнаты были выведены въ землѣ подь уровнемъ уличнаго
грунта. Правый уголъ занимала огромная русская печь, пылав-
шая красными языками жарбаго пламени, которое замѣняло со-
бою освѣщеніе. Тамъ нагрѣвались чугуны съ похлебкой и горо-
хомъ, и шипѣла на сковородѣ салакушка. Паренная тресва вмѣ-
стѣ съ горькимъ запахомъ жарящагоса масла и кислой, кваше-
ной капуста исполняли этотъ триклиніумъ такого аромата, что
у голодной оравы нищихъ отъ аппетита судорожно передерги-
вало скулы. Паръ отъ печи, масла и дыханія валилъ густыми
клубами въ настежь растворенную дверь, служившую съ улицы,
между прочимъ, проводникомъ грязи, дожда и снѣга, которые
свободно залетали сквозь нея въ этотъ пріютъ голодныхъ от-
ребьевъ петербургскай жизни. Низенькія стѣны, по которымъ
убійственная сырость расписала свои темнозеленныя жлы, потѣ-
ки и цѣлыя оазисы прищевидныхъ пупыршковъ-грибковъ, укра-
шались, кромѣ этой естественной живописи, еще и суздальскими
литографіями, гдѣ сквозь густые слои сурима и охры съ трудомъ
можно было разобрать «геенну огненную» и «царя Соломона-пре-
мудраго».

У печи возился поваръ, скорѣе похожій на парходнаго коче-
гара, чѣмъ на повара, и въ суровомъ молчаніи удовлетворялъ
требованія своихъ потребителей, зачерпывая жестянымъ ковшомъ
кому похлебки, кому гороху, при чемъ предварительно взималась
условная плата—полторы копейки съ порціи. Немногія мѣста у
стѣны на скамейкахъ были уже заняты, такъ что большинство
должно было стоя лавать свою похлебку прямо изъ деревянныхъ
посудинъ. Въ одномъ углу сидѣла высокая старуха и кидала
огрызки своей идіоткѣ, которая, не разбирая, пожирала ихъ съ то-
ропливой жадностію шарманочной обезьяны.

Вообще весь этотъ подвалъ представлялъ какую-то дикую бер-
логу, озаренную красными отблескомъ мигающаго пламени—бер-
логу, гдѣ совершалось не менѣе дикое кормленіе голодныхъ звѣ-
рей. Тутъ насыщали себя только парии нищенства, которые не

могут тратить на свое пропитаніе заразъ болѣе полуторы или много—двухъ копейекъ. Все же прочее забирало въ подвагѣ только перекуску, въ родѣ студени, бычачьихъ гусяновъ, да трески пареной и, завернувъ эти снѣди, если не въ бумагу, то въ цолу одежды, отправлялось уживать въ Полтарацкій, который являлъ въ себѣ несравненно болѣе комфорта, ибо, по естественному своему предназначенію, изобиловалъ водкой, виѣцалъ пріятное общество и даже иногда оглашался звуками приватнаго гитариста.

III.

Полтарацкій.

Въ Полтарацкій надо было не спускаться въ преисподняя, но подыматься почти что въ бель-этажъ—и вотъ туда-то, подъ предводительствомъ Омушки, направилась теперь взъ перекусочнаго подвала ватага ходебщиковъ, калѣкъ и убогихъ.

Чуть передъ этой компаніей завизжала на блокѣ гостепріимная дверь кабака, чуть только обдало ее спиртуозными испареніями, какъ вдругъ свершилось великое чудо: слѣпые прозрѣвали, нѣмыи получали прекрасный даръ слова, кривыи выпрямлялись, сухоруки, костыльнии и всякіе другіе калѣки убогіе нежданно-негаданно исцѣлялись, становились здоровыми, ерѣпками людьми, и вся эта мегаморфоза, все это чудо великое совершалось вдругъ, въ одно мгновеніе ока отъ одного лишь чудодѣйственнаго вѣанія подтарацкой атмосферы. Одинъ только ежъ—Касьяничекъ-старчикъ не измѣнялъ своему убожественному горбу и безножію—и то потому, что, въ самомъ дѣлѣ, былъ человекъ горбатый и безногій.

— А! Грызунички! Грызуны! Грызуны привалили! Много ль находили, много ли оконъ изгрызли? Псковскіе баре, витебскіе бархатники! (*) Ахъ вы братія — парчовое платіе! Наше вамъ, съ кнпятекомъ одинадцать, съ рѣдкой пятнадцать! Добро пожаловать, грызунички! Милости просимъ, камерцію поддержать!

(*) Грызуны—общее прозвище вѣщихъ. Грызть сива—просить милостыню—примѣняется преимущественно къ идиотамъ, что слѣдуются по деревьямъ лѣвъ окнами; но отъ нихъ перешло, какъ ироническое дразненіе, и на всѣхъ идиотхъ вообще, которыми снабжаютъ Петербургъ попреимуществу губерніи Псковская и Витебская.

Таковъ былъ привѣтственный взрывъ восклицаній, которыми полтарацкіе завсегдатаи встрѣтили нищенскую ораву, непорестававшую одинъ за другимъ подваливать къ стойкѣ, съ законическими требованіями косушекъ. Нѣкоторые изъ братіи недостававшую сумму денегъ дополняли карманными платками; одинъ даже предъявилъ очень хорошій портсигаръ, что, безъ сомнѣнія, составляло негласные трофеи «притворнаго» столнія. Трофеи эти мгновенно исчезали за кабацкою стойкою.

Сивушинный паръ; густая толпа передъ стойкою; многочисленныя группы за отдѣльными столиками; крупный, смѣшанный говоръ, женскія восклицанія, порою хлѣсть побоевъ и вопли; копоть отъ непокрытой стекляннымъ колпакомъ лампы; въ сторонѣ — маркитантъ съ горкой разныхъ закусокъ — преимущественно ржаныхъ сухариковъ, ржавой селедки и соленыхъ огурцовъ, раздробленныхъ на мелкіе кусочки — наконецъ, шмыганье подозрительныхъ личностей съ *темнымъ товаромъ*; суетливая бѣготня подручныхъ да подносчиковъ, собирающихъ порожнія посудины, и обычныя отвратительныя сцены въ конецъ опьянѣвшихъ субъектовъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ тутъ же гласно, всенародно обчищаютъ карманы, сдираютъ одежду и обувь — вотъ та мутная, непривлекательная картина, какою съ перваго взгляда представляеть знаменитый въ лѣтописяхъ петербургскихъ трущобъ — кабакъ Полтарацкій.

Нищѣ разсѣлись какъ попало: кто на подоконникѣ со своимъ студнемъ, кто, за недостаткомъ столовъ, даже и на полу, въ уголокъ приткнувшись; одна только компанія Омушки, состоявшая изъ Мабриды съ Касьянчикомъ, и криворукаго, косоглазаго слюня съ двумя нѣмтырами, заняла отдѣльный столъ для своей трапезы. Эти ужины нищей братіи возбуждали сильное неудовольствие маркитанта, видѣвшаго въ нихъ подрывъ своей коммерціи.

Въ компаніи Омушки шелъ разговоръ о двуручничанѣ худощаваго старика-халатника въ то время, какъ къ блаженному подошелъ, одѣтый въ партикулярное платье высокій, рыжій челоувѣтъ, угрюмаго выраженія въ злобныхъ глазахъ изподлобья, и безцеремонно опустился подлѣ него на скамейку, отодвинувъ для этого, словно какою вещь, Касьянчика-старчика.

— Чего тебѣ, Грѣчка? отнесся къ нему своимъ обычнымъ ласкъ Омушка.

— Ничего; звони, знай, какъ звонилось (*), а мы послушаемъ,

(*) *Звонить* — говорить.

отрѣзалъ Грѣчка и развѣлся такимъ образомъ, что явно обнаружилъ намѣреніе слушать и присоединиться къ разговору.

— Надоть ему безпримѣнно ломку, чтобъ не двурушничать, продолжалъ несогласный слухой.

— Кому это? освѣдомился Грѣчка.

— Хричъ тутъ одинъ есть такой—богачей, сказываютъ, а самъ промежъ насъ кажинную субботу за всеюночной христарадничаеть—такъ, вотъ, говорю, ломку ему надо.

— Какой богачей?

— А вотъ—Ѳому спроси, онъ его знаетъ.

— Какой-какой богачей-то? повторилъ Грѣчка, отнесясь къ блаженному.

— Есть тутъ такой, неохотно отвѣчалъ этотъ:—Морденкой прозывается... скупердяище, не приведи богъ.

— Все это одна жадность человѣческая, любостязаніе, замѣтила Маерида въ назидательномъ тонѣ.

— Да богачей-то онъ какъ же? добивался настойчивый Грѣчка.

— А тебѣ-то что «какъ же»? дѣтей крестить хочешь, что ли? Небось, на зубокъ не положить!

— Нѣтъ, потому—любопытнo, объяснилъ Грѣчка.

— Любопытнo... ну, въ ростъ капиталъ даетъ подь проценту да подь закладъ—вотъ-те и богачей!

— И много капитала имѣеть?

— Поди посчитай!

На этомъ разговоръ прекратился, и Грѣчка сосредоточенно сталъ что-то обдумывать.

— Подь-ка сюда! хлопнулъ онъ по плечу блаженнаго.

Они отошли въ сторону.

— Половину *саму* (*) хочешь? вполголоса предложилъ Грѣчка.

— За какой товаръ? притворился Ѳомушка.

— Ну, за вашего... какъ его... Морденку, что ли?

— А какъ шевелишь, другъ любезный: на сколько онъ ворочаетъ? прищурился нищій.

— *Косуль* (**) пять залѣжныхъ будетъ—и ладно.

— Мелко плаваешь!... Сто, а не то два ста—вонъ она штука! Грѣчка выпучилъ глаза отъ изумленія.

(*) Доля добычи.

(**) *Косуля* — тысяча.

— *Труба!*... *зубы заговариваетъ* (*)! пробурчалъ онъ.

— Вотъ те святая патница—вѣрно! заболѣлся Омушка.

— Ну, такъ *лады!* (**) на половину, что ли?

— *Стачка* (***) нужна, раздумчиво цмокнулъ блаженный.

— Вотъ-те и стачка, согласился Грѣчка. Первое:—твое дѣло—сторона; за *подводъ* половину сламу; ну, а остальное беру за себя: я, значить, съ *помадой* (****), я и въ отвѣтъ.

— А коли на *фортунокъ къ Смольному затылкожъ* (*****), тогда какъ? попробоваль огорошить его Омушка. Грѣчка презрительно оскосилъ на него свои маленькіе зме глаза.

— Что, *слаба* (*****) вѣрно? усмѣхнулся онъ. — Трусу праздно-емъ? Не бойся, милый человекъ: свою порцію миногъ сами съѣдимъ (*****), съ тобою дѣлиться не станемъ! аппетиту хватить!

Омушка подумаль. Товарищъ казался подходящимъ и надеж-нымъ.

— Миноги, стало быть, за себя берешь? торговался онъ.

— *Сказано*, съѣмъ! огрызся товарищъ.—Мы-то еще поѣдимъ, либо нѣтъ — бабушка надвое говорила... Раньше насъ — пушай другихъ покормить; много и безъ насъ на эту ваканцію найдется, а мы по вольному свѣту покружимся, пока богъ грѣхамъ терпимъ! разсуждалъ онъ ухмыляясь.

— Ну, коли такъ, такъ *лады!* порѣшили Омушка — и ладони ихъ соединились.

— Майора Спицу знаешь? продолжалъ онъ уже интимнымъ тономъ.—Этотъ самый майоръ, значить, первый ему другъ и пріятель... Отъ него мы всю подноготную визнаемъ насчетъ нашего клею.

— Какъ! и ему тырбанить? (*****) съ неудовольствіемъ насу-

(*) *Труба!*—взоръ, пустяки. *Зубы заговаривать*—сбивать съ толку, отводить глаза.

(**) *Лады* — идетъ! хорошо, согласіе.

(***) *Стачка* — сдѣлка, уговоръ, условіе.

(****) *Сдѣлать подводъ*—устроить предварительную подготовку для дѣла, указать всѣ необходимыя пути, дать нити въ руки. *Помада*—самое дѣлопроизводство во время воровства.

(*****) *Проклятыя на фортунокъ къ Смольному затылкожъ* — на петербургскомъ аргоѣ означаетъ торжественный поѣздъ преступника къ эшафоту, на Конную площадь. *Фортушка* — позорная колесница.

(*****) *Слаба!*—восклицаніе, выражающее упоръ въ нерѣшительности и трусости.

(*****) *Есть миноги* — принять наказаніе плетью.

(*****) И съ нимъ дѣлиться долей добычи?

пился Грѣчка. Онъ уже считалъ деньги Морденки, въ нѣкоторомъ родѣ, своею законною собственностью.

Өомушка свиснуть и показалъ шпигъ.

— Насъ съ тобой мать родная нешто дураками рожала? возразилъ онъ.—Больно жирно будетъ всякому съ дуру тырбанить—здакъ, гляди, и въ дядѣ на поруки до дѣла попадешь (*). А мы вотъ какъ: у *хѣрова* дочиста визнаемъ, потому какъ онъ *замвожинъ*, такъ мы ему только селяночку да штофъ померанцовой горькой — и готово (**).

— *Ходитъ!* согласился и одобрилъ Грѣчка.—А гдѣ же поймать-то его? доекнулся онъ.—Надо бы *работитъ* поживѣ (***)

— Въ секундъ будетъ! съ убѣжденіемъ увѣрилъ блаженный.—Онъ, значить, *осюшникъ* (****) на косушку сгребалъ, за младенцевъ заручился—и теперича нигдѣ ему нельзя быть окромя какъ въ Сухаревкѣ.

— Стало быть махаемъ? предложилъ Грѣчка.

— Махаемъ! охотно согласился Өомушка—и два новые друга немедленно же удалились изъ полтарацкаго.

IV.

Сухаревка.

Высокая надворная стѣна четырехэтажнаго дома, который съ уличнаго фасада смотритъ еще нѣсколько сносно, представляла почти невозможное и весьма опасное явленіе. Человѣку свѣжому и непривычному трудно было бы взглянуть безъ невольнаго ужаса на этотъ уголь, выходящій на первый изъ многочисленныхъ и лабиринтообразныхъ дворовъ Вяземскаго дома. Представьте себѣ этотъ уголь, образуемый двумя громадными каменными стѣнами, который далъ трещины во всю вышину четырехэтажнаго зданія, и вслѣдствіе этихъ трещинъ вы видите, какъ покорибило эти двѣ соприкасающіяся стѣны, какъ одна изъ нихъ выдалась впередъ, наружу — цементъ не выдержалъ — и связь между кирпичами двухъ сосѣдокъ порвалась — того и гляди, что въ одинъ прекрасный часъ, вся эта гниль, вся эта насквозь пробрызгшая

(*) *Попасть къ дяди на поруки* — угодить въ тюрьму.

(**) *Херый* — пьяный, *замвожинъ* — пьяница.

(***) *Ходитъ!* — тоже что *лады* — идетъ! согласенъ. *Работитъ* — обдѣлывать дѣло.

(****) *Осюшникъ* — двугривенный.

стѣна, рухнетъ на вашу голову. Она и то разрушалась себѣ понемножку. Штукатурка давнымъ-давно отстала и почти вся отвалилась. Нѣтъ-нѣтъ, да гляди, и упадетъ откуда-нибудь новый кусище, обнаружива послѣ себя неопредѣленнаго цвѣта кирпичи, которые, словно червь, источила и проѣла насевозъ прѣлая сырость. Выѣстъ со штукатуркой валится иногда съ верховъ и гнилой кирпичикъ. Въ крѣпкіе морозы, вся стѣна бываетъ покрыта слоемъ льда, а въ оттепели — извилистыми потѣками воды, которую источаютъ изъ себя эти самые кирпичи, до новой заморозы. И вотъ въ этой-то стѣнѣ прилажена снаружи каменная лѣстница, болѣе удобная для увеселительнаго спуска на салазкахъ, чѣмъ для восхода: естественнымъ способомъ, ибо вся была покрыта толстымъ слоемъ намерзлой и никогда несоскабливаемой грязи. Лѣстница эта, примыкавшая лѣвою стороною къ стѣнѣ, съ правой стороны своей не была защищена никакими перилами, а вела она довольно крутымъ подъемомъ во второй этажъ этого огромнаго дома, такъ что въ темную ночь, въ особенности хмѣльному человѣку, не было ничего мудренаго поскользнуться или взять немного въ сторону, для того чтобы неожиданно грохнуться внизъ и разбить себѣ голову о камни. Но, несмотря на это видимое неудобство, по головоломной лѣстницѣ то и дѣло спускались и поднимались разные народы, во всякое время дня и ночи. Лѣстница ованчивалась наверху узенькой, и точно также ничѣмъ неогороженной площадкой, передъ входною дверью, которая вела на корридоръ, въ благодатную Сузаревку.

Гниль и промозглая брюзгость — вотъ два необходимые и притомъ единственные эпитеты, которыми можно характеризовать все и вся этой части Вяземскаго дома. Прѣлая вислятина и здѣсь является необходимымъ суррогатомъ воздуха, какъ и во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ, буда струа воздуха свѣжаго, неспорченного, кажись, не проникала еще отъ самаго начала существованія этихъ пріютовъ. Некрашенные полы точно также давно уже прогнили, и воловицы въ нихъ мѣстахъ раздались на столько, что образовали щели, въ которыхъ могла бы весьма успѣшно застрянуть нога взрослога человѣка, а ужъ ребѣнка и подавно. Ходить по этимъ поламъ тоже надобно умѣючи, ибо доски столь много покоробились, покривились, иныя вдались во внутрь, нина выпятились наружу, что на каждомъ шагу являли собой капканы и спотычки каждому проходящему неофиту. Грязная, дыривая лохмотья и клочья какой-то матеріи замѣняли со-

бою занавѣси на окнахъ, а эти послѣднія отличались такою закопѣтностью, что въ самый яркій солнечный день—тускло могли пропускать самое незначительное количество свѣта; по этой-то причинѣ, мутный полумракъ вѣчно господствовалъ въ Сухаревкѣ. Рванья, поотстававшія и засырѣлыя обои—неопытными полотнищами висѣли по стѣнамъ въ самомъ неуклюже-безобразномъ видѣ. Вся остальная обстановка, со всѣми харчевенными атрибутами, какъ нельзя болѣе гармонично соответствовала этимъ обоямъ, поламъ и занавѣскамъ.

Въ средней, то-есть наиболѣе чистой комнатѣ—если только можно примѣнить къ ней слово чистая, ибо и тутъ стояла полуразрушенная, почернѣлая отъ копоти и сажи голландская печь—возсѣдали двѣ личности, уже нѣсколько извѣстныя читателю. Это были: майоръ Спица и Иванъ Ивановичъ Зеленъковъ, сохранившій еще доселѣ свой «приличный костюмчикъ» и неизмѣнно «калужественную» фязіономію. Оба знакома разговаривали о чемъ-то, какъ видно было, весьма по душѣ. Майоръ взиралъ на Ивана Ивановича милостивымъ окомъ веселаго Юпитера, ибо Иванъ Ивановичъ угощалъ майора пивомъ.

— Доброму сосѣду на бесѣду! подождая къ столу вмѣстѣ съ Грѣчкой, сказалъ Омушка, обратившись къ майору: —примешь, что ль, въ компанію, ваше высокоблагородіе? Штофъ померанцовой поставлю, потому сказано—нигдѣ увеселимся духомъ своимъ.

Сладостное извѣстіе о померанцовой подѣйствовало, какъ и надо было ожидать, достодолжнымъ, то-есть самымъ благопріятнымъ образомъ. Омушка съ Грѣчкой присоединились къ обществу майора. Двѣ-три рюмки еще болѣе умаслили надменно-свинные глаза господина Спицы и развязали ему языкъ. Онъ сталъ увѣрять Омушку въ своей истинной любви и дружествѣ.

— А вѣдь мы двуручника-то побьемъ — вотъ-те колъ, а не свѣчка, коли не побьемъ! сказалъ между прочимъ Омушка, ударивъ кулакомъ по столу.

Грѣчка притворился, будто не знаетъ, о комъ и о чемъ заводить рѣчи блаженный, и потомъ понинтересовался узнать, кто этотъ двуручникъ. Омушка сообщилъ. Зеленъковъ очень изумился.

— Какъ!... Такъ неужто онъ милостыню собираетъ? воскликнулъ онъ.

— А ты его знаешь? спросилъ блаженный, который имѣлъ привычку *топать* всѣмъ и каждому безъ разбору.

— Оченно даже, можно сказать, коротко, амбиціозно замѣ-
тель Иванъ Ивановичъ, нѣсколько задѣтый этимъ тыканьемъ.

Өомушка налилъ ему рюмку. Амбиція господина Зеленькова
смягчилась: онъ почувствовалъ даже нѣкоторую всепрощающую
теплоту относительно Өомушки.

— Знакомъ, стало быть? въ видѣ поясненія спрашивалъ по-
слѣдній.

— Личнымъ пользуюсь... коммисіи всякія справлялъ, какъ зна-
чить, закладывать поручали господишки разные.

— Къ самому, стало быть, хаживалъ?

— Хаживалъ, и на фатерѣ бывалъ; а и живетъ же мерзост-
но—скупость-то что значитъ!

— Большую фатеру держать?

— Три комнаты да кухня.

— Бобылемъ живетъ, али есть кто при немъ?

— Окромѣ куфарки—ни кого; двѣ персоны, стало быть; да
сынъ иногда захаживаетъ.

Өомушка слегка толкнулъ Грѣчку. Тотъ какъ бы невзначай
брякнулъ: «смѣаемъ, моль». Но отъ зоркаго глаза Ивана Ива-
новича это незамѣтное движеніе не ускользнуло. «Что-нибудь
да не спроста», сообразилъ онъ мысленно и покосился на Спи-
цу; но захмѣлѣвшій майоръ очень благодушно почивагъ, отки-
нувшись на спинку стула.

— А недурно бы эдакъ тово... запустить лапу въ сундучокъ
къ Морденгѣ-то? Кабы добрый человекъ нашелся! прищомнувъ
языкомъ, схитрилъ Иванъ Ивановичъ, не относясь собственно ни
къ кому изъ присутствующихъ.

— Соблазнъ! со вздохомъ и столь же безотносительно отклик-
нулся Өомушка.

Грѣчка ни словомъ ни знакомъ не выразилъ своего участія въ
мысли Зеленькова; онъ только сдвинулъ свои брови да понуро
потупился.

Прошла минута размышленія.

— А гдѣ онъ живетъ? неожиданно спросилъ блаженный.

Зеленьковъ быстро, но пристально вскинулъ на него сообра-
зительный взглядъ.

— Н... не знаю, право, гдѣ теперь... давно ужъ не былъ...
не знаю... Слыхалъ, что переѣхалъ, нехотя отвѣчалъ онъ ка-
кимъ-то сонливо-апатическимъ тономъ, и для пущей натураль-
ности даже зѣвнулъ.

Омушка опять толкнулъ локтемъ своего сосѣда и наполнилъ рюмки.

— Это вы для меня-съ? Чувствительнѣйше благодаренъ и на томъ угощеніи, отказался Иванъ Ивановичъ, рѣшась быть осторожнѣе.

— Да ты пей, милый человѣкъ... будемъ мы съ тобою други называться, убѣждалъ нищій, насильно тыча ему расплесканную рюмку.

— Душа мѣру знаетъ... Какъ передъ Богомъ—не могу, вѣжливо расшаркался Зеленьковъ съ видомъ сердечнаго сожалѣнія, и застычиво сталъ тереть обшлагомъ свою пуховую шляпу.

— Ну, была бы честь предложена—отъ убытку Богъ избавилъ, полуобидчиво заключилъ блаженный и съ размаху хлопыстнулъ одну за другой обѣ рюмки.

Иванъ Ивановичъ окончательно расшаркался и отошелъ къ китайскому бильярду, именуемому во всѣхъ заведеніяхъ этого рода «биксомъ».

— А вѣдь мухортикъ-то—штука (*), вполголоса отнесся блаженный къ своему товарищу.—Смекалку, нишь-ты, какъ живо распостранилъ... Изъ какихъ онъ?

— Надо полагать, изъ Алѣшегъ (**), свазалъ Грѣча.

— А можетъ, и изъ Жоржей (***)?

— Гм!... Межегъ, и оно! Я его кой-когда встрѣчалъ-таки... Коли изъ Жоржей, такъ стало быть на особняка идти (****), размышлялъ Грѣча.

— А мы его, милый человѣкъ, захороводимъ (*****), потому—польза.

(*) *Мухортъ, мухортикъ* — партикулярный человѣкъ.

(**) *Алѣшка* — лакей.

(***) *Жоржъ* — мошенникъ. Надо замѣтить, что мошенники наши никогда не именуютъ себя и свое сословіе мазуриками. Мазуригъ употребляется между ними только въ обидномъ, оскорбительномъ смыслѣ, какъ брань. Этими именемъ о рестлѣ ихъ петербургское общество (въ Москвѣ — *жульками*). Сами же себя мошенники называютъ *жоржами, военными артистами и жогами*. Последнее названіе прилагается къ мошенникамъ, временно находящимся въ крутыхъ, безденежныхъ обстоятельствахъ. *Ходитъ жогомъ* — въ нищетѣ, въ безденежьи, безъ пріята.

(****) *Ходитъ на особняка* — заниматься профессіей въ одиночку, безъ товарищей, не принадлежа къ ассоціаціи.

(*****) *Примемъ въ компанію, закупаемъ, подговоримъ на воровство. Захораводимъ* — спеціально означаетъ — подговорить на воровство прислугу въ домѣ, преимущественно посредствомъ напоенія.

Грѣшка подумалъ и согласился на это предложеніе. Омушка пожелалъ повѣрить свои соображенія и узнать обстоятельныѣе, кто и что за птица сидѣвшій съ ними человекъ, для чего растолкалъ почивавшаго майора.

— Отмѣнный человекъ, полированный человекъ, хрипло пробормоталъ майоръ, пытаюсь снова уснуть безмятежно. Остальныя свѣдѣнія, кое-какъ добытыя отъ него Омушкой, заключались въ фамиліи Ивана Ивановича, да въ томъ, что Иванъ Ивановичъ— человекъ нигдѣ неслужащій, а занимающійся разными комиссіями.

— Дѣло на руку, рѣшили товарищи и отправились къ Зеленькову съ безцеремоннымъ предложеніемъ насчетъ Морденкиныхъ сундуковъ, основываясь на его же мнѣніи, что недурно бы заступить туда лапу.

Подобный опрометчивый поступокъ со стороны такихъ обстрѣленныхъ воробьевъ, для человека, незнакомаго съ нравами и бытомъ людей этого разряда, можетъ показаться болѣе чѣмъ страннымъ. А между тѣмъ, не взирая на великую свою хитрость и осмотрительность, заурядные мошенники отлчаются часто совсѣмъ дѣтскою, поражающей наивностью. Но въ этомъ случаѣ не совсѣмъ-то наивность и опрометчивость руководили поступкомъ двухъ пріятелей. «Онъ насъ не знаетъ, мы его не знаемъ; деньги нужны всякому — никто себѣ не врагъ; а попадется да проболтается—знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ; и съ личнымъ люди попадаются да вывертываются, благодаря *незнайки*, такъ и мы авось увернемся, богъ милостивъ». Такимъ, или почти такимъ образомъ формулируются соображенія мошенниковъ въ обстоятельствахъ, подобныхъ настоящему. Убѣжденіе, что смѣлость города беретъ и возможность отпереться и не сознаваться, при самыхъ очевидныхъ уликахъ, помогаютъ имъ сходиться для общаго дѣла съ людьми почти имъ незнакомыми, но въ которыхъ они провидятъ извѣстную долю существенной пользы.

Иванъ Ивановичъ, нивагъ неждавшій столь прямого подхода, сначала-было опѣшилъ, даже перетрухнулъ немного: «чтой-то вы, господа, какія шутки шутите?» Потомъ, видя, что товарищи отнюдь не шутятъ, а очень серьезно и обстоятельно предлагаютъ ему весьма выгодную сдѣлку, Иванъ Ивановичъ впалъ въ своего рода гамлетовское раздумье: «быть, или не быть?» рѣшалъ онъ самъ съ собою.

— Ты, милый человекъ, не бойсь, ты только подводи сдѣлай, укажи да расскажи, а дѣлопроизводствомъ другіе заниматься ста-

нуть. Наше дѣло съ тобой — сторона; мы, знай, только деньги получай, а черную работу подмастерья сварганяй, убѣждай блаженный.

— Они въ дѣлѣ, они и въ отвѣтѣ, пояснилъ Грѣчка.

Иванъ Ивановичъ колебался. Хорошее дѣло деньги, а хороший кушъ и того лучше; брючки бы новыя сдѣлать, фракеты, жилетку лохматую, при часахъ съ цѣпочкой, и вообще всю приличную пару... пальто съ искрой пустить, кольцо съ брилльянтомъ. Въ Екатерингофъ поѣхать... вина пить... Хорошо, чортъ-возьми, все это! А попадешься? Что жъ такое, попадешься? Дураки попадаютса, а умный человѣкъ никогда не долженъ даже этого подумать себѣ, не токмо-что допустить себя до эдакова поношенія, можно сказать!»

Такія-то соображенія и картины относительно разныхъ удовольствій и костюмовъ—молніей мелькали въ головѣ Зеленькова.

«Кабы мы тебя на убивство подбивали, ну, ты тогда не ходи; а то вѣдь мы не убивать же хотимъ человѣка, а только денюжку перехватить малость, стало быть, тутъ грѣха на душу нѣтъ, убѣждай блаженный.

«И въ самомъ дѣлѣ, согласился мысленно Иванъ Ивановичъ:— вѣдь украсть—не убить! А въ эвтимъ дѣлѣ, кто Богу не грѣшенъ, царю не виновать?»

— Кабы онъ еще былъ человѣкъ семейный, въ потѣ лица пятайся, продолжалъ Омушка, пуская въ ходъ свое краснорѣчіе, которое обыкновенно очень умиляло людей, вѣрующихъ въ его подвижничество и юрство:—ну, тогда бы посагнуть, точно что грѣхъ: у нища и убога сиротское отъяти. А вѣдь онъ аспидъ, кровопивца, неправымъ стяжаніемъ владеть; а въ писаніи что сказано?—лихонцы, сребролюбцы, заглядчики—въ геенну огненную! Вотъ ты и суди тутъ!... Вѣдь онъ, не сегодня-завтра помретъ—съ собой не возьметъ, все здѣсь же оставитъ, волкамъ на расхищеніе—такъ не все-ль одна штука выходитъ? Лучше же пушай намъ, чѣмъ другимъ достается.

— Это точно что, это вы правильно, мотнувъ головой, поддакивалъ Иванъ Ивановичъ, и въ концѣ-концовъ далъ свое согласіе на дѣло. Передъ нимъ еще ярче, еще привлекательнѣе замелькали разные брючки, фракты и тому подобныя вязищныя предметы.

V.

ПАТРІАРХЪ МАЗОВЪ.

Въ это время мимо вновь созданнаго триумвирата прошелъ самоувѣренно-тихою и степенно-важною поступью благообразный, маститый старикъ, въ долгополомъ кафтанѣ тонкаго сѣваго сукна. Видно было челоуѣка зажиточнаго, солиднаго, который знаетъ себя цѣну и умѣетъ держаться съ ненарушимымъ достоинствомъ. Этотъ высокій лысый лобъ, на который падала вьющаяся прядь мягкихъ серебристыхъ волосъ, эти умные и пронизательные глаза, широкая и длинная борода, столь же сѣдая какъ и волосы, наконецъ строгій и въ то же время благодушный ликъ придавали ему какой-то библейскій характеръ—кажись, такъ бы взять да и писать съ него Моисея, какого-нибудь пророка или апостола. При появленіи его, нѣкоторые изъ присутствующихъ почтительно встали и поклонились. Старикъ отвѣтствовалъ тоже поклономъ, молчаливымъ и благодушнымъ.

— А, патриархъ!... Се, патриархъ грядеть, воскликнулъ Омушка, и скорчивъ умильную рожу, съ ужимками подошелъ къ нему, заградивъ собою дорогу.

Старикъ пріостановился и медленно поднялъ на него свои полупущенные взоры.

— Что чертомелишь-то, кощунъ! дурень! тихо сказалъ старикъ внушительнымъ тономъ и строго сдвинулъ свои сѣдые, умные брови.

— Потому нельзя, никакъ нельзя иначе, оправдывался нищій.

Старикъ болѣе не удостоилъ блаженнаго никакимъ словомъ, но слегка отстранилъ его рукою и прошелъ въ смежную комнату, откуда, сквозь затворенную дверь, слышна была циническая пѣсня, которую горланило около десятка дѣтскихъ голосовъ.

— Ваше степенство! Провъ Викулычъ! не откажи въ совѣтѣ благомъ—дѣло есть, остановилъ его въ дверяхъ вновь подскочившій Омушка и подавъ знакъ своимъ двумъ товарищамъ, чтобы тѣ слѣдовали за нимъ въ смежную комнату.

Въ этомъ высокомъ, сановитомъ старикѣ читатель можетъ узнать стараго знакомаго—ершовскаго буфетчика. Провъ Викулычъ, по всей справедливости, могъ носить титулъ патриарха

мазовъ (*). Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ оставилъ свою буфетческую должность и «отошелъ на покой». Извѣстно было, что онъ сколотилъ себѣ весьма изрядный капиталецъ; но гдѣ и какъ хранились его деньги—того никто не вѣдалъ. Онъ, будучи единственнымъ человѣкомъ, занималъ со своею кухаркой небольшую, но опрятную квартиру въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ и главнымъ украшеніемъ жилища его служило божіе милосердіе въ серебряныхъ окладахъ, съ вербными херувимами, страстными свѣчами, фарфоровыми ящиками и неугасимой лампадой. На полкѣ присутствовали избранныя книги, служившія постояннымъ и любимымъ чтеніемъ хозяину. Тутъ были святцы, четки-минени въ корешковыхъ переплетахъ съ застежками, и два тома изъ свода законовъ — десятый и пятнадцатый. Провъ Викулычъ былъ отиѣнный начетчивъ, искусный диспутантъ и великій юристъ. Онъ съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою исполнялъ обряды религіи, очень усердно посѣщалъ въ каждый праздникъ храмъ божій, соблюдалъ среды и пятницы и всѣ посты, а говѣлъ четырежды въ годъ, неукоснительно. И это—по чистой совѣсти, никто изъ знавшихъ его не могъ бы назвать фарисейскимъ лицемеріемъ: все сіе творилъ онъ по внутреннимъ побужденіямъ, совершенно искренно. Великимъ грѣшникомъ также себя не считалъ, ибо въ жизнь свою не сотворилъ ничего противъ заповѣдей «не убій» и «не укради»; а перекупку завѣдомо-краденныхъ вещей, которую съ переменною званія совѣмъ оставилъ, онъ не почиталъ подходящею подъ осьмую заповѣдь, тѣмъ болѣе, что все стяжаніе свое намѣревался по смерти завѣщать въ разные монастыри, буде самъ не успѣетъ принять санъ монашескій, о чемъ всегда любилъ мечтать съ особенной усладой душевной. Любимымъ занятіемъ Прова Викулыча были религіозныя препиранія съ раскольниками; здѣсь онъ входилъ въ истинный, даже ожесточенный паеосъ, особенно когда могъ побивать противника на основаніи текстовъ писанія. Капитала своего Провъ Викулычъ не трогалъ, а жилъ, такъ сказать, на общественномъ иждивеніи. Мы уже сказали, что онъ былъ великій юристъ. Всевозможныя статьи, параграфы и пункты, особенно пятнадцатаго тома, были

(*) *Мазаны* называются мастера, опытные во всѣхъ отношеніяхъ воровъ, прошедшіе многоразличныя практическія и юридическія курсы. Они заправляютъ, распоряжаются дѣломъ во время производства воровства, дѣлятъ добычу, обучаютъ молодыхъ воровъ, стоятъ во главѣ шайки, и вообще играютъ роль главнокомандующаго, атамана.

знакомъ ему въ совершенствѣ. Знаніемъ всей казуистики, всѣхъ ходовъ и закорючекъ полицейскихъ и судебныхъ мѣстъ, владѣлъ онъ съ замѣчательною прозорливостію. Но «ходженій по дѣламъ» и стряпчества Провъ Викулычъ на себя не принималъ. Онъ обучалъ только приходившихъ къ нему за совѣтомъ мошенниковъ. Если который изъ нихъ попадался подъ слѣдствіе—училъ всевозможнымъ отводамъ, указывалъ тайныя лазейки и всѣ тѣ пункты закона, которые хотя мало-мальски могли послужить въ пользу подсудимаго. Слѣдуя словамъ писавія, которое повелѣваетъ посѣщать въ темницѣ заключенныхъ, онъ навѣщалъ иногда знакомыхъ арестантовъ, для освѣдомленія о ходѣ ихъ дѣлъ и подачи благихъ совѣтовъ. Если арестанту хотѣлось напоруки — Провъ Викулычъ, какъ личность ни въ чемъ зазорномъ незамѣченная и подъ судомъ и слѣдствіемъ несостоящая, являлся поручителемъ, даже деньги свои давалъ иногда въ долгъ, когда подсудимый могъ отдѣлаться взяткою, а наличныхъ не имѣлъ. И кажется, не было примѣра, чтобы деньги эти впоследствии ему не возвращались. Если задумывалось какое-нибудь ловкое, сложное и рискованное предпріятіе, знакомые мошенники почти всегда предварительно шли къ нему за совѣтомъ. Провъ Викулычъ сметливымъ окомъ своимъ соображалъ и обдумывалъ дѣло, давалъ опытный и умный совѣтъ, какъ ловче, тонше и безопаснѣе его обдѣлать, приводилъ закорючки и пункты, которые могутъ служить и pro и contra, въ данномъ случаѣ, и какъ скоро предпріятіе удавалось — получалъ свою долю благодарности. Такимъ-то способомъ и жилъ онъ на общественномъ иждивеніи. Крайне осторожный и осмотрительный, онъ сохранялъ себѣ официально «честное имя» и былъ твердо увѣренъ, что никогда и ни въ чемъ не попадетъ. Еслибъ вы назвали его мошенникомъ, онъ бы до глубины души оскорбился, ибо съ полнымъ убѣжденіемъ почиталъ себя честнымъ человекомъ и истиннымъ христианиномъ. «Возлюби ближнія своя», неоднократно повторялъ онъ, какъ свое нравственное убѣжденіе, и на этомъ основаніи помогалъ мошенникамъ, раздавалъ нищимъ милостыню. Жоржи читали въ немъ истиннаго своего благодѣтеля и называли патриархомъ мазовъ.

Мое тѣло — тѣло было
Разгуляться захотѣло—

отхватывали сильные дѣтскіе голосенки въ отдѣльной непроход-

ной комнатѣ, когда за порогъ ея ступилъ Провъ Викулчъ и компанія Оумушки.

Опрокинутые стулья, чайный приборъ, пивныя бутылки и водка служили признаками оргіи, происходившей въ этомъ уголѣ. Съ десятокъ мальчишекъ отъ десяти до пятнадцатилѣтняго возраста, въ самыхъ разнокалиберныхъ костюмахъ, наполнили небольшую горницу. Нѣкоторые изъ нихъ были положительно пьяны. Посрединѣ происходила пляска. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ отхватывалъ въ присядку трепака передъ женщиной, еще молодой и даже недурной когда-то, на которой, однако, уже неизгладимо лежало отталкивающее клеймо разврата. Ея испитое, горящее хмѣльнымъ румянцемъ лицо, вполне гармонировало съ такими же испитыми лицами мальчишекъ. Подлѣ танцующей пары ухарски возсѣдалъ на табуретѣ одинъ взрослый и своими восклицаніями поощрялъ безобразную пляску.

— Цыцъ, вы, чертенята! Брысь подь печку! топнулъ на нихъ Провъ Викулчъ. — У добрыхъ людей пятница, а они срамныя пѣсни орутъ!

— Бѣса плясовицею и скаканіемъ тѣшатъ! примолвилъ отъ себя богобоязненный Оумушка.

Рябятишки немного притихли, взрослый почтительно привсталъ съ табурета, а плясунья удалилась за двери даже съ нѣкоторою робостью, потому Провъ Викулчъ бабъ не любилъ.

— Что у васъ за кагалъ тутъ жидовскій? нѣсколько благосклоннѣе спросилъ онъ, съ достоинствомъ разсѣвшись на диванѣ.

— А вотъ—звонковъ (*) обучаю... Хотите— незаметъ можно сдѣлать? съ улыбкой отозвался взрослый, красивый паренъ лѣтъ двадцати-пяти, въ камлотовомъ пиджакѣ.

— Не «незаметъ», а экзаментъ; слово греческое, докторально-педаггически и совсѣмъ уже благосклонно поправилъ патриархъ, любившій иногда щегольнуть своимъ знаніемъ и начитанностью.

Камлотовый пиджакъ, сознавая ученое превосходство патриарха, скромно ухмыльнулся и провелъ рукой подь носомъ.

— Ну, дѣлай, пожалуй; а я погляжу, да вотъ съ добрыми людьми покалябаю, согласился старикъ, приглашая компанію Оумушки подсѣсть поближе къ дивану.

(*) Звонковъ, звонъ, малолѣтокъ, жулики—ученикъ мошенника. Жуликами называются уже тѣ изъ учениковъ, которые могутъ ходить на дѣло.

Омушка «сдѣлалъ уваженіе» ему рюмкой мадеры, которую всегда эти господа угощаютъ такихъ сановитыхъ людей, и которую очень любилъ Провъ Вивулычъ, хотя сначала и отказывался пригубить по случаю пятницы. Затѣмъ, представа ему Зеленькова, Омушка вполголоса приступилъ къ изложенію задуманнаго дѣла съ Морденкой, а камлотовый пиджакъ началъ эквamente.

Онъ поставилъ табуретъ посрединѣ комнаты и вынулъ изъ кармана ременный жгутъ.

— Вы, новички, слушай! обратился онъ къ тремъ мальчикамъ, изъ которыхъ одинъ блѣдный, худощавый ребѣнокъ, лѣтъ десяти, стоялъ позади всѣхъ у окна, и не то со страхомъ, не то съ удивленіемъ глядѣлъ на все происходившее въ этой комнатѣ.

Видно было, что онъ дичился, что все это казалось ему страннымъ и чѣмъ-то новымъ, невиданнымъ.

— Слушай! повторилъ камлотовый пиджакъ.—Вотъ Сенька будетъ у меня форточничать, а вы — чурь! — глядѣть да учиться! Когда, значить, пойдемъ на работу и случится при эфтимъ дѣлѣ въ форточку пролѣзть, такъ надо, чтобъ было аккуратно и безъ шуму. А коли на шумимъ, ребятки, такъ березовой каши въ части похлебаемъ! Ну, Сенька, полѣзай! скомандовалъ онъ пласавшему мальчишкѣ: — да гляди у меня, пострѣлъ: буде чуточку только сдвинешь табуретку — жгутъ!

Сенька скинулъ сюртучонокъ и ловко полѣзъ между ножками и нижней перекладной табурета. Камлотовый пиджакъ — жгутъ наготовѣ — въ наблюдательной позѣ сталъ надъ мальчишкой.

Сдвинулъ.

Раздался ударъ по спинѣ и крикъ, слившійся со смѣхомъ мальчишекъ.

— Ахъ, ты, дѣвчонка!... Онъ еще голосить тутъ вздумалъ!

— Да вѣдь больно... не принаровишься сразу... простоналъ со слезами на глазахъ пролѣза, вскочивъ на ноги.

— Затѣмъ и бьютъ, чтобъ было больно, пояснилъ менторь.— Дастъ-богъ, на Конной попадешься къ Кирюшкѣ въ лапы — еще больнѣе будетъ — значить, съ младости приучаться надо (*).

Мальчижъ, убѣжденный этимъ аргументомъ, полѣзъ опять, и

(*) Въ Петербургѣ былъ нѣкогда палачъ, прозывавшійся Кирюшкой. Онъ отличался особенной ловкостью и сноровкой «въ дѣлѣ», такъ что приобрѣлъ себѣ огромную популярность въ мірѣ мошенниковъ, и даже самое имя его на петербургскомъ argot сдѣлалось синонимомъ палача.

опять сдвинулъ на полвершка табуретку. Новый, еще сильнѣйшій ударъ, но на этотъ разъ уже ни малѣйшаго крика.

— Молодецъ!... Валей съизнова да дѣлай начистоту! ободряетъ менторъ—и ученикъ его съ изумительною ловкостью пролѣзаетъ наконецъ между ножекъ—туда головой, а потомъ обратно ногами—ни на одну линію не сдвинувъ табуретки.

— Молодецъ, Сенька! ай-да молодецъ! восклицаетъ менторъ, приходя въ истинный восторгъ. — Пошелъ, налепъ себѣ стаканъ водки въ награду!

Провъ Викуличъ слушаетъ Омушку съ компаніей и въ то же время, самодовольно поглаживая свою прекрасную бороду, съ благоволивой улыбкой смотритъ на искусство юнаго Сеньки. Одно только не совсѣмъ-то нравится ему: «зачѣмъ мальчуга водку дуешь?—потому пятница и опять же нравственности, ущербъ, хотя, съ другой стороны, трудно и не испивать въ такомъ положеніи.» Такъ разсуждаетъ Провъ Викуличъ; а камлотовый пиджакъ ужъ представляетъ на его благоусмотрѣніе новые плоды своей ланкастерско-педагогической дѣятельности. Онъ сѣлъ на табуретъ, положилъ къ себѣ въ карманъ довольно узкихъ панталонъ кошелекъ съ деньгами и кликнулъ новаго мальчишку.

— Начинаю! сказалъ мальчишка и, немного засучивъ рукавъ, осторожно запустилъ пальцы въ карманъ учителя.

Черезъ минуту онъ подаль ему кошелекъ.

— Ну, братъ, чистота!... Вотъ ужъ подлинно можно сказать, золотая тырка! (*) изумился менторъ:—гляди-ко, чортъ, безъ ошмалашу (**) прямо полѣзъ, да еще говорить: «начинаю» и хошь бы

(*) Золотая тырка—выраженіе, довольно трудно переводимое на обыкновенный языкъ; означаетъ—очень удачно произведенное воровство. *Тырить*—воровать, красть.

(**) *Ошмалашъ*—слово, которое звучитъ очевидно не русскимъ, а восточнымъ, и скорѣе всего, кажется, татарскимъ происхожденіемъ. *Ошмалашъ*—ошупка, *ошмалашъ*—ощупать. Обыкновенно передъ тѣмъ чтобы украсть (напримѣръ, часы, бумажникъ, при застегнутой одеждѣ), мошенникъ предварительно дѣлаетъ наружную рекогносцировку, слегка и очень осторожно, ощупываетъ мѣсто и соображаетъ положеніе, въ какомъ вещь лежитъ въ карманѣ. Маневръ этотъ производится съ самымъ невиннымъ видомъ, какъ-бы нечаяннымъ, машинальнымъ прикосновеніемъ руки. Сообразительность въ подобныхъ случаяхъ у опытныхъ мошенниковъ развита необыкновенно тонко: достаточно одного только легкаго прикосновенія, чтобы сообразить, въ какомъ положеніи находится вещь и какъ будетъ лучше, какъ удобнѣе можно ее украсть. Это-то называется *ошмалашъ*. Если часы или бумажникъ лежатъ подъ сюртукомъ, плотно застегнутымъ на всѣ пуговицы, то здѣсь уже употребляется нѣсколько болѣе рискованное средство, именно берется *жумикъ*—не малолѣтовъ, а небольшой, весьма острый ножикъ,

чуточку трёкнулъ!... (*) И знаю вѣдь, что тащить, бестія, а кошъ убей — ничего не слыхалъ!...

— Чисто! очень чисто! похвалиль Провъ Викулычъ, который успѣлъ уже выслушать планъ задуманнаго дѣла и дать надлежащій, добрый совѣтъ, сущность котораго читатели узнають въ надлежащемъ мѣстѣ.

— Первый хорошій празднигъ, сказалъ камлотовый пиджакъ молодому ворышкѣ:— а тебя беру съ собой въ Казанскій. Это— словно бы ужъ и не жулягъ, а дѣлнй мазъ выходить. П-шелъ, собака, выпей водки!

— Клугинъ! обратился Сенька къ своему ментору: — скажи Прову Викулычу, что мы нынче новичка привели.

Клугинъ вывелъ изъ толпы блѣднаго ребѣнка въ пестрадиномъ халатѣ, того самаго, который озирался на все съ робкимъ изумленіемъ и подвелъ его къ патриарху.

— Какъ зовутъ? отнесся къ нему этотъ послѣдній, въ томъ солидно-благодушественномъ тонѣ, какъ относятся обыкновенно законоучители ко вновь поступившимъ гимназистамъ.

— Миколкой, чуть не задыхаясь отвѣтилъ мальчуга.

— Изъ мастеровыхъ, надо полагать? продолжалъ Викулычъ, взглянувъ на его пестрадиннй халатикъ.

— Сказывалъ, у сапожника въ ученьи жилъ, да убѣгъ отъ него третѣва-дни, объяснялъ бойкій Сенька. — Мы нонче дрова таскать лазили и видимъ — въ пустой канурѣ собачьей сидитъ кто-то... Смотримъ—а это онъ... Ну, вытащили да и привели... Голодный былъ...

— Есть родители, али родственники какіе? допрашивалъ новичка Провъ Викулычъ.

Мальчикъ дрожалъ и готовъ былъ разрыдаться. Нижняя губа и подбородокъ его нервно трепетали — предвѣстіе близкихъ, но сдерживаемыхъ слезъ.

— Не бойся, милнй, отвѣчай... Мы худа не сдѣлаемъ, поглядяль его по головкѣ Викулычъ.— Есть, что ли, родители?

употребленнй для подрѣзанія снаружи боковыхъ кармановъ, отшариванія у шубъ и салоновъ воротниковъ, рукавовъ и т. п. Главная штука въ томъ, чтобы неслышно, незамѣтно для жертвы сдѣлать наружный прорѣзъ спуртка — а тамъ уже вещь сама-собою въ рукахъ мошенника.

(*) *Трёкнутъ*—неосторожно толкнуть, дотронуться до жертвы во время самаго производства воровства.

— Нѣту... никого... съ трудомъ отвѣтилъ нѣсколько ободренный мальчикъ.

— Кто жь тебя въ ученье-то отдалъ?

— Господа отдали...

— Такъ... А зачѣмъ же ты убѣжалъ отъ хозяина?

— Билъ меня... все билъ... ѣсть не давалъ.

— Какъ же онъ тебя билъ-то?

Мальчикъ отстегнулъ халатъ и показалъ грудь, плечи и часть спины. Ременная шпандра оставила на нихъ синяки полосами. Видно было, что эта хозяйская шпандра безъ разбору и долго и часто гудала по его щедущному тѣлу: не успѣвали сглаживаться полосы старыхъ побоевъ, какъ поперегъ ихъ накипали новые синяки.

— За что же это онъ такъ? продолжалъ Провъ, побачавъ головою.

— За разное... Пьяннѣ все больше... Молочникъ вотъ разбилъ... въ лавочку долго бѣгалъ... клейстеръ переварилъ, припоминалъ онъ причины побоевъ, а слезы не выдержали и покатились.

— Ну, не плачь, малецъ, не пускай нюни! утѣшалъ его старикъ, подымаясь съ мѣста и откланиваясь присутствующимъ. — Поживешь съ нашими ребятами, поправишься, молодцомъ станешь.

— Хочешь водки? предложилъ ему Клугинъ, по уходѣ патриарха. — Хвати-ка стаканъ! веселѣ будешь!

Ребѣнокъ отпѣкивался.

— У! бабѣ какое! учи его, ребята! лей ему въ глотку! скормандовалъ опытный педагогъ, и мальчшки разомъ накинулись на своего новаго товарища, схвативъ его голову и руки.

— Пей, а не то къ хозяину сведу! пострашалъ менторъ, у котораго однимъ изъ первоначальныхъ педагогическихъ приѣмовъ было—систематическое приученіе питомцевъ къ пьянству, разврату и празднои жизни.

Угроза насчетъ хозяина подѣйствовала сильно: несчастный мальчикъ, весь дрожа отъ наплыва столь разнородныхъ ощущеній, съ отвращеніемъ проглотилъ большой стаканъ водки и безъ чувствъ повалился на полъ.

— Урра-а! закричали мальчишки — и черезъ минуту опять появилась тамъ испитая женщина и опять раздавалась прежняя пѣсня.

Тыкимъ-то вотъ образомъ изъ неспорченнаго ребѣнка, котораго разныя хозяева ни за-что ни про-что истязали и морили голодомъ, какъ послѣднюю собаку, приготавливается негодай ч воршика, а впослѣдствіи, быть можетъ, кандидатъ на каторжную работу, котораго мы, въ плчу благороднаго негодованія и съ утѣшительнымъ сознаніемъ своей собственной, высокой честности, будемъ клеймить своимъ презрѣніемъ, говоря, что подѣломъ во-ру муза, и что законъ еще слишкомъ снисходителенъ къ подобнымъ негодаямъ.

Я полагаю, что мы будемъ совершенно правы, сограждане! Не правда ли, и вы вѣдь полагаете то же?

VI.

Нищій-вогачъ.

На другой день, за вечернею службой, Морденко, по вчерашнему, словаясь въ притворѣ за спинами нищей братіи и по вчерашнему же двуручничаль, съ какимъ-то волчьимъ выраженіемъ въ стеклянныхъ глазахъ, которое появлялось у него постоянно при видѣ денегъ или какой бы то ни было добычи. Оумушка на сей разъ не донималъ его тычками. И однако, Морденко все-таки спустился съ паперти раньше остальной нищей братіи, преслѣдуемый градомъ критическихъ и обличительныхъ замѣчаній со стороны косоглазаго слюня и бабъ-попрошаекъ. Угрозою понуривъ голову, шелъ онъ въ своемъ дрянномъ, развѣвакцемся халатишкѣ, направляясь къ Средней Мѣщанской, гдѣ было его обиталище. Въ саженьяхъ десяти разстоянія за нимъ шагалъ высокій человѣкъ, ни на минуту не упуская изъ виду понурую фигуру старика.

У воротъ грязно-желтаго дома, того самаго, гдѣ обитала Александра Пахомовна, мнимая тѣтушка Зеленькова, и гдѣ неисходно пахло жестяною полудой, старикъ Морденко столкнулся съ молодымъ человѣкомъ.

— Здравствуйте, папенька, сказалъ этотъ послѣдній, тѣмъ бо-лѣзненно-несмѣлымъ голосомъ, который служитъ признакомъ скрытой нужды и подавляемаго горя.

Неожиданность этихъ словъ заставила вздрогнуть старика, погруженнаго въ свои невеселыя думы. Онъ изподлюбка всеннулъ

тусклые глаза на молодого человека и глухо спросил его ворчливо-недовольным тоном:

— Что тебѣ?... чего пришелъ, чего надо?...

— Я къ вамъ... навѣстить хотѣлъ...

— Навѣстить... Зачѣмъ навѣщать?... не къ чему навѣщать!...

Я человекъ больной, одинокой... веселого у меня мало!...

— Да вѣдь все жь... я сплѣчь вамъ... повидать хотѣлось...

— Повидать... а чего видать-то? — все такой же, какъ были! не бойсь, не позолотился!... Участіе, что ли, показывать?... Зачѣмъ мнѣ это?... Развѣ я прошу?... Не надо мнѣ этого! ничего не надо!...

— Я къ вамъ за дѣломъ...

— Да, да! знаемъ мы эти дѣла, знаемъ!... Денегъ вѣрно надо?... Нѣту у меня денегъ. Слышишь-ли, нѣту!... Самъ безъ копейки сижу!... Вотъ оно участіе-то ваше! только изъ-за денегъ и участіе, а по сердцу не жди!

У молодого человека сдержанно сорвался горькій и тяжелый вздохъ.

— Хоть обогрѣться-то немного... позвольте, сказалъ онъ, тиснетно кутаясь въ свое холодное, короткое пальтецо, и видно было, что ему тяжело, сильно тяжело эта просьба.

— Развѣ холодно?... Мнѣ—такъ нисколько не холодно, возравилъ старикъ:—да и дома не топлено нынче... два дня не топлено.

— Ну, богъ съ вами... Прощайте, проговорилъ юноша, и медленно пошелъ отъ старика, какъ человекъ, которому рѣшительно все равно, куда бы ни идти, ибо впереди нѣтъ никакой цѣли.

Тѣнь чего-то человѣческаго раздумчиво пробѣжала по блѣдно-желтому, неподвижному лицу Морденки.

— Иванъ!... эй, Ваня! вернися!... Я ужь, пожалуй, чаемъ тебя напою нынче, сказалъ онъ вдогонку молодому человеку.

Тотъ машинально какъ-то повернулся назадъ и прошелъ вслѣдъ за старикомъ въ калитку грязно-желтого дома.

Высокій человекъ, неуклонно слѣдившій за Морденкой еще отъ самой паперти Спаса, сдѣлалъ видъ будто разсѣянно остановился у фонаря, а самъ между тѣмъ слушалъ происходившій разговоръ, и теперь вслѣдъ за вошедшими юркнулъ въ ту же самую калитку.

Въ глубинѣ грязнаго двора, въ самомъ послѣднемъ углу, въ который надо было пробираться черезъ заеулокъ, образованный дровянымъ сараемъ и грязною ямой, одиноко выходила темная лѣст-

нища. Она вела во второй этажъ каменнаго двухяруснаго флигеля, гдѣ находилась квартира Морденки. Низъ былъ занятъ подъ сараями и конюшней.

— Постой-ка .. надо вынуть ключи, сказалъ онъ, остановивъ у входа и досталъ изъ-за пазухи два ключа довольно крупныхъ размѣровъ, захвативши ихъ въ обѣ руки такимъ образомъ, чтобы они могли служить оружіемъ для удара.

— Лѣстница темна, неровнѣй часть, лихой человѣкъ попадетъся, пробурчалъ Морденко, и осторожно занесъ уже было ногу на ступеньку, какъ вдругъ опять остановился...

— Ступай-ка ты, Иванъ, лучше впередъ... а я за тобою.

Молодой человѣкъ безпрекословно исполнилъ это желаніе подозрительнаго старика.

— Развѣ вы Христинѣ отпустили? спросилъ онъ, нащупывая ногами ступеньки.

— Нѣтъ, держу при себѣ... нельзя безъ человѣка; уходить со двора иной разъ приходится, пояснялъ Морденко, отыскивая на двери болтъ съ висачимъ замкомъ.

— Да гдѣ жъ она у васъ теперь-то?

— А я ее запираю въ квартирѣ, пока ухожу — такъ-то вѣрнѣе выходитъ, по крайности знаю, что не уйдетъ... А тебѣ-то что это такъ интересно? вдругъ спросилъ онъ подозрительно.

— Такъ. Вижу, что вы съ ключами...

— То-то «такъ» ли?... У васъ все «такъ»... А на свѣтѣ «такъ» — ничего не бываетъ...

Онъ отомкнулъ сначала висачій замокъ, а потомъ другимъ ключомъ отперъ уже самую дверь, и вошелъ съ сыномъ въ темную комнату, откуда пахнуло на нихъ сыростью кладовой, гдѣ гниетъ всякая рухлядь.

Высокій человѣкъ, какъ кошка, неслышно все крадучись за ними, вошелъ наконецъ въ нижнія сѣни, гдѣ плотно прижался къ стѣнѣ. Сюда долетѣлъ до него и послѣдній разговоръ отца съ сыномъ.

Растрепанная, заспанная женщина внесла въ комнату сальный огарокъ.

— А ты зачѣмъ палила свѣчку? Я развѣ зачѣмъ покупаю, чтобы она у тебя даромъ горѣла? обратилъ къ ней съ выговоромъ Морденко.

— Чего горѣла?... гдѣ она горѣла?... И те въ петыхахъ дѣльный вечеръ сидишь, проворчала чухонка.

— А вотъ я удостовѣрюсь, вражья дочка, я вотъ тебя поймаю! Ты думаешь, у меня не замѣчено? — нѣтъ, братъ, шалышь!...

И найди на огнѣ бумажную мѣрочку съ отиѣтнкой, Морденко приложилъ ее къ огарку; врѣшлась вразъ — и старикъ уснокохлся: Христина, точно, просидѣла въ потемкахъ.

— Поставь-то самоваръ намъ... обогрѣться хочу, сказалъ онъ ей уже болѣе дружелюбнымъ тономъ; но Христина не оказалась къ дружелюбію особеннаго расположенія: это глуповатое, скотски-терѣбливое существо пришло, наконецъ, въ нѣкоторое негодование.

У Морденки люди обыкновенно не выживали болѣе двухъ недѣль; одна только Христина какъ-то умудрилась вынести свою пытку уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, да и у той начинало лопаться терпѣніе. Она находилась чisto въ плѣну, въ заточеніи у Морденки. Уходи утромъ за провизіей, онъ запиралъ ее на ключъ въ своей квартирѣ. То же самое было, если шелъ куда-либо по дѣлу или вечеромъ въ церковь — послѣднее въ особенности хуже всего, такъ-какъ онъ запрещалъ жечь свѣчку, и несчастная чухонка принуждена была сидѣть въ совершенной темнотѣ часа два или три сряду. Вырваться и уйти отъ него было весьма затруднительно, потому что расчетливый старикъ отбиралъ обыкновенно паспортъ, и пряталъ его въ потаенное, ему одному извѣстное мѣсто. Отходы прислуги совершались почти всегда со вмѣшательствомъ полиціи, которая винуждала наконецъ Морденку къ расчету и отдачѣ паспорта. Оставаясь одинъ въ своей квартирѣ, онъ становился совершеннымъ мученикомъ, сидѣлъ запершись на всѣ замки, боялся, что кто нибудь войдетъ и убьетъ его, еще больше боялся отлучиться изъ дому, потому что, пожалуй, ворвутся безъ него ликоу дѣи въ безлюдную квартиру и оберутъ все до-чиста. Тогда онъ съвозъ форточку посылалъ дворника за майоромъ Спиной, обитающимъ въ томъ же самомъ домѣ, и умолялъ найти ему какую нибудь прислугу. Майоръ, старый однодомчанинъ съ Морденкой, былъ, кажется, единственныи челоуѣкъ, сохранившій къ скупому аскету нѣсколько благопріятныя отношенія, въ силу особаго обстоятельства, о которомъ вскорѣ подробно узнаеть читатель. Майоръ обыкновенно бралъ на себя порученіе Морденки, и

доставлялъ ему какуюнибудь старую Домну или Палагею, чтобы эта недѣля черезъ полторы смѣнилась, по майорскому же отысканію, какуюнибудь Матрешой или Христиной.

Итакъ, Христина не оказала особеннаго расположенія къ дружескому тону Морденко.

— Чего тутъ самоваръ!... лучше печку затопить—третій день нетоплена, протестовала она:—крысь морозимъ въ фатерѣ... жить нельзя... пачпортъ мой подавай сюда—уйду совсѣмъ!...

— Уйди, уйди; я поглажу, какъ ты уходишь станешь, кивая головой, полемизировалъ Морденко.

— Думаешь, не знаю, куда ты въ халатикѣ шатаешься?—Христарядничать ходишь, милостиней побираешься!

— Дура, и видно, что дура! возразилъ Морденко.—Побираюсь... ну, точно, что побираюсь; такъ вѣдь это богоугодное и душевспасительное дѣло, потому—униженіе приемишь! Вотъ и ты—поругайся побольше, а я со смиреніемъ выслушаю; тебѣ-то—мученіе вѣчное, а мнѣ—душѣ своей по спасенію.

Христина въ кухнѣ заколошилась съ самоваромъ; Морденко ушелъ въ другую горницу переодѣться. Халатъ служилъ ему только для вечернихъ ходеній на шаперть Сѣннаго Спаса; для дневнаго же выхода въ люди или по дѣламъ, старикъ имѣлъ костюмъ совершенно приличннй, состоявшій изъ синяго сюртука стариннаго повра, узкихъ панталонъ, и стариннаго же покрою духовой шляпи съ козырькомъ, какія лѣтъ пятнадцать тому назадъ можно еще было встрѣтить на нѣкоторыхъ старикашкахъ; за то костюмъ домашній, обиденный представлялъ нѣчто совсѣмъ оригинальное. Въ него-то именно и облекся Морденко въ другой горницѣ. Это была грязная рубаха, заплатанное нижнее бѣлье, больничныя шлепанцы-туфли на босу-ногу, и какая-то порижѣлая отъ времени шелковая женская мантилья—очевидно изъ заложенныхъ ему когда-то и невыкупленныхъ вещей—которая совершенно поженски была накинута на его сутуловато-старческія плечи.

Въ комнатѣ былъ страшный холодъ, нарѣ отъ дыханія ходилъ густыми клубами; но старикъ оставался какъ-то нечувствителенъ къ этому холоду; тогда какъ снявъ его, кутаясь въ пальтишко, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ; эта затхлая сырость принимала гораздо хуже сырости уличной. Морденко вышелъ изъ другой комнаты съ жестянымъ фонаремъ, и переставилъ въ него изъ подсвѣчника салыный огарокъ. Комната осталась въ густомъ

волумрагѣ; по стѣнамъ легли радіусами три свѣтлыя полосы, на потологѣ тускло замигали пятнами нѣсколько кружковъ — отсвѣтъ отъ дырочекъ на крышкѣ фонаря.

— Тагъ-то лучше, безопаснѣе, замѣтилъ онъ:— а то, оборони богъ, заронится какъ нибудь искра — пожаръ случится — всѣ погоримъ... Что дрежишь-то? или тебѣ въ самомъ дѣлѣ холодно? обратился онъ къ сыну.

Тотъ въ затрудненіи не отвѣтилъ ни слова.

— Жаль, затопить нельзя: вчера только что топлена, а у меня правило: черезъ день... регулярность люблю.

— Агъ врешь, не вчера, а третѣводни! оспорила его Христина изъ кухни.

— Агъ врешь, вчера!

— Агъ третѣводни!

— А побожись!

— Чего божишься — самъ безъ божьбы знаешь!

— Вре-ешь, меня не надуешь, у меня записано... Сейчасъ справку наведемъ, говорилъ онъ, взявъ съ она какую-то тетрадочку, и просматривая по ней свои отмѣтки. — А вѣдь и вправду третѣводни... ошибся... Ну, тагъ стало быть затопимъ.

И онъ пошелъ къ изразцовой печкѣ.

Морденко, кромѣ кухни, которая служила и прихожею, занималъ квартиру въ три комнаты. Первая, въ которой теперь находился онъ съ сыномъ, служила пріемной. Это была большая горница въ три окошка, сырая, закоптѣлая и почти пустая. Посрединѣ стоялъ столъ да три стула; у она клѣтка съ попугаемъ; по стѣнѣ, близъ печки, сложено съ полсажени сосновыхъ дровъ. Дверь съ висачимъ замкомъ вела въ смежную однооконную комнату, называвшуюся спальней; изъ этой смежной комнаты виднѣлась дверь въ третью, замкнутая большими замками на двухъ желѣзныхъ болтахъ и запечатанная двумя печатами. Это была владова, гдѣ хранились заложеныя вещи.

На столѣ появился, наконецъ, грязнѣйшій зазеленѣлый самоваръ; Морденко насыпалъ въ чайникъ какихъ-то травъ изъ холщеваго мѣшечка.

— Чаю я не пью, пояснилъ онъ при этомъ:— чай грудъ сушить, а у меня вотъ — настой хорошій изъ цѣлебныхъ пользытельныхъ травъ... лѣтомъ самъ собираю... оно немного терпко на вкусъ, зато для желудка здорово и грѣеть тоже — никакихъ дровъ не нужно.

Въ печкѣ между тѣмъ затрещали четыре полѣна, но сирны дрова не загорались, а только тлѣли и вскорѣ совсѣмъ потушли. Морденко воспользовался этимъ обстоятельствомъ, и поспѣшилъ закрыть трубу. Изъ печи повалилъ ѣдкій дымъ. «Авось, послѣ чаю скорѣй уберется, какъ глаза-то заѣстъ», подумалъ старикъ, взглянувъ сквозь свои круглыя большія очия на закашлявшагося сына. Въ немъ какъ-то странно боролось человѣческое чувство къ своему родному, и нелюбовь къ обществу, желаніе отдѣлаться поскорѣй отъ лишняго человѣка.

— Что дыму-то напустишь?.. зачѣмъ трубу закрываешь?—угарь пойдетъ! огрмалась на него Христина.

— Дура, молчи!... Угарь... что жъ такое угарь? Жаръ въ комнатѣ вреденъ для здоровья, а небольшой угаръ — ничего не значить, ибо комнаты большія — разойдется.

— Вотъ такъ-то и всегда!... Ока жисть-то чертовская! воруша Христина, удалилась въ свою холодную кухню.

Въ это время что-то странное стукнуло въ форточку, словно бы о стекло хлопнулись два птичьи крыла.

Морденко обернулся и какъ-то загадочно проговорилъ съ улыбкой:

— А!... прилетѣлъ!...

— Кто прилетѣлъ? отозвался Ваня, покосаясь на окошко.

— Онъ прилетѣлъ...

И съ этимъ словомъ, старикъ, крехта и кашляя, отворилъ форточку. Въ нее вихрило какое-то странное существо, и хлопая крыльями, усѣлось на плечо Морденки. Въ полумрагѣ сначала никакъ нельзя было разглядѣть, что это такое. Оно поднялось на воздухъ, съ шумомъ описало нѣсколько тяжелыхъ круговъ по комнатѣ, шарыгая крыльями о стѣны, задѣло попугаечью клетку и снова усѣлось на плечо.

«Безносый», неожиданно крикнулъ попугай, встрепенувшись на своемъ кольцѣ.

Морденку очевидно утѣшило это восклицаніе.

— А ты не осуждай! съ улыбкой обратился онъ къ попугаю въ наставительномъ тонѣ. Птица, сидѣвшая у него на плечѣ, продолжала хлопать крыльями и, какъ-бы ласкаясь, вытгивала свою странную, необыкновенную голову, прикасалась ею къ шеѣ старика. Вглядѣвшись въ нее, можно было догадаться, что это голубь, у котораго совершенно не имѣлось клюва: онъ былъ отбитъ или отрѣзанъ такъ ловко, что и слѣдовъ его не оста-

лось; торчалъ только одинъ высунутый языкъ, и это придавало птичьей физиономіи какой-то необыкновенно странный и даже непріятный характеръ.

— Это мои друзья, говорилъ старикъ, качая головой:— больше друзей у меня нѣтъ никого—только Попва да Гульва... На улицѣ птенцомъ нашелъ, самъ воспиталъ, самъ вскормилъ, а онъ теперь благодарность чувствуетъ...

И старикъ подставлялъ голубю наполненную какой-то мякотью чашку, въ которую тотъ окунулъ свою безклювную голову и такимъ образомъ кормился. Этотъ голубь виѣсть съ попугаемъ гуляли прежде на волѣ по всѣмъ комнатамъ; но, однажды, между ними произошла баталія и попугай откусилъ голубю клювъ, такъ что этотъ уже поневолѣ долженъ былъ за дневнымъ пропитаніемъ прилетать къ старику.

И эти три существа составляли между собою нѣчто цѣлое, совершенно замкнутое въ самомъ себѣ, изолированное отъ всего остальнаго міра; даже полудивная Христина звучала между ними какимъ-то диссонансомъ, который, несмотря на всю свою дикость, все же такъ хотъ какъ нибудь напоминалъ жизнь человѣческую, ближе подходилъ къ ней, чѣмъ эта странная троица. Голубь никогда не издавалъ воркованья, ниже какого звука, хромъ хлопанья крыльевъ; попугай, напротивъ, былъ птица образованная и любилъ иногда по-часу кричать цѣлыми фразами, кониъ обучалъ его Морденко.

Временемъ старикъ начиналъ бояться даже свою Христину: чудилось ему, что она «злой умиселъ на него держитъ», и онъ запирался тогда на замокъ въ свои комнаты, не имѣя въ теченіе сутокъ никакого сообщенія съ кухней. Впрочемъ, на ночь онъ и постоянно замыкался такимъ образомъ.

И вотъ тогда-то оставаясь уже вполне принадлежащимъ своему особому міру, дѣлаясь живымъ членомъ своей собственной семьи, помещался онъ обыкновенно въ глубокое, старинное кресло; голубь садился ему на плечо, попугай вертѣлся въ клеткѣ—и были тутъ свои ласки, шли свои интимные разговоры, начиналась своя собственная жизнь.

«Разорились мы съ тобой, Морденко!» произительно кричала птица изъ своего заточенія.

— Разорились, поиньва, совсѣмъ разорились! со вздохомъ отвѣчалъ обыкновенно Морденко, глаза и папу безкляваго Гульву. И голоса этихъ двухъ существъ до такой степени похо-

дли другъ на друга своей глухотой и хриплой дряхлостью, что трудно было отличать — который попугай, который Морденко; казалось, будто это говорить одно и то же лицо.

Человѣкъ, кажется, не можетъ зачерствѣть и одеревениться до такой степени, чтобы не питать хотя сколько нибудь *живого* чувства къ *живому* существу. Часто человѣконенавидцы привязываются къ какой нибудь собакѣ, кошкѣ и т. п. Я слыхалъ объ одномъ убійцѣ, который «въ тринадцать душахъ повинился, да шесть за собой оставилъ». Этотъ человѣкъ, безъ малѣйшаго содроганія клавшій «голову на рукомойникъ» людямъ, то-есть рѣзавшій и убивавшій ихъ—во время своего заключенія «въ секретной», до такой степени привязался къ пауку, свившему свою теань въ углу надъ его изголовьемъ, что когда этого убійцу погнали по Владиміръ—онъ затосковалъ и долго не могъ забыть своего безсловеснаго, но живаго сожителя по секретному номеру. Одну изъ подобнаго рода странныхъ привязанностей питалъ Морденко къ двумъ своимъ птицамъ. Онъ совсѣмъ не любилъ сына; иногда только мелькали у него кое-какіе проблески человѣческаго чувства къ этому юношѣ, но и тѣ мгновенно же угасали. Любилъ онъ только голуба да попугая; полюбилъ также подъ старость и деньги, къ которымъ сперва былъ почти равнодушенъ. Но привязаться къ нимъ заставило его одно исключительное обстоятельство. Впрочемъ, здѣсь отнюдь не была любовь денегъ для денегъ, своего рода искусство для искусства — нѣтъ, Морденко былъ лишень этой маніи ващея и гарпагона. Онъ въ деньгахъ видѣлъ только средство къ достиженію своей цѣли, но не самую цѣль.

Морденко во всю свою жизнь не могъ позабыть одного оскорбленія — пощчины князя Шадурскаго, полученной имъ въ присутствіи Татьяны Львовны—единственной женщины, въ отношеніи которой у него шевельнулось когда-то нѣчто похожее на человѣческое чувство, шевельнулось единственный разъ въ-теченіе всей его жизни. Въ первую минуту онъ даже не понялъ этого оскорбленія; въ первую минуту онъ до того потерялся, до того струслилъ встрѣчи со своимъ бывшимъ баринномъ, что пощчина только ошеломила его и еще болѣе обезкуражила. Да и чтó могъ онъ сдѣлать? Отвѣтить князю тѣмъ же?—Такая мысль и въ голову не могла придти ошеломленному Морденкѣ, который очень

хорошо еще помнилъ себя холопомъ, крѣпостнымъ его сіятельства, облагодѣтельствованнымъ его высокими милостями до званія управляющаго. Морденко все-таки былъ рабъ въ душѣ, и въ минуту роковаго столкновенія постигалъ только то, что передъ нимъ стоитъ самъ его сіятельство.

Нравственное значеніе пощочины понялъ онъ поодѣбѣ, когда все уже было покончено съ княземъ, когда переѣхавъ изъ княжескаго дома на свою собственную квартиру, одѣлся уже вполне лицомъ самостоятельнымъ. Тутъ только, въ тишинѣ да въ уединеніи, вдумался онъ въ смыслъ предшествовавшихъ обстоятельствъ — и въ душѣ его закипѣла вѣчная, непримиримая ненависть къ Шадурскому. Это столкновеніе перевернуло верхъ дномъ всѣ планы, всю карьеру, всю судьбу Морденки, который сколотилъ себѣ на управительскомъ мѣстѣ нѣкоторый капиталецъ, мечталъ о мирномъ преумноженіи его, мечталъ современемъ взять за себя замужъ «образованную дѣвицу дворянскаго происхожденія», дочь коллежскаго ассесора, стало-быть въ нѣкоторомъ родѣ штаб-офицера. Самолюбіе его рисовало уже привлекательныя картины, какъ разныя «господа» будутъ пріятельски жать ему руку, заискивать, пріѣзжать на поклоны, потому что онъ будетъ человѣкъ богатый, денежный — капиталомъ ворочать станетъ — какъ онъ будетъ обходиться съ ними «запанібрата», даже иногда, при случаѣ, въ нѣкоторомъ родѣ третировать этихъ «господъ», онъ—бывшій лакей, вольноотпущенный человѣкъ его сіятельства. Все это были сладкія, отрадныя мечты, питавшія и поддерживавшія его самолюбіе; а извѣстно, что ни одно самолюбіе неспособно расширяться до такихъ безобразно-громадныхъ, невыносимыхъ размѣровъ, какъ самолюбіе холопа, пробивающагося изъ своей коленъ въ денежное барство. Близкія отношенія къ княгинѣ еще болѣе возвысили его высокое мнѣніе о себѣ. Хотя при посѣщеніи знакомыхъ князя—онъ и долженъ былъ почтительно подыматься съ своего мѣста и почтительно отвѣшивать имъ поклоны, чего тѣ знакомые не всегда удостоивали и замѣтить; однако это не мѣшало самолюбивому холлу тѣмъ болѣе презирать ихъ, мечтать о томъ, что дескать «поклонитесь и намъ когда нибудь пониже», не мѣшало считать себя чѣмъ-то особеннымъ, необыкновеннымъ. Онъ признавалъ только двухъ человѣкъ: себя да князя Шадурскаго, не упуская случая вставлять повсюду свою любимую фразу: *мы съ княземъ*; остальное же человѣчество втайнѣ презиралъ и игнорировалъ, хотя и не осмѣливался еще,

по положенію своему, высказывать этого въявь. «Только бы капи-
талишку сколотить, а тамъ ужъ я вамъ покажу себя!» злобство-
вать онъ порою.

И вдругъ, все это зданіе, воздвигаемое имъ съ такимъ при-
мѣрнымъ и долготѣрнымъ терпѣніемъ, съ такимъ ловкимъ так-
томъ и осторожностью — рухнуло въ одну минуту, отъ одного
взмаха княжеской руки. Прощай мечты о панибратствѣ съ гос-
подами, о всеобщемъ уваженіи и заискиваніи, о благородной и
образованной дѣвицѣ! — все это растаяло яко воскъ отъ лица
огня, и отъ прежняго Морденки, управляющаго и повѣреннаго
кнзя Шадурскаго, тайнаго любовника самой княгини Шадурской—
остался ничтожный мѣщаниншко, вольноотпущенный человекъ
Морденко. Вся прислуга, вся дворня княжеская, которую онъ дер-
жалъ въ струнѣ, которая лебезила передъ нимъ, стараясь всяче-
ски угодить, и трепетала одного его взгляда, ибо могъ онъ сдѣ-
лать съ каждымъ изъ нихъ все, что ему угодно—стоило только
шепнуть самому князю—теперь эта самая дворня знать его не
хочетъ, шапки передъ нимъ не ломаетъ, съ наглостью смотреть
въ глаза, подсмѣивается, не упускаетъ случая сдѣлать какую-ни-
будь дерзость, насолить чѣмъ ни попало—съ той самой минуты,
какъ пронюхала, что онъ болѣе не управляющій. Каждая послед-
няя собака коровила теперь хоть какъ-нибудь облаять его, хоть
чѣмъ-нибудь насолить ему за прежнее долготерпѣніе и поклоны.
Вся дворня ненавидѣла втайнѣ этого деспота: она не могла за-
быть и простить ему того, что онъ—«свой братъ-холопъ», такъ
вознесся надъ прежними своими сотоварищами. Да, много пере-
жалъ Морденко въ одни только сутки, съ минуты роковой встрѣ-
чи! Въ волосахъ его, съ одной ночи, появилось значительное ко-
личество сѣдяковъ, лицо осунулось и похудѣло, и самъ онъ весь
осунулся, погнулся какъ-то. Ему неловко было поднять глаза, на
людей взглянуть—боялся встрѣтить ненависть и наглую насмѣшку.

Въ тотъ же день перебрался онъ на свою отдѣльную кварти-
ру, въ Среднюю Мѣщанскую улицу, гдѣ и поднесъ проживаетъ.

Онъ думалъ, что княгиня любитъ его. Въ прежнее еще время,
имаясь къ ней иногда съ докладами (не болѣе, какъ управляю-
щій), умный и сметливый хохоль понималъ, въ чемъ кроется
суть настоящаго дѣла: видя тоску одинокой, покинутой мужемъ
женщины, замѣчая часто слѣды невысохшихъ слезъ на ея гла-
захъ, онъ постигъ, что у нея есть свое скрытое горе, причина
котораго кроется въ вѣтренной невнимательности князя. Онъ по-

нагъ, что эта женщина оскорблена—оскорблена въ своемъ чувствѣ, въ своей молодости, въ своей потребности жить и любить. Ему стало жалко ея. Книгина, провѣряя отчеты, часто замѣчала остановившійся на ней сострадательно-симпатичный, грустный взглядъ управляющаго. Ей некому было высказаться, вылить свое горе, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить душу. Жаловаться роднымъ или пріятельницамъ—книгина была слишкомъ горда и слишкомъ самолюбива для этого. Однажды только намекнула она матери своей о холодности мужа.

— Ну, что же, мой другъ, это—пустяки! кто изъ нихъ не вѣтреничаешь?—Они всѣ такіе, на это не надо обращать вниманія... Старайся сама чѣмъ нибудь развлечься и не думай объ этомъ.

Таковъ былъ отвѣтъ ея матери, послѣ котораго Татьяна Львовна закрыла для нея свою душу. Пріятельницамъ своимъ, какъ мы говорили уже, она не рѣшилась бы сказать изъ гордости и самолюбія. Разъ какъ-то въ ея присутствіи одна изъ великосвѣтскихъ пріятельницъ открылась въ подобной же холодности своего супруга другой общей ихъ пріятельницъ, и именно баронессъ Дункельтъ.

— Милая, ты слишкомъ хороша собою, чтобы сокрушаться о такой глупости, отвѣчала баронесса.—Хорошенькой женщиной стыдно даже и признаваться въ этомъ: значить, она сама виновата, если не сумѣла удержать привязанности мужа. Смотри, какъ я, полегче на эти вещи: за тобой многіе ухаживаютъ въ свѣтъ—выбирай и даже почаще перемѣняй своихъ друзей; право, будетъ недурно!

Татьяна Львовна, готовая уже было сочувственно протянуть руку оскорбленной пріятельницъ, и сама рассказать ей свое такое же горе—прикусила языкъ послѣ практическихъ словъ баронессы Дункельтъ. Совѣту ея, однако, она не послѣдовала по той причинѣ, что о баронессѣ ходили весьма несомнительные слухи о томъ, какъ она ужинаетъ по маскарадамъ, увѣжаетъ оттуда съ посторонними мужчинами и даже носѣщаетъ соп ашого ввартиры своихъ холостыхъ друзей. Книгина, какъ извѣстно уже читателю, слишкомъ уважала носимое ею имя, и потому въ результатъ этого разговора для нея осталась прежняя замкнутость, прежнее одинокое, безрадѣльное горе.

Однажды нравственное состояніе ея, подъ гнетомъ этихъ мыслей и ощущеній, дошло до нервности почти истерической. Мор-

денко явился со своими отчетами. Въ это утро она уже въ третій разъ замѣчала на себѣ его грустно-сочувственный взглядъ.

Книгина наконецъ вскинула на него свои пристальные глаза.

— Что вы на меня такъ смотрите, Морденко?

Управляющій вздрогнулъ, покраснѣлъ и смутился.

— Скажите же, зачѣмъ вы на меня такъ смотрите?...

— Извините, ваше сіятельство... я... я ничего... я...

— Вамъ жалко меня? перебила она, взявши въ обѣ свои ладони его мускулистую, красную руку.

Морденко опустилъ глаза. По этой жилистой рукѣ пробѣгала нервная дрожь.

— Ну, скажите прямо, откровенно, вамъ жалко меня? повторила она особенно мягко, и въ голосѣ ея дрогнули тѣсно-сдерживаемыя слезы. На глазахъ показались двѣ крупныя росинки.

— Да, жалко, ваше сіятельство, съ усиліемъ пробормоталъ управляющій.

— Ахъ, жалѣйте меня!... меня никто не жалѣетъ! зарыдала она, бессознательно припавъ головою къ своимъ рукамъ, которыя все еще держали, не выпуская, пальцы Морденки. Эти пальцы увлажнились ея истерическими слезами.

— Вы у насъ такая молодая... такая хорошая, говорилъ управляющій, почтительно стоя передъ книгиной.

Ему, въ самомъ дѣлѣ, было очень жутко и жалко ее въ эту минуту.

— Хорошая я... Вы говорите: я хорошая, я молодая? подняла она опять на него свою голову.— За что жъ меня не любить?... За что же онъ оставилъ меня?...

— Богъ не безъ милости, ваше сіятельство... вы все-таки законная ихъ супруга... не крушитесь: все же къ вамъ вернется, полюбитъ...

— Кто полюбитъ?... Онъ?— Пускай полюбитъ, да я-то ужъ не люблю его!

— Зачѣмъ такъ говорить, ваше сіятельство?

— Нѣтъ, ужъ будетъ!... довольно съ меня! Я много молчала и терпѣла, а теперь не стану!...

— Да вѣдь этикъ не обратите сердца-то ихъ къ себѣ.

— И обращать не хочу!... Я люблю, Морденко, да только не его!... Слышите-ли вы — не его!

И она опять зарыдала истерическими слезами.

Это былъ послѣдній пароксизмъ, послѣдняя вспышка ея жен-

сваго чувства къ своему мужу. Онъ именно съ этой минуты и могъ бы вернуть къ себѣ ея любовь, которая еще всецѣло принадлежала ему, все бы могло быть прощено и позабыто этою женщиной, еслибы только онъ обратился къ ней. Но... князь Дмитрій Платоновичъ и не доменнулся о той глухой борьбѣ, которая кипѣла въ сердцѣ его супруги. Она подождала, поглядѣла—видитъ, что ничто не беретъ—оскорбленіе еще пуще за-сѣло въ ея душу—да со злости сама и отдалась г-ну Морденкѣ, единственному человѣку, проавившему къ ней участие...

Морденко думалъ, что она любитъ его. Въ головѣ хохля загвоздилась мысль, что отношенія ихъ могутъ продолжаться и послѣ разрыва съ княземъ. Этимъ онъ думалъ сначала мстить своему бывшему патрону и потому, перебравшись на новую квартиру, тотчасъ по городской почтѣ увѣдомилъ княгиню о своемъ новомъ помѣщеніи. Татьяна Львовна это извѣщеніе послужило поводомъ только къ разузнанію, гдѣ находится ея ребѣнокъ. Князь Шакурскій, оставя его на время у акушерки, думалъ съѣздить туда самъ съ приказаніемъ отправить его въ воспитательный домъ. Онъ хотѣлъ только обождать нѣсколько дней, чтобы опять не столкнуться какъ нибудь съ княжной Чечвинской. Въ это время къ Морденкѣ подошло письмо и деньги княгини, вслѣдствіе чего онъ и предупредилъ князя, взялъ ребѣнка и помѣстилъ его въ другія, частныя руки. Послѣ этого уже все было кончено между имъ и княгиней. То маленькое чувство кровной аристократки къ кровному плебею, которое затеплилось было въ ея душѣ, разомъ угасло послѣ полученной имъ пощочки. Быть можетъ, оно бы могло еще продолжаться и впродолженіе, ибо она ждала, она надѣялась, что ея любовникъ отвѣтитъ на оскорбленіе тѣмъ же самымъ ея мужу. Морденко вмѣсто того струсилъ, согнулся — и съ этой минуты она уже презирала его. Ей было стыдно передъ собою за свою связь, за свое ошибочное мнѣніе, будто онъ «достоинъ ея». Вторая пощочина князя сдѣлала только то, что княгиня, остававшаяся вѣрной супругой своему мужу до Морденки и немного-было полюбившая самаго Морденку, со злости вполне уже послѣдовала теперь практическому совѣту баронессы Дунвальтъ и стала дарить свою привязанность каждому, кто только мало-мальски имѣлъ честь понравиться ей. Этимъ она мстила своему мужу за все, чѣмъ онъ былъ неправъ передъ нею. Таковою мы уже видимъ ее въ настоящее время — таковою и изображаемъ въ нашемъ разсказѣ. Черты довольно непривле-

вѣтельны; но прошу покорно каждаго изъ васъ безусловно обвинить единственно только женщину въ ея развратѣ—женщину, которая во время своей еще честной жизни видать добрый примѣръ мужа, постоянно слышитъ добрые совѣты довольно легкаго свойства, и эти совѣты даютъ ей всё, начиная съ родной матери и кончая пріятельницами. Бросайте послѣ этого въ нее камень!

Окончательный разрывъ съ княгиней произвелъ на Морденку сильное впечатлѣніе. Это было для него первое и послѣднее разочарованіе. Онъ инстинктивно догадывался, что причиной разрыва должна непременно служить все та же проклятая пощочина. Злость его мучила, грызла, подступала къ горлу и душила. Онъ заболѣлъ разлитіемъ жолчи. Сознавши разъ, что все старое кончено, что къ прежнему нѣтъ уже возврата, а виной всему случившемуся — одна только прихоть, капризъ скучающей барыни, которая вдобавокъ не имѣетъ къ нему, «пострадавшему», ни малѣйшаго чувства—онъ возненавидѣлъ ихъ всѣхъ до послѣдней степени, на какую только способна душа человѣческая. Паче всего вопіали мечты самолюбія о наннбратствѣ съ господами, о всеобщемъ почтеніи. Съ этими грезами тяжелѣе всего было разстаться.

Тогда Морденко задумалъ мстить.

Но какъ мстить? Чтò можетъ сдѣлать онъ, ничтожный мѣщанинъ, темный вольноотпущенный, раздавленный холопъ, чтò можетъ сдѣлать онъ его сіятельству князю Дмитрію Платоновичу Шадурскому? Убить его?—за это въ Сибирь пойдешь, плети примешь, да и чтò это за мщеніе убійствомъ? Хлопсъ чловѣка—и все покончено мгновеніемъ! Нѣтъ, надо мстить такъ, чтобы онъ чувствовалъ, мучился, каялся, ненавидѣлъ бы, злился на тебя до бѣшенства—и все-таки ничего бы съ тобой подѣлать не могъ. Надо, чтобы онъ почувствовалъ все то, чтò я теперь чувствую—это вотъ будетъ месть, такъ ужь месть! Не то, что убійство!

Морденко думалъ-думалъ и, наконецъ, выдумалъ.

Черезъ нѣсколько времени въ полицейскихъ вѣдомостяхъ появилось объявленіе, гласившее, что въ Средней мѣщанской, домъ такого-то, въ квартирѣ № 24, ссужаются деньги подъ залогъ золотыхъ, серебряныхъ и иныхъ вещей. Заклады принимаются съ восьми часовъ утра до двѣнадцати ночи.

VII.

Благодѣтель рода человѣческаго.

Этимъ объявленіемъ Морденко вступилъ въ новый фазисъ своей жизни, сопричтисъ къ многочисленному классу петербургскихъ благодѣтелей рода человѣческаго.

Кто не знаетъ этихъ благодѣтелей? кому изъ петербуржцевъ хоть разъ не приходилось имѣть съ ними дѣла? Не знаете ихъ вы, баре, питающіе себя у Дюссо и Мартена, содержащіе Берть и Луизъ; но не знаете потому, что у васъ есть свои собственные, особые благодѣтели, благодѣнія коихъ суть гораздо горше тѣхъ, что выпадаютъ на долю люда мелкоплавающего. Впрочемъ, одно стѣнитъ другаго. Всѣ эти Бланы, Розенберги и Кохи — родные братья Бековъ, Карповичей, Алтуховыхъ и прочихъ. Разница та, что первые ареной дѣятельности избрали почву эlegantную, вторые — почву голода и холода, плача и скрежета зубнаго. Первые даютъ вамъ деньги подъ вѣрное обезпеченіе на пять и даже на десять процентовъ въ мѣсяцъ, такъ-что за тысячу рублей вы черезъ годъ уплатите двѣ тысячи-двѣсти и все-таки будете благодарны Блану или Коху за его благодѣніе. Вторые подъ залогъ вещи, стѣищей пятьдесятъ рублей, дадутъ вамъ пятнадцать, много двадцать и возьмутъ непременно уже по десяти процентовъ въ мѣсяцъ. Для первыхъ обезпеченіе бываетъ двоякаго рода: либо это — собственность, домъ, земля, фамильныя драгоценности; либо очень северная, въ высшей степени безнравственная, воровская продѣлка, состоящая въ томъ, что корнета, занимающаго деньги, заставляютъ, *sine qua non*, подписываться на векселѣ ротмистрамъ, несовершеннолѣтняго — совершеннолѣтнимъ и т. п. Это по большей части дѣлается съ богатыми наслѣдниками, послѣ чего такой опрометчивый господчикъ совсѣмъ уже попадаетъ въ лапы ростовщика, который страшаетъ его уголовной палатой, вопіетъ о подлогѣ, съ пагlostью изображаетъ себя невинной, обманутой жертвой и тянетъ уже со своего кліента сумму, какая заблагодасудится. Бывали примѣры, что за двадцать-пять тысячъ черезъ три года отдавали сто, лишь бы выручить подложную подпись, которую заставляли ихъ дѣлать въ нетрезвомъ видѣ, благодаря ростовщикъему завтраку съ обильными возліаніями.

Обезпеченіе ростовщиковъ второй категоріи состоитъ исключительно изъ вещей. Доброму вору — все въ пору: неси къ нему

платье, мѣхъ, бѣлье, золотую или серебряную вещьцу—благодѣтель рода человѣческаго тотчасъ же приметъ не обвинясь, оцѣнить вещь самъ, по собственному благоусмотрѣнiю, и выдастъ ничтожную сумму, часто съ вычетомъ «законныхъ» десяти процентовъ за мѣсяць впередъ. Тутъ долгихъ сроковъ не бываетъ: мѣсяць, полтора, много три и за тѣмъ — проститесь со своею вещьцею навсегда, буде не выкупите въ срокъ, опредѣленный самимъ благодѣтелемъ. Разница между ростовщиками большой и малой руки та, что первые начинаютъ дѣло съ капиталомъ въ двадцать-пять тысячъ, вторые — съ тысячи, а иногда и того меньше. Въ результатѣ черезъ пять-шесть лѣтъ у первыхъ оказывается уже капиталъ во сто, у вторыхъ въ десять тысячъ. Уличнаго ворнишку, крадущаго у васъ изъ вармана платокъ или табакерку, ради голода, вы считаете негодяемъ, подлежащимъ законному наказанiю. Ростовщику—вы любезно протягиваете руку, любезно разговариваете съ нимъ, считаете, въ самомъ дѣлѣ, благодѣтелемъ рода человѣческаго и сами, давая ему связывать себя по рукамъ и ногамъ, какъ-бы говорите: ограбь меня, батюшка! будь благодѣтелемъ, обернись въ коведъ!—и благодѣтель, стоящiй внѣ закона, обираетъ васъ—да и самъ, не шутя, считаетъ себя добродѣтельнымъ и нравственнымъ человѣкомъ, ибо онъ помощь вамъ оказываетъ, богу молится, храмъ господень по праздникамъ посѣщаетъ и душу свою питаетъ назидательнымъ чтенiемъ библiи и книгъ высокаго, духовно-нравственнаго содержанiя.

У Мордеки было сколочено пятнадцать тысячъ капитала. Но на первый разъ онъ началъ дѣло только съ тремя. Черезъ годъ у него было до шести, еще черезъ годъ — до десяти. Легко составляется состоянiе ростовщика, но трудно дойти до такого состоянiя и не всякiй можетъ, ибо для этого надо родиться. Мордеко, можетъ быть, и не былъ рожденъ съ ростовщицкими наклонностями, но сдѣлался самымъ влѣбшимъ изъ петербургскихъ ростовщиковъ, квинт-эссенцией этого благодѣющаго мира. Больше суровости и безсердечiя, болѣе эгонистической преданности своимъ интересамъ, въ жертву которымъ приносилось все, врядъ-ли можно бы было встрѣтить. Ни малѣйшаго человѣческаго движенiя, ни малѣйшаго состраданiя къ своему должнику — одинъ только расчетъ, расчетъ и расчетъ.

Какъ же, однако, совершается съ человѣкомъ такая рѣзкая метаморфоза?

А вотъ какъ:

Послѣ появленія въ полицейской газетѣ извѣстнаго объявленія о принятіи въ закладъ различныхъ вещей, Морденко нѣсколько успокоился. Цѣль его новой жизни была уже опредѣлена; вѣрный планъ мести за помочину разсчитанъ, какъ нельзя лучше. Время должно было привести его въ исполненіе. Передъ этой задачей своей жизни — все остальное попятилось назадъ, на послѣднюю ступень, все это принималось Морденкой потолкаю, поколюю могло служить его главной цѣли, быть подходящимъ для его главнаго интереса. Какъ дрогнуло его сердце, когда у дверей квартиры его раздался первый звонокъ, возвѣстившій о первой вещи, принесенной ему въ закладъ! Онъ вышелъ въ приемную; тамъ печально стояла красивая женщина, одѣтая очень бѣдно. Лицо ея показалось даже какъ будто нѣсколько знакомымъ ему. Отъ всей фигуры ея вѣяло скромнымъ, благороднымъ достоинствомъ, но лицу же нетрудно было разгадать, что на душѣ ея лежитъ какое-то большое горе.

— Вы публиковали, что принимаете вещи въ закладъ, начала она, поклонясь Морденгѣ.

— Такъ точно, сударыня, принимаемъ...

Она сняла съ шеи золотую цѣпочку, на которой висѣлъ массивной работы золотой крестикъ, и подала ее ростовщику. Морденко внимательно осмотрѣлъ пробу, принесъ изъ другой комнаты маленькіе вѣсы, въ родѣ аптекарскихъ, и бросилъ вещь на одну чашку. Женщина не слѣдила за всѣми этими эволюціями: она сидѣла на стулѣ у огня, подперши ладонью подбородокъ и неопредѣленно глядѣла въ дворъ. Морденко мимоходомъ вскинулъ на нее нѣсколько взоровъ. Лицо ея все болѣе и болѣе казалось ему знакомымъ; онъ старался припомнить, гдѣ и когда видѣлъ эту женщину.

— Я могу, сударыня, дать вамъ за эту вещь двадцать-пять рублей, вѣжливо сказалъ онъ.

— Только двадцать-пять?!... изумилась она.— Помилуйте, за нее ломбардъ дастъ семьдесятъ-пять — она заплачена двѣсти.

— Въ ломбардѣ сегодня не принимаютъ: приемъ будетъ послѣ-завтра; а я больше дать не могу.

На глазахъ ея навернулись слезы.

— Бога-ради, сказала она дрогнувшимъ голосомъ:— бога-ради,

дайте мнѣ больше... Это — все, что я чиню... моя послѣдняя вещь...

— Надо быть, фамильная? замѣтилъ Морденко, взглянувъ изподлобы на женщину. Ему было жаль ее. Онъ уже подумывалъ: «не дать-ли, въ самомъ дѣлѣ, больше? вещь она тово... стоящая».

— Это... благословеніе моего отца... съ трудомъ, наконецъ, рѣшилась выговорить женщина. — Мнѣ она очень дорога... не хотѣлось бы потерять ее...

— Такъ вы лучше ужъ снесите ее въ ломбардъ: сохраниће будетъ, посовѣтовалъ онъ.

— Но вѣдь вы же сами говорите, что сегодня нѣтъ приему, а мнѣ необходимо сегодня же... Бога-ради, помогите мнѣ!

Тотъ тонъ, которымъ сказаны были эти послѣднія слова, сильно шевельнулъ душу Морденки: онъ понялъ, что эта женщина стоитъ на страшномъ рубежѣ, что не помоги онъ ея нуждѣ, ея голоду—быть можетъ, завтра же она на все махнетъ рукою и пойдетъ на улицу продавать самоѣ себя, свою красоту, свою молодость. Сердце его сжалось... «Дамъ-ка я ей безъ залога денегъ», мелькнуло въ его головѣ. Онъ уже запустилъ-было руку въ свой боковой карманъ, какъ вдругъ брови его судорожно сжались и эвергическое лицо передернулось нервнымъ движеніемъ. «А моя дѣль, а мое мщеніе?» всталъ передъ нимъ роковой вопросъ. «Къ чорту состраданіе! Эдакъ вѣдь допусти себя только съ перваго разу, такъ потомъ и пойдетъ... Всѣхъ нищихъ вѣдь не надѣлать копейкой!»

— Больше двадцати-пяти рублей никакъ не могу, сударыня, сухо поклонился онъ.

— Она не пропадетъ у васъ? рѣшительно спросила женщина.

— Это будетъ зависѣть отъ васъ, отвѣтилъ онъ съ прежнею сухостью.

Та стояла въ нерѣшительномъ раздумѣ.

— Ну, нечего дѣлать!... давайте двадцать-пять.

Морденко вынулъ изъ ящика двѣ записныя книги. Въ одну внесъ онъ число, мѣсяць, годъ, и сдѣлалъ помѣтку: «№ 1-ый», при чемъ рука его нервно дрогнула. «Первый номеръ! сколько-то ихъ будетъ потомъ?... Благослови, Господи, начало!» подумалъ онъ въ эту минуту. Затѣмъ обозначилъ названіе вещи и сумму — 25 р. с.

— Пишите росписку, сударыня, предложилъ онъ, подавъ ей другую книгу и обмоченное въ чернило перо.

Т. СЛѢД. — Отд. I.

— Что же нужно писать? спросила женщина.

— Я вамъ сейчасъ продиктую... Пишите: «такого-то года, такого-то числа и мѣсяца, я, нижеподписавшаяся, заложила господину Мордену собственно мнѣ принадлежащую золотую цѣпочку съ золотымъ крестомъ за двадцать-семь рублей пятьдесятъ копеекъ (пишите прописью, сударыня, словами, а не цифрами).

— Какъ, за двадцать-семь? вѣдь я... за двадцать-пять?... въ замѣшательствѣ спросила женщина.

— А законные проценты, вы какъ полагаете? улыбнулся онъ.— Мнѣ-то вѣдь жить чѣмъ нибудь надобно?... безъ профиту нельзя-съ.

Женщина поняла головой и опять опустила перо на бумагу.

— За двадцать-семь рублей пятьдесятъ копеекъ, продолжать ростовщикъ своимъ казеннымъ тономъ.— Написали-съ?

— Готово.

— Извольте продолжать, сударыня: «срокомъ на одинъ мѣсяцъ, по прошествіи коего, буде не внесу въ уплату вышеозначенной суммы, то лишаясь всякаго права на обратное получеііе оной вещи»...

— Но... какъ же это такъ?... Помилуйте! изумленно вскинула она на него свою голову.

— «То лишаясь всякаго права на обратное получеііе оной вещи», докторально-методическимъ и сухимъ тономъ повторилъ Морденко.

Женщина вздохнула и написала требуемое.

— Далѣе-съ!... «и обязуюсь нигдѣ не искать судомъ на такіа дѣйствія господина Мордена, признавая ихъ, со своей стороны, совершенно правильными». Теперь выставьте, сударыня, внизу, въ сторонкѣ-съ, годъ, число и часъ. Который часъ у насъ теперь? добавилъ онъ, взглянувъ на карманные часы. Безъ семнадцати минутъ одиннадцать. Итакъ, напишите-съ: «десять часовъ и сорокъ-три минуты пополуночи».

— Это для чего же? спросила женщина.

— Для того-съ, что какъ ежели черезъ мѣсяцъ явитесь въ означенный срокъ съ уплатой—то и вещьцу свою получите, объяснилъ ростовщикъ и подалъ своей клиенткѣ нѣсколько ассигнацій и нѣсколько мелочи, присовокупивъ:

— Перечтите-съ!

— Вы ошиблись, сказала та, пересчитавъ врученную ей сумму.

— Никакъ вѣтъ съ, сударыня, я не могу ошибиться, улыбнулся

онъ, съ несокрушимымъ сознаніемъ полной своей непогрѣшимости.

— Но тутъ только двадцать-два съ полтиной?!

— Такъ точно-съ: двадцать-два съ полтиной. Проценты за мѣсяць, вычтены впередъ.

— Но вѣдь въ роспискѣ уже написаны проценты?

— То само собою, а это для вѣрности, на тотъ ковецъ, ежели вы не выкупите вещь — такъ за что же пропадать моему закону? Согласитесь сами!..

Женщина горько улыбнулась, Морденко отвѣтилъ тоже улыбкой, только самаго ростовщицки-любезнаго свойства.

— Теперь не угодно ли вамъ подписать свое имя, фамилію и званіе, предложилъ онъ.

Женщина, очевидно, пришла въ большое затрудненіе. Она колебалась. Морденко опять подаль ей обмокнутое перо.

— Зачѣмъ же это? нерѣшительно спросила она.

— Помилуйте-съ, какъ же это «зачѣмъ»? — Вѣдь это документъ... безъ того силы не имѣеть.

Женщина взяла перо, и Морденко сталъ слѣдить за ея рукою: — *княжна Анна Чесвинская*, прочелъ онъ и отшатнулся. Теперь уже онъ вспомнилъ, почему ея лицо показалось ему знакомымъ, и на губахъ его мелькнула злорадная улыбка. Морденко видѣлъ ее раза два у Шадурскихъ, и зналъ отъ Татьяны Львовны объ отношеніяхъ Анны къ своему патрону. «А!.. барская кровь!» подумалъ онъ съ нервическою дрожью. «Это неспроста... Самъ богъ помогаетъ моей цѣли... Начало хорошее!» И онъ въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ, не замѣтивъ даже, какъ княжна молча ему поклонилась и вышла за двери. Морденко былъ мнительнъ и суевѣренъ. Въ этой случайности онъ видѣлъ доброе предзнаменованіе, иѣчто таинственное, мистическое и съ этой минуты, уже твердо далъ себѣ клятву — до конца преслѣдовать свои цѣли. Прошелъ мѣсяць; княжна не явилась за выкупомъ, и цѣпочка навсегда осталась у Морденки, который хранилъ ее, какъ первый памятникъ своей иудустріи, какъ начало задуманной мести. Да, ему трудно было только начало, трудно было задвинуть только первый человѣческій порывъ своего сердца, а потомъ уже стало все легче и легче, такъ что черезъ годъ, когда много уже довелось ему видѣть въ своей квартирѣ и скорби, и нужды, и горя, и слезъ человѣческихъ — сердце его было уже

сухо и глухо, и самъ онъ весь зачерствѣлъ, превратясь въ какую-то ходячую, желѣзную машину, въ автомата, выдающаго деньги и принимающаго заклады. Теперь уже ни одинъ стонъ человѣческій не въ состояніи былъ дойти до его сердца, ни одна горькая слеза не могла прожечь черствую кору, подъ которой гнѣздилась только одна мысль, одно лихорадочное желаніе — отомстить его сѣятельству, вназю Шадурскому.

Привычка — дѣло великое! Но паче всего, и легче всего можно привыкнуть къ человѣческому горю и страданію. Въ подобной школѣ, человѣкъ скорѣе всего становится закоренѣлымъ циникомъ. Такъ привыкъ и Морденко къ сценамъ, почти каждадневно повторявшимся у него въ квартирѣ.

Сына своего, тотчасъ же по взятіи отъ акушерки, помѣстилъ онъ къ майору Спицѣ. Отсюда его знакомство съ Петромъ Кузьмичемъ, который имѣя свою спеціальную отрасль промышленности, дававшую ему кое-какой доходецъ, не приходилъ съ Морденкой въ столкновение по части ссудъ и закладовъ, а потому оба сіи мужа и состояли въ благопріятельскихъ отношеніяхъ. Они иногда навѣщали другъ друга, но Морденко чаще закахивалъ къ майору, подъ предлогомъ взглянуть на сына, а въ сущности затѣмъ, чтобы даромъ напиться чужого чаю. Къ сыну онъ былъ совсѣмъ равнодушенъ, даже втайнѣ находилъ, что лучше бы было, еслибъ мальчикъ поскорѣй протянулъ ноги: тогда, по крайней мѣрѣ, за воспитаніе не платить бы, и сумму, данную на этотъ конецъ книжнень, отчислить навѣки къ своему капиталу. Но мальчикъ жилъ—и, волей-неволей—приходилось его одѣвать, обучать и платить за ученье. Въ отношеніи этого ребѣнка, въ сердцѣ отца существовала какая-то странная двойственность: иногда пробивалась въ немъ теплота родительскаго чувства, голосъ крови; иногда-же безпричинно переносилъ онъ на него свою ненависть къ «барынѣ-матери», которая все-таки этого ребѣнка родила на свѣтъ, все-таки онъ смѣлъ ей приходился. Изъ этого источника и истекала его постоянная холодность.

Время шло—дни за днями, годы за годами—капиталъ ростовщика накоплялся и принесъ уже плоды сторицею противъ своей первоначальной стоимости; а вмѣстѣ съ тѣмъ накоплялась и ненависть. Это уже было единственное живое чувство, наполнявшее собою, если можно такъ выразиться, весь организмъ старика. Вънѣ этого чувства и вънѣ задуманнаго плана, для него ни-

чего не существовало. Капиталь его возросъ уже до двухсотъ тысячъ, а онъ, еженеѣльно свода свои счеты, все еще бормоталь своими старческими губами: «мало... мало... мало», все еще считаль его недостаточнымъ для осуществленія своей цѣли.

Это постоянное преслѣдованіе одной и той же мысли перешло у него, наконецъ, въ родъ помѣшательства. Онъ никому, никогда не высказался въ ней—и тѣмъ-то, стало быть, сильнѣе и глубже развивалась его *idée fixe*. Подъ вліаніемъ ея онъ состарѣлся преждевременно, погнулся, высохъ, какъ мумія, пожелтѣлъ, какъ пергаментъ. Повременамъ на него находилъ страхъ смерти, и онъ мучился, терзался, и до изступленія молился богу, чтобы не послалъ ему смерти преждевременной, ранѣ окончанія задуманной цѣли. Страшно-бы было взглянуть тогда на эти сверкающіе глаза и шевелящіяся губы посреди почти мертвенно-неподвижнаго лица полуумнаго старичишки. Думая, что денегъ все еще мало и мало, онъ сталъ отказывать себѣ во всемъ, даже въ необходимомъ—въ пищѣ, въ одеждѣ, въ теплѣ и подъ конецъ сдѣлался отчаяннымъ свиргой, даже началъ ходить по вечерамъ за христорадною милостыней, мечтая этими скудными грошами пополнить свой капиталъ.

Въ Петербургѣ есть нѣсколько особаго рода магазинчиковъ, пріютившихся большею частію по подвальнымъ этажамъ на улицу. Въ маленькыхъ окнахъ этихъ магазинчиковъ, вы можете увидѣть и хорошую картинку, писанную масляными красками, и оружіе въ дорогой оправѣ, бронзу, и хрусталь съ севрскимъ фарфоромъ, женскую шляпку и мужской пиджакъ. Тутъ же лежитъ черешневый чубукъ, рядомъ съ отдѣланнымъ въ кружева зонтикомъ и биноклемъ, разбросаны всевозможныя бездѣлушки, въ родѣ яшмовыхъ пресс-папье, костяныхъ точеныхъ шахматъ, малахитовыхъ подсвѣчниковъ и тому подобныхъ вещей комфортабельнаго домашняго обихода. Войдите во внутрь такого магазинчика (дверь обыкновенно съ прозятельнымъ колокольчикомъ), и вы увидите куски матерій, лампы, статуетки, блонды и кружева, мѣха и бѣниги, женскія платья, нѣсколько стѣнныхъ и столовыхъ часовъ, мѣбель и даже цѣпты. Вы бы навѣрное не поняли, что это за сбродъ продается тутъ, еслибъ не вывѣска надъ входомъ. А вывѣска эта обыкновенно гласить, что «здѣсь покупаютъ, перепродаютъ и берутъ на комиссію различныя вещи», а иногда она ограничивается весьма остроумнымъ и лаконическимъ: «продайте и купите». Въ эти-то магазинчики преимущественно сбываютъ

ростовщики остающіяся у них за невыкупомъ вещи, которыя иногда сбываются имъ и въ другія руки—ювелирамъ, портнымъ, шьховщикамъ и тому подобнымъ ремесленникамъ. Продается вещь всегда за цѣну вдвое или втрое больше той суммы, какая была отпущена подъ ея залогъ, и все-таки покупатель остается въ барышахъ очень хорошихъ.

Морденко всё свои вещи точно такъ же сбывалъ въ одну изъ подобныхъ лавчонокъ, съ хозяиномъ которой велъ дѣла уже въ теченіе многихъ лѣтъ, и оба были какъ нельзя болѣе довольны другъ другомъ, ибо при взаимной помощи, сильно приумножили капиталы свои.

Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ начала ростовщицкой дѣятельности, въ рукахъ Морденки появилось нѣсколько значительныхъ векселей князя Шадурскаго. Долгіе годы слишкомъ роскошной жизни понизили кредитъ князя Дмитрія Платоновича. Многіе заимодавцы его съ нѣкотораго времени стали весьма призадумываться въ возможности полученія съ него всей суммы сполна съ слѣдующими процентами. Морденко, неперестававшій исподоволь наблюдать за ходомъ денежныхъ дѣлъ и обстоятельствъ своего ех-патрона, ловко воспользовался минутой раздумья этихъ заимодавцевъ и понемножку сталъ скупать у нихъ по выгодной для себя цѣнѣ векселя князя. Дмитрій Платоновичъ, узнавъ объ этомъ, очень обезпокоился и послалъ въ Морденкѣ своего повѣреннаго, провѣдать, съ какою цѣлью дѣлается имъ эта скупка и что онъ намѣренъ предпринять? Морденко, во всякомъ случаѣ ожидавшій со стороны князя подобныхъ вопросовъ, принялъ на себя умиленно-огорченный видъ и, съ чувствомъ видимаго чистосердечія, просилъ передать своему «благодѣтелю», что онъ не забылъ, сколь много былъ въискать, во время оно, княжескими милостями, благодаря которымъ имѣетъ теперь нѣкоторый капиталецъ; но что въ жизни его было «нѣкоторое обстоятельство», вслѣдствіе котораго онъ сознаетъ, что безопечно виновать передъ своимъ благодѣтелемъ и, чувствуя угрызения совѣсти и искреннее раскаяніе, желаетъ хоть сколько-нибудь загладить свою прошлую вину.

— Скажите его сіятельству, пусть они не взволнать безпокоиться, говорилъ онъ повѣренному.—Я въисканіями своими тревожить ихъ не стану, а скупилъ бумажки эти по той собственнo причинѣ, какъ провѣдалъ я, что недоброжелатели ихъ сіятельства хотѣли-было потѣснить моего благодѣтеля—такъ пускай же

лучше находятся бумажки эти въ моихъ рукахъ, чѣмъ причинять огорченіе князю. Я съ ними дѣлать ничего не хочу.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Морденко, дѣйствительно, ничего не предпринималъ противъ князя: онъ былъ спокоенъ, потому что веселясь передъ отходомъ въ его руки, уже протестовались прежними заимодавцами, стало-быть, для него имѣлось впереди еще десять лѣтъ полного спокойствія. Не тревожился также и Шадурскій, увидѣвшій изъ двухлѣтнаго бездѣйствія своего бывшаго управляющаго—подтвержденіе словъ, сказанныхъ имъ повѣренному.

Всеволодъ Крестовскій.

РУССКІЕ ЛГУНЫ.

ОЧЕРКИ.

Люди, названные мною въ заголовкѣ, вѣроятно, знакомы читателю. Когда я встрѣчался съ ними въ жизни, они производили на меня скуку, тоску и озлобленіе; но теперь, отодвинутые отъ меня временемъ и обстоятельствами, они стали дороги моему сердцу. Въ нихъ я вижу столько національнаго, близкаго, роднаго мнѣ... Начавъ съ простѣйшихъ элементовъ, мнѣ, вѣроятно, придется перейти и къ гораздо болѣе высшимъ типамъ. Поле мое, такимъ образомъ, широко. Я только робѣю за свои силы, чтобы всѣ эти фигуры отлить изъ достойнаго металла, съ искусствомъ и точностью, достойными самаго предмета, и въ этомъ случаѣ напередъ прошу читателя обращать вниманіе не столько на тѣхъ добрыхъ людей, про которыхъ мнѣ придется рассказывать, какъ на тѣ мотивы, на которые они лгали.

Выдумывая, всякій человекъ, разумѣется, старается выдумать и приписать себѣ самое лучшее, и это лучшее, по большей части, беретъ изъ того, что и въ обществѣ считается за лучшее. Лгуны времени Еватерины лгали совсѣмъ по другой модѣ, чѣмъ лгутъ въ наше время. Прислушиваясь со вниманіемъ къ тѣмъ тѣмамъ, на которыя извѣстная страна въ извѣстную эпоху лжетъ и фантазируетъ, почти безошибочно можно опредѣлять степень умственнаго, нравственнаго и даже политическаго развитія этой страны. Въ этомъ смыслѣ мы придаемъ нѣкоторое значеніе и нашему труду. Начинаемъ:

І. Конкурентъ.

Помнить ли, читатель, одного изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ, Антона Федотыча Ступицына (*)? Я позволю себѣ другой разъ говорить печатно объ этомъ лицѣ единственно потому, что, начавъ слово о врагахъ, рѣшительно нѣтъ никакой возможности

(*) Повѣсть «Бракъ по страсти».

пройти молчаніемъ Антона Ѳедотича. Въ прежнемъ разсказѣ моемъ я его представилъ въ періодъ полного паденія, когда его никто уже не слушалъ, когда онъ лгалъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ; но для него существовало и другое время: состояніе его тогда было далеко еще не въ такомъ разстроенномъ видѣ; носимый имъ довольно странный чинъ «штык-юнкера въ отставку» вовсе, по духу времени, не служилъ ему такимъ позоромъ, какимъ служилъ впослѣдствіи; вралъ онъ во всевозможныя стороны самымъ свободнымъ образомъ, и только еще начиналъ замѣчать, что слушатели отъ него какъ-то ступшевываются.

Антонъ Ѳедотичъ въ собраніи. Онъ проходитъ изъ буфета въ залу, съ удовольствіемъ втягивая въ себя запахъ накуреннаго одеколона. Публики еще никого нѣтъ, и только у колонны стоитъ молодой человѣкъ, Петруша Коробовъ, закинувъ голову назадъ и вообще въ самой отчаянной позѣ. Антонъ Ѳедотичъ, находя въ немъ удобную для себя жертву, начинаетъ къ нему приближаться, по не вдругъ, а исподоволь, какъ обходятъ обыкновенно охотники дрофу. Сначала онъ сдѣлалъ довольно большой полукругъ около него, потомъ поменьше, наконецъ въ третьемъ сталъ ужъ лицомъ къ лицу съ нимъ:

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть Петрушу Коробова? отнесся онъ къ нему, какъ-бы совершенно еще къ мальчику.

Антону Ѳедотичу и въ голову не приходило принять въ соображеніе, что сей юный птенецъ тринадцати лѣтъ бѣжалъ безъ позволенія родителей изъ корпуса, прожилъ затѣмъ въ Петербургѣ девять лѣтъ безъ копейки денегъ и даже безъ бумагъ для свободнаго проживанія, а потому зналъ жизнь и могъ понимать людей.

— Точно такъ-съ! отвѣчалъ молодой человѣкъ совершенно развязно.

— Еще маменьки вашей пользовался расположеніемъ!...

— Ахъ, да! Очень радъ.

Антонъ Ѳедотичъ на всякій случай взялъ легонько за руку своего новаго знакомаго.

— Неудобно ли? сказалъ онъ, показывая ему другой рукой на стояшіе два стула.

Молодой человѣкъ повиновался, и оба они усѣлись.

— Хорошенькое зальцо!... началъ Антонъ Ѳедотичъ, недоумѣвая еще, въ которую сторону ему хватить.

— Да, но паркетъ нехорошъ! замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Очень нехорошъ! подхватилъ радостно Антонъ Фодотычъ: слова эти прямо навели его на искомую имъ тѣму:—а все вѣдь, ей-богу, дворянство наше! Я предлагалъ имъ мой домъ, ничего бы съ нихъ не взялъ—вздите, танцуйте; ну, а паркетъ у меня такой, что и въ московскомъ дворянскомъ собраніи, пожалуй, такого нѣтъ.

— Это вашъ домъ на Ивановской-то? замѣтилъ ему насмѣшливо его собесѣдникъ.

— Да, на Ивановской! отвѣчалъ Антонъ Фодотычъ съ замѣчательнымъ хладновровіемъ.

— Зачѣмъ же тамъ паркетъ? И домъ-то весь развалился.

— Случай!... отвѣчалъ Антонъ Фодотычъ, дѣлая видъ, что какъ-бы не слышалъ послѣднаго замѣчанія:—пріѣхалъ я разъ въ Москву, и такъ-какъ у меня всегда есть свободныя деньги, я люблю, знаете, шляться по разнымъ этимъ аукціонамъ (Антонъ Фодотычъ въ жизнь свою не бывалъ ни на одномъ аукціонѣ и даже хорошенько не зналъ, какъ тамъ это дѣлается), только разъ вдругъ объявляютъ *паркетъ*: тамъ далъ кто-то какую-то цѣну, я далъ рубль больше, третій сказалъ еще рубль, я говорю два—за мной и остался. Чортъ-знаетъ, зачѣмъ и для чего купилъ паркетъ!... Ведутъ меня показывать; вижу, цѣлая комната завалена какими-то деревянными кусочками. Дѣлать, однако, нѣчего: велѣлъ я своему челобѣку купить ящичковъ, собрали мы съ нимъ всю эту дрянь, повезли восвояси... Домъ у меня тогда только еще отстраивался. Дай-ка, думаю, не будетъ ли чего-нибудь изъ моего паркета? Призываю я мастера. «Можешь ли, говорю, братецъ, ты собрать все это?» «Могу-съ!» говорить... «Ну, начинай съ Богомъ!» Только вижу, онъ работаетъ день, другой... Меня любопытство взяло; иду я къ нему. «Что же, говорю, братецъ?» «Да, батюшка, говорить, извольте посмотрѣть, какая штука выходитъ!» Смотрю я: все это ужъ у него разложено и какъ-бы на самой превосходнѣйшей картинѣ изображено *бородинское сраженіе*... Лица всѣхъ извѣстныхъ генераловъ какъ живыя; все это, знаете, выдѣлано изъ дерева. «Батюшка, говорить паркетникъ: мнѣ за такой паркетъ рядной цѣны взять нельзя». «Да бери, говорю, братецъ, что хочешь, только увѣковѣчь ты мнѣ это сокровище».

— До сихъ поръ такъ съ генералами и стоитъ? спросилъ Коробовъ, нисколько, повидимому, неудивленный разсказомъ Антона Фодотыча.

— До сихъ поръ съ генералами! отвѣчалъ тотъ.

— Такъ какъ же по генеральскимъ-то лицамъ танцовать и ходить ногами—неловко!

— Очень неловко! засмѣялся Антонъ Ѳедотычъ.

Молодой человѣкъ, между тѣмъ, придавъ какъ-бы мыслящее выраженіе своему лицу, потомъ тряхнулъ кудрями и началъ:

— У меня въ Петербургѣ тоже были всегда свободныя деньги, и я разъ тоже на аукціонѣ купилъ для маменьки часы; оказалось потомъ, что они съ будильникомъ...

— Бываетъ, съ такой, знаете, особенной машиной! подтвердилъ Антонъ Ѳедотычъ и показалъ даже рукою какъ-бы нѣкоторое подобіе машины.

— Да дѣло не въ машинѣ, а въ томъ, что часы будили въ восемь часовъ, именно когда маменька привыкла вставать.

— Скажите! произнесъ Антонъ Ѳедотычъ съ нѣкоторой дозой вниманія.

— И это ничего! Но они будили не шумомъ, какъ будятъ обыкновенныя часы, а выкрикивали человѣческимъ голосомъ: «вставайте!... вставайте!»...

— Скажите! произнесъ опять Антонъ Ѳедотычъ, возвысивъ на значительное число нотъ свое вниманіе и даже показывая нѣкоторое удивленіе.

— И это еще ничего! доколачивалъ его молодой человѣкъ:— будильникъ прибавлялъ: «вставайте, Клеопатра Григорьевна!» нима хамши выговаривалъ.

— Да, это пріятно! замѣтилъ Антонъ Ѳедотычъ, какъ-то насильственно улыбаясь.

Онъ поставленъ былъ въ странное положеніе. Весь его умъ и соображеніе какъ-бы подернулись какимъ-то туманомъ. Въ молодомъ человѣкѣ онъ видѣлъ точно двойника своего, который могъ совершенно то же дѣлать, что и онъ дѣлалъ.

— Вы вотъ справедливо сказали, началъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья:—домъ у меня точно что здѣсь старъ. Непріятна, знаете, ветхость эта, а потому я гораздо больше люблю жить въ усадьбѣ своей.

— А у васъ хорошая усадьба? спросилъ Коробовъ.

— Превосходная-съ! Насчетъ угодій расскажу вамъ только одно. Разъ, лѣтомъ, погода такая прекрасная стояла; сижу я съ семействомъ у себя на балконѣ; вдругъ слышу колокольчикъ. «Кто такой?» думаю. Оказывается, становой пріѣхалъ. Ну, очень

радь. «Антонъ Ѳедотычъ—говорить—къ вамъ архіерей сейчасъ прійдетъ. Услыхалъ, что вы по близости: «Везите, везите, говорить, меня къ нему»; я нарочно присакалаъ васъ предувѣдомить...» И точно что я со всѣми этими высокими духовными особами всегда былъ друженъ, потому что и въ молодости, и до сихъ поръ люблю заниматься этой богословіей; только дѣло въ томъ, что мы съ семействомъ, по слабости нашихъ комплекцій, всегда ѣдимъ скоромное... (Читатель, можетъ быть, не забылъ, какими слабымъ здоровьемъ и малымъ апетитомъ пользовался самъ Антонъ Ѳедотычъ и все его семейство). Но вѣдь это—монахи; по званию своему, они не могутъ этого дѣлать. Призываю я управляющаго. — «Скачи, говорю, братецъ, въ городъ, плати тамъ сколько хочешь, только доставай намъ рыбы». — «Ничего-съ, говорить, и около дома найдемъ». — «Какъ около дома?» — «Да такъ ужъ, говорить, не извольте беспокоиться». Ну, я знаю, что онъ, дѣйствительно, человекъ расторопный, поуспокоился. Пріѣхалъ архіерей... сидимъ мы... тары-бары распускаемъ, а меня, между тѣмъ, все червячокъ гложетъ: «ну какъ, думаю, не найдутъ рыбы?» Вдругъ этотъ самый управляющій меня вызываетъ. — «Пожалуйте, говорить, на прудъ, да и его-то преосвященство попросите». Возвращаюсь я къ гостямъ моимъ: «Вотъ, говорю, ваше преосвященство, дуракъ мой управляющій, меня и васъ на прудъ выйти проситъ — тамъ что-то такое необыкновенное случилось.» «Хорошо, говорить: я очень радъ попройтись, а то все сидѣлъ». Выходимъ, и такъ-таки прямо намъ въ глаза, на берегу пруда—чуда въ два осетры!...

— Бываетъ это! подтвердилъ его слушатель. — Разъ мы съ мамашей тоже сидимъ на балконѣ, только слышимъ вдругъ колокольчикъ... Это чиновники изъ города ѣдутъ къ намъ, а между тѣмъ среда... Мы съ матушкой, по слабости нашего здоровья, ѣдимъ скоромное, а чиновники, по ихъ сану, всегда соблюдаютъ посты... (Повѣса на этотъ разъ не счелъ даже за нужное мѣнять фразъ Антона Ѳедотыча). Только я призываю къ себѣ управляющаго: «Скачи, говорю, плати что хочешь за рыбу». — «Доставимъ, говорить, и дома, да еще и съ дичью». Я сначала и повѣрилъ ему, но потомъ, когда чиновники пріѣхали, меня, какъ и васъ, сталъ тоже червячокъ поглаживать; однако онъ вскорѣ же вбѣгаетъ. «Пожалуйте, говорить, Бога ради съ гостями на прудъ, да и винтовку ужъ захватите съ собой». — «Зачѣмъ винтовку?» — «Нужно», говорить... Бѣжитъ мы за нимъ. На бе-

регу рѣки человекъ сорокъ мужиковъ тянуть бредень... въ него попалъ медвѣдь, а бѣлуга ему въ ногу выплала!

Антонъ Федотычъ даже ужъ и не усмѣхнулся на это; но тотчасъ же всталъ и отошелъ отъ своего собесѣдника и цѣлый вечеръ былъ какъ опущенный въ воду. Онъ полагалъ, что занимается своими разговорами молодого человека, а тотъ только смѣлся надъ нимъ — обидно!

II. Богатые луны и вѣдний.

Наклонность полгать — въ какихъ она иногда кроткихъ душахъ живетъ! Я зналъ въ В...ѣ мѣщанина Михаила Вакорина — чрезвычайно кроткаго малаго, обремененнаго огромнымъ семействомъ, неспособнаго ничего другаго дѣлать, какъ сходить за охотой, за грибами, рыбки поудить. Существовалъ онъ рѣшительно благодареніемъ одного подгороднаго помѣщика, Саврасова, честолюбивѣйшаго и надменнѣйшаго человека и въ то же время псоваго и ружейнаго охотника, который собственно и благодѣтельствовалъ Вакорину за то, что онъ выслѣживалъ ему иногда мѣста, удобныя для охоты, хоть тотъ по большей части и навиралъ въ этомъ случаѣ. Слабость поприхватъ въ Вакоринѣ, какъ въ существѣ загнанномъ, такъ умѣренно проявлялась, что ее почти никто и не замѣчалъ, а въ то же время она была и очень была: придется иногда и рассказать женѣ, что видѣлъ орла съ орлятами, да улетѣли—каналство. А между тѣмъ никакихъ орлятъ не было, да и быть не могло. А то отправится въ сосѣдній монастырь къ обѣднѣ, и тамъ будто случайно расскажетъ казначею: «Какую, ваше преподобіе, я на мельницѣ вашей шуку видѣлъ; пуда въ два, надо полагать; вся сѣдая ходитъ, мохотъ ужъ, значить, поросла!...» Разгорятся жадностью казначейскіе очи, велитъ онъ спустить омутъ — хоть бы пискарь! Начнутъ бранить Вакорина, непремѣнно тутъ присутствующаго; крестится, божится, что видѣлъ, тогда какъ самъ очень хорошо знаетъ, что видѣлъ нѣчто гораздо болѣе похожее на палку, чѣмъ на шуку.

Разъ его благодѣтель, Саврасовъ, на одной изъ своихъ осеннихъ охотъ, убилъ лисицу съ чернымъ хвостомъ. Можете себѣ представить, какъ это подѣйствовало на его гордую и самолюбивую душу! Со шкурой этой лисицы онъ сталъ по всѣмъ ѣздить,

всѣмъ ее показывать. «Видали ли вы это?» говорилъ онъ, повертывая свой трофей передъ носомъ почти каждаго, и всякій благо-разумный человѣкъ, разумѣется, придавалъ удивленное выраже-ніе своему лицу и говорилъ: «Да, да».

Случилось, что около того же времени, Вакоринъ зашелъ къ исправнику, съ которымъ онъ состоялъ въ близкихъ отноше-ніяхъ уже по случаю рыбной ловли, такъ-какъ всегда достав-лялъ ему отличныхъ для удочки червяковъ, а когда самъ ходилъ съ нимъ зимою удить, такъ держалъ и отогрѣвалъ этихъ чер-вяковъ у себя во рту.

Смирненно поклонясь хозяину и гостямъ его (у исправника въ это утро было человѣкъ нѣсколько изъ дворянства), Вакоринъ, въ своемъ длинномъ сюртукѣ, усѣлся въ уголку и, поло-живъ руки на колѣни, сталъ улыбаться своей доброй улыб-кой всякому, кто только на него взглядывалъ. Хозяинъ, нако-нецъ, замѣтилъ его одинокое положеніе и обратился къ нему:

— Петруша, что ты тамъ все сидишь? Поди, выпей водочки!

Вакоринъ скромно всталъ, подошелъ къ закусѣ, несмѣлой рукой сталъ наливать себѣ рюмку. Въ это время двери съ шумомъ растворились и въ гостиную вошелъ Саврасовъ съ лисьей шкурой въ рукахъ.

— Какъ вы это находите? обратился онъ прямо къ хозяину и ни съ кѣмъ почти не кланаясь.

— И словъ ужъ не нахожу, какъ это выразить! отвѣчалъ тотъ, рабобѣнно склоняя голову передъ гостемъ.

— Во всемъ европейскомъ ружейномъ мірѣ въ десять лѣтъ одинъ такой выстрѣлъ бываетъ! сказала Саврасовъ.

На этотъ разговоръ ихъ Вакоринъ, недопивъ еще рюмки, отвелъ отъ нея свои вроткіе глаза и проговорилъ довольно громко:

— Каждый годъ по три такихъ штуки бью!

Хозяинъ уставилъ на дерзкаго удивленные глаза, а Саврасовъ сначала только попытался назадъ.

— Какъ, ты бьешь каждый годъ по три? проговорилъ онъ, не могши еще придти въ себя.

— Бью-съ! отвѣчалъ, покраснѣвъ, Вакоринъ.

— Бьешь? проговорилъ опять Саврасовъ

— Бью-съ! повторилъ еще разъ Вакоринъ.

— Бьешь! заревѣлъ уже съ вспыхнувшимъ какъ зарево ли-цомъ оскорбленный честолюбецъ и схватилъ Вакорина за ши-воротокъ

Хозяинъ и гости подбѣжали къ нимъ.

— Ну, полноте, бросьте его! унимали они Саврасова.

— Дуракъ! Ну, гдѣ ты бьешь? увѣщевалъ Вакорина исправникъ.

— Бью, батюшка, повторилъ онъ и тому.

— Господа! возьмите его у меня; иначе я его задушу! сказалъ Саврасовъ, отбрасывая отъ себя Вакорина.

— Что хотите, то и извольте дѣлать, а что бивалъ, не унимался бѣднякъ, утирая съ лица катившійся потъ.

— Ну, такъ пошелъ же вонъ! крикнулъ на него ужъ и хозяинъ, выведенный изъ терпѣнія такою ложью.

— Я уйду, сударь, уйду! говорилъ Вакоринъ, и пошелъ.

— Я тебѣ теперь, каналья, кости оглоданной не дамъ, вскричалъ Саврасовъ, выбѣгая вслѣдъ за нимъ.

— И я тоже, и я! повторилъ хозяинъ.

Вакоринъ блѣднѣлъ, дѣлалъ изъ лица препечальнѣйшую мину.

Въ лакейской его сталъ-было даже лакей уговаривать:

— Полноте, Петръ Гаврилычъ, потѣшите господъ; скажите, что неправду сказали.

— Что мнѣ тѣшить-то? бивалъ сколько разъ! отвѣчалъ ему Вакоринъ.

Лакей на это не стерпѣлъ и плюнулъ.

— Фу-ты, Господи Боже мой! проговорилъ онъ.

Господа, между тѣмъ, разсуждали о наглому лжецѣ въ гостиной.

— Каковъ каналья? а? каковъ? кричалъ Саврасовъ на весь домъ.

Его мелкое самолюбьишко было страшно оскорблено. Недѣли черезъ двѣ онъ, по наружности, какъ-бы и простилъ Вакорина, сталъ даже принимать его къ себѣ въ домъ, но въ душѣ питалъ противъ него злобу. Разъ... это ужъ было у самого Саврасова, тоже собралось дворянство, въ томъ числѣ два брата Брыкина. Еще покойный отецъ этихъ господъ разсказывалъ, что поѣхалъ онъ однажды ночью черезъ Галичское Озеро — вдругъ трахъ, провалился въ прорубь; дыханье, разумъется, захватило; глаза помутились; только черезъ нѣсколько секундъ дышать легче — глядять, тройка его выскочила въ другую прорубь — и полнехоньки сани рыбы зачерпнулись въ озерѣ. Другой разъ заговорили о храмѣ Петра въ Римѣ. «Что это такое за важность этотъ храмъ! воскликнулъ Брыкинъ: — говорятъ, великъ онъ очень!

Вздоры! великъ сравнительно, потому что вся-то Италия съ нашу губернію. Ну, а какъ наша матушка Россія раскинулась, такъ что ни построй, все мало. Вотъ у насъ приходъ, или, лучше сказать, приходышко; выстроили церковь — такъ псаломщикъ за всеошной съ кляроса на кляросъ не успѣвалъ тѣшкомъ ходить.

— Батюшка! воскликнулъ при этомъ укоризненно даже одинъ изъ сыновей.

— А длина церкви велика ли? спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Длина? отвѣчалъ нѣсколько опѣшенный замѣчаніемъ сына старикъ:—длина сажени три.

Такъ онъ вралъ и его всѣ слушали, и даже почти вѣрили ему, потому что тысяча душъ была у него. Сыновья тоже пошли по немъ. Въ настоящее собраніе одинъ изъ нихъ рассказывалъ: «Стали, говорить, мы спускаться съ Свиньинской Горы—вѣдь вы знаете, это стѣна, а не гора... что-то одна изъ лошадей плохо спускала—понесли. Заднее колесо заторможено было—однако, пи, пи, пи! ничего не помогаетъ; я, дѣлать нечего, говорю брату—мы съ нимъ сидѣли на передней лавочкѣ, а жены наши на задней: «давай, говорю, тормозить переднія колеса»; нагнулись: я на одну сторону—онъ на другую, взяли колеса въ наши лапки—на одинъ камень колесо наскочить, на другой — въ рытвину сухую попадетъ; смотримъ, лошади наши ужъ не несутъ, а везутъ коляску».

— И я заторможу колесо, отозвался вдругъ, чортъ-знаетъ съ чего и для чего Вакоринъ, тоже тутъ присутствовавшій.

Глаза хозяина загорѣлись бѣшенствомъ.

— Ты затормозишь? спросилъ онъ.

— Я-съ.

— Да ты, каналья, не только коляску, а одну лошадь, на бѣговыхъ дрожжахъ, обѣими твоими скверными руками и ногами не остановишь! прошипѣлъ онъ.

— И такъ остановлю-съ.

— Остановишь? Люди! Саврасовъ хлопнулъ въ ладоши.

Вбѣжали люди.

— Сейчасъ заложить сѣраго въ бѣговныя дрожки. Останавливай! обратился онъ къ Вакорину.

Тотъ только уже улыбался.

Лошадь была заложена и приведена къ крыльцу. Всѣ гости и хозяинъ вышли туда.

— Посмотримъ, посмотримъ! говорили самолюбиво братья-Брыкины.

Вакоринъ, какъ обреченный на казнь, шель впереди всѣхъ.

— Какъ же ты остановишь? спрашивали его нѣкоторые изъ гостей, которые были подобрѣе.

— А вотъ какъ, отвѣчалъ Вакоринъ, ложась грудью на дрожки, и самъ, кажется, не зная хорошенько, что онъ дѣлаетъ:— вотъ руки сюда засуну, а ноги сюда! сказалъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ, руки засунулъ въ переднія колеса, а ноги въ заднія.

— Отпускай! крикнулъ онъ какимъ-то отчаяннымъ голосомъ державшему лошадь кучеру.

Тотъ отпустилъ. Лошадь бросилась, колеса завертѣлись; Вакоринъ какъ-то одну ногу и руку успѣлъ вытащить, дрожки свернулись на бокъ, лошадь ужъ совсѣмъ понесла, такъ что посланный за нею верховой едва успѣлъ ее остановить.

Вакоринъ лежалъ подъ дрожками.

— Вставайте! сказалъ подѣхавшій къ нему верховой.

— Немного, проклятая, наскочала—остановилъ же! сказалъ Вакоринъ, и хотѣлъ-было подняться, но не могъ: у него переломана была нога.

Дѣтъ десять тому назадъ, я встрѣтилъ его въ В... совсѣмъ уже старикомъ, хромымъ и почти нищимъ. Онъ сидѣлъ на тротуарѣ и, мокая въ пустую воду сухую корку хлѣба, ѣлъ ее. Недалекъ отъ него стоялъ босоногій мальчишка и видимо поддразнивалъ его: «Лисичій охотникъ, лисичій охотникъ!» повторялъ онъ безпрестанно. Это было прозвище, которое Вакорину дали въ городѣ послѣ перваго, несчастнаго съ нимъ случая по поводу лисичьей шкуры. Старикъ только повременамъ злобно взглядывалъ на шалуна. Я подошелъ къ нему.

— Что это, Петръ Гавриличъ, до чего это ты дошелъ? спросилъ я его.

— Что дѣлать, сударь? старъ сталъ ужъ!... А добрыхъ господъ, какъ прежде было, нынче совсѣмъ нѣтъ! отвѣчалъ онъ, и слезы навернулись у него на глазахъ.

Кого онъ подѣ добрыми господами разумѣлъ—Богу извѣстно!

III. КАВАЛЕРЪ ОРДЕНА ПУР-ЛЕ-МЕРИТЬ.

Прелестное июльское утро свѣтитъ въ окна нашей длинной залы; по переднему углу ея стоять мѣстныя иконы, принесенныя изъ ближайшаго прихода. Священникъ, усталый и запяленный, сидитъ невдалекѣ отъ нихъ и съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ дожидается, чтобы его заставили поскорѣе отслужить всенощную; а тамъ, вѣроятно, и воду подадутъ. Матушка, впрочемъ, еще не вставала, а отецъ ушелъ въ поле къ рабочимъ. Я (очень маленький) стою и смотрю въ окно. Изъ поля и изъ саду тянетъ восхитительной свѣжестью: мнѣ такъ хочется молиться и Богу и природѣ! Тутъ же, по залѣ, ходитъ ночевавшій у насъ сосѣдь, Евграфъ Петровичъ Харниковъ, мужчина чрезвычайно маленькаго роста, но съ густыми черными волосами, густыми бровями и вообще съ лицомъ неумнымъ, но выразительнымъ; съ шести часовъ утра онъ уже въ полной своей формѣ: брючвахъ, жилетникѣ, сюртучкѣ и *пур-ле-меритъ*. Раздражающее свойство утра замѣтно дѣйствуетъ на него: онъ проворно ходитъ, подшаркиваетъ ножкою, дѣлаетъ въ лицѣ особенную мину. Евграфъ Петровичъ—чистѣйшій холерикъ; его маленькой мысли безпрестанно надо работать, фантазировать и выражать самоѣ себя. Въ настоящую минуту онъ не выдерживаетъ молчанія и останавливается передъ священникомъ.

— Вы дядю моего, Николая Степаныча, знавали? спрашиваетъ онъ какъ-бы случайно.

Священникъ поднимаетъ на него глаза и бороду.

— Нѣтъ-съ! отвѣчаетъ онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ.

— Храбрый былъ генералъ, храбрый!...

Священникъ продолжаетъ молчать.

— Я собственно служилъ въ кавалеріи! говоритъ Харниковъ.

Онъ собственно служилъ офицеромъ въ комисаріатѣ.

— И подъ Глагау, Господи!... двинули насъ сбить непріятельскую позицію по правую, этакъ, сторону отъ города... Пошли мы сначала на рысахъ, палаши на голѣ... Глядимъ, цѣхота—разъ, два—выстроились въ барѣ. Вы знаете, что такое барѣ?

— Нѣтъ-съ! отвѣчалъ и на это священникъ и, вытянувъ изъ бороды два волоска, началъ внимательно ихъ разсматривать.

— Отличная штука! четырехугольникъ изъ людей ни больше, ни меньше; штыки впередъ, задняя шеренга: «пафъ! пафъ!»—со-

вершенная щетина, съ пулями только, которыя летаютъ около васъ, какъ шмели, никакая кавалерія не возьметъ — надо сразу... Командиръ нашъ командуетъ: «маршъ назадъ!» потомъ: «налѣво кругомъ, маршъ, маршъ!». Летимъ!... Миѣ какъ-то, ужъ это именно Богъ! между двухъ ружей удалось просквозить. Тутъ стѣбитъ только одному прорваться, и, конечно: весь полкъ за мной; направо саблей!... налѣво саблей!... лошади ногами топчуть!

Евграфъ Петровичъ сталъ-было даже своими маленькими ручками и ножками представлять все это въ лицахъ и особенно живо, какъ лошади топчуть непріятеля ногами; но въ это время вошелъ повойный отецъ, по обыкновенію мрачный и суровый, и сѣлъ тутъ же въ залѣ.

— Чтѣ это онъ тебѣ росписываетъ? спросилъ онъ священника, указывая глазами на Евграфа Петровича.

— Про войну рассказываетъ-сь, отвѣчалъ тотъ.

— Про дѣло при Глагау припоминаю, подхватилъ Хариковъ.

Онъ зналъ, что въ присутствіи отца продолжать разговора въ прежнемъ тонѣ ему не было никакой возможности, но и замолчать сразу было недовго: онъ рѣшился выбрать средину.

— Въ тотъ день, продолжалъ онъ далеко ужъ не съ такой самоувѣренностью:— послали меня съ извѣстіемъ...

— Къ кому? перебилъ его отецъ какимъ-то безстрастнымъ голосомъ.

— Не помню къ кому... почти пискнулъ Евграфъ Петровичъ.

— О чемъ?

— Кажется, что, сколько теперь помню, что... Витгенштейнъ наступаетъ или отступаетъ...

— А!... протянулъ отецъ.

— Только поѣхалъ я-съ... Лошадь у меня была отличная, продолжалъ Хариковъ; голосъ его замѣтно дрожалъ:— только вдругъ, вижу я, отъ непріятельскаго авангарда отдѣлился польскій уланчикъ и за мной... Я какъ бы дальше отъ него, а онъ ко мнѣ все ближе; вижу и копыцею отъ меня недалеко — я хватъ изъ сѣдла пистолеть; баць — осѣчка! Копыцею ужъ и гораздо ближе ко мнѣ; я другой разъ баць—осѣчка! Копыцею ужъ почти у хвоста моей лошади... дѣлать нечего, перекрестился (Евграфъ Петровичъ задуендъ при этомъ злобно губы), перехватилъ пистолеть дуломъ въ руку, пустилъ его на волю, божию и прямо уладилъ молодцу въ високъ... закачался онъ на сѣдлѣ и голову закинулъ назадъ.

— Это случилось не въ 12-мъ году... перебралъ его отецъ.

— Какъ не въ 12-мъ? спросилъ Хариковъ.

— И не при Глагау, и не съ тобой, а въ польскую канцелярію, дѣйствительно, одинъ нашъ кирасиръ убилъ польскаго улана холоднымъ пистолетомъ, и это я тебѣ даже и рассказывалъ...

— Съ кирасиромъ, можетъ-быть, случилось само по себѣ, а со мной само по себѣ! затараторилъ Хариковъ.

— Съ тобой случилось другое, отвѣтилъ отецъ:—ты убѣжалъ изъ провіантскаго магазина отъ сорока мышей.

Евграфъ Петровичъ сильно покраснѣлъ.

— Вотъ вздоръ какой! Я бѣжалъ не отъ крысъ, а отъ не-пріятеля: на меня кинулись два французскіе карабинера; я скватилъ одного за шиворотокъ, другаго за шиворотокъ, трескуль ихъ головами и ушелъ отъ нихъ.

— Ты сидѣлъ въ магазинѣ, продолжалъ отецъ тѣмъ же безстрастнымъ голосомъ:—и считалъ тамъ казенные мѣшны съ хлѣбомъ; въ это время изъ одного анбара въ другой переходило стадо крысъ; ты испугался и убѣжалъ отъ нихъ.

— Говорить все можно! произнесъ Хариковъ обиженнымъ голосомъ. — Если я убѣжалъ отъ крысъ, за что мнѣ пур-ле-мерить дали?

— Не знаю за что! отвѣчалъ отецъ оскорбительнѣйшимъ образомъ.

Собственно говоря, Евграфъ Петровичъ и самъ хорошенько не зналъ, за что ему дали этотъ крестъ. За какія-то успѣшныя распоряженія нашего интендантства, при Глагау, или гдѣ-то, прислано было отъ прусскаго правительства десятка два пур-ле-шеритовъ, и одинъ изъ нихъ упалъ на благородную грудь моего героя.

— Вотъ онъ мнѣ за что данъ! воскликнулъ онъ и, проворно отмахнувъ рукавъ скуртука, показалъ довольно большой рубецъ.

— Э, братъ, нѣтъ! ѡнаемъ! Это нарочно травленный! воскликнулъ, въ свою очередь, отецъ.—Боздержанъ сказывалъ намъ, какъ ты просилъ его травить тебѣ руку и непремѣнно, чтобъ рубецъ остался.

Евграфъ Петровичъ развелъ только на это руками. Выраженіе его лица какъ-бы говорило, что клевета человѣческая дальше идти не можетъ. Чѣмъ бы этотъ разговоръ кончился — неизвѣстно; но вошла матушка. Евграфъ Петровичъ носнѣшилъ передъ ней модно расшаркаться, поцаловалъ у нея руку и освѣдомился объ ея здоровьѣ.

Во время всеобщей, онъ замѣтно молился на старинный офицерскій манеръ, то-есть, клалъ небольшіе крестики и едва склонялъ голову. Затѣмъ, почему-то, съ особеннымъ чувствомъ пропѣлъ: «*Отъ юности моея мнози борются мя страсти!*»; но когда начали «*Взбранной воеводитѣ*», онъ подперся рукою въ бокъ, какъ-бы держась за шарфъ; откуда бась у него взялся, пропѣлъ цѣлнй псаломъ, ни въ одной нотѣ не сорвавшись и, кончивъ, проговорилъ: «*Прекрасная стихера! Теперь бы духовенство сзади; въ воздухъ знамена; барабанщики и кларнетисты впередъ—прелесть!*»

Мнѣ всего разъ еще удалось, уже на смертномъ одрѣ, видѣть этого маленькаго храбреца въ его маленькой усадьбѣ, въ маленькомъ домикѣ и маленькой спальнѣ, въ которой не было уже никакихъ слѣдовъ здороваго человѣка: всюду былъ удушливый воздухъ, вездѣ стояли баночки съ лекарствомъ, и только на столикѣ у кровати лежалъ пур-ле-мерить на совершенно свѣжей лентѣ. Когда я сѣлъ около Евграфа Петровича, онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку.

— Вы, вѣроятно, будете у меня на похоровахъ, проговорилъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ: — прикажите, пожалуйста, чтобъ крестъ этотъ несли передъ моимъ гробомъ: я заслужилъ его кровью моею!

Читатель знаетъ, какою онъ его кровью заслужилъ.

Черезъ недѣлю онъ умеръ. Я долгомъ себѣ поставилъ исполнить его предсмертное желаніе и даже самъ неся крестъ на малиновой подушкѣ, которую покойникъ, задолго еще до смерти, поспѣшилъ для себя приготовить.

Слава великаго Суворова, еще свѣжо тогда витавшая надъ всѣмъ нашимъ войскомъ, задѣла своимъ обаятельнымъ крыломъ и душу Евграфа Петровича; во всѣхъ своихъ мечтаніяхъ онъ воображалъ себя и храбрецомъ, и генераломъ, и увѣшаннымъ крестами. «Отчего», думалъ я: «судьба не дала этому человѣку, вмѣсто какого-то темнаго и не для всѣхъ понятнаго пур-ле-мерита, Георгія или какую-нибудь звѣзду? Любопытна было бы видѣть ту степенъ нѣжности, съ какою онъ относился бы къ этимъ высокимъ наградамъ воинскихъ доблестей!»

IV. ФАНТАЗЕРКА.

Гордость такъ же свойственна женскимъ сердцамъ, какъ и мужскимъ. Тетка моя, Мавра Исаевна Исаева, была какъ-бы живымъ

олицетвореніемъ этого грандіознаго чувства. Признаюсь, и по самой наружности я не видалъ величественнѣе, громаднѣе и могучѣе этой дамы, или, точнѣе сказать, дѣвицы: прямой греческій носъ, открытый лобъ, строгіе глаза, презрительная улыбка, густые, серебристые въ пучкахъ волосы, полный, но необрюзглий еще станъ, походка грудью впередъ — словомъ, какъ будто бы Господь Богъ все ей тѣло далъ для выраженія главнаго ея душевнаго свойства. Мавра Исаевна, какъ можно это судить по ея здоровой комплекціи, чувствовала сильную склонность въ замужству; но единственно, по своему самолюбію, считая всѣхъ мужчинъ недостойными себя, осталась въ самомъ строгомъ смыслѣ дѣвственницей, а побѣды были съ ея стороны и довольно блистательныя: сынъ губернатора Лампе, камер-юнкеръ и большой повѣса (это было еще до 12 года), танцовалъ съ ней на балѣ у отца мазурку и вдругъ выкинулъ какую-то ухорскую штуку—Мавра Исаевна на это только еще гордѣе подняла голову и пошла ужъ совсѣмъ грудью впередъ. Камер-юнкеръ сталъ попольски что есть силы стучать ногами—Мавра Исаевна прижала одну руку въ бокъ и начала тоже попольски довольно сильно выкидывать ноги. Камер-юнкеръ перевернулся вверхъ ногами—Мавра Исаевна сдѣлала видъ, что какъ будто бы сначала устрашилась этого, а потомъ и ничего—простила. Камер-юнкеръ наконецъ пропѣлъ нѣтухомъ—Мавра Исаевна представила, что какъ будто бы закудахтала курочкой. «Русскую!» грянулъ камер-юнкеръ, и въ мундирѣ (тогда на балы ѣздили въ мундирахъ, чулкахъ и башмакахъ) пошелъ въ присядку—Мавра Исаевна сейчасъ, какъ слѣдуетъ въ русской пляскѣ, стала поводить плечами и бровями...

Всѣ зрители были въ восторгѣ и хохотали до упаду.

Старикъ Лампе, впрочемъ, на другой же день положилъ предѣлъ этой начинавшейся страсти и отправилъ сына обратно въ Петербургъ.

— Воля родителей не было на то, и мы повиновались... объясняла Мавра Исаевна, съ покорностію въ голосъ, всю жизнь свою этотъ случай.

При всей видимой холодности, она, кажется, любила нравиться мужчинамъ и воображала, что каждый изъ нихъ, какъ только нѣсколько повнимательнѣе поговорить съ нею, такъ ужъ и очарованъ ея умомъ и красотою. Былъ у нея еще какой-то Егоръ Егоровичъ Похвиревъ, постоянный предметъ ея рассказовъ, сна-

чала когда-то безъ памяти влюбленный въ нее, а потомъ женившійся на другой, дѣвущкѣ очень богатой, но дурѣ набитой. Мавра Исаевна и начнетъ при немъ вычитывать, что мужчины состояніе предпочитаютъ сердцу, уму, красотѣ женщины. Егоръ Егоровичъ будто-бы при этомъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, зеленѣлъ, кусалъ губы; но ужъ поздно—не воротись!

Въ какой степени Мавра Исаевна бывала иногда груде, когда это хотѣла явить въ себѣ—вообразить даже трудно! Разъ ей, уже старухѣ, докторъ пускалъ кровь.

— Какая еще славная рука! проговорилъ онъ, отыскивая вену.

Когда кровь была пущена, Мавра Исаевна вдругъ обратила къ нему свой гнѣвный взоръ.

— Какъ вы смѣли себѣ позволить это сказать?.. проговорила она.—Какъ вы смѣли подумать это?

Докторъ вертѣлся-вертѣлся, едва ушелъ.

Главнымъ, отличительнымъ свойствомъ Мавры Исаевны было то, что что бы она ни дѣлала, все это лучше всѣхъ: грибы ли отварить—лучше всѣхъ, по дѣламъ ли станетъ хлопотать—тоже лучше всѣхъ. Ставила она со своего имѣнія рекрута: Мишку поставила—затылокъ! Петьку—затылокъ!

— Наконецъ, говорить она:—я сама иду въ присутствіе. Брейте, говорю, меня самое; мнѣ больше ставить некого!..

— Какъ въ присутствіе? вѣдь тамъ стоятъ голые мужики? воскликнули ея слушатели.

— А характеръ намъ, женщинамъ, на что данъ? отвѣчала Мавра Исаевна.

Проживая лѣтъ около тридцати въ деревнѣ, она постоянно держала у себя воспитаницъ, единственною обязанностью которыхъ было выслушивать рассказы ея о самой себѣ; но эти *неблагодарныя твари*, какъ обыкновенно называла ихъ Мавра Исаевна, когда прогнала отъ себя, обнаруживали въ этомъ случаѣ довольно однообразное свойство: въ началѣ онѣ какъ будто бы и принимали всѣ ея слова съ должнымъ вниманіемъ; но потомъ на лицахъ ихъ замѣтно стала обнаруживаться скука, и онѣ начинали или грубить, или дурить... Пробовала-было Мавра Исаевна по этому предмету входить въ сношенія съ начальниками разныхъ монастырей, пріютовъ, ѣздила къ нимъ, ласкалась, дѣлала имъ подарки, чтобъ онѣ удѣлили ей хоть какой-нибудь стростокъ изъ своего богатаго питомника—но и тутъ счастья не было: первый же взятый ею отпрыскъ вдругъ оберменѣлъ, такъ

что Мавра Исаевна, спасая уж собственную честь, послѣшила ее поскорѣе отправить обратно въ заведеніе. Послѣдней приживалкой Мавры Исаевны была изъ дворянъ дѣвица Фелисата Ивановна, дѣвушка богомольная и вначалѣ обнаруживавшая къ своей благодѣтельницацѣ такое почтеніе, что мыть ее въ банѣ никому не позволяла, бромѣ себя, и при этомъ еще объясняла, что у Мавры Исаевны такое тѣло, что какъ ткнешь въ него пальцемъ, такъ онъ и уйдетъ весь туда.

Разъ мы обѣдали: тетушка, съ своей обычно-гордой позою, я, всегда ее немного притруживающій, и Фелисата Ивановна. Послѣдняя была что-то грустна и молчалива. Мавра Исаевна, напротивъ, находилась въ какомъ-то умиленномъ настроеніи.

— Когда я была въ Петербургѣ, начала она даже нѣсколько занскивающимъ голосомъ:—познакомилась я съ генеральшей Костинной. Мужъ ея, сенаторъ, вдругъ заинтересовался мной... просто этакимъ скотскимъ чувствомъ, какъ всѣ вы, гадіе мужчины.—«Генераль, говорю я ему:—ни ваше званіе, ни мое званіе, ни ваши лѣта, ни мои лѣта не позволяютъ намъ упасть въ эту пропасть».

— Что жъ эти Костинны были богатые люди, хорошо жили? послѣшилъ я спросить, чтобъ какъ-нибудь не дать Маврѣ Исаевнѣ разговориться на любимѣйшую ея тему.

— Она была племянница свѣтлѣйшаго, только, не больше... отвѣчала она мнѣ внушительно:—каждую недѣлю балъ со дворомъ. Я говорю: «Я не могу у васъ бывать; вы знаете мой туалетъ и мои платья—разъ, два, да и обчелся».—«Да вы сдѣлайте, говоритъ мнѣ Костина:—форменное платье; всякая дворянка имѣеть это право!»

— Какое же это форменное? спросилъ я.

Мавра Исаевна прищурила глаза.

— Очень простенькое! начала она:—не знаю, какъ нынче, можетъ быть, ужъ переиѣнилось, а тогда—черное гласе, на правомъ плечѣ шифръ дворянскій, на рукавахъ буфы, спереди, на отмашъ, лопасти, а сзади—шлейфъ. Генеральша Костина тоже въ гласе, на лѣвой сторонѣ звѣзда, на правой—шифръ уже придворный... Три у нихъ дочери были... очень малыя дѣвушки... танцуютъ... Тогда только еще эта ваша дурацкая французская кадрили начала входить въ моду. Смотрю... что это такое? растопырить платья и ходить, какъ павы. Ни вкусу, ни чадеръ—просто, гадко видѣть... чувствую, что внутри во мнѣ все такъ

и вникать, а старшій этотъ повѣса, Костинъ, еще съ любезностями вздумалъ адресоваться... глазками дѣлаетъ... — «Подите, говорю, прочь; видѣть васъ не могу!» — На другой день, только что еще проснулась и чувствую себя очень нехорошо, приѣзжаетъ ко мнѣ Костина. Тутъ ужъ я невытерпѣла. — «Марья Ивановна, говорю я ей: — на чтѣ это нынѣшнія дѣвицы похожи? гдѣ у нихъ манеры, гдѣ у нихъ обращеніе, гдѣ эти умные разговоры?..» — «Душенька, душенька, говоритъ: — возьмите всѣхъ дѣтей моихъ на воспитаніе...» Скороспѣлка этакая была, все бы ей сейчасъ сдѣлать, необдуманно... — «Марья Ивановна, говорю: — правила моей нравственности вотъ въ чемъ, вотъ въ чемъ состоятъ», и этакъ, знаете, серьезно поговорила. Ну, разумѣется, не понравилось. — «Посудите, говоритъ, душенька, я — мать.» — «Очень, говорю, сужу и знаю; я сама мать и имѣю тоже дочь.»

— Какъ дочь? воскликнули мы оба въ одинъ голосъ съ Фелисатой Ивановной.

— Да, дочь! отвѣчала Мавра Исаевна, слегка вспыхнувъ (она, кажется, и сама была не совсѣмъ довольна, что такъ далеко хватила).

— Кто жѣ отецъ вашей дочери? спросилъ я.

— Мужчина!

Фелисата Ивановна на этихъ словахъ не выдержала и фыркнула на всю комнату. Мавра Исаевна направила на нее свой медленный взоръ.

— Чему ты смѣешься? спросила она ее какимъ-то гробовымъ голосомъ.

Фелисата Ивановна молчала.

— Чему ты смѣешься? повторила Мавра Исаевна тѣмъ же тономъ.

— Да какъ же, матушка, какая у васъ дочь? отвѣчала Фелисата Ивановна.

— А такая же, костяная, а не лышная, говорила Мавра Исаевна попрежнему тихо; но видно было, что въ ея громадной груди бушевало дѣлое море злости: — я дѣтей своихъ не раскидала по мужикамъ, какъ сдѣлала это ты.

Фелисата Ивановна сконфузилась; намѣкъ былъ слишкомъ ядовитъ: она, дѣйствительно, въ жизнь свою одного маленькаго ребенка подлинуду сосѣднему мужичку,

— Не было у меня, сударыня, никакихъ дѣтей, возразила она: —

и у васъ ихъ не было; вы—барышня: вамъ стыдно на себя это наговаривать.

— А вотъ же и было; нà-вотъ тебѣ! сказала Мавра Исаевна и показала Фелисатѣ Ивановнѣ кукишъ.

— Гдѣ жъ теперь ваша дочь? спросилъ я, желая испытать, до какой степени можетъ дойти фантазія Мавры Исаевны.

— Не безпокойтесь; она умерла и не лишитъ васъ наслѣдства!... отвѣчала она мнѣ съ замѣтной ядовитостію.—О, мой миленькій, проткій ангелъ! продолжала старушка, вскинувъ глаза къ небу: — точно теперь на тебя гляжу, какъ лежала ты въ своемъ атласномъ гробикѣ, вся усыпанная цвѣтами, а я, безумная, стояла около тебя и не плакала...

Что тутъ было говорить? Мы съ Фелисатой Ивановной потунились и молчали.

Мавра Исаевна нѣсколько разъ моргала носомъ, поднимала глаза къ небу и тяжело вздыхала, какъ-бы желая показать, что удерживаетъ накопившіяся въ груди ея слезы.

Послѣ обѣда я ушелъ къ себѣ наверхъ, но часовъ въ шесть, когда уже смерклося, услыхалъ робкіе шаги.

— Кто это? откликнулъ я.

— Это я, бабушка! отозвалась Фелисата Ивановна:—подите-ка, посмотрите, что тѣтенька дѣлаетъ.

— Что такое?

— Извольте посмотрѣть! и затѣмъ, сказавъ, чтобы я шелъ на цыпочкахъ, подвела меня къ двери въ гостиную и приложила мой глазъ къ небольшой щели. Тѣтушка сидѣла на диванѣ передъ столомъ, на которомъ свѣтло горѣли двѣ калетовскія свѣчи. Она говорила сама съ собой. «Да, это конечно!» бормотала она, дѣлая движеніе рукой, какъ-бы играя султаномъ на шляпѣ. Потомъ говорила гораздо ужъ болѣе нѣжнымъ голосомъ: «Но это невозможно, невозможно!» повторяла она неоднократно. Затѣмъ щурилась глаза, поднимала плечи, врядъ ли не воображая, что на нихъ были эполеты. (Она, должно быть, въ этомъ случаѣ представляла какого нибудь военнаго) «Ваша воля, ваша воля!» говорила она.

— Бабушка, что это такое? Вѣдь это часто съ ними бываетъ! вопіяла Фелисата Ивановна.

— Ничего, успокаивалъ я ее:—пойдемте; пусть она себѣ пофантазируетъ.

— Да я, бабушка, очень боюсь, говорила она, и въ самомъ дѣлѣ дрожала всѣмъ тѣломъ.

На другой день поутру въ домѣ опять поднялся гвалтъ, и ко мнѣ въ комнату вбѣжала ужь горничная.

— Пожалуйте къ тѣтушкѣ; несчастье у насъ...

— Какое?

— Фелсата Ивановна потихоньку уѣхала-съ къ родителямъ своимъ-съ.

Я пошелъ. Мавра Исаевна всею своею великолѣпной фігурой лежала еще на постели; лицо у ней было багровое, глаза горѣли гнѣвомъ, голая ступня огромной, но красивой ноги выставилась изъ-подъ одѣяла.

— Фелсатка-то, мерзавка, слышаль—убѣжала! встрѣтила она меня.

Я придалъ лицу моему выраженіе участія.

— Вѣдь седьмая отъ меня такъ бѣгаетъ! Отчего это?

— Что жь вамъ, тѣтушка, такъ очень ужь гоняться за этими господами! Будеть еще такихъ много.

— Разумѣется! проговорила Мавра Исаевна уже прежнимъ своимъ гордымъ тономъ.

— Вамъ гораздо лучше, продолжалъ я:—взять въ комнату вашу вредную ключницу Глафиру... (Та была глуха на оба уха, и при ней говори, что хочешь—не покажетъ никакого ощущенія) женщина она неглупая, честная.

— Честная! повторила Мавра Исаевна.

— Потому къ вамъ будетъ ѣздить Авдотья Нибаноровна.

— Будеть! согласилась Мавра Исаевна.

Авдотья Нибаноровна хоть и не была глуха на оба уха, но зато такая была дура, что ничего не понимала.

— Наконецъ, Эпаминондъ Захарычъ будетъ постоянный вашъ гость.

— Да, Эпаминонда! Пьяница только онъ ужасный!

— Нельзя же, тѣтушка, чтобы человекъ былъ совершенно безъ недостатковъ.

Эпаминондъ Захарычъ, бѣдный сосѣдъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ такой пьяница, что никогда никакими посторонними предметами и не развлекался, а только и помышлялъ о томъ, какъ бы и гдѣ бы ему водки выпить.

— Всѣ они будутъ бывать у васъ, развлекать васъ! говорилъ я, помышляя уже о собственномъ спасеніи. Эта густая и непроборная атмосфера хоть и дѣтской, но все-таки лжи, которой я

дыпаль впродолженіе нѣсколькихъ дней, начинала меня душить невыносимо.

— А теперь позвольте съ вами проститься! прибавилъ я нерѣшительнымъ голосомъ.

— Прощай, Богъ съ тобой! отвѣчала Мавра Исаевна.—Ей въ эту минуту было не до меня: ей нужна была Фелисатка, которую она растерзать на части готова была своими руками. Дома я нашелъ плачевное и извиняющееся письмо отъ Фелисаты Ивановны:

«Ваше высокородіе, Алексѣй Филатычъ! (писала она) хопша теперича, можетъ, вы и ваша тѣтенька на меня, рабу вашу, гнѣваться изволите, но мнѣ, "батюшка, Алексѣй Филатычъ, было не жить при нихъ — я сама дѣвушка нездоровая и очень этого боюсь... Прошлый годъ, Алексѣй Филатычъ, когда Господь-Богъ сподобилъ насъ быть у Феодосія Тотемскаго чудотворца и когда тѣтенька ваша стала прикладываться къ ракъ святаго угодника, такъ онѣ плакали и до того ихъ корчило, что двое монаховъ едва имѣли силы держать ихъ... Значить, онѣ, окаянный, въ нихъ сидѣлъ и трудно ему тамъ было, а они еще святой себя называютъ. «Праведница, говоритъ, я»; это все его наущеніе; на этойой грѣхъ онѣ ихъ наводитъ, и я такъ теперь понимаю, что быть при нихъ не то что намъ грѣшникамъ великимъ, а какому развѣ священнику безмѣстному, чтобы онѣ могъ отчитать ихъ, когда врагъ ихній заберетъ ихъ во всю свою поганую силу.»

Фелисата Ивановна считала бѣдную старушку за одержимую бѣсомъ, тогда какъ все дѣло было въ томъ, что могучая фантазія Мавры Исаевны и въ сотой долѣ своей не удовлетворилась скудною дѣйствительностью.

V.

Блестящій лгуунъ.

Во лжи, какъ и во всякомъ другомъ творчествѣ, есть своего рода ослѣпленіе, нѣга, сладострастіе; а то откуда же она беретъ этотъ огонь, который зажигаетъ у человѣка глаза, щоки, поднимаетъ его грудь, дѣлаетъ голосъ болѣе звучнымъ?... Нѣкто N... еще въ двадцатыхъ годахъ совершившій кругосвѣтное путешествіе, былъ именно однимъ изъ такихъ электризуемыхъ

себя и другихъ услаждающихъ говоруновъ и лгуновъ своего времени. Маленькій, проворный, живой, съ красивыми руками и ногами, и вообще своей наружностью напоминающій нѣсколько польскаго ксенза, имѣющій привычку, когда говорить, закрывать глаза, и вскрикивать въ концѣ каждой фразы, какъ-бы затѣмъ, чтобы сильнѣе запечатлѣть ее въ ухахъ слушателей, N... почти цѣлыя двѣ зимы былъ героемъ Москвы. Князь П... (да простить господь-богъ этому человѣку его гордость, которая могла равняться одной только сатанинской гордости!), князь П... искалъ знакомства съ N... Обстоятельство это, впрочемъ, надобно объяснить вліаніемъ княгини, которое она всегда имѣла на мужа. При воспоминаніи объ этой дамѣ, авторъ не можетъ не придти въ нѣкоторый восторгъ отъ мысли, что въ Россіи была такая умная и ученая дама. Цѣлый день она, бывало, сидитъ въ своей обитой штофомъ гостиной, вѣчно съ книгой въ рукахъ; двѣ ея дочери, стройныя и прямыя, какъ англичанки, тоже съ книгами въ рукахъ. Положимъ, къ княгинѣ пріѣзжаетъ съ визитомъ какая-нибудь m-me Маурова, очень молоденькая и вѣтреная женщина.

— Avez vous lu Chateaubriand? спроситъ вдругъ княгиня, показывая глазами на книгу, которую держать въ рукахъ.

— Non, отвѣчаетъ та очень покойно.

— Non?... повторитъ княгиня почти ужасающимъ голосомъ.

— Mon mari n'est pas encore allé au magasin de Gothier.

— Шатобрианъ вышелъ годъ тому назадъ! скажетъ княгиня, и, не ограничиваясь этимъ, обратится еще къ одной изъ дочерей своихъ.

— Chère amie! привеси мнѣ les Metamorphoses d'Ovide.

Она очень хорошо знаетъ, что m-me Маурова и словъ такихъ: *Метаморфозы Овидія* не слыхала, а потому, по необходимости, должна растеряться и уѣхать.

Я привелъ этотъ маленький эпизодъ единственно затѣмъ, чтобы показать, какіе люди интересовались N... и дали наконецъ ему торжественный обѣдъ, къ которому все было предусмотрено: во первыхъ, былъ приглашенъ къ обѣду, какъ человѣкъ очень умный, профессоръ Марсовъ, учившій дочерей княгини греческому языку; изъ другихъ мужчинъ были выбраны по большей части сановники — друзья князя; кромѣ того, на обѣдъ налетѣло больше десятка пестрыхъ и прелестныхъ, какъ бабочки, молодыхъ дамъ.

Н... входитъ; но мы ловимъ его не на его официальномъ поклонѣ хозяйгѣ, не въ то время, когда онъ вѣжливѣе дружески пожималъ руку хозяина, ни даже тогда, когда, сидя уже за столомъ по правую руку хозяйки, послѣ съѣденнаго супа, онъ начиналъ ей запускать кое-что о супахъ-консервахъ, ни въ тотъ моментъ, когда князь, ставъ на ноги, возвѣтилъ тостъ за здоровье Н..., какъ за здоровье знаменитѣйшаго путешественника, а княгиня, дружески пожимая ему руку, проговорила съ удареніемъ: «и я пью!» На все это Н... отвѣтилъ краткими и исполненными чувствами словами, но и только! Онъ зналъ, что минута его еще не настала, и былъ дѣломудренно сдержанъ. Она настала, когда онъ остался въ прекрасномъ кабинетѣ, освѣщенномъ, по тогдашней модѣ, восковыми свѣчами, въ совершенно интимномъ кружку князя, княгини, профессора Марсова, и двухъ-трехъ дамъ, самыхъ искреннихъ его почитательницъ. Н... сидѣлъ на покойномъ креслѣ; безпечная голова его была закинута назадъ, коротенькія ножки утопали въ ковръ; ощущая въ желудкѣ приятный вкусъ высокоцѣннаго рейнвейна, онъ по крайней мѣрѣ съ часъ описывалъ разницу между Европою и затропическими странами.

— Наконецъ, женщины затропическія! воскликнулъ онъ въ заключение и подаловалъ при этомъ кончики своихъ пальцевъ.

Княгиня на короткое мгновение переглянулась съ прочими дамами.

— *On dit... pardon, это—московскіе слухи... on dit, que vous avez été marié à une petite negresse.*

Н... стыдливо потупляетъ глаза.

— Non, на мавритангѣ, отвѣтилъ онъ вполголоса.—Это—маленькое племя, живущее около Триполи, продолжаетъ онъ, вздохнувъ и какъ-бы предавшись воспоминанію.

— Вы были, значить, и въ Африкѣ? спросилъ его съ мрачнымъ видомъ Марсовъ.

— Мой Богъ, я былъ въ Африкѣ вездѣ, гдѣ только могла быть нога человѣческая.

Говоря точнѣе, нога Н... ни на одномъ камнѣ Африки не была, и онъ только въ зрительную трубку съ корабля видѣлъ ея туманные берега.

— Я былъ, наконецъ, плѣнникъ: меня консулъ александрійскій вымѣнялъ на слова!

— Почему же александрійскій консулъ? вмѣшался въ разго-

воръ князь. Онъ всегда интересовался дипломатическимъ корпусомъ и считалъ его почему-то близкимъ себѣ.

— Очень просто! отвѣчалъ N... и въ творческой головѣ его содалась уже цѣлая картина:—это случилось на пути моемъ къ Тунису. Я ѣхалъ съ маленькимъ караваномъ... ночью... по степи полнѣйшей... только и видно, какъ желтое море песку упирается въ самое небо, на которомъ, какъ-бы исполнскою рукою, выкинуть свѣтлый шаръ луны, дающій тѣнь и отъ васъ, и отъ вашего верблюда, и отъ вашего вьюка—а тамъ вдали мелькаютъ оазисы съ зеленѣющими пальмами, которыя передъ вами скорѣе рисуются черными, чѣмъ зелеными очертаніями; воздухъ прозраченъ, какъ стекло... Только вдругъ на горизонтѣ пыль. Проводники наши, какъ увидели это, сейчасъ поворотили лошадей въ противоположную сторону и маршъ! «Что такое?» спрашиваемъ мы. «Бедуины», отвѣчаетъ намъ толмачъ, и представьте себѣ—мы безъ всякой защиты, въ пустынѣ, которая малѣйшимъ эхомъ не отвѣтитъ на самые ваши страшные, предсмертные крики о помощи...

— Ужасно! проговорила княгиня.

— Ужасно! повторили и прочія дамы.

N... продолжалъ:

— Пыль эта, разумѣется, вскорѣ же превратилась въ людей; люди эти насъ нагнали. У меня были съ собой золотые часы, около сотни червонцевъ. Спросили они меня черезъ переводчика:—«Кто я таковой?» Отвѣчаю: «Русскій!» Совѣтъ они между собой какой-то сдѣлали, послѣ котораго купцовъ ограбили и отпустили, а меня взяли въ плѣнъ. Толмачъ, однако, мнѣ говоритъ, что все дѣло въ деньгахъ: стбитъ только написать какому-нибудь нашему консулу, чтобы онъ меня выкупилъ. «Но какой же, думаю, консулъ на африканскомъ берегу? Самый ближайшій изъ нихъ александрійскій». Кромя того спрашиваю: «Какъ же я напишу ему?» «Ваше письмо, говорятъ, или съ нарочнымъ пошлютъ, или просто по почтѣ». Между всѣми европейскими консулами и этими разбойничьими шайками установлено прямое сообщеніе.

Проговори это, N... нѣсколько приостановился. «Ну какъ, подумаешь онъ, этого ничего нѣтъ, да и бить, вѣроятно, не можетъ!»

— Впослѣдствіи, впрочемъ, оказалось, продолжалъ онъ:—что эти самые толмачи и наводятъ караваны на шайки, а послѣ и дѣлать съ ними добычу...

Марсовъ при этихъ словахъ повернулся на стулѣ.

— Какъ же толмачъ можетъ навести? Его дѣло—переводить съ языка, а по дорогѣ вести—дѣло проводника! проговорилъ онъ своимъ точнымъ языкомъ.

— О, эти два ремесла всегда въ одномъ лицѣ соединены! воскликнулъ N...

— Да вѣдь вы сами же сказали, что проводники ваши ускакали, а толмачъ при васъ остался.

— То не проводники, а военная стража—только! возразилъ N...

— То военная стража! подтвердилъ и хозяинъ.

Марсовъ незамѣтно для другихъ пожалъ плечами и замолчалъ.

— Что же васъ въ плѣну держали въ тюрьмѣ, подъ надзоромъ? употребляли на какія нибудь работы? спросила княгиня съ участіемъ.

— О, нѣтъ, напротивъ! воскликнулъ N... (до какой степени онъ быстро творилъ въ этомъ разговорѣ—удивляться надо).—Я жилъ въ очень маленькомъ селеніи, состоящемъ изъ глиняныхъ саблей—по загородямъ бананы растутъ, какъ наши огурцы; въ какое нибудь драгоценнѣйшее фиговое дерево, вы вдругъ видите... для чего-то воткнуто желѣзное орудіе въ родѣ нашей пѣшки, и на ней насажена мертвая баранья голова...

— Что же, къ консулу вы писали? перебилъ его князь.

— Писалъ... Съ однимъ купцомъ, дружественнымъ этому селенію, письмо мое было отправлено.

— Чтò жь онъ вамъ отвѣчалъ? продолжалъ князь. Онъ рѣшительно во всемъ этомъ разговорѣ только и заинтересовался, что консуломъ и отчасти военною стражею, названною проводниками.

— Консулъ отвѣчалъ, продолжалъ N...:—что онъ для выкупа плѣнныхъ совершенно не имѣетъ суммъ; но въ то же время, принимая тамъ во вниманіе мое имя, какъ литератора и путешественника, и цѣня высоко услуги, оказанныя мною отечеству, и прочія тамъ любезности, онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ моему положенію и имѣетъ для этого одинъ способъ: есть у него казенный слонъ, подаренный однимъ сосѣднимъ беємъ. Слона этого ему предписано продать, и онъ уже отдалъ его купцу, привезшему мое письмо, а тотъ обѣщалъ за это меня выкупить. Такъ меня и обмѣняли... на слона!

— А когда же ваша женитьба состоялась? спросила княгиня. Въ противоположность мужу, ее болѣе интересовала поэтическая сторона плѣна N...

— А вотъ въ этотъ промежутокъ времени между моимъ плѣномъ и освобожденіемъ.

— Однако позвольте! возразила вдругъ княгиня, прищуривъ глаза: — тутъ для меня есть маленькіе недоразумѣніе. Вы говорите, что васъ взяли въ плѣнъ бедуины, а женились вы, между тѣмъ, на мавританкѣ, тогда какъ одно плена кочующее, а другое— осѣдлое...

(Изъ этихъ словъ читатель можетъ видѣть, до какой степени княгиня была учена).

— О, Богъ мой! воскликнулъ ей на это N... Это по географіи вѣдь только такъ!... На самомъ же дѣлѣ, богъ-знаетъ какое племя мавританское или бедуинское, племя—только, съ тѣми же воинскими наклонностями, съ тою же дикостью нравовъ.

Марсовъ при этомъ опять незамѣтно для другихъ насмѣшливо улыбулся; но княгиня осталась довольна этимъ объясненіемъ.

— Подробности вашего брака? спросила она уже нѣсколько лукавымъ голосомъ.

— Подробности очень обыкновенны! протянулъ N... (онъ въ это время придумывалъ), очень даже обыкновенны! повторилъ онъ:—приходить ко мнѣ разъ съ моимъ толмачомъ малый изъ туземцевъ, чрезвычайно красивый изъ себя, по обыкновенію, бритый, съ чупомъ на головѣ, какъ у нашихъ малороссіанъ. «Не желаешь ли, говоритъ, князь, жениться?» Я посмотрѣлъ на него. «У меня есть сестра красавица. Князь, можешь жениться на ней на мѣсяць, на два, на годъ.»

— И вы женились? замѣтила княгиня угоризненно.

— Женился!

— На мѣсяць, на два? продолжала княгиня насмѣшливо.

— Нѣтъ, на два года.

— Не вѣрю! возразила княгиня, кивнувъ отрицательно головой.

— Увѣряю васъ! сказалъ искреннимъ голосомъ N... Довольно страненъ обрядъ ихъ вѣнчанья: если вы женитесь на полгода, васъ обводятъ полкруга, на годъ — цѣлый кругъ, на два — два круга.

— Кто же это вѣнчаетъ у нихъ? спросилъ почти озлобленнымъ голосомъ Марсовъ.

— Мулла; она—магометанка! Совершенно какъ у насъ въ Крыму: вы можете на татаркѣ жениться на мѣсяць, даже на недѣлю, отвѣчалъ, не запнувшись, N... (Онъ собственно только и слышалъ, что нѣчто подобное въ Крыму будто-бы существуетъ).

— Скажите, вы вашу жену тамъ на родинѣ и оставили? продолжала княгиня.

— Нѣтъ, я ее привезъ въ Европу, и надобно было видѣть восторгъ этого ребѣнка всему: и кораблю, и городамъ нашимъ, и дилижансамъ; на каждомъ почти шагу она вскрикивала, смѣялась, хлопала въ ладоши; въ Парижѣ передъ каждымъ дамскимъ магазиномъ она рѣшительно замирала и все мнѣ говорила: «Какъ бы хорошо это украсть!»

— Какъ, украсть? воскликнули въ одинъ голосъ оставшіяся слушать N. дамы...

— А такъ украсть, отвѣчалъ онъ имъ съ лукавой улыбкою.

— Очень просто, я думаю, разрѣшила княгиня:—воровство у нихъ, вѣроятно, считается никакъ не порокомъ, а добродѣтелью.

— И очень большою... Старшины ихъ обыкновенно говорятъ: «Я старшина, потому что укралъ сорокъ жеребцовъ и тридцать матокъ.»

Лицо княгини, между тѣмъ, приняло опять серьезное, чтобы не сказать строгое, выраженіе.

— Гдѣ жъ теперь жена ваша? спросила она, уставляя на N. пристальный взглядъ.

— Въ могилѣ! отвѣчалъ онъ со вздохомъ и понурилъ голову.—Въ Лондонѣ мнѣ надобно было довольно долго пробыть для подробнаго описанія начинающаго тамъ устроиваться пароходнаго завода; она не перенесла климата и умерла.

— Mais on dit, que vous aviez un enfant de cette femme? продолжала княгиня тѣмъ же строгимъ голосомъ. Дамы, какъ извѣстно, о всѣхъ хоть сколько нибудь вольныхъ предметахъ предпочитаютъ говорить пофранцузски, будучи твердо увѣрены, что этотъ благородный языкъ способенъ облагородить все, даже неблагородное.

— Oui! отвѣчалъ ей въ тонъ пофранцузски N... но и ребѣнокъ вскорѣ вслѣдъ за матерью отправился, прибавилъ онъ опять съ печалью.

— Monsieur! начала одна изъ оставшихся его слушать дамъ, покраснѣвъ до конца своихъ хорошенькихъ ушей и видимо сжигаемая съ одной стороны любопытствомъ, а съ другой — стыдомъ: — dites moi, de quelle couleur était votre enfant?

— Café au lait! отвѣчалъ N... и при этомъ самъ даже не могъ удержаться и засмѣялся.

Марсовъ этого ужъ не выдержалъ. Онъ всталъ, порывисто по-

клонился общимъ поклономъ всему обществу и, проговоривъ лаконически: «прощайте-съ!», вышелъ какой-то угрожающей походкой.

Всю Поварскую и Нивитскую онъ шель, погруженный въ глубокую задумчивость, и все что-то шепталъ про себя: человекъ этотъ всю свою молодость воспиталъ въ мудромъ уединеніи, и при этомъ, имѣя отъ природы сломообразную наружность и густой, необразованный голосъ, онъ въ обществѣ былъ молчаливъ и застѣнчивъ до дикости, но такъ-какъ отъ природы былъ наделенъ сильной фантазіей и живымъ воображеніемъ, то любилъ поговорить дома, особенно выпивши (несчастливая привычка, полученная имъ еще въ бурсѣ: Марсовъ происходилъ изъ духовнаго званія) и поговорить, попреимуществу, въ присутствіи Гани, женщины изъ простаго званія и хотъ неосвященной бракомъ, но тѣмъ не менѣе вѣрной и нѣжной его подруги. Въ глазахъ ея, онъ какъ-бы постоянно хотѣлъ казаться окруженнымъ ореоломъ и метавшимъ стрѣлы краснорѣчія на диспутахъ, которые будто-бы онъ имѣлъ съ разными господами военными и статскими (Уваженіе къ диспутамъ въ немъ тоже осталось отъ семинаріи: «они изощряютъ умъ, волнуютъ сердце благороднѣйшими страстями и укрѣпляютъ характеръ человека!» говаривалъ онъ). Последній случай у князя, конечно, послужилъ обильнѣйшимъ источникомъ для бесѣды на эту тѣму. Почтенный педагогъ, придя къ себѣ въ квартиру и едва перемѣнивъ свой синій фракъ на покойный и засаленный халатъ, сейчасъ же воскликнулъ:

— Ганя, води!

Его вульгарный желудокъ даже и не помнилъ о тѣхъ гастрономическихъ сокровищахъ, которыя онъ сейчасъ только поглотилъ, и вовсе не считалъ за святотатство отравить все это сивухой. Ганя (вретолстое и предобродушнѣйшее существо), зная хорошо привычки своего патрона, немедля поставила передъ нимъ огромный графинъ води, пирогъ съ говядиной и лукомъ, и сама сѣла тутъ же рядомъ чай пить.

— Выпилъ бы напередъ чайку-то! сказала она.

— Выпить! отвѣчалъ профессоръ, и вмѣсто того выпилъ рюмку води, закусилъ ее пирогомъ, потомъ еще рюмку, и еще рюмку. Впечатленіе жи человѣческой на этотъ разъ очень сильно подействовало на Марсова: ротъ его перекосялся, или, какъ выражались хорошо знавшіе своего наставника студенты—застегнулся на правое ухо, что всегда означало, что этотъ добрый человекъ находился въ озлобленномъ и насмѣшливомъ расположеніи духа.

— Видѣлъ я, сударыня, путешественника знаменитаго! отнесся онъ въ Ганѣ, качнула затѣмъ головой и сдѣлала такую мину, что Гана сразу поняла, какъ держать себя въ этомъ разговорѣ.

— Мало ли ихъ знаменитыхъ! — сказала она съ насмѣшкой.

— Именно... мало ли!... подхватилъ Марсовъ и захохоталъ громкимъ каменнымъ смѣхомъ: — знаешь, какъ трещотка: тр-тр-тръ... А я нѣтъ, погоди, баринъ, постой! и началъ ему въ колесо-то гвозди забивать — разъ гвоздь, два, три...

Читатель видѣлъ, какъ почтенный педагогъ скромно и умѣренно это дѣлалъ. Но Гана притворилась, что всему этому вѣрить, и даже какъ-будто-бы обезпеконилась этимъ.

— Да тебѣ что за дѣло? вездѣ вяжется!...

— И вяжусь! расхорачился Марсовъ.—Я ему сказалъ, что онъ *ажецъ!* (многоуважаемый педагогъ, можетъ быть, думалъ это; но мысли его, какъ мы знаемъ, рѣшительно не перешли въ звуки). Я диспутировать могу, продолжалъ онъ; ставь мнѣ свое положеніе, я обстрѣливаю его со всѣхъ сторонъ. — Я ставлю мое—стрѣлай и ты! А что это-то тр-тр-тръ, такъ я ихъ заторможу—стой!

— Вотъ этакъ ты и старшимъ-то тормозишь, и не дають до сихъ поръ генерала! возразила Гана. Ганѣ и самому Марсову ужасно хотѣлось, чтобы онъ былъ генералъ.

— И буду имъ тормозить: — врутъ они! (въ сущности Марсовъ никому изъ начальства слова грубаго не сказалъ). Теперь Михайло Смирновъ генералъ, а чья голова врѣпче—его или моя?

— Кто васъ знаетъ! возразила Гана: — у обоихъ врѣпка, по штофу выпьете — ничего!

Старикъ улыбнулся.

— Дура! сказалъ онъ протяжно: — рѣчь Михайла Смирнова—вѣтръ палящій, на воображеніи слушателей играющій, а мое слово — молотъ желѣзный, по мозгу бьющій.

— Ой-да больнѣй молотомъ-то, чѣмъ вѣтромъ.

— За то прочнѣй! повторилъ нѣсколько разъ старикъ.

Гана поспѣшила подавать ужинать, но ей долго еще пришлось послушать, какъ Марсовъ гвозди вбивалъ въ рассказы путешественника.

Хорошій былъ человекъ, справедливый, честный, а дома все-таки прихвастнуть любилъ!

А. ПИСЕМСКІЙ.

Москва. 16 сентября 1864 года.

(Продолженіе будетъ).

МНѢНІЯ БОКЛЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ МИЛЛЯ,

(О ФИЛОСОФІИ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ, О ТРУДѢ, КАПИТАЛѢ, РЕЛИГІИ И ДРУГИХЪ ПОУЧИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ).

(Essays, by H. T. Buckle. 1864).

Статья первая.

Предлагаемою нами, до сихъ поръ непереизданною статьею Бокля, мы намѣрены доставить великое огорченіе многимъ нашимъ русскимъ поклонникамъ англійскаго философа-историка. Но, что дѣлать, такова наша обязанность: мы первые познакомили русскую публику съ Боклемъ, мы же должны и *вплоть* познакомиться съ нимъ.

Кто теперь не знаетъ Бокля въ Россіи? какой юноша не клянется и не боится имъ, какъ клялся Юпитеромъ въ классическія времена? Иностранцевъ, по правдѣ сказать, немного удивляетъ такая громадная у насъ репутація этого писателя; онъ пользуется и заграницей почетомъ, но между почетомъ и обожаніемъ—большая разница. У насъ же именно онъ пользуется «обожаніемъ» буквально, въ институтскомъ значеніи этого слова. Вотъ это-то институтское обожаніе мы и намѣрены, съ полнымъ жестокосердіемъ, разрушить, чтобы вмѣсто обожанія окружить Бокля тѣмъ почетомъ, который долженъ пользоваться всякій добросовѣстный и преданный наукѣ ученый.

Много грѣха приняла на свою душу редація «Отеч. Зап.», заговоривъ о Боклѣ (въ 1860 и 1861 годахъ) и настойчиво переводя изъ него, главу за главой, почти весь первый томъ, въ которомъ изложены общія воззрѣнія Бокля. Сочиненіе это сначала удивило многихъ, и многіе не знали, какъ къ нему отнестись. Хорошо-то хорошо, говорили они, да что скажутъ вожди... И одинъ изъ нихъ сказалъ: «Я во всемъ согласенъ съ Боклемъ, во всемъ одобряю его и рекомендую всѣмъ читать его; я несогласенъ съ нимъ только въ отзывѣ о французскихъ энциклопедистахъ. Во всемъ прочемъ я согласенъ съ нимъ» (*).

(*) См. «Совр.» 1861 г. *Поэлическія красоты*.

Такъ высказался авторъ «Полемиическихъ Красотъ», напададая на «Отгч. Зап.», преимущественно за то, что онѣ *рѣшились* переводить Бокля, котораго слѣдовало бы переводить въ «Современникѣ», но «Современникъ» почему-то прозѣввалъ этого писателя. И тогда же «Отгч. Зап.» признаны виновными, что печатали произведенія этого передоваго изъ передовыхъ писателей, надежду и отраду нашихъ юношей—этого писателя, которій чуть-чуть не говорилъ (но ему, Боклю, подсказывали въ одномъ журналѣ), что кофе — произвелъ реформацію, а чай — многія революціи, ибо Бокль допускалъ вліяніе физическихъ причинъ на историческій ходъ событій. Тамъ и тогда же было объявлено встати, что г. Антоновичъ подаетъ большія надежды. Сказано это было безъ признака сомнѣнія въ своихъ словахъ, и всѣ увѣровали насчетъ участія чаю и кофе въ политическихъ и религіозныхъ революціяхъ Западной Европы, насчетъ г. Антоновича, насчетъ вѣрованій Бокля, перваго историка, освѣтившаго питьемъ воды или вина, кофе или чаю, самыя трудныя задачи исторіи. Такъ у насъ поняли Бокля многочисленныя послѣдователи автора «Полемиическихъ красотъ». Отсюда, что ни шагъ дальше, то слѣдовали подобнаго же рода открытія... Тутъ все было хорошо, хотя въ 1865 году уже многому изъ этого не вѣрится. А всего три года раздѣляютъ насъ!

Наша публика очень охотно приняла все это на слово въ 1861 году, а извѣстная партія записала Бокля въ число «своихъ» и съ тѣхъ поръ не проходило мѣсяца, чтобы не говорили о Боклѣ. Довольно будетъ, если мы скажемъ, что «Искра» и до сихъ поръ защищаетъ Бокля такъ же, какъ она защищаетъ Обличительнаго поэта, отъ всякой невзгоды. Но каковъ же будетъ комизмъ, когда всѣ эти заступники Бокля прочтутъ предлагаемую статью!.. Бокль сейчасъ же будетъ приписанъ къ тѣмъ вокабуламъ (Катковъ, Аксаковъ, Тургеневъ, Писемскій и проч. и проч.), безъ которыхъ *они* не могутъ начать ни одной статьи, хотя бы то было о музыкѣ или стрижахъ. Бокль оказывается поборникомъ капитала, ренты, духовныхъ вопросовъ и высшихъ задачъ религіи. Тутъ ужъ совершенно теряешься, какъ было понимать слова «Современника», что *онъ* согласенъ во всемъ съ Боклемъ! Бокль, напримѣръ, посвятилъ свою статью восхваленію «Политической Экономіи» Милля и называетъ ее верхомъ государственной мудрости, соединенной съ теоретическими выводами ученаго—«Современникъ» печаталъ цѣлый рядъ толкованій на Милля, въ которыхъ доказывалъ, что Милль рутинеръ школы Адама Смита и опровергалъ одно за другимъ всѣ положенія Милля! А между тѣмъ, и «Современникъ» и Бокль — были во всемъ между собою согласны! Въ концѣ своей статьи, говоря о свободѣ въ дѣлахъ религіозныхъ, Бокль совершенно напоминаетъ тѣ семинарскія тетрадки, которыми корили г. Юркевича.

Что жъ это такое? спроситъ читатель! Что за мистификація производилась съ нами въ теченіе чегырехъ лѣтъ? Какъ же это

насъ могли надуть тагъ журналы и подмѣнить настоящаго Бокля? Намъ выдали за него Лже-Бокля? Вывааетъ и это, читатель, въ нашей литературѣ; вѣдь были же въ нашей исторіи Лжедимитріи!

Пусть этотъ урокъ послужитъ публикѣ новымъ доказательствомъ старой истины: «не все то золото, что блеститъ». Ибо какъ ни блестящи такіе афоризмы, какъ, напримѣръ: «сапоги лучше Шекспира, а г. Антоновичъ лучше сапоговъ», или «знаніе вредно», или «Тургеневъ и Аскоченскій одно и то же»—однакоже не слѣдуетъ и этимъ истинамъ вѣрить безъ нѣкотораго сомнѣнія. Такова мораль предлагаемой статьи. Публика нѣкоторымъ изъ блестящихъ афоризмовъ не повѣрила вполне: напримѣръ, она не знаетъ, чтобы сапоги были лучше Шекспира, чтобы Тургеневъ совершенно былъ равенъ Аскоченскому, но она еще вѣритъ, что ученіе вредно, что г. Антоновичъ философъ, что Бокль и «Современникъ» думаютъ одинаково. На этотъ разъ мы намѣрены разубѣдить публику только въ этомъ послѣднемъ афоризмѣ, составленномъ тогда по опрометчивости и въ разгарѣ полемики.

Предлагаемую статью мы заимствуемъ изъ вышедшей въ прошломъ году книжки: *Essays by H. T. Buckle*. Другая статья, помѣщенная въ этой книжкѣ: *О вліяніи женщины на успѣхи знанія*, переведена уже въ прошломъ году, и всѣмъ извѣстна. Статья, которую предлагаемъ, написана по поводу сочиненій Милля.

Ред.

Еслибъ былъ созванъ судъ присяжныхъ изъ величайшихъ европейскихъ мыслителей съ той цѣлью, чтобы рѣшить, кто изъ современныхъ писателей содѣйствовалъ болѣе другихъ успѣхамъ знанія, то едва-ли бы судъ задумался пропознѣсти имя Джона-Стюарта Милля. И, безъ сомнѣнія, потомство утвердило бы этотъ приговоръ. Никакой другой человекъ не занимался такимъ множествомъ задачъ, столь важныхъ и, въ то же время, столь сложныхъ. Изслѣдованные имъ вопросы касаются, съ одной стороны, практическихъ интересовъ каждаго члена общества, а съ другой—самыхъ тонкихъ и самыхъ сокровенныхъ отправленій человѣческаго ума. Касаясь предмета даже мимоходомъ, онъ проникаетъ, однако, въ его глубину. Между этими крайностями лежитъ безчисленное множество предметовъ, которые онъ разбиралъ всегда съ большимъ умѣньемъ, часто съ замѣчательнымъ успѣхомъ. По этимъ предметамъ, практическимъ или умозрительнымъ, на его авторитетъ безпрестанно ссылаются, и его выводы принимаются даже людьми, которые неспособны прослѣдить доводовъ, оправдываю-

щихъ его заключенія. Есть у насъ писатели, замѣчательные глубиною своей мысли; и другіе, полезныя инициативою. Но особенность Милля состоитъ именно въ томъ, что въ немъ оба эти качества счастливѣе соединены, чѣмъ въ комъ-либо другомъ изъ современниковъ. Вотъ почему онъ такъ же искусенъ въ изслѣдованіи дѣйствія общихъ причинъ, какъ и въ прозрѣніи результата частныхъ мѣръ. Потому же его вліяніе гораздо больше, чѣмъ это было бы возможно при другихъ условіяхъ. Онъ не только указываетъ на болѣе обширную сферу интересовъ, чѣмъ это способенъ сдѣлать ктонибудь другой изъ живыхъ писателей, но своимъ полнымъ знаніемъ специальныхъ и практическихъ подробностей, доказываетъ, что, какъ бы ни были утонченны и трудны для обыкновеннаго пониманія принципы, но они могутъ быть приложены къ дѣлу съ гораздо меньшею опасностью потрясенія общественнаго порядка и существующихъ установленій, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Этимъ путемъ онъ часто обезоруживалъ противниковъ и побуждалъ практическихъ людей принимать на практическихъ основаніяхъ выводы, съ которыми согласиться не заставляли бы ихъ никакіе научные доводы, какъ бы ни были они сильны и многочисленны. Убѣждая, однимъ путемъ—отвлеченныхъ мыслителей, другимъ—политическихъ дѣятелей, онъ дѣйствуетъ на оба противоположные стана, и, такимъ образомъ, представляетъ рѣдкій, между самыми смѣлыми и оригинальными философиями, примѣръ успѣха, неограниченнаго одобреніемъ небольшого кружка законодателей и администраторовъ, равнодушныхъ къ его высшимъ обобщеніямъ, придерживающихся вслѣдствіе своего ремесла и неспособныхъ возвыситься надъ осторожною рутинною ежедневнаго опыта.

Это увеличило его вліяніе во многихъ отношеніяхъ. Потому что крайне рѣдко случается встрѣтить человека одинаково превосходнаго, въ теоріи и практикѣ, даже трудно встрѣтить человека, стремящагося къ этому. Между этими двумя формами превосходства существуетъ не только различіе, но и противоположность. Практика стремится къ непосредственно-близкому, умозрѣніе—къ далекому. Первая изслѣдуетъ мелкія и частныя причины, другое—разбираетъ причины широкія и общія. Въ практической жизни самые мудрые и здравомыслящіе люди избѣгаютъ умозрѣній для обезпеченія себѣ успѣха, потому что, ограничивая сферу своей дѣятельности, они тѣмъ самымъ увеличиваютъ силу, дающую имъ власть надъ событіями. Между тѣмъ,

въ умозрительной жизни, порядокъ совершенно обратный: здѣсь тѣмъ шире сфера, тѣмъ выше власть, и задача философа состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать обобщеніе возможно-широкимъ; другими словами, онъ долженъ стать какъ можно выше надъ явленіями, съ которыми имѣеть дѣло. Причина этого противорѣчія, какъ кажется, въ томъ, что непосредственное вліяніе какого-нибудь дѣйствія обыкновенно опредѣляется причинами, свойственными именно дѣйствию и какъ-бы лежащими въ немъ самомъ, между тѣмъ какъ отдаленное вліяніе этого самаго дѣйствія обуславливается причинами, лежащими внѣ его, то-есть общимъ состояніемъ окружающихъ обстоятельствъ. Частныя причины дѣйствуютъ быстро; но для того, чтобы заставить дѣйствовать общія причины, требуется не только обширность сферы, но и продолжительность времени. Для философскаго ума, дѣйствія одного лица имѣютъ мало значенія; для практическаго ума, они—все. Человѣкъ, привыкшій къ обобщенію, засмѣется, услыхавъ, что Лютеръ произвелъ реформацію, что Вѣконъ низвергнулъ древнюю философію, что Вильгельмъ III спасъ свободу Англіи, что Ромилла гуманизировала наши уголовныя законы, что Кларксонъ и Уильберфорстъ уничтожили рабство, и что Грэй и Брумъ даровали намъ реформу. Онъ смѣется надъ подобными утвержденіями, потому что хорошо знаетъ, что такіе люди, какъ бы они ни были полезны, могутъ быть признаваемы только орудіями дѣла, которое должно было совершиться уже по силѣ и накопленію предъидущихъ обстоятельствъ. Они были орудіями—весьма пригодными къ дѣлу, но не болѣе. Въ большинствѣ событій, отдѣльныя личности не только бессильны для добра, но, къ счастью для человѣчества, бессильны и для зла. Неронъ и Домиціанъ причинили огромный вредъ; но всякій слѣдъ его теперь исчезъ. Обстоятельства, которыя современники считаютъ наиболѣе важными, и которыя фактически, на короткое время, дѣйствительно важны, постоянно, съ теченіемъ времени, оказываются самыми незначительными. Они, какъ метеоръ, ослѣпляютъ толпу своимъ блескомъ и затѣмъ исчезаютъ безслѣдно. И потому, Монтескьё, въ высшемъ смыслѣ философіи, былъ правъ, говоря, что римская республика была низвергнута, не какъ обыкновенно думаютъ, честолюбіемъ Цезаря и Помпея, но тѣмъ положеніемъ вещей, которое сдѣлало возможнымъ успѣхъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ. Такъ оно дѣйствительно и было. Причины, долго сбравшіяся, издавна вліянія, накопились и крѣпли до тѣхъ поръ, пока ихъ со-

единенная сила стала неотразимой, а республика созрѣла для гибели. Она ветшала, расплывалась, была подвипываема въ основаніи, и тогда, когда все было готово и она клонилась къ паденію, выступили Цезарь и Помпей. Но потому, что они нанесли послѣдній ударъ, неужели мы должны серьезно вѣрить, что они виновники развязки, которая стала неизбежною по ходу событій, когда Цезаря и Помпея еще не было на свѣтѣ?

Значительное большинство людей будетъ, однако, настойчиво держаться за Цезаря и Помпея, то-есть оно будетъ всегда предпочитать изученіе ближайшихъ причинъ изученію отдаленныхъ. Это связано съ другимъ, болѣе основнымъ различіемъ, въ силу котораго жизнь для людей дѣла есть—искусство, для людей мысли—наука. Мы находимъ, что каждая цивилизованная нація раздѣляется на два разряда людей, соответствующихъ этимъ двумъ группамъ. Одни люди изслѣдуютъ событія, обращая вниманіе на то, что въ нихъ есть наиболѣе частнаго; другіе смотрятъ на то, что они представляютъ наиболѣе общаго. Это — антагонизмъ существенный, обусловленный природою вещей. Дѣйствительно, онъ такъ рѣзокъ, что примирить эти два метода возможно развѣ умамъ, одареннымъ не только весьма большою силою, но силою особаго рода; овладѣть этими двумя методами возможно только человѣку, въ высшей степени замѣчательному. Даже изъ величайшихъ мыслителей многіе слишкомъ извѣстны были своимъ невѣдѣніемъ житейскихъ дѣлъ и своимъ невниманіемъ къ практическимъ, будничнымъ интересамъ. Изучая науку жизни, они пренебрегали искусствомъ жить. Причина въ томъ, что подобные люди, несмотря на свой геній, въ сущности односторонни и узки, и, къ несчастію для нихъ самихъ, они неспособны или непривычны подмѣчать дѣйствіе мелкихъ и ближайшихъ причинъ. Занятые далекимъ и общимъ, они не видятъ непосредственнаго и случайнаго. Они жертвуютъ дѣйствительнымъ для идеальнаго. По ихъ мнѣнію, всѣ явленія подлежатъ наукѣ, то-есть тому, что можетъ быть познаваемо; между тѣмъ, на противоположный взглядъ тѣ же самыя явленія подлежатъ искусству, то-есть тому, что можетъ быть выполняемо. Совершенный умъ соединилъ бы оба воззрѣнія и опредѣлялъ бы для каждаго относительное значеніе; но такой подвигъ — крайняя рѣдкость. Можно сомнѣваться, существовало ли болѣе одного примѣра, чтобы подвигъ этотъ былъ выполняемъ съ послояннымъ успѣхомъ. Едва-ли нужно пояснять, что примѣръ этотъ представляетъ Шекспиръ. Ни одинъ другой

человѣкъ не умѣлъ сочетать вполне далекаго съ ближайшимъ, общаго съ частнымъ, отвлеченнаго съ реальнымъ. Ни одинъ другой умъ не умѣлъ связать съ такимъ совершенствомъ умозрѣній высшей философіи съ мельчайшими подробностями будничной жизни. Шекспиръ овладѣвалъ обѣими противоположностями и пополнялъ все промежуточное пространство. Онъ зналъ и человѣка, и людей. Онъ думалъ такъ же глубоко, какъ Платонъ или Кантъ. Онъ наблюдалъ такъ же точно, какъ Диккенсъ или Тэккерей.

О комъ другомъ можно сказать то же самое? Другіе философы, большей частью, спѣша достигнуть вершины, не замѣчаютъ встрѣчающагося на пути. Отсюда происходитъ ненормальное явленіе, представляемое многими самыми глубокими мыслителями, которые были невѣжды въ томъ, что для нихъ постыдно было не знать, и не умѣли управлять даже собственными своими дѣлами. Можно легко угадать, какого рода совѣты они способны были давать другимъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что еслибъ въ какой нибудь вѣкъ, была принята половина хоть тѣхъ совѣтовъ, которые могли быть поданы способнѣйшими людьми, то этотъ вѣкъ былъ бы свергнутъ въ самое дикое смятеніе. Платонъ былъ самый глубокой мыслитель древности; а между тѣмъ, въ своей *Республикѣ* и въ своемъ *Трактатѣ о законахъ*, онъ предлагалъ вещи до того нелѣпыя, что едва-ли можно ихъ читать безъ смѣха. Аристотель, немного уступающій Платону по глубинѣ и далеко превосходящій его по обширности ума, требовалъ на чисто-умозрительныхъ основаніяхъ, чтобы никто не платилъ и не бралъ процентовъ за пользование деньгами. Мысль эта, еслибъ она приведена была въ дѣйствіе, привела бы къ самымъ пагубнымъ результатамъ, остановила бы накопленіе богатства, и слѣдовательно отодвинула бы на неопредѣленное время цивилизацію міра. Въ новѣйшія, какъ и въ древнія времена, построены были философскія системы, которыя заключаютъ предположенія и насильственно выводятъ заключенія, несовмѣстныя съ практическими интересами общества. Нѣмцы — самые глубокіе философы Европы, и именно въ ихъ-то странѣ это стремленіе наиболѣе явственно. Кантъ, послѣ Декарта — самый всеобъемлющій мыслитель Франціи, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи обдуманно защищалъ, и желалъ организовать планъ политикѣ, столь чудовищно и очевидно непрактическій, что еслибъ сочиненіе это было переведено на англійскій языкъ, то здравомыслящіе люди нашего острова были бы поражены изумле-

ниемъ и, вѣроятно, предложили бы, ради собственной пользы автора, покрѣпче запереть его. Да и намъ именно въ этомъ отношеніи нечѣмъ гордиться. Еслибъ былъ изданъ списокъ всѣхъ практическихъ предложеній, сдѣланныхъ нашими величайшими мыслителями, то невозможно было бы и придумать документа, который сильнѣе подрывалъ бы репутацію умозрительныхъ философовъ. Эти философы въ теоріи всегда опережаютъ вѣкъ, а въ практикѣ отстаютъ отъ него. Фридрихъ-Великій, можетъ быть, былъ ближе и короче знакомъ съ ними, чѣмъ какой либо другой столь же могущественный государь; кромѣ того, онъ восхищался ими, ухаживалъ за ними, и, какъ писатель, въ нѣкоторой степени принадлежалъ къ нимъ; но даже и онъ — и это неудивительно — высказалъ свое мнѣніе объ ихъ практической неспособности въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. «Еслибъ» — говорить, сказалъ онъ: — «я захотѣлъ разорить одну изъ моихъ провинцій, въ такомъ случаѣ, я передалъ бы управление ея философамъ».

Это пренебреженіе вышней стороною вещей обнаруживается, кромѣ того, въ особой разсѣянности, которою отличались многіе философы. Ньютонъ былъ до того забывчивъ насчетъ всего, что касалось настоящей минуты, что часто не видѣлъ или забывалъ о вещахъ самыхъ необходимыхъ: не былъ увѣренъ, обѣдалъ ли онъ, и выходилъ изъ дому полураздѣтымъ, воображая все время, что онъ прилично одѣтъ. Многіе восхищаются этимъ, какъ простодушіемъ гевія. Что касается меня, то въ этомъ я вижу только несчастный и гибельный законъ устройства человеческого ума, который препятствуетъ почти всѣмъ людямъ одинаково успѣшно соображать, какъ отдаленное, такъ и непосредственно близкое. Тѣ, которые понемногу занимаютъ тѣмъ и другимъ, благодаря ограниченности своего честолюбія, иногда успѣваютъ въ соображеніяхъ того и другаго рода. Это — награда за ихъ посредственность, и они, конечно, могутъ быть ею довольны. Раздробляя всю свою энергію, они соединяютъ немножко умозрѣнія съ малой толковою дѣла, немножко науки съ малой толковою искусствомъ. Но въ самыхъ замѣчательныхъ и сильныхъ личностяхъ, мы видимъ съ весьма рѣдкими исключеніями, что совершенство одного рода исключаетъ совершенство другаго рода. Тамъ совершенство теоріи, тутъ — совершенство практики; а между обѣими дѣлаа беадна, черезъ которую, дѣйствительно, очень немногіе могутъ перешагнуть. Другой, еще болѣе замѣчательный примѣръ этого несчаст-

наго свойства нашей природы, представляетъ намъ Бэконъ, который, хотя и хвасталъ, что сдѣлалъ философію практичною и заставилъ ее жить между людьми, самъ до того былъ непрактиченъ, что не могъ справиться съ событіями, по мѣрѣ наступленія, между тѣмъ, какъ все ему благопріятствовало. Съ гениемъ самаго высшаго разряда онъ соединялъ краснорѣчіе, умъ и находчивость. У него были—хорошее родство, вліятельные друзья, ловкое обращеніе, склонность къ искательствамъ, и даже къ нѣкоторому раболѣшію. Онъ зналъ жизнь со многихъ сторонъ, онъ обращался съ разными слоями общества; у него былъ огромный запасъ опытности, и несмотря на все это, онъ не успѣлъ извлечь изъ этихъ сокровищъ практической пользы. Оставляя въ сторонѣ философа, и судя о немъ только какъ о человѣкѣ дѣла, мы должны сказать, что дѣятельность его была рядомъ ошибокъ. Чего онъ болѣе всего домогался, того менѣе всего ему удавалось достигнуть. Популярность была предметомъ самыхъ горячихъ его желаній и, чтобы приобрѣсти ее, онъ въ двухъ памятныхъ случаяхъ, оскорбилъ дворъ, милостей котораго добивался. Такъ невѣрны были, однако, его расчеты, что въ судѣ надъ Эссексомъ, въ этомъ самомъ непопулярномъ дѣйствіи царствованія Елизаветы, онъ игралъ не только видную и безчестную, но грубо неполитичную роль. Эссексъ — мужественный и великодушный человѣкъ—былъ любимцемъ всѣхъ сословій; слѣдовательно несомнѣнно было одно, что ожесточеніе, которое Бэконъ выказывалъ противъ него, возместится на немъ же. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что Эссексъ былъ короткій другъ Бэкона, что онъ всячески хлопоталъ за него, и что благодаря Эссексу, ему пожаловано было весьма значительное имѣніе. Для каждаго человѣка преслѣдовать своего благодѣтеля, осыпать его ругательствами во время суда надъ нимъ и, затравивъ его на смерть, напечатать пассивилъ, оскорбительный для его памяти—было безуміемъ, равно какъ и низостью. Это можетъ служить однимъ изъ многихъ доказательствъ, что въ практическихъ дѣлахъ Бэконъ судилъ не здраво. Неблагодарность, усиленная жестокостью, если она гласная, всегда—и ошибка и преступленіе, потому что она уязвляетъ самыя глубокія чувства нашей общечеловѣческой природы. Какъ бы ни былъ человѣкъ пороченъ, но онъ никогда не провинится въ подобномъ поступкѣ, если не будетъ столь же опрометчивъ, какъ и пороченъ. Философъ, однакожъ, не могъ предусмотрѣть тѣхъ близкихъ послѣдствій, которыя легко открылъ

бы просто здравомыслящій человѣкъ. Дѣло въ томъ, что соображенія Бэкона были глубокомысленны, а дѣйствія безумны. Онъ страстно желалъ составить себѣ состояніе, и дѣлалъ, что дѣлали многіе прежде и послѣ него: онъ пользовался своимъ судебнымъ мѣстомъ, чтобы брать взятки съ тяжущихся. Но и здѣсь, опять, онъ велъ дѣло такъ неловко, что съ грубой опрометчивостью принималъ взятки отъ людей, противъ которыхъ потомъ рѣшалъ тяжу. Слѣдовательно, онъ умышленно отдавалъ себя во власть тѣхъ, кого умышленно оскорблялъ. И онъ поступалъ такъ не только потому, что былъ жаденъ къ деньгамъ, но также потому, что былъ безразсудно жаденъ. Онъ ошибался столько же умомъ, сколько и сердцемъ. Мало того, что онъ былъ подкупной судья, онъ былъ еще и плохой счетчикъ; вслѣдствіе этого онъ былъ удичень, и, бывши обличень, былъ и погубленъ. Когда Бэконъ достигъ вышей своей славы, когда ему были доступны всякаго рода наслажденія, чаша была отнята отъ его устъ, потому что онъ слишкомъ жадно приникъ къ ней. Сказать, что онъ палъ только потому, что былъ человѣкъ безъ убѣжденій — было бы ошибочно, потому что многіе люди живутъ безъ убѣжденій весь свой вѣкъ и никогда не гибнутъ. Почему судьба дурнымъ людямъ иногда улыбается, и чѣмъ исправляется эта кажущаяся несправедливость? Это—темный вопросъ, разбирать который здѣсь не мѣсто; но фактъ этотъ неоспоримъ. Въ практической жизни люди не имѣютъ успѣха частью потому, что избираютъ безразсудныя дѣла, но главнымъ образомъ потому, что не обладаютъ искусствомъ примѣнять средства къ дѣлу. То же было и съ Бэкономъ. Въ житейскихъ дѣлахъ онъ бывалъ разбитъ и побѣжденъ почти вслѣдствіемъ, съ кѣмъ сталкивался. Подчиненные обманывали его безнаказанно, и несмотря на большія суммы, которыя онъ получалъ, онъ былъ постоянно въ долгахъ, такъ что даже когда его незаконные доходы увеличивались, онъ былъ въ небольшомъ выигрышѣ. Хотя, какъ судья, онъ кралъ собственность другихъ людей, онъ не умѣлъ, однакожь, прятать концы и сохранить краденое. Могучій мыслитель, на практикѣ былъ пустой человѣкъ. Онъ постоянно пренебрегалъ ближайшимъ и настоящимъ. Занимательнымъ примѣромъ этой черты, можетъ служить послѣдняя сцена его жизни. При нѣкоторыхъ его обобщеніяхъ по вопросу о гніеніи, ему пришла мысль, что процессъ этотъ можетъ быть оставленъ свѣгомъ. Онъ вывелъ заключенія, какъ осторожный философъ съ широкимъ взглядомъ;

онъ приложилъ ихъ съ поспѣшностью и необдуманностью ребѣнка. Съ отсутствіемъ здраваго смысла, которое было бы невообразимо, еслибъ не было достовѣрно, онъ, забывъ всякую предосторожность, въ морозный день, выскочилъ изъ кареты и дрожа отъ холоду, набивалъ птицу снѣгомъ. Такимъ образомъ, онъ подвергалъ опасности безцѣнную для человѣчества жизнь, для исполненія того, что такъ же хорошо могъ бы сдѣлать всякій лакей. Не пужно было ума Бюкна, чтобы предсказать послѣдствія. Не успѣлъ онъ кончить дѣла, какъ внезапно почувствовалъ ознобъ: съ нимъ сдѣлалось такъ дурно, что онъ не былъ въ состояніи вернуться домой. Его истощенное тѣло не выдержало болѣзни, силы постепенно оставали его и онъ умеръ, недѣлю спустя послѣ перваго припадка.

Такие факты очень грустны, но они также весьма поучительны. Я знаю, что нѣкоторые причисляютъ такихъ людей къ мученикамъ науки: мнѣ они кажутся жертвами безумія. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что въ жизни великихъ мыслителей такихъ случаевъ было, къ сожалѣнію, немало. Это фактъ достовѣрный, что многіе люди съ самыми высокими способностями, пренебрегая изученіемъ ближайшихъ причинъ, укорачивали свою жизнь, уменьшали приносимую ими пользу и, ускоривъ для себя наступленіе старости, лишали человѣчество своихъ услугъ въ то именно время, когда ихъ опытность была наиболѣе богата и ихъ умъ достигъ полной зрѣлости. Другіе, которые невиновны въ этомъ, по милости собственнаго неблагоразумія, запутывались въ разнаго рода обстоятельствахъ; не заботились о завтрашнемъ днѣ, растрчивали свои средства, расточали свое имущество и дѣлали долги, которые не въ состояніи были уплатить. Все это есть результатъ не столько порока, сколько необдуманности. Порокъ часто хитеръ и остороженъ; но необдуманность всегда расточительна и безпечна. Явленіе это до того очевидно, что афоризмъ «геній, борющійся съ препятствіями», вошелъ въ пословицу. Къ несчастію, геній въ значительномъ большинствѣ случаевъ, создаетъ самъ для себя препятствія. Послѣдствіемъ этого бываетъ то, что не только свѣтскіе люди, но люди здравыхъ понятій и полезнаго направленія, большей частію смотрятъ на геній, какъ на какой-то странный, неправильный даръ, прекрасный на видъ, но опасный тому, кто имъ обладаетъ: блестящій огонь, который пожираетъ въ то время, какъ свѣтитъ. Они взираютъ на него съ любопытствомъ, даже съ интересомъ, но

начать головою; они сожалеютъ, что люди такіе умные имѣютъ такъ мало здраваго смысла; и, хвастаясь своею высшею мудростью, они обязательно напоминаютъ другъ другу, что великій умъ обыкновенно неразлученъ съ безуміемъ.

Кто можетъ этому удивляться? Бросьте только взглядъ на то, что происходило въ нашемъ королевствѣ въ короткій періодъ трехъ поколѣній. Вспомните жизнь Фильдингга, Гольдсмита, Смоллета, Севеджа, Шенстона, Буджеля, Чарнова, Чёрчилли, Чаттертона, Деррика, Парнеля, Сомервилля, Уайтхеда, Кума, Дэй, Гильберта Стюарта, Оклея, Ольдиса, Хареда, Вайза, Сморта, Томсона, Гроза, Доса, Баркера, Харвуда, Порсона, Тѣриба, Бэрри, Колериджа, Фирна, Вальтер-Скотта, Байрона, Борнса, Мура и Кембелля. Въ ряду этихъ именъ находятся люди всякаго рода способностей, которые отличались всякаго рода безразсудствами. Что все это значить? Какая причина, что на тѣхъ, которые могли бы быть самыми высокими представителями челоѣчества, на тѣхъ, которыхъ мы должны бы были съ гордостью принять за своихъ руководителей, каждый глупецъ теперь указываетъ пальцемъ, какъ на доказательство неспособности генія управляться съ положительной стороною жизни? Отчего это, противъ такихъ людей и ихъ собратій, каждый дрянной мальчишка можетъ махать своею шпажонкою, и каждый болванъ можетъ извергать свою упрямую злобу? Что маленькіе люди издѣваются надъ великими — это совершенно естественно; что они имѣютъ причину надъ ними издѣваться — это постыдно. Между тѣмъ, такъ всегда будетъ, пока существуетъ теперешній масштабъ для оцѣнки дѣйствій. Пока у насъ будутъ въ употребленіи выраженія, какъ «слабости генія» и другія; пока намъ постоянно будутъ напоминать, что геній по природѣ своей простодушенъ, наивенъ и неопытенъ въ житейскихъ дѣлахъ; пока будутъ существовать понятія о необходимости побровительствовать ему и защищать его; пока на писателей будутъ смотрѣть съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ сожалѣніемъ, какъ на странныя существа, отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать нѣкотораго отсутствія разсудительности, но въ которыхъ оно должно быть терпимо; пока между нами безразсудство будетъ называться великодушіемъ и бережливость — скупостью, пока повторяются подобные факты — до тѣхъ поръ зло, имъ соотвѣтствующее, будетъ продолжаться, и высшій разрядъ умовъ будетъ утрачивать большую долю своего законнаго вліянія.

До сихъ поръ, при раннемъ и несложившемся состояніи обще-

ства, литераторы болѣе склонны къ непредусмотрительности, чѣмъ члены какой бы то ни было другой профессіи, а такъ-какъ они въ то же время несостоятельны въ практическомъ знаніи жизни, то нерѣдко случается, что на нихъ смотрятъ, какъ на ученыхъ мечтателей, годныхъ для того, чтобы забавлять свѣтъ, но неспособныхъ руководить имъ. Я разобралъ нѣсколько подробно причины этого явленія, во первыхъ, потому, что послѣдствія ихъ весьма важны, а во вторыхъ потому, что на дѣйствіе ихъ было мало обращено вниманія. Еслибъ я не боялся быть случайнымъ, то могъ бы изслѣдовать предметъ гораздо глубже и могъ бы доказать, что эти-то самыя причины и составляютъ одинъ изъ элементовъ стараго протекціоннаго духа, что въ этомъ отношеніи онѣ тѣсно связаны съ нѣкоторыми общественными и политическими предразсудками, замедляющими развитіе общества; наконецъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти предразсудки наиболѣе могущественны, тамъ зло имѣетъ въ высшей степени серьезный характеръ, тамъ литература наиболѣе болѣзненна. Но продолжать это изслѣдованіе — значило бы написать не очеркъ, а цѣлый трактатъ. И потому я буду считать себя вполне удовлетвореннымъ, если мнѣ удалось хотя нѣсколько разъяснить вопросъ и опредѣлить отношеніе между этимъ зломъ и общимъ вопросомъ о философскомъ методѣ. Разномысліе между людьми теоріи и людьми практики и различіе въ точкѣ зрѣнія, съ которой тѣ и другіе смотрятъ на вещи, безъ сомнѣнія, поддерживаются господствомъ ложныхъ понятій относительно покровительства и вознагражденія—понятій, которыя, преобладавъ въ извѣстномъ сословіи, неминуемо развиваютъ въ немъ небрежность и, слѣдовательно, непрактичность. Это — законъ человѣческаго ума, который политико-экономы всего лучше объяснили въ своей собственной области, но дѣйствіе котораго всеобщее. Какъ ни серьезно это зло, оно принадлежитъ, однакожъ, только къ весьма несовершенному состоянію общества, и современемъ, вѣроятно, исчезнетъ. Но существенная причина, и на сколько я понимаю, постоянная причина противоположности заключается въ различіи метода. Притомъ, наше знаніе складывается такъ, что, повидимому, необходимо, чтобы люди теоріи стремились къ отдаленному, люди практики — къ ближайшему. Я не вижу, какимъ образомъ можно обойти это противоположеніе. Быть можетъ, существуетъ какой нибудь еще неоткрытый нами способъ примирить эти двѣ крайности и соединить оба враждебные метода въ одинъ, который,

будучи выше каждаго изъ нихъ, обвинялъ бы оба. Въ настоящее время, однакожъ, нѣтъ еще надежды на подобный результатъ. И потому мы должны довольствоваться, если отъ времени до времени, послѣ длинныхъ промежутковъ, является человекъ, умъ котораго такъ счастливо устроенъ, что онъ въ состояніи одинаково успѣшно разсматривать предметъ съ ви́шней стороны и углубляться въ него, который однимъ своимъ примѣромъ можетъ доказать, что понятія, ваяты изъ самой высшей области мысли, примѣнны къ обыкновеннымъ дѣламъ будничной жизни.

Изъ всѣхъ живыхъ англичанъ, одинъ Милль достигъ этого результата. Впервыхъ, онъ нашъ единственный секулятивный философъ, который, въ продолженіе многихъ лѣтъ, дѣйствовалъ на поприщѣ общественной жизни. Послѣ Ривардо, ни одинъ оригинальный мыслитель не принималъ дѣятельнаго участія въ политическихъ дѣлахъ. И дѣла эти оттого шли не хуже, и мы не имѣли причины сѣтовать на нашу судьбу болѣе другихъ народовъ. Напротивъ, ни одна страна не была управляема лучше нашей; а въ настоящій моментъ, невозможно найти въ какой бы то ни было европейской націи, государственныхъ людей, болѣе способныхъ, ревностныхъ и честныхъ, чѣмъ какими обладаетъ Англія. Въ такихъ крайне рѣдкихъ примѣрахъ, какъ Брумъ и Маколей, къ этимъ качествамъ присоединяются самыя блестящія и обязательныя дарованія; кромѣ того, они справедливо пользуются еще высшей славой: они всегда были ревностными, непоколебимыми защитниками народной свободы. Однако, нельзя утверждать, что даже эти знаменитые люди расширили кругъ нашихъ понятій; тѣмъ менѣе можемъ мы заявить подобное притязаніе въ пользу людей, стоящихъ ниже ихъ въ политической сферѣ. Они популяризовали идеи и доказывали ихъ, но никогда ихъ не создавали. Примѣняя чужія мысли, они проявили большое искусство и много мужества; но свѣжія понятія, высокія и широкія обобщенія—были не ихъ дѣломъ. Они могутъ нападать на старыя злоупотребленія; они не могутъ открыть новыхъ началъ. Мы видѣли много примѣровъ этой несостоятельности относительно высшихъ задачъ въ послѣдніе два года, когда значительное число нашихъ самыхъ дѣятельныхъ и замѣчательныхъ политическихъ людей, какъ и многихъ дѣятельныхъ, но незамѣчательныхъ, образовали общество для развитія соціальной науки. Въ бумагахъ, изданныхъ этимъ обществомъ, найдутъ много любопытныхъ фактовъ и много полезныхъ мыслей. Но соціальной

науки въ нихъ нѣтъ. Въ нихъ нѣтъ даже понятія о томъ, въ чемъ состоитъ эта наука. Ни одинъ ораторъ или писатель не пытался научно изслѣдовать законы социальной жизни и не высказывалъ, чтобы, по его мнѣнію, такого рода попытка должна быть сдѣлана. Гдѣ наука начинается, тамъ общество отступаетъ. Вся наука состоитъ или изъ физическихъ, или изъ духовныхъ законовъ; и такъ-какъ дѣйствія людей опредѣляются тѣми и другими, то единственный путь къ основанію социальной науки заключается въ томъ, чтобы изслѣдовать отдѣльно каждый рядъ законовъ, а потомъ исчисливъ ихъ отдѣльные результаты, связать ихъ провѣркою въ одно ученіе. Это—единственный путь, по которому весьма сложныя явленія могутъ получить разъясненіе, но общество и не догадывалось объ немъ. Дѣйствительно, члены его пошли совсѣмъ превратнымъ путемъ: отъ конкретнаго они восходили къ отвлеченному, вмѣсто того, чтобы идти отъ отвлеченнаго къ конкретному. Причину этой ошибки объяснить легко. Руководители общества были, большей частію, политическіе дѣятели, и потому были вѣрны привычкамъ своего поприща; другими словами, они замѣчали факты, непосредственно ихъ окружавшіе, и обращая вниманіе на современное, наблюдали за настоящими ихъ послѣдствіями съ цѣлью открыть причины, а потомъ устранять зло. Таковъ былъ ихъ планъ, и онъ естественно былъ принятъ людьми, которые, по роду своихъ занятій, приучились обращать вниманіе на внѣшнюю сторону вещей. Но для всякаго ума, привыкшаго подниматься на извѣстную высоту *надъ поверхностью* и усвоившаго себѣ вполне духъ научнаго метода—для такого ума этотъ способъ изслѣдованія социальныхъ явленій долженъ казаться вздорнымъ. Даже въ ограниченной сферѣ политическаго дѣйствія, его результаты, по большой мѣрѣ, лишь эмпирически однообразны, а въ обширной области социальной науки лишены всякаго значенія. Когда люди соединяются въ одно общество, и ихъ страсти и интересы сталкиваются на каждой точкѣ, то все происходящее должно зависѣть отъ большаго разнообразія причинъ. Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ будутъ противодействовать одна другой, и такъ-какъ ихъ дѣйствіе будетъ нейтрализовано, то онѣ часто будутъ исчезать въ результатѣ; во всякомъ случаѣ, слѣды ихъ будутъ слишкомъ слабы, чтобы быть замѣченными. И такъ, если причина встрѣчаетъ противодействіе, то какимъ образомъ, посредствомъ изученія ея дѣйствія, можетъ быть обнаружено ея существованіе? Когда одна

только причина производить дѣйствіе, то изъ дѣйствія вы можете заключить о причинѣ. Но если многія причины соединяются для произведенія одного дѣйствія, то такое заключеніе невозможно. Самое неутомимое изученіе дѣйствія и самое близкое знакомство съ нимъ, въ этомъ случаѣ, никогда не приведетъ къ знанію причинъ. Такимъ образомъ, единственный путь, которому должно слѣдовать, состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать дедуктивно, то-есть нисходить отъ причинъ—къ дѣйствію, а не индуктивно—отъ дѣйствія къ причинѣ. Предположимъ, на примѣръ, что два лица ударяютъ одновременно въ мячъ съ двухъ разныхъ сторонъ. Отъ этого получится слѣдующее дѣйствіе: мячъ отскочитъ отъ одного мѣста къ другому; но можно тысячу лѣтъ изучать это дѣйствіе, и никто не будетъ въ состояніи обнаружить причинъ принятаго мячикомъ направленія. Пусть даже напередъ будетъ извѣстно, что два лица участвуютъ въ произведенномъ дѣйствіи; все равно, невозможно будетъ опредѣлить долю участія каждаго лица въ произведеніи дѣйствія. Но, если бы вмѣсто того, чтобы изучать дѣйствіе для дознанія причины, наблюдатель изучилъ самыя причины, то не прибѣгая къ другимъ даннымъ, онъ могъ бы предсказать съ точностію мѣсто паденія мяча. Другими словами, зная причины, онъ могъ бы узнать дѣйствіе; но, зная дѣйствіе, не могъ бы узнать причины.

Предположимъ еще, что я слышу звуки музыкальнаго инструмента. Дѣйствіе ихъ зависитъ отъ разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ назову только свойство воздуха передавать звукъ, способность слуха воспринимать его малѣйшіе переливы и способность мозга ихъ слышать. Обыкновенно называютъ это условіями, но все это причины, на сколько причина можетъ быть опредѣлена, какъ нѣчто постоянно и безусловно предшествующее другому. Онѣ въ такой же степени могутъ быть названы причинами, въ какой рука музыканта, производящая звуки. Отсюда возникаетъ вопросъ: могли-ли быть эти причины открыты однимъ изученіемъ дѣйствія, которое музыка на меня производитъ? Разумѣется, нѣтъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что необходимо сперва изучить отдѣльно каждую причину, и затѣмъ, посредствомъ вычисленія законовъ ихъ дѣйствія, предсказать результаты ихъ взаимнаго вліянія. Въ соціальной наукѣ, эта многочисленность причинъ гораздо болѣе замѣтна, нежели въ приведенныхъ случаяхъ, и потому въ соціальной наукѣ, методъ, выходящій отъ дѣйствія къ причинамъ, еще болѣе нецѣль. Здѣсь онъ еще тѣмъ нецѣль,

что трудность, происходящая отъ многочисленныхъ причинъ, усложняется столкновеніемъ причинъ. Поступать съ запутанными въ такой степени вопросами, въ томъ родѣ, какъ поступаютъ съ ними политики, значило бы терять напрасно время. Основаніемъ каждой науки служить какая-нибудь извѣстная гипотеза, которую нужно принять за достовѣрную. Гипотеза, лежащая въ основаніи соціальной науки, принимаетъ, что поступки людей суть совокупный результатъ законовъ духа и законовъ матеріи, а такъ-какъ этотъ результатъ въ высшей степени сложенъ, то пока самые законы не будутъ разъяснены путемъ предварительнаго и самостоятельнаго изученія, до тѣхъ поръ мы не въ состояніи будемъ ихъ понять. Даже, если мы захотимъ основаться на опытѣ, то и тутъ результатъ окажется противный, потому-что при изслѣдованіи дѣйствія, намъ предстоитъ искусственно изолировать его, такъ, чтобы не имѣть дѣла ни съ одною изъ причинъ, которыя мы не желаемъ изслѣдовать. Но дѣло въ томъ, что въ соціальной наукѣ подобныхъ опытовъ не можетъ быть: во-первыхъ, тутъ невозможно предварительное изолированіе, такъ-какъ всякое сочетаніе вносить въ строй общества безчисленное множество явленій, дѣлающихъ бесплоднымъ опытъ, прежде чѣмъ онъ будетъ оконченъ. А во-вторыхъ, то, что здѣсь называется опытомъ, какъ напр. принятіе новаго принципа въ законодательствѣ, не есть опытъ въ научномъ смыслѣ слова, потому что послѣдующіе результаты зависятъ гораздо болѣе отъ общаго состоянія окружающаго общества, чѣмъ отъ самаго принципа. Состояніе окружающаго общества, въ свою очередь, обуславливается длиннымъ рядомъ предъидущихъ обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ одно съ другимъ и образующихъ въ своей совокупности правильный и свободный ходъ вещей, который политическіе люди не въ состояніи контролировать и который для нихъ какъ-будто не существовалъ.

Это отсутствіе проницательности въ политикахъ есть естественный результатъ обычаевъ, господствующихъ въ нихъ средѣ, и такъ-какъ то же самое постоянно замѣчается и относительно людей практическихъ, то я полагаю, что примѣръ, который я только что привелъ, не лишень интереса. Онъ подтверждаетъ ученіе о существенной противоположности метода, который, подобно всему создаваемому умозрѣніемъ, хотя допускаетъ отклоненія во многихъ отношеніяхъ, однако несомнѣнно существуетъ и, какъ мнѣ кажется, составляетъ для общественной классификаціи

основу болѣе полную, чѣмъ какаа-либо изъ предложенныхъ прежде. Быть можетъ также, это способно предупредить общественныхъ дѣятелей отъ необдуманыхъ и самоувѣренныхъ заключеній относительно того, о чемъ они не въ состояніи составить мнѣніе, потому-что разсуждаютъ объ этомъ на основаніи неправильнаго метода. Такимъ образомъ, каждому извѣстно, что въ предсказаніи результатовъ важныхъ и широкихъ нововведеній, даже наиболѣе дальновидные государственные люди чаще ошибались, чѣмъ были правы, и предвидѣли дурныя послѣдствія тамъ, гдѣ на дѣлѣ имѣли мѣсто одни хорошія. Отъ подобнаго рода ошибокъ не можетъ спасти знаіе положенія дѣлъ, какъ бы оно обширно ни было. Когда государственные люди ограничиваются однѣми частностями, или обсуживаютъ практическія мѣры, не терпяція отлагательства, мнѣнія ихъ заслуживаютъ полного вниманія. Но въ другихъ случаяхъ на нихъ рѣдко можно положиться. Очень часто и даже почти постоянно случается, что государственные люди и законодатели, посвятившіе всю свою жизнь общественной дѣятельности, ничего не знаютъ о происходящемъ вокругъ нихъ, за исключеніемъ того, что всплываетъ на поверхность, и вслѣдствіе этого они не въ состояніи даже приблизительно предугадать болѣе отдаленныя и общіе результаты событій. Кто имѣетъ случай читать государственные документы или происходившія въ разное время парламентскія пренія, а еще лучше частную корреспонденцію замѣчательныхъ политическихъ людей, тому не можетъ не броситься въ глаза подобнаго рода неспособность. Изъ этого мы видимъ ясно, что тѣ, которые, какъ мы предполагаемъ, управляютъ ходомъ дѣлъ, вовсе не знаютъ, какое направленіе дѣла примутъ въ дѣйствительности. Что передъ ними, то они видятъ; что выше ихъ, то ускользаетъ отъ ихъ взора. Но если въ этомъ можно обвинять политическихъ практиковъ, то съ другой стороны, надо согласиться, что и политическіе философы, въ свою очередь, также способны упускать изъ виду самые очевидныя и осазаемыя результаты дѣйствій. Разница между этими двумя разрядами людей совершенно сходна съ тою, которая существуетъ между садовникомъ и ботаникомъ. Оба имѣютъ дѣло съ растеніями; но каждый смотритъ на нихъ съ противоположной точки зрѣнія. Для садовника важны красота и аромать растенія. На эти качества, непосредственно бросающіяся въ глаза, не обращаетъ никакого вниманія ученый ботаникъ. Онъ изучаетъ фізіологію, изслѣдуетъ законы растенія, вникаетъ въ мель-

чайшія видоизмѣненія его строгія и, вырывая его, жертвуетъ видивидомъ, чтобы ближе ознакомиться съ цѣлымъ видомъ. Садовникъ, какъ государственный человѣкъ, привыкъ разсматривать виѣшнее и ближайшее; ботаникъ, подобно философу, изслѣдуетъ скрытое и отвлеченное.—Чье занятіе важнѣе—здѣсь не мѣсто разбирать; достовѣрно одно, что счастливое сочетаніе обихъ весьма рѣдко. Складъ ума, образъ мыслей и вся обстановка мышленія тутъ діаметрально противоположны. Для того, чтобы соединить въ себѣ способность къ тому и другому роду занятій, нужна сила воли и обширность ума, какія рѣдко выпадаютъ на долю человѣка. Обыкновенно случается, что тѣ, которые желаютъ соединить обѣ крайности, не достигаютъ ни той, ни другой и биваютъ поверхностными философами и плохими практиками.

И потому мы должны признать замѣчательнымъ фактомъ, если тотъ, кто долженъ быть названъ, безспорно, самымъ глубокимъ изъ живущихъ мыслителей, въ теченіе многихъ лѣтъ, не только занималъ отвѣтственное мѣсто въ весьма трудной части государственнаго управленія, но даже, согласно съ мнѣніемъ компетентныхъ лицъ, исполнялъ обязанности своей должности съ отличнымъ и постояннымъ успѣхомъ. Такой примѣръ представляетъ Милль, и поэтому его мнѣнія имѣютъ право на особенное уваженіе, какъ мнѣнія человѣка, овладѣвшаго и теоріей и практикою. Такая двойственность дѣятельности заслуживаетъ особеннаго вниманія, и едва-ли поставятъ мнѣ въ вину мое нахѣреніе объяснить, какимъ образомъ эта двойственность явилась въ сочиненіяхъ этого великаго философа. Для тѣхъ, кто находятъ наслажденіе слѣдить за развитіемъ ума, принадлежащаго къ самому высшему разряду, не покажется неестественнымъ, что прежде чѣмъ приступить къ изложенію послѣдняго сочиненія (*) разбираемаго мною автора, я предварительно сдѣлаю обзоръ другихъ произведеній, которыя до появленія послѣдняго уже доставляли Миллю извѣстность, и обезпечили за нимъ обширную и неуваждаемую славу.

Сочиненія эти слѣдующія: *Начала политической экономіи* и *Система логики*. Каждый изъ этихъ тщательно обработанныхъ трудовъ отличается однимъ изъ двухъ высокихъ умственныхъ качествъ автора: достоинство политической экономіи заключается въ практической приложимости истинъ, предварительно установ-

(*) «О свободѣ».

ленимъ; достоинство логики — въ анализѣ процесса мышленія, болѣе тонкомъ и болѣе полномъ, чѣмъ у кого нибудь со времени Аристотеля (*). Достаточно, если мы скажемъ о политической экономіи, что ни одинъ изъ принциповъ, представляемыхъ ею, не новъ. Съ тѣхъ поръ, какъ издано сочиненіе о «Богатствѣ народовъ», наука перестроена на совершенно другихъ началахъ, и Милль поставилъ себѣ задачей не расширить ея границы, но сдѣлать практически приложимымъ то, что было выработано двумя поколѣніями мыслителей, слѣдовавшихъ за Адамомъ Смитомъ. Блестящее открытіе теоріи о рентѣ, которое, хотя не принадлежитъ Рикардо, однакожъ обязано ему прочнымъ основаніемъ, придало совершенно новое значеніе экономической наукѣ. То же самое можно сказать и о существенно важномъ законѣ, на который онъ первый указалъ: о распредѣленіи драгоценныхъ металловъ путемъ обмѣна, въ точной пропорціи съ ходомъ торговыхъ оборотовъ, который бы имѣлъ мѣсто и тогда, еслибъ торговлю на деньги замѣнила вполнѣ мѣновая торговля.

Великое сочиненіе Мальтуса о *Народонаселеніи* и споры, имъ возбужденныя, выяснили свойство и границы отношеній, существующихъ между предложеніемъ труда и заработной платою, такимъ образомъ устранивъ тѣ многочисленныя затрудненія, передъ которыми въ недоумѣніи остановился Адамъ Смитъ. Между тѣмъ какъ этимъ разъяснились условія распредѣленія богатства, Рэ изслѣдовалъ другія причины, управляющія его накопле-

---

(*) Я не исключаю даже Канта, потому что этотъ необминовенный философъ, который во многихъ отношеніяхъ, можетъ быть, мыслитъ глубже другихъ философовъ, бывшихъ до него или послѣ, въ своихъ разсужденіяхъ о логикѣ, до того замыкалъ границы всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, что имѣлъ смѣлость утверждать, будто мысль достиженія индуктивнымъ путемъ объективной истины, нѣсколько непримѣнима въ настоящемъ, но представляетъ въ себѣ противорѣчіе, которое никогда нельзя устранить. Каждый, кто относительно какаго нибудь предмета устанавливаетъ такимъ образомъ неподвижныя предѣлы, уже этия выхъ нельзя лучше доказываетъ, что онъ даже не изслѣдовалъ предмета на столько, на сколько позволяютъ существующія средства науки, потому что онъ не достигъ того предѣла, гдѣ кончается область вѣроятнаго, и гдѣ является передъ нами неясный обликъ дальнѣйшаго — обликъ всегда неосознаемый, но который даетъ намъ понять, что есть что-то и далѣе, и что мы неправъ предрѣшать что-нибудь объ открывающейся передъ нами области неизвѣстнаго. Съ другой стороны, тотъ, кто не достигъ черты, за которою виднѣется туманный обликъ, тотъ видитъ ясное все передъ собою, но лишь потому, что не приблизился къ области неизвѣстнаго. Еслибъ я имѣлъ смѣлость рѣшиться судить о такой личности, какъ Кантъ, я, послѣ тщательнаго изученія его произведеній, несмотря на все мое удивленіе къ нимъ, сказалъ бы, что умъ его проникаетъ глубже въ область мышленія, чѣмъ на сколько въ состояніи былъ обнять ее.

нѣмъ, и показавъ, какимъ образомъ капиталъ возрастаетъ съ различной быстротою, въ различныхъ государствахъ и въ различныхъ времена. Если, сверхъ того, мы прибавимъ, что Бен-тамъ доказалъ выгоды и необходимость въ социальномъ отношеніи, полученія процентовъ съ капитала, что Бебеджъ съ замѣчательнымъ искусствомъ изслѣдовалъ причины, управляющія экономіей труда и колеблющіяся степени его производительности, и что Уэзфильдъ сдѣлалъ отвлеченную, но во всякомъ случаѣ важную попытку доказать, что такъ называемое окончательное раздѣленіе труда есть только одна сторона вѣснаго принципа взаимно-содѣянія (segregation) труда; если мы сведемъ итогъ всего этого, то увидимъ, что всѣ матеріалы были готовы для Милля, и что ему осталось только связать вмѣстѣ и обобщить выводы великихъ мыслителей, которые непосредственно ему предшествовали.

Совершенство, съ которымъ онъ выполнилъ эту задачу, по истинѣ изумительно. Его трактатъ о политической экономіи можетъ служить руководствомъ скорѣе для государственныхъ людей, чѣмъ для мыслителей, такъ-какъ не содержитъ въ себѣ никакихъ добавочныхъ научныхъ истинъ, онъ тѣмъ не менѣе замѣчательнѣе своей практической приложимостью. Самые отвлеченные принципы объяснены въ немъ нагляднымъ образомъ, и изложены съ ясностью, убѣдительною даже для умовъ, неспособныхъ слѣдить за длиннымъ рядомъ отвлеченныхъ разсужденій—умовъ, которые не приняли выводовъ Рикардо, потому что этотъ знаменитый мыслитель, несмотря на всю тонкость своей діалектики, не успѣлъ рельефно выставить своихъ доводовъ и сдѣлать ихъ приложимыми къ обыкновеннымъ явленіямъ политическаго быта. Недостатокъ этотъ восполненъ Миллемъ, который относится къ политической экономіи даже болѣе какъ къ искусству, нежели какъ къ наукѣ. Отсюда книга его полна намековъ, которые, по своей важности, могли бы быть приняты во вниманіе законодательной властью свободной націи. Законы о завѣщаніи и о наслѣдствѣ, законы о первородствѣ, о товариществѣ, о несостоятельности и о банкротствѣ, лучшая система устройства колоній, выгоды и невыгоды налоговъ съ дохода, сравненіе способовъ покрытія чрезвычайныхъ издержекъ податью съ дохода или черезъ увеличеніе національнаго долга—вотъ, между прочимъ, нѣкоторые вопросы, разсмотрѣнные Миллемъ, касательно которыхъ онъ высказалъ предположенія, теперь все болѣе и болѣе начинающія про-

инкватъ въ общественное сознаніе. Тутъ вліяніе его чувствуется даже тѣми, которые не знаютъ, какъ и откуда дѣйствуетъ на нихъ это вліяніе. Кто только слѣдилъ за ходомъ политическихъ идей въ послѣднее десятилѣтіе, тотъ не могъ не замѣтить того рѣшительнаго дѣйствія, какое было оказано нашимъ мыслителемъ даже на тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые совершенно равнодушны къ его отвлеченнымъ теоріямъ, и которые тамъ, гдѣ онъ углубляется въ сферу мысли, согласны были бы оставаться въ бездѣйствія, коснѣя въ пошлой и старой рутинѣ, еслибы отъ времени до времени, какъ-бы на зло имъ, они не были тревожены въ просонкахъ отдаленнымъ шумомъ, и еслибы не были принуждены волею-неволею принимать участіе въ громадномъ движеніи, которое началось со всѣхъ сторонъ, колеблетъ установившійся порядокъ дѣлъ и подкапывается подъ наши прежнія убѣжденія.

О МНОЖЕСТВѢ ОБИТАЕМЫХЪ МИРОВЪ.

LA PLURALITÉ DES MONDES HABITÉS, par *Camille Flammarion*. Paris. 1864.

По достоинству своего предмета и совершенству своихъ теорій, астрономія — прекраснѣйшій памятникъ чело-вѣческаго ума.

ЛАНГАСЪ.

Ни одному мыслящему обитателю нашей планеты, пытливо поднимавшему свои глаза отъ земли въ горнія пространства синяго зѣвря, усѣяннаго мириадами сіяющихъ звѣздъ, конечно, не довелось избѣжать вопросовъ: «Что такое эти звѣзды?—Украшеніе ли нашихъ земныхъ ночей, какъ выражаются поэты, или же, напротивъ, нѣчто самостоятельное, неизмѣющее никакого послужного отношенія къ землѣ?» За этими вопросами неизменно таятся вереница другихъ: «Что за роль нашей планеты среди этого неисчислимаго множества мировъ: они ли созданы для нея, чтобъ поддерживать и направлять ея движеніе въ пространствѣ, или же для каждаго видимаго, сіяющаго міра есть также «свой приборъ на шару вселенной?» Что же такое, наконецъ, мы, люди, въ этомъ сонмѣ лучезарныхъ мировъ, кажется такъ равнодушно и безразлично смотрящихъ изъ безпредѣльнаго пространства на землю?

Всѣ эти вопросы сводятся, наконецъ, къ двумъ: *Гдѣ мы? Чтод мы?* — вопросамъ капитальной для насъ важности и значенія, составляющимъ альфу и омегу нашего знанія о себѣ и объ окружающемъ насъ мірѣ.

Согласитесь, было бы чрезвычайно полезно—мы не говоримъ уже какъ было бы пріятно—дать положительныя отвѣты на эти вопросы—такіе, по крайней мѣрѣ, отвѣты, чтобъ погрѣшность ихъ, выражаясь математическимъ языкомъ, была, положимъ, меньше всякой данной величины. Но, къ сожалѣнію всего мыслящаго

человѣчества, несмотря на всѣ его успѣхи въ познаніи самого себя и видимаго міра, наука не отдернула еще таинственной завѣсы и человѣчество не уразумѣло истинны своего бытія и всего сущаго во всемъ ея величіи. И замѣчательно, чѣмъ дальше подвигаются наши знанія, тѣмъ мучительнѣе становится для насъ немощь сомнѣнія, тѣмъ болѣе возрастаетъ самое сомнѣніе.

Было время, когда мыслящее человѣчество казалось удовлетвореннымъ своими вѣрованіями, соотвѣтствовавшими степени его познанія самого себя и окружающаго міра; но, мало по малу, съ накопленіемъ положительныхъ знаній, счастливое, относительно, время это миновало. Критика, какъ знойный вихрь, осушила предъ современнымъ человѣкомъ источникъ тѣхъ наивныхъ, дѣтскихъ вѣрованій, къ которому онъ принадлежалъ повременамъ пламенными устами. Чѣмъ ближе узнавалъ онъ самого себя и чѣмъ яснѣе открывались его глазамъ тайны мірозданія, тѣмъ мучительнѣе тяготилъ его духъ сомнѣнія и тѣмъ случайнѣе и ничтожнѣе казалось ему мѣсто, занимаемое имъ въ природѣ. Ища опоры въ знаніи, человѣкъ, правда, мало по малу, расширялъ свой умственный горизонтъ, но тѣмъ далѣе лишь отодвигались предѣлы, до которыхъ стремился достигнуть его пытливый умъ. Знаніе послѣдовательно ограбило у человѣка все, въ чемъ онъ находилъ прежде свою силу и опору, и онъ стоитъ теперь на рубежѣ противорѣчій, перехода отъ одного къ другому и ища выхода. Но найдетъ ли онъ его? Если ничто въ мірѣ не повторяется, то можетъ ли повториться въ сознаніи человѣка прежнее стройное созвучіе стремленій его сердца съ познаніями и представленіями ума? Не можетъ, потому что такого стройнаго созвучія, въ строгомъ смыслѣ слова, не оказывалось никогда въ человѣчествѣ, какъ доказываетъ намъ исторія его философскихъ убѣжденій. Каждая философская система являлась какъ завершающій продуктъ извѣстной эпохи развитія, играла свою роль въ исторической драмѣ и, по мѣрѣ расширенія знаній, смѣнялась другою. Потому-то, говоря, что современный человѣкъ стоитъ на рубежѣ противорѣчій, перехода отъ одного къ другому и ища выхода, мы другими словами сказали, что у современнаго человѣка нѣтъ пока такой строгой философской системы, которая обнимала бы все его вѣдѣніе и обьясняла бы всѣ противорѣчія.

«Прошлое умерло»—говоритъ авторъ книги, заглавіе которой мы выписали выше—«философія будущаго еще не народилась; она пока заключена въ многотрудныхъ мукахъ народненія. Душа современнаго міра въ разладѣ и непрерывномъ противорѣчій съ собою. Наука—это могучее божество дня, держащее въ рукахъ своихъ бразды прогресса, никогда еще не была такъ мало систематична въ философскомъ смыслѣ, такъ изолирована, какъ теперь. Предъ на-

на лицо стоящіе во главѣ ея люди; между нихъ философскими представленіями нѣтъ ничего общаго. Одни не вѣрятъ въ душу и не хотятъ ничего знать внѣ химическихъ комбинацій. Вотъ плеяда ученыхъ, которая видитъ въ мірѣ лишь два элемента: силу и материю; общепризнанныя начала добра и блага—для нея мертвыя буквы. Эта представляетъ наши человѣческія индивидуальности ничѣмъ другимъ, какъ крошечными молекулами одного собирательнаго существа—человѣчества; та говоритъ намъ объ условномъ безсмертіи. Въ то же самое время наши католическіе богословы, оставаясь въ сторонѣ, въ своемъ *status quo* около пяти вѣбовъ, презрительно отвергаютъ науку и совершенно серьезно увѣряютъ насъ, что опасаться нечего и что все обстоитъ благополучно».

Такое нравственное состояніе современнаго намъ челоѣчества, безспорно, непривлекательно; какъ шатаея мысль, такъ шатаея и жизнь; лучше всего живется, какъ и всегда бывало, тѣмъ, кого не искушаетъ наука; но мыслящіе люди, шатаея отъ одного сомнѣнія къ другому и не находя твердой опоры сознанія, живутъ нелегко. Нѣтъ надобности говорить, какъ бы всѣ были благодарны тому, кто произнесъ бы такой таинственный лозунгъ, который освѣтилъ бы всѣ сомнѣнія, примирилъ всѣ противорѣчія. Г. Фламмарьонъ, профессоръ астрономіи и членъ многихъ ученыхъ обществъ, взялъ на себя трудъ—мы не скажемъ произнести такой лозунгъ, но — попробовать произнести двѣ пары словъ: *множество мировъ*, *множество существованій*, и объяснить, что изъ этого выходитъ при настоящей ступени нашихъ знаній. Авторъ провозглашаетъ, что астрономіи принадлежитъ честь положить новыя начала философіи будущаго; «но не этой наукѣ — какъ справедливо замѣчаетъ онъ — принадлежитъ созидать стогны и вѣси метафизики.» «Являлись философы, бравшіе на себя исполненіе этой задачи—говоритъ г. Фламмарьонъ—явятся скоро и другіе, продолжатели начатаго дѣла, которые развѣять послѣдніе туманы, носящіеся еще надъ истинными науками, теологіей и психологіей (*vraies sciences de la theologie et de la psychologie*)» (*). Какъ оказывается, г. Фламмарьонъ не ошибся въ своемъ ожиданіи; издатель его книги о множествахъ мировъ, въ одно изъ примѣчаній, увѣдомляетъ публику, что въ то время, какъ начали печатать первую страницу «Множества Мировъ», адвокатъ Пеццани, лауреатъ парижскаго института, кончилъ послѣднюю страницу о «Множествѣ Существованій» и готовитъ уже это сочиненіе къ изданію.

(*) La Plur. d. Mondes. O. 405.

Въ ожиданіи, намъ остается заняться дѣломъ, то-есть, познакомиться съ книгой г. Фламмарьона, представляющей во многихъ отношеніяхъ несомнѣнныя достоинства. Она составляетъ, какъ бы то ни было, попытку построить систему философскаго вѣрованія на данныхъ системы міра, и потому нѣтъ надобности говорить, можетъ ли еще быть интересной такая повѣсть. Но, можетъ быть, многіе спросятъ: какое отношеніе существуетъ между множествомъ міровъ и религіозной философіей человѣчества? По увѣренію автора, тѣ, которые думаютъ подобнымъ образомъ, должны переимѣнить свое мнѣніе и вѣрить, что «множество міровъ — доктрина въ одно и то же время научная, философская и религіозная, и притомъ самой высокой важности».

Авторъ сознается, что доктрина о множествѣ обитаемыхъ міровъ не представляетъ пока философской достовѣрности, потому что она не утверждена на разсмотрѣніи доказывающихъ ее астрономическихъ фактовъ; но пусть вопросъ этотъ остается для однихъ вопросомъ философской важности, но обруженнымъ недостижимой тайной, для другихъ — фантазіей напраснаго любопытства прозрѣть въ непроницаемое, г. Фламмарьонъ смотритъ на него какъ на одинъ изъ основныхъ вопросовъ философій. Но и независимо отъ того, у почтеннаго автора есть аргументы, которыми онъ оправдываетъ *raison d'être* своей книги, и которые намъ помогутъ оправдать *raison d'être* предлагаемой статьи.

Занимающій насъ вопросъ составляетъ «живую жилу», если можно такъ выразиться, астрономической науки, которая, несмотря на всѣ свои блестящія фактическія приобрѣтенія, была бы далеко не такъ полезна для развитія человѣческаго ума, если бы мы оставили безъ вниманія ея философскую сторону. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи она должна содѣйствовать, какъ и всѣ другія отрасли вѣдѣнія, къ тому, чтобъ объяснить намъ тайну нашего бытія. Внѣшній міръ, дѣйствительно, представляетъ ту великую единицу бытія, свое отношеніе къ которой мы должны опредѣлить, чтобъ узнать мѣсто, занимаемое нами въ природѣ. Внѣ такого сравнительнаго изученія, мы остаемся на поверхности невѣдомаго міра, не подозрѣвая ни гдѣ мы, ни чтò мы относительно всего видимаго сущаго.

Первая изъ пяти книгъ, на которыя дѣлитъ авторъ свое сочиненіе, заключаетъ весьма тщательное изложеніе исторіи утверждаемой имъ доктрины. Имъ приведено, въ подтвержденіе своей мысли, безчисленное множество авторитетовъ, раздѣлявшихъ ученіе о множествѣ міровъ; но мы полагаемъ, что въ вопросахъ чисто-научныхъ, великія имена не могутъ нисколько увеличить силы маленькихъ доводовъ. Исторія развитія знаній представ-

лиетъ намъ немало примѣровъ, которые свидѣтельствуютъ, что часто простой фактъ опыта или наблюденія перевѣшивалъ воззрѣнія и преданія цѣлыхъ столѣтій. И потому-то глава, посвящаемая г. Фламмарьономъ историческому обзору ученія о множествѣ мировъ, хотя и представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ страница изъ исторіи развитія ума, ничего болѣе не доказываетъ. Мы узнаемъ, что идеи о томъ, что луна и планеты обитаемы, принадлежатъ еще древнѣйшимъ племенамъ Индіи и Египта, что она входила въ халдейскую и орфическую космогонію, въ символизмъ кельтовъ и друидовъ и въ міеологию грековъ. Въ Грецію идея эта занесена Талесомъ изъ Египта, и раздѣлялась всей іонической школой. Анаксимандръ, также какъ позднѣе Эпикуръ, Орагенъ и Декартъ, утверждалъ, что время отъ времени міры разрушаются и воспроизводятся вновь, посредствомъ новыхъ комбинацій изъ тѣхъ же элементовъ. Анаксагоръ училъ, что луна обитаема, и на ней, какъ и на нашей планетѣ, существуютъ моря, горы и долины. Пифагоръ публично училъ о неподвижности земли и движеніи звѣздъ, но наиболѣе близкимъ ученикамъ открывалъ, что вѣрить въ движеніе земли, какъ и другихъ планетъ, и во множество мировъ. Основатель элейской школы, знаменитый Ксенофанъ, также вѣрилъ во множество обитаемыхъ мировъ. Петроній изъ Гимеры написалъ книгу, въ которой утверждаетъ, что число обитаемыхъ мировъ есть 183 — идея, распространенная, по словамъ Плутарха, во времена самой глубокой древности между народами до самаго Индійскаго моря. Мистическое число Петронія объясняется тѣмъ, что философъ этотъ представлялъ себѣ міръ въ видѣ трехугольника, каждая изъ сторонъ котораго составлена изъ 60 мировъ, а въ углахъ еще по одному міру. Но въ числѣ особенно драгоцѣнныхъ для насъ историческихъ свидѣтельствъ въ пользу безпредѣльности творенія рукъ божіихъ, авторъ сообщаетъ, что и св. Иринеи раздѣлялъ такой взглядъ на мірозданіе; Лактанцій вѣрилъ, что луна должна быть обитаема. Намъ кажется бесполезнымъ останавливаться долѣе надъ мнѣніями, существовавшими по тому же вопросу въ средніе вѣка, и непереставшими появляться до нашего времени: все это болѣе или менѣе остроумныя догадки и аналогіи, которыя нисколько не прибавляютъ идѣй объ обитаемости мировъ научной достовѣрности. Вотъ, для примѣра, мнѣніе знаменитаго автора Критики чистаго разума: «Я того мнѣнія — писалъ въ концѣ прошлаго столѣтія Эммануэль Кантъ — что нѣтъ даже надобности доказывать, что всѣ планеты обитаемы, потому что отрицать это было бы нелѣпностью въ глазахъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ большинства. Въ царствѣ природы, міры и цѣлыя системы ихъ не

болѣе, какъ солнечныя пылинки по отношенію ко всему созданному. Какая вѣдудь планета гораздо менѣе по отношенію ко вселенной, чѣмъ какой-либо островъ по отношенію къ земному шару. Среди столькихъ сферъ не существуетъ пустынныхъ и необитаемыхъ пространствъ какъ только тамъ, гдѣ нѣтъ благоприятныхъ условій для бытія разумныхъ существъ, составляющихъ цѣль природы. Самая наша земля просуществовала, можетъ быть, тысячу или еще болѣе лѣтъ, прежде чѣмъ ея строеніе позволило ей украситься растеніями, животными и людьми» (*).

Изъ всѣхъ этихъ строкъ несомнѣнно слѣдуетъ одно заключеніе, именно, что Эммануэль Кантъ вѣрилъ, что бытіе разумныхъ существъ составляетъ цѣль природы. Но обязательно ли такое вѣрованіе, имѣеть ли оно какую либо научную достовѣрность? Разумѣется нѣтъ, потому что, какъ увидимъ ниже, наша планета подчинена въ сферахъ солнечной системы многимъ, относительно другихъ планетъ, весьма несовершеннымъ условіямъ, изъ чего, полагая силы природы и ея законы равнодѣйствительными во вселенной, мы должны заключать, что разумныя существа земли не завершаютъ собою разума въ природѣ и потому не могутъ быть какой либо конечной цѣлью.

Для насъ значительно цѣннѣе соображенія по тому же вопросу о множествѣ міровъ двухъ великихъ астрономовъ, Лапласа и Жюна Гершеля, и то на столько, на сколько они не сходятъ съ почвы научныхъ вѣроятностей.

«Благотворное дѣйствіе солнца—говорить Лапласъ(**)—вызвало къ бытію растенія и животныхъ, покрывающихъ землю, и по аналогіи, мы выразѣ предпологать, что оно оказало подобное же вліяніе и на другія планеты; потому что было бы неестественно думать, чтобы матерія, такъ многообразно проявляющая персть нашими глазами свою плодovitость, оставалась безплодной на такой громадной планетѣ, какъ, на примѣръ, Юпитеръ, которая, подобно земному шару, имѣеть свои дни, ночи и годы, и какъ наблюденія указываютъ, перемѣнамъ, предполагающія дѣйствіе весьма дѣятельныхъ силъ... Человѣкъ, созданный для температуры, которой пользуется на землѣ, не могъ бы, какъ кажется, жить на другихъ планетахъ. Но не должно ли существовать на нихъ безконечное разнообразіе организовъ, соответствующихъ различнымъ температурамъ міровъ? Если единственная разница элементовъ и климатовъ опредѣляетъ столько варіацій въ зем-

(*) *Emm. Kant: Allg. Naturgesch. und Theorie des Himmels.* ч. III.

(**) *Exposition du système du Monde,* г. VI.

ныхъ произведеніяхъ, какъ многозначительнѣе должны разнствовать между собою произведенія планетъ и спутниковъ!»

Сэръ Джонъ Гершель отрицаетъ, будто видимые міры были созданы, чтобъ освѣщать наши ночи, потому что такая цѣль значительно лучше достигалась бы *еще* одной луной, которая имѣла бы лишь одну тысячную часть объема нашего спутника. Точно также онъ не допускаетъ, чтобъ звѣзды мерцали безцѣльно въ пространствѣ. Несомнѣнно, что онѣ полезны для человѣка какъ постоянные пункты, къ которымъ онъ можетъ относить все съ точностью, но то былъ бы весьма скудный плодъ отъ изученія астрономіи, по его мнѣнію, еслибы мы предположили, что человѣкъ составляетъ единственный предметъ заботливости природы. Астрономія доказываетъ намъ совершенно противное.

Намъ остается лишь обратиться къ ея указаніямъ.

Въ центрѣ нашей планетной системы помѣщается громадный шаръ солнца, въ *одинъ миллионъ четыреста тысячъ* разъ болѣе земнаго шара. Физическое строеніе солнца составляетъ до сихъ поръ нерѣшенный вопросъ. По болѣе или менѣе утвердившемуся въ наукѣ предположенію, солнцу представляетъ такой же темный шаръ, какъ и другія планеты, но окруженный двумя главными атмосферами, изъ которыхъ внѣшняя образуетъ источникъ свѣта и тепла, а внутренняя, облегающая самый солнечный шаръ, имѣетъ назначеніемъ отражать этотъ свѣтъ и это тепло во внѣшнее пространство, и предохранять отъ нихъ солнечный шаръ. По мнѣнію Кеплера, солнцу представляетъ гигантскій магнитъ, поддерживающій по однимъ законамъ взаимнаго притяженія всѣ другіе міры управляемой имъ группы, постоянный источникъ и очагъ электричества, приводящій въ движеніе на планетахъ этотъ невѣсомый дѣятель, играющій такую важную роль между дѣйствующими силами въ нашей солнечной системѣ.

Еслибы мы помѣстили мысленно Землю въ центръ солнца, то луна (отстоящая отъ Земли на 58,033 мили) сама собою помѣстилась бы также внутри солнечной массы, и чтобъ отъ центра помѣщенной такимъ образомъ луны достигнуть поверхности солнца, необходимо было бы еще пройти пространство болѣе 48,000 миль. Солнце вѣситъ въ 700 разъ болѣе, чѣмъ всѣ планеты, астерониды, кометы и спутники его системы, взятыя вмѣстѣ. На поверхностныхъ слояхъ его атмосферы, обыкновенно плаваютъ темныя массы, протяженіе которыхъ превышаетъ иногда протяженіе всей земли. Солнце также совершаетъ вращеніе во-

кругъ своей оси, или, правильнѣе, вокругъ центра тяжести всей системы, употребляя на это двадцать-пять нашихъ земныхъ сутокъ и 8 ч; но послѣдствіи такого вращенія для солнца совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя мы замѣчаемъ на другихъ планетахъ, потому что оно не влечетъ за собою послѣдовательную смѣну на солнечной поверхности дней и ночей, какъ на другихъ планетахъ. Мы не можемъ вычислить степени напряженности тепла и свѣта солнечныхъ, ни опредѣлить, посредствомъ какого неизвѣстнаго дѣятеля они производятся; мы знаемъ только, что несмотря на громадное разстояніе земли отъ солнца, наша планета получаетъ отъ него ежегодно такое значительное количество тепла, что еслибы это тепло было равномѣрно распредѣлено на всѣхъ пунктахъ земной поверхности, и было бы исключительно употреблено для расплавленія льда, то могло бы въ одинъ годъ расплавить ледяную кору, которая обнимала бы весь земной шаръ, и имѣла бы толщины $12\frac{1}{2}$ саженъ.

Неизвѣстная сила, которой дали названіе *силы всемірнаго тяготѣнія*, вращаетъ вокругъ центральной звѣзды всю солнечную систему: планеты, спутники, астероиды, кометы, космическіе метеоры и т. д.

Первая планета, которую встрѣчаемъ мы, отправляясь отъ центра системы къ периферіи — есть Меркурій. Онъ отдаленъ отъ солнца на 8,870,040 миль; его годъ продолжается около 88 нашихъ сутокъ; свое суточное обращеніе онъ совершаетъ въ 24 часа 5' 28" — фактъ замѣчательный, что и на слѣдующихъ трехъ планетахъ: Венерѣ, Землѣ и Марсѣ, продолжительность сутокъ почти одинаковая. Шаръ Меркурія значительно менѣе земнаго; его діаметръ имѣетъ длины всего 672 мили, между тѣмъ, какъ земной — 1,719 миль; но плотность его массы почти вдвое болѣе плотности Земли. Новѣйшія астрономическія наблюденія указали, что звѣзда эта окружена весьма плотной атмосферой, и покрыта цѣлыми возвышенностей, значительно болѣе, чѣмъ земныя. Свѣтъ и теплота солнечныя дѣйствуютъ въ семь разъ напряженнѣе на Меркуріи, сравнительно съ Землею.

Венера, блестящая звѣзда, предвѣстница зари и вечера на Землѣ, отстоитъ почти вдвое далѣе Меркурія отъ солнца, и получаетъ отъ него въ два раза болѣе, чѣмъ Земля, теплоты и свѣта. Она совершаетъ свое годичное обращеніе вокругъ солнца въ 224 сутокъ; вокругъ же своей оси въ 23 ч. 21' 7"; времена года на ней гораздо болѣе характеристичны, чѣмъ наши, и продолжаются только по два мѣсяца каждое. Величина, масса, плотность Венеры и вѣсь тѣлъ на ея поверхности, разнятся весьма мало отъ тѣхъ же элементовъ слѣдующей за ней по порядку планеты —

Земли. Атмосфера, окружающая Венеру, сходна съ нашей, и настолько прозрачна, что мы можемъ различать на этой звѣздѣ восхождение и захождение солнца. Подобно Меркурию, Венера постоянно почти покрыта облаками.

На разстояніи 22,938,000 миль отъ Солнца, движется Земля — планета, схожая съ предшествовавшей во многихъ отношеніяхъ, почти одинаковой съ тою величины и вѣса, также окруженная атмосферной жидкостью, совершающая свое суточное движеніе въ 23 ч. 56'⁴'' и годовое — въ 365 дней, 5 часовъ, 48 минутъ. Планета наша имѣетъ спутника, Луну, совершающаго свое двойное движеніе перемѣщенія и вращенія — въ 27 дней, 4 ч., 44 м. Поверхность Луны изборозжена безчисленнымъ множествомъ высокихъ и чрезвычайно скалистыхъ горъ, обширными и глубокими кратерами, видимыми невооруженному глазу, въ видѣ темноватыхъ пятенъ на ея поверхности.

Около 12 милійоновъ миль далѣе Земли движется планета Марсъ, представляющая также во многихъ отношеніяхъ поразительное сходство съ предыдущими планетами. Она оканчиваетъ свой годъ въ 686 дн., 22 ч., 18 м., и суточное вращеніе 24 ч., 39 м., 21 сек. «Атмосферные слои, облегающіе эту и предыдущую планеты, снѣга, появляющіеся періодично на ихъ полюсахъ, и облака, покрывающія повременамъ ихъ поверхности, довольно сходное географическое очертаніе ихъ континентовъ и морскихъ равнинъ, измѣненія временъ года и климатовъ, общія обонья этимъ мірамъ, даютъ намъ основаніе вѣрить — говорить г. Фламмарьонъ — что обѣ эти планеты обитаемы существами, физическая организація которыхъ должна представлять не одну сходственную черту, и что еслибы одна изъ нихъ была обречена пустынности и ничтожеству — другая, находящаяся въ тѣхъ же условіяхъ, должна была бы раздѣлить ту же участь».

На разстояніи около 60 милійоновъ миль отъ Солнца, въ междупланетномъ пространствѣ существуетъ поясъ, шириною въ 48 милійоновъ миль, бывшій прежде, какъ кажется, театромъ великой мировой катастрофы. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ регионѣ, гдѣ астрономы со временъ еще Кеплера ожидали найти планету, необходимо предпологавшуюся, по законамъ тяготѣнія, между Марсомъ и Юпитеромъ, уже найдено 75 (*) планетныхъ обломковъ, совершающихъ независимо одинъ отъ другаго свое перемѣщеніе вокругъ общаго центра всей системы. Можетъ быть, эти астероиды произошли отъ раздробленія космическаго кольца, которое

(*) Это число астероидовъ между Марсомъ и Юпитеромъ насчитывалось въ 1862 г.; въ настоящее время ихъ считаютъ 80.

должно было образовать планету; можетъ быть, это—обломокъ міра, существовавшего въ этой части солнечной системы, разорваннаго внутреннимъ геологическимъ переворотомъ.

Далѣ пояса этихъ астерондовъ, тяготѣеть колоссальный шаръ Юпитера по орбитѣ, удаленной отъ Солнца почти на 120 милійоновъ миль. Несмотря на скорость его суточного обращенія, которое совершается менѣе чѣмъ въ 10 часовъ; и даетъ ему, слѣдовательно, лишь 5 часовъ дѣйствительнаго дня, годъ этой планеты въ двѣнадцать разъ продолжительнѣе нашего, и потому жители ея считаютъ восемь лѣтъ въ то время, когда мы считаемъ столѣтіе. Міръ Юпитера, превышающій величиною въ 1414 разъ нашъ земной, окруженъ газообразной оболочкой, въ которой постоянно плаваютъ густыя облака, скрывающія отъ нашего вооруженнаго глаза географическое очертаніе его поверхности. На одно и то же пространство поверхности на Землѣ и на Юпитерѣ, количество теплоты и свѣта солнечныхъ падаетъ на этой послѣдней планетѣ (на Юпитерѣ) въ 22 раза менѣе, чѣмъ на Землѣ; но это количество распредѣляется на Юпитерѣ болѣе постоянно и правильно на каждомъ градусѣ широты, отъ экватора къ полюсамъ, чѣмъ на нашей планетѣ. Міръ Юпитера не подверженъ, какъ нашъ, превратностямъ времени года и быстрымъ переѣнамъ температуры; вѣчная весна обогащаетъ его своими сокровищами. Его экваторіальный діаметръ не менѣе 19,251 мили; его же масса, равняющаяся 338 земныхъ массъ, имѣеть специфическую плотность, непревосходящую плотности дуба, такъ что при одинаковомъ объемѣ, Юпитеръ былъ бы въ 4 раза легче Земли. Четыре спутника сообщаютъ постоянный свѣтъ этой планетѣ, имѣющей относительно короткія, но всегда освѣщенныя ночи.

Система Сатурна, на разстояніи слишкомъ 218 милійоновъ миль отъ Солнца, увлекаетъ въ періодъ 30-ти лѣтъ, вокругъ общаго центра, его величественный шаръ, превышающій по величинѣ нашъ земной въ 734 раза, его громадная кольца, діаметръ которыхъ достигаетъ до 42,600 миль, и цѣлый міръ спутниковъ, занимающій протяженія въ кругообразномъ пространствѣ слишкомъ 1,560 миліардовъ ввадр. миль. Каждое изъ времени года продолжается на Сатурнѣ 7 лѣтъ и 4 мѣсяца; въ теченіе долгой зимы, на полюсахъ этой планеты появляются бѣловатыя пятна, точно такъ же, какъ на Марсѣ и на Землѣ. Суточное вращеніе Сатурна совершается съ необычайной скоростью, потому что продолжительность его дня, схожая съ величиною дня на Юпитерѣ, не превышаетъ 10 часовъ 16 минутъ. Такая скорость вращенія образовала на полюсахъ Сатурна значительное сплюсненіе (на одну десятую),

точно такъ же, какъ и на предшествовавшей планетѣ (на одну семнадцатую) — фактъ, свидѣтельствующій намъ еще разъ о всеобщности законовъ природы. Поперемѣнно блестящія и темныя полосы, появляющіяся на Юпитерѣ и Сатурнѣ, и указывающія на извѣстныя перемѣны въ ихъ атмосферахъ, различіе, замѣчаемое между цвѣтомъ полярныхъ и экваторіальныхъ регионовъ, наконецъ, тѣ благоприятныя условія, которыя соединены на Юпитерѣ для существованія, говорятъ намъ, по мнѣнію г. Фламмарьона, что жизнь не можетъ быть ограничена тѣмъ крошечнымъ міромъ, на которомъ мы узрѣли свѣтъ.

На разстояніи слишкомъ 439 миліоновъ миль отъ Солнца, совершаетъ свое движеніе планета Уранъ, по эллиптической орбитѣ, которую пробѣгаетъ въ 84 года и 3 мѣсяца. Его діаметръ имѣетъ 7,873 мили; плотность массы немного менѣе плотности кирпича; получаемые отъ солнца свѣтъ и теплота въ 360 разъ слабѣе, чѣмъ на земной поверхности. Уранъ сопровождаютъ восемь спутниковъ, представляющихъ замѣчательную особенность, неизмѣющую другого примѣра въ солнечной системѣ: они вращаются отъ востока на западъ, тогда какъ спутники всѣхъ другихъ планетъ движутся отъ запада къ востоку. Эта особенность послужила поводомъ думать, что и самая планета имѣетъ обратное вращеніе около оси, именно отъ востока на западъ; но телескопическія наблюденія не утвердили пока этого предположенія; значительное удаленіе отъ насъ этого міра (420 миліоновъ миль), препятствуетъ различать что нибудь на его поверхности.

Наконецъ, послѣдняя изъ извѣстныхъ планетъ солнечной системы, открытіе которой служитъ лучшимъ торжествомъ достовѣрности новѣйшихъ научныхъ данныхъ и, главнымъ образомъ, могущества аналогіи, планета, удаляющаяся отъ окраинъ планетной системы почти на 240 миліоновъ миль, и которая лишь временно замыкаетъ собою громадную сферу мировъ нашей солнечной системы, описываетъ на разстояніи слишкомъ 685 мил. миль отъ центра системы орбиту, линейное протяженіе которой превышаетъ 4 миллиарда 200 миліоновъ миль. На такомъ чрезвычайномъ удаленіи, гдѣ солнечный дискъ кажется въ 1,300 разъ меньшимъ, чѣмъ на землѣ, Нептунъ подчиненъ той же силѣ тяготѣнія, которая управляетъ его годовымъ и суточнымъ вращеніями и феноменами, происходящими на его поверхности. Годъ Нептуна равняется 164 нашимъ; каждое изъ временъ года продолжается на немъ болѣе 40 лѣтъ; плотность его массы почти одинакова съ плотностью букового дерева; объемъ его превосходитъ болѣе, чѣмъ во сто разъ объемъ земной сферы. Планета эта имѣетъ одну луну,

совершающую свое двойное перемѣщеніе въ 5 дней 21 часъ, на разстояніи 60,000 миль отъ планеты.

Заканчивая обзоръ міровъ, составляющихъ нашу солнечную систему, слѣдуетъ замѣтить, что если современныя намъ средства астрономическаго изслѣдованія не могли еще достигнуть далѣ Нептуна, то-есть на 600 милійоновъ миль отъ центральнаго свѣтла, достовѣрно, однакожь, что солнечная сфера не заключается этими предѣлами; многія кометы солнечной системы описываютъ еще болѣе значительныя орбиты, на прохожденіе которыхъ необходимы тысячелѣтія. Разстояніе, отдѣляющее наше солнце отъ ближайшей неподвижной звѣзды, превосходить въ *семь тысячъ* разъ удаленіе Нептуна отъ Солнца. И потому-то весьма вѣроятно, что въ этихъ недоступныхъ пока нашему наблюденію регионахъ вращаются неизвѣстныя намъ планетныя міры, распространяя такимъ образомъ далеко за Нептуна сферу дѣйствія нашего свѣтла.

Но, кромѣ того, что неизвѣстныя планеты, болѣе удаленныя, чѣмъ Нептунъ, отъ центра системы, могутъ вращаться за предѣлами его орбиты, большое число кометъ, также подверженныхъ притяженію Солнца, прорѣзываютъ по всѣмъ направленіямъ пространства ээира. Намъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь о природѣ кометъ; слѣдуетъ замѣтить лишь, что онѣ представляютъ громады паровъ чрезвычайно тонкихъ, и потому не могутъ быть причтены къ числу обитаемыхъ міровъ; нѣтъ надобности также говорить подробно о ихъ громадномъ числѣ; но чтобы дать приблизительное понятіе объ области нашего солнца по протяженію орбитъ нѣкоторыхъ кометъ, вспомнимъ, что большая комета 1811 года употребляетъ 3,000 лѣтъ на совершеніе свсего пути, и что комета 1680 года оканчиваетъ свое обращеніе въ 88 вѣковъ; что первая изъ этихъ кометъ удалается отъ Солнца на 8,190,000,000 миль, а вторая слишекомъ на 19,000,000,000 миль!

Но какъ бы громадны ни были такія протяженія, *они едва могутъ быть сравниваемы*, такъ они малы, съ величинами, отрываемыми въ звѣздной астрономіи. Числа, употребляемыя въ планетной астрономіи, исчезаютъ передъ числами, употребляемыми въ звѣздной. Здѣсь, если есть возможность, не считаютъ уже милями и тысячами миль, но принимаютъ *единицей* средній радиусъ земной орбиты, равный, какъ извѣстно, 22,938,000 миль.

Каждая звѣзда есть солнце, сіяющее собственнымъ, независимымъ свѣтомъ. Свѣтоносную силу наиболѣе близкихъ звѣздъ измѣряли и нашли, что нѣкоторыя звѣзды, какъ, наиримѣръ, Сириусъ, значительно свѣтловарѣе и огромнѣе нашего Солнца.

Всѣ эти видимыя лучезарныя и громадныя солнца суть также центры планетныхъ системъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сходны, по всей вѣроятности, съ нашей, нѣкоторыя меньше нашей, нѣкоторыя же значительно обширнѣе и богаче планетами. Ближайшая къ нашей планетной системѣ звѣзда отстоитъ на 7,500 радиусовъ этой системы, принимая радиусъ въ 688,516,800 миль, что равняется 5,161,320,000,000 миль! Что касается до удаленія другихъ звѣздъ, менѣе близкихъ, то математически невозможно избрать какую либо единицу для измѣренія ихъ разстоянія отъ нашей системы, такъ-какъ наибольшая изъ употребляемыхъ нами единицъ сравненія, діаметръ земной орбиты, оказывается неизмѣримо-малой величиной относительно удаленія этихъ звѣздъ. Но для возможности составить нѣкоторое предствленіе о послѣдовательномъ удаленіи отъ насъ нѣкоторыхъ звѣздъ, принимаютъ единицей измѣренія скорость свѣта. Какъ извѣстно, свѣтъ пробѣгаетъ 42,000 миль въ секунду. Такимъ образомъ онъ употребляетъ не менѣе 3-хъ лѣтъ и 8-ми мѣсяцевъ, чтобъ достигнуть до насъ съ самой ближайшей къ намъ звѣзды, именно съ α созвѣздія Центавра, и 22 года, чтобъ дойти до насъ съ Сириуса; для послѣднихъ видимыхъ въ трехметровый телескопъ звѣздъ полетъ свѣта до земли можетъ совершиться не менѣе, чѣмъ въ 1000 лѣтъ; для послѣднихъ же, видимыхъ въ шестиметровый телескопъ, по крайней мѣрѣ, въ 2700 лѣтъ; наконецъ, есть звѣзды, свѣтъ которыхъ достигаетъ до насъ не равнѣ 5,000, 10,000, 100,000 лѣтъ, пробѣгая непрерывно 42,000 миль въ секунду.

Эти числа—какъ справедливо замѣчаетъ г. Фламмарьонъ—раскрываютъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ неизмѣримыя панорамы безпредѣльнаго пространства и просвѣщаютъ насъ относительно совершенно ничтожнаго значенія нашей планеты среди неисчислимыя миріады свѣтозарныхъ гигантовъ небеснаго пространства. Въ то же время, они говорятъ намъ, что гигантская исторія звѣзднаго міра развивается независимо отъ того—знаемъ ли мы хотя первое ея слово. Свѣтовые лучи, доходящіе къ намъ со звѣздъ, повѣствуютъ намъ древнюю исторію безконечнаго міра созданія, настоящая исторія которыхъ неизвѣстна для Земли. Положимъ, наприимѣръ, что великолѣпный Сириусъ померкнетъ сегодня отъ какой нибудь мировой катастрофы; такъ-какъ свѣтъ достигаетъ съ этой звѣзды до насъ въ 22 года, то мы, впродолженіе еще 22-хъ лѣтъ, все будемъ видѣть эту звѣзду на томъ же мѣстѣ, на которомъ ее, въ дѣйствительности, не будетъ уже почти цѣлую четверть столѣтія. Еслибы всѣ видимыя нами звѣзды исчезли теперь, тѣмъ не менѣе, онѣ еще долго будутъ

сіять надъ нашими головами, нѣсколько лѣтъ, нѣсколько вѣковъ, нѣсколько тысячелѣтій; и потому весьма возможно, что звѣзды, которыхъ природу и движеніе мы силится изучать въ настоящее время, въ дѣйствительности *не существуютъ отъ самаго начала нашего земнаго міра!* Да, мы знаемъ лишь одну прошлую страницу міровой исторіи; всѣ наши отношенія къ свѣтозарнымъ звѣздамъ зѣбра ограничиваются нѣсколькими брошенными на насъ съ нихъ лучами и то съ болѣе близкихъ къ намъ; все остальное мірозданіе закрыто отъ насъ непроницаемой завѣсой пространства. Существуютъ звѣзды, блескъ которыхъ уменьшается. Есть звѣзды, свѣтъ которыхъ померкъ, и которыхъ мы не находимъ уже на занимаемыхъ ими прежде мѣстахъ. У нѣкоторыхъ уменьшается свѣтоносная сила, у другихъ блескъ измѣняется періодически и переходитъ отъ maximum'a къ minimum'у напряженности, слѣдуя одному постоянному, опредѣленному циклу. Иныя звѣзды внезапно появлялись, сіяли самымъ сильнымъ блескомъ и исчезали не возвращаясь болѣе. Такова была памятная въ гѣтописяхъ астрономіи звѣзда 1572 г., появившаяся на семнадцатъ мѣсяцевъ въ созвѣздіи Кассіопея, превосходившая по блеску Сиріусъ, Вега, Юпитеръ — феномень, приводившій долгое время въ изумленіе астрономовъ и бывшій предметомъ страха слабыхъ душъ. Въ первые дни ея появленія, она была видима на землѣ даже въ самый полдень; но мало по малу блескъ ея слабѣлъ, переходя всѣ величины до совершеннаго исчезновенія. Замѣтимъ мимоходомъ, что весьма немногимъ было историческихъ явленій на нашей планетѣ, которыя надѣляли бы столько шуму, какъ эта таинственная посланница неба. Звѣзда появилась 11-го ноября 1572 г., лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ варооломеевской ночи: всеобщее безпокойство, народное суевѣріе, страхъ кометы и приближенія конца міру, заранѣе предсказаннаго астрологами, служили превосходной постановкой для такого явленія. Вотъ почему, лишь явилась звѣзда, тотчасъ же объявили, что она именно соизувствовала новозавѣтнымъ волхвамъ въ Вилеємъ, и что пришествіе ея предсказываетъ новое воплощеніе Богочеловѣка на землѣ, и затѣмъ страшный судъ. Въ сотый разъ, кажется, предсказателямъ пришлось устыдиться, но это обстоятельство нисколько не помѣшало, однакоже, астрологамъ пользоваться большимъ кредитомъ спустя двѣнадцать лѣтъ, именно въ 1588 г., въ которомъ они предсказали еще разъ кончину міра, но... какъ видите, читатель, мы съ вами до сихъ поръ здравствуемъ.

Попытаемся въ общемъ очеркѣ разсказать о нѣкоторыхъ превращеніяхъ, происшедшихъ въ видимомъ мірѣ и замѣченныхъ съ нашей планеты; понятно, что такой очеркъ—неболѣе какъ сла-

бы намекъ на то, что происходитъ ежедневно въ безконечномъ пространствѣ небесъ, но онъ, можетъ быть, будетъ достаточенъ, чтобъ искоренить старый предрасудокъ о кажущейся неподвижности безмолвнаго неба. Наша неотвратимая, впрочемъ, привычка наблюдать міры небеснаго пространства во тьмѣ нашихъ ночей, тишина и безмолвіе, охватывающія насъ въ этой дремотѣ природы и при этомъ снѣ живыхъ существъ, сообщаютъ намъ совершенно ложное впечатлѣніе о картинѣ, которая раскрывается за предѣлами Земли, и мы невольно склоняемся видѣть, что будто и звѣздное небо участвуетъ въ одно время съ нами въ окружающемъ насъ порядкѣ вещей. Но это не болѣе какъ иллюзія нашихъ чувствъ, исчезающая при первомъ прикосновеніи научнаго изслѣдованія. Каждая планета имѣетъ одно полушаріе темное и одно освѣщенное, потому что только одна сторона планеты можетъ въ данное время получать лучи; вотъ почему дни и ночи смѣняются постоянно для всѣхъ точекъ планетнаго шара, слѣдуя вращенію планеты вокругъ своей оси, и потому наша ночь есть не болѣе какъ частный феноменъ, которому совершенно чужда остальная вселенная. Темнота, безмолвіе и тишина принадлежатъ лишь тому мѣсту земной поверхности, въ которомъ мы находимся въ данное время, и не распространяются далѣе. Это не болѣе, какъ земная случайность, неоставляющая никакой тѣни на остальномъ мірѣ. Неизмѣримое небо, населенное мириадами звѣздъ, не становится оттого областью безмолвія и смерти. Инерція неба исчезла вмѣстѣ съ ученіемъ школы перипатетиковъ; его непрерывная подвижность подтверждается изслѣдованіями нашего времени. «Все движется, все видоизмѣняется, все блещетъ жизнью и дѣятельностью» говоритъ г. Фламмарьонъ. «Для пытливаго взора философа—продолжаетъ онъ—отрѣшающагося отъ времени и пространства, вселенная представляется гигантской совокупностью звѣздныхъ системъ, лучезарныя солида которыхъ, сіяющія планеты, пылающія кометы непрерывно пересѣкаются, перемежаются, перемѣщаются одни за другими въ непрестанномъ движеніи по небеснымъ путямъ, влекомыя мировою силою. Тамъ обитаетъ жизнь, но не смерть — дѣятельность, а не покой — свѣтъ, а не врагъ — гармонія, а не безмолвіе — послѣдовательныя превращенія существующихъ вещей, а не неподвижность и инерція».

Чтобы легче обозначить сіяніе звѣздъ, ихъ распредѣлили по порядку величинъ, согласно тому же сіянію. Само-собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ понятіе о величинѣ не прилагается къ разнѣрамъ звѣздъ, которые намъ неизвѣстны, но только къ ихъ кажущемуся блеску, и что вообще звѣзды, кажущіяся намъ наименьшими, слѣдуетъ считать лишь наиболѣе удаленными отъ

нась. Въ обонкъ земныхъ полушаріяхъ насчитываютъ 18 звѣздъ первой величинн, 60—второй и около 200—третьей. Какъ видянь, прогрессія возрастаетъ весьма быстро. Четвертой величинн звѣздъ считаютъ 500, пятой—1400, шестой—4000. Здѣсь пока предѣлъ числу звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ; но числа возрастають далѣе въ томъ же отношеніи, по мѣрѣ того, какъ мы станемъ наблюдать меньшія звѣздныя величины. За шестымъ порядкомъ насчитываютъ еще десять величинъ звѣздъ, но различаемыхъ уже только въ телескопъ. Чтобы составить понятіе о числительномъ возрастаніи этихъ звѣздъ, замѣтимъ, что восьмой величинн насчитываютъ 40,000, девятой—120,000 и десятой—360,000. Прогрессія, между тѣмъ, все продолжается... Араго считалъ 9,566,000 звѣздъ тринадцатой величинн, 28,697,000—четырнадцатой и опредѣлялъ въ 43 мильіона все число звѣздъ всѣхъ величинъ, видимыхъ до четырнадцатой. Звѣздъ шестнадцатой величинн Лалаандъ, Деламбръ и Франкѣръ насчитывали около 75 *милльіоновъ*, различаемыхъ въ самые сильныя телескопы; нѣкоторые астрономы полагають, что число звѣздъ этой величинн доходить до 100 *милльіоновъ*.

Такова числительность видимыхъ намъ звѣздъ, то-есть достаточно близкихъ къ тѣмъ областямъ пространства, въ которыхъ движется нашъ шаръ, чтобы ихъ лучи могли достигъ до насъ.

Значительное число звѣздъ—почти одна изъ сорока—кажущихся простыми невооруженному глазу или въ обыкновенный телескопъ, найдены *двойными*, когда на нихъ были направлены могучіе телескопы Гершеля, Струве и лорда Росса, и тамъ, гдѣ различали сперва лишь одну неподвижную звѣзду, теперь изучають систему двухъ солнць, вращающихся вокругъ одного общаго центра тяготѣнія. Точно такъ же замѣтили существованіе сложныхъ звѣздъ трехъ и четырехъ системныхъ міровъ. Эти системы приводятся въ движеніе точно такъ же, какъ и наша система, силой притяженія, и на каждое изъ составляющихъ ихъ солнць можно смотрѣть какъ на центръ группы планеть, условія обитаемости которыхъ должны быть весьма отличны отъ нашихъ, принимая во вниманіе соприутствіе въ нихъ двухъ или нѣсколькихъ теплородныхъ и свѣтоносныхъ источниковъ и болѣе сложныя комбинаціи ихъ движенія въ пространствѣ. Обращенія этихъ свѣтилъ вокругъ ихъ общаго центра тяготѣнія совершаются въ весьма различные времена, смотря по системамъ; для нѣкоторыхъ необходимо нѣсколько тысячъ лѣтъ. «Эти бинарные группы—говорить г. Фламарионъ—для приближенныхъ къ нимъ міровъ, съ которыхъ могутъ быть наблюдаемы ихъ движенія, должны служить гигантскими звѣздными кадранами, указывающими въковыя періоды, передъ

которыми годы человеческой жизни прошли бы незамѣтно. Можетъ ли кто сомнѣваться, что невѣдомые элементы, которыми природа украсила эти удаленныя звѣзды, что условія существованія, характеризующія планеты этихъ системъ, что образъ дѣйствія космическихъ силъ, тепла и свѣта, сливающихся отъ нѣсколькихъ звѣздъ, что таинственная смѣна дней—безъ ночей, можетъ быть, и безъ опредѣленныхъ временъ года, что присутствіе нѣсколькихъ электрическихъ источниковъ, комбинаціи новыхъ и неизвѣстныхъ намъ цвѣтовъ—кто можетъ сомнѣваться, что совокупное вліяніе всѣхъ этихъ одновременно дѣйствующихъ силъ не вызываетъ на поверхности этихъ мировъ обширную и великолѣпную лѣтвицу жизни, типовъ, непредставляемыхъ для насъ, знающихъ лишь одинъ, удивленный уголокъ вселенной? Можетъ ли кто сомнѣваться, спрашиваемъ, чтобъ гармонія движенія этихъ сферъ, достигающая даже до нашего глаза, длилась бесконечно безъ причинъ и безъ цѣли; кто осмѣлится, наконецъ, утверждать, чтобъ эти громадныя солища созданы были для того лишь, чтобъ вѣчно вращаться одно вокругъ другаго?»

Наибольшая часть видимыхъ нами звѣздъ и именно тѣ, которыя принадлежать къ *Млечному пути* или лежать въ сосѣднихъ ему регионахъ, образуютъ одно цѣлое, одну группу, обозначаемую въ звѣздной астрономіи подъ именемъ *туманнаго пятна*. Наше солнце—а слѣдовательно и Земля съ другими планетами—принадлежитъ и само также къ этой громадной агломерациі звѣздъ, подобныхъ ему—агломерациі, экваторіальныя слои котораго простираются на нашемъ небѣ въ видѣ обширнаго, свѣтащагося пути, обходящаго кругомъ звѣздную сферу; Солнце помѣщается къ срединѣ этого наслоенія звѣздъ, неподалеку отъ того региона, гдѣ это наслоеніе раздваивается на двѣ вѣтви; оно занимаетъ такимъ образомъ центральную часть Млечнаго пути. Еслибы захотѣли узнать, сколько солнць въ одной только этой экваторіальной области, у средины которой мы находимся, скажемъ, что Уильямъ Гершель, совершая эту часть неба при помощи своего большого телескопа, въ короткій промежутокъ четверти часа и на пространствѣ пятнадцати минутъ діаметра (равняющемся четверти кажущейся поверхности солнца), насчиталъ прохожденіе 116,000 звѣздъ; прилагая свои вычисленія къ цѣлому Млечному пути, онъ нашелъ въ немъ не менѣе *восемьдесятъ милліоновъ солнць*. Таково число, даваемое лишь однимъ экваторіальнымъ слоемъ туманнаго пятна, въ которомъ наше Солнце является весьма незначительной единицей, и въ которомъ наша земля и всѣ планеты терются совершенно незамѣтно. Что касается до формы и протяженія этого туманнаго пятна,

то его принимают астрономы какъ груду звѣздъ чечевицеобразную, сплюсненную и изолированную со всѣхъ сторонъ, *въ длину отъ семи до восьмисотъ разъ болѣе разстоянія Сириуса отъ Солнца*, которое равняется 1,373,000 радіусамъ земной орбиты, слѣдовательно, 31,440,000,000,000 миль!!

«Естественно, что эта звѣздоносная область намъ кажется — замѣчать г. Фламмарьонъ—болѣе богатою солнцами, чѣмъ наши земляныя мины кусками желѣза и каменнаго угля; эта безмѣрная громада звѣздъ намъ представляется прекраснѣйшимъ богатствомъ творенія, чтобъ не сказать всецѣлымъ твореніемъ; однакоже наше сужденіе въ этомъ случаѣ есть только результатъ привычки все прикидывать къ скуднымъ размѣрамъ нашего маленькаго міра. Это—иллюзія, отъ которой слѣдуетъ отрѣшиться, признавъ, что наше туманное пятно далеко не единственное въ мірѣ, что оно лишь скромный спутникъ множества другихъ, не менѣе великолѣпныхъ, которыя такъ же блистательно, а можетъ быть, и еще блистательнѣе озаряютъ другіе регіоны зѣпра. Въ небесномъ пространствѣ весьма много млечныхъ путей, подобныхъ нашему, удаленныхъ отъ насъ на такое разстояніе, что мы не можемъ различать ихъ невооруженнымъ глазомъ. Если бы спросили, на какое разстояніе долженъ быть перенесенъ нашъ млечный путь отсюда, чтобъ представить намъ картину обыкновеннаго туманнаго пятна, то Араго отвѣчаетъ, что для этого слѣдовало бы нашъ млечный путь удалить на разстояніе, равное 334 его длинамъ. Но это такая длина, что свѣтъ употребляетъ не менѣе 15,000 лѣтъ, чтобъ пробѣжать ее. На разстояніи, въ 334 раза болшемъ этого протяженія, намъ представилось бы наше туманное пятно подъ угломъ въ 10 минутъ и свѣтъ, чтобъ достигнуть отъ него до насъ, употребилъ бы $334 \times 15,000$ или *5,010,000 лѣтъ!*»

Пространство усѣяно туманными пятнами, такъ удаленными отъ нашего, несмотря притомъ на неизмѣримыя занимаемыя ими протяженія, что свѣтъ составляющихъ ихъ солнцъ можетъ достигнуть до насъ только миллионы лѣтъ спустя непрерывнаго стремленія по 42,000 миль въ секунду, и что самыя усовершенствованныя телескопы открываютъ намъ ихъ въ видѣ блѣватыхъ отблесковъ, едва мерцающихъ въ неизмѣримыхъ глубинахъ пространства.

«Когда мы припомнимъ численность звѣздъ, ихъ взаимныя разстоянія, протяженія туманныхъ пятенъ и также ихъ взаимное разстояніе; когда за этими мірами непрерывно открываются новыя міры, и даже за этими еще новыя свѣтила принимаютъ бесконечно къ предъидущимъ; когда предъ нами, атона-

ни, раскрывается безконечность... чувствуешь — говорить Фламмарьонъ — содраганіе въ глубинѣ души и невольно спрашиваешь себя съ навивнымъ и трепетнымъ любопытствомъ: «Что же такое эта вселенная, которая лишь становится громадной по мѣрѣ того, какъ расширяются наши представленія, и которая, если мы исчерпаемъ всѣ доступныя намъ ряды чиселъ для выраженія ея величины, оказывается попрежнему недоступной предѣлу и всѣ приближенія наши къ уясненію ея размѣровъ поглощаетъ, какъ океанъ брошенную въ него песчинку? Границы существуютъ лишь въ нашемъ умѣ; пространство не можетъ ихъ терять».

Мы достаточно уже познакомились съ результатами астрономическихкихъ изслѣдованій окружающихъ насъ мировъ, по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько дають намъ для того средствъ наука чиселъ и величинъ и оптика. И это изученіе, какъ оно ни ограничено, однакожь дозволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько выводовъ, весьма простыхъ и скромныхъ, но тѣмъ не менѣе ненуждающихся ни въ какихъ дополнительныхъ, громкихъ фразахъ, именно: мы знаемъ, что видимыя нами свѣтящіеся міры суть лишь солнца, одинаковыя или даже превосходящія насъ по размѣрамъ, свѣтоносной и теплопроводной силѣ; принадлежащія къ этимъ свѣтлашъ планетныя системы, подобныя нашей солнечной, остаются невидимыми для наблюдателя земли, точно такъ же, какъ и всякой другой планеты, по простому физическому закону ихъ вращенія вокругъ центра системы; стоитъ мысленно хотя перемѣститься на планету другой системы, чтобъ обитаемый нами шаръ *пропалъ безслѣдно для насъ въ безконечности*. Наше туманное пятно, такъ называемый млечный путь, эта громада мировъ, плавающихъ въ пространствѣ, можетъ казаться *едва доступнымъ зрѣнію блловатымъ пятнышкомъ*.

Какая же должна быть роль нашей планеты въ этихъ недоступныхъ представленію человѣческаго ума пучинахъ пространства?

Возратимся же къ болѣе доступному нашимъ представленіямъ міру нашей солнечной системы, и приступимъ къ сравнительному изученію ея планетъ, что дастъ намъ возможность изслѣдовать и обсудить условія обитаемости и необитаемости каждаго изъ планетныхъ мировъ. Глава, посвящаемая г. Фламмарьономъ этому предмету, составляетъ, по нашему мнѣнію, зерно всей его книги, и нагляднѣй всего знакомитъ съ положеніемъ и значеніемъ Земли въ солнечной системѣ.

Ограничивая пока данными науки число мировъ нашей системы, мы видимъ, что Земля занимаетъ по порядку отъ центра къ периферіи системы третье мѣсто (изъ девяти), принимая асте-

ронды за одну планету, и что, слѣдовательно, она не отличается ни близостию, ни удаленностию, ни среднимъ разстояніемъ отъ Солнца; она *столько* далѣе отъ Солнца, чѣмъ Меркурій, и въ *тридцать-шесть* разъ ближе къ нему, чѣмъ Нептунъ; точно такъ же она не находится и посрединѣ принимаемаго радіуса системы, потому что эта середина упадетъ между орбитами Сатурна и Урана. Отсюда мы заключаемъ, что съ этой первой точки зрѣнія Земля ничѣмъ не отличена предъ другими планетами.

Если мы посмотримъ теперь на количества тепла и свѣта, получаемыя планетными мірами отъ Солнца, то зная, что при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, напряженность свѣта и тепла измѣняется въ обратномъ отношеніи къ квадратамъ разстояній, и принимая Землю за точку сравненія, найдемъ, что Меркурій получаетъ въ 7 разъ болѣе свѣта и тепла, чѣмъ нашъ шаръ, Венера въ 2 раза, Марсъ на половину менѣе, астероиды въ 7 разъ менѣе, Юпитеръ въ 27 разъ менѣе, Сатурнъ въ 90 разъ менѣе, Уранъ въ 365 разъ менѣе и, наконецъ, Нептунъ въ 1300 разъ менѣе.

Эти относительныя разстоянія планетъ отъ свѣтоноснаго источника, по отношенію къ которымъ Земля не пользуется никакой привилегіей, опредѣляютъ постепенное уменьшеніе температуръ ихъ поверхности, начиная съ Меркурія и до Нептуна. Со времени знаменитыхъ трудовъ Фурье, мы знаемъ, что внутреннее тепло нашей планеты, какъ бы высока ни была степень его напряженности, имѣетъ лишь весьма слабое вліяніе на термическое состояніе ея поверхности, относительно вліянія Солнца. Современная намъ математическая теорія тепла не допускаетъ думать, чтобъ центральный огонь имѣлъ исключительное вліяніе на температуру охлажденной коры. Существованіе высокой температуры внутри Земли и центрального огня узнается чрезъ постепенное возрастаніе тепла отъ поверхности къ центру нашей планеты, которое не могло бы никакимъ образомъ существовать, еслибы только одно Солнце дѣйствовало на земной шаръ. Когда разъ было доказано существованіе внутренняго тепла, можно было опредѣлить его вліяніе на поверхность почвы, измѣряя степень легкости, съ которою слои, расположенные непосредственно подъ почвой, пропускаютъ чрезъ себя это тепло; но всѣ многочисленныя наблюденія въ этомъ отношеніи указали, что вліяніе центрального тепла въ настоящую эпоху существованія нашей планеты почти ничтожно на ея поверхность.

Въ первобытную эпоху образованія Земли, внутренняя температура ея не могла имѣть никакого сравненія съ той, которую

мы замѣчаемъ въ ея историческія времена. Отношеніе, открытое между долготой дня и тепломъ земнаго шара, говоритъ намъ, что при уменьшеніи объема Земли отъ охлажденія ея массы, всякое пониженіе температуры соотвѣтствовало бы приращенію скорости вращенія; но согласно астрономическимъ наблюденіямъ, со временъ Гиппарха, то-есть за 2000 лѣтъ до насъ, долгота дня не уменьшилась на одну сотую секунды, что даетъ возможность утверждать, что средняя температура земнаго шара не измѣнилась за двѣ тысячи лѣтъ на $\frac{1}{170}$ градуса. Впрочемъ, можетъ уже доказано, что Земля не охладится на замѣтное количество въ теченіе 1,280,000 лѣтъ.

Эти выводы, найденные на основаніи опытовъ, сдѣланныхъ на нашей планетѣ, могутъ быть примѣнены и къ другимъ планетамъ нашей системы, такъ-какъ все доказываетъ, что онѣ имѣютъ общее съ земнымъ шаромъ происхожденіе. Преобладающая причина тепла на поверхности планетъ зависитъ отъ ихъ относительныхъ разстояній отъ дневнаго свѣтила. Не слѣдуетъ терять, однакоже, изъ виду, что наши опредѣленія исполнѣ прилагаются лишь къ одному земному шару: весьма возможно, что на нѣкоторыхъ планетахъ, центральный огонь оказываетъ еще могущественное дѣйствіе на органическіе феномены, совершающіеся на ихъ поверхности; точно такъ же на другихъ планетахъ, органическая жизнь едва лишь начинаетъ обнаруживаться и «человѣкъ еще не явился на нихъ», говоритъ г. Фламмарьонъ. Для разрѣшенія вопроса о степени тепла на поверхности планетъ, намъ потребовались бы чрезвычайно сложныя данныя, которыми мы, по всей вѣроятности, никогда не будемъ обладать, но г. Фламмарьонъ, полагая, что «всемогущая природа (*) въ силахъ вызвать къ жизни существа, организованнаго соотвѣтственно нормальному состоянію планеты», думаетъ, что и въ этомъ отношеніи нашъ земной міръ ничѣмъ не отличенъ отъ другихъ планетныхъ мировъ.

Если мы посмотримъ на планетныхъ спутниковъ, какъ на тѣла, расположенныя въ небѣ не только чтобъ освѣщать ночи, но и опредѣлять приливъ и отливъ океана и атмосферы, метеорическія явленія, то замѣтимъ, что нѣкоторыя планеты имѣютъ до восьми спутниковъ, и что Земля въ этомъ отношеніи не имѣетъ никакой привилегіи. Приверженцы конечныхъ причинъ, замѣчаетъ при этомъ г. Фламмарьонъ, упираютъ въ особенности на то, что если-

(*) Опасаясь упрека въ пантеизмъ, г. Фламмарьонъ спѣшитъ оговориться, что понимаетъ онъ подъ словомъ *природа*: «Мы смотримъ на природу, то-есть, на всемірность созданныхъ вещей и управляющіе ими законы, говоритъ онъ, какъ на *выраженіе божественной воли*».

бы луна и другіе спутники не оказывали нѣкоторыхъ услугъ своимъ планетамъ, ихъ существованіе не имѣло бы никакой цѣли, никакого *raison d'être*. «Замѣтимъ, что этотъ аргументъ можетъ быть съ большою выгодною обращенъ противу выставляющихъ его. Въ самомъ дѣлѣ, обитатели этихъ малыхъ міровъ имѣютъ болѣе очевидное право считать себя привилегированными, и утверждать, что Земля и другія планеты, отражающія на нихъ значительно болѣе свѣта, созданы нарочно для того, чтобъ освѣщать ихъ долгія ночи; этотъ взглядъ тѣмъ болѣе основателенъ, что по пространству отраженія планеты превосходятъ своихъ спутниковъ. Земля, напримѣръ, посылаетъ въ 13 разъ болѣе свѣта на Луну, чѣмъ получаетъ отъ нея; разница эта для Сатурна, Урана и Юпитера еще значительнѣе, несмотря на число ихъ спутниковъ. Съ какой бы стороны мы ни взглянули на этотъ вопросъ, Земля поставлена не только въ менѣе благопріятныя условія противъ другихъ планетъ, но даже и самихъ планетныхъ спутниковъ. Замѣтимъ, вмѣстѣ съ Араго, сторонникамъ конечныхъ цѣлей, что для удовлетворенія ихъ взглядовъ, необходимо слѣдовало бы, чтобъ планеты имѣли тѣмъ болѣе спутниковъ для своихъ послугъ, чѣмъ далѣе онѣ удалены отъ Солнца, чего на дѣлѣ нѣтъ; вмѣстѣ съ Лапласомъ — что для безпрерывнаго освѣщенія ночей нашего міра, слѣдовало бы, чтобъ Луна, всегда на противостояніи и на разстояніи, четверо большею противъ того, на которомъ она теперь находится отъ Земли, совершала бы свое движеніе по орбитѣ, обнимающей земную, и въ той же плоскости, чего нѣтъ и не можетъ быть; съ Огюсть Контомъ — что лучше всего для этой цѣли было бы имѣть двухъ спутниковъ, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобъ восхожденіе одного совпадало съ захожденіемъ другаго, что имѣло бы мѣсто, еслибы оба эти спутника обращались по одной орбитѣ, оставаясь постоянно удаленными одинъ отъ другаго на 180° долготы, чего также нѣтъ. На наши глаза Луна имѣетъ другое назначеніе, чѣмъ пустынно вращаться вокругъ нашего шара. Или она обитаема, или была обитаема, или будетъ обитаема. Хотя телескопъ показываетъ намъ пустынность на видимомъ полушаріи Луны — это фактъ наблюденія, правда; но этотъ фактъ нисколько не уполномочиваетъ насъ отрицать, точно такъ же какъ и утверждать что-либо положительнымъ образомъ при настоящемъ состояніи нашихъ знаній. Еслибы даже было достовѣрно доказано, что на поверхности этого полушарія совсѣмъ нѣтъ атмосферы, и слѣдовательно и никакой жидкости, это еще никимъ образомъ не давало бы намъ права заключать о необитаемости спутника. Почти половина его поверхности совершенно скрыта отъ насъ, и останется навсегда неиз-

вѣстной намъ». Такъ думаетъ г. Фламмарьонъ о вопросѣ обитаемости Луны и спутниковъ.

Онъ не отрицаетъ, впрочемъ, тѣхъ выгодъ, которыя доставляютъ планетамъ ихъ спутники. Луна весьма полезна для Земли и по отношенію къ небесной механикѣ, для колебательныхъ движеній земнаго шара, и по отношенію къ звѣздной жизни планеты; полезна и для ея обитателей, по освѣщенію ихъ ночей и по вліяніямъ, которыхъ не успѣли еще пока точно опредѣлить на экономію земныхъ существъ, растений и животныхъ. Нашъ авторъ думаетъ лишь, что было бы странной претензіей утверждать, что мы составляемъ единственную цѣль созданія Луны, и чтобъ этотъ спутникъ, «на которомъ были распределены извѣстныя біологическія условія, значительно превосходитъ тѣхъ, которыми надѣлена Земля», не имѣлъ передъ собою другихъ перспективъ бытія, какъ постоянное безплодіе и вѣчную смерть. Каковы именно были эти біологическія условія Луны, которыя *превосходимы* извѣстныя намъ земныя—авторъ не говоритъ объ этомъ ни слова, по крайней мѣрѣ онъ не приводитъ ни одного научнаго факта, кромѣ опредѣленія количества получаемаго Луною отъ Земли отраженнаго свѣта, превосходящаго количество того же свѣта, получаемаго Землею отъ своего спутника. Намъ кажется болѣе научнымъ признаться, что пока мы вовсе ничего еще не знаемъ о біологическихъ условіяхъ нашего спутника. Телескопическія наблюденія, которымъ подвергали до сихъ поръ лунную поверхность, дали нѣсколько безспорныхъ фактовъ о существованіи на ней чрезвычайно высокихъ и крутыхъ горъ и глубокихъ пропастей, послѣдовательно обозначавшихся на лунной поверхности блестящими и темными пятнами, но не дали никакой возможности предполагать тамъ атмосферу, по крайней мѣрѣ, въ придаваемомъ нами этому слову значеніи. Г. Фламмарьонъ полагаетъ, что невидимая намъ полусфера Луны *можетъ* изобиловать всей роскошью органической жизни. Это можетъ быть, но можетъ и не быть. Со временъ Уильяма Гершеля, господствовало же мнѣніе объ обитаемости Солнца, но послѣдніе труды по астрономической физикѣ, какъ сознается и самъ г. Фламмарьонъ, совершенно не допускаютъ насъ принять эту гипотезу.

Обращаясь къ вопросу о существованіи атмосферъ на поверхности планетъ, г. Фламмарьонъ полагаетъ, что и въ этомъ отношеніи нашъ міръ не имѣетъ никакого преимущества; за исключеніемъ небольшой планеты Весты и «можетъ быть» также нашей Луны, всѣ міры, къ которымъ могли быть примѣнены астрономическія изслѣдованія, найдены окруженными атмосферой. Ея существованіе на Венерѣ указываютъ сумеречные феномены и об-

лачныя пятна; на Марсѣ — туманы, поднимающіеся «надъ морями и идущіе освѣжить континенты»; на Юпитерѣ и Сатурнѣ — подобныя же туманы, пробѣгающіе съ обѣихъ сторонъ экватора и прорѣзывающіе блестящими полосами оба полушарія этихъ планетъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что говоря объ атмосферѣ планетъ, г. Фламмарьонъ не подразумеваетъ при этомъ *воздухъ* и *воду*. Онъ говоритъ, что ничто не доказываетъ, чтобъ планетныя жидкости или газы имѣли химическій составъ, подобный составу жидкостей и газовъ земнаго шара. Напротивъ, онъ того мнѣнія, что планетныя жидкости и газы существенно разнятся по составу отъ нашихъ, потому что во время ихъ образованія они находились въ условіяхъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя имѣли мѣсто при образованіи ихъ на Землѣ.

Заключая свой разборъ вопроса объ атмосферахъ, г-нъ Фламмарьонъ прибавляетъ, что если извѣстныя намъ физико-астрономическія средства и не открываютъ присутствія атмосферы на какомъ нибудь планетномъ шарѣ, то отсюда мы еще не можемъ заключать, что на этомъ шарѣ нѣтъ атмосферы. «Если мы примемъ въ соображеніе небольшіе размѣры нашего спутника и его вѣроатную природу, то согласимся, что онъ можетъ быть покрытъ атмосферой, высота которой значительно менѣе сравнительно съ высотой нашей атмосферы и что эта атмосфера можетъ наполнять низменность этого міра, далеко не достигая вершинъ его гигантскихъ горъ.»

Разсматривая отношенія планетъ солнечной системы между собою по объемамъ и величинамъ поверхностей, мы также увидимъ, что Земля ничѣмъ не отличается и въ этомъ отношеніи отъ другихъ планетъ. Объемъ Марса, напримѣръ, въ семь разъ превосходитъ объемъ Земли, и въ то время, какъ діаметръ этой послѣдней равняется 1719 милямъ, діаметръ Сатурна простирается до 15,509 миль, а Юпитера до 19,251 мили. Кругосвѣтное плаваніе, оканчивающееся вокругъ Земли въ три года, продолжится при равныхъ обстоятельствахъ 28 лѣтъ вокругъ Сатурна, около 35 лѣтъ вокругъ Юпитера и болѣе 110 лѣтъ вокругъ Солнца.

Сравненія планетъ нашей системы по плотностямъ и массамъ также подтверждаютъ мнѣніе, что Земля не награждена никакимъ выдающимся преимуществомъ въ этомъ смыслѣ предъ другими своими братьями. Плотность Солнца нѣсколько болѣе плотности нашего каменнаго угля, а плотность Меркурія немного меньше плотности золота. Плотность Венеры и Земли равняется окиси магнитнаго желѣза; Марсѣ по плотности равняется восточному рубину; Юпитеръ нѣсколько тяжелѣе дуба; на поверхности нашей воды эта планета плавала бы, какъ кусокъ дерева;

Уранъ имѣетъ плотность лигнита (ископаемый бурый уголь), а Нептунъ—плотность бука. Такимъ образомъ, принимая плотность Земли за единицу, мы видимъ, что наименьшая плотность нашей системы (именно Сатурна) въ семь разъ менѣ плотности Земли и наибольшая плотность (Меркурія) въ три раза значительнѣе плотности земнаго шара.

Чрезвычайно интересное изслѣдованіе явленій тяжести на поверхности различныхъ планетъ нашей системы показываетъ намъ, что на Солнцѣ тѣла вѣсятъ въ двадцать-девять разъ болѣе, а на Марсѣ вполонину менѣе, чѣмъ на Землѣ. Слѣдовательно тѣло, пробѣгающее 4,90 метра въ первую секунду паденія на земной поверхности, пробѣгаетъ въ то же время 143,91 метръ на Солнцѣ и только 2,16 метра на Марсѣ. Это—два крайнихъ предѣла дѣйствія тяжести на поверхности планетъ нашей системы. Что касается до сравнительнаго вѣса тѣлъ, то на Меркуріѣ этотъ вѣсъ нѣсколько значительнѣе, чѣмъ на Землѣ, на Венерѣ—нѣсколько менѣе. На Юпитерѣ онъ въ три раза сильнѣе нашего; на Сатурнѣ, Уранѣ и Нептунѣ онъ весьма мало отличается отъ земнаго. Человѣкъ, вѣсящій на землѣ среднимъ числомъ 130 фунтовъ или немного болѣе 3 пуд., на Юпитерѣ вѣсилъ бы 1,520 фун. или 38 пудовъ, еслибъ масса этой планеты была однородна съ массой Земли; но какъ при громадной величинѣ, Юпитеръ вѣситъ всего въ 338 разъ болѣе Земли, а потому и дѣйствительный вѣсъ человѣка на этой планетѣ долженъ быть 360 фунт. или 9 пудовъ.

Плотность планетъ и вѣсъ тѣлъ на ихъ поверхности представляютъ безспорно весьма важные элементы между аналогіями, по которымъ мы судимъ о сходствѣ различныхъ планетъ съ Землею. Всѣ организованныя существа сформированы сообразно отношенію этой тяжести къ ихъ образу жизни; для всѣхъ нихъ необходима извѣстная сумма тѣлесной силы. Эта сила у животныхъ соответствуетъ ихъ величинѣ, вѣсу, образу перемѣщенія и количеству движенія, которое они расходуютъ въ обыкновенныхъ жизненныхъ отправленіяхъ; еще болѣе она стоитъ въ прямомъ отношеніи къ ихъ возможнымъ потребностямъ и составляетъ для нихъ какъ-бы вспомогательную силу при ихъ защитѣ, трудѣ, вездѣ, гдѣ требуется раскрыть наибольшую сумму дѣятельности. Та же сила необходима и для растений, для того, чтобъ они могли выносить собственный вѣсъ и противостоять ударамъ извнѣ, которыми они подвержены со всѣхъ сторонъ. Но эта тѣлесная сила въ соотношеніи съ тяжестью зависитъ главнымъ образомъ отъ силы притяженія планетнаго шара. Отношеніе, которое существуетъ между силой и вѣсомъ животныхъ и растений, есть, слѣ-

довательно, результат осмысленной комбинации между силой организмовъ и плотностью шара, на которомъ они живутъ; малѣйшая неправильность въ этомъ соотношеніи нарушила бы видимый порядокъ и вызвала бы хаосъ тамъ, гдѣ существуетъ гармонія. Сила тяжести, дѣйствующая въ различной степени на планетахъ, указываетъ поэтому на большое разнообразіе возможныхъ на нихъ существъ и такъ-какъ земные организмы стоятъ въ гармоніи съ этой силой, зависящей отъ совершенно случайнаго состоянія матеріи, мы должны заключать, что природа не была несколько затруднена, чтобъ вызвать на другихъ планетахъ къ жизни существа, строеніе которыхъ точно также должно быть въ гармоніи съ той же самой силой тяжести на обитаемыхъ ими мірахъ. Тамъ, гдѣ тяжесть значительно разнится отъ земной тяжести, существа должны въ этой же степени разниться по своей энергіи отъ земныхъ. На нашихъ континентахъ не могутъ существовать животныя громаднѣе слона, такъ-какъ въ этомъ случаѣ дѣятельность мускульныхъ силъ, не приращаясь въ пропорціи съ увеличеніемъ вѣса, оказалась бы недостаточной для движенія болѣе огромныхъ массъ.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ сравнительнаго изученія планетныхъ міровъ нашей системы, г. Фламмарьонъ выводитъ заключеніе, что ни вся система, ни одна изъ составляющихъ ее планетъ въ частности не могли быть созданы для послужныхъ отношеній къ обитателямъ нашего скромнаго міра, который природа не надѣляла никакимъ особымъ преимуществомъ предъ другими. Припомнимъ, что Сатурнъ и Юпитеръ, несмотря на ихъ сравнительную слабость относительно плотностей, вѣсятъ: первый—во 100 разъ, второй—въ 338 разъ болѣе Земли; точно такъ же и другія планеты превосходятъ нашу по вѣсу какъ и по объему, но что однако, всѣ эти огромныя массы, *взятая вѣзть*, составляютъ не болѣе *одной семисотой* части вѣса Солнца. Одинъ геометръ (*), желая дать намъ приблизительное понятіе о земной массѣ, вычислилъ, что потребовалось бы 10 миллиардовъ упряжекъ, каждая въ 10 миллиардовъ лошадей, чтобъ повезти нашъ шаръ земной по почвѣ, подобной почвѣ нашихъ обыкновенныхъ дорогъ. Г. Фламмарьонъ, примѣняя тотъ же приемъ къ Солнцу, вычисляетъ, что для перевозки его потребовалась бы сила, которая можетъ быть выражена 3,550,000 предъидущихъ упряжекъ. Чтобъ уравнивъ наше Солнце на чашкѣ вѣсовъ, слѣдовало бы положить на другую чашку *триста пятьдесятъ тысячъ земныхъ шаровъ!*

Эти цифры убѣдительно всего говорятъ намъ о нашей скромной роли въ мірозданіи.

(*) Франкёръ: *Uranographie*.

Съ астрономической точки зрѣнія, Земля, какъ мы видѣли, не пользуется никакой привилегіей относительно другихъ планетъ, которыя представляютъ своего рода условія для обитаемости. Но дѣйствительно ли эти условія существуютъ для нихъ и съ физиологической точки зрѣнія? Этому вопросу г. Фламмарьонъ посвящаетъ особую книгу. Всѣ его доказательства основываются здѣсь на томъ началѣ, что жизнь видоизмѣняется согласно ея силамъ, но никогда не затѣивается въ элементахъ матеріи. Онъ объясняетъ разнообразіе мировой жизни, указывая на чрезвычайное различіе произведеній нашей планеты и на видоизмѣняемость ихъ сообразно измѣняемости среды и жизненныхъ началъ. Въ подтвержденіе этого положенія, физиологія земныхъ организмовъ представляетъ намъ дѣйствительно весьма много громкихъ доказательствъ. Мы видимъ чрезвычайное множество видовъ водныхъ животныхъ, существующихъ совершенно несовмѣстимо съ существованіемъ всѣхъ другихъ созданій земнаго шара (Кювье); амфибіи живутъ въ атмосферѣ, смертельной для человѣка и для высшихъ животныхъ (А. Гумбольдтъ). По отношенію примѣняемости организмовъ къ свѣту точно такъ же: глазъ кондоровъ и орловъ, живущихъ въ высшихъ слояхъ воздуха, выносятъ ослѣпительную бѣлизну снѣговыхъ горныхъ вершинъ, точно такъ же какъ и прямой свѣтъ солнца (Ленорманъ). Въ Америкѣ, неподалеку отъ большихъ рѣкъ, встрѣчаются иногда подземныя озера, куда никогда не проникали солнечныя лучи, гдѣ царствуетъ постоянный, глубочайшій мракъ. Рыбамъ, живущимъ въ этихъ озерахъ, органъ зрѣнія былъ бы совершенно бесполезенъ и онѣ дѣйствительно его потеряли; на чешуйчатой кожѣ у нихъ сохранились однѣ лишь тускляя выпуклости тамъ, гдѣ у одноименныхъ имъ видовъ находится глаза, точно природа написала на этихъ выпуклостяхъ: «Здѣсь бывають глаза у тѣхъ, кто имѣеть въ нихъ нужду» (Бю). Самъ человѣкъ представляетъ въ этомъ отношеніи поучительные примѣры: г. Фламмарьонъ приводитъ въ доказательство одного арестанта Бастилія, который былъ заключенъ сорокъ лѣтъ въ подземельѣ. Кажется, онъ не могъ имѣть никакого сообщенія со свѣтомъ, но успѣлъ достигнуть искусства не только писать, но и читать въ темнотѣ. Однакожъ, глаза его сдѣлались до такой степени впечатлительными, что когда его освободили изъ заключенія, онъ сталъ просить какъ милости позволенія возвратиться въ свой казематъ, потому что для него сдѣлалось невозможнымъ вновь привыкать къ дневному свѣту. Еще примѣръ такъ же замѣчательный какъ и предъидущій, представляетъ широкая водная плоскость подземной воды переменнаго уровня, которая наполняетъ

Циркницкое озеро въ Кордіоліи. Эта поверхность обыкновенно поднимается во время дождей и выпускает наружу рыбъ и живыхъ утокъ. Въ тотъ моментъ, когда приливающая вода выгонитъ ихъ изъ разсѣлинъ почвы, эти утки являются совершенно слѣпными и почти совсѣмъ голыми. Способность зрѣнія возвращается къ нимъ довольно скоро, но необходимо время по крайней мѣрѣ трехъ недѣль, чтобъ у нихъ выросли перья и дали возможность летать. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Джироламо Агапито, также подтверждаетъ, что на сказанномъ озерѣ водятся утки слѣпныя и безперныя: *anitre senza piume e cicche*.

То же положеніе подтверждается и по отношенію къ вліанію климатовъ, тяжести, атмосфернаго давленія и тавъ далѣе. Мы знаемъ, что нѣкоторыя инфузоріи не знаютъ ни тепла, ни холода, что виды ихъ, живущіе въ Китаѣ и Японіи, были найдены въ Балтійскомъ морѣ (Дж. Россъ); діатомеи, которыми кишатъ теплыя источники Канады, являются также въ полярныхъ странахъ; живущіе на поверхности моря, были найдены помощью зонда на глубинѣ 1800 футовъ, гдѣ подвергались давленію 60 атмосферъ (Циммерманъ). Вообще же природа доказываетъ намъ на каждомъ шагѣ, что въ ней нѣтъ *безусловныхъ* холода, тепла, свѣта, тьмы, что въ ней все лишь относительно, то-есть въ гармоніи. «Когда возражають намъ—говоритъ г. Фламмарьонъ—что на извѣстныхъ планетахъ вода можетъ существовать лишь въ видѣ паровъ, а на другихъ—лишь въ видѣ льда или снѣга; что на однихъ минералы должны быть въ расплавленномъ состояніи и на другихъ въ состояніи такой твердости, что искусство и земледѣліе на нихъ невозможны, и тысячи другихъ возраженій въ томъ же родѣ—мы замѣтимъ на нихъ только, что всѣ эти доводы могутъ имѣть значеніе для земныхъ элементовъ, перенесенныхъ на эти другіе міры, и потому не имѣють никакого научнаго значенія».

Наконецъ г. Фламмарьонъ ищетъ послѣднихъ доводовъ своему положенію объ извѣстной солидарности планетныхъ міровъ между собою и необходимой обитаемости ихъ въ результатахъ спектральнаго анализа и разложенія аеролитовъ.

Спектральный анализъ указалъ намъ въ свѣтовомъ спектрѣ планетъ тѣ же цвѣта и тѣ же черныя промежуточныя полосы, какъ и въ солнечномъ спектрѣ; откуда мы можемъ заключить, что планеты обладаютъ элементами, которые входятъ и въ составъ Солнца. Мы знаемъ уже, что на Солнцѣ существуютъ желѣзо, натрій, магній, хромъ, никкель, мѣдь; но на немъ нѣтъ золота, серебра, олова, свинца, кадмія и ртути. Предвидя возраженіе, г. Фламмарьонъ предупреждаетъ его, говоря, что докажетъ ли намъ спектраль-

ный анализъ звѣздныхъ лучей существованіе на другихъ звѣздахъ элементовъ, подобныхъ составляющимъ наше Солнце и наши планеты, или же онъ укажетъ на великое разнообразіе въ элементахъ, это нисколько не должно умалать въ насъ убѣжденія, что звѣзды или, лучше сказать, вращающіяся вокругъ нихъ планеты, «обладають элементами, которые дали начало организмамъ сообразно относительному состоянію этихъ мировъ, какова бы ни была разница, раздѣляющая ихъ строеніе отъ нашего». Г. Фламмарьонъ развиваетъ до крайнихъ предѣловъ избранное имъ положеніе объ относительномъ значеніи всего существующаго. По его мнѣнію, даже отсутствіе атмосферы на поверхности какаго-либо міра, а потому и отсутствіе жидкостей, не ведетъ *необходимо* къ заключенію о невозможности жизни. «Неужели же природа бессильна создать существа по инымъ образцамъ, кромѣ тѣхъ, которые существуютъ на землѣ?» спрашиваетъ онъ. «Какая глупость предполагать, что безъ извѣстнаго числа паевъ кислорода и азота, всемогущая природа не умѣла породить ни животной, ни растительной жизни, или, лучше сказать, не умѣла вызвать чего-либо помимо нашихъ земныхъ трехъ царствъ».

Возможность предполагать обитаемость другихъ планетъ подтверждаетъ еще и анализъ метеорическихъ камней или аэролитовъ. Въ нихъ найдены были желѣзо, никель, кобальтъ, мѣдь и такъ далѣе, почти цѣлая *треть* извѣстныхъ намъ простыхъ элементовъ. Но самый замѣчательный, конечно, фактъ, въ этомъ случаѣ тотъ, что при обработкѣ кислотами метеорического желѣза, г. Рейхенбахъ (*) открылъ въ немъ *углеродистое жемцо* (графитъ). *Presse scientifique des Deux Mondes* выражается такъ объ этомъ открытіи: «эти осколки (планетные) заключаютъ въ себѣ не только обыкновенные металлы и металлоиды, но и *уголь*, то-есть простое тѣло, происхожденіе котораго мы всегда можемъ отнести къ существованію организмовъ, и которое должно было быть оживотворено» (**).

Всѣ научные доводы г. Фламмарьона, приведенные нами выше, составляютъ, по нашему мнѣнію, лучшую и существенную часть его книги. Въ ней онъ сгруппировалъ и, слѣдуетъ сознаться, весьма искусно и наглядно, всѣ данныя естествознанія въ подтвержденіе своего положенія о множествахъ обитаемыхъ мировъ. Мы далеко не воспользовались всѣми доводами и соображеніями автора, какъ напримѣръ, о частныхъ условіяхъ обитаемости планетъ нашей системы и о ихъ іерархическомъ порядкѣ въ системѣ.

(*) Поггендорфа *Annalen*.

(**) *Pres. scient.* 1862 г. 1-го октября. Ст. де-Фонвьелли.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о г. Фламмарьонѣ. Большой сторонникъ всеобщей относительности въ физическихъ условіяхъ быта, онъ полагаетъ однако совершенно необходимымъ для всеобщаго міроваго единства безусловныя нравственныя начала. «Для того, чтобъ существовало нравственное единство—говоритъ онъ—необходимо, чтобъ всѣ умы были соединены неразрывными связями съ верховнымъ умомъ». Всѣ нравственныя представленія, напримеръ, о прекрасномъ, истинномъ, благомъ существуютъ неизгладимо въ насъ, прирождены намъ, имѣютъ безусловный, неизбѣжный характеръ.

«Всемирныя истины—говоритъ г. Фламмарьонъ—имѣютъ тотъ отличительный характеръ, что существуютъ необходимо, независимо отъ насъ, и не могутъ быть подвержены никакому извращенію, съ какою бы то ни было стороны. Это—непогибающія аксіомы. Нашъ разумъ прозрѣваетъ ихъ, но не изобрѣтаетъ; онъ находитъ ихъ, но не формируетъ; и если не всѣ люди въ состояніи въ одинаковой степени воспринять ихъ, это потому, что не всѣ люди стоятъ одинаково высоко въ нравственномъ и умственномъ порядкѣ»...

На тѣхъ мірахъ, гдѣ безусловныя всеобщія начала правды, прекраснаго царствуютъ нераздѣльно, тамъ разумныя существа прошли уже горнило испытанія, по мнѣнію нашего автора, и тамъ они приблизились къ послѣднему совершенству. Землю г. Фламмарьонъ отодвигаетъ въ послѣдніе ряды планетно-нравственной іерархіи, за то, что на ней преобладаетъ царство плоти, а не лучшихъ стремленій духовныхъ. Но плоть наша, какъ доказалъ самъ г. Фламмарьонъ, вполне зависитъ отъ физическихъ условій обитаемаго нами шара, который занимаетъ и по физическимъ условіямъ для обитаемости весьма незавидное въ солнечной системѣ мѣсто.

Н. Х.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

VII.

ДРУЖЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Отношенія между мистеромъ Бофиномъ и его литературнымъ человѣкомъ, мистеромъ Сайласомъ Вегомъ; нѣсколько измѣнились съ перемѣной въ образѣ жизни мистера Бофина, такъ что римская имперія теперь чаще падала и уничтожалась по утрамъ въ великосвѣтскомъ домѣ, чѣмъ по вечерамъ въ бофиновомъ павильонѣ. Впрочемъ, иногда мистеръ Бофинъ, спасаясь на мгновеніе отъ всѣхъ прелестей роскоши и моды, являлся въ сумеркахъ въ павильонъ, и остановивъ на порогѣ выходившаго Вега, усаживался на старую свою скамейку и на ней продолжалъ «паденіе» изнѣженныхъ, развращенныхъ повелителей всего міра, которые уже тогда быстро неслись къ гибели. Еслибъ Вегъ получалъ не такое хорошее содержаніе, или еслибъ онъ лучше исполнялъ свои обязанности, то, конечно, считалъ бы подобныя посѣщенія за очень лестныя и пріятныя, но обманщикъ, получавшій, богъ-знаетъ за что, огромное содержаніе, напротивъ, сердился на эти посѣщенія. Это совершенно естественно: неспособный слуга, кому бы онъ ни служилъ, всегда чувствуетъ неприязнь къ своему господину. Даже благородные, высокопороденные начальники и правители, отличающіеся особенною глупостью въ исполненіи своихъ высокихъ обязанностей, почти всегда отличались неприязнью къ тѣмъ, кому они служатъ, и чѣмъ глубже эти высокопоставленныя особы, тѣмъ и неприязнь ихъ сильнѣе; то она выражается въ обидной недоувѣрчивости, то въ грубомъ нахальствѣ. Чтò справедливо въ отношеніи общественнаго господина и его слугъ, то такъ же справедливо и касательно частныхъ господъ и слугъ.

Когда мистеръ Сайласъ Вегъ проникъ, наконецъ, въ *нашъ домъ*—какъ онъ всегда называлъ зданіе, подлѣ котораго такъ долго сидѣлъ съ своимъ латкомъ — и когда онъ нашель, что домъ во всѣхъ подробностяхъ страшно разнился отъ плана, созданнаго имъ въ своей головѣ, этотъ дальновидный и хитрый человѣкъ, чтобъ придать себѣ болѣе значенія и, такъ сказать, заслужить большее вознагражденіе за потерю, сталъ прикидываться грустнымъ и разочарованнымъ, сталъ оплакивать прошедшее, словно домъ этотъ, и онъ вмѣстѣ съ нимъ, подверглись самой печальной участи, исмытали самое горестное униженіе.

— И это, сэръ, говаривалъ Сайласъ своему патрону, печально мотая головою:—и это былъ нѣкогда *нашъ домъ*! Это то зданіе, въ которомъ жили на моихъ глазахъ такіа великія особы, какъ миссъ Елизабетъ, мистеръ Джорджъ, тѣтя Дженъ и дядя Паркеръ (не надо забывать, что даже эти имена были имъ самымъ вымышлены). А теперь до чего дошелъ этотъ домъ! О, жалость, жалость!

Его сѣтованія казались такъ искренни, что добрый Бофинъ сожалеалъ его и даже иногда сомнѣвался, не оскорбилъ ли онъ жестоко бѣднаго Сайласа, купивъ этотъ домъ. Послѣ известнаго читателямъ свиданья съ мистеромъ Винусомъ, Сайласъ посѣтилъ его еще раза два или три, какъ будто ненарочно, случайно, и наконецъ, дипломатическіе переговоры, веденные имъ съ удивительнымъ искусствомъ, привели къ ожидаемымъ результатамъ и торгъ былъ заключенъ.

— Принесите *мою-то* въ павильонъ, сказалъ Сайласъ, поладивъ окончательно съ Винусомъ:—въ будущую субботу вечеромъ, и если вы не откажетесь отъ ставана пунша, то я не пожалѣю для васъ стараго ямайскаго рома.

— Вы знаете, что я плохой товарищъ, отвѣчалъ мистеръ Винусъ:—но пускай будетъ по вашему.

Итакъ, когда наступилъ вечеръ субботы, мистеръ Винусъ явился у воротъ павильона и тихонько позвонилъ.

Мистеръ Вегъ отворилъ ему ворота, и замѣтивъ свертокъ коричневой бумаги подъ мышкой гостя, замѣтилъ очень холодно:

— О, а я думалъ, что вы могли бы пріѣхать и въ кабъ.

— Нѣтъ, мистеръ Вегъ, отвѣтилъ Винусъ: — я не гнушаюсь вести свертокъ.

— Не гнушаетесь! еще бы, замѣчаетъ съ неудовольствіемъ Вегъ и едва сдерживается чтобъ не прибавить:—но есть свертки, которые васъ могутъ гнушаться.

— Вотъ ваша покупка, мистеръ Вегъ, сказалъ Винусъ, очень

любезно, передавая ему свертокъ: — я очень радъ, что передаю его тому, кому онъ первоначально принадлежалъ.

— Благодарствуйте, отвѣчалъ Вегъ:—это дѣло покончено, и я теперь могу вамъ замѣтить, что я сильно сомнѣваюсь, могли ли бы вы удержать у себя этотъ товаръ, еслибъ я прибѣгнулъ къ помощи закона. Я только упоминаю объ этомъ съ юридической точки зрѣнія.

— Вы такъ думаете, мистеръ Вегъ? Но вѣдь я у васъ ее купилъ.

— Вы не можете покупать плоть и кровь, сэръ, въ этой странѣ, провознесъ торжественно Вегъ: — вы не можете. Теперь вы скажете, что это кости. А что такое кости?

— Съ юридической точки зрѣнія? спросилъ Винусъ.

— Да, съ юридической точки зрѣнія.

— Я не могу говорить о томъ, чего не знаю, мистеръ Вегъ, отвѣчалъ Винусъ, покраснѣвъ и возвышая голосъ:—но я чувствую себя совершенно способнымъ говорить о фактѣ, и потому съ точки зрѣнія факта, смѣю васъ увѣрить, что я не отдалъ бы своего товара; вы позволите мнѣ продолжать?

— Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то не продолжалъ бы, замѣтилъ Вегъ, стараясь усюкопить раздраженіе своего гостя.

— Я бы не отдалъ своего товара прежде, чѣмъ вы положили бы деньги на столъ. Я не претендую смотрѣть на дѣла съ юридической точки зрѣнія, но всегда смотрю съ положительной, фактической.

Такъ-какъ Мистеръ Винусъ видимо былъ раздраженъ (вѣроятно, вслѣдствіе неудачи въ любви); а видѣть его не въ духѣ не было въ интересѣ Сайласа, то сей почтенный джентльменъ замѣтилъ успокоительнымъ тономъ:

— Я вѣдь только такъ сдѣлалъ замѣчаніе, я вѣдь говорилъ только предположительно.

— Такъ я бы желалъ, чтобъ вы, мистеръ Вегъ, другой разъ говорили деньги—положительно, отвѣчалъ мистеръ Винусъ:—и я долженъ вамъ сознаться, что мнѣ очень не нравятся ваши замѣчанія.

Между тѣмъ они уже вошли въ гостиную Вега, освѣщенную газомъ и жаркимъ пламенемъ въ каминѣ. Уютный, пріятный видъ этой комнаты послѣ холоднаго воздуха дѣйствуетъ очень успокоительно на Винуса и онъ, совершенно смягчившись, поздравляетъ Вега съ его новымъ жилищемъ, замѣчая при этомъ, что онъ—Винусъ—при первомъ еще ихъ свиданіи сказалъ, что Вегу повезло счастье.

— Да, ничего, здѣсь порядочно, отвѣчаетъ Вегъ.—Но помни-

те, мистеръ Винусъ, что нѣтъ золота безъ лигатуры. Сдѣлайте одолженіе, садитесь у камина. Вотъ горячая вода, ромъ, сахаръ; налейте себѣ сами по вкусу. Не желаете ли трубку, сэръ?

— Я не очень большой охотникъ до куренія, сэръ, отвѣчаетъ гость:—но не отказываюсь отъ времени до времени пускать изо рта клубокъ дыма.

Итакъ мистеръ Винусъ наливаетъ себѣ пунша, и мистеръ Вегъ наливаетъ себѣ пуншу; мистеръ Винусъ закуриваетъ трубку, и Вегъ закуриваетъ трубку.

— И въ нашемъ золотѣ, есть лигатура, мистеръ Вегъ, вы кажетесь такъ изволли сказать? начинается Винусъ.

— Тутъ скрывается какая-то тайна, отвѣчаетъ Вегъ!—А это мнѣ не нравится, мистеръ Винусъ: мнѣ не нравится, что владѣльцы этого дома отправляются таинственно на тотъ свѣтъ, и я не знаю, кто это сдѣлалъ.

— Вы имѣете какія-нибудь подозрѣнія, мистеръ Вегъ?

— Нѣтъ. Я знаю, кто выигралъ отъ этого темнаго дѣла, но не имѣю никакихъ подозрѣній.

Сказавъ это, мистеръ Вегъ затаился дымомъ и устремилъ на огонь свой взглядъ, ясно выразившій самое нѣжное человѣколюбіе. Но взглядъ этотъ былъ такъ рѣшительнъ, такъ строгъ, что невольно казалось, не удалась ли отъ него великая добродѣтель челоуѣколюбія и не держитъ ли онъ ее насильно при себѣ, ухватившись за ея тогу.

— Подобнымъ же образомъ, продолжаетъ сей почтенный джентльменъ:—я, конечно, могу сдѣлать кое-какія замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ обстоятельствъ и лицъ, но это никакъ не претензія, не укоръ, мистеръ Винусъ. Положимъ, что огромное состояніе сваливается съ неба на челоуѣка, котораго мы не назовемъ. Положимъ, что извѣстное жалованье, не считая отопленія, падаетъ съ неба на меня. Который изъ насъ лучше? Конечно, не тотъ, кого мы не назовемъ. Вы видите, это — мое личное мнѣніе, личное замѣчаніе, но никакъ не претензія, не укоръ. Я беру свое жалованье и отопленіе, онъ беретъ свое состояніе — вотъ и все.

— Хорошо было бы, еслибъ я могъ смотрѣть на все такъ спокойно, какъ вы, мистеръ Вегъ.

— Выслушайте меня, продолжаетъ Сайласъ, размахивая въ краснорѣчивомъ азартѣ своей трубкой и деревянной ногой: — вотъ еще одно замѣчаніе, мистеръ Винусъ, и тоже безъ всякаго увора. Тотъ, кого мы не называемъ, поддается легко чужому вліянію, и вотъ его заговариваютъ, имъ совершенно завладѣваютъ, такъ что онъ, то-есть тотъ, кого мы не называемъ, нѣмъ меня

подъ рукою, меня, который ожидаетъ повышенія и, можетъ быть, вы скажете, достоинъ повышенія....

(Мистеръ Винусъ произноситъ сквозь зубы: — конечно, конечно).

— При такихъ-то обстоятельствахъ, тотъ, кого мы не называемъ, оставляетъ меня въ сторонѣ и ставитъ мнѣ на голову какого-то неизвѣстнаго человѣка, который его заболталъ. Который изъ насъ двоихъ лучше? Тотъ неизвѣстный, или я? Который знаетъ болѣе стиховъ? Который изъ насъ отработалъ римлянъ и военныхъ и статскихъ, до того, что совершенно осипъ, словно наглотался опиумомъ съ самаго рожденія? Конечно, не этотъ неизвѣстный болтунъ. А все же домъ для него всегда открытъ, точно онъ его собственный; у него есть своя комната и онъ получаетъ болѣе тысячи въ годъ. А меня сослали въ павильонъ, откуда достаютъ когда только нужно, какъ негодную мѣбель какую. Итакъ вы видите, достоинствомъ, добродѣтелью ничего не возьмешь. Вотъ что. Я это только замѣчаю, ибо привыкъ разсуждать обо всемъ съ высшей точки зрѣнія, но все же это только замѣчаніе, а не укоръ. Скажите, мистеръ Винусъ, вы бывали здѣсь когда-нибудь прежде?

— Да, но только не по-сю сторону воротъ, мистеръ Вегъ.

— Такъ вы бывали у воротъ, мистеръ Винусъ?

— Да, мистеръ Вегъ, и заглядывалъ изъ любопытства и вовнутрь.

— Видѣли вы чтонибудь?

— Ничего, кромѣ мусорныхъ кучъ.

Мистеръ Вегъ быстрымъ взглядомъ окидываетъ всю комнату, потомъ такъ же обзрѣваетъ съ ногъ до головы мистера Винуса, словно подозрѣвая, нѣтъ ли на немъ чего непозволительнаго.

— Однако, сэръ, продолжаетъ онъ:—вы были знакомы съ старикомъ Гармономъ и, кажется, простое приличіе требовало, чтобы вы его когда-нибудь посѣтили. А вѣдь вы вообще очень любезный человѣкъ. (Но послѣднее замѣчаніе было очевидно прибавлено въ видѣ комплимента, чтобъ смягчить мистера Винуса).

— Это правда, сэръ, отвѣчаетъ Винусъ, моргая глазами и запустивъ руку въ свои пыльные волосы: — я былъ любезнымъ человѣкомъ до той минуты, пока извѣстное замѣчаніе не ожесточило меня. Вы понимаете, на что я намекаю, мистеръ Вегъ? Это касательно нѣкотораго замѣчанія, насчетъ нежеланія видѣть себя въ извѣстномъ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ все исчезло, осталась одна желчь.

— Не все, замѣчаетъ Вегъ, тономъ сентиментальнаго чувства.

— Да, сэръ, все, возражаетъ Винусъ:—это, можетъ быть, свѣту покажется жестокостью, но мнѣ, право, было бы все-равно лягнуть своего лучшаго друга. Право, я даже думаю, что мнѣ это принесло бы удовольствіе.

Съ этими словами мистеръ Винусъ приходитъ въ такой азартъ, что вскакиваетъ со стула, а Вегъ, чтобъ защитить себя, замакивается своей деревянной ногой и откидывается на спинку кресла, которая поддается и несчастный летитъ на полъ съ кресломъ, трубкой и всѣмъ. Безвредный мизантропъ спасаетъ его изъ этого критическаго положенія.

— Вы потеряли равновѣсіе, мистеръ Вегъ, говоритъ онъ, давая ему трубку.

— Да, что же прикажете дѣлать, сердито ворчитъ Сайласъ, потирая голову:—когда не говоря ни слова, вашъ гость бросается на васъ? Нѣтъ, ужъ пожалуйста, мистеръ Винусъ, не дѣлайте болѣе этихъ штукъ.

— Извините меня, мистеръ Вегъ. Но я такъ озлобленъ, ожесточенъ.

— Положимъ, но чортъ съ нимъ съ озлобленіемъ, торжественно возражаетъ Вегъ:—порядочный человѣкъ можетъ быть озлобленъ и сидя. Что же касается до того, что можно смотрѣть на человѣка въ различномъ свѣтѣ, то вѣдь можно смотрѣть не въ одномъ только костлявомъ, но и *колотушиномъ*. А въ этомъ последнемъ свѣтѣ я не желаю себя видѣть, прибавилъ онъ, потирая себѣ голову.

— Я это приму къ свѣдѣнію, сэръ.

— Сдѣлайте одолженіе, говоритъ Вегъ, и потомъ, мало по малу, измѣняя тонъ, продолжаетъ прежній разговоръ:—мы говорили о томъ, что мистеръ Гармонъ былъ вашимъ пріятелемъ.

— Не то чтобъ пріятелемъ, мистеръ Вегъ, я только иногда съ нимъ разговаривалъ и имѣлъ кое-какія дѣла. Ужасно былъ любопытный человѣкъ касательно всего, что находили въ его мусорѣ. И все это держалъ въ страшной тайнѣ.

— А, вы находили его очень таинственнымъ во всемъ, что касалось его мусора? замѣчаетъ Вегъ съ какимъ-то жаднымъ удовольствіемъ.

— Да, онъ всегда мнѣ казался такимъ.

— А, продолжаетъ Винусъ, закатывая глаза. — Ну, скажите, что же онъ находилъ въ мусорѣ? И не говорилъ ли онъ когданибудь, какъ онъ находилъ? Живя на этой таинственной землѣ, хотѣлось бы знать все, что до нея относится. Положимъ, хоть гдѣ

онъ всталъ? И какъ онъ принимался за дѣло? Начиная ли онъ сверху горы или снизу? Что, онъ подкапывалъ или прокапывалъ? прибавилъ Вегъ, очень выразительно показывая рукою оба движенія:—какъ вы скажете, говоря откровенно, какъ подобаешь человѣку, любезный мистеръ Винусъ, онъ подкапывалъ или прокапывалъ?

— Я бы сказала, что ни то ни другое, мистеръ Вегъ.

— Спрашиваю васъ, какъ человѣка, какъ ближняго... однако, налейте себѣ пуншу... отчего ни то, ни другое?

— Потому, сэръ, какъ я предполагаю, что находимое въ мусорѣ получалось отъ сортированія и просѣванія. Всѣ ли кучи сортированы, и просѣены, или нѣтъ?

— Вы сами посмотрите и скажите свое мнѣнiе. Однако, налейте же еще. Жива, какъ я уже замѣтилъ, на этой таинственной землѣ, продолжаетъ Сайласъ, когда его гость наполнилъ свой стаканъ:— хотѣлось бы все знать; какъ вы думаете, скажите какъ братъ, вѣроятно ли, чтобы онъ, находя кое-что въ этихъ кучахъ, пряталъ бы туда чтонибудь?

— Вообще говоря, мистеръ Вегъ, я полагаю, что это возможное дѣло.

Мистеръ Вегъ поспѣшно надѣваетъ очки и съ восхищенiемъ обозрѣваетъ мистера Винуса съ ногъ до головы.

— Какъ смертный, подобный мнѣ, и которому я жму руку, въ первый разъ сегодня, не ученивъ непростительнымъ образомъ до сихъ поръ сего дѣйствiя, связующаго одно живое существо съ другимъ самыми неразрывными узами довѣрiя, произноситъ Вегъ, торжественно ударяя по руцѣ Винуса:— во имя этихъ узъ довѣрiя, въ которыхъ я не признаю никакой связи между мною и человѣкомъ мнѣ равнымъ, котораго я называю братомъ, близнецомъ, скажите, что, по вашему, онъ могъ спрятать въ этихъ кучахъ мусора?

— Это только предположенiе, мистеръ Вегъ.

— Какъ существо разумное, положи руку на сердце, восклицаетъ Вегъ—и это восклицанiе не потеряло нимало своей выразительности отъ того, что въ эту минуту рука разумнаго существа покоилась не на сердцѣ, а на стаканѣ пунша:—выразите словами ваше предположенiе.

— Онъ былъ такого рода старикъ, отвѣчаетъ практическiй анатомъ, медленно прихлебывая пуншъ:— что по всей вѣроятности, пользуясь удобствомъ мѣстности, онъ пряталъ въ этихъ кучахъ деньги, драгоценности, можетъ быть, и бумаги.

— Какъ человѣкъ, вѣчно бывшiй украшенiемъ сего мiра—восклицаетъ Вегъ, снова схвативъ руку мистеру Винуса и приговариваясь хлопнуть по ней въ данную минуту:— какъ человѣкъ,

котораго, вмѣстѣ съ позтомъ, можно поистинѣ назвать британскимъ дубомъ, объясните мистеръ Винусъ, что вы разумѣете подъ словомъ — бумага!

— Судя по тому, что старикъ постоянно или изгонялъ кого-нибудь изъ дома, или проклиналъ своихъ близкихъ родственниковъ, онъ, по всей вѣроятности, писалъ много завѣщаній и дѣлалъ не разъ приписки къ нимъ.

Рука Сайласа Вега съ шумомъ опустилась на открытую ладонь Винуса, и Вегъ воскликнулъ въ восторгѣ:—братъ, близнецы во мнѣнїяхъ, какъ и въ чувствахъ! Налейте еще!

Пододвинувшись теперь совершенно вплотъ къ креслу Винуса, Вегъ поспѣшно подливаетъ пушшу и ему и себѣ и, чокнувшись съ гостемъ, ставитъ свой стаканъ на столъ.

— Мистеръ Винусъ, торжественно начинаетъ онъ, хлопая руками по колѣнамъ своего новаго друга:—не изъ желанія мстить за предпочтеніе, оказанное передо мною какому-то неизвѣстному, хотя я его и считаю очень подозрительнымъ человекомъ, не изъ желанія нажиться, хотя деньги всегда пригодятся, или изъ собственныхъ интересовъ, хотя я не такъ гордъ, чтобъ отказаться отъ того, что можетъ принести мнѣ пользу — нѣтъ, это во имя правды и справедливости...

— Да, что же, что же? перебиваетъ его Винусъ.

— Я хочу сдѣлать вамъ дружеское предложеніе. Вы понимаете, въ чемъ оно должно заключаться?

— Нѣтъ, не понимаю, и не пойму прежде, чѣмъ вы мнѣ объясните, мистеръ Вегъ.

— Если на этой землѣ, гдѣ я живу, можно что-нибудь найти, то найдемъ вмѣстѣ. Я дѣлаю дружеское предложеніе искать намъ обонимъ вмѣстѣ и дѣлить все, что найдемъ, пополамъ—и это во имя правды и справедливости, прибавляетъ Сайласъ, съ благородною гордостью.

— Такимъ образомъ, замѣчаетъ Винусъ, послѣ долгаго размышленія:—если что-нибудь будетъ найдено въ этихъ кучахъ мусора, то мы, то-есть вы и я, сохранимъ эту находку въ тайнѣ, не такъ ли, мистеръ Вегъ?

— Это будетъ зависѣть отъ того, что мы найдемъ, мистеръ Винусъ. Положимъ, что это будутъ деньги, или серебро, или драгоценности, вѣдь онѣ будутъ принадлежать намъ столько же, какъ и всякому другому.

Мистеръ Винусъ почесываетъ брови съ вопросительнымъ видомъ.

— Во имя правды и справедливости, это такъ, продолжаетъ Вегъ:—потому что вѣдь если мы оставимъ найденныя нами вещи

въ мусорныхъ кучахъ и ихъ продать, ничего не подозревая, то вѣдъ покушникъ приобрѣтетъ то, что онъ никогда не покупалъ и не думалъ найти въ мусорѣ. Но это, мистеръ Винусъ, было бы нехорошо, несправедливо, а мы дѣйствуемъ во имя правды и справедливости.

— Положимъ, что это будутъ бумаги, замѣчаетъ Винусъ.

— Смотри по тому, что въ нихъ будетъ заключаться, мы предложимъ ихъ передать тѣмъ, до кого онѣ будутъ касаться, поспѣшно отвѣчаетъ Вегъ.

— Во имя правды и справедливости, мистеръ Вегъ.

— Конечно, мистеръ Винусъ. Если тѣ, до кого бумаги будутъ касаться, употребятъ ихъ во зло, то мы за это не отвѣчаемъ. Я имѣю, мистеръ Винусъ, такое высокое мнѣніе о васъ, что его невозможно выразить словами. Съ тѣхъ-поръ, какъ я васъ посѣтилъ въ первый разъ и засталъ васъ, такъ-сказать, витающимъ въ парахъ чая, я почувствовалъ, что необходимо чѣмъ нибудь возбудить къ дѣятельности вашъ великій умъ. Въ дружескомъ предложеніи, сдѣланномъ мною, вы найдете достойную дѣль для умственной дѣятельности.

Послѣ этого мистеръ Вегъ распространяется о томъ, что побудило его сдѣлать дружеское предложеніе, именно о рѣдкихъ способностяхъ мистера Винуса для подобныхъ поисковъ. Онъ особливо указываетъ на терпѣніе мистера Винуса, на его искусство и любовь въ обращеніи со всѣми самыми мелкими вещами, на его знаніе всякаго рода тканей и предметовъ, наконецъ на вѣрность, что владея всѣми этими способностями, онъ легко можетъ открыть великій кладъ.—Что же касается до меня, продолжалъ Вегъ:—то я на это не гожусь. Принялся ли бы я подкапываться или прокапываться, я бы никогда не стумѣлъ такъ деликатно повести дѣло, чтобъ снаружи не было и примѣтно. Вы—дѣло совсѣмъ другое, только взялся бы вы за работу (и вы возьметесь за нее) для приведенія въ дѣйствіе дружескаго предложенія, связующаго васъ неразрывными узами, какъ человѣка и ближняго, съ другимъ человѣкомъ и ближнимъ. Далѣе мистеръ Вегъ очень скромно замѣчаетъ, что деревянная нога мѣшаетъ ему лазить по лѣстницамъ и высокимъ кучамъ, и кромѣ того, она непремѣнно увязала бы въ мусорѣ и не давала бы ему двинуться съ мѣста. Но тутъ, оставляя этотъ предметъ и быстро переходя къ другой сторонѣ вопроса, онъ указываетъ на тотъ странный случай, что прежде чѣмъ онъ поселился въ павильонѣ, онъ слышалъ впервые отъ мистера Винуса о преданіи про сокровища, скрытыя въ мусорныхъ кучахъ.— Конечно, прибавляетъ онъ, съ какимъ-то смутнымъ, пабожнымъ выраженіемъ лица:—это

было предназначено. Наконецъ онъ возвращается снова къ тому, что онъ дѣйствуетъ во имя правды и справедливости, замѣчая при этомъ, что онъ имѣетъ какое-то непонятное предчувствіе, что въ мусорѣ найдется нѣчто-такое, что послужитъ для уличенія мистера Бофина, обратившаго въ свою пользу таинственное убійство, и что его дружеское предложеніе будетъ имѣть результатомъ преданіе этого человѣка въ руки правосудія. — И все это будетъ сдѣлано, спѣшить прибавить Вегъ:—не изъ корыстнаго желанія получить обѣщанную награду, хотя совершенно было бы безнравственно отказаться отъ нея.

Мистеръ Винусъ молча слушаетъ эту краснорѣчивую рѣчь и только почесываетъ свои пыльные волосы. Когда Вегъ окончилъ и широко открылъ свои объятія, вѣроятно для того, чтобы показать Винусу свою широкую грудь, мистеръ Винусъ нѣсколько минутъ молча моргаетъ глазами.

— Я вижу, что вы уже попробовали одинъ приняться за работу, мистеръ Вегъ, произносить онъ наконецъ очень спокойно:—и вы на опытѣ убѣдились, какая это трудная работа.

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы я пробовалъ отыскивать что-нибудь, воспользуясь Вегъ, нѣсколько смущенный ловкимъ намекомъ Винуса:—я только составилъ планъ дѣйствія.

— И нашли одинъ затрудненія?

Вегъ молча качаетъ головой.

— Я, право, не знаю, что вамъ на это отвѣчать, мистеръ Вегъ, говоритъ Винусъ послѣ минутнаго размышленія.

— Скажите: да—замѣчаетъ Вегъ.

— Еслибъ я не былъ озлобленъ, то мой отвѣтъ былъ бы: нѣтъ; но озлобленный, доведенный до бѣшенства и отчаянія, я, кажется, могу сказать: да.

Вегъ съ восторгомъ наполняетъ оба стакана пуншемъ, чокается съ своимъ другомъ и мысленно пьетъ за здоровье той женщины, которая была главной причиной того, что Винусъ такъ скоро согласился на его дружеское предложеніе.

Вслѣдъ за этимъ всѣ пункты дружескаго предложенія серьезно разбираются и подтверждаются. Ихъ всего три—тайна, вѣрность, постоянство. Кромѣ того условлено, что Винусъ съ этого дня имѣетъ всегда свободный входъ въ павильонъ для своихъ поисковъ и, главное, что слѣдуетъ принимать всевозможныя предосторожности, дабы не возбудить подозрѣнія въ сосѣдахъ.

— Кто-то идетъ! вдругъ восклицаетъ Винусъ.

— Гдѣ? спрашиваетъ шопотомъ Вегъ, вскакивая съ мѣста.

— На дворѣ. Шш!

Они въ самую эту минуту протянули другъ другу руки, чтобы вѣжливимъ пожатіемъ ратификовать трактатъ; смущенные неожиданнымъ шумомъ, они быстро отнимаютъ руки, и откинувшись на спинки кресель, закуриваютъ трубки, какъ-бы ни въ чемъ не бывало. Шаги на дворѣ слышатся все ближе и наконецъ чья-то рука стучитъ въ окно. — Войдите! кричить Вегъ, разумѣя подъ этимъ: обойдите кругомъ въ дверь. Но старинное, тяжелое окно медленно приподнимается и чья-то голова выступаетъ изъ мрака ночи.

— Мистеръ Сайласъ Вегъ здѣсь? Ахъ, да, я вижу его! провозноситъ голосъ снаружи.

Друзья, быть можетъ, не были бы совершенно спокойны, даже еслибы этотъ неожиданный посѣтитель явился обыкновеннымъ образомъ въ дверь; но теперь, видя его, облокотившагося на окно, окруженнаго со всѣхъ сторонъ мракомъ ночи, они очень смутились, особливо мистеръ Винусъ, который, вынувъ изо рта трубку, устремляетъ удивленный, испуганный взглядъ на лицо незнакомца, словно это голова индійскаго ребѣнка въ спиртѣ, которая явилась, чтобъ тащить его насильно домой.

— Добрый вечеръ, мистеръ Вегъ. Надо починить замокъ у калитки, а то она не запирается накрѣпко.

— Это вы, мистеръ Роксмитъ? спрашиваетъ испуганный Вегъ.

— Да, я—мистеръ Роксмитъ. Я васъ не обезпкою и даже не войду. У меня есть къ вамъ порученіе, которое я взялся исполнить по дорогѣ домой. Хотя калитка и была открыта, но я нѣсколько минутъ сомнѣвался, не позвонить-ли мнѣ лучше, боясь, чтобъ у васъ на дворѣ не была спущена собака.

— Жаль, что ея нѣтъ, промышчалъ съвозъ зубы Вегъ, вставая съ кресель, и повернувшись спиною къ окну: — Шш! прибавлялъ онъ шопотомъ Винусу: — это неизвѣстный.

— У васъ тамъ кто-то сидитъ; знакомый мнѣ, или нѣтъ? спросилъ секретарь, окидывая взглядомъ комнату.

— Нѣтъ, мистеръ Роксмитъ. Это мой пріятель зашелъ ко мнѣ посидѣть вечерокъ.

— О! извините меня пожалуйста. Мистеръ Бофинъ велѣлъ вамъ сказать, что онъ ни мало не требуетъ, чтобъ вы сидѣли всѣ вечера дома, на томъ основаніи, что онъ можетъ зайти. Онъ не желаетъ вовсе быть вамъ такой помѣхой, и потому впредь, если онъ придетъ къ вамъ не предупредивъ васъ, то ни мало не будетъ претендовать, если не застанетъ васъ дома. Вотъ и все. Доброй ночи.

Съ этими словами, секретарь опускаетъ окно и исчезаетъ. Друзья

прислушиваются къ его шагамъ, которые вскорѣ исчезаютъ за калиткой.

— И изъ-за этого-то человѣка меня обошли, мистеръ Винусъ, восклицаетъ Вегъ: — смѣю васъ спросить, что вы объ немъ думаете?

Вѣроятно, Винусъ самъ не знаетъ, что онъ думаетъ о секретарѣ, ибо онъ нѣсколько разъ принимается отвѣчать, но никакъ не можетъ выговорить ничего болѣе, какъ то, что у него *очень странная физиономія*.

— То-есть, вы хотите сказать — фальшивая, лукавая, замѣчаетъ Вегъ: — по мнѣ, имѣй какую хочешь физиономію, только не фальшивую. Это сейчасъ доказываетъ мошенника.

— Знаете вы что-нибудь дурное о немъ? спрашиваетъ Винусъ.

— Что-нибудь дурное о немъ? повторяетъ Винусъ: — что-нибудь? Говорю какъ человѣкъ, который рабъ правды и обязанъ отвѣчать по совѣсти — я знаю про него не что-нибудь, а все дурное.

Посмотрите, въ какія непостижимо-глухія убѣжища прячутъ свои головы безпѣрные страусы! Точно такимъ же непостижимымъ нравственнымъ убѣжищемъ служить Вегу его увѣренность въ фальшивомъ характерѣ мистера Робсмита.

— Смотри на это звѣздное небо, восклицаетъ Вегъ, провоза по двору своего друга, послѣ того, какъ они вмѣстѣ выпили, можетъ быть — п невѣ мѣру, пуншу: — смотря на это звѣздное небо, какъ-то горько вспомнить, что подъ этимъ самымъ небомъ возвращается себѣ преспокойно домой неизвѣстный, фальшивый человѣкъ, овладѣвающій хитростью чужими умами.

— Зрѣлище этихъ небесныхъ глазъ, тихо бормочетъ Винусъ, смотря наверхъ: — приводитъ мнѣ на память всю жестокость ея словъ, гласившихъ, что она не хочетъ видѣть себя, и чтобъ ее видѣли другіе въ...

— Знаю, знаю. Не повторяйте, перебиваетъ его Вегъ, пожмая ему руку: — но подумайте только о томъ, какъ зрѣлище этихъ звѣздъ укрѣпляетъ меня въ борьбѣ за правду, и справедливость противъ тѣхъ, кого я не назову. Не то, чтобъ я хотѣлъ отомстить, нѣтъ; но посмотрите, какъ эти звѣзды возбуждаютъ во мнѣ старыя воспоминанія! Старыя воспоминанія... о чемъ, сэръ?

Винусъ только что начинаетъ снова: — объ ея жестокихъ словахъ, гласившихъ, что она не хочетъ... какъ Сайласъ, перебиваетъ его съ достоинствомъ:

— Нѣтъ, сэръ! Звѣзды возбуждаютъ во мнѣ воспоминанія о *нашемъ домѣ*, о мистерѣ Джорджѣ, тѣгѣ Дженъ, дядѣ Паркерѣ,

исчезнувшихъ иавѣн! Все это принесено въ жертву баловноу счастья, минутому идолу.

VIII.

Невинное похищеніе.

Баловень счастья, минутный идолъ, плн, выражаась просто, безъ колкостей, Нибодемусъ Бофинъ, эксвайръ, золотой мусорщепъ, мало-по-малу обжился въ своемъ новомъ аристократическомъ помѣщеніи и чувствовалъ себя совершенно дома. Онъ не могъ не сознавать, что это жилище, какъ громадный аристократическій семейный сыръ, было слишкомъ велико для его потребностей, и потому въ немъ кормилось безчисленное количество паразитовъ; но онъ смотрѣлъ на этотъ излишній расходъ, какъ на постоянную пошлину за наслѣдство. Онъ тѣмъ охотнѣе съ этимъ мирился, что мистриссъ Бофинъ совершенно была счастлива, а миссъ Белла была очень довольна и весела.

Эта молодая дѣвушка была, конечно, важнымъ приобрѣтеніемъ для Бофиновъ. Она была слишкомъ хороша собою, чтобы не произвести эффекта гдѣ бы то ни было: къ тому же, благодаря своей природной сметливости, она умѣла тотчасъ приноровиться ко всякому образу жизни. Произвела ли хорошее вліяніе на ея сердце эта неожиданная переиѣна въ ея положеніи—это еще вопросъ, но положительно и достовѣрно одно, что въ отношеніи ея внѣшности и манеръ эта переиѣна была для нея очень благодѣтельна.

Вскорѣ миссъ Белла начала наставлять и учить мистриссъ Бофинъ, а повременамъ ей даже становилось неловко: она какъ-бы чувствовала себя виноватою, когда мистриссъ Бофинъ дѣлала что нибудь не такъ, какъ слѣдовало. Это не значитъ, чтобы такая добрая, здравомыслящая женщина могла вести себя нехорошо даже въ отношеніи важныхъ великосвѣтскихъ знакомыхъ, которые увѣрили, что Бофины были «презестно вульгарны» (чего, увы, нельзя было сказать про ихъ замѣчаніе); но когда, бывало, она поскользнется на томъ общественномъ льду, по которому всѣ сыны и дщери подзнапства обязаны для спасенія души скользить попарно и длинными рядами, выписывая при этомъ самыя хитрые вензеля, когда мистриссъ Бофинъ поскользнется, то Белла всегда казалось, что она и ее увлекаетъ за собою, что не мало смущало молодую дѣвушку, особливо подъ пристальными взглядами болѣе искусныхъ катальщиговъ.

Белла была еще такъ молода, что очень естественно, никогда и не задумывалась о прочности и благовидности ея положенія въ

домъ мистера Бофина. Такъ-какъ она никогда не удерживалась въ своихъ жалобахъ на прежнюю свою жизнь въ родительскомъ домѣ, когда еще она не видывала ничего лучшаго, то нельзя было ее очень упрекнуть въ неблагодарности и презрѣннн къ родителямъ за то, что она теперь открыто предпочитала свой новый домъ.

— Безцѣнный человѣкъ этотъ Роксмитъ, произнесъ однажды мистеръ Бофинъ, мѣсяца три спустя послѣ ихъ переезда изъ павильона:—но я никакъ не могу его разгадать.

Белла находилась въ такомъ же положеннн, и потому разговоръ этотъ ее заинтересовалъ.

— Онъ болѣе заботится о моихъ дѣлахъ и днемъ и ночью, продолжалъ Бофинъ:— болѣе дѣлать, чѣмъ пятьдесятъ другихъ человѣкъ, взятыхъ вмѣстѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него какія-то странныя, оригинальныя манеры: думаешь, что вотъ съ нимъ совершенно сошелся, и идешь рука объ руку—а вдругъ смотришь, онъ загородилъ дорогу между тобой и собою огромнымъ бревномъ.

— Могу я спросить, какимъ это образомъ, сэръ? замѣтила Белла.

— Да вотъ, напримѣръ, милая, отвѣчалъ Бофинъ:—онъ никогда не хочетъ приходить когда есть гости, кромѣ васъ. Я бы очень желалъ, чтобъ онъ занималъ свое мѣсто за столомъ во время званныхъ обѣдовъ, но его ни за что не уговоришь.

— Если онъ считаетъ себя выше вашего общества, то я бы его оставила въ покоѣ, сказала миссъ Белла, качая головой.

— О, нѣтъ, онъ не считаетъ себя выше, замѣтилъ задумчиво Бофинъ.

— Можетъ быть, онъ считаетъ себя ниже; про это онъ самъ долженъ лучше знать.

— Нѣтъ, милая, и это не то. Нѣтъ, нѣтъ, повторилъ Бофинъ, обдумывая слова Беллы:—Роксмитъ—скромный человѣкъ, но не думаетъ, что онъ ниже насъ.

— Такъ что же онъ думаетъ, сэръ?

— Провались я, коли я это знаю!—воскликнулъ Бофинъ:— сначала онъ, казалось, не хотѣлъ встрѣчаться только съ Лайтвудомъ, а теперь уже и ни съ кѣмъ, кромѣ васъ.

«Ого!» подумала миссъ Белла: «вотъ — что... понимаю! (Дѣло было въ томъ, что мистеръ Мортимеръ Лайтвудъ обѣдалъ два или три раза у Бофиновъ, и встрѣчалъ ее нѣсколько разъ въ другихъ домахъ, и оказывалъ ей нѣкоторое предпочтенн) Ужь не слишкомъ-ли дерзко для секретаря и папинаго жильца избирать меня предметомъ своей ревности».

Странно было, что папина дочь съ такимъ презрѣніемъ отзывалась о папиномъ жильцѣ; но еще болѣе странныя аномаліи скрывались въ умѣ избалованнаго ребѣнка, вдвойнѣ избалованнаго, испорченнаго прежде бѣдностью, потомъ—богатствомъ. Однако, пускай эти странности, эти аномаліи сами собою обнаружатся съ теченіемъ нашего разсказа.

«Ужь не много-ли это будетъ, если папинъ жилецъ станетъ доказывать свои права на меня и отгонять всѣхъ выгодныхъ жениховъ», думала съ презрительной улыбкой миссъ Белла. «Да, смѣшно, если всѣми шансами, открытыми мнѣ мистеромъ и мистриссъ Бофинъ, завладѣлъ бы какойнибудь секретариска и папинъ жилецъ».

Однако, не такъ давно еще эту самую Беллу очень польстило открытіе, что этотъ самый секретариска и папинъ жилецъ оказывалъ ей предпочтеніе. Но тогда она еще не знала ни аристократическаго дома, ни швеи мистриссъ Бофинъ.

Несмотря на его, повидимому, скромныя, застѣчивыя манеры, этотъ секретарь былъ, по мнѣнію Беллы, очень вкрадчивый, докучный человекъ. Когда она возвращалась съ мистриссъ Бофинъ изъ оперы, въ его комнатѣ всегда горѣлъ свѣтъ, и онъ самъ постоянно высаживалъ ихъ изъ кареты. Мистриссъ Бофинъ, по мнѣнію Беллы, обходилась съ нимъ отвратительно любезно, ибо нельзя было смотрѣть снисходительно на то, что онъ взялъ себѣ въ голову!

— Вы никогда не дѣлаете мнѣ порученій къ вамъ домой, миссъ Вильферъ, сказалъ секретарь, случайно встрѣтивъ ее одну въ большой гостиной: — а я всегда былъ бы счастливъ исполнить ваши приказанія.

— Что вы хотите этимъ сказать, мистеръ Роксмитъ? спросила миссъ Белла, томно опуская глаза.

— Кабъ, подъ вашимъ домомъ, я, конечно, разумѣю жилище вашего отца въ Галовой.

Молодая дѣвушка покраснѣла отъ этого укора, казавшагося съ перваго взгляда простымъ отвѣтомъ и болѣе ничего, и рѣзко сказала:

— О какихъ порученіяхъ и приказаніяхъ вы говорите?

— Да только о поклонахъ и дружескихъ привѣтствіяхъ, которые вы, вѣроятно, какимъ-нибудь образомъ да пересылаете мнѣ, отвѣчалъ секретарь прежнимъ тономъ: — я бы почелъ за счастье, еслибъ вы черезъ меня напоминали мнѣ о себѣ, такъ-какъ вы очень хорошо знаете, что я хожу по два раза въ день изъ этого дома въ тотъ.

— Это совершенно излишне мнѣ напоминать, сэръ. Я и безъ васъ знаю.

Она слишкомъ погорячилась, отвѣчая колкостью на слова панинаго жальца, и тотчасъ поняла это, когда взглянула на его лицо.

— Они сами не часто посылаютъ мнѣ свои поклоны, не часто напоминаютъ о себѣ, какъ вы изволили выразиться, произнесла Белла, стараясь прикрыться другою колкостью.

— Они часто спрашиваютъ меня объ васъ, и я даю имъ такіа свѣдѣнія, какія могу.

— Я надѣюсь, что это—вѣрныя свѣдѣнія, воскликнула Белла.

— Я надѣюсь, что вы въ этомъ не сомнѣваетесь, ибо это очень не шло бы къ вамъ.

— Нѣтъ, я не сомнѣваюсь. Я вполне заслуживаю вашего упрека, совершенно справедливаго, и прошу у васъ извиненія, мистеръ Роксмить.

— Я бы попросилъ васъ не дѣлать этого, еслибъ оно не выказывало васъ въ такомъ прелестномъ свѣтѣ, отвѣчалъ онъ съ искреннимъ чувствомъ: — простите меня; я не могъ удержаться, чтобъ не сказать. Возвращаясь къ предмету нашего разговора, я долженъ прибавить, что, вѣроятно, они думаютъ, что я передаю вамъ то, что они велѣтъ вамъ сказать, но я васъ не беспокою, такъ-какъ вы объ нихъ никогда не спрашиваете.

— Я поѣду къ нимъ завтра, сэръ, сказала Белла, смотря на него, точно онъ сдѣлалъ ей выговоръ.

— Вы это говорите мнѣ, или имъ? спросилъ онъ.

— Кому вамъ угодно.

— И тѣмъ и другимъ? Прикажете имъ это передать?

— Можете, если вамъ это доставитъ удовольствіе, мистеръ Роксмить; но, во всякомъ случаѣ, я ѣду завтра къ нимъ.

— Я такъ и скажу.

Онъ постоялъ еще съ минуту, какъ-бы давая ей случай продолжить разговоръ, если она желала: но такъ-какъ она молчала, онъ медленно удалился. Когда Белла осталась одна, то невольно почувствовала, что этотъ разговоръ ея съ секретаремъ былъ очень странный. Впервыхъ, онъ оставилъ ее съ непреложными слѣдами раскаянія на лицѣ и въ глубинѣ души; вовторыхъ, она и не думала ѣхать къ своимъ, за минуту передъ тѣмъ, какъ она ему объ этомъ объявила.

— Что это значитъ? спрашивала она себя мысленно:—онъ не имѣетъ никакого права выказывать надо мною свою власть, и почему это я его слушаюсь, когда мнѣ все равно, есть ли онъ или нѣтъ?

Мистриссъ Бофинъ настояла, чтобы Белла поѣхала къ родите-

лѣтъ въ парадной коляскѣ, и потому она явилась въ скромный домикъ во всемъ своемъ блескѣ. Мистриссъ Вильферъ и миссъ Лавинія долго разсуждали о томъ, вѣроятно или нѣтъ, чтобъ она прѣехала въ парадномъ экипажѣ и, завидѣвъ ее издали, рѣшили продержатъ этотъ экипажъ какъ можно долѣе у дверей, чтобъ возбудить зависть всѣхъ сосѣдей. Огюйда отъ окна, у котораго онѣ караулили прѣздъ Беллы, обѣ, мать и дочь, сошли въ общую комнату и приняли миссъ Беллу съ приличнымъ равнодушіемъ.

Общая комната показалась Беллѣ какъ-то особенно маленькой и неопрятной, а лѣстница, ведущая въ нее, пзъ рукъ вонъ кривой и узкой. Все это бѣдное жилище служило горькимъ контрастомъ съ аристократическимъ домомъ, въ которомъ она теперь жила.

«Трудно даже повѣрить, что я могла существовать здѣсь», подумала неволью Белла.

Мрачная торжественность мистриссъ Вильферъ и врожденная колкость Лавини только еще болѣе озлобили молодую дѣвушку, которая дѣйствительно нуждалась въ помощи, но ни одна дружеская рука не поддержала ее.

— Какая намъ честь, произнесла мистриссъ Вильферъ, подставляя щоку своей дочери, такъ холодно, словно это была серебряная ложка: — право, мы не ожидали этого! Вы, вѣроятно, найдете, что ваша сестра очень выросла.

— Мама! воскликнула Лавинія: — я не имѣю ничего противъ того, чтобъ вы говорили неприятности, такъ-какъ Белла вполне ихъ заслужила, по позвольте васъ просить не толковать такого вздору, не увѣрять, что я выросла, когда я уже давно вышла изъ тѣхъ лѣтъ, когда растутъ.

— Я еще росла послѣ того, какъ вышла замужъ, торжественно произнесла мистриссъ Вильферъ.

— Хорошо, мама, отвѣчала Лавинія:—но я думаю, что вы бы лучше сдѣлали, еслибы не росли.

Взглядъ, полный достоинства, брошенный величественной особой на свою непокорную дочь, конечно, смутилъ бы не такого стойкаго соперника, но на Лавинію онъ не произвелъ никакого вліянія. Она совершенно хладнокровно отвернулась отъ своей матери, оставляя ее на свободѣ метать, на кого ей угодно, свои грозные взгляды, и съ тою же злобною колкостью заговорила съ сестрою.

— Я надѣюсь, вы не почтете за безчестіе, если я васъ поцелую? Ну, вотъ, благодарствуйте. Какъ вы поживаете? И какъ драгоцѣнное здоровье вашихъ Вофиновъ?

— Лавви! воскликнула мистриссъ Вильферъ: — молчать! Я не позволю, чтобъ моя дочь говорила такъ легкомысленно.

— Боже мой! отвѣчала Лави:—ну, такъ какъ поживаютъ ваши Снофинсы? Если ужъ мама не можетъ терпѣть, чтобъ называли даже имя вашихъ Воффиновъ.

— Дерзкая дѣвчонка! дрянъ! произнесла мистриссъ Вильферъ самымъ грознымъ тономъ.

— Мнѣ рѣшительно все равно, дерзкая я или дрянъ, отвѣчала спокойно Лавинія, качая головою: — я одно только знаю, что я не буду расти послѣ того, какъ выйду замужъ.

— И не будешь! не будешь! какимъ-то роковымъ голосомъ подтвердила мистриссъ Вильферъ.

— Да, мама, не буду. И ничто не въ состояннн заставить меня.

Мистриссъ Вильферъ замахала своими перчатками и вошла въ патетическое настроеніе.

— Этого надо было ожидать, промолвила она: — одна дочь бросила меня ради гордыхъ и богатыхъ, а другая презираетъ меня и въ грошъ не ставитъ. Такъ вѣрно Богу было угодно.

— Мама, сказала Белла:—конечно, мистеръ и мистриссъ Бофини богатые люди, но они нисколько не горды и вы не имѣете никакого права о нихъ такъ отзыватьсн. Вамъ должно быть это извѣстно лучше, чѣмъ другимъ.

— Однимъ словомъ, мама, замѣтила Лавви, неожиданно переходя на сторону своего противника: — вы должны знать, и тѣмъ болѣе вамъ стыдно, если вы не знаете, что мистеръ и мистриссъ Бофини просто совершенства.

— Да, кажется, насъ хотять заставить такъ думать, произнесла мистриссъ Вильферъ, очень радушно принимая дезертера: — и именно поэтому-то, Лавинія, я и не желаю, чтобъ ты легкомысленно говорила о нихъ. Мистриссъ Бофини (о физиономіи ея я никогда не могу вспомнить хладнокровно) и твоя мать не находятся въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, и потому бессмысленно было бы предположить, чтобъ эта барыня и ея мужъ, говоря о насъ, осмѣливались называть насъ просто *Вильферами*. Слѣдовательно, я не могу позволить, чтобъ у меня въ домѣ ихъ называли *Боффинами*. Нѣтъ, подобный тонъ, называйте его какъ хотите — фамиллярностью, или равенствомъ — не можетъ быть терпимъ при нашихъ отношеніяхъ. Понимаешь, что я хочу сказать?

Не обративъ никакого вниманія на торжественный вопросъ матери, Лавинія снова обратилась къ сестрѣ.

— Однако, ты все еще не сказала намъ, какъ поживаютъ твои, какъ ихъ тамъ зовутъ?

— Я не хочу объ нихъ говорить здѣсь, отвѣчала Белла, едва сдерживая свое негодование и топая ножкой: — они слишкомъ добрые и хорошіе люди, чтобъ вмѣшиваться въ эти споры.

— Зачѣмъ не говорить прямо, замѣтила мистриссъ Вильферъ, саркастически: — зачѣмъ прибѣгать къ уловкамъ? Зачѣмъ прямо не сказать, что они слишкомъ хороши для насъ, что мы недостойны упоминать ихъ имя? Мы совершенно понимаемъ, что ты хочешь сказать. Зачѣмъ скрывать?

— Мама, воскликнула Белла, еще громче топая ногою: — вы съ Лавви свели бы съ-ума любого святого.

— Бѣдная Лавви! произнесла мистриссъ Вильферъ, съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія: — бѣдное дитя мое.

Но Лавви такъ же неожиданно и быстро снова перебѣжала къ другому противнику.

— Не говорите обо мнѣ такимъ покровительственнымъ тономъ, мама, я и сама постою за себя, сказала она рѣзко.

— Я только удивляюсь, начала снова мистриссъ Вильферъ, снова направляя свои колкости противъ старшей дочери, такъ-какъ меньшая совершенно отбилась отъ рукъ: — какъ это ты нашла свободную минуту и рѣшилась разстаться съ мистеромъ и мистриссъ Бофинъ, чтобъ взглянуть на насъ. Я удивляюсь, какъ наши права на твое присутствіе перетянули гораздо большія права мистера и мистриссъ Бофинъ. Я чувствую, что должна быть очень благодарна за это предпочтеніе, которое ты оказала намъ передъ мистеромъ и мистриссъ Бофинъ (почтенная барыня очень колко произносила первыя буквы фамилии Бофинъ, точно Дофинъ, Мофинъ или Пофинъ были бы для нея гораздо споснѣ).

— Мама, возразила съ сердцемъ Белла: — вы заставляете меня сказать, что мнѣ дѣйствительно очень жаль, что я пріѣхала домой, и, конечно, я никогда болѣе не пріѣду иначе, какъ когда бѣдный папа будетъ дома. Потому что папа слишкомъ человѣколюбивъ, чтобъ завидовать и дуться на добрыхъ друзей, и папа довольно деликатенъ, чтобъ помнить, въ какомъ я находилась непріятномъ положеніи, изъ котораго меня вывели эти добрые люди, вздумавшіе, что я будто бы имѣла какія-то права на ихъ состояніе. Я всегда любила папу больше чѣмъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, и теперь его люблю — и всегда буду любить.

Тутъ Белла, несмотря на свой блестящій нарядъ и прелестную шляпу, залилась горькими слезами.

— Реджинальдъ Вильферъ, воскликнула мистриссъ Вильферъ, поднимая глаза къ небу: — еслибъ ты былъ тутъ, какъ горько

было бы тебѣ слышать, что тебя превозносятъ насчетъ твоей жены и матери твоего семейства. Но судьба пожалѣла тебя и не довела тебя хоть до этого тяжелаго испытанія.

Тутъ мистриссъ Вильферъ торжественно расплакалась.

— Я ненавижу Бофинновъ! воскликнула Лавинія: — я не обращаю никакого вниманія на тѣхъ, кто не позволяетъ называть ихъ Бофинами. Я буду называть ихъ Бофиннами, Бофинами, Бофиннами. И я скажу, что они северные люди, Бофины, возстановили Беллу противъ меня, и я скажу Бофинамъ въ лицо, продолжала молодая дѣвушка, все болѣе и болѣе горячась: — что они гадкіе Бофины, мерзкіе Бофины, подлые Бофины, бестыи Бофины. Вотъ!

И миссъ Лавинія въ свою очередь залилась слезами.

Въ эту минуту садовая калитка заскрипѣла, и секретарь погнался на дорожкѣ. Онъ быстрыми шагами приближался къ дому. — Я сама ему отворю дверь, сказала мистриссъ Вильферъ, торжественно вставая съ мѣста и вытирая свои глаза: — у насъ нѣтъ теперь прислуги. Намъ нечего скрывать. Если онъ замѣтитъ на нашихъ щекахъ слѣды слезъ, то пускай объясняетъ ихъ себѣ, какъ знаетъ.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты, и снова позвонившись черезъ минуту, торжественно объявила: — мистеръ Роксмитъ принесъ пакетъ миссъ Беллѣ Вильферъ.

Мистеръ Роксмитъ слѣдовалъ за величественнымъ герольдомъ, и съ перваго взгляда увидѣлъ въ чемъ дѣло, но принявъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, обратился къ миссъ Беллѣ.

— Мистеръ Бофинъ намѣревался положить вотъ эту бѣдѣлицу въ карету, когда вы поѣдете, но опоздалъ, и потому я вызвался доставить вамъ ее.

Съ этими словами онъ подалъ ей свертокъ; Белла взяла, поблагодаривъ его за трудъ.

— Мы немного посчитались, мистеръ Роксмитъ, но вѣдь это не новость, вы хорошо знаете наши пріятныя замашки. Вы пришли очень кстати, а только что собиралась уѣзжать. Прощайте, мама, прощай Лавинія!

И подаловавъ мать и сестру, миссъ Белла пошла къ дверямъ. Секретарь хотѣлъ было ее проводить, но мистриссъ Вильферъ заступила ему дорогу, и торжественно произнесла: — извините! Позвольте мнѣ самой по праву матери посадить мою дочь въ карету, которая ее дожидается. Секретарь извинился и уступилъ свое мѣсто. Понстинъ было торжественное зрѣлище, когда мистриссъ Вильферъ, открывъ дверь на улицу, и махнувъ перчатками, громогласно крикнула: — человекъ ми-

стриссъ Вофинъ. — Когда сей послѣдній явился, то она торжественно произнесла: — миссъ Вильферъ выходитъ — и передала ему свою дочь, словно начальникъ Тауера выпускалъ на волю узника. Это невиданное никогда зрѣлище подѣйствовало удивительнымъ образомъ на всѣхъ сосѣдей, которые долго не могли прийти въ себя; эффектъ тѣмъ болѣе былъ полный, что мистриссъ Вильферъ, послѣ этой высокаторжественной сцены, стояла съ четверть часа, какъ-бы въ изнеможеніи, на верхней ступени лѣстницы.

Не успѣла Белла отъѣхать отъ дому, какъ развернула свертокъ и нашла въ немъ прехорошенькій кошелекъ, съ банковымъ билетомъ въ пятьдесятъ фунтовъ.

«Это будетъ приятнымъ сюрпризомъ для папа», подумала Белла: «я сама повезу ему въ Сити».

Такъ-какъ она не знала, гдѣ именно находится контора Чиксей, Венрингъ и Стобэлъсъ, а слышала только, что въ Минни-сия-Лэйфъ, то и велѣла везти себя на уголь этой мрачной улицы. Прибывъ туда, она послала челоуѣка мистриссъ Бофинъ отыскать контору Чиксей, Венрингъ и Стобэлъсъ и вызвать Р. Вильфера, если ему время. Извѣстіе, что какая-то барыня проситъ къ себѣ Р. Вильфера, произвело до того сильное впечатлѣніе въ конторѣ, что, по уходѣ Румти, былъ посланъ за нимъ мальчишка, чтобъ высмотрѣть и донести, какая тамъ барыня приѣхала. Возненіе еще болѣе увеличилось, когда мальчишка возвратился весь впопыхахъ и объявилъ громогласно, что приѣхавшая барыня была молоденькая красавица въ великолѣпной коляскѣ.

Самъ Румти, съ перомъ за ухомъ и въ своей потертой старой шляпѣ, выбѣжалъ къ коляскѣ смущенный, едва переводя духъ. Белла почти насильно втянула его въ коляску и покрыла поцалуями; только тогда бѣдный Румти узналъ свою дочь.

— Милое дитя мое! промолвилъ онъ, едва слышно:— Боже-мой! стала красавица. А я думалъ, что ты совершенно испортилась. Какая ты и забыла мать и сестру.

— Я только что была у нихъ, милый папа.

— О! Ну, и какъ ты нашла свою мать? спросилъ Румти.

— Она была очень назойлива, такъ же какъ и Лавви.

— Да, онѣ иногда очень любятъ говорить непріятности, замѣтилъ терпѣливый херувимъ:—но я надѣюсь, что ты не отвѣчала тѣмъ же, милая Белла?

— Нѣтъ, папа, я тоже насаказала имъ кучу непріятностей, однимъ словомъ, мы другъ друга отработали. Но, папа, я хочу, чтобъ ты поѣхалъ со мной куда-нибудь обѣдать.

— Какъ, милая, обѣдать? Да я уже перехватилъ, и если можно упоминать о такой вещи въ подобномъ блестящемъ экипажѣ, я уже перехватилъ колбаси. Это послѣднее слово Р. Вильферъ промолвилъ вполголоса, поглядывая съ уваженіемъ на блестящія украшенія коляски.

— О! это ничего, папа.

— Конечно, часто желалъ бы чего нибудь больше, отвѣчать отецъ ея, поднося руку ко рту:—но когда обстоятельства, которыхъ не можешь удалить, не позволяютъ вамъ угостить себя настоящими нѣмецкими сосисками, то приходится довольствоваться я... (тутъ онъ снова понизилъ голосъ) — колбасою.

— Бѣдный, милый папа. Ну, послушайте, я прошу васъ, умоляю; подите, выпроситесь на весь остальной день и проведите его со мною.

— Хорошо, я пойду, спрошу позволенія.

— Но прежде, чѣмъ вы уйдете, воскликнула Белла, снямая съ него шляпу и приглаживая по старинному его всклопоченные волосы:—скажите, что увѣрены въ моей любви къ вамъ, хотя я и легкомысленная вертушка.

— Милое дитя, я готовъ это сказать отъ всего сердца. И позвольте мнѣ еще прибавить, промолвилъ онъ, бросивъ взглядъ на окна конторы:—что посторонніе люди могутъ замѣтить, какъ меня публично причисляетъ на улицѣ красавица, да еще въ щегольской коляскѣ.

Белла разсмѣялась и поспѣшно надѣла ему на голову шляпу; но когда его дѣтская фигурка живо улепетывала отъ экипажа, она грустно посмотрѣла на этого несчастнаго человѣка, переносившаго все съ такимъ удивительнымъ терпѣніемъ, и слезы показались на ея глазахъ.

«Я ненавижу этого секретаря; какъ онъ смѣетъ такъ обо мнѣ думать», сказала она сама себѣ: «и однако, это кажется отчасти справедливо».

Черезъ нѣсколько минутъ возвратился ея отецъ, похода болѣе чѣмъ когда на ребѣнка, и еще на ребѣнка, только что отпущеннаго домой изъ школы.

— Все обѣдано, моя милая! произнесъ онъ: — мнѣ сейчасъ выдали позволеніе, и это, право, очень любезно.

— Ну, теперь скажите, милый папа, какъ бы намъ найти такое уединенное мѣстечко, гдѣ бы я, отославъ экипажъ, могла васъ подождать, покуда вы пойдете исполнить мои порученія?

Это была нелегкая штука и требовала зрѣлаго обсужденія.

— Вотъ видишь, дитя мое, объяснилъ Р. Вильферъ:—ты такая стала красавица, что мѣсто-то должно быть очень уединенное.

Наконецъ онъ предложилъ какъ самую подходящую мѣстность у сада Тринити-Гауза на Таур-Гилѣ. Итакъ они отправились туда, и Белла отпустила коляску, написавъ карандашомъ записку мистриссъ Бофинъ, что она осталась съ отцомъ.

— Ну, папа, слушайте внимательно что я вамъ скажу, и обѣщайте, клянитесь, что будете послушны.

— Да, обѣщаю, обѣщаю и клянусь, дитя мое.

— Не смѣйте ничего спрашивать, а молча возьмите этотъ кошелекъ и ступайте въ ближайшій магазинъ готоваго платья, только чтобъ это былъ непременно хорошій магазинъ, купите тамъ себѣ все нужное вамъ одѣваніе, самое лучшее, перваго сорта, потомъ купите самую лучшую шляпу и самые лучшіе блестящіе саногги (непременно патентованной кожи, папа), надѣньте все это и приходите ко мнѣ.

— Но, милая Белла...

— Берегитесь, папа! воскликнула Белла, грозя пальцемъ:— вы дали обѣщаніе и клятву. Берегитесь сдѣлаться клятвopреступникомъ.

Слезы появились на глупыхъ, дѣтскихъ глазкахъ херувима, но Белла отерла ихъ поцалуемъ (хотя ея собственныя глаза были также влажны), и онъ заковылялъ по улицѣ. Черезъ полчаса онъ возвратился, но въ немъ теперь произошла такая удивительная перемена, что Белла долго вертѣла его во всѣ стороны въ нѣжномъ восторгѣ, прежде чѣмъ взяла его подъ руку.

— Теперь, папа, сказала она, нѣжно прижимаясь къ нему:— повезите красавицу куда нибудь обѣдать.

— Куда же мы поѣдемъ, голубушка?

— Въ Гриничъ! воскликнула храбро Белла:— да смотрите, угощайте красавицу лишь самыми лучшими вещами.

Иди къ лодкѣ, Р. Вильферъ замѣтилъ очень смиренно:

— А ты не жалѣешь, дитя мое, что съ нами нѣтъ твоей матери?

— Нѣтъ, не жалѣю, папа, потому я хочу провести весь сегодняшній день съ вами однимъ. Вѣдь я всегда была вашей любимцей, да и я васъ любила болѣе, чѣмъ кого другаго. Помните, какъ мы часто убѣгали съ вами изъ дома, папа?

— Конечно! Не одно воскресенье мы спасались бѣгствомъ отъ... несовсѣмъ хорошаго расположенія духа твоей матери, замѣтилъ очень деликатно Р. Вильферъ.

— Да и я боюсь, что я во время этихъ прогулокъ вела себя не очень хорошо. Я заставляла васъ все таскать себя на рукахъ, вмѣсто того, чтобъ ходить рядомъ съ вами, часто заставляла васъ бѣгать, когда вы бы гораздо охотнѣе посидѣли и читали газету. Не правда ли, папа?

— Конечно, иногда случалось. Но, Боже мой, какой прекрасный ребёнок ты была! Какой товарищ!

— Товарищ? Ну, вот я именно хочу быть сегодня вашим товарищем, папа.

— Ты можешь быть спокойна на счёт успѣха. Всѣ твои братья и сестры были мнѣ товарищами въ извѣстномъ отношеніи, но только въ извѣстномъ отношеніи, твоя мать была всегда мнѣ товарищемъ, котораго всякій человѣкъ... могъ... ставить себѣ... въ образецъ... и заучивать ея слова... и подражать ей... если...

— Если ему нравится образецъ, подсказала Белла.

— Ну... да...а, отвѣчалъ онъ задумчиво: — или, если его характеръ былъ немного сходенъ съ образцомъ. Положимъ, что человѣкъ желалъ бы всегда ходить церемониальнымъ маршемъ; то гдѣ онъ въ твоей матери нашелъ бы бездѣянаго товарища. Но еслибъ онъ любилъ иногда и побѣгать, и походить шагомъ, то ему было бы трудно идти нога въ ногу съ твоей матерью. Или положимъ, Белла, прибавилъ онъ послѣ минутнаго размышленія:— положимъ, что человѣку надо было всю жизнь идти не подъ руку съ товарищемъ, а подъ извѣстную музыку. Хорошо. Положимъ, что эта музыка была траурный маршъ. Это была бы очень подходящая музыка для ныхъ случаевъ, даже отличная, но вѣдь трудно было бы подъ звуки ея исполнять всѣ мелочныя домашнія дѣла. Напримѣръ, еслибъ послѣ дѣлаго дня работы онъ ужиналъ подъ звуки траурнаго марша, то конечно ѣда не ползла бы ему въ горло. Или, еслибъ онъ когда нибудь вздумалъ для развлечения спѣть веселую пѣсенку или поплясать, и обязанъ былъ бы дѣлать это подъ музыку траурнаго марша, то онъ опять нашелъ бы себя вынужденнымъ отказаться отъ всякаго развлечения и веселія.

— Бѣдный папа! промолвила Белла.

— А объ тебѣ я скажу, продолжалъ херувимъ смиренно и безъ малѣйшей мысли укора или жалобы: — что ты удивительно умѣешь подлаживаться.

— Нѣтъ, папа, я боюсь, что всегда была слишкомъ капризной, нехорошей, слишкомъ жаловалась на все. Мысль объ этомъ никогда прежде не входила мнѣ въ голову. Но когда я сидѣла въ коляскѣ у конторы, и увидѣла васъ на тротуарѣ, я за многое себя упрекнула.

— Нѣтъ, нѣтъ, милая, это несправедливо, не будемъ объ этомъ и говорить.

Счастливый, разговорчивый человѣкъ былъ папа въ своемъ новомъ платьѣ; взявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства его

жизни, это, быть можетъ, былъ самый счастливый день, какой онъ когда-либо знавалъ, даже не исключая и того дня, когда онъ подходилъ къ алтарю съ своей величественной супругой въ звуки траурнаго марша.

Прогулка въ лодкѣ внизъ по теченію была восхитительна; также восхитительна была и комната, выходявшая окнами на рѣку, въ которой имъ приготовили обѣдать. Все было восхитительно. Паркъ былъ восхитителенъ, пуншъ былъ восхитителенъ, рыба была восхитительна, вино было восхитительно. Сама же Белла была восхитительнѣе всего; она очень весело шутила, заставляла папу болтать, не называла себя иначе, какъ красавицей, подбивала папу ведѣть подавать роскошныя блюда, объявляла, что красавица желаетъ, чтобъ ее поподчивали тѣмъ или другимъ — однимъ словомъ, приводила въ восторгъ папу, выходящаго изъ себя отъ счастья при одной мысли, что онъ пана такой обворожительной дочери.

И потомъ, сидя у окна и смотря на корабли и пароходы, уходившіе въ море съ отливомъ, быстро бѣжавшіе изъ береговъ, красавица создавала въ своемъ воображеніи всевозможныя путешествія, которыя предпринимала она и ея папа. Вотъ папа, въ качествѣ владѣльца черной угольной барки, отправляется въ Ньюкестль добывать черныя брѣльянты, славу, состояніе. Или вонъ папа уѣзжаетъ въ Китай на томъ красивомъ трехмачтовомъ кораблѣ, уѣзжаетъ за опиумомъ и возвращается подрывающъ фирму Чиссей, Венирингъ и Стобалсъ и привозитъ своей красавицѣ дочери безчисленныя количества шалей и шелковыхъ платьевъ. Потомъ ей казалось, что несчастная судьба Джона Гармона была только тяжелымъ сномъ и онъ возвращается домой и находить, что красавица совершенно подходитъ къ его вкусамъ, а онъ подходитъ къ вкусамъ красавицы и они отправляются для осмотра своихъ виноградниковъ, на собственной яхтѣ, съ развивающимися флагами, музыкой и паной на налубѣ. Но вотъ Джонъ Гармонъ дѣйствительно умеръ и богатѣйшій купецъ (неизвѣстный по фамиліи) ухаживаетъ за красавицей и женится на ней, и онъ такъ страшно богатъ, что всѣ корабли и пароходы на рѣкѣ принадлежали ему и онъ держалъ цѣлый флотъ яхтъ для своей забавы, изъ которыхъ одна—вонъ она быстро летитъ по вѣтру подъ большимъ бѣлымъ парусомъ — названа *Красавицей*, въ честь его жены, которая давала пиры на корабляхъ, когда ей вздумалось, словно современная Клеопатра. Но ея фантазія не ограничивалась этимъ, она снова видѣла себя въ новомъ свѣтѣ. Теперь она жена храбраго, славнаго полководца, отправляющагося на войну вонъ въ томъ кораблѣ, что нагру-

жастъ войска въ Гревзидѣ. Онъ не хотѣлъ идти побѣждать безъ нея, безъ красавицы, и ей суждено было сдѣлаться вѣдомъ всѣхъ офицеровъ. А вонъ правѣе корабль ведетъ на буксирѣ маленькій пароходъ. Куда, вы думаете, онъ направляется? Къ коралловымъ рифамъ, къ тѣмъ землямъ, гдѣ растутъ кокосы и тому подобныя прелести. Принадлежалъ онъ вѣвоему счастливцу по имени Папѣ (который находился тутъ же на палубѣ) и отплавался за грузомъ рѣдкихъ сортовъ дерева, которыхъ никогда не видывали и которые, бывъ проданы, составятъ громадное состояніе. Но откуда папа достала этотъ корабль? Ему подарила его красавица, которая была замужемъ за индѣйскимъ принцемъ, носившимъ кашемировыя шали, блестящими бриллиантами и жемчугами, походившимъ цвѣтомъ лица на шоколадъ и отличавшимся пламенною, хотя слѣшкомъ ревнивою любовью къ красавицѣ. Такъ болтала Белла, приводя въ восхищеніе папу, который былъ такъ же готовъ окунуться въ сказочную вадку воды, какъ ребягшики на улицѣ въ настоящую лужу.

— Я полагаю, милое дитя мое, произнесъ папа, послѣ обѣда: — что мы должны помириться съ мыслью, что мы тебя потеряли навсегда.

Белла покачала головою и объявила, что она, право, не знаетъ, право, не можетъ ничего сказать. Одно достоверно, что ее окружають роскошью и довольствомъ, исполняютъ всѣ ея малѣйшія желанія, а когда она намечаетъ о своемъ отъѣздѣ, то мистеръ и мистрисъ Бофинъ и слышать объ этомъ не хотятъ.

— Теперь, папа, продолжала Белла:—я должна вамъ признаться въ одномъ важномъ дѣлѣ: я—самая корыстолюбивая дрянь, какая только когда-либо была на свѣтѣ.

— Я бы этого объ тебѣ никогда не подумалъ, зашѣтилъ папа, бросивъ взглядъ на свое отраженіе въ зеркалъ и на роскошный десертъ.

— Я понимаю, чтѣ вы хотите сказать, папа, но не въ этомъ дѣло. Не то, чтобъ я дорожила деньгами изъ-за самихъ денегъ, но я люблю ихъ за то, что на нихъ можно покупать.

— Неужели?—да я думаю, каждый изъ насъ любить деньги, возразилъ Р. Вильферъ.

— Но не такъ страшно, какъ я, папа! О! о! воскликнула Белла: — я такъ корыстолюбива.

— Когда ты сознала впервые это чувство, дитя мое? спросилъ Р. Вильферъ, не зная, чтѣ сказать встати.

— Вотъ въ этомъ и заключается весь ужасъ; когда я была дома и только вѣдала нищету, я жаловалась, но не очень любила деньги. Когда я, все еще дома, ожидала сдѣлаться богатой,

я смутно дѣлала самыя роскошныя планы. Но когда я была обманута въ своихъ надеждахъ и увидѣла великолѣпное состояніе, которое должно было быть моимъ, въ чужихъ рукахъ, когда я видѣла передъ своими глазами, что изъ этого состоянія можно сдѣлать, вотъ тогда-то я и сдѣлалась корыстолюбивою дрянью.

— Это все твои фантазіи, голубушка.

— Могу васъ увѣрить, что нѣтъ, воскликнула Белла, поднимая высоко свои прелестныя брови, въ очень комичномъ испугѣ: — это—факты. Я всегда интригую, всегда составляю планы и проекты.

— Боже мой! Это какъ?

— Я вамъ скажу, папа; я не боюсь сказать вамъ, потому что мы всегда любили другъ друга, да и вы не походите на папу, а скорѣе на младшаго брата съ милымъ, почтеннымъ, старшимъ лицомъ. И къ тому же, прибавила Белла со смѣхомъ и указывая пальцемъ на него:—вы у меня въ рукахъ. Вѣдь эта прогулка, эта прогулка—секретъ. И если вы скажете что нибудь обо мнѣ, то я тотчасъ скажу мамѣ, что вы обѣдали въ Гриничѣ.

— Ну, говоря серьезно, милая Белла, замѣтилъ Р. Вильферъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:—лучше было бы объ этомъ не упоминать.

— Ага, продолжала со смѣхомъ Белла:—я знала, что вамъ это не понравится, сэръ! Такъ вы не выдавайте меня, и я васъ не выдамъ. Попробуйте только измѣнить красавицѣ, и она обажется коварнѣе змѣи. Ну, теперь поцалуйте меня, папа, и я бы желала поправить вамъ волоса, такъ-какъ они со времени моего отъѣзда изъ дома пришли въ страшный беспорядокъ.

Р. Вильферъ безпрекословно предалъ свою голову въ руки оператора, который, продолжая болтать, дѣлалъ свое дѣло и очень искусно обматывалъ волоса папы вокругъ своихъ двухъ пальцевъ, которые потомъ неожиданно выдергивалъ, при чемъ пациентъ корчилъ каждый разъ гримасу.

— Я рѣшилась имѣть деньги и много денегъ, папа. Я чувствую, что я не могу ни выпросить ихъ, ни занять, ни украсть, поэтому я рѣшилась выдти замужъ за деньги.

Реджинальдъ Вильферъ посмотрѣлъ на нее, на сколько могъ при теперешней операціи, и произнесъ съ укоромъ: — ми...лая Белла!

— Да, папа, вотъ въ чемъ дѣло. Если былъ на свѣтѣ когда нибудь корыстолюбивый интригантъ, котораго всѣ мысли были поглощены его низкими планами, то это—я. Но мнѣ это все равно: я ненавижу бѣдность и не буду бѣдною, если выйду замужъ за деньги. Ну, вотъ, папа, прибавила она:—вы теперь прелестны, и, конечно, слуга, увидѣвъ васъ, немало удивится.

— Но, Белла, вѣдь это ужасно въ твои годы.

— Я вамъ такъ и говорила, но вы не хотѣли вѣрить, сказала Белла, прелестнымъ, дѣтски-серьезнымъ тономъ: — не отвратительно ли это?

— Конечно, оно было бы очень нехорошо, еслибъ ты вполне понимала, что говоришь, моя милая Белла.

— Ну, папа, я могу только сказать, что я вѣдь этого ничего не понимаю. Толкуйте про любовь! воскликнула молодая дѣвушка презрительно (хотя, конечно, ея лицо и вся фигура очень естественно давали поводъ мечтать о любви). Толкуйте про огненныхъ драконовъ! Но не со мною! Мнѣ говорите о богатствѣ и бѣдности! Это—факты! Это—дѣйствительность.

— Милая, это даже становится страшно, началъ торжественно отецъ ея, но Белла его перебила.

— Папа, скажите мнѣ, вы женились на деньгахъ?

— Ты знаешь, что нѣтъ.

Белла затанула траурный маршъ и возразила, что въ сущности это ничего не значило! Но увидавъ, что ея папа пригорюнился, она обвила его шею руками и начала цаловать до тѣхъ поръ, что онъ снова повеселѣлъ.

— Я не съ умысломъ это сказала, папа, такъ, шуткой. Теперь помните, вамъ не надо выдавать меня, а мнѣ васъ. Кромѣ того я вамъ обещаю никогда не имѣть отъ васъ секретовъ и вы можете быть спокойны: какіе корыстолюбивые планы я ни придумаю, прежде всего расскажу ихъ вамъ.

Хотя и не совсѣмъ удовлетворенный этой уступкой красавицы, Р. Вильферъ, однако, позвонилъ трактирнаго слугу и расплатился за обѣдъ.

— Все остальное, папа, сказала Белла, складывая вдвое кошелекъ и пряча его въ жилетный карманъ отца:—ваше, вы можете на нихъ купить подарки домашнимъ, заплатить долги—однимъ словомъ, можете дѣлать съ ними, что знаете. Наконецъ, знайте, что эти деньги не плодъ какихъ нибудь корыстолюбивыхъ комбинацій. Можетъ быть, въ противномъ случаѣ, ваша дражная, корыстолюбивая дочь не такъ легко бы съ ними разсталась!

Съ этими словами она сама запахнула полы его сюртука и застегнула его доверху, прикрывая драгоценный жилетный карманъ; потомъ надѣла шляпку и повезла Р. Вильфера назадъ въ Лондонъ. Достигнувъ великолѣпнаго дома мистера Бофина, она прислонилась своего папу къ дверямъ, взяла его нѣжно за уши и стала цаловать такъ сильно, что онъ нѣсколько разъ

хлопнулъ головой о дверь. Наконецъ, она напомнила ему о ихъ разговорѣ и они весело, счастливо разстались.

Но ей не было весело, когда онъ удалился по темной улицѣ, и на ея глазахъ показались слезы. Ей не было весело, и она нѣсколько разъ промолвила: «Бѣдный папа! бѣдный, милый труженникъ папа!» прежде чѣмъ собралась съ силами, чтобъ постучать. Ей не было весело и при входѣ въ роскошныя, богатныя комнаты. Великолѣпная, блестящая мѣбель мозолила ей глаза, какъ-бы напрашиваясь насильно на сравненіе съ грязной, поломанной мѣбелью въ домѣ ея отца. Ей не было весело, когда она ушла къ себѣ въ комнату и долго въ эту ночь она плакала — плакала отъ души. Она то искренно сожалѣла, что старикъ Гармонъ помѣстилъ ея имя въ своемъ завѣщаніи, то принималась сожалѣть, что молодой Гармонъ не остался живъ и не женился на ней.

— О какихъ противоположныхъ вещахъ я сожалѣю! восклицала внѣ себя Бетта: — но моя жизнь, моя судьба такъ полны противоположностей, что чѣмъ же мнѣ прикажете быть?

IX.

Завѣщаніе сироты.

На другое утро, когда секретарь былъ занятъ дѣлами, ему доложили, что его желаетъ видѣть какой-то мальчикъ, именующій себя Слопи. Лавей, докладывавшій о появленіи этого неизвестнаго мальчика, остановился на минуту прежде чѣмъ выговорить его имя, словно дѣлая это по принужденію или изъ милости къ юношѣ, который не имѣлъ довольно ума и вкуса унаслѣдовать болѣе звучное имя.

— Мистриссъ Бофинъ будетъ очень рада, сказалъ секретарь спокойно:—пускай онъ войдетъ.

Мистеръ Слопи вошелъ въ комнату и остановился около притолки, сія громаднымъ количествомъ самыхъ удивительныхъ, непонятныхъ пуговокъ, торчавшихъ во всѣхъ частяхъ его одежды.

— Очень радъ васъ видѣть, сказалъ Джонъ Роксмитъ, съ любезною улыбкой:—я васъ давно ожидаю.

Слопи объяснилъ, что онъ собирался уже давно придти, но сирота (или, какъ онъ его называлъ, нашъ Джонн) все былъ неадекватенъ и онъ ждалъ пока можно будетъ принести вѣсть о его выздоровленіи.

— Такъ онъ теперь совсѣмъ здоровъ? спросилъ секретарь.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Слопи, и покачалъ головою, поясняя, что вѣроятно къ Джонн *онъ* пристали отъ приѣмшей. На вопи-

рось, что такое *онъ*, онъ пояснилъ, что *онъ*, то-есть тѣ, которыя вдругъ являются на тѣлѣ и покрываютъ его, особливо грудь. Секретарь снова потребовалъ болѣе точнаго объясненія, и Слопи отвѣчалъ, что нѣкоторые изъ *нихъ* болѣе шестипенсовой монеты. Но и этого было мало, секретарь все не понималъ; тогда Слопи прибавилъ, что это тѣ, ну, которыя такъ красивы, какъ нельзя быть красивѣе. Но откуда онѣ выходятъ наружу, то это еще ничего, заключилъ онъ свою рѣчь:—а вотъ опасно, когда бросятся внутрь.

Джонъ Роксмитъ выразилъ надежду, что ребѣнка лечитъ какой-нибудь докторъ.—О! да отвѣчалъ Слопи:—его носили разъ въ аптеку.—Какъ же тамъ назвали болѣзнь? спросилъ Роксмитъ. Послѣ минутнаго размышленія, лицо Слопи просіяло: онъ выговорилъ какое-то особенное, ужасно длинное названіе для пачтенъ. Роксмитъ, несмотря на это замѣчаніе, спросилъ, не корь ли это.—Нѣтъ, отвѣчалъ съ презрѣніемъ мистеръ Слопи:—гораздо длиннѣе. Мистеръ Слопи очень настаивалъ на этомъ фактѣ, полагая повидному, что это дѣлаетъ честь бѣдному маленькому больному.

— Мистриссъ Бофинъ будетъ очень сожалѣть объ этомъ, сказала Роксмитъ.

— Мистриссъ Гигденъ такъ и думала, и поэтому скрывала это отъ нея до сихъ поръ, все надѣясь, что нашъ Джонъ поправится.

— Но я также надѣюсь, что онъ все-таки выдоревѣетъ, произнесъ Роксмитъ, пристально взглянувъ на посланнаго.

— И я надѣюсь, отвѣтилъ Слопи:— все зависитъ отъ того, если не бросится внутрь. Далѣе онъ объяснилъ, что пристало ли Джонъ отъ пріемшей или пріемшамъ отъ Джонъ, только и они завологли и разосланы по домамъ. Кромѣ того, чтобъ мистриссъ Гигденъ можно было все время и днемъ и ночью посвящать на уходъ за нашимъ Джонъ, который не сходилъ ни на минуту съ ея рукъ, все дѣло катанія теперь возложено на него и ему было немного трудненько. Некрасивый, но честный, благородный мальчикъ красивѣлъ и силъ отъ счастья при мысли, что онъ могъ быть полезнымъ.

— Въ прошлую ночь, продолжалъ снова Слопи.— я вертѣлъ катокъ очень поздно и движеніе его совершенно совпадало съ дыханіемъ нашего Джонъ. Сначала катокъ вертѣлся такъ плавно, ровно, потомъ начиналъ дрожать и колебаться, наконецъ при оборотѣ рукоятки почти совсѣмъ останавливался, какъ-то страшно храпѣлъ и потомъ снова шелъ плавно; съ дыханіемъ нашего Джонъ *Омму* то же самое, такъ что я вскорѣ съ трудомъ

различать дыханіе Джони отъ шума ватка. Даже и самъ Джони едва звалъ эту разницу, ибо часто, когда ватокъ колебался, онъ восклицалъ:—бабушка, я не могу дышать! Тогда мистриссъ Гигденъ приказываетъ мнѣ на минуту прекратить свою работу, и мы всё останавливаемся. Когда же у нашего Джони снова является дыханіе, то я снова начинаю вертѣть рукоятку, и снова по-прежнему Джони дышетъ, машина шумитъ, я верчу.

Во время этого разсказа, глаза Слони были устремлены какъ-то бессознательно въ пространство; теперь же, когда онъ кончилъ, на нихъ навернулись слезы, которыя онъ едва могъ скрыть рукавомъ своего скрутка.

— Жаль, очень жаль, провзнесъ Роксмитъ:—однако, надо пойти съ этимъ грустнымъ извѣстіемъ къ мистриссъ Бофинъ. Подождите здѣсь, Слони.

Слони подождалъ, озираясь кругомъ и восхищаясь особливо обоими, пока въ комнату вошли секретарь, мистриссъ Бофинъ и рядомъ съ ней молодая дѣвушка (по имени миссъ Белла Вильферъ), которой, конечно, лучше было восхищаться, по мнѣнію Слони, чѣмъ самими лучшими обоими.

— Ахъ! мой бѣдненькій Джонъ Гармонъ! воскликнула мистриссъ Бофинъ.

— Да, сударыня, подтвердилъ съ большимъ сочувствіемъ Слони.

— Но вѣдь ему не очень, не очень дурно? спросила съ чувствомъ добрая женщина.

Не зная, что отвѣчать на такой вопросъ, не желая ни солгать, ни сказать что-нибудь непріятное, Слони загнулъ голову назадъ и засопѣлъ.

— Неужели ему такъ уже худо! воскликнула мистриссъ Бофинъ:—и Бетти Гигденъ меня не извѣстила до сихъ поръ?

— Я думаю, она сомнѣвалась, сударыня, провзнесъ Слони.

— Въ чемъ, бога-ради?

— Я думаю, она сомнѣвалась, сударыня, повторилъ Слони:—не повредятъ ли она счастью нашего Джони, извѣстивъ васъ. Вѣдь съ большимъ такъ много возни и столько траты денегъ, что всёъ отъ этого отказываются.

— Но она никогда не могла подумать, чтобъ я отказала въ чемънибудь бѣдному, милому ребѣнку?

— Нѣтъ, сударыня, но она по привычкѣ, испытавъ уже много, быть можетъ, не желала подвергать нашего Джони риску, и потому старалась вылечить его сама, втайнѣ отъ всѣхъ, и передать его вамъ уже здороваго.

Слони зналъ хорошо, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Спрятаться отъ всѣхъ

въ болѣзни, какъ безсловесное животное, свернуться въ клубокъ въ какой нибудь дырѣ и умереть такъ, чтобы никто не зналъ—сдѣлалось инстинктомъ этой женщины. Схватить на руки больного, милаго ей ребѣнка и спрятать его какъ преступника, отказать ему во всякомъ пособіи кромѣ своихъ материнскихъ попеченій—вотъ что, по мнѣнію этой женщины, повелѣвала ей любовь къ ребѣнку и чувство долга. Позорныя описанія, которыя мы ежедневно читаемъ, милорды и господа члены благотворительныхъ комитетовъ, о мелкихъ, официальныхъ жестокостяхъ, не забываются такъ легко народомъ, какъ нами. И отъ этого происходятъ эти нераціональныя, слѣпые, упрямыя предрассудки, которые такъ непонятны нашему величію и которые имѣютъ такую же причину битія. Боже храни королеву и уничтожь этихъ дивныхъ людей—какъ дымъ, когда пылаютъ огонь!

— Нельзя такъ оставить ребѣнка, воскликнула мистриссъ Бофинъ: — добрый мистеръ Роксмитъ скажите, какъ тутъ помочь.

Онъ уже придумалъ средство, и потому просто объявилъ, что обдѣлаетъ все вполчаса, и тогда они всѣ отправятся въ Брентфордъ.

— Пожалуйста возьмите и меня, сказала Белла.

Поэтому привязано было заложить экипажъ, въ которомъ бы они всѣ могли умѣститься, а пока Слюпи отвели въ комнату секретаря и тамъ его глазамъ представилось осуществленіе его фантазій—блюдо мяса и зелени, пудингъ и пиво. Онъ прѣнялся съ жаромъ за работу, и вскорѣ его пуговицы еще болѣе стали выдаваться на его тѣлѣ, кромѣ двухъ подъ самымъ кушакомъ, которыя скромно ступевались.

Съ строгою аккуратностью черезъ полчаса явился секретарь, и карета была водана. Онъ сѣлъ на козлы, а мистеръ Слюпи помѣстился на сидѣннѣ за экипажемъ. Итакъ они снова отправились къ Треть Сорокамъ, гдѣ вышли изъ экипажа и продолжали путь пѣшкомъ. По дорогѣ они еще зашли въ игрушечную лавку и купили богато украшенную лошадь, описаніе которой такъ сильно подействовало на легкомысленнаго Джони, когда онъ былъ здоровъ, также Ноевъ ковчегъ со всевозможными звѣрами, желтую птицу, издававшую пронзительный крикъ, и солдата, такъ отлично одѣтаго, что будь онъ въ человѣческой ростъ, то всѣ гвардейцы принажи бы его за своего товарища.

Съ этими-то подарками наше общество явилось въ дверяхъ Бетти Гигденъ, которая сидѣла въ самомъ заднемъ темномъ углу комнаты и ублаживала у себя на колѣняхъ бѣднаго Джони.

— Ну, каково моему мальчику, Бетти? спросила мистриссъ Бофинъ, садясь подлѣ нея.

— Очень худо! Очень худо! отвѣчала Бетти: — я начинаю думать, что онъ никогда не будетъ ни вашимъ, ни моимъ. Посмотрите на него. И Бетти развернула тряпки, въ которыхъ завернуть былъ ребѣнокъ, и показала его сжатую, правую ручку, лежащую на его груди. — И онъ не разгибаетъ ее, что съ нимъ ни дѣлай.

— Онъ спитъ?

— Не думаю; Джонн, ты спишь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Джонн, не открывая глазъ и какъ-бы сожалея о самомъ себѣ.

— Барыня пріѣхала, Джонн, и лошадь привезла.

Джонн совершенно хладнокровно услышалъ о пріѣздѣ барыни, но противъ лошади устоять не могъ. Медленно, съ трудомъ открылъ онъ свои отяжелѣвшіе глаза, и при видѣ великолѣпнаго чуда, улыбка освѣтила его болѣзненное лицо и онъ протанулъ свои ручки, желая ближе насладиться удивительнымъ зрѣлищемъ. Но лошадь была слишкомъ велика, чтобъ онъ могъ удержать ее на рукахъ, и потому ее поставили на стулъ подлѣ него такъ, что онъ могъ любоваться ею и гладить ее рукою. Вскорѣ однако рука его опустилась, глаза снова закрылись и онъ забылъ о великолѣпномъ чудѣ.

Но вотъ Джонн, не открывая глазъ, пробормоталъ что-то, и старая Бетти, наклонившись къ нему, едва могла разобрать его слова, такъ что онъ долженъ былъ повторить раза два, прежде чѣмъ всѣ поняли, что онъ хотѣлъ сказать. Оказывалось, что онъ видѣлъ гораздо болѣе чѣмъ лошадь, гораздо болѣе чѣмъ кто нибудь подозревалъ, ибо онъ теперь бормоталъ: кто эта късавица? Късавица была Белла. Это замѣчаніе бѣднаго большого ребѣнка тронуло-бы ее во всякое время, но тѣмъ сильнѣе отзывалось оно въ ея сердцѣ теперь, послѣ ея недавней прогулки съ отцомъ, во время которой она въ шутку называла себя красавицей. Она тотчасъ опустилась на колѣни передъ ребѣнкомъ и нѣжно обняла его; ребѣнокъ съ дѣтскимъ восхищеніемъ—отъ всего юнаго, прекраснаго—обвилъ своими ручонками ея шею.

— Ну, моя милая Бетти, сказала мистриссъ Бофинъ, полагая, что минута теперь самая удобная для открытія огня: — мы пріѣхали за Джонн и повеземъ его туда, гдѣ за нимъ лучше приглядывать и скорѣе вылечать.

Не успѣла она еще выговорить эти слова, какъ старуха вскочила со стула и съ ребѣнкомъ въ рукахъ бросилась къ дверямъ.

— Прочь! прочь! воскликнула она дико, съ блуждающими глазами: — я понимаю, чего вы хотите. Пустите, я уйду, я убѣгу

отъ васъ. Я скорѣе убью моего голубчика милаго, убью и себя самоё!

— Погодите, погодите! сказалъ Робсмитъ, стараясь ее уснокоить: — вы не понимаете, о чемъ вамъ говорить.

— Я слишкомъ хорошо понимаю. Я слишкомъ много знаю объ этомъ, сэръ. Сколько лѣтъ я избѣгала этого позора. Нѣтъ! Нѣтъ! Не бывать тамъ ни моему ребѣнку, ни мнѣ, пока въ рѣкѣ есть вода, которой можно захлебнуться.

Страхъ, ужасъ, отвращеніе, блестящія въ глазахъ старухи, безумное остервѣненіе, проглядывавшее въ каждой чертѣ ея лица — заставили бы поневолѣ вздрогнуть самого хладнокровнаго чело-вѣка. Но что еще ужаснѣе, милорды и господа члены благотвори-тельныхъ комитетовъ — эта дикая, изстуженная старуха не составляетъ исключенія: подобныя чувства проявляются, увы! во многихъ и многихъ вашихъ ближнихъ.

— Всю жизнь позоръ этотъ грозилъ мнѣ, восклицала съ жа-ромъ Бетти: — но я не дамъ живою, не отдамъ моего голубчика. Ступайте, ступайте прочь, всѣ! Еслибъ я только знала, для чего вы придете, я бы заперла дверь на запоръ и умерла бы съ го-лода, но васъ никогда бы непустила.

Но тутъ, въ пылу своего безумія, старуха увидѣла на добромъ лицѣ мистриссъ Бофинъ столько нѣжнаго состраданія и любви, что она опустилась на землю у самой двери, и смиренно произ-несла: — можетъ быть, я и ошибаюсь. Если это такъ, то скажите, образуйте и простите меня бога-ради. Я такъ боюсь позора, и голова моя такъ отяжелѣла эти дни, что я, можетъ быть, пере-путала, смѣшала, не поняла.

— Ну, ну! Не будемъ объ этомъ болѣе говорить, сказала мистриссъ Бофинъ: — это была ошибка, болѣе ничего. Всякій изъ насъ можетъ ошибиться, и почувствовать то же, что вы чув-ствовали.

— Да благословить васъ Богъ! воскликнула старуха, протяги-вая свою костлявую руку.

— Послушайте теперь, Бетти, что я вамъ хотѣла сказать, про-должала добрая, сострадательная душа, горячо пожимая руку ста-рухи: — во всемъ я виновата, не умѣла выразиться хорошенько, такъ, чтобъ вы меня поняли. Мы хотимъ отвезти Джони въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ никого кромѣ дѣтей, гдѣ добрые доктора и сидѣлки всю свою жизнь посвящаютъ дѣтямъ, ухаживаютъ только за дѣтьми, говорятъ только съ дѣтьми, вылечиваютъ только дѣтей.

— Развѣ есть такое мѣсто? спросила съ изумленіемъ Бетти.

— Да, есть, милая, честное слово; и вы сами увидите соб-ственными глазами. Еслибъ въ моемъ домѣ Джони могло быть.

лучше, то, конечно, я взяла бы его къ себѣ, но увѣряю васъ, что будетъ гораздо хуже.

— Берите его, везите, куда хотите, радость моя, произнесла Бетти съ жаромъ, цалуя руку мистриссъ Бофинъ: — мое сердце не каменное, я вѣрю вашему доброму лицу, вашему доброму голосу, и всегда буду вѣрить, пока жива.

Побѣда была одержана, и теперь Роксмить быстро воспользовался ея плодами, ясно понимая, что тутъ нельзя было терять ни минуты. Онъ послалъ Слопи привезть къ дверямъ карету, велѣлъ Бетти укутать какъ можно болѣе ребѣнка, и самой одѣться, потомъ собралъ всѣ игрушки передъ глазами Джони, такъ чтобъ тотъ понялъ, что всѣ его сокровища идутъ съ нимъ вмѣстѣ — однимъ словомъ, такъ ловко и быстро распорядился, что когда явилась карета, то все было готово, и черезъ нѣсколько минутъ они уже были въ дорогѣ. Слопи остался дома, и чтобъ отвести горе, принялся съ остервѣненіемъ вертѣть свой катокъ.

Въ дѣтской больницѣ — богато убранная лошадь, Ноевъ ковчегъ, желтая птица и гвардейскій солдатъ, были приняты съ такимъ же радушіемъ, какъ ихъ владѣлецъ, бѣдный больной мальчикъ. Только докторъ, отведя въ сторону Роксмита, шепнулъ ему: — повдно. Надо было привезти двумя-тремя днями ранѣе.

Какъ бы то ни было, ихъ провели въ большую, хорошо провѣтренную комнату, и когда Джони очнулся отъ сна, или лучше обморока, то онъ лежалъ въ маленькой постелькѣ, а передъ нимъ на столикѣ, придѣланномъ къ кровати, уставлены были и богато убранная лошадь, и желтая птица, и Ноевъ ковчегъ; а гвардейскій солдатъ стоялъ на часахъ, и берегъ всѣ эти сокровища. Надъ головой же Джони, на стѣнкѣ, висѣла прекрасная раскрашенная гравюра, изображавшая другого Джони, на рукахъ у ангела, который, вѣрно, любилъ маленькихъ дѣтей. Но всего удивительнѣе, всего пріятнѣе было для Джони, что онъ вдругъ сдѣлался членомъ цѣлаго семейства маленькихъ дѣтей, которые всѣ лежали въ такихъ же чистенькихъ кроваткахъ, съ такими же столиками, полными кулъ, маленькыхъ домиковъ, собачекъ, жестяныхъ сервизовъ, цѣлыхъ армій деревянныхъ солдатиковъ, и проч. и проч. Только двое дѣтей были вставши, и сидя на маленькихъ стулькахъ у камина, играли въ домино.

Джони пробормоталъ что-то, не помня себя отъ восторга, и добрая сидѣлка тотчасъ наклонилась къ нему и нѣжно спросила, что ему нужно. Ребѣнокъ едва слышно спросилъ, что всѣ эти дѣти не братья ли и не сестры ли его? Ему отвѣчали: да. Онъ спросилъ, кто ихъ всѣхъ соединилъ тутъ, не Богъ ли? Ему отвѣчали: да. Онъ еще что-то пробормоталъ, которое едва могли ра-

зобратъ; но понявъ, что онъ спрашиваетъ, всё ли они перестанутъ страдать, ему объяснили, что да, всё, и онъ между ними, скоро будутъ совершенно здоровы. Бѣдный Джонъ еще такъ мало говорилъ и здоровый, тѣмъ болѣе больной, что теперь онъ замолчалъ и отдался покорно въ руки своей сидѣлки. Та его вымыла, дала ему необходимыя лекарства, и все такъ нѣжно, какъ съ бѣднымъ ребёнкомъ еще никогда не обходились въ его краткой, но невеселой жизни. Однако, несмотря на все, эти попеченія, вѣроятно, надоѣли бы Джонъ, еслибъ не одно счастливое обстоятельство. Онъ вдругъ увидѣлъ передъ собой, на своемъ столикѣ, всёхъ звѣрей и гадовъ земныхъ, которые попарно выходили изъ ковчега; впереди всёхъ величественно выступалъ слонъ, а замыкала шествіе очень скромно маленькая муха. Это зрѣлище и особливо восторгъ, возбужденный имъ въ маленькомъ братѣ, который съ сломанной рукой лежалъ въ соседней кроваткѣ, поглотили все вниманіе Джонъ, пока онъ мало-помалу не успокоился и не заснулъ.

— Я вижу, что вы теперь не бонтесъ оставить здѣсь милого ребенка, Бетти, шепнула ей мистриссъ Бофинъ.

— Нѣтъ, сударыня. Я его оставлю съ радостью, съ благодарностью, отъ всей души, отъ всего сердца.

Итакъ всё поцаловали Джонъ и удалились. Рѣшено было, что старая Бетти придетъ рано утромъ на другой день и никто кромѣ Роксмита не зналъ, что докторъ сказалъ: «поздно! Надо бы привезти двумя днями раньше!»

Но Роксмитъ зналъ это, и чувствуя, какъ благодарна ему будетъ за его участіе добрая женщина, которая одна въ старину нянчила и холила бѣднаго, брошеннаго всѣми Джона Гармона, теперь давно уже умершаго и погребеннаго, рѣшился навѣстить маленькаго тѣску, Джона Гармона.

Маленькія дѣти, составлявшія одно обширное семейство, собранное вмѣстѣ самимъ Богомъ — спали не всё, но всё лежали тихо, спокойно. Ночная тишина прерывалась только нѣжными, едва слышными шагами сидѣлки, переходившей отъ кровати къ кровати. Маленькая ручонка висовывалась изъ-подъ бѣлой простыни, и вотъ доброе, милое лицо сидѣлки наклонилось къ этой ручкѣ, и ребёнокъ, усвоенный теплыми материнскими поцалуемъ, повертывалъ головку и сладко засыпалъ. И шаги раздавались далѣе въ другомъ концѣ комнаты. Сосѣдъ Джонъ съ сломанной рукой долго метался и стоналъ, но наконецъ, обернувшись къ кровати Джонъ и какъ-бы набравшись силъ отъ удивительнаго зрѣлища ковчега и звѣрей, крѣпко заснулъ. Игрушки у большей части дѣтей оставались въ томъ самомъ по-

ложеніи, въ какомъ они бросили ихъ засыпая, и эти фантастически, прихотливо раскиданныя игрушки казались теперь олицетворенными мечтами, сновидѣніями невинныхъ малютокъ.

Роксмитъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ докторомъ и они долго съ нѣкоторымъ состраданіемъ смотрѣли на бѣднаго Джони.

— Что съ тобой, Джони? Чего тебѣ? спросилъ Роксмитъ, замѣтивъ, что ребѣнокъ развелъ ручками.

— Ему! Эти! пробормоталъ ребѣнокъ едва слышно.

Докторъ привыкъ уже къ дѣтямъ и понималъ всякое ихъ слово, всякій взглядъ. Онъ поспѣшно взялъ ковчегъ со звѣрами; лошадь, птицу и солдата, и поставилъ ихъ на столѣгъ у кровати сосѣда Джони, мальчишка съ сломанной рукой.

Ребѣнокъ съ усиленіемъ улыбнулся, и опираясь на руку, протянутую Роксмитомъ, поднялся немного, какъ-бы затѣмъ, чтобъ вытянуться и дать отдыхъ своему бѣдному, уставшему тѣлу; потомъ онъ прильнулъ своими блѣдными, холодными губками къ щекѣ Роксмита и промолвилъ:— Поцалуй класавицу!

Повончивъ со всѣми земными дѣлами, отдавъ все, что было у него на свѣтѣ, маленький Джони, молча, безмятежно отошелъ отъ міра сего.

Х.

Наслѣдникъ.

Многіе пасторы, собратья Франка Мильвея, находятъ чрезвычайно затруднительнымъ для ихъ совѣсти, что они обязаны хоронить покойниковъ съ христіанскою радостью, когда, напротивъ, у нихъ и у всѣхъ окружающихъ навертываются слезы печали и горя. Но Франкъ Мильвей полагалъ, что пасторы обязаны исполнять еще нѣсколько вещей, которыя при серьезномъ размышленіи гораздо болѣе противорѣчили ихъ совѣсти, и потому онъ дѣлалъ молча все, къ чему обязывалъ его долгъ.

Дѣйствительно, Франкъ Мильвей былъ очень снисходительный человекъ; онъ замѣчалъ, что въ виноградникѣ, въ которомъ онъ работалъ, много сухихъ деревьевъ, но онъ не кричалъ потому, что онъ гений. Ему было только одно ясно, что тѣмъ онъ болѣе знаетъ человѣческаго, земнаго, тѣмъ лучше онъ можетъ понять всю непредѣльную мудрость промыслителя.

Поэтому, еслибъ Франку Мильвею пришлось прочитатъ молитву, приводящую въ такой соблазнъ его собратій пасторовъ, и въ умиленіе многое множество простыхъ сердець, еслибъ ему пришлось прочесть эту молитву при похоронахъ человѣка, го-

раздо болѣе оплакиваемаго чѣмъ Джонъ, онъ бы сдѣлать это изъ сожалѣнія къ окружающимъ и изъ чувства смиренія. Молись же теперь надъ гробомъ Джонъ, онъ думалъ о своихъ шести дѣтяхъ, но не о своей бѣдности, и слезы наполнили его глаза. И серьёзныя, очень серьёзныя мысли занимали его и жену его, когда они возвращались домой съ кладбища.

Горевали и печалились въ аристократическомъ домѣ, радовались и веселились въ павильонѣ. Мистеръ Вегъ разсуждалъ очень торжественно, что если Бофинны нуждались въ сиротѣ, такъ развѣ онъ не былъ сирота и неужели можно было найти болѣе достойнаго? Зачѣмъ было искать въ Брентфордѣ сиротъ, которыя не имѣли никакого права на вспомошествованіе и ничего для Бофиновъ никогда не сдѣлали, тогда какъ тутъ былъ готовый сирота, пожертвовавшій ради Бофиновъ миссъ Елисаветой, мистеромъ Джорджемъ, тѣтей Анной и дядей Паркеромъ?

Мистеръ Вегъ просіялъ, узнавъ о смерти Джонъ, и даже, какъ было доказано впоследствии свидѣтелемъ, котораго мы теперь не назовемъ, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что въ пустой комнатѣ проплясалъ на одной ногѣ какой-то торжественный, балетный па.

Джонъ Роксмитъ во все это время обходился съ мистриссъ Бофинъ скорѣе какъ сынъ съ матерью, чѣмъ какъ секретарь съ женою своего господина. Его поведеніе съ нею всегда отличалось почтительною привязанностью, возникшей, кажется, въ самый день его вступленія на службу. Все странное, дикое въ ея манерахъ и одеждѣ, не казалось ему страннымъ; онъ часто, разговаривая съ нею, улыбался; но смотря на него, невольно входило въ голову, что удовольствіе, находимое имъ въ обществѣ этой доброй, благородной женщины, могло точно такъ же обнаружиться въ слезахъ, какъ и въ улыбкѣ. Онъ выказалъ коинѣйшее сочувствіе къ желанію мистриссъ Бофинъ, найти и воспитать маленькаго Джона Гармона; онъ доказалъ это сочувствіе въ каждомъ своемъ словѣ, каждомъ своемъ дѣйствіи. Теперь же, когда это доброе желаніе мистриссъ Бофинъ не исполнилось, а причинило ей только горе, онъ нѣжно, почтительно относился къ этому горю, за что она не находила словъ его благодарить.

— Я очень, очень вамъ благодарна, мистеръ Роксмитъ, говорила мистриссъ Бофинъ:—я вамъ благодарна отъ всей души. Вы любите дѣтей?

— Надѣюсь, что всякій ихъ любить.

— Всякій долженъ бы, это правда, но развѣ мы всѣ дѣлаемъ то, что должны?

— Зато нѣкоторые изъ насъ дѣлають и за себя и за другихъ. Вы очень любили дѣтей, мистриссъ Бофинъ, судя по словамъ вашего мужа.

— Нѣтъ, не болѣе его, конечно, но онъ всегда увѣряетъ, что все доброе идетъ отъ меня. Но вы что-то очень грустно говорите о дѣтяхъ, мистеръ Роксмитъ.

— Неужели?

— Да, мнѣ кажется. У васъ много было братьевъ и сестеръ? Роксмитъ молча покачалъ головою.

— Какъ, вы были единственнымъ ребѣнкомъ?

— Нѣтъ, былъ еще другой, да давно уже умеръ.

— Отецъ и мать у васъ въ живыхъ?

— Нѣтъ, умерли.

— Есть у васъ какіе-нибудь родственники?

— Всѣ умерли, если когда и были таковыя. Я никогда объ нихъ не слыхивалъ.

Въ эту минуту показалась Белла, и вида, что ее никто не замѣчаетъ, остановилась лѣ недоумѣніи, войти ли ей или удалиться.

— Не обращайтесь вниманія на болтовню старухи, продолжала мистриссъ Бофинъ: — но скажите мнѣ, что я васъ спрошу. Вы навѣрно знаете, мистеръ Роксмитъ, что вы никогда не любили, что вы никогда не испытывали разочарованія или неудачи въ любви?

— Навѣрно! Зачѣмъ вы это спрашиваете?

— Зачѣмъ? Да потому, что вы слишкомъ грустны и сосредоточены для вашихъ лѣтъ. Видѣ вамъ не болѣе тридцати лѣтъ!

— Мнѣ нѣтъ еще тридцати.

Полагая, что пора обратить на себя вниманіе, Белла заважляла, извинилась, что не нарочно зашла въ комнату и объявила, что тотчасъ уйдетъ, боясь помѣшать.

— Нѣтъ, не уходите, отвѣчала мистриссъ Бофинъ: — мы до сихъ поръ только болтали, а теперь надо обсудить одно дѣло, которое и до васъ, милая Белла, касается столько же, сколько и до меня. Но надо непременно, чтобъ на нашемъ совѣтѣ присутствовалъ мой Нодди. Не пойдетъ ли кто-нибудь за моимъ Нодди?

Роксмитъ бросился исполнить ея желаніе и черезъ минуту явился въ сопровожденіи мистера Бофина. Белла съ какимъ-то тревожнымъ трепетомъ ожидала открытія этого совѣщанія, но первыя слова мистриссъ Бофинъ совершенно ее успокоили.

— Ну, садитесь подлѣ меня, милая Белла, сказала добрая женщина, усаживаясь на широкой отоманкѣ посреди комнаты:—а ты

Нодди помѣстись тутъ, а мистеръ Роксмитъ вонъ тамъ. Вотъ видите въ чемъ дѣло: мистеръ и мистриссъ Милъвей написали мнѣ самую любезную записку (которую мистеръ Роксмитъ мнѣ только что прочелъ, такъ-какъ я писанное не очень хорошо разбираю) и предлагаютъ найти мнѣ другаго ребѣнка на воспитаніе. Вотъ это-то и заставило меня серьезно подумать.

— А она, когда примется размышлять,—что твоя паровая машина, промолвилъ съ восхищеніемъ мистеръ Бофинъ:—ее, можетъ быть, нелегко пустить въ ходъ, но разъ, что вы ее пустите, это просто паровикъ. Удерживать.

— Я начала серьезно думать, повторила мистриссъ Бофинъ, просясь отъ комплимента мужа:—и додумалась до двухъ вещей. Первое, что я боюсь возобновлять снова имя Джона Гармона. Это—несчастное имя, и мнѣ кажется, я бы себя всегда упрекала, еслибъ я назвала этимъ именемъ втораго ребѣнка и тотъ бы также умеръ.

— Ну, скажите, можно ли это назвать предразсудкомъ, суевѣріемъ? сказалъ Бофинъ, обращаясь къ секретарю.

— Это—дѣло чувства, нѣжно произнесъ секретарь:—это имя было всегда несчастливо, и теперь еще одно новое печальное воспоминаніе связано съ нимъ. Это имя вымерло. Зачѣмъ его воскрешать? Я осмѣлюсь спросить, что думаетъ объ этомъ миссъ Вильферъ?

— Это имя, конечно, не было очень счастливымъ для меня, сказала Белла, краснѣя:—то-есть оно не было счастливымъ до тѣхъ поръ, пока не привело меня сюда — но не въ томъ дѣло. Такъ-какъ мы уже дали это имя бѣдному ребѣнку и онъ такъ полюбилъ меня, то, кажется, мнѣ было бы непріятно называть этимъ же именемъ другаго. Оно мнѣ такъ дорого по воспоминанію о миломъ Джонѣ, что я, кажется, не имѣю права съ нимъ такъ распоряжаться.

— Вы раздѣляете это мнѣніе? обратился снова Бофинъ къ секретарю.

— Я опять скажу, это—дѣло чувства, отвѣчалъ Роксмитъ:—и по моему, миссъ Вильферъ выказала очень нѣжныя, женственныя чувства.

— Ну, теперь ты скажи свое мнѣніе, Нодди, воскликнула мистриссъ Бофинъ.

— Мое мнѣніе, старуха, отвѣчалъ золотой мусорщикъ:—всегда согласно съ твоимъ.

— Слѣдовательно, начала снова мистриссъ Бофинъ:—мы всѣ согласны не воскрешать имени Джона Гармона, а оставить его

повонься въ могилѣ. Правду говорить мистеръ Роксмитъ, что это—дѣло чувства, но Боже! сколько вещей—дѣло чувства. Ну, теперь перехожу во второй своей мысли. Вы должны знать, милая Белла и мистеръ Роксмитъ, что когда я впервые выразила своему мужу желаніе усыновить маленькаго сиротку въ память Джона Гармона, то прибавила, что мнѣ отраднѣе думать, какъ этотъ ребѣнокъ будетъ пользоваться деньгами Джона и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ огражденъ отъ той уединенной несчастной жизни, которую велъ всѣми покинутый Джонъ.

— Слушайте! слушайте! воскликнулъ мистеръ Бофинъ:—*Анкора!*

— Нѣтъ, не *анкора*, милый Нодди, отвѣчала мистриссъ Бофинъ:—я теперь намѣрена сказать совершенно иное. Я говорила эти слова чистосердечно, но теперь смерть этого ребѣнка заставила меня спросить себя серьезно: не думала ли я въ этомъ дѣлѣ болѣе всего о себѣ самой, о томъ, чтобъ потѣшить себя. Иначе къ чему же было бы искать непременно хорошенькаго ребѣнка, да еще такого, который бы мнѣ понравился? Желая дѣлать добро, зачѣмъ не бросить въ сторону вкусы, зачѣмъ не дѣлать добро для одного добра?

— Быть можетъ, воскрешая старое имя, вы не желали дать его ребѣнку, который бы не былъ такъ же красивъ, какъ его первообразъ, замѣтила Белла (быть можетъ, въ свою очередь, она сказала это, вспоминая о тѣхъ странныхъ отношеніяхъ, которыя связывали ее съ убитымъ человѣкомъ).

— Благодарствуйте, милая, отвѣчала мистриссъ Бофинъ, пожимая Беллѣ руку:—отъ васъ это очень мило найти сейчасъ причину; я и надѣюсь, что это дѣйствительно было такъ, но, увы, только отчасти. Впрочемъ, теперь объ этомъ нечего и говорить, когда уже мы покончили съ именемъ.

— То-есть оставили его какъ воспоминаніе, замѣтила Белла задумчиво.

— Да, это гораздо лучше сказано, мы оставили его какъ воспоминаніе. Ну такъ, я думала, если я возьму снова на воспитаніе сироту, пускай это не будетъ игрушка для меня, а ребѣнокъ, которому я могу дѣйствительно принести пользу.

— Такъ онъ долженъ быть некрасивымъ? спросила Белла.

— Нѣтъ, рѣшительно отвѣчала мистриссъ Бофинъ.

— Ну, такъ отвратительнымъ? Уродомъ?

— Нѣтъ, это не есть необходимое условіе. Это надо предоставить совершенно случаю. Попадется мнѣ, напримѣръ, хорошій мальчикъ, который, положимъ, и не отличается большими

способностями, но честный, работающий и нуждающийся в помощи—вот если я хочу дѣлать добро чистосердечно, не изъ одного эгоизма, я и должна взять на свое попеченіе такого мальчика.

Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ слуга и доложилъ Роксмиту о приходѣ Слопи. Всѣ четверо державшіе совѣтъ перереглянулись и умолкли.

— Прикажете привести его сюда, сударыня? спросилъ Роксмить.

— Да, отвѣчала мистриссъ Бофинъ.

Слуга удалился и вскорѣ съ замѣтнымъ отвращеніемъ ввелъ въ комнату Слопи.

Мистриссъ Бофинъ, желая чтобъ Слопи носилъ трауръ по бѣдному Джони, велѣла сдѣлать ему цѣлую пару изъ чернаго сукна, при чемъ мистеръ Роксмить лично просилъ портнаго употребить все свое искусство, чтобъ скрыть какъ можно болѣе назойливыя пугови. Но недостатки фигуры Слопи были гораздо сильнѣе, могущественнѣе всѣхъ хитростей портнаго, и онъ теперь предсталъ передъ совѣтомъ настоящимъ аргусомъ въ отпосеніи пуговокъ, сіяя и блестя сотнями металлическихъ глазъ. Какая-то невѣдомая сила, которой были одарены его ноги, уже успѣла вытянуть его панталоны на колѣнкахъ и вздернуть у шиколотки; подобная же сила приподняла его рукава и собрала ихъ складками у локтей. Въ такой-то одеждѣ предсталъ Слопи передъ глазами удивленнаго совѣта.

— Какъ поживаетъ Бетти, милый? спросила его мистриссъ Бофинъ.

— Благодарствуйте, сударыня, отвѣчала Слопи:—помаленьку. Она велѣла засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, благодарить за чай и всѣ ваши милости, и освѣдомиться о здоровьѣ всего вашего семейства.

— Ты только-что пришелъ, Слопи?

— Да-съ.

— Такъ, значить, ты еще не пообѣдалъ?

— Нѣтъ-съ. Но я намѣренъ пообѣдать, такъ я не забылъ вашего милостиваго приказанія, чтобъ меня никогда не выпускали изъ вашего дома безъ обѣда—безъ блюда мяса, пудинга и пива... Нѣтъ, было четыре, а тутъ только три, я знаю, что четыре. Я въ первый разъ считалъ мясо—одинъ, пиво—два, зелень—три, ну, а четвертый-то? Ахъ, да, пудингъ, онъ былъ четвертый!

И Слопи, загнувъ голову назадъ, открылъ широко ротъ и громко захохоталъ.

— А какъ здоровье бѣдныхъ пріемышей? спросила мистриссъ Бофинъ.

— Высыпаютъ знатно, сударыня.

Мистриссъ Бофинъ взглянула на трехъ остальныхъ членовъ совѣта и потомъ снова начала:

— Слопи.

— Да-съ.

— Подойди ко мнѣ, Слопи. Ты бы желалъ обѣдать здѣсь каждый день?

— И ѣсть всѣхъ четырехъ, сударыня! О, сударыня!

И Слопи отъ избытка чувствъ затрясся въ колѣнкахъ.

— Да. И желалъ бы ты жить здѣсь, и чтобъ за тобой ухаживали, то-есть, конечно, если ты будешь хорошо заниматься и вести себя?

— О, сударыня! воскликнулъ Слопи, но черезъ секунду остановился и покачалъ головою:— а мистриссъ Гигденъ? Мистриссъ Гигденъ для меня прежде и главнѣе всего. Никто не будетъ мнѣ лучшимъ другомъ, какъ мистриссъ Гигденъ. А ей нужно, чтобъ кто нибудь вертѣлъ ее катокъ. Чтѣ съ ней сдѣлается, куда ее упекутъ, бѣдную, если у ней никого не будетъ вертѣть ее катокъ?

При одной мысли о подобномъ несчастіи съ мистриссъ Гигденъ, Слопи поблѣднѣлъ и лицо его приняло самое плачевное, грустное выраженіе.

— Ты правъ, Слопи, сказала мистриссъ Бофинъ:— и я послѣдняя сказала бы тебѣ что нибудь противное твоимъ чувствамъ. Не безпокойся. Я уже все беру на себя. Если можно будетъ устроить, чтобъ у Бетти Гигденъ кто нибудь другой вертѣлъ катокъ, то ты переѣдешь къ намъ, получишь порядочное воспитаніе и вскорѣ будешь въ состояніи помочь Бетти Гигденъ гораздо болѣе, чѣмъ верта катокъ.

— Вотъ видите, сударыня! воскликнулъ Слопи:— и этому можно помочь. Катокъ можно вертѣть и ночью, такъ-что я могу весь день быть здѣсь, а ночью тамъ. Мнѣ спать не нужно; да если и потребуется всхрапнуть немного, то я могу сдѣлать это и не переставая вертѣть. Я это не разъ пробовалъ и очень доволенъ остался.

Въ пылу благодарности, мистеръ Слопи схватилъ руку мистриссъ Бофинъ и покрывъ ее поцалуями, потомъ отскочилъ отъ этой доброй женщины, чтобъ дать просторъ своимъ чувствамъ.

и, закинувъ голову назадъ и разинувъ широко ротъ, какъ-то дико завывль. Конечно, это было очень похвально и говорило въ пользу его нѣжнаго сердца, но невольно входила въ голову мысль, что сосѣди могли претендовать на подобныя внѣшнія проявленія глубокой чувствительности его сердца, тѣмъ болѣе, что черезъ минуту дверь отворилась и на порогѣ явился лакей, который видя, что его не звали, извинился и ушелъ очень смущенный, бормоча себѣ подъ носъ, что онъ думалъ, не пошла ли въ комнату какая нибудь собака или кошка.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Цѣль нашей хроники.—Очеркъ положенія дѣлъ въ Европѣ къ началу 1865 года.—Значеніе польскаго вопроса.—Австрійская политика.—Опасенія въ Европѣ по случаю австро-прусскаго нашествія на Данію.—Положеніе Россіи въ датско-нѣмецкомъ вопросѣ.—Потеря національнаго дѣла въ Германіи.—Военный элементъ и конституція въ Пруссіи.—Скандинавское единство.—Положеніе дѣлъ на Востокѣ.—Венеціанскій вопросъ и фріульское движеніе.—Внутренняя жизнь европейскихъ государствъ въ 1864 году.—Стѣсненіе конституціонной свободы и прессы во Франціи.—Развитіе избирательной реформы въ Англіи.—Стремленіе тамошнихъ рабочихъ классовъ къ политической жизни.—Положеніе Австріи и Италіи.—Положеніе Италіи, Бельгіи, Швейцаріи, Гессен-Кассела.—Греція и графъ Спонекъ.—Финансовое положеніе Европы.—Благое мнѣніе дефицитовъ.—Мысль о всеобщемъ обезоруженіи.—Итоги нашей гражданской жизни въ 1864 году.—Условия для успѣшнаго водворенія у насъ новыхъ порядковъ — земскаго и судебнаго.—Положеніе дѣлъ по введенію земскихъ учрежденій.—Вліяніе имущественнаго ценза.—Избиратели и гласные Варнавинскаго уѣзда.—Общее замѣчаніе.—Участіе общества въ судебной реформѣ.—Участіе это значительнѣе, нежели кажется съ перваго взгляда.—Значеніе новыхъ судебныхъ уставовъ.—Сравненіе новаго порядка съ прежнимъ.—Участъ нашихъ гражданскихъ и уголовныхъ кодексовъ.—Ихъ существенные недостатки.—Особые суды до нынѣшней реформы и послѣ нея.—Вліяніе суда присяжныхъ на судебные приговоры.—Мысли о личномъ составѣ будущихъ судебныхъ дѣятелей.—Уставъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ.—Журнальная полемика о направленіи этихъ заведеній.—Заявленіе «Дня» въ пользу русскаго классицизма.—Какія гимназіи будутъ у насъ преобладать: классическія или реальныя?—Вопросъ объ обученіи греческому языку.—Значеніе у насъ классическаго и реальнаго образованія.—Университеты и высшія спеціальныя учебныя заведенія.—Словесный отгѣловъ въ новомъ гимназическомъ уставѣ.—Вопросъ о цензурномъ уставѣ.—Пресса и общественные вопросы.—Замѣчаніе о русской цензурѣ газетъ «France» и «Nord».—Англоманія «Московскихъ Вѣдомостей».—Замѣтки «Дня».—Отношенія нашей прессы къ европейской.—Положеніе нашего публициста.—Какъ иногда понимаютъ направленіе газетъ?—Кого иногда считаютъ у насъ *красными*?—Вліяніе покоренія Кавказа на общее благосостояніе государства.—Ходъ крестьянскаго дѣла.—Замышленіе.

Съ наступающаго 1865 года, журналъ нашъ будетъ выходить въ мѣсяцъ двумя книжками. Такой порядокъ въ отношеніи къ «Политическая Хроникѣ», дастъ возможность сообщать въ ней текущія событія горячою скорѣе, чѣмъ это дѣлалось прежде. Впрот-

чемъ, дѣлъ нашей «Современной Хроники» заключается не въ одной только передачѣ фактовъ, но и въ опредѣленіи ихъ значенія для политической и общественной жизни. При періодическомъ, не въ отдаленные между собою сроки, обзорѣни совершающихся событій, открываεται удобство разсматривать ихъ во взаимной ихъ связи, и указывать на тѣ отголоски общественнаго мнѣнія, которые были вызваны ими какъ въ русской, такъ и въ иностранной журналистикѣ. Хроника наша, представляя картину современной жизни, не будетъ довольствоваться одною только внѣшнею стороною событій, но будетъ стараться представлять, по возможности, и критическую оцѣнку тѣхъ мнѣній, которыя были вызваны болѣе важными фактами.

Чтобы составить болѣе точное понятіе о томъ, при какихъ условіяхъ начинается съ новаго года международная и внутренняя политическая жизнь европейскихъ государствъ, необходимо свести въ общій обзоръ тѣ вопросы, которые ближайшимъ образомъ затрогиваютъ политическіе, умственные и матеріальные интересы народовъ. Въ настоящую пору, у каждаго европейскаго государства, кромѣ внутреннихъ вопросовъ, относящихся къ самостоятельному развитію его гражданской жизни, есть еще общіе международные вопросы, которые прямо или косвенно заставляютъ всѣ государства принимать участіе въ разрѣшеніи ихъ съобща. Болѣе или менѣе неудовлетворительное разрѣшеніе этихъ вопросовъ, исключительное ихъ направленіе въ пользу одной какой нибудь идеи или одного государства, и даже попытка какаго нибудь правительства имѣть преобладающій голосъ не только въ практическомъ, но даже въ теоретическомъ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ—вызываютъ замѣтное волненіе умовъ, усиленную дѣятельность дипломатіи; либеральная или рескриптивная мѣра правительства и различныя отголоски прессы. Этими общими чертами въ достаточной степени очерчивается общій ходъ политическихъ событій въ истекающемъ году, и для измѣненія этого хода въ наступающемъ представляется весьма немного данныхъ, которыя выдавались бы впередъ съ замѣтною рѣзкостью. Въ справедливости нашихъ замѣчаній легко убѣдиться, если обратиться къ тому положенію, въ какомъ Европа встрѣчаетъ новый, наступающій годъ.

1864 годъ принадлежалъ къ тѣмъ годамъ, когда европейскіе кабинеты, народы и партіи всевозможныхъ оттѣнковъ находятся въ напряженномъ, лихорадочномъ состояніи, ожидая громадныхъ событій, которыя рано или поздно должны возникнуть изъ востающаго, запутаннаго положенія дѣлъ. Главными событіями, которыя должны пресѣчь такое положеніе, считаютъ войну.

Изъ вопросовъ, обращающихъ на себя всеобщее вниманіе, польскій вопросъ былъ въ текущемъ году разрѣшенъ, если не окончательно, то все-таки въ такой степени, что онъ въ кругу дипломатическихъ заботъ и революціонной дѣятельности сошелъ съ перваго мѣста и обратился въ вопросъ, касающійся собственно Россіи

безъ участія въ немъ европейскихъ кабинетовъ, домогавшихся этого въ 1863 году. Такимъ образомъ, подавленъ одинъ изъ вопросовъ, поднимавшихъ столько волненій въ Европѣ, и съ большимъ вѣроятіемъ угрожавшихъ ей упорною борьбою. Къ началу 1864 года вооруженное возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и въ западномъ краѣ имперіи было уничтожено. Правительство въ обѣихъ мѣстностяхъ имѣло для себя поддержку въ массахъ народныхъ. Надѣленіе крестьянъ землею въ Царствѣ Польскомъ, и особый порядокъ по крестьянскому дѣлу въ западныхъ губерніяхъ—въ которыхъ отозвался польскій мятежъ—упрочивая благосостояніе сельскаго класса, самаго многочисленнаго, приготовило твердый оплотъ противъ революціонныхъ движеній. Энергическія мѣры, имѣющія значеніе не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, упрочили въ Царствѣ Польскомъ, Литвѣ, Вѣлорусіи, Волинѣ и Подоліи власть правительства до такой степени, что нѣтъ никакого вѣроятія ожидать когда-либо хотя бы самаго слабаго повторенія или подражанія тѣхъ событій, которыя нарушили въ этихъ мѣстностяхъ спокойствіе и обычный порядокъ.

Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, притязавшихъ на политическую прозорливость, высказываемому въ печати—польскій мятежъ, уничтоженный во вѣдшихъ его проявленіяхъ, не погасъ еще до такой степени, чтобы можно было совершенно успокоиться въ этомъ отношеніи. Революціонная пропаганда не пріисмирѣла въ виду тѣхъ бѣдствій, которыя навлечены были ею на поляковъ. Крайняя партія не хочетъ отступить отъ своихъ замысловъ, и тамъ, гдѣ она не можетъ дѣйствовать явно, дѣйствуетъ тайно. Предположеніе это кажется вѣроятно, но дѣло въ томъ, въ какихъ размѣрахъ и какимъ путемъ можетъ дѣйствовать нынѣ эта партія, встрѣчая у себя дома на каждомъ шагѣ непреодолимыя препятствія?—такъ что въ сущности всѣ ея замыслы и попытки не могутъ породить никакихъ серьезныхъ волненій, а тѣмъ менѣе общаго взрыва. Совершенное разстройство и полное раскрытіе организаціи польскаго революціоннаго правительства, отнятіе всѣхъ матеріальныхъ средствъ и упадокъ нравственныхъ силъ у ковопроводовъ польскаго движенія и ихъ послѣдователей, поставили польскій вопросъ въ совершенно инныя условія, нежели тѣ, въ которыя онъ былъ поставленъ прежде. Съ полною увѣренностію можно сказать, что настоящій разгромъ революціонныхъ элементовъ въ Польшѣ не приведетъ уже Россію, въ отношеніи къ европейскимъ кабинетамъ, въ то положеніе, въ какомъ она находилась передъ началомъ вооруженнаго возстанія въ Польшѣ.

Поляки неизбежно должны сознать, что если европейскіе кабинеты, на помощь которыхъ они такъ твердо надѣялись, не принялись за ихъ дѣло въ то время, когда они могли рассчитывать на поддержку ихъ требованій и со стороны самой Польши, необезсиленной еще бесплодною борьбою, то нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы они взяли за польское дѣло при нынѣшнемъ порядкѣ,

когда потеряна всякая надежда на уступку со стороны Россіи подъ вліяніемъ иностраннаго вмѣшательства въ дѣла Польши.

Такииъ образомъ событія 1864 года должны были привести европейскіе кабинеты къ тому убѣжденію, что польскій вопросъ изъ вопроса международнаго, какииъ онъ казался прежде, обратился теперь во внутренній вопросъ трехъ сосѣдственныхъ между собою державъ, владѣющихъ областями, составлявшими нѣкогда королевство польское. Весьма важнымъ фактомъ явился въ этомъ случаѣ образъ дѣйствій австрійскаго правительства, которое сначала не только покровительствовало польскому возстанію, но вмѣстѣ съ другими державами обращалось даже въ Россію съ требованіемъ объ устройствѣ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ на основаніи программы, предложенной съ этою цѣлью тюрлярійскимъ кабинетомъ. Въ настоящее время, австрійское правительство, держащее Галицію и Краковскую область на военномъ положеніи, и произносящее въ лицѣ своихъ чиновниковъ смертные приговоры надъ участниками польскаго восстанія, не можетъ уже стать къ польскому вопросу въ то отношеніе, въ какое оно умудрилось себя поставить, пока польскій вопросъ считали вопросомъ международнымъ, и пока онъ угрожалъ Россіи вооруженнымъ вмѣшательствомъ со стороны почти что цѣлой Европы.

Образъ дѣйствій со стороны Австріи въ польскомъ дѣлѣ, нанесъ ему, въ смыслѣ международнаго вопроса, рѣшительный ударъ. До настоящаго времени и европейскимъ кабинетамъ, и польскимъ революціонерамъ позволительно, хотя и неосновательно было разсчитывать на усилъ ихъ стараній въ пользу Польши, вида, что даже одна изъ державъ, ближайшимъ образомъ заинтересованная въ польскомъ дѣлѣ, оказываетъ ему свое сочувствіе. Между тѣмъ обстоятельства показали, что на дѣлѣ Австрія далеко отъ того, чѣмъ она казалась, и что, въ случаѣ попытки разрѣшить польское дѣло силою оружія, она, во всей вѣроятности, станетъ на сторонѣ Россіи, такъ что въ этомъ случаѣ воинственные замыслы Франціи могутъ встрѣтить коалицію трехъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи.

Другимъ весьма важнымъ событіемъ 1864 года, угрожавшимъ, повидному, европейскою войною, была датско-германская распри. Война эта была вызвана тремя побудительными причинами: національными стремленіями Германіи къ единству, борьбою прусскаго правительства съ палатами и соперничествомъ Австріи и Пруссіи, какъ двухъ первенствующихъ германскихъ державъ. Первоначально главнымъ дѣятелемъ по этому вопросу явился герцогъ саксен-кобургскій, патріотическому его порыву послѣдовали: Баварія, Саксонія, Виртембергъ и Ганноверъ. Тамоніи правительства очень хорошо понимали, что начавъ хлопотать въ пользу нѣмецкой національности, будто бы угнетенной датчанами, они займутъ въ Германіи видное, если не первое мѣсто. Они, однако, ошпылись въ своихъ расчетахъ. Пруссія воспользовалась благоприятнымъ случаемъ стать во главѣ дѣла, которое Германіи считаетъ своимъ національнымъ интересомъ. Съ пре-

восходною армією, со всѣми истребительными усовершенствованіями она двинулась на слабую Данію. Австріи нельзя было отстать въ этомъ національномъ предпріятіи, не потерявъ своего значенія, и она отправила подвластныхъ ей славянъ на защиту нѣмецкаго національнаго дѣла.

Австро-прусскій походъ на Данію взволновалъ всю Европу. Дипломаты и журналисты предвидѣли грозу и припоминали слова императора французовъ, что первый пушечный выстрѣлъ на Эйдерѣ вызоветъ всеобщую войну въ Европѣ. Дѣйствительно, вопросъ о полунѣмецкихъ, полудатскихъ герцогствахъ, подвластныхъ датской коронѣ, былъ обставленъ въ дипломатическомъ отношеніи такъ, что покушеніе на нихъ со стороны Германіи должно было, повидимому, вызвать неизбежную войну. По лондонскому трактату, Англія, Франція и Россія урочили за Даніей обладаніе приэльбскими герцогствами. Трактатъ обязывалъ державы, подписавшія его, не допустить Австрію и Пруссію нарушать этотъ договоръ, и такъ-какъ онъ нарушился уже не путемъ дипломатическихъ сдѣлокъ, а военною силою, то и естественно было прѣтивоставить силѣ силу.

Очевидно, однако, что Россія, при всемъ желаніи поддержать ненарушимость трактата, не могла съ своей стороны домогаться этого при томъ положеніи, въ которое она была поставлена Франціей и Англіей по польскому вопросу. Странно и непоследовательно было бы сдѣлаться ей военной союзницей Франціи и Англіи, когда за нѣсколько времени передъ этимъ ей самой угрожалъ войною обѣ эти державы, и когда съ одной стороны между кабинетами петербургскимъ, а съ другой—тюльрійскимъ и сенджемскимъ не былъ улаженъ вопросъ, прямо относящійся къ Россіи.

Такимъ образомъ ожиданія европейской войны по поводу нападенія нѣмцевъ на Данію не исполнились. Союзники, а вмѣстѣ съ тѣмъ и національное германское дѣло восторжествовало, но результаты оказались не тѣ, какихъ ожидали нѣмецкіе націоналисты. Плодами австро-прусскаго похода воспользовалась Пруссія или, вѣрнѣе сказать, прусское правительство въ лицѣ короля и г. Бисмарка, то-есть тѣ именно лица, которымъ національная германская партія желаетъ всего менѣе успѣховъ въ ихъ политическихъ предпріятіяхъ.

Исходъ датско-нѣмецкаго дѣла, захваченнаго Пруссіей въ свои руки, поставилъ теперь Германію въ совершенно иное положеніе, нежели то, въ какомъ она находилась въ началѣ нынѣшняго года, когда тамъ на первомъ планѣ были: Саксен-Кобургъ, Саксонія и Баварія, рвавшіяся ратовать за національное германское дѣло. Войска всѣхъ этихъ державъ отступили теперь передъ прусскими и даже нѣкоторые нѣмецкіе контингенты позволили во своихъ овольнѣть путяхъ, чтобы избавиться отъ ожидаемыхъ ими оскорбленій со стороны азартныхъ пруссаковъ.

Вообще, если когда-нибудь и коронованние и простые представители національных германских стремлений находились въ положеніи, способномъ возбудить радость враговъ и печаль друзей, то именно въ настоящее время, ровно черезъ годъ послѣ того, какъ они выступали въ полномъ торжествѣ и въ надеждѣ, что германцы будутъ благодарны за ихъ подвиги. Теперь нѣмцы вполне убѣдились, что прусскіе штыки и прусскіи пушки пересилили всѣ германскія идеи.

Все, что было выиграно униженіемъ и ослабленіемъ Даниі, пруссаки присвоили себѣ. Пруссія выгоняетъ союзныя нѣмецкія когорты изъ областей, завоеванныхъ во имя германскаго единства. Пруссія надменно и безотчетно устраняетъ внимательство франкфуртскаго сейма въ рѣшеніи участи областей, уступленныхъ ей и Австріи. Чтобы показать свое полновластіе, Пруссія то заявляетъ право оставить герцогства за собою, то ведетъ переговоры съ герцогомъ аугустенбургскимъ объ условіяхъ, выгодныхъ для нея, на основаніи которыхъ она, быть можетъ, заблагоразсудитъ уступить или даже продать ему званіе номинальнаго государя, сдѣлавъ его своимъ вассаломъ. Она старается, да и то не слышномъ усердно, задобрить одну только Австрію, и затѣмъ выражаетъ полное пренебреженіе къ остальнымъ нѣмецкимъ державамъ.

Обманулась также и либеральная прусская партія, ожидая, что война съ Данией повлечетъ за собою для прусскаго правительства равныя затрудненія, подъ вліяніемъ которыхъ оно должно будетъ сдѣлать уступки въ пользу конституціоннаго прогресса въ Пруссіи. Въ этомъ отношеніи либеральная прусская партія, и вообще весь прусскій народъ потеряли весьма многое, вслѣдствіе военныхъ успѣховъ правительства. Годъ назадъ, Пруссія была конституціоннымъ королевствомъ, въ парламентѣ ея засѣдала упорная оппозиція. Нынѣ уже не то. Правительство приманило народъ блестящими побѣдами, и ложная военная слава заставила пруссаковъ позабыть о своихъ гражданскихъ правахъ. Результатомъ событій 1864 года было для Пруссіи то, что въ ней теперь военный элементъ взялъ еще большій верхъ надъ всѣми другими элементами, а при такомъ положеніи дѣлать трудно думать не только объ успѣшной оппозиціи, но даже и о поддержаніи прежняго конституціоннаго порядка.

Что же касается герцогствъ, то имъ, безъ всякаго сомнѣнія, придется промѣнять мелкія притѣсненія датскаго правительства на тяжелые налоги, военное господство и бюрократическую расправу Пруссіи.

Такимъ образомъ вопросъ о герцогствахъ порѣшенъ въ 1864 году если не окончательно, то все же такъ, что нѣтъ возможности привести его опять въ то положеніе, когда онъ угрожалъ европейскою войною и гнѣшилъ бы нѣмцевъ тѣмъ, что они вѣдѣли въ немъ первый шагъ къ національному нѣмецкому движенію.

Во время нападенія австро-пруссиковъ на Давію, выдвинулся на время одинокъ весьма незамѣтный вопросъ, подходящий впрочемъ подъ стать главнѣйшаго европейскаго вопроса. Мы говоримъ о скандинавскомъ единствѣ. Самъ по себѣ этотъ вопросъ, касавшійся не болѣе 7,000,000 представителей и представительствъ скандинавской расы, не въ состояніи смутить спокойствія Европы. Между тѣмъ примѣненіе этого вопроса къ равновѣсію Европы, а отчасти и значеніе его для Россіи могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, придать ему особенную важность. Въ Швеціи, Норвегіи и Давіи, по примѣру Германіи и Италіи, господствуетъ мысль о соединеніи трехъ сѣверныхъ государствъ въ одну державу. Въ половинѣ 1864 года стремленіе это выразилось въ Швеціи съ большою очевидностію, нежели когда-либо прежде, но вскорѣ оно стихло. Оно обнаружилось желаніемъ шведовъ помочь единоплеменикамъ съ ними датчанамъ, и сопровождалось складками, рѣчами и денежными складками въ пользу Давіи со стороны народа, а со стороны правительства вооруженіемъ шведско-норвежскаго флота, который предполагали отправить въ Нѣмецкое море. Но эта вспышка вскорѣ погасла, и скандинавскій вопросъ замеръ, безъ всякой надежды на скорую очередь.

Перечисляя тѣ вопросы европейской политики, которые—если бы они были пущены въ ходъ съ усвоенной для нихъ точки зрѣнія—могли породить въ Европѣ кровавыя столкновенія, нужно остановиться на такъ называемомъ восточномъ вопросѣ. Подъ этимъ вопросомъ разумѣется судьба Оттоманской Имперіи, существованіе или паденіе которой должно значительно измѣнить карту Европы и при томъ измѣнить ее не въ мирѣ и тишинѣ, но послѣ сильныхъ потрясеній. Въ теченіе 1864 года вопросъ этотъ находился въ оцѣпелѣломъ состояніи, онъ не оставилъ послѣ себя за этотъ годъ никакихъ слѣдовъ. Только порою въ англійскихъ, французскихъ, да въсколько разъ и въ русскихъ газетахъ говорилось о томъ положеніи, которое занимаютъ на Востокѣ первенствующія европейскія державы, считающія себя покровителями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе или менѣе ближайшими наследниками турокъ въ Европѣ.

Податіе этого вопроса привидѣли-было въ движеніи, начавшемся въ Босніи, но такъ-какъ движеніе это не имѣло успѣха, а европейскіе кабинеты старались отклонить всякія замѣшательства по дѣламъ Турціи, то и практическій зачатокъ восточнаго вопроса прошелъ безслѣдно.

Въ предшествовавшихъ нумерахъ нашего журнала мы познакомили читателей съ современнымъ положеніемъ римскаго вопроса, вслѣдствіе сентябрьской конвенціи; а такъ-какъ съ тѣхъ поръ въ этомъ отношеніи не случилось ничего особеннаго, то мы и считаемъ излишнимъ говорить теперь объ этомъ предметѣ.

Въ дѣлахъ итальянскихъ, кромѣ римскаго вопроса, существуетъ, какъ мы вѣдѣемъ, вопросъ венеціанскій. Въ теченіе 1864 года, онъ не выступилъ наружу въ дипломатической сферѣ, но тѣмъ не менѣе газеты, въ разное время, дѣлали по поводу его различныя ком-

бинаціи, представлявшія въ практическомъ ихъ приложеніи слишкомъ много затрудненій. Въ концѣ 1864 года казалось, что уже приближается развязка этого вопроса вслѣдствіе фріульскаго революціоннаго движенія, но движеніе это было подавлено въ самомъ началѣ, а вѣсть съ тѣмъ и вопросъ объ участи Венеціи отошелъ въ сторону на неопредѣленное время.

Всматриваясь внимательно въ то положеніе, въ какомъ застаетъ Италію наступающій годъ, можно сказать съ нѣкоторою увѣренностію, что если въ этомъ году будетъ нарушенъ миръ Европы, то, по всей вѣроятности, это случится нѣ-за Венеціа, такъ-какъ возможность скорой борьбы Италіи за Римъ значительно отдалена франко-итальянской конвенціей. Слѣдовательно, если въ Италіи, почему либо, усилятся національныя стремленія, то они прежде всего отзовутся на Австрію.

Обращаясь къ событіямъ внутренней жизни европейскихъ государствъ, и начиная этотъ обзоръ съ Франціи, надобно сказать, что французская имперія въ 1864 году не представила ничего новаго, ничего замѣчательнаго. Внутренній строй Франціи не представлялъ, въ теченіе этого года, никакихъ переживаній. Недавно только заявили газеты о намѣреніи императора Наполеона даровать нѣсколько новыхъ конституціонныхъ правъ національному представительству, но вслѣдъ за тѣмъ другія газеты заговорили другое. Онѣ стали, напротивъ, сообщать о большемъ еще стѣсненіи конституціонной свободы у французовъ отнятіемъ у палаты права представлять адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь императора. Адресы, какъ сообщаютъ, будутъ замѣняться петиціями, которыя будутъ обсуживаться не въ полномъ собраніи представителей, такъ что порицаніе правительственныхъ мѣръ будутъ получать при этомъ условіи весьма небольшую огласку.

Въ теченіе 1864 года слышались жалобы на прямое и косвенное вмѣшательство императорскаго правительства въ выборы депутатовъ, а также и на строгости, съ которыми преслѣдуютъ либеральную французскую прессу.

Внутренняя жизнь Англіи не заявила себя никакими особыми фактами, кромѣ обычныхъ митинговъ, да развѣ еще релігіозною враждою ирландскихъ католиковъ и протестантовъ, вызвавшею столкновеніе въ Белъфастѣ. Какъ болѣе ясное выраженіе внутренней политической жизни Англіи, былъ реформатскій митингъ, происходившій въ концѣ 1864 года въ Брадфордѣ, одномъ изъ самыхъ значительныхъ мануфактурныхъ городовъ графства Йорк-сваго. Ораторы этого митинга указывали на то, что нынѣшній парламентъ былъ избранъ въ 1859 году съ порученіемъ принять систему избирательной реформы болѣе обширную, нежели та, которую предлагалъ кабинетъ лорда Дерби. Они упоминали о томъ, что честь и интересы англійскаго народа требуютъ, чтобы нынѣшняя палата депутатовъ не расходилась, не сдѣлавъ послѣдняго энергическаго усилія въ этомъ отношеніи во время послѣднихъ засѣданій.

Общій смыслъ рѣчей, произнесенныхъ ораторами брадфордскаго митинга, заключался въ томъ, что избирательная подача голосовъ не должна быть вполне предоставлена рабочимъ классамъ, которые таготѣли бы надъ нею своимъ большинствомъ. Но въ то же время ораторы требовали такого расширенія избирательныхъ правъ, которое возвысило бы на степень избирателей значительную часть рабочаго класса. Они требовали также, чтобы въ распределеніи національнаго представительства была принята въ основаніе цифра населенія въ болѣе значительной пропорціи, нежели допускаетъ это нынѣшній законъ.

Рѣчи брадфордскихъ ораторовъ обратили на себя общественное мнѣніе Англіи. Приближеніе выборовъ возбуждаетъ умы и ожидаютъ, что подобныя многолюдные митинги устроятся въ мануфактурныхъ городахъ сѣверной Англіи.

Вообще надобно замѣтить, что рабочіе классы въ Англіи сильно волнуются въ настоящее время и требуютъ, чтобы ихъ допустили къ участію въ политической жизни страны. Государственные люди Англіи понимаютъ, что нынѣ приближается та минута, когда надобно будетъ сдѣлать подобную уступку британскому народу. Между тѣмъ, въ аристократической Англіи всего болѣе опасаются, чтобы подача голосовъ не досталась массамъ. Однако, нелегко опредѣлить, до чего дойдутъ требованія по избирательному закону, и чѣмъ въ этомъ отношеніи удовольствуется реформатская партія. Само собою разумѣется, что какъ бы ни было расширено избирательное право, все-таки оно, по господствующимъ понятіямъ въ англійской націи, будетъ подчинено имущественному цензу, только цензъ этотъ приметъ меньшіе размѣры. Деньги имѣютъ такое важное значеніе въ Англіи, что, какъ надобно полагать, даже изъ среды рабочихъ не раздадутся настойчивыя возгласы противъ самаго ценза.

Въ сдѣланныхъ нами прежде очеркахъ засѣданій итальянскаго и австрійскаго парламентовъ, мы представили общее положеніе дѣлъ въ Австрійской имперіи и въ королевствѣ итальянскомъ. Относительно послѣднѣго нужно только прибавить, что и къ концу 1864 года разбойничество не было прекращено въ южной Италіи, несмотря на всю строгость и дѣятельность правительства, что императоръ Франціскъ остался попрежнему въ Римѣ, и что теперь обь отъѣздѣ его отсюда нѣтъ и помину.

Что же касается внутренней жизни другихъ второстепенныхъ государствъ Европы, то жизнь эта представила въ 1864 году весьма мало замѣчательныхъ фактовъ.

Въ Испаніи, какъ и всегда, была замѣтна шаткость министерства; въ Бельгіи продолжалась борьба партій, либеральной и мерикальной. Только въ Швейцаріи произошло замѣчательное столкновеніе партій, окончившееся, впрочемъ, безъ смуты и потрясеній. Въ Гессен-Касселѣ, къ концу 1864 года, снова поднялась давнишняя и, кажется, теперь уже рѣшительная борьба между папствою и правительствомъ. Палата въ особомъ адресѣ; съ колѣно

откровенностию, выразила предъ курфюрстомъ весьма-наглядно ненормальное положеніе страны, испытываемое ею вслѣдствіе отъѣмны конституціи 1831 года. Неблагопріятный отвѣтъ на этотъ адресъ со стороны курфюрста далъ понять палатѣ, что всѣ ея представленія не будутъ имѣть въ глазахъ его никакого значенія; и что порядковъ дѣлъ останется прежній. Впрочемъ, палата не отступаетъ отъ своихъ требованій, невыходящихъ изъ предѣловъ конституціонныхъ правъ страны и, какъ видно, вся страна хочетъ поддержать энергію и настойчивость своихъ представителей.

Въ Греціи, повидимому, положеніе дѣлъ значительно улучшилось. Правительство, избавившись отъ безпокойнаго національнаго собранія, проникнутаго духомъ партій, намѣрено созвать первый парламентъ, согласно съ конституціей, въ концѣ января наступающаго года. Англійскіе корреспонденты сообщаютъ, что миръ и довольство начинаютъ водворяться въ Греціи, и что торговля и промышленность вновь оживились послѣ долгаго застоя. Вышняя торговля Греціи, въ первые десять мѣсяцевъ 1864 года, увеличилась почти на 50 процентовъ сравнительно съ соотвѣствующимъ періодомъ предъидущаго года. Въ главныхъ городахъ Греціи, революція, низвергшая короля Оттона, почти забыта и общественное мнѣніе благосклонно относится къ существующему нынѣ порядку дѣлъ. Графъ Спонецъ, въ сущности управляющій Греціей, готовитъ мѣры, способныя держать будущій парламентъ въ томъ настроеніи, какое будетъ выгодно для правительства. Въ приготовляемый графомъ Спонецомъ бюджетъ будутъ введены проекты улучшенія путей, устройство желѣзныхъ дорогъ, разработка рудниковъ, заведеніе пароходства вдоль Коринѣйскаго залива и Адриатическаго моря, и выкупъ государственныхъ имуществъ.

Общей характеристикой внутренняго быта всѣхъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ весьма немногихъ изъ второстепенныхъ и Англіи, были финансовыя затрудненія. Всюду обазывалась несоразмѣрность доходовъ съ расходами и неизбежный, вслѣдствіе этого, дефицитъ. Впрочемъ, эта обстановка, усложняя и затрудняя дѣйствія правительствъ, не остается въ то же время безъ благихъ послѣдствій. Въ конституціонныхъ странахъ, недостатокъ денежныхъ государственныхъ средствъ заставлялъ министерство, за исключеніемъ развѣ министерства г. Бисмарка, дѣлать уступки палатамъ, и кромѣ того, сдерживаетъ воинственный пылъ въ Европѣ. Дороговизна послѣднихъ двухъ войнъ: восточной и итальянской, а также австро-прусскаго нашествія на слабую Давію, показали, что въ настоящее время для веденія войны необходимы порядочныя капиталы, а такъ-какъ ихъ не имѣется, то и война, къ счастью человѣчества, дѣлается если не невозможной, то, по крайней мѣрѣ, крайне затруднительной.

Въ Пруссіи палаты уже нѣсколько лѣтъ берутся съ правительствомъ за желаніе его организовать армию въ болѣешихъ размѣрахъ. Австрійскій рейхскратъ воговаривалъ тоже о сокращеніи австрійской армии для сбереженія финансовыхъ средствъ государ-

ства, несмотря на опасное положеніе Австріи со стороны Италіи. Въ итальянскомъ парламентѣ, вопросъ о военномъ бюджетѣ былъ тоже предметомъ преній, хотя положеніе итальянскаго королевства и указываетъ на необходимость имѣть въ распоряженіи правительства сильную армию. Наконецъ во Франціи, однимъ изъ поводовъ къ неудовольствію противъ императорскаго правительства, служатъ чрезмѣрные расходы на военныя потребности.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, не разъ высказывалась мысль о всеобщемъ обезоруженіи, но, конечно, мысль эта едва-ли когда-нибудь осуществится. Во всякомъ случаѣ, благодаря недостатку денежныхъ средствъ, европейская война представляется болѣе или менѣе отдаленнымъ событіемъ.

Сводя итоги нашей гражданской жизни за 1864 годъ, можно сказать, что годъ этотъ, сравнительно съ предыдущимъ, имѣлъ другой оттѣнокъ.

Польское возстаніе и угрозы европейскаго вмѣшательства, вызвали у насъ чрезвычайное патріотическое настроеніе. Къ началу 1864 году, разсѣялись всякія опасенія на счетъ возможности войны съ Франціей и Англіей за Польшу. Польское возстаніе было подавлено, и мы исподволь пришли въ обычное положеніе. При такомъ положеніи, гораздо яснѣе очертились условія и потребности нашей внутренней жизни, въ которой, въ теченіе 1864 года, прибавилось нѣсколько новыхъ фактовъ, имѣющихъ для Россіи большое значеніе, не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ. Къ числу такихъ главныхъ фактовъ, надобно отнести изданіе: «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ» и «Судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года». Изданіемъ перваго, значительно обусловливается развитіе нашего гражданскаго и экономическаго быта; изданіемъ вторыхъ, совершенно переименованъ нашъ юридическій бытъ.

Надобно, впрочемъ, сказать, что въ настоящее время новыя условія и того и другаго быта представляются только въ зародкѣ. Время и опытъ оправдаютъ какъ достоинство новыхъ земскихъ порядковъ и законодательныхъ уставовъ, такъ и укажутъ на тѣ недостатки, которые могутъ потребовать нѣкоторыхъ измѣненій въ вѣрнѣйшій, несмотря на всю пригодность и всю современность принятыхъ началъ въ совершившихся у насъ реформахъ. Само собою разумѣется, что успѣхъ начинаній будетъ всего болѣе зависеть отъ самостоятельности и честныхъ усилій нашего общества, отъ единодушія его дѣйствій и отъ тѣхъ понятій, которыя будутъ въ немъ господствовать и развиваться неуклонно. Только этими путями можно достигнуть осуществленія новаго порядка, и не обратитъ его въ формальность, могущую ослабить, если не уничтожить всѣ хорошія его стороны.

Къ сожалѣнію, какъ замѣтно, общество наше доселѣ съ большимъ равнодушіемъ относится къ новому земскому порядку. Мы уже входили однажды въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ причинъ, которыя, по нашему мнѣнію, вызываютъ это неутѣшительное

явленіе. Въ основѣ ихъ лежитъ сословная разрозненность и неотчетливое пониманіе той важности, которую представляетъ собою земство, тѣсно сплотившееся для поддержанія и правильнаго веденія ближайшихъ къ нему интересовъ. Въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ болѣе ничего, что могли бы прибавить къ сказанному нами прежде.

Въ настоящее время, введеніе земскихъ учреждений исполняется официальнымъ порядкомъ. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ образованы комиссіи, для составленія списка избирателей, имѣющихъ право непосредственнаго и посредственнаго голоса въ земскихъ учрежденіяхъ. Списки этого рода печатаются въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и, просматривая ихъ, нельзя не убѣдиться въ незначительномъ числѣ тѣхъ наличныхъ силъ, которыя будутъ призваны къ участию въ земскихъ учрежденіяхъ. Ближайшая причина этому — значительный размѣръ ценза. Правда, что въ отношеніи къ уѣзднымъ поземельнымъ собственникамъ, установленный размѣръ ценза прилагается, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, довольно удобно сравнительно съ городами. Но при этомъ надобно замѣтить, что многія изъ тѣхъ лицъ, которыя подходятъ подъ условія ценза, не могутъ принять сами участіе въ земскихъ учрежденіяхъ по разнымъ причинамъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ.

Многіе изъ числа внесенныхъ въ списки избирателей съ правомъ непосредственнаго голоса и, слѣдовательно, изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть избираемы въ гласные, не займутъ этихъ должностей или потому, что этому препятствуетъ ихъ возрастъ или полъ, или потому, что они занимаютъ должность, которую не пожелаютъ оставить. Кромѣ того, многіе изъ упомянутыхъ лицъ, какъ собственники въ разныхъ мѣстностяхъ, должны будутъ предпочесть какому-либо одну мѣстность, такъ-что въ этомъ случаѣ послѣдуетъ, по каждому уѣзду, уменьшеніе въ числѣ лицъ, которыя внесены въ относящійся къ уѣзду списокъ избирателей съ правомъ непосредственнаго голоса.

Нужно также имѣть въ виду, что должности мировыхъ судей, тоже обусловленные имущественнымъ цензомъ, выведутъ значительное число лицъ изъ списковъ по земскимъ учрежденіямъ, такъ-что для послѣднихъ еще болѣе уменьшится размѣръ силъ, призванныхъ принять въ нихъ участіе.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число избирателей съ правомъ непосредственнаго голоса доходитъ до изумительной вѣрности. Такъ, напримѣръ, «Костромскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что по Варнавинскому уѣзду оказалось всего три лица, имѣющихъ, въ силу ценза, право быть непосредственными избирателями. Изъ этихъ трехъ лицъ нужно будетъ выбрать двухъ гласныхъ, но легко можетъ быть, что они принадлежатъ къ разряду тѣхъ поземельныхъ собственниковъ, о которыхъ мы говорили, какъ о лицахъ, неимѣющихъ фактической возможности или желанія

дѣйствовать на пользу земства по Варнавинскому уѣзду, такъ что этотъ уѣздъ легко можетъ остаться и безъ избирателей и безъ гласныхъ. Между тѣмъ, нужно замѣтить, что Варнавинскій уѣздъ ни по территоріальному пространству, ни по числу ни по распредѣленію поземельной собственности, ни общему числу населенія не представляетъ какихъ-либо особенныхъ условій. Такихъ мѣстностей, какъ Варнавинскій уѣздъ, найдете у насъ немало. Слѣдовательно, нивагъ нельзя ручаться, чтобы подобное явленіе, весьма неотрадное для будущности земскихъ учреждений, не повторилось и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Судебная реформа, для успѣшнаго ея практическаго примѣненія, требуетъ участія со стороны самаго общества гораздо болѣе, нежели сколько это кажется съ перваго взгляда.

Въ силу закона, предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены окружныхъ судовъ, въ томъ числѣ судебные слѣдователи, а также старшіе предсѣдатели, предсѣдатели департаментовъ и члены судебныхъ палатъ и вообще всѣ лица будутъ опредѣляться къ должностямъ по судебному вѣдомству отъ правительства. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, мировые судьи будутъ назначаться по выборамъ всѣхъ сословій. Учрежденіе мировыхъ судей будетъ ближайшимъ образомъ соприкасаться съ вседневною жизнью общества, а потому и участіе его въ этихъ учрежденіяхъ, правомъ избранія мировыхъ судей, будетъ имѣть значительное вліяніе на развитіе, а тѣмъ болѣе на личный составъ мировыхъ учреждений. Кромѣ того, общество съ своей стороны можетъ принять участіе въ новой юрисдикціи подготовкою лицъ къ должностямъ по судебному вѣдомству и преимущественно къ званію присяжныхъ повѣренныхъ. Нельзя не согласиться, что сочувствіе общества къ новому судебному порядку должно будетъ вызвать на юридическое поприще лучшихъ дѣятелей, тогда какъ равнодушіе среди будетъ отдалять подобныхъ людей отъ этого поприща.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ порядкѣ, въ которомъ были составлены «Судебные уставы 20-го ноября 1864 года», а также указали въ общихъ чертахъ и на содержаніе этихъ уставовъ. Что же касается ихъ значенія въ нашемъ юридическомъ бытѣ и ихъ вліянія на отправленіе правосудія, то на счетъ этого можно отозваться въ слѣдующихъ словахъ.

Изданные уставы, представляя превосходную обработку разныхъ юридическихъ теорій примѣнительно къ современнымъ потребностямъ европейскаго законодательства и обусловленные нѣкоторыми особенностями нашего быта, такъ сказать, предупреждаютъ, во многихъ случаяхъ, умственное и нравственное развитіе массы. Мы имѣли собственно одинъ самородный кодексъ—уложеніе царя Алексѣя Михайловича, конечно, если не считать чуждымъ вошедшія въ него, но уже давно сроднившіяся съ тогдашними понятіями, духовныя и гражданскія узаконенія, перешедшія къ намъ изъ Византіи.

Позднѣйшее наше законодательство составляло кодексы, преимущественно гражданскіе, по иностранному образцу. Формы производства дѣлъ въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ, какъ извѣстно, были заимствованы въ прошломъ столѣтіи у иностранцевъ. Такъ, наиримѣръ, все прежнее наше гражданское судопроизводство было въ сущности не что иное, какъ передѣлка стараго общегерманскаго судопроизводства, отличавшагося сложностью и запутанностью формъ. Въ Германіи давно уже оставили этотъ порядокъ, какъ отжившій свое время и несогласный съ тѣмъ, что успѣли выработать судебная практика и юридическія науки.

Положенная въ основу нашего прежняго законодательства нѣмецкая завѣста измѣнилась по временамъ, но не въ общей системѣ, а только въ силу случайныхъ обстоятельствъ, вызывавшихъ новыя законоположенія, нерѣдко даже противорѣчившіе общему духу законовъ.

Введеніе новыхъ статей въ наши прежніе судебные уставы и даже особыя изданія такихъ уставовъ весьма мало помогали дѣлу. Нерѣдко даже такой порядокъ улучшения по судебной части приводилъ только къ противоположнымъ результатамъ. Вслѣдствіе разновременнаго измѣненія судебного порядка и только частныхъ, а не общихъ улучшеній, формы дѣлопроизводства усложнились все болѣе и болѣе. Подсудность дѣлъ, лицъ и территорій раздѣлялась между разными судебными и административными учрежденіями. Сословные элементы придавали еще болѣе нестройности нашимъ судебнымъ распоряженіямъ. Возникло множество инстанцій, такъ что вмѣсто трехъ первоначальныхъ инстанцій, принятыхъ обще-германскимъ судопроизводствомъ, у насъ явилось семь инстанцій, начиная съ судебной власти, предоставленной, въ извѣстныхъ случаяхъ, городской или земской полиціи, и оканчивая общимъ собраніемъ государственнаго совѣта. Очень естественно, что послѣдствіемъ такого порядка было разногласіе судебныхъ приговоровъ по одному и тому же дѣлу, переходившему черезъ всѣ инстанціи; къ этому присоединилась чрезвычайная медленность въ ходѣ дѣлъ и бездна формальностей.

Одно время, въ царствованіе Екатерины II, Россія, повидимому, могла ожидать кореннаго переворота въ своемъ юридическомъ бытѣ. Но депутаты, призванные изъ разныхъ сторонъ Россіи, не удовлетворили предложенной имъ задачи. Это—какъ мы полагаемъ, произошло не столько отъ неумѣнія ихъ взяться за дѣло, сколько отъ программы будущихъ законовъ, составленной на основаніи ученія тогдашнихъ французскихъ мыслителей. Нѣтъ сомнѣнія, что наказъ, данный Екатериною комиссіи для составленія «Уложенія», исполненъ высокой гуманности, но бѣда была въ томъ, что воззрѣнія французскихъ философовъ были слишкомъ непонятны для депутатовъ, прибывшихъ изъ Саратова, Ветлуги, Астрахани и иныхъ мѣстностей, представившихъ тогда въ полномъ смыслѣ умственные захоустья.

«Уложение о наказанияхъ», изданное въ 1846 году, оставивъ многія статьи прежнихъ уголовныхъ взысканій, но смягчивъ нѣкоторыя наказанія, и обусловивъ нѣкоторыя преступленія болѣе современнымъ взглядомъ, заимствовало весьма многое изъ иностранныхъ кодексовъ. Гражданское же судопроизводство не подверглось даже и такому общему улучшенію; оно оставалось на прежнемъ уровнѣ и только измѣнилось законоположеніями по особымъ частнымъ случаямъ.

При такой системѣ только видимаго, но не существеннаго улучшения законодательства, оно передъ настоящею судебною реформою представляло недостатки, требовавшіе кореннаго преобразованія.

Прежде всего открывался недостатокъ въ системѣ изложенія законовъ судопроизводства. У насъ не было общаго порядка для производства гражданскихъ дѣлъ, такъ-какъ существовало четыре отдѣльные порядка, называемые главными, и шестнадцать особенныхъ родовъ судопроизводства.

Въ формѣ судебного процесса происходили недостатки въ особенности отъ примѣненія къ нему слѣдственнаго производства, совершенно противнаго существу дѣлъ тяжбныхъ. Въ слѣдственномъ процессѣ нетолько направленіе тяжбнаго дѣла совершенно зависитъ отъ судебного мѣста, но даже и самое начало его въ судебномъ мѣстѣ зависитъ весьма часто отъ усмотрѣнія полиціи, препровождающей въ судъ тѣ дѣла, которыя въ ней возникли, но которыя, по мнѣнію ея, подлежатъ судебному разсмотрѣнію.

Прежній слѣдственный процессъ устранилъ судей отъ прямого обращенія къ тяжущимся, такъ-какъ они входили въ переписку съ мѣстами и лицами. Обрядъ слѣдственнаго процесса ослаблялъ въ судѣ то чувство нравственной отвѣтственности, которое должно служить побужденіемъ къ добросовѣстности и осмотрительности. Слѣдственный процессъ развивалъ письменность, формалистику и канцелярскую тайну, а промежуточные приготовленія къ дѣлу и безконечное множество прошеній усиливали работу судебныхъ мѣстъ и замедляли окончательное рѣшеніе.

При прежнемъ порядкѣ какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго судопроизводства, существовалъ огромный разрядъ дѣлъ, по которымъ присутственныя мѣста и должностныя лица, начальники губерній и министры принимая участіе въ судѣ и даже въ окончательныхъ постановленіяхъ судебныхъ учрежденій. Мѣстнымъ административнымъ властямъ предоставлено было вмѣшиваться въ судебное производство подъ предлогомъ наблюденія за скоростію его и прекращенія медленности.

Нынѣ, съ введеніемъ въ наши суды состязательнаго процесса и отдѣленія судебной власти отъ административной, прекратятся тѣ неудобства, на которыя мы указали.

Существованіе, при прежнихъ судебныхъ уставахъ, особыхъ словенныхъ судовъ было слѣдствіемъ разнообразныхъ сословныхъ

оттѣнковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сословные суды входили очень часто въ разсмотрѣніе дѣлъ общихъ. Кромѣ того, существовала неравномѣрная степень участія сословій по дѣламъ судебнымъ. Нижшія судебныя инстанціи существовали для каждаго сословія; къ такимъ инстанціямъ принадлежали: расправы, ратуши, приказы и магистраты. Въ среднихъ инстанціяхъ, то-есть въ уѣздныхъ судахъ, представители сословій призывались только по дѣламъ ихъ односословниковъ. Судебная реформа сгладила всѣ эти сословныя особенности. Правда, что и въ силу новыхъ уставовъ остаются нѣкоторые особые суды: коммерческіе, крестьянскіе, военные, духовные и инородческіе, но они остались не подъ вліяніемъ сословныхъ распредѣленій, а подъ вліяніемъ особыхъ общественныхъ или экономическихъ интересовъ или по необходимости производить особый судъ по дѣламъ нѣкотораго рода, независимо отъ принадлежности подсудимыхъ къ тому или другому сословію.

Конечно, крестьянскіе суды имѣютъ какъ-бы видъ судовъ сословныхъ, но въ существѣ ихъ лежитъ другое начало. Они примѣнены къ практическимъ потребностямъ крестьянства и служатъ скорѣе основой для общаго развитія ихъ самоуправленія, нежели какою-либо судебною сословною инстанціею въ строгомъ смыслѣ этого слова.

До настоящаго времени, въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ принята была теорія доказательствъ, основанная единственно на формальности. Личное убѣжденіе судьи въ виновности или невинности подсудимаго въ расчетъ не принималось. Доказательства одѣивались не столько по ихъ убѣдительности, сколько по вѣщнымъ ихъ качествамъ. Осмотръ и показанія свидѣтелей были необходимыми условіями уголовного судопроизводства. Между тѣмъ преступленіе могло быть совершено въ тайнѣ, доказательства уничтожены, а осмотры вели только къ удостовѣренію въ дѣйствительности какого событія, а не къ обвиненію подсудимаго. Судъ присяжныхъ уничтожилъ эти принадлежности обветшалаго порядка до такой степени, что онѣ, служа пособіемъ къ оправданію или обвиненію подсудимаго, не составляютъ уже непремѣнныхъ условій уголовного суда.

Учрежденіемъ суда присяжныхъ устранена прежняя, весьма извротливая форма судебного приговора, состоявшая въ томъ, что подсудимаго оставляли въ подозрѣніи, то-есть окончательно рѣшали дѣло только тѣмъ, съ чего оно начиналось, потому что незаподозрѣнный человѣкъ и не могъ бы быть привлеченъ къ суду.

Вообще нельзя не признать, что въ теоретическомъ отношеніи новыя судебныя уставы превосходятъ прежніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Что же касается практическаго примѣненія новаго судебного порядка, то успѣхъ этого дѣла обуславливается двумя обстоятельствами. Впервыхъ, тѣмъ, въ какой мѣрѣ освоятся у насъ понятія съ этимъ порядкомъ, и вовторыхъ, до какой степени бу-

деть удовлетворителенъ личный составъ новыхъ дѣателей по судебной части. Первое обстоятельство въ сущности не представляетъ особенной важности, такъ-какъ и прежнія формы судопроизводства какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, невытекавшія изъ народныхъ обычаевъ и понятій, не привились къ значительной части населенія и судъ постоянно казался народу нетьюлько чуждымъ, но даже какимъ-то вреднымъ, карающимъ учрежденіемъ.

Второе указанное нами обстоятельство представляетъ болѣе важности. Выборное начало суда, за исключеніемъ только мировыхъ учреждений, нынѣ отмѣнено и, конечно, такой порядокъ могъ заставить въ нѣкоторомъ отношеніи сожалѣть старшій, если бы прежде избираемые судьи не были представителями сословныхъ началъ и не казались бы народу чиновниками, чѣмъ въ сущности они были.

Личный составъ будущихъ судебныхъ дѣателей обусловленъ по мировымъ учрежденіямъ, кромѣ нѣкоторыхъ особыхъ условій имущественнымъ цензомъ, что, конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ лишать извѣстное населеніе возможности видѣть мирными судьями тѣхъ лицъ, въ которыхъ оно склоняется въ особенности. Положенные сроки службы въ извѣстныхъ должностяхъ для полученія мѣстъ въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ будутъ, безъ всякаго сомнѣнія, лишать болѣе или менѣе назначеніе въ эти должности лицъ вполне достойныхъ, такъ-какъ не всякому представится случай, въ-теченіе своей службы, занимать такіа должности, которыя прокладываютъ дальнѣйшій путь на судебномъ поприщѣ. Нельзя не пожелать, чтобъ въ случаѣ невозможности строго соблюсти постановленные въ этомъ отношеніи правила, она были бы отмѣнены общимъ законодательнымъ порядкомъ, и чтобы не началось назначеніе исправляющихъ ту или другую должность, какъ это было при прежнемъ порядкѣ. Такой способъ обойти существующее въ законѣ требованіе, ослаблялъ бы силу закона, и во многихъ случаяхъ служилъ бы уловкою для помѣщенія на должности по судебной части такихъ лицъ, которыя не удовлетворяли бы положительнымъ условіямъ, выраженнымъ въ законѣ.

Надобно, впрочемъ, сказать, что новыя правила судоустройства и судопроизводства по своей простотѣ легко будутъ понятны каждому, и потому, по введеніи уставовъ 20 ноября 1864 года, легче будетъ найти хорошихъ исполнителей закона, нежели можно было найти таковыхъ во время существованія прежняго порядка, чрезвычайно сложнаго и труднаго для изученія. Притомъ, участіе въ судѣ присяжныхъ, публичность суда и гласность его въ печати представляютъ много обезпеченія для правдиваго суда, независимо даже отъ личныхъ качествъ членовъ судебного управленія.

Въ концѣ 1864 года, былъ рѣшенъ законодательнымъ путемъ вопросъ объ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія высочайшимъ утвержденіемъ «Уста-
Т. CLVIII. — Отд. II.

ва о гимназіяхъ и прогимназіяхъ». Известно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ журналистика наша усердно обсуждала вопросъ о томъ, какое направленіе должны принять гимназіи: реальное или классическое. Въ этомъ случаѣ явились крайніе противники того и другого направленія. Одни изъ нихъ считали реальное направленіе совершенно бесполезнымъ для гимназій; другіе, напротивъ, находили, что классическое направленіе не соответствуетъ современнымъ практическимъ потребностямъ и не имѣетъ вовсе того общеобразовательнаго значенія, какое приписываютъ ему это сторонники.

Кромѣ того, за нѣсколько дней до обнародованія новаго устава о гимназіяхъ и прогимназіяхъ, «Дель», соглашаясь съ превосходствомъ классическаго направленія въ этихъ заведеніяхъ, высказалъ мысль о примѣненіи къ этому направленію изученія русскихъ древностей. Безъ всякаго сомнѣнія, такое предложеніе московской газеты можетъ показаться многимъ не только слишкомъ оригинальнымъ, но, пожалуй, и забавнымъ. Въ сущности, однако, нельзя не согласиться съ полезностію этой идеи, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени. Изученіе нашего древняго быта со всѣми памятниками древностей и въ особенности сравнительное изученіе этихъ предметовъ съ другими славянскими народами можетъ имѣть общеобразовательное значеніе. Древній классическій міръ, греческій и римскій, несмотря на все оставленное имъ богатое наслѣдіе и на разработку этого наслѣдія позднѣйшими учеными, является въ теперешнее время предметомъ, слишкомъ для насъ чуждымъ. Въ виду этого, конечно, нужно было бы сдѣлать нѣкоторую уступку и національнымъ стремленіямъ «Дня» къ изученію русскихъ древностей, но существенное и, можно сказать, неодолимое препятствіе въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что наши древности слишкомъ далеки еще отъ классической разработки и, по всей вѣроятности, онѣ долго еще не дождутся той поры, когда получать такого рода обработку, а тѣмъ болѣе когда наши ученые сумѣютъ сдѣлать ихъ общеобразовательнымъ предметомъ для нашихъ учебныхъ заведеній.

По новому уставу, гимназіи должны служить мѣстомъ для полученія общаго образованія и для приготовленія въ университетъ и высшія спеціальныя заведенія. При этихъ условіяхъ, гимназіи могутъ быть классическія и реальныя. Учрежденіе гимназій съ классическимъ или реальнымъ направленіемъ предоставлено министру народнаго просвѣщенія, сообразно съ мѣстными потребностями. Значить, въ практическомъ отношеніи вопросъ о классическомъ или реальномъ направленіи гимназій и прогимназій не рѣшенъ еще окончательно, и для сторонниковъ того или другого направленія представляется возможность продолжать прежнюю полемику объ этомъ предметѣ. При такихъ условіяхъ еще неизвѣстно, какое направленіе будетъ господствовать вообще въ нашихъ гимназіяхъ и будутъ ли классическія или же реальныя гимназіи исключеніемъ изъ общаго правила.

Изъ программы преподаванія въ тѣхъ и другихъ гимназіяхъ видно, что въ классическихъ гимназіяхъ будетъ введено преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ. Языкъ латинскій будетъ преподаваться во всѣхъ классахъ, а греческій—начиная только съ третьяго. Разсматривая распредѣленія учебныхъ часовъ по предметамъ, много, во всей вѣроятности, найдутъ, что въ этомъ отношеніи греческому языку оказано слишкомъ большое предпочтеніе. Нельзя однако не замѣтить, что если уже вводится преподаваніе этого языка, то, по затруднительности его изученія, на уровнѣ его необходимо должно было предназначить значительное количество времени.

Гимназіи остаются въ прежнемъ составѣ изъ семи классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ. Прогимназіи будутъ имѣть только четыре класса и въ сущности будутъ параллельными классами гимназіи, служа мѣстомъ пригтовительнаго обученія для поступленія въ гимназіи и подраздѣляясь, какъ и онѣ, на классическія и реальныя.

Оцѣнивая новое устройство гимназіи и прогимназіи безъ предвзвѣтой заранѣ мысли въ пользу исключительно реального или классическаго направленія, нельзя не сказать, что едва ли можно было, въ смыслѣ законодательнаго порядка, принять инныя правила, какія приняты уставомъ относительно классицизма и реальности. Съ одной стороны нельзя не имѣть въ виду, что при настоящихъ потребностяхъ общественной жизни, реальное направленіе среднихъ учебныхъ заведеній должно бы быть господствующимъ. Съ другой стороны нельзя не признать, что, для подготовленія къ университетскому образованію, въ настоящемъ значеніи этого слова, необходимо распространеніе классическихъ гимназіи, какъ заведеній, болѣе соответствующихъ для университетскаго курса. Съ замѣчаніемъ этия легко согласиться, если сообразить, что для высшаго спеціального образованія у насъ существуютъ и, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ открываться еще новыя спеціальныя учебныя заведенія, такъ что въ университетахъ само собою сосредоточится современнѣе, по преимуществу, только высшее классическое образованіе. Существованіе академій: военной, медицинскон, коммерческой, инженерной, артиллерійской, земледѣльческой, преобразование институтон: горнаго, путей сообщенія и технологическаго открываютъ дорогу къ высшему реальному образованію по всѣмъ его отраслямъ. Между тѣмъ для классическаго образованія, имѣющаго, безъ всякаго сомнѣнія, большое вліяніе на развитіе многихъ спеціальныхъ знаній и эстетическаго вкуса, не существуютъ никакихъ особонхъ заведеній, кромѣ университетонхъ. При такомъ условіи гимназіи, какъ заведенія, служащія для пригтовленія въ университетъ, должны будутъ получать классическое направленіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ для жителей представляется болѣе затрудненія для поступленія въ спеціальныя заведенія, нежели въ университетъ.

Одинъ изъ препятствій къ скорому и болѣе повсемѣстному раз-

вѣтїю классическаго направленїя въ гимназіяхъ считаютъ недостаткомъ учителей греческаго языка. Опасенїе это не лишено основанїй. Съ 1849 года, какъ извѣстно, было прекращено преподаванїе греческаго языка въ нашихъ гимназіяхъ, за исключенїемъ не болѣе пяти или шести изъ нихъ во всей Россїи. Въ 1858 году былъ закрытъ главный педагогическій институтъ, доставлявшій съ своего историко-филологическаго факультета преподавателей греческаго языка въ гимназіи. Что же касается университетовъ, то въ нихъ историко-филологическіе факультеты были всегда малочисленнѣе, нежели прочїе и, кромѣ того, при немнѣнїи въ виду практической потребности въ греческомъ языкѣ, изученїе этого языка представляло весьма слабое развитїе.

При введенїи новаго устава, пришлось бы довольно долго ждать преподавателей, способныхъ занять мѣста учителей греческаго языка въ гимназіяхъ, почему естественно рождается вопросъ: откуда взять такихъ лицъ на первое время? Въ этомъ случаѣ можно, вѣжется, обратиться или къ духовнымъ академіямъ, или къ дерптскому университету, гдѣ древняя филологія оставалась всегда предметомъ тщательнаго изученїя.

Окончательное образованїе въ гимназіяхъ приводитъ учащихся въ нихъ къ различнымъ правамъ. Классическія гимназіи открываютъ путь въ университетъ, реально освобождаютъ при поступленїи въ высшія спеціальныя училища отъ испытанїя въ тѣхъ предметахъ, которые преподавались въ гимназіяхъ. Наконецъ, какъ тѣ, такъ и другія гимназіи предоставляютъ вступающимъ въ гражданскую службу право на чинъ XIV класса безъ различїя по происхожденїю.

Въ этомъ отношенїи права, предоставляемыя гимназическимъ образованїемъ, сдѣлали шагъ впередъ, потому что прежде право на классный чинъ по аттестату, выданному изъ гимназїи, предоставлялось только ученикамъ, принадлежавшимъ къ дворянскому сословію. Вообще сословный вопросъ рѣшенъ въ новомъ уставѣ въ смыслѣ современныхъ понятїй. Жаль только, что сословная разрозненность отразилась въ правѣ поступленїя въ гимназическіе пансіоны, содержимыя на счетъ сословїй. По идеѣ устава, всѣ сословія поставлены въ этомъ случаѣ въ одинаковыя права, такъ-какъ въ гимназическій пансіонъ, содержащій какинъ либо сословіемъ, дѣти, принадлежащїя къ другимъ сословіямъ, могутъ поступать не иначе, какъ съ согласїя представителя того сословія, которое содержитъ пансіонъ на свой счетъ. Между тѣмъ надобно замѣтить, что всѣ существующїе нынѣ пансіоны при гимназіяхъ содержатся исключительно дворянствомъ, такъ-что фактически упомянутое право остается единственно за этимъ сословіемъ. Можно, однако, надѣяться, что при удачномъ развитїи земскихъ учреждений, въ которыхъ должны сосредоточиться интересы всѣхъ сословїй, и приведенное нами обстоятельство потеряетъ свою силу.

Добавимъ къ сказанному нами, что новый уставъ болѣе, чѣмъ

прежде обеспечивает материальными средствами учителей гимназий и, кроме того, ставит эти лица в высший, сравнительно с прежними, разряд чиновников общей гражданской службы.

Но если устройство средних учебных заведений и находящихся в связи с ними университетов и разных высших специальных училищ имѣть большое влияние на движеніе умственных силъ каждаго народа, то едва-ли не большее значеніе должны имѣть в этомъ отношеніи тѣ условія, въ которыхъ бывають поставлены литература и журналистика въ особенности.

Въ настоящую пору, при общемъ стремленіи образованнаго общества знакомиться съ ходомъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ и при очевидной выгодѣ обсуждать общественные интересы въ печати, журналистика стала преобладать надъ литературой повсюду, а между прочимъ и у насъ. Понятно, что при этомъ условіи зависимость прессы отъ духа и частныхъ ценсурныхъ уставовъ представляетъ весьма важный, можно сказать, существенный вопросъ въ развитіи умственнаго движенія всѣхъ слоевъ нашего общества. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что вопросомъ о духѣ и частныхъ новаго ценсурнаго устава интересуются у насъ не только редакторы, сотрудники журналовъ и газетъ, и литераторы, но и вообще всѣ люди, которые понимаютъ хоть сколько-нибудь великое значеніе печатнаго слова въ настоящее время.

Безошибочно можно сказать, что общее желаніе какъ журнальных и литературныхъ дѣятелей, такъ и читателей (въ числѣ послѣднихъ, конечно, не безъ исключеній) состоитъ въ томъ, чтобы прессѣ была дана разумная свобода, неподчиняющая мысль личному воззрѣнію на какой-либо предметъ одного или нѣсколькихъ лицъ, но сообразная съ высшимъ уровнемъ умственнаго развитія. Ставить свободу прессы ниже этого уровня, значить осуждать ее на безмолвіе въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ инициатива какаго-либо дѣла принадлежитъ образованному меньшинству, и обрекать ее на повтореніе рутинныхъ идей, а верѣдко и избитыхъ фразъ.

Очень понятно, что весьма трудно опредѣлить въ этомъ случаѣ тѣ границы, которыя въ извѣстной странѣ не должно переходить печатное слово, не нарушая порою государственныхъ интересовъ, общественной нравственности, а также чести и выгодъ частныхъ лицъ. Въѣсть съ тѣмъ, однако, напрасно было стремиться составить такіа правила ценсуры, которыя исполнѣ бы обеспечивали умѣренность и даже молчаніе прессы, безъ подавленія въ большинствѣ случаевъ той разумной свободы, которая ей необходима для того, чтобы направлять общественное мнѣніе къ истинно-благороднымъ и полезнымъ цѣлямъ.

На будущую судьбу нашей прессы, подъ влияніемъ новаго ценсурнаго порядка, обращаютъ вниманіе и иностранныя газеты. Такъ недавно газета «la France», передавая извѣстіе о составленіи у насъ новаго ценсурнаго устава, сообщила, что у насъ

можно будетъ, по выбору самого редактора журнала или газеты, и авторовъ отдѣльныхъ книгъ, подвергаться карающей или предварительной ценсурѣ. «Le Nord» опровергъ это извѣстiе, говоря, что насчетъ примѣненiя ценсуры того или другаго рода будутъ постановлены особыя правила, которыми должны будутъ подчиняться редакторы и литераторы помимо ихъ личнаго выбора.

Изъ русскихъ газетъ, въ послѣднее время подняли опять вопросъ о ценсурѣ «Московскiя Вѣдомости» и «День». «Вѣдомости», страдая, какъ извѣстно, англомацiей, приостановившейся только на время въ своихъ замѣткахъ о нашемъ ценсурномъ уставѣ, указали на способъ составленiя англiйскихъ законоположенiй, гдѣ постепенность составляетъ отличительный характеръ. Такой способъ онѣ желали бы примѣнить и къ предстоящей у насъ ценсурной реформѣ. «Московскiя Вѣдомости» находятъ, что рядъ частыхъ законодательныхъ мѣръ имѣетъ то неопредѣленное преимущество, что онѣ ведутъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, къ уразумѣнiю истинныхъ потребностей и къ вѣрнѣйшей оцѣнкѣ существующихъ отношенiй. «Московскiя Вѣдомости» говорятъ, что частныя законодательныя мѣры, удовлетворяющiя каждый разъ ясно сознаваемой потребности, явственно обозначаютъ, какiя правила могутъ имѣть силу, какiя не могутъ и какiя окажутъ на практикѣ дѣйстви, совершенно противныя мысли законодателя. Послѣ еще нѣкоторыхъ и, конечно, въ иныхъ случаяхъ безразсудныхъ похвалъ частнымъ измѣненiямъ, а не общей реформѣ законовъ, «Вѣдомости» заявляютъ, что ни французскiя, ни германскiя постановленiя о печати не могутъ служить намъ образцомъ для законоположенiй о печати: французскiя — потому, что они слагались путемъ столькихъ революцiй и носятъ на себѣ отпечатки борьбы столькихъ партiй, столькихъ династiй, столькихъ формъ правленiя; германскiя — вслѣдствiе той громадной общественной разнородности, какую представляетъ, въ сравненiи съ Россiей, эта страна книгодѣлiя, университетовъ и профессоровъ. Затѣмъ, послѣ такихъ отзывовъ о непримѣняемости у насъ французскихъ и нѣмецкихъ уставовъ по дѣламъ печати, «Московскiя Вѣдомости» берутъ частныя постановленiя: одно изъ прусскаго, другое изъ французскаго кодекса, и отрицая ихъ непрактичность у насъ, не высказываютъ однако своего положительнаго мнѣнiя о томъ характерѣ, какой долженъ принять нашъ будущiй ценсурный уставъ.

Намъ кажется, однако, что въ этомъ случаѣ «Московскiя Вѣдомости» весьма ошибочно взглянули на дѣло. Онѣ желаютъ частныхъ, постепенныхъ преобразованiй по ценсурѣ; но возможно ли это, если прежде существующiй уставъ по этой части не подходитъ къ потребностямъ времени въ своихъ главныхъ основахъ? Что же касается недостатковъ французскаго и германскихъ кодексовъ, то отчего же нельзя, почерпнувъ изъ нихъ то, что подходитъ къ условiямъ нашей жизни, обойти вѣсть съ этимъ все

то, что противорѣчатъ ей или идетъ въ разрѣзъ съ нею? Во всякомъ случаѣ, невозможно составить у насъ ценсурный уставъ, отрѣкшись вовсе отъ того, что выработано въ этомъ отношеніи на Западѣ. Журналистика возникла у насъ не изъ самотыной нашей жизни. Она сама на себѣ составляетъ уже подражаніе чуждому для насъ развитію политической и умственной жизни. Следовательно, развитіе это должно и у насъ продолжаться нѣдѣ тождественными основными правилами, вѣмѣваясь лишь на столько, на сколько намѣняются у насъ въ частности условія нашего быта.

Другая московская газета «День»—эта рыная леборница развитія всякаго дѣла изъ нашихъ національных началъ—въ отношеніи ценсурнаго вопроса не отказывается вовсе отъ общенія съ Западомъ, находа, по всей вѣроятности, невозможнымъ развитіе ценсурное дѣло изъ началъ, присущихъ коренной нашей жизни и, следовательно, видя необходимость позаимствоваться въ этомъ случаѣ изъ-чужа.

Обращаясь къ проекту ценсурнаго устава, выработанному года два тому назадъ особою комиссіею и предоставленному правительствомъ на общее литературное обсужденіе, «День» замѣчаетъ, что большинство публики находило этотъ проектъ стѣснительнымъ. Неблагопріятна для нашей прессы стороны этого проекта «День» приписываетъ тому, что онъ былъ составленъ въ неблагопріятный моментъ, когда, выражаясь нѣсколько высокопарными словами почтенной газеты, много тучъ, черныхъ и грозныхъ, заволакивало нашъ небосклонъ; но теперь, когда всѣ онѣ одна за другою сошли съ неба, ужъ ни что, по мнѣнію «Дня», не должно мѣшать быть воздуху чистымъ и яснымъ, и солнцу свѣтить и грѣть всѣмъ своимъ животворнымъ свѣтомъ.

Впрочемъ, кромѣ такого картиннаго довода, «День» представляетъ и другія, весьма ощутительныя доказательства въ пользу ценсурной реформы на болѣе широкихъ началахъ.

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время Россія стала предметомъ особеннаго вниманія со стороны европейской прессы. Эта послѣдняя зорко слѣдитъ теперь не только за государственными дѣлами, но и за происшествіями нашей общественной жизни. Почти всѣ главнѣйшія европейскія газеты обзавелись корреспондентами изъ Россіи, которые, по словамъ «Дня», въ угоду своимъ патронамъ и принципаламъ, или же по собственной близорукости, сообщаютъ не столько невѣрные извѣстія, сколько невѣрную и неправильную оцѣнку явленій нашего внутренняго, русскаго міра.

Обліе такихъ корреспонденцій въ иностранныхъ газетахъ, вызываетъ, повидимому, западныхъ публицистовъ отъ упрека въ невѣжествѣ, въ незнаніи Россіи, и отъ подозрѣній въ умысленномъ искаженіи истины, но въ нихъ-то, по мнѣнію «Дня», и заключается самая ядовитая ложь, требующая энергическаго противоидіа со стороны русскаго, конечно, не officialнаго только, но

общественнаго слова. Офіціальныя обличенія, при всей ихъ убѣдительности, не внушаютъ большаго кредита нашимъ заграницнымъ упрямымъ недругамъ.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ «Дня», что при этихъ условіяхъ, для успѣшнаго опроверженія всяческихъ клеветъ, распространяемыхъ на нашъ счетъ въ Европѣ, и почерпаемыхъ будто-бы изъ достовѣрныхъ источниковъ, необходимо, чтобы русская журналистика сумѣла занять почетное мѣсто въ европейской прессѣ, чтобы она синскала себѣ уваженіе и — главное — довѣріе, какъ къ самостоятельному органу общественнаго мнѣнія, чуждому всякихъ вышнихъ расчетовъ и соображеній. Только поставленная въ выгодныя условія у себя дома, можетъ она, русская журналистика, приобрести къ себѣ довѣріе заграничной и только, приобретя необходимое довѣріе, можетъ она оказать требуемую отъ нея услугу и государству и обществу.

Развивая въ этомъ смыслѣ вопросъ о будущности нашей прессы, «День» указываетъ на общественное мнѣніе, какъ на главнаго двигателя новѣйшей исторической жизни европейскихъ народовъ. По словамъ «Дня», Россія, перечисляя своихъ сосѣдей, своихъ могучихъ союзниковъ или недруговъ, кромѣ четырехъ великихъ державъ Западной Европы, кромѣ Франціи, Англіи, Австріи и Пруссіи, должна признавать, по отношенію къ себѣ, еще пятую великую державу — именно общественное мнѣніе — державу могущественную и наиболѣе къ намъ враждебную. Наши дипломатическія и политическія связи могутъ находиться въ наилучшемъ видѣ, но мы не можемъ и не должны забывать про существованіе этой новой, непріязненной силы, впадающей на время въ усыпленіе, но всегда готовой возстать на насъ съ новою яростью.

Рождается вопросъ, какъ бороться съ этимъ могуществомъ? Противъ него нельзя выслать ни конницы, ни пѣхоты, ни артиллеріи, его не достанешь ни штыкомъ, ни ядрами, его не уловишь въ дипломатическія сѣти. Съ этимъ могуществомъ можно бороться только такою же могущественною силою и на его полѣ, то есть на полѣ общественномъ, полѣ слова и мысли, короче — на полѣ печати. Слѣдовательно, намъ нужно придать нашей печати такую же силу, какую имѣетъ она въ Западной Европѣ.

Въ заключеніе своей статьи, «День» убавываетъ на заслуги нашей журналистики, и дѣлаетъ тотъ выводъ, что она не затрудняла собою органовъ правительства и не парализовала его благихъ дѣяній и намѣреній, но являлась напротивъ самой усердной поборницей всѣхъ современныхъ реформъ.

Исчерпывая этотъ вопросъ до дна, нельзя не сказать, что противники разумной свободы прессы, въ опроверженіе послѣднихъ доводовъ «Дня», могутъ, пожалуй, сдѣлать одинъ и, вовидимому, весьма основательный отзывъ. Они скажутъ, что наша пресса и была таковою, какою изображаетъ ее «День» потому только, что она состояла подъ бдительнымъ надзоромъ цензуры, и что еслибы

избавить ее от такого надзора, то она получила бы другой отъѣздъ.

Позволяемъ себѣ думать въ этомъ случаѣ нѣсколько иначе. Не повторяя то, что уже было говорено объ этомъ, мы замѣтимъ только слѣдующее:

Во первыхъ, въ настоящее время наши публицисты не сильно заботятся объ основательности своихъ произведеній, очень хорошо понимая, что неполноту и неточность ихъ публика обязать себѣ пропусками и измѣненіями, сдѣланными цензурой. Между тѣмъ нельзя несогласиться, что основательность въ работѣ публициста—дѣло весьма важное. Встрѣчая необходимость представлять публикѣ такія статьи, за которыя единственнымъ отъѣтчиками передъ нею бывають только пишущія ихъ лица, публицисты привыкають къ ровному, постепенному обсужденію каждаго предмета и не встрѣчаютъ надобности прибѣгать къ выходкамъ или уловкамъ, которыя производятъ въ ценсурномъ смыслѣ на публику гораздо худшее впечатлѣніе, нежели тѣ статьи, которыя можно, при вредномъ ихъ направленіи, опровергнуть рациональнымъ образомъ и доказать ихъ нелѣпность или непримѣняемость къ настоящему положенію дѣлъ путемъ разумныхъ доводовъ.

Вотъ вторыхъ, при извѣстныхъ условіяхъ цензуры, публика любитъ придавать какому нибудь ничего незначущему выраженію смыслъ отъважнаго нападенія на существующіе порядки, и нерѣдко читаетъ между строкъ то, о чемъ вовсе и не думалъ говорить пишущій. Въ подтвержденіе этого, мы можемъ сослаться на кружокъ одного провинціального общества. Въ одной изъ петербургскихъ газетокъ, самой безвредной въ ценсурномъ отношеніи, воевали, года два тому назадъ, съ *красными*. Что же, однако, вышло изъ этого? Почтенные читатели этой газетки признали ее ультра-либеральной, они дивились ея смѣлости и находили въ ней множество намековъ и аллегорій. Все это произошло оттого, что подъ словомъ *красные* имъ вздумалось разумѣть генераловъ, имѣющихъ подъ плащами красную подкладку! Долгое время дивились они умѣнію редактора маскировать свое зловерное направленіе, а также послабленію или недогадливости цензуры. Очень понятно, что подобныхъ случаевъ, хотя и не столь рѣдкихъ и не столь забавныхъ, найдется немало, если присмотрѣться къ тому впечатлѣнію, которое производитъ иногда пресса, слишкомъ заботливо охраняемая тонкостями ценсурнаго устава.

1864 годъ ознаменовался окончательнымъ покореніемъ Кавказа. Событіе это важно не только какъ новая слава для нашего оружія, но оно должно имѣть значительное вліяніе и на общее благосостояніе государства. Какъ видно изъ напечатанныхъ при «Сенат. Вѣдом.» росписей государственныхъ расходовъ, Кавказъ не представлялъ самъ собою средствъ для содержанія его администраціи, а тѣмъ болѣе для содержанія находившихся тамъ войскъ. Издержки на кавказскую войну тяжело падали на общія государ-

ственныя средства. Нынѣ, съ покороеніемъ Кавказа, представилась возможность не только уменьшить тамошнюю армію, но и воспользоваться естественными богатствами этого края. Можно надѣяться, что съ водвореніемъ на Кавказѣ промышленности и торговли, край этотъ не только не будетъ требовать громаднхъ издержекъ, ослабляющихъ общіе государственные доходы, но даже, напротивъ, съ временемъ принесетъ Россіи матеріальную выгоду.

Крестьянское дѣло, приближалось постепенно къ окончательной развязкѣ, представляло въ 1864 году два способа его разрѣшенія. Въ западныхъ губерніяхъ производились: обязательный выкупъ и переоцѣнка земли и повинностей, назначенными для этого повѣрочными коммиссіями. Въ остальной части Россіи оно представляло только случаи добровольныхъ соглашеній крестьянъ съ помѣщиками по выкупу земли съ пособіемъ или безъ пособія отъ правительства. Особымъ правительственнымъ актомъ по отношенію къ устройству быта крестьянъ, было высочайшее повелѣніе объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьянъ въ Тифлисской губерніи. Ходъ этого дѣла совершается нынѣ въ главныхъ чертахъ на тѣхъ же основаніяхъ, которыя были приняты прежде во внутреннихъ областяхъ имперіи.

Вотъ тѣ факты, выводы и соображенія, которыя мы сочли нужнымъ занести въ нашу «Хронику» для того, чтобъ показать нашимъ читателямъ исходныя точки, съ которыхъ должно начать дальнѣйшее развитіе нашей гражданской жизни и нашей общественной дѣятельности съ наступающаго года.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Объясненіе редакціи о значеніи этого отдѣла въ журналѣ. — Мнѣнія Миттермайдера о нашемъ уставѣ уголовного судопроизводства. — Извлеченіе изъ очерка о его жизни, ученыхъ трудахъ и общественной дѣятельности. — О значеніи временно-административной реформы въ Россіи. — Разрѣшеніе вопроса о томъ, самостоятельна-ли эта реформа, или представляетъ копию съ французской системы. — Свѣдѣнія о линіи русскихъ укрѣпленій на Сур-Дарьѣ. — Вопросъ о значеніи флота въ Россіи, и что дѣлали наши деревянные суда во время грозившей опасности войны. — Значеніе у насъ броненосныхъ судовъ. — Рѣшенъ ли вопросъ о флотѣ?

..Кромѣ журналовъ литературныхъ, хорошо извѣстныхъ читающей публикѣ, и кромѣ спеціальныхъ ученыхъ изданій, доступныхъ только специалистамъ, издаются у насъ, какъ извѣстно, еще нѣсколько официальныхъ журналовъ, именно: журналы министерствъ: «Юстиціи», «Народнаго Просвѣщенія» и «Государственныхъ Имуществъ», «Морской Сборникъ», «Военный Сборникъ», и нѣсколько другихъ спеціальныхъ. Изданія эти распространены весьма слабо въ массахъ публики и имѣютъ лишь ограниченныи кругъ читателей,

преимущественно между лицами, служащими въ тѣхъ вѣдомствахъ, которыми издаются журналы. Исключительное назначеніе этихъ журналовъ, самыя программы ихъ и содержаніе не могутъ способствовать ихъ популярности, потому что спеціальность предмета и серьезная обработка помѣщаемыхъ въ официальныхъ журналахъ статей, естественно, охлаждаютъ сочувствіе къ нимъ дилетанта-читателя, между тѣмъ, весьма многія изъ нихъ вполне заслуживаютъ вниманія всякаго просвѣщеннаго человѣка, желающаго слѣдить за общественными интересами своего времени. Общихъ интересовъ въ строгомъ смыслѣ слова не существуетъ: мы найдемъ, что всагій предметъ самаго всеобъемлющаго свойства неперемѣнно составляетъ спеціальность какой-либо отрасли человѣческаго знанія, точно такъ же какъ всякая тѣсная спеціальность имѣетъ свою долю всеобщаго интереса. Спеціальныя изслѣдованія суть самыя основательныя изслѣдованія, и потому только на нихъ могутъ опираться убѣжденія и сознаніе общества, только съ помощью ихъ могутъ созрѣвать въ обществѣ здравыя и вѣрныя понятія о предметахъ; но для публики всегда тяжелъ и скученъ трудъ специалиста, хотя она охотно пользуется выводами этого труда; особенно наша публика еще слабо проникнута сочувствіемъ и уваженіемъ къ ученой литературѣ. Правда, что и русская наука еще весьма мало сдѣлала для того, чтобы пользоваться авторитетомъ въ обществѣ; русское общество крайне бѣдно знаніями, потому что имѣетъ самую бѣдную ученую литературу; оно учится по трудамъ чужеземныхъ ученыхъ, въ чемъ лежитъ и главная причина непопулярности науки въ Россіи. Даже переводами ученыхъ сочиненій литература наша начала пополняться только въ недавнее время. При этой скудной обстановкѣ дѣлается болѣе или менѣе замѣтнымъ всякій скромный спеціальныи трудъ, появляющійся въ нашей печати, особенно когда онъ относится къ предмету, имѣющему практическое общественное значеніе. Такъ напомнимъ, изслѣдованія по русскому *праву*, даже замѣтны, возбуждающія практическіе или теоретическіе вопросы по этому предмету, имѣютъ теперь несомнѣнный интересъ не только для юристовъ, но и для публики. Послѣдствія произведенныхъ реформъ по народному просвѣщенію, военной администраціи, морскому дѣлу также составляютъ предметъ первой общественной важности; но публика не можетъ себѣ усвоивать полнаго понятія о тѣхъ новыхъ формахъ, въ которыя слагается государственный организмъ подъ вліаніемъ совершившихся или только совершающихся преобразованій, если она не будетъ знакомиться теоретически съ духомъ и сущностью этихъ преобразованій и не будетъ видѣть въ статистическихъ выводахъ результаты реформъ.

Официальные журналы представляютъ собою единственный источникъ, изъ котораго могутъ быть почерпнаты ближайшія свѣдѣнія, объясняющія настоящее состояніе разныхъ отраслей государственнаго управленія, и научныя теоретическія изысканія по тѣмъ же предметамъ. Мы уже высказали, что находимъ во всемъ этомъ

«Одинъ изъ важныхъ общественныхъ интересовъ, и потому намѣрены въ настоящемъ «Обозрѣнн» предлагать краткія извлеченія изъ помѣщаемыхъ въ официальныхъ журналахъ статей, которыя найдемъ сообразными съ нашей цѣлью». Ограничивая себя весьма незначительнымъ объемомъ нашей Хроники, мы будемъ имѣть въ виду популяризовать одну лишь сущность и главные выводы статей, которыя будутъ предметомъ нашего обозрѣнн. Въ извлеченіяхъ изъ официальныхъ отчетовъ и статей, имѣющихъ статистическій характеръ, мы не всегда будемъ ограничиваться группировкой цифръ, дѣлаемой въ обозрѣваемыхъ статьяхъ, но намѣрены предлагать и наши собственные выводы и замѣтки, такъ же какъ и вообще предоставляемъ себѣ возможную свободу мнѣній по всѣмъ предметамъ, о которыхъ будемъ говорить.

Направленіе официальныхъ журналовъ, конечно, условливается волей главныхъ начальниковъ тѣхъ вѣдомствъ, которыми издаются журналы; поэтому мнѣнія официальныхъ журналовъ, въ особенности излагаемая въ хроникахъ, слѣдуетъ разсматривать не иначе какъ исходящими отъ главныхъ начальниковъ вѣдомствъ. Мнѣнія эти, когда они касаются общественныхъ или государственныхъ вопросовъ, не могутъ не быть интересными для публики.

О нашихъ судебныхъ уставахъ покада нѣтъ еще критическихъ статей ни въ періодической литературѣ, ни въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Журналъ Министерства Юстиціи обѣщаетъ, по поводу помѣщенной въ немъ переведенной статьи Миттермайера (*), рядъ статей по вопросамъ, возбужденнымъ знаменитымъ германскимъ ученымъ, гдѣ будутъ разсмотрѣны какъ замѣчанія, такъ и самые судебные уставы. Миттермайеръ, въ одномъ изъ нѣмецкихъ періодическихъ журналовъ, помѣстивъ небольшую критическую статью о проектѣ нашего уголовного судопроизводства. «Въ цѣломъ русский проектъ уголовного судопроизводства—говоритъ Миттермайеръ—представляетъ новый шагъ впередъ, сравнительно съ другими европейскими законодательствами, и, по консеквентности проведенія обвинительнаго начала и устности, стоитъ выше даже многихъ новѣйшихъ законодательныхъ работъ. Въ немъ, кромѣ того, несравненно менѣе замѣтна подражательность предписаніямъ французскаго законодательства; напротивъ, онъ гораздо болѣе держится англійскаго образца. Поэтому въ его предписаніяхъ есть стремленіе къ возможной простотѣ учреждений и устраненію всего того, что можетъ привести присяжныхъ къ ложнымъ выводамъ. Въ постановленіяхъ о предварительномъ слѣдствіи онъ старается оградить подсудимаго противъ злоупотребленій и вообще опасности инквизиціоннаго начала,

(*) Журн. М. Ю. 1864 г. № 10.

тагъ-загъ нерѣдко извѣстное чиновничье усердіе можетъ увлечь слишкомъ далеко даже лицъ вполне добросовѣстныхъ; въ самомъ судѣ онъ старается по возможности обезпечить интересы защиты и оградить ее отъ судебныхъ чиновниковъ, признавая основнымъ началомъ равенство оружія обвиненія и защиты и придавая президенту такое положеніе, которое гарантируетъ его полную безпристрастность.

При подробной оцѣнкѣ проекта, Миттермайеръ дѣлаетъ о немъ три общія замѣчанія: 1) проектъ страдаетъ иногда весьма опасною краткостью предписаній; 2) изъ общихъ правилъ допущено много исключеній; и 3) многимъ положеніямъ недостаетъ необходимой ясности. Впрочемъ Миттермайеръ, приступая къ оцѣнкѣ проекта, оговаривается, что составить правильный приговоръ о законахъ чужой страны для иностранца—дѣло весьма нелегкое и что вполне вѣрная оцѣнка нашихъ судебныхъ положеній должна быть предоставлена тѣмъ, которые знаютъ политическое и социальное положеніе страны, національный характеръ, степень нравственнаго развитія и образъ воззрѣнія народа. Одобривъ вообще въ принципѣ краткость закона, авторъ дѣлаетъ намеки, что въ Россіи это неудобно, между прочимъ потому, что у насъ нѣтъ свободной прессы, которая могла бы распространять повсюду знакомство съ судебными постановленіями. Мнѣніе это, конечно, вполне справедливо, но вѣроятно автору не было извѣстно, что у насъ готовится также и реформа законовъ о печати, о чемъ проектъ былъ представленъ въ государственный совѣтъ, и, какъ говорятъ, переданъ нынѣ на разсмотрѣніе II отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи. Изъ замѣчаній же Миттермайера относительно изыятій изъ общаго правила и неопредѣленности постановленій, главнѣйшія суть слѣдующія: 1) одобряя стремленіе нашихъ уставовъ противодѣйствовать односторонней инвизиціонной дѣятельности при предварительномъ слѣдствіи, выражаемое въ опредѣленіяхъ отношенія прокурора къ слѣдствію, въ допущенія защитника и въ гласности слѣдствія, авторъ говоритъ, что желательна бы была большая опредѣленность отношеній прокурора къ слѣдственному судѣ; власть же прокурора онъ находитъ вообще недостаточно распространенной; также онъ находитъ необходимымъ болѣе точное законное опредѣленіе правъ полиціи. Весьма легко допустить, говоритъ онъ, что полицейскія власти въ Россіи будутъ сходны съ французскою и нѣмецкою полиціей и что потому, отчасти въ силу привычки къ чиновничьей дѣятельности, отчасти отъ излишняго чиновничьяго усердія, онѣ будутъ склонны къ превышенію своихъ правъ и будутъ не слишкомъ уважать законныя формы, а между тѣмъ опыты указываетъ намъ, что изъ этого легко могутъ возникнуть вредныя послѣдствія. 2) Хотя у насъ допускается гласность слѣдствія, но въ то же время предоставлено слѣдователю уничтожать гласность, если онъ находитъ ее вредной для слѣдствія. По поводу этого постановленія Миттермайеръ говоритъ, что можно напередъ предсказать, что судьи, которые и

безъ того склонны въ устраненіи гласности, будутъ часто допускать эти взятія, такъ-какъ положенія закона весьма неопредѣленны; при этомъ онъ замѣчаетъ, на основаніи личнаго разговора съ англійскими судьями, что они высоко ставятъ преимуществва допущенія гласности при слѣдствіи. Защитникъ при слѣдствіи, по нашему уставу, также хотя и допускается, но ему запрещено говорить наединѣ съ кліентомъ; въ этомъ Миттермайеръ видитъ еще вліяніе инквизиціоннаго начала, приводя въ примѣръ Брауншвейгъ и Нассау, гдѣ защитникъ можетъ говорить наединѣ съ подсудимымъ, а между тѣмъ изъ этого незамѣтно никакого вреда. 3) Относительно допроса обвиняемаго при слѣдствіи, по мнѣнію автора, также необходимо болѣе точно предписанія, потому что иначе онъ можетъ сдѣлаться невольнo инквизиціоннымъ: недостаточно одного запрещенія добиваться созванія подсудимаго, но необходимо постановить, что допросъ долженъ ограничиться указаніемъ обвиняемому сущности направленаго противъ него обвиненія, или приведенныхъ доказательствъ и увѣкъ, чтобы чрезъ это дать ему возможность защиты; затѣмъ указать на противорѣчія и неясность, или недостаточность его показанія и чрезъ это облегчить его дальнѣйшее оправданіе.

Постановленія нашего уголовнаго устава о томъ, что обвинительный актъ долженъ ограничиваться лишь изложеніемъ фактовъ, на которыхъ основывается обвиненіе, обозначеніемъ рода преступленія и приведеніемъ соответствующихъ законовъ, что права прокурора и защитника въ судѣ уравнены, и что президентъ устраняется отъ допроса обвиняемому и свидѣтелямъ, которые допрашиваются сторонами, такъ же какъ и въ Англии—вызвали полное одобреніе знаменитаго криминалиста. Этимъ закономъ гарантируется безпристрастіе президента и равенство правъ обвинителя и защитника.

Въ допущеніи нашимъ закономъ чтенія въ судѣ показаній присутствующихъ свидѣтелей, данныхъ при слѣдствіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда между этими показаніями и показаніями на судѣ будетъ противорѣчіе, Миттермайеръ видитъ опасность для начала утвѣренности. Въ Англии подобное прочтеніе составило бы весьма тяжкое нарушеніе основныхъ началъ судопроизводства, потому что приговоръ присяжныхъ долженъ основываться на показаніяхъ, слышанныхъ ими лично, то-есть въ гласномъ судѣ.

Относительно постановленія вопросовъ присяжнымъ Миттермайеръ дѣлалъ свои замѣчанія по мотивамъ комиссіи, составленной проекты судебныхъ уставовъ, и опасался, чтобы въ самомъ законѣ не было неполноты и неясности. Но опасенія эти воишь устраняются: въ статьяхъ 810, 811 и 812 устава уголовнаго судопроизводства опредѣлены съ точностію форма и сущность вопросовъ, которые подлежатъ обсужденію присяжныхъ, форма отвѣтовъ и порядокъ означенія послѣдовавшихъ рѣшеній по каждому вопросу отдѣльно.

Приговоръ присяжныхъ составляется, по нашему уставу, или единогласно, или по большинству голосовъ (ст. 813). Миттермайеръ предлагаетъ: или требовать, по новому англійскому проекту, большинства 10 голосовъ (противъ 2), или же, какъ это дѣлается въ Брауншвейгѣ, передавать дѣло новымъ присяжнымъ.

Проникнутый гуманными стремленіями, знаменитый криминалистъ заключаетъ свою статью замѣчаніемъ о необходимости предостереженія присяжныхъ въ заключительной рѣчи президента, что они должны объявить подсудимаго невиновнымъ, если у нихъ существуетъ еще какое нибудь сомнѣніе. Если это напоминаніе и не допущено нашимъ уставомъ, то едва-ли менѣе гуманности заключается въ томъ объясненіи присяжныхъ, которое долженъ сдѣлать, на основаніи ст. 804-я уголовного устава, предсѣдатель суда. Въ статьѣ этой говорится, что предсѣдателемъ заключается свое объясненіе наосминаніемъ присяжнымъ, что они должны опредѣлить вину или невиновность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и что въ случаѣ осужденія подсудимаго, они могутъ, если найдутъ достаточныя къ тому основанія, признать его заслуживающимъ снисхожденія.

Мы обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на мнѣнія Миттермайера о нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ. Его заслуженный авторитетъ въ наукѣ и гуманность даютъ ему первое мѣсто между современными криминалистами. Общій взглядъ его на уголовныя учрежденія, руководящій его мнѣніями, выражается въ желаніи, чтобы въ уголовныхъ учрежденіяхъ развивались элементы, способные защитить съ одной стороны интересъ гражданскаго общества, а съ другой—свободу личности.

Нельзя требовать, чтобы законъ, создающій для страны совершенно новыя учрежденія, былъ бы безукоризненно ясенъ и полонъ; многое должно выясниться и дополниться практическимъ путемъ. Во всякой странѣ, кромѣ закона, существуютъ еще и юридическіе обычаи, такъ-сказать, дополняющіе законъ. Обычай эти, конечно, начнутъ возникать и у насъ вмѣстѣ со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Трудно сказать напередъ что-нибудь о томъ, какое приметъ направленіе наша новая кстиція, но выразить желаніе мы находимъ вполне умѣстнымъ и твердымъ. Желательно, чтобы наши юристы, то-есть судьи вообще, слѣдователи и присяжные повѣренные, преимущественно старались поддерживать въ уголовныхъ процессахъ свободу личности; интересы общества и государства имѣютъ столь много защитниковъ, начиная съ закона до его мельчайшихъ исполнителей, что на сторонѣ общества и государства будетъ весьма сильный перевѣсъ, если представители правосудія хотя сколько-нибудь ослабить возможную защиту лица. И безъ того уже въ нашемъ обществѣ плохо воспитано уваженіе къ личности; теперь оно можетъ быть поддерживаемо съ публичной трибуны, и это необходимо въ нравственныхъ интересахъ цѣлаго общества.

Нѣтъ сомнѣнiя, что наши судебные уставы будутъ дѣлаться болѣе и болѣе популярными, потому что большее или меньшее знакомство съ ними, въ ихъ духѣ и сущности, дѣлается необходимымъ для всякаго честнаго гражданина. До каждаго изъ насъ можетъ дойти очередь занять мѣсто на скамьѣ присяжныхъ, для того, чтобы произнести безапелляціонный приговоръ объ участи человѣка; для исполненiя этой важной обязанности нельзя же явиться совершеннымъ профаномъ. Вообще законы страны должны быть болѣе или менѣе извѣстны всякому гражданину; но тѣ, въ исполненiи которыхъ всякій можетъ быть обязаннымъ принять личное участіе, необходимо должны быть извѣстны въ наибольшей степени, такъ что эта обязанность является нѣкоторымъ образомъ дѣломъ совѣсти каждаго. Замѣчательна та торжественность, которую вводитъ нашъ законъ (ст. 817 Устава уголовн. судопроизвод.) въ судебные обряды, при появленiи присяжныхъ послѣ ихъ совѣщанiя. Окончательное рѣшеніе есть, конечно, самая главная и самая важная функція суда. Присяжные, приглашенные по очереди изъ среды общества, безъ различiя сословiй и состоянiй, облакаются высшей властью, какая только можетъ существовать, произнести по совѣсти судъ надъ обвиняемымъ въ тяжкомъ уголовномъ преступленiи, то-есть освободить его отъ кары, установленной закономъ, или подвергнуть ей, то-есть лишить свободы, правъ и чести. Когда присяжные, послѣ совѣщанiя, возвращаются въ залу засѣданiя, всѣ находящiяся въ залѣ лица, не исключая и самыхъ судей, обязаны закономъ встать и выслушивать рѣшеніе присяжныхъ стоя. Это—наружное выраженіе цѣлаго общества къ рѣшенію, постановленному присяжными подъ страхомъ одной лишь отвѣтственности—передъ своей совѣстью. Всякому принимающему участіе въ такомъ рѣшенiи необходимо сознательно и отчетливо понимать свое право и свою обязанность, а для этого всего необходимѣе не быть полнымъ невѣждой въ судебныхъ постановленiяхъ своей страны.

По всей вѣроятности, со введенiемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ юридическая литература выступитъ на первый планъ и, конечно, теорiя права будетъ передаваема преимущественно по трудамъ европейскихъ ученыхъ. Имя Миттермайера и его разносторонніе труды, вѣроятно, чаще другихъ будутъ встрѣчаться публикѣ; поэтому мы находимъ нелишнимъ привести здѣсь краткій очеркъ жизни и трудовъ этого замѣчательнаго и симпатичнаго нѣмца, извлекаемый нами изъ отчета кандидата Таганцева, помѣщеннаго въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенiя» (*).

(*) Журн. М. Н. П. за октябр. 1864 г.

Карлъ Миттермайеръ, сынъ аптекаря, родился въ Мюнхенѣ, въ 1787 году, слѣдовательно ему теперъ 77 лѣтъ. Въ дѣтствѣ онъ выказалъ способность и страсть къ изученію языковъ, и еще мальчиномъ владѣлъ уже языками: французскимъ, итальянскимъ и англійскимъ и очень порядочно зналъ языки древніе. Съ 16 лѣтъ, оставшись сиротою, безъ всякой помощи, онъ долженъ былъ самъ отыскивать средства къ существованію и поступилъ домашнимъ учителемъ къ одному изъ извѣстнѣйшихъ юристовъ Баваріи—Центнеру, бывшему въ то время министромъ юстиціи, гдѣ и пробылъ два года до отправленія своего въ ландсгутскій университетъ, въ Баваріи. Черезъ три года, проведенные имъ въ университетѣ, онъ поступилъ, по рекомендаціи Центнера, домашнимъ секретаремъ къ Фейербаху, бывшему профессору ландсгутскаго университета, прибывшему въ то время въ Мюнхенъ для участія въ законодательной комиссіи. Фейербахъ, какъ криминалистъ-теоретикъ, какъ мыслитель съ отличнымъ философскимъ образованіемъ, не могъ не имѣть сильнаго вліянія на молодого юриста, тѣмъ болѣе, что это время составляло блестящую эпоху въ жизни Фейербаха, занимавшагося тогда составленіемъ уголовного кодекса, имѣвшаго впоследствии огромное вліяніе на Германію. Въ качествѣ секретаря Миттермайеръ выполнялъ многія работы, при которыхъ ему приходилось знакомиться съ иностранными писателями и законодательствами, работывая иногда по источникамъ какой-либо вопросъ, руководствуясь лишь нѣсколькими общими мыслями Фейербаха. Въ это же время Миттермайеръ занялъ мѣсто адвоката въ одномъ изъ мюнхенскихъ судовъ, что давало ему возможность узнать дѣйствительную юридическую жизнь, между тѣмъ какъ занятія при Фейербахѣ развивали его научныя знанія. Черезъ 1½ года Миттермайеръ получилъ отъ баварскаго правительства стипендію по 600 гульденовъ въ годъ, чтобы посѣтить нѣсколько нѣмецкихъ университетовъ и приготовиться къ профессурѣ. Для начала онъ выбралъ Гейдельбергъ, гдѣ и сталъ заниматься уголовнымъ правомъ у Мартина и Цахарію и гражданскимъ у Тибо. Черезъ годъ, именно въ 1809 году, онъ получилъ приказъ отъ правительства выдержать экзаменъ на доктора, чтобы занять мѣсто приват-доцента въ предполагавшемся тогда открыться университетѣ въ Инсбрукѣ. Приказаніе это было исполнено, но тирольскій университетъ, по причинѣ вспыхнувшаго тамъ возстанія, открытъ не былъ, и Миттермайеръ занялъ мѣсто приват-доцента въ Ландсгутѣ, начавъ читать разомъ нѣсколько предметовъ. Многочисленная аудиторія и статьи, печатаемыя въ «Архивѣ уголовного права», скоро доставили Миттермайеру почетное мѣсто между профессорами, и въ 1811 году онъ былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ, а въ 1812—15 году былъ выбранъ три раза въ ректоры университета. Въ 1819 году, уже какъ извѣстный криминалистъ, Миттермайеръ приглашенъ былъ въ новооткрытый университетъ въ Боннѣ на кафедру уголовного пра-

ва и процесса. Кроме докторской диссертации, которая напечатана была в 1809 году, появились первые большие работы Миттермайера в 1809 году — о доказательстве, в 1810 году — учебник уголовного права; затем, в 1819 году — два сочинения, где Миттермайер отважно возстал против теории Фейербаха об утраченности, против замкнутости судебных уставов и вообще против жестокости европейских законодательств, и в особенности баварского. Разбирая формы судопроизводства, он разделил их на два типа: один — гласный, опирающийся на суд присяжных, которому он дает название республиканского, и другой — секретный, письменный, отданный в руки ученых судей — тип монархический; последний тип, господствовавший в то время в Германии, он порицал, доказывая его недостатки, мешающие правильному отправлению правосудия. Высказываемые тогда мысли Миттермайера считались большинством ученых бесплодными, легкомысленными мечтаниями, выполнение которых было бы гибелью правосудию. Это было вавель тому 40 лет, и притом во время тяжелой реакции двадцатых годов, когда на защиту гласности и института присяжных, считавшегося плодом революции, оплотом демократии и т. д., смотрели далеко неблагоприятно; но, конечно, тем более важна заслуга Миттермайера, защищавшего лучший порядок. Миттермайер, естественно, стоял в рядах оппозиции, и потому в 1821 году, оставив Пруссию, с удовольствием принял предложение гейдельбергского университета, где с того времени и поныне, то-есть в течение 43 лет, он занимает непрерывно кафедру уголовного права, не ограничиваясь притом одной профессорской деятельностью: в 1829 году он принимал участие в работах баденской законодательной комиссии, в 1831 г. был избран депутатом во вторую палату от города Врухзала, где и оставался до 1845 года, быв президентом палаты в течение 6 лет; он участвовал почти во всех комитетах для составления или обсуждения новых проектов законов, в особенности в обработке гражданского судопроизводства, в борьбе за свободу прав, в законодательстве об общинном управлении и т. п. Одновременно с парламентской деятельностью, Миттермайер совершал путешествия по Италии, Франции, Англии для изучения юридического быта этих стран и знакомства с учеными и практиками. Этим путем он приобрел ближайшие сведения об иностранных учреждениях. Во время научного движения в Германии, в 1846 и 1847 г., Миттермайер был председателем комиссии, обсуждавшей общегерманский вопрос о введении суда присяжных, и составил в пользу этого учреждения обширный реферат, весьма замечательный в отношении статистических данных и теоретических выводов, и принятый огромным большинством собрания, состоявшего из 700 членов.

Революционное движение 1848 и 1849 годов также занесло

въ свою исторію труды Миттермайера: онъ былъ сотрудникомъ и издателемъ «Deutsche Zeitung» и президентомъ нѣмецкаго парламента во Франкфуртѣ, съ закрытіемъ котораго Миттермайеръ окончилъ свое политическое поприще, посвятивъ себя съ 1850 г. исключительно аудиторіи и ученымъ трудамъ, хотя участіе его въ развитіи законодательства Германіи продолжается и понынѣ непрямимъ путемъ: почти всѣ нѣмецкія правительства присылали къ нему новыя проекты законовъ, и его оцѣнки и указанія никогда не оставались безъ вліянія. Такимъ образомъ принималъ онъ участіе въ новомъ баварскомъ законодательствѣ въ 1861 г., вюртембергскомъ—1863 г., баденскомъ—1864 г. и т. д., и еще недавно, съ этой же цѣлью, получилъ онъ проектъ австрійскаго судопроизводства.

По складу ума, Миттермайеръ былъ всегда противникомъ науки для науки; онъ считалъ необходимымъ условіемъ всякаго юридическаго труда—его примѣнимость къ жизни. Практическіе труды Миттермайеръ продолжалъ и въ Боннѣ въ качествѣ университетскаго судьи, и потомъ въ университетской Spruch-Collegium, гдѣ онъ былъ постояннымъ членомъ съ самаго поступленія въ университетъ, а съ 1839 г.—президентомъ. Въ сочиненіяхъ Миттермайера видно обширное знакомство его съ юридической литературой и постоянное стремленіе смягчить жестокость законовъ, заставить и въ самомъ преступникѣ уважать человѣка, и дать болѣе прочныя гарантіи личной свободѣ гражданъ въ судѣ.

Ученая литературная дѣятельность Миттермайера подраздѣляется на два главные отдѣла: журнальныя статьи и монографіи. Въ журналѣ «Neue Archiv des Criminalrechts» онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и соредакторомъ въ теченіе 29 лѣтъ, начиная съ 1818 г.; въ то же время онъ издавалъ съ 1829 г. юридическій журналъ вмѣстѣ съ Цахаріэ; столь же дѣятельное участіе принималъ онъ въ 5 нѣмецкихъ юридическихъ журналахъ и во множествѣ мелкихъ газетъ. Имя его также встрѣчается во французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ и американскихъ журналахъ. Статьи эти охватываютъ всѣ отдѣлы права и заключаютъ въ себѣ изслѣдованія различныхъ отдѣльныхъ вопросовъ, разборъ практическихъ случаевъ, критическіе обзоры иностранной литературы, обзоры законодательной дѣятельности различныхъ странъ и т. д.

Что касается до монографій, то главныя изъ нихъ относятся къ уголовному судопроизводству. Первое обширное сочиненіе его было ученіе о доказательствахъ 1809 г.; затѣмъ слѣдовалъ «Handbuch des Criminalprocesses» 1810—1813 г., которая вышла дополненною и измѣненною четвертымъ изданіемъ въ 1845 г.; «Strafverfahren», вышедшее четвертымъ изданіемъ; въ 1851 г. онъ издалъ «Englische, Schotische und Nordamericanische Strafverfahren»; въ 1856 и 1860 г. о тюрьмахъ и въ 1862 г. «Über die Todesstrafe». Позднѣйшія его сочиненія суть: «Die Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren» и еще не вполне окон-

ченное: «Erfahrungen über die Wirksamkeit der Schwurgerichte in Europa und America, über ihre Vorzüge, Mängel und Abhülfe». Первый выпускъ этого сочиненія вышелъ осенью настоящаго года.

Кромѣ того, Миттермайеръ издалъ нѣсколько учебниковъ по уголовному и гражданскому праву.

Несмотря на свои 77 лѣтъ и пятидесятилѣтнюю неутомимую профессорскую и учено-литературную дѣятельность, Миттермайеръ юношески преданъ своему дѣлу и исполненъ огня и стремленія къ дѣятельности. Много поколѣній прошло чрезъ его руки въ эти 50 лѣтъ и многіе криминалисты считаютъ его отцомъ своего развитія, поселившимъ въ нихъ любовь къ наукѣ. Каедрa составляетъ для него половину жизни; читая лекціи, онъ совершенно перерождается, молодеетъ, дѣлается оживленнѣе, веселѣе и только въ послѣднее время сталъ жаловаться на то, что работа ужь одолеваетъ его, но вслѣдъ затѣмъ онъ обыкновенно прибавляетъ, что долженъ работать, пока живъ, и что съ работою сойдетъ онъ въ могилу.

Такие люди, какъ Миттермайеръ—прибавимъ мы—составляютъ гордость націи, къ которой они принадлежать.

«Военный Сборникъ» началъ печатаніе дѣлаго ряда статей, разъясняющихъ подробности совершившейся, на основаніи высочайше утвержденныхъ 6-го августа положеній, военной административной реформы. Въмѣсто прежняго центрального управленія, новыми положеніями введена территоріальная система. Управление арміей распределено на 10 военныхъ округовъ подъ начальствомъ командующихъ войсками. Управление каждаго изъ военныхъ округовъ образовано: изъ военно-окружнаго совѣта, имѣющаго коллегіальный характеръ, окружнаго штаба и изъ управленій интендантскаго (комиссаріатъ и провіантское вѣдомство), артиллерійскаго, инженернаго, военно-медицинскаго и инспекціи военныхъ госпиталей.

Въ основаніе новыхъ положеній приняты слѣдующія главные начала: а) въ военномъ министерствѣ сосредоточиваются общее направленіе и главный контроль дѣйствій всѣхъ административныхъ органовъ; б) фактический мѣстный контроль надъ дѣйствіями разныхъ мѣстъ и лицъ военнаго вѣдомства возлагается на командующихъ войсками въ округахъ, замѣняя собою излишній, недѣйствительный контроль министерства, ограничивающійся большею частію одной канцелярскою повѣркою, и в) затѣмъ вся чисто-исполнительная часть предоставляется: по войскамъ — начальникамъ дивизій, а по военнымъ учрежденіямъ — непосредственнымъ начальникамъ отдѣловъ военно-окружныхъ управленій, какъ-то: интендантамъ, начальникамъ артиллеріи, инженеровъ и проч. подъ непосредственной ихъ же отвѣтственностью.

Реформа эта достигается главнѣйшимъ образомъ той дѣли, что исполнительная власть военного министерства разсредоточивается между мѣстными управленіями, начальники которыхъ, имѣвшіе прежде одно лишь строевое значеніе, дѣлаются теперь и мѣстными администраторами, и самыя мѣстныя управленія, съ расширеніемъ передаваемой имъ отъ министерства власти, дѣлаются самостоятельными, сохраняя связь съ министертвомъ на столько лишь, сколько это нужно для единства въ управленіи.

Особенное вниманіе обращаютъ военно-окружные совѣты, которые суть коллегіальныя установленія, снабженныя значительной степенью административной власти, но остающіяся, впрочемъ, подъ главнѣйшимъ направленіемъ и контролемъ министерства и военного совѣта. Округные совѣты состояются изъ всѣхъ мѣстныхъ начальниковъ, какъ-то: начальника штаба, окружнаго интенданта, начальника артиллеріи и проч. подъ предсѣдательствомъ командующаго войсками, которому предоставлено право, въ случаѣ несогласія его съ большинствомъ, пріостанавливать исполненія, переносить дѣла въ военный совѣтъ и даже предписывать въ исполненію свое мнѣніе подъ своей личной отвѣтственностью. Кромѣ того, въ составъ совѣта входитъ еще одинъ членъ, назначаемый министромъ, на котораго возложена обязанность предварительнаго разсмотрѣнія и соображенія съ законами всѣхъ вносимыхъ въ совѣтъ дѣлъ. Противъ постановленій совѣта членъ министерства можетъ протестовать, донося о своемъ мнѣніи министру, но не останавливая исполненія по рѣшенію совѣта.

Подобнаго коллегіальнаго учрежденія, въ которомъ бы соединялись отвѣтственные дѣятели по всѣмъ отраслямъ военного управленія, у насъ еще не существовало. Членъ отъ министра уподобляется нѣсколько по своему значенію прокурору.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ постановленій, уничтожаются весьма много военно-административныхъ учрежденій, какъ-то: главные штабы армій, штабы корпусные, провіантское и коммисаріатское вѣдомства, столь популярныя у насъ, и отдѣльныя военныя казначейства и проч., при чемъ, конечно, уменьшается и расходъ на содержаніе этихъ вѣдомствъ.

Въ особенности предполагается польза отъ децентрализаціи военного управленія при обстоятельствахъ, въ которыхъ находились западныя губерніи, гдѣ военные округа образованы еще прежде утвержденія положеній о нихъ.

Новую военно-административную нашу систему многіе сравниваютъ съ французской и даже называютъ ее простой копией съ этой послѣдней. «Военный Сборникъ» посвящаетъ этому вопросу особую статью, дѣлая сравненіе обѣихъ системъ. Французская система основана на строгой раздѣльности различныхъ отраслей мѣстнаго военного управленія; тамъ каждая отрасль управленія имѣетъ свое территоріальное раздѣленіе, свои округа, независимыя другъ отъ друга; восторныхъ, система эта основана на край-

ней централизаціи или сосредоточеніи всего управленія въ военномъ министерствѣ, при отсутствіи всякой самостоятельности мѣстныхъ учреждений, при отсутствіи взаимнаго соотношенія и согласованія между ними, которое у насъ установлено учрежденіемъ военно-окружныхъ совѣтовъ, принадлежащихъ исключительно нашей системѣ. Власть военного министерства въ Россіи разсредоточена между мѣстными военными управленіями по каждой отрасли администраціи, причемъ министерству оставлено только направленіе и контроль мѣстныхъ управленій. Съ помощію этихъ сравненій военный журналъ заключаетъ вполне справедливо, что наша военно-административная система есть самостоятельная русская, и служить прочнымъ памятникомъ реформъ нынѣшняго царствованія, и что французская система очевидно уступаетъ нашей во всѣхъ отношеніяхъ и вообще по различію государственныхъ организмовъ Франціи и Россіи ни въ какомъ случаѣ не могла служить для насъ безусловнымъ оригиномъ.

Чѣмъ менѣе извѣстна страна, тѣмъ интереснѣе свѣдѣнія о ней. Къ числу такихъ интересныхъ сказаній можно отнести небольшую статейку г. Лобысевича «Сыр-Дарьинская линія» (*) — о которой, впрочемъ, авторъ говоритъ весьма мало, ограничиваясь описаніемъ лишь форта Перовскій, составляющаго пограничный пунктъ русской оборонительной линіи на предѣлахъ средне-азійскихъ ханствъ: бухарскаго, хивинскаго и коканскаго. Авторъ говоритъ, что не только въ Россіи, но и въ Оренбургѣ немногіе знаютъ вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ фортѣ. Дорога туда отъ Оренбурга идетъ, конечно, по пустынной степи, почта содержитсяъ киргизами, станціи не знаютъ ни мебели, ни отопленія, ни съѣстныхъ предметовъ. Степень цивилизаціи жителей читатель увидитъ изъ слѣдующихъ сценъ: на станціи — разсказываетъ авторъ — человекъ пять киргизовъ вошли въ нашъ, съ любопытствомъ осмотрѣли вещи я, безцеремонно уѣвшійся на полу, стали поплевывать, по своему обычаю; потомъ киргизы принялись играть въ карты, въ свои ковши, по вѣщимъ правиламъ и очень хорошо, что и продолжали до 12 часовъ ночи. (Въ этомъ случаѣ, замѣтимъ мы, киргизы похожи на членовъ здѣшняго благороднаго собранія, которые играютъ въ домино каждагодневно, по крайней мѣрѣ, до 2-хъ часовъ ночи, и также поплеываютъ, особенно при несчастіи). Почт-содержатели киргизы почти никогда не живутъ на станціяхъ, построенныхъ изъ сыраго кирпича и готовящъ каждую минуту развалиться; гоньбу отправляютъ киргизы-бѣдняки, которые нанимаются содержателями за самую ничтожную плату и не только не кормятъ лоша-

(*) Воен. Сбор. 1864 г. № 3.

дей, но и сами не ѣдят по цѣлымъ суткамъ, вымалывая у проѣзжающаго кусокъ хлѣба; лошадей, за пеймѣнїемъ веревомъ, привязываютъ хвостами къ экипажу. Гдѣ живетъ самъ содержатель станція, тамъ видно больше достатка: есть и скотина, и бараны, и пекутъ хлѣбъ, иногда варятъ и барана, разрывая его на части и опуская въ котелъ. Когда мясо уварится, хозяинъ разливаетъ жидкость въ миски и подноситъ каждому; за тѣмъ дѣлятся части баранины, а если есть гости, то угощаютъ сперва ихъ, и въ знакъ особеннаго расположенія, хозяинъ и хозяйнѣ безпрерывно отрываютъ куски мяса и своими двумя пальцами кладутъ въ ротъ гостю. Гость беретъ ртомъ мясо и, въ свою очередь, въ знакъ особенной благодарности за любезность, облизываетъ пальцы хозяевъ...

Далѣе къ пограничной линіи, сообщенія совершаются на верблюдахъ по голой песчаной степи, около 400 верстъ отъ укрѣпленія Уральскаго до перваго форта на Сыр-Дарьѣ—Казала. Фортъ построенъ изъ необожженнаго кирпича; зданія покрыты камышомъ, за немѣнїемъ въ степи дерева, доставка котораго изъ Оренбурга стоитъ весьма дорого, до 40 рублей за каждое бревно. Гражданское населеніе форта состоитъ изъ нѣсколькихъ бухарскихъ купцовъ, помѣщается въ мазанкахъ, число которыхъ простирается до 25. Подлѣ форта протекаетъ Сыр-Дарья, гдѣ расположена аральская флотилія, то-есть пароходы, лодки, баркасы и баржи. На половинѣ пути до форта Перовскаго есть еще небольшой фортъ Кармакчи, замѣняющій собой станцію для путешественниковъ, гдѣ смѣняются верблюды и истомленный путникъ находитъ отдыхъ. Около этого форта расположено много озеръ, покрытыхъ камышомъ, и потому встрѣчается много дичи: утки, гуси, лебеди, фазаны, сайгаки и тигры, на которыхъ охотятся киргизы; здѣсь встрѣчаются и деревья саксаула — хруское и толстое дерево, безъ листовъ, съ одними прутьями, годное лишь для топлива.

Фортъ Перовскій есть столица степи и резиденція управленія сыр-дарьинской линіи. Фортъ имѣетъ большіе размѣры, хорошо вооруженъ и въ немъ находится значительный гарнизонъ; но постройки, тоже изъ необожженнаго кирпича, отъ сыраго грунта и дурнаго матеріала, часто обрушиваются, особенно весной и осенью. Кругомъ форта—слободка поселенцевъ, базаръ, то-есть лавки бухарцевъ и трехъ или четырехъ русскихъ купцовъ. Есть небольшой садъ, изъ пяти или шести аллей финиковаго и джидоваго дерева. Общество довольно большое, но жизнь въ крайнемъ застоѣ. Служба, сплетни и золото суть основныя начала жизни въ фортѣ. Служба, особенно для солдатъ, тяжела, потому что имъ нѣтъ смѣны въ продолженіе восьми-девяти лѣтъ. Работы инженерныя и хозяйственныя не прерываются цѣлымъ годъ: безпрерывно поправляютъ крѣпость и всѣ зданія, обваливающіяся по причинѣ рыхло-водянистаго грунта. Постройки выдерживаютъ не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ отъ дурнаго качества кирпича и смѣ-

нѣйшей сырости квартирѣ. Люди терпятъ лишенія какъ отъ климата, такъ и отъ крайне-изолированнаго положенія мѣстности отъ населенныхъ и плодоносныхъ пунктовъ. Солдаты бѣдствуютъ безъ женщинъ и связываются съ кочующими близъ форта киргизками, которыя пускаются въ распутство изъ бѣдности, за кусокъ хлѣба; сифилитическая болѣзнь сильно распространена между солдатами. Содержаніе, исключая рыбы, добываемой въ водахъ Сыр-Дарьи, крайне-дорого, потому что все должно быть доставляемо по песчаной степи и издалека. Лѣтомъ тропическій жаръ, слѣнни и комары.

Войско совершаетъ рекогносцировки для изслѣдованія возможности соединить линію сыр-дарьинскую съ линіей сибирской, въ видахъ вѣдшаго обезпеченія торговли нашей съ средней Азіей и для защиты каравановъ и киргизовъ, принявшихъ русское подданство. Въ этомъ же заключается, конечно, и вся цѣль нашего преобладанія на границахъ средней Азіи.

Сколько еще предстоитъ Россіи упорнаго труда и лишеній для того, чтобы укрѣпить свое могущество въ этихъ дикихъ пустыняхъ и положить первые камни цивилизаціи на безплодныхъ сипучихъ пескахъ средне-азійской степи! Этотъ скромный, но важный по своимъ послѣдствіямъ трудъ совершается горстью военныхъ людей, несущихъ лишенія и все-таки шагъ за шагомъ расширяющихъ предѣлы, если не фактическаго, то политическаго преобладанія Россіи на ханства средней Азіи. Мы считаемъ долгомъ упомянуть здѣсь о тамошнихъ военныхъ начальникахъ, извѣстныхъ изъ послѣднихъ донесеній объ успѣхѣ нашего оружія: генеральнаго штаба генерал-майоръ Черняевъ, полковникъ Вережкинъ и подполковникъ Мейеръ.

Весьма жаль, что въ нашей текущей литературѣ нѣтъ достаточно полныхъ свѣдѣній о заилійскомъ краѣ; конечно, военнымъ людямъ, можетъ быть, и некогда удѣлять время на описанія края, но вѣдь отъ нихъ однихъ только и можно ожидать этихъ трудовъ. Нельзя ли какъ нибудь помирить эти крайности? Борьба съ полудикими племенами, обыкновенно, бываетъ упорнѣе и продолжительнѣе, нежели въ цивилизованномъ мірѣ, примѣромъ тому служатъ Кавказъ. Поэтому изслѣдованіе всѣхъ мѣстныхъ условій, политическая оцѣнка успѣховъ нашего преобладанія и степени настоящей и будущей пользы отъ того для Россіи, и даже оцѣнка самой системы дѣйствій, все это имѣетъ весьма важное значеніе и не можетъ не составлять для общества первостепеннаго интереса.

Морской Сборникъ служитъ самымъ обильнымъ источникомъ свѣдѣній и болѣе или менѣе компетентныхъ мнѣній о нашемъ флотѣ. Въ прошедшемъ году даже въ литературныхъ журналахъ трактовали о флотѣ; главнѣйшій вопросъ состоялъ въ томъ,

нуженъ ли намъ флотъ? Сколько помнимъ, конечный выводъ по этому вопросу былъ тотъ, что флотъ нуженъ намъ не болѣе, какъ для обороны береговъ; великой же морской державой Россія быть не можетъ, по недостатку открытыхъ морей. Со времени изобрѣтенія броненосныхъ судовъ значеніе и сила нашего деревяннаго флота, конечно, ослабѣли еще болѣе, такъ что безъ броненосныхъ судовъ наши кронштадтскіе великаны сдѣлались страшными лишь для самихъ себя, потому что представляли не болѣе какъ удобо-воспламеняемый горючій матеріалъ и притомъ беззащитный и неспособный нанести вреда броненоснымъ судамъ. Во время грозныхъ переговоровъ съ Англіей и Франціей по польскому дѣлу, когда возможность войны была до нѣкоторой степени вопросомъ, флотъ нашъ находился именно въ положеніи беззащитности, и всѣ наши лучшія суда высланы были, въ видахъ безопасности, къ американскимъ берегамъ, гдѣ они могли оставаться въ покоѣ, или, въ случаѣ нужды, служить крейсерами. Между тѣмъ въ Россіи возникло броненосное судостроеніе изъ собственныхъ матеріаловъ и собственными средствами; выстроенны броненосныя суда и усиленное вооруженіе береговыхъ укрѣпленій опять измѣнили значеніе нашего флота, гарантируя его безопасность.

Таковы данныя, которыя неизбѣжно возбуждаютъ вопросы о томъ, тѣмъ можетъ быть нашъ флотъ и какой долженъ быть составъ его?

Авторъ статьи «Современное значеніе броненоснаго флота», г. Н. Ф. .... (*) , повидимому, желалъ разрѣшить эти вопросы въ слѣдующихъ положеніяхъ: цѣль существованія нашего флота есть возможное обезпеченіе береговой обороны государства, для чего необходимо: *возможно большее* число броненосныхъ судовъ башенной системы, какъ наиболѣе простыхъ и удобныхъ для защиты нашихъ мелководныхъ и усѣянныхъ островами прибрежій; необходимы также усовершенствованныя пловучія батареи, число которыхъ должно быть строго сообразно съ потребностями защиты Кронштадта и Свеаборга, и *несколько* броненосныхъ кораблей и фрегатовъ для заграничныхъ посылокъ, которые не должны быть назначаемы для генеральныхъ сраженій съ флотами великихъ морскихъ державъ, а только для большей активности нашей береговой обороны.

Стараясь возбудить общественное сочувствіе къ необходимости флота, авторъ говоритъ, что будущность русскаго флота тогда только упрочится, когда идея его необходимости сдѣлается народною; иначе самыя глубоко-обдуманная соображенія, самыя вѣстойчивыя, энергическія дѣйствія какихъ бы то ни было администрацій, оставаясь не болѣе какъ пальятивными средствами, принесутъ пользу только временную. Кромѣ того, авторъ тре-

(*) Морск. Сбор. 1864 г. № 4.

буетъ, чтобы, *во что бы то ни стало*, суда наши доведены были до такого состоянія, чтобы ходкостью, поворотливостію, брѣвностію брони, силой артиллеріи, искусствомъ и моральнымъ состояніемъ экипажей, они рѣшительно не уступали самымъ лучшимъ образчикамъ первыхъ флотовъ въ мірѣ, и чтобы разъ навсегда обезпечено было содержаніе нашихъ морскихъ силъ отъ непрерывныхъ колебаній различныхъ мудрствованій, чтобы соответствующія потребностямъ времени средства являлись заблаговременно, а не въ критическую минуту.

Можетъ быть, самому автору весьма ясно то, что онъ намеренъ былъ доказать, но мы сомнѣваемся, чтобы нѣлъ его убѣдить въ томъ же общественное мнѣніе, была достигнута: *возможно большее число мелкихъ броненосныхъ судовъ, число пловучихъ батарей, сообразное съ потребностями защиты Свеаборга и Кронштадта, нѣсколько броненосныхъ кораблей и фрегатовъ и доведенное до совершенства, во что бы то ни стало*, качество судовъ, едва-ли уясняютъ вопросъ о составѣ нашего флота. Что касается до желанія автора, чтобы идея о флотѣ сдѣлалась народною, то это едва-ли возможно для страны, гдѣ въ народѣ море-окіанъ извѣстно только по сказкамъ, а для образованной и незначительной части общества по географіи, да по кругосвѣтному плаванію г. Гончарова.

Сколько можно судить изъ отчетовъ «Морскаго Сборника» о броненосномъ кораблестроеніи, вопросъ о неуязвимости брони и всесокрушаемости орудій находится еще въ періодѣ теоретическихъ изысканій и практическихъ опытовъ, почему вопросъ и о постройкѣ броненосныхъ судовъ не можетъ быть избавленъ отъ непрерывныхъ колебаній. Деревянные суда перестали быть надежной защитой при появленіи на свѣтъ броненосцевъ; эти послѣдніе также въ свою очередь могутъ не быть столь грозными, если система, по которой они построены, не столь совершенна, какъ система, основанная на послѣднихъ изысканіяхъ опыта и теоріи, по которой будутъ строиться новыя суда; изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ объ усовершенствованіи судовъ гораздо важнѣе, чѣмъ вопросъ о самой постройкѣ ихъ. Американцы начали строить суда уже во время войны. Коническія пули, штурцеры съ дальнимъ боемъ и тому подобное, суть изобрѣтенія, современныя войнѣ, во время которой они брали верхъ надъ вооруженіями старой системы. Мы думаемъ, что прежде всего нужно имѣть наготовѣ: заводы, строительные матеріалы, высшія научныя и опытыя познанія о дѣлѣ и источникахъ для издержекъ.

Во всякомъ случаѣ, мы желали бы наибольшаго уясненія со стороны «Морскаго Сборника» вопроса о нашемъ флотѣ и о средствахъ довести его до такого состоянія, чтобы онъ имѣлъ значеніе несомнѣнной обороны въ случаѣ нужды.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Размышления о нѣкоторыхъ отечественныхъ самостоятельныхъ открытіяхъ по вопросу о томъ, выжили-ли мы западную цивилизацию.—Характеристика нашихъ критическихъ приемовъ и самоуслаждения ими.—Цѣль предположенныхъ нами обзоровъ дѣятельности заграницей.—Засѣданія въ Батѣ британскаго общества съобществованія наукъ.—Рѣчь Чарльса Лайелля.—Очеркъ нѣкоторыхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ специальныхъ отдѣленіяхъ британскаго общества.—Смерть Жиль-Жерара, знаменитаго «истребителя львовъ».—Нѣмецкій ученый, титулованный *à la russe* за услуги наукъ.

Недавно въ вѣнской газетѣ *Botschafter*, было напечатано письмо одного петербургскаго корреспондента, который сообщалъ во все-европейское услышаніе, что «дѣла въ сей странѣ (то-есть Россіи), принимаютъ все болѣе и болѣе печальный оборотъ» и что главная дѣйствующая пружина будто бы такого ухудшенія, заключается ни болѣе ни менѣе какъ въ «тайномъ обществѣ нигилистовъ»! Для насъ, русскихъ, это открытіе, конечно, было болѣе свѣжей новостью, чѣмъ для западныхъ читателей, и остается лишь поспѣловать, что простодушный корреспондентъ вѣнской газеты такъ небреженъ къ дѣйствительнымъ новостямъ окружающей его жизни. До сихъ поръ предполагалось; напимѣръ, что мы не знаемъ Запада, точно такъ же, какъ и Западъ не знаетъ насъ, то-есть что мы взаимно плохо знакомы. Многие жалуются, что мы даже плохо знаемъ самихъ себя, то-есть пружины нашего общественнаго строя, бытъ нашего народа, его положительныя (а не гадательныя) свойства, достоинства и недостатки, свою страну, ея средства и силы. И вотъ въ этомъ-то послѣднемъ отношеніи и сдѣланы въ послѣднее время замѣчательныя открытія, съ которыми не мѣшало бы познакомиться корреспонденту Запада. Такъ редація одного почтеннаго журнала, послѣ долгихъ соображеній о свойствахъ русскаго народа, открыла наконецъ въ немъ одну основную черту, которую такъ долго всѣ напрасно искали.

Какую? — «Смиренномудріе». Это бы ничего, но та же редація, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлала другія удивительныя открытія, которыя, если и неравносильны открытію петербургскаго корреспондента *Botschafter*'а, во всякомъ случаѣ на столько любопытны, чтобъ быть также занесенными въ его письма заграницу. Одновременно съ открытіемъ «Смиренномудрія», та же почтенная редація повторила публикѣ, какъ новость, девизъ славянофиловъ, что мы, русскіе, выжили всю суть западной цивилизаціи, что западная критика для «смиренномудраго» ума, когда онъ захочетъ думать, представляется тѣмъ-то въ родѣ картючнаго домика. Неправда-ли, чрезвычайно любопытное открытіе? и главное — *новое*, несмотря на то, что оно было высказано въ сороковыхъ годахъ! И если еще г. Д. Минаевъ, основатель новаго Кароагена въ Италіи, упрекаетъ русскихъ писателей въ отсутствіи самобытности, то въ этомъ

виною отчасти его собственная скромность, отчасти же небрежность къ своимъ содѣателямъ. Мы можемъ, кромѣ русскаго «смирномудрія», худосочія «западной цивилизаціи» и т. п., указать ему на замѣчательныя историческія, географическія и статистическія открытія, сдѣланныя у насъ за послѣднее время и, если воздерживаемся, то по собственной уже скромности.

Всѣ эти упоминаемыя и неупоминаемыя нами великія русскія открытія обусловливаются, конечно, тѣмъ, что по недостаточности солидной самостоятельной работы мысли, въ насъ вмѣстѣ съ извѣстной долей дерзости, развилась легкость воззрѣній, вслѣдствіе которой мы удивительно храбры, а иногда до наивности близоруки: вдаль стоимъ, въ дѣйствительности, громадная глыба, а для насъ — это карточный домикъ. Вмѣсто того, чтобъ подползти подъ глыбу, мы прыгаемъ на нее какъ дѣти, дуемъ, плюемъ, свистимъ, и слѣды собственной нерашливости принимаемъ просто душою за развалины Запада. Вотъ почему, можетъ быть, у насъ такъ процвѣтаетъ теперь родъ литературы, который на всѣ предметы неба и земли смотритъ какъ на совершенно сподручныя, сырой матеріалъ для саркастическихъ выходковъ, въ которыхъ писатели любятъ сами собою. Все искусство заключается въ томъ, чтобъ поиграть на поверхности предмета. Еслибы кому-либо вздумалось усвоить преобладающій въ нашей современной литературѣ критическій процесъ, то онъ очень простъ, и можетъ быть прописанъ какъ рецептъ. Вы избираете какой-либо смѣшной пунктъ на поверхности предмета, затѣмъ стараетесь выставить его въ ужасномъ видѣ. Если же вы недовольны первымъ критическимъ приступомъ къ дѣлу, и почему-нибудь вамъ кажется еще, что вы нѣсколько сантиментальны, тогда, не затрудняясь, вы прибѣгаете къ параллелямъ. Параллели полезны: онѣ доказываютъ наше ученичество. Покажется вамъ кто-либо похожимъ на обезьяну или на стрижа, такъ и называйте — обезьяна, стрижъ, танцуйте на этихъ именахъ. Не сходитесь вы съ чѣмъ-либо мнѣніемъ, такъ и называйте его возмутительнымъ. Если вы дорожите красотой слога, то говорите о вашемъ литературномъ противникѣ такъ, какъ будто онъ вамъ лично сдѣлалъ ужасное зло. Само собою разумѣется, что личности въ этомъ случаѣ допускаются въ интересахъ самаго стиля; мертвыхъ тоже нечего оставлять въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что они безотвѣтны. Знаете хвостъ какой-нибудь сплетни, поскорѣй раздѣлывайтесь съ нею, и по дорогѣ прибавьте къ ней туловище: можете обратиться для этого съ заднего крыльца къ вухаркѣ вашего противника. Нѣтъ надобности говорить, какъ это забавляетъ публику и возвышаетъ ея мнѣніе о васъ. Словомъ, вы принимаете за правило, что все, съ чѣмъ вы несогласны (чего, конечно, наберется очень много), необходимо смѣшно и глупо — такъ и говорите, не стѣсняясь.

Смѣю увѣрить васъ, что поработавши такъ года два-три, вы приобретете критическій *aplomb*, и вы собственнымъ умомъ начнете доходить до великихъ открытій, въ родѣ «почвы», «смирненно-

мудрїа», «работы съ плясками и музыкой», союза мужчины и женщины посредствомъ средней комнаты, и тому подобныхъ открытїй.

Школа необыкновенныхъ открытїй и только что изложенныхъ нами критическихъ прїемовъ, по послѣдствїямъ своимъ, по вліанію, весьма замѣчательна: она вырабатываетъ намъ дѣятелей, влюбленныхъ въ самихъ себя, образъ которыхъ увѣковѣченъ мнѳомъ древнихъ грековъ — Нарциссомъ. Нарциссъ, по сказанію древнихъ, былъ красивъ собою; но его внѣшнія преимущества потемнѣлись презрительнымъ взглядомъ на окружающую дѣйствительность, и гордостью. Такимъ образомъ, любя только самого себя, онъ велъ уединенную жизнь въ лѣсахъ, предаваясь охотѣ съ самымъ ограниченнымъ числомъ товарищей, которые считали его полубогомъ. За нимъ повсюду слѣдовала нимфа Эхо. Однажды, нашъ герой легъ отдохнуть у источника, вода котораго была чиста и прозрачна; увидавъ случайно свой образъ въ водѣ, нашъ герой засмотрѣлся въ него, и до того влюбился въ самого себя, что боялся оторвать глазъ отъ дорогого предмета; но вслѣдствіе неподвижности онъ ослабѣлъ, и впалъ въ смертельное оцѣпенѣніе. Послѣ смерти, боги превратили его въ цвѣтокъ, носящїй его имя, который разцвѣтаетъ весной, и былъ посвященъ древними подземнымъ богамъ.

Презрительное и саркастическое отношеніе ко всѣмъ предметамъ, не требующее никакихъ усилїй ума и никакого корпнїя надъ прїобрѣтенїемъ положительныхъ знанїй, и вызвало въ нашей литературѣ рядъ нарциссовъ, влюбленныхъ въ самихъ себя. Прїобрѣта незавидную извѣстность своими талантами, они вслѣдствїи засматриваются въ самихъ себя, и не могутъ оторваться отъ прїобрѣтеннаго угла воззрѣнія и усвоенныхъ разъ отношенїй ко всѣмъ предметамъ бытїа. Противорѣчіе раздражаетъ ихъ и потому они скучиваются, уединяются, ища обожанїа и безмолвнаго удивленїа немногихъ. Это бѣгство отъ самихъ себя въ замкнутый кружокъ ничѣмъ невосполняемыхъ, принятыхъ разъ навсегда воззрѣнїй, ведетъ неизбежно къ оскуднѣнїю мысли; и вотъ нарциссы, усѣвшись на' принятое ими «направленїе» такъ плотно, какъ солдаты на дѣтскихъ игрушкахъ, дѣлаются необыкновенно лѣнны на умственную работу, и впадаютъ въ родъ забытья, которое дѣлаетъ ихъ неспособными къ труду, и они, твердя одно и то же, дѣлаются рутинѣрами. Въ зрѣломъ возрастѣ нарциссы обыкновенно обманываютъ возлагавшіяся на нихъ большїя надежды. Они заговариваются или ударяются въ «открытїа», о которыхъ мы говорили выше. Древнїе все скоропреходящее, пустоцвѣтное, безслѣдное посвящали подземнымъ богамъ; мы оставляемъ нарциссовъ въ жертву ихъ собственному разсмотрѣнїю.

Эти-то пустоцвѣтность и презрительная безсильная крикливость указываютъ намъ, что теперь болѣе чѣмъ когда нибудь время для насъ внимательнѣе слѣдить за явленїями западной науки, искусства и общественной дѣятельности, и не потому чтобъ мы чаяли

тамъ найти всеисцѣляющій бальзамъ отъ нашихъ извѣ и дикостей, но просто ради болѣе тѣснаго знакомства, чтобъ знать, чѣмъ тамъ люди занимаются въ то время, какъ мы пробавляемся вотъ тѣмъ-то. Можетъ быть, если посравнимъ да приглядимся ближе къ явленіямъ дѣйствительно-цивилизованной жизни, намъ будетъ вѣрится съ трудомъ, чтобъ мы такъ долго и бесплодно любовались собою. Можетъ быть, присматриваясь ближе къ приемамъ, усвоеннымъ на Западѣ въ отношеніяхъ къ научнымъ и общественнымъ вопросамъ, къ дѣлу жизни и посравнивъ ихъ съ нашими родными, насъ поразятъ контрасты и мы придемъ къ нѣкоторымъ душеспасительнымъ выводамъ. За то, что у насъ считается верховъ блестящаго полемическаго слога, въ Англии, напримѣръ, можно насидѣться вдоволь въ тюрьмѣ. Тамъ люди, заваленные государственнымъ дѣлами, находятъ время для трудовъ, которыми гордится литература, и ищутъ въ этихъ трудахъ отдыха; у насъ люди отживаютъ для дѣла въ нѣсколько лѣтъ и приобрѣтаютъ къ нему отвращеніе. Возразятъ: «условія жизни и т. д.» Но, остается вспомнить наши сороковые года и литературу ихъ, пользовавшуюся вліяніемъ и уваженіемъ въ обществѣ, и умѣвшую держаться выше того уровня, на который низведена она теперь нашими нарциссами.

Вотъ почему сверхъ Литературной лѣтôписи, въ которой будемъ слѣдить за новыми книгами, мы предположили въ этомъ отдѣлѣ слѣдить за движеніемъ жизни ученой, литературной и общественной на Западѣ.

Читатели намъ извинять, что на этотъ разъ мы начнемъ нашъ обзоръ нѣсколько издалева. Важность *извѣстій*, пропущенныхъ нашею литературою, заставляетъ это сдѣлать.

Въ половинѣ минувшаго сентября, въ Батѣ происходило 34-е годовое собраніе британской ассоціаціи споспѣшествованія наукъ. Къ семи часамъ пополудни 14-го сентября, число всѣхъ собравшихся къ открытію засѣданій членовъ ассоціаціи было слѣдующее: старыхъ пожизненныхъ членовъ 215, новыхъ — 28; старыхъ годовыхъ членовъ 137, новыхъ — 82; сообщниковъ 917; женщинъ 930; всего — 2,309. Замѣчательнѣе всего въ этихъ итогахъ, что число женщинъ немногимъ превышаетъ даже число мужчинъ-сообщниковъ, чего не бывало въ прежніе годы. Фактъ этотъ лучше всего говоритъ намъ, что интересъ къ наукѣ поддерживается въ высокой степени между англійскими женщинами. Впрочемъ, намъ не встрѣчалось читать почти ни одного отчета о какомъ нибудь митингѣ въ Англии, съ научной, художественной или политической цѣлью—чтобъ не встрѣтить общаго обращенія перваго оратора къ собравшимся: «Почтенные *леди* и джентльмены!» На общемъ митингѣ ассоціаціи, происходившемъ въ батской ратушѣ, съѣздъ на будущій годъ назначенъ въ

Баррингамъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Филиппса — этого «загребнаго весла ассоціаціи», по удачному выраженію сэра Р. Мурчиссона.

По недостатку въ Батѣ на столько большого зданія, чтобъ оно могло вмѣстить всѣхъ членовъ ассоціаціи, подраздѣляющейся для занятій обыкновенно на нѣсколько отдѣленій, соотвѣтственно разнымъ отраслямъ вѣдѣній, большой митингъ ассоціаціи для выслушанія адреса новаго президента происходилъ въ тотъ же день вечеромъ въ залѣ мѣстнаго театра при огромномъ стеченіи публики. Сцену, великолѣпно убранную и освѣщенную газомъ, занимали наиболѣе почетные члены ассоціаціи. Многолюдность собранія лучше всего свидѣтельствовала о томъ, съ какою ревностью спѣшатъ жители большихъ англійскихъ городовъ пользоваться подобными случаями удовлетворить свою любознательность.

Сэръ Уильямъ *Армстронгъ*, президентъ минувшаго года, первый обратился къ собранію съ слѣдующими словами: «Я очень хорошо знаю, что Батъ имѣетъ и много другихъ правъ (кромѣ уединенности и тишины сравнительно съ Ньюбѣстлемъ) (*) на предпочтеніе, оказанное ему въ этомъ случаѣ; но еслибы это былъ и наименѣе предпочтительный для митинга ассоціаціи городокъ Англій, президенство сэра Чарльса Лайелля, одно, могло бы сообщить ему первенство между городами (рукоплесканія). Мы не знаемъ болѣе высокаго авторитета, чѣмъ сэръ Чарльсъ Лайель въ той наукѣ, которая доставить, по всей вѣроятности, главный матеріалъ для рѣчи, которою онъ почтитъ насъ, и между нами не найдется, конечно, никого, кто бы съ болѣшимъ мастерствомъ умѣлъ передать такимъ яснымъ и блестящимъ языкомъ свои идеи. Я увѣренъ, что всѣ вы нетерпѣливо ждете услышать о наблюденіяхъ сэра, и потому не стану болѣе удерживать васъ своими замѣчаніями, уступая кресло, которое я имѣлъ честь занимать, моему знаменитому преемнику.»

Затѣмъ новый президентъ, сэръ Чарльсъ Лайель занялъ свое кресло среди громкихъ рукоплесканій, и обратился къ собранію съ адресомъ, который мы и передаемъ здѣсь въ возможно полномъ видѣ.

«Мѣсто, куда мы приглашены въ этомъ году на засѣданія 34-го съѣзда нашей ассоціаціи, представляетъ не совсѣмъ обыкновенный интересъ для занимающихся естествовѣдѣніемъ. Чтò въ особенности дѣлаетъ Батъ привлекательнымъ пунктомъ для изслѣдователя явленій природы—это его теплыя и минеральныя воды, цѣлительной силѣ которыхъ городъ обязанъ и своимъ происхожденіемъ, и славою. Большой объемъ и высокая температура этихъ водъ дѣлаютъ ихъ не только единственными на нашемъ островѣ, но, кажется, и внѣ параллелей въ остальной Европѣ, если мы примемъ надлежащимъ образомъ въ соображеніе ихъ разстояніе отъ ближайшаго региона сильныхъ землетрясеній, отъ дѣйствующъ-

(*) Въ которомъ происходилъ съездъ ассоціаціи въ прошломъ году.

щих или потухших вулкановъ. Мѣстность, въ которой онѣ истекаютъ, какъ мы узнаемъ изъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій, представляла глухое и пустынное мѣсто, когда римляне впервые высадились на этотъ островъ, но въ немного лѣтъ она была обращена въ одинъ изъ главныхъ городовъ недавно покоренной провинціи. На мѣстѣ теплыхъ источниковъ было широкое болото, изъ котораго поднимались клубы бѣлаго пара на воздухъ, и здѣсь-то впервые выстроена обширная купальня въ высокомъ орнаментальномъ стилѣ архитектуры, украшенная колоннами, пилястрами и мозаичными полами. Рядомъ съ ней былъ сооруженъ великолѣпный храмъ, посвященный Минервѣ, нѣкоторыя статуи и алтари изъ котораго, съ ихъ надписями и украшениями, до сихъ поръ можно видѣть въ музеумѣ этого города.

«Плотная масса земли и щебня, отъ 10—20 футовъ толщиною, раздѣляетъ теперь уровень, на которомъ стоитъ настоящій городъ, отъ древняго *Aquae Solis* римлянъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что на этой избранной римлянами мѣстности, намъ приходится встрѣчаться со столькими памятниками минувшаго величія, если мы вспомнимъ, какъ долго жили здѣсь императорскія войска и богатые колонисты въ высокой степени цивилизованнаго народа, безпрепятственно владѣя страной въ теченіе столькихъ лѣтъ, сколько прошло отъ перваго открытія Америки до нашего времени.

«Одинъ изъ нашихъ прежнихъ президентовъ, д-ръ Добени (Daubenу) замѣтилъ, что почти всѣ изъ наиболѣе знаменитыхъ теплыхъ источниковъ въ Европѣ, какъ напр., Аахенъ, Баден-Баденъ, Неаполь, Овернь и Пиринеи, не понизились въ температурѣ со временъ римлянъ, такъ-какъ многіе изъ нихъ удерживаютъ до сихъ поръ столько теплоты, сколько можетъ выдержать человѣческое тѣло; при употребленіи же древними, они также, кажется, не требовали предварительнаго охлажденія искусственными средствами. Это однообразіе температуры, удержанное во многихъ мѣстахъ въ теченіе болѣе чѣмъ 2,000 лѣтъ, вмѣстѣ съ постоянствомъ объема воды, который никогда не измѣняется по временамъ года, какъ въ обыкновенныхъ источникахъ, а также тождественность минеральныхъ ингредиентовъ, содержимыхъ въ продолженіе дѣлхъ вѣковъ каждымъ источникомъ въ растворѣ, представляютъ поразительные факты и неудержимо заинтересовываютъ насъ къ изслѣдованію глубинныхъ подземныхъ источниковъ теплаго и минеральнаго свойства. Какъ долго преобладаетъ это однообразіе? Дѣйствительно ли древніе ключи по отношенію къ исторіи земли, или же, подобно теченію нашихъ настоящихъ рѣкъ или настоящей формѣ нашихъ холмовъ и долинъ, ихъ древность велика только по отношенію къ краткому періоду человѣческихъ лѣтописей? Или они pochodятъ на Везувій и Этну, которые, хотя и прибавили къ своимъ бокамъ въ теченіе послѣднихъ 2,000 лѣтъ много потоковъ лавы и ливней золы, остаются однако тѣми же самыми горами по высотѣ и размѣрамъ съ древнѣйшихъ временъ, въ которыхъ мы можемъ отнести ихъ существованіе, и до насъ?

Основанія этихъ горъ восходятъ за десятки тысячъ лѣтъ, и однако, они образовались въ эпоху, когда Средиземное Море было уже обитаемо тѣми видами морскимъ раковинамъ, которыми оно теперь населено; такъ что на эти вулканы слѣдуетъ смотрѣть какъ на предметы вчерашняго дня по геологическому календарю.

«Несмотря на всеобщую устойчивость въ характерѣ минеральныхъ водъ и теплыхъ ключей, даже съ того времени, когда они впервые сдѣлались извѣстны намъ, мы находимъ, по изслѣдованіи, что нѣкоторые изъ нихъ, даже въ историческія времена, были подвержены большимъ измѣненіямъ. Это случалось во время землетрясеній, которыя были достаточно могучи, чтобъ возмутить теченіе подземныхъ орошеній и видоизмѣнить форму рашелланъ, черезъ которыя вытекають воды. Такимъ образомъ, во время большаго землетрясенія въ Лиссабонѣ, въ 1755 г., температура источника, называемаго *Источникомъ Королевы* въ Баньер-де-Люшонъ, въ Пиринеяхъ, внезапно возвысилась на 75⁰, по Фаренгейту, видоизмѣнивъ этотъ холодный источникъ въ источникъ 122⁰ Ф. тепла, которое онъ и удержалъ съ тѣхъ поръ. Точно такъ же замѣчено, что горячіе источники въ Баньер-де-Бигоррр, въ томъ же самомъ горномъ хребтѣ, перешли внезапно въ холодные во время большаго землетрясенія, бывшаго въ томъ мѣстѣ въ 1660 году и разрушившаго много домовъ въ городѣ.

«Найдено, что теплые источники Пиринеевъ, Альпъ и многихъ другихъ странъ расположены по линіямъ, вдоль которыхъ произошелъ разрывъ земной коры, и обыкновенно тамъ, гдѣ скалы были вытѣснены или смѣщены. Полагаютъ вообще, что подобныя перемѣщенія въ твердой корѣ земли опредѣлили мѣстности, въ которыхъ прорвались наружу дѣйствующіе и потухшіе вулканы; такъ-какъ многіе изъ нихъ часто представляютъ линейное распредѣленіе, то и положеніе теплыхъ источниковъ кажется опредѣленнымъ большими линіями рашелпны. Другое соединяющее звѣно между вулканомъ и теплымъ источникомъ примѣчается въ большомъ обиліи теплыхъ ключей въ странахъ, въ которыхъ время отъ времени случаются вулканическія изверженія. Въ тѣхъ же межахъ воды достигаютъ случайно температуры кипѣнія, въ то время какъ нѣкоторые прилежащія трещины выпускають значительное количество пара надъ кипящимъ ключомъ. Но по мѣрѣ того, какъ мы отступаемъ отъ большихъ центровъ огненной дѣятельности, теплые источники встрѣчаются рѣже и показываютъ меньшую среднюю цифру тепла. Исключенія изъ этого правила бывають въ тѣхъ частяхъ Альпъ и Пиринеевъ, которыя были сильно возмущены новѣйшими землетрясеніями.

«Преслѣдуя далѣе наше сравненіе между теплымъ источникомъ и вулканомъ, замѣтимъ, что вода источника представляетъ намъ тѣ же громадныя клубы водянаго пара, которые такъ обильно поднимаются по днямъ, а иногда и по недѣлямъ изъ кратеровъ во время изверженія. Но по всей вѣроятности намъ возразить, что если мы и сопоставляемъ дѣятельность двухъ упомянутыхъ

агентовъ, то не можемъ во всякомъ случаѣ не замѣтить недостатка аналогіи между ними въ одномъ отношеніи — именно не можемъ не замѣтить недостатка въ тепломъ источникѣ силы выбрасывать на поверхность земли изъ большихъ глубинъ объемистыхъ массъ твердаго вещества, сботвѣтствующихъ гудамъ шлаковъ и потокамъ лавы, которые вулканъ изливаетъ на землю. На подобное возраженіе можно отвѣтить, что количество твердыхъ какъ и газообразныхъ веществъ, переносимыхъ источниками изъ внутренности земли на ея поверхность, гораздо значительнѣе, нежели, какъ обыкновенно представляютъ. Теплыя воды Бата далеко не замѣчательны между европейскими теплыми источниками по количеству минеральнаго вещества, содержащагося въ нихъ по отношенію къ водѣ, дѣйствующей какъ растворяющая жидкость; тѣмъ не менѣе, проф. Рамсэ (Ramsay) вычислилъ, что еслибы сѣрно-кислые известъ и натръ, хлористыя соединенія калия и магніи и другіе минеральные ингредиенты, заключающіеся въ водахъ Бата, отвердѣли, они образовали бы въ теченіе одного года квадратную колонну 9-ти ф. въ поперечникѣ и не менѣе 140 ф. высоты. Вся эта масса теперь тихо уносится потокомъ прозрачной воды, въ незамѣтномъ видѣ, въ Эвонъ, а этой рѣкою въ море; но еслибы вмѣсто такого передвиженія, твердыя вещества отлагались вокругъ жерла изверженія, подобно кремнистымъ слоямъ, покрывающимъ кругообразный бассейнъ исландскаго гейзера, мы увидѣли бы чрезъ нѣкоторое время образованіе значительнаго конуса съ кратеромъ посрединѣ; и еслибы дѣятельность источника перемежалась, такъ чтобъ проходило десять или двадцать лѣтъ между періодами наслоеній твердой матеріи, то въ промежутковъ трехъ столѣтій, какъ это было для Везувія между 1306 и 1631 гг., новоотложение получилось бы въ такомъ большомъ размѣрѣ, что не могло бы представить никакого повода возражать сравненію теплаго источника съ перемежающимися изверженіями вулкана.

«Dr. Добени, посвятившій мѣсяцъ анализу батскихъ водъ въ 1833 г., свидѣтельствуетъ, что ежедневное развитіе изъ нихъ азотнаго газа достигаетъ не менѣе 250 куб. ф. объема. Этотъ газъ, какъ замѣчаетъ онъ, характеризуетъ не одни теплыя источники, но и весьма обильно выдѣляется изъ вулканическихъ кратеровъ во время изверженій. Въ обоихъ случаяхъ, мистеръ Добени, однако, предполагаетъ, что азотный газъ можетъ происходить изъ атмосфернаго воздуха, который всегда растворяется въ дождевой водѣ и, когда эта вода просачивается чрезъ земную кору, уносится ею на значительныя глубины, такъ что достигаетъ разогрѣтой среды. Достигнувъ этой среды, воздухъ можетъ быть подверженъ раскисляющему процессу, и такимъ образомъ азотъ можетъ быть вновь вытѣсненъ наружу расширяющей силой тепла и пара или же гидростатическимъ давленіемъ.

«Углекислый газъ составляетъ другую улетучивающуюся составную часть батскихъ водъ Dr. Густавъ Бишофъ (Bischoff), въ

своемъ новомъ почтенномъ трудѣ о химической и физической геологiи, говоря о выдѣленіяхъ этого газа, замѣчаетъ, что они всеобщи и начинаются на большихъ глубинахъ и становятся тѣмъ обильнѣе, чѣмъ глубже спустимся мы отъ поверхности земли. Температура батскихъ водъ видоизмѣняется въ различныхъ источникахъ отъ 117° до 120° Ф. Такая температура замѣчательно высока, какъ мы выше замѣтили, если мы примемъ въ соображеніе большую удаленность Бата отъ ближайшаго региона дѣйствующихъ или недавно потухшихъ вулкановъ и сильныхъ землетрясеній. Теплыя воды Аахена имѣютъ нѣсколько высшую температуру, именно 135° Ф., но онѣ расположены въ сорока миль отъ тѣхъ вулканическихъ конусовъ и потоковъ лавы Эйфеля, которые хотя и прекратили свою дѣятельность раньше древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствъ, тѣмъ не менѣе принадлежатъ къ новѣйшему геологическому періоду. Батъ удаленъ на 400 миль отъ этой части Германіи и на 440 миль отъ Оверни—другаго вулканическаго региона, геологически современнаго по дѣятельности первому. Когда оба эти региона въ Германіи и во Франціи были театрами частыхъ вулканическихъ потрясеній, мы имѣемъ всѣ основанія полагать, что и Англія, въ то время, также была часто потрясаема болѣе сильными ударами, чѣмъ теперь. И потому-то я мало сомнѣваюсь, чтобы батскіе источники, подобно большей части другихъ теплыхъ водъ, не указывали намъ мѣстоположеніе большаго сотрясенія и разрыва въ земной корѣ въ какой-либо прежній періодъ и не слишкомъ давній въ геологическомъ смыслѣ.

«Если мы примемъ теорію, на которую указывали выше, что свободный азотъ происходитъ отъ раскисленія атмосфернаго воздуха, увлекаемаго вглубь земли дождевыми водами, то прилагая ее къ нашему случаю, мы должны предположить, что запасъ минеральной воды доставляется какой-либо возвышенной мѣстностью, можетъ быть и довольно удаленною отъ насъ, и что вода эта исходитъ по разсѣлинамъ и порамъ скалъ вглубь земли, пока не встрѣчаетъ нѣкоторой массы раскаленнаго вещества, которымъ обрашается въ паръ и затѣмъ выгоняется наружу чрезъ отверстія въ землѣ. Въ своемъ теченіи внизъ, эта вода должна принимать по пути сѣрнокислую известь, хлористый кальцій и другія вещества отъ разложенія гипса, солонцоватыхъ, известковыхъ и другихъ составныхъ частей просачиваемыхъ ею скалъ. Большая часть ингредиентов батской воды входитъ также и въ составъ морской воды; но анализъ батскихъ источниковъ Меркомъ и Галлоуемъ показываетъ, что относительная пропорція твердаго вещества въ растворѣ ихъ далеко несходна съ пропорціей его въ морской водѣ; хлористый магній въ батской водѣ положительно преобладаетъ, такимъ образомъ, что на галлонъ (*)

(*) Галлонъ—0,36 рус. ведра.

приходится 14 грановъ хлористаго магнія на 12 обыкновенной соли, между тѣмъ какъ въ морской водѣ — 27 грановъ соли, то-есть хлористаго натрія—на 4 гр. хлористаго магнія. Что нѣкоторые минеральные источники должны получать неистощимый запасъ минеральной воды, чрезъ трещины и пористыя скалы, изъ ложа океана—въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, особенно если мы примемъ, что смежность почти всѣхъ дѣйствующихъ вулкановъ съ моремъ должна имѣть соотношеніе съ доступомъ соленой воды въ подземные фокусы вулканическаго жара.

«Проф. Роскоѣ изъ Манчестера былъ приглашенъ недавно сдѣлать тщательный анализъ батскихъ водъ, и открылъ въ нихъ три металла, которые до сихъ поръ и не предполагались входящими въ ихъ составъ, именно—мѣдь, стронцій и литій; но онъ напрасно старался найти въ нихъ цезій и рубидій — два новыхъ металла, существованіе которыхъ открыто намъ въ послѣднее время такъ называемымъ *Спектральнымъ анализомъ*. Согласно методу этого анализа, присутствіе неизмѣримо-малыхъ количествъ, которые не могутъ быть открыты помощью обыкновенныхъ приемовъ, обнаруживается совершенно явственно для глаза дѣйствіемъ свѣта. Такимъ образомъ, напримѣръ, твердое вещество, какъ остатокъ, полученный чрезъ выпариваніе минеральной воды, вводится на платиновой проволоцѣ въ безцвѣтное пламя газа. Твердое вещество, испаряясь, окрашиваетъ своими парами пламя, свѣтъ отъ котораго пропускаютъ чрезъ призму и рассматриваютъ въ небольшой телескопъ или *спектроскопъ*, какъ называютъ его; въ разложенномъ такимъ образомъ свѣтовомъ лучѣ (спектрѣ) замѣчаютъ одну или нѣсколько широкихъ линій или полосъ, которыя, смотря по ихъ положенію, числу и цвѣту, указываютъ на присутствіе различныхъ элементарныхъ тѣлъ.

«Проф. Бунзенъ въ Гейдельбергѣ, первый проложилъ путь, въ 1860 г., въ примѣненіи этого новаго анализа къ разложенію теплыхъ водъ Баден-Бадена и Дюркгейма (Dürkheim) въ Пфальцѣ. Онъ замѣтилъ въ спектрѣ нѣсколько окрашенныхъ линій, о которыхъ онъ не могъ сначала составить никакого опредѣленнаго заключенія, но рѣшился настойчиво преслѣдовать загадку. Это было нелегкое дѣло, потому что ему пришлось выпарить 50 тоннъ (*) минеральной воды, чтобъ получить 200 гранъ твердаго остатка, который состоялъ изъ солей двухъ новыхъ металловъ. Онъ назвалъ одинъ изъ нихъ *цезіемъ*, по синевато-сѣрымъ линіямъ, представляемымъ имъ въ спектрѣ, и второй—*рубидіемъ*, по краснымъ полосамъ, оставляемымъ имъ въ спектрѣ. Послѣ этихъ удачныхъ опытовъ, въ 1861 г. былъ открытъ г. Круксомъ (Crookes) металлъ *таллій*, названный такъ по зеленому цвѣту его спектральной полосы и, наконецъ, четвертый металлъ, названный, по индиговому цвѣту своей спектральной полосы, *индіемъ*,

(*) 1 тонна—8,02 рус. ведеръ.

былъ открытъ проф. Рихтеромъ въ Фрейбергѣ, въ Саксоніи, въ дьяковской рудѣ изъ Гарца. Нѣтъ возможности не догадываться, что чудесная цѣлебная дѣйствительность нѣкоторыхъ минеральныхъ источниковъ, какъ теплыхъ такъ и холодныхъ, съ которой не могутъ соперничать никакія искусственно приготовляемыя воды, не имѣла бы соотношенія съ присутствіемъ одного или нѣсколькихъ изъ этихъ элементарныхъ тѣлъ, остававшихся до весьма недавняго времени неизвѣстными; по всей вѣроятности, нѣкоторые изъ вновь найденныхъ ингредиентов, если они будутъ добыты въ большихъ количествахъ, могутъ снабдить медицинскую науку средствами побѣждать болѣзни, насмѣхавшіяся до сихъ поръ надъ всѣми усиліями врачебнаго искусства.

«Въ то время, какъ я преслѣдовалъ свои изысканія надъ батскими источниками, я случайно узналъ, что открытъ теплый источникъ на большой глубинѣ отъ поверхности земли (1350 ф.) въ мѣдной рудопитѣ, недалеко отъ Редруса (Redruth) въ Корнваллисѣ. Проф. Уильямъ Эллен-Миллеръ нашолъ, помощью анализа, что количество твердаго вещества въ этомъ источникѣ превышаетъ болѣе чѣмъ вчетверо пропорцію, содержащую въ такомъ же количествѣ воды батскихъ источниковъ. Отличительной характеристичной чертой минеральной воды редрусскаго источника представляется чрезвычайное обиліе въ немъ металла *литія*, котораго лишь слѣды замѣчены проф. Роскоу въ батскихъ источникахъ; металлъ этотъ составляетъ не менѣ одной двадцать-шестой части всего твердаго, содержамаго въ водѣ источника.

«Литій впервые былъ открытъ въ 1817 г. Арфведзеномъ, и считался съ того времени чрезвычайно рѣдкимъ металломъ, пока Бунзенъ и Кирхгофъ, въ 1860 году, не нашли, помощью спектральнаго анализа, что онъ составляетъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ элементовъ и существуетъ въ небольшихъ количествахъ почти во всѣхъ минеральныхъ водахъ, въ морской водѣ, въ молокѣ, въ человѣческой крови и въ золѣ нѣкоторыхъ растений. Металлъ этотъ былъ уже употребляемъ въ медицинѣ, и потому мы можемъ надѣяться, что сдѣлавшись болѣе доступнымъ въ большихъ количествахъ и менѣ рѣдкимъ, чѣмъ до анализа редрусскаго источника, онъ окажется въ высокой степени цѣннымъ въ приложеніяхъ.

«Теплые источники, по большей части, снабжены щелочами и другими весьма растворимыми веществами и, по обыкновенію, не содержатъ въ себѣ драгоцѣнныхъ металловъ: золота, серебра, платины, а также мѣди, олова, свинца и многихъ другихъ; легкій слѣдъ мѣди въ батскихъ источникахъ представляетъ исключительное явленіе. Тѣмъ не менѣ предполагаютъ, и довольно упорно, что существуетъ нѣкоторая родственная связь между дѣйствіемъ теплыхъ водъ и наполненіемъ разсѣлинъ металлическими рудами. Составные элементы этихъ рудъ могли, впервыхъ, подняться изъ большихъ глубинъ земли въ парообразномъ

состояніи или въ видѣ раствора, въ сильно нагрѣтой водѣ, и затѣмъ осадиться на стѣнахъ трещины, какъ скоро поднимавшіеся пары или жидкость начали терять часть своего прежняго тепла. Почти все, за исключеніемъ щелочныхъ металловъ, кремневой кислоты и нѣкоторыхъ газовъ, могло такимъ образомъ остаться назади значительно ранѣе того, какъ источникъ достигъ поверхности земли. Если мы примемъ эту теорію, то необходимо должноначально на тысячи футовъ или саженей глубины, никогда бы не могла обнаружиться въ регионахъ, доступныхъ рудокопу, пока бы она не была поднята рядомъ внутреннихъ возмущеній и поза верхнія части той же трещины съ ихъ содержаніемъ и скалами, пронизанными металлическою жилою, не были бы размыты водою. Но за нѣсколько вѣковъ, прежде чѣмъ эти измѣненія совершились бы, минеральные источники должны бы прекратить свое дѣйствіе; такимъ образомъ недостатокъ тождественности между минеральными ингредиентами теплыхъ источниковъ и содержаніемъ металлическихъ жилъ, вмѣсто того, чтобы восстанавливать противъ ихъ тѣсной взаимной связи, говорить намъ въ пользу того, что какъ тѣ, такъ и другія составляютъ взаимно - дополняющіе результаты одного и того же естественнаго процесса.

«Но существуютъ, кромѣ того, отличительныя черты въ строеніи земной коры, болѣе загадочныя по своей природѣ, чѣмъ явленія металлическихъ жилъ, на которыя изслѣдованіе теплыхъ источниковъ пролило свѣтъ—я хочу сказать о метаморфизмѣ осадочныхъ скалъ. Пласты земной коры различной древности, многіе изъ нихъ нѣкогда полные органическими остатками, сдѣлались частью или волюнѣ кристаллическаго сложения. Вообще принято считать тепло главнымъ виновникомъ въ такомъ расположеніи частицъ матеріи, которое, когда метаморфизмъ достигнетъ полнаго развитія, изглаживаетъ всякіе слѣды залежныхъ въ пластахъ ископаемыхъ. Хотя горныя массы въ нѣсколько миль длины и ширины и въ нѣсколько тысячъ футовъ высоты подверглись такому измѣненію, всегда оставалось труднымъ объяснить, какимъ образомъ извѣстное количество тепла, способное произвести такую полную перемѣну въ молекулярномъ строеніи осадочныхъ массъ, могло начать дѣйствовать, не уничтоживъ совершенно послѣдняго признака-наслоенія точно такъ же, какъ и органической структуры пластовъ.

«Разнообразные опыты привели къ заключенію, что минералы, которые входятъ чрезвычайно обильно въ составъ метаморфическихъ скалъ, не были образованы кристаллизацией изъ расплавленнаго состоянія или сухимъ путемъ, но что они произошли изъ жидкихъ растворовъ или мокрымъ путемъ—процессомъ, требующимъ значительно меньшей степени напряженности тепла. Теплые источники, напитки углекислотою и фтористоводородной кислотой (часто находимой въ нихъ въ небольшихъ количествахъ), составляютъ могущественныя причины разложенія и хи-

мической реакціи въ скалахъ, чрезъ которыя они процѣживаютъ. Если, слѣдовательно, большія количества горячей воды пронизываютъ горныя массы на большихъ глубинахъ, онѣ могутъ, съ теченіемъ времени, сообщить имъ кристаллическое сложеніе; и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пласты, ниже расположенные и старѣйшіе по образованію, могутъ сохраниться относительно нетронутыми, удерживая свои ископаемые остатки неизгладимыми, между тѣмъ какъ пласты новѣйшаго образованія сдѣлаются метаморфическими. Дѣйствительность такого гидро-термическаго дѣйствія была великолѣпнымъ образомъ подтверждена въ послѣдніе годы опытами и наблюденіями Сенармона, Добре, Делесса, Шерра, Стерри Гонта и др.

«Но нѣкоторые геологи, познакомившись съ дѣятельностью въ обширныхъ размѣрахъ воды въ образованіи минераловъ вулканическихъ и гранитныхъ скалъ, въ послѣднее время тѣмъ болѣе еще устраиваютъ дѣятельность напряженнаго тѣла по отношенію къ образованію кристаллическихъ и сланцовыхъ породъ. Такъ-какъ вода входитъ въ большихъ размѣрахъ въ кварцевыя и нѣкоторые другіе минералы, а слѣдовательно играетъ немаловажную роль въ составѣ земной коры, то отсюда слѣдуетъ, что при плавленіи скалъ должна появиться вода, независимо отъ снабженій дождевой и морской воды, которыя достигаютъ регіоновъ подземнаго жара. Но точка, до которой расплавленная матерія должна охладиться, прежде чѣмъ осясть или кристаллизоваться въ лаву или гранитъ, не представляетъ какой-либо признакъ степени тепла, которую должна была требовать та же самая матерія, когда она находилась въ расплавленномъ состояніи и могла образовать озера и моря во внутренности земной коры.

«Мы узнаемъ изъ опытовъ Бунзена на большомъ islandскомъ ледникѣ, что на глубинѣ только 74 футовъ, на днѣ трубки, гдѣ вода, кажется, могла бы сохранить одинаковое съ остальною состояніе, однакоже имѣетъ 120° тепла по стоградусному термометру или 248° Ф. Чѣмъ, поэтому, не можетъ быть температуръ такой воды на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ? Она можетъ достигнуть ниже, подъ давленіемъ, температуры бѣлокалильнаго жара; что же касается лавы, тѣ, кто видѣли ея появленіе на поверхности земли, какъ я, напримѣръ, въ 1858 году, изъ юго-западныхъ трещинъ Везувія, съ бѣлою и раскаленною поверхностью, сходною съ поверхностью солнца, и кто чувствовалъ опаляющій жаръ, лучейспускаемый ею—должны составить высокое представленіе о напряженной температурѣ той же лавы на днѣ вертикальнаго столба въ нѣсколько миль вышиною, и въ сообщеніи съ большимъ резервуаромъ расплавленнаго вещества, которое, еслибы начало остывать и не получало дальнѣйшихъ приращеній тепла, потребовало бы цѣлый геологическій періодъ для своего остыванія. Теплые источники могутъ почестъся въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ виновниковъ такого долговременнаго осты-

ванія, медленно отылекая у подземной расплавленной массы тотъ жаръ, который, мы видимъ, уносится въ скритомъ состояніи въ клубкахъ пара изъ вулканическаго кратера во время изверженія или изъ потока лавы въ продолженіе ея остыванія. Болѣе чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, г. Скропъ (Scrope), въ своемъ сочиненіи о вулканахъ, настаивалъ на важной роли, какую играетъ вода въ вулканическомъ изверженіи, сообщая, по его мнѣнію, подвижность наиболѣе твердымъ матеріаламъ жидкой массы.

«Точная природа химическихъ переиънъ, которыя вызываетъ гидротермическое дѣйствіе во внутренности земли, долго будетъ оставаться темной для насъ, потому что регионы, въ которыхъ происходятъ эти переиъны, недоступны человѣку; но образъ измѣненія вулканами своего положенія въ продолженіе ряда вѣковъ — они потухали въ одной мѣстности и появлялись въ другой — можетъ, однакоже, объяснить намъ возвышеніе тепла по мѣрѣ углубленія внутрь земли, безъ необходимости прибѣгать для этого къ теоріи центрального жара или огненной жидкости земнаго ядра.

«Я намекнулъ вначалѣ, что теплые источники Бата могутъ быть невысокой древности въ геологическомъ смыслѣ не потому, чтобъ я могъ утвердить это мнѣніе какими либо положительными доказательствами, но я заключаю о томъ по громаднымъ переиънамъ, которыя претерпѣла эта мѣстность съ того времени, какъ британскія моря, рѣки и озера были обитаемы уже существующими въ наше время черепокожими. Уже болѣе четверти столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ сэръ Родерикъ Мурчиссонъ впервые говорилъ о мѣльверскихъ рукавахъ, подразумеваемая подъ ними морской рукавъ, отдѣлявшій когда-то Уэльсъ отъ Англіи. Что эти морскіе рукава дѣйствительно простырались въ новѣйшій періодъ между лиманами Сѣвернымъ и Ди — недавно подтверждено удовлетворительнымъ образомъ открытіемъ морскихъ раковинъ недавнихъ видовъ въ наносныхъ пластахъ, покрывающихъ возвышенность, раздѣляющую эти лиманы. Въ то время, когда эти раковины жили, коствольдовы холмы, у подножіа которыхъ расположенъ этотъ городъ; составляли одинъ изъ многочисленныхъ острововъ архипелага, на который раздѣлялись тогда Англія, Шотландія и Ирландія. Количество вертикальнаго давленія, чтобъ видоизмѣнить такое относительное положеніе суши и моря, должно быть весьма велико.

«Нигдѣ въ мірѣ, на сколько намъ извѣстно, очевидность подъема земной поверхности, доказываемая поднятыми вмѣстѣ съ нею морскими раковинами, такъ не поразительна, какъ въ Уэльсѣ. Г. Дарбишейръ нашелъ здѣсь въ наносныхъ возвышенностяхъ не менѣе сорока-четырехъ ископаемыхъ видовъ раковинъ — всѣ изъ нихъ существуютъ и теперь или въ дальнихъ сѣверныхъ, или въ британскихъ водахъ, а одиннадцать исключительно въ арктическихъ моряхъ. Вся фауна этой мѣстности свидѣтельствуетъ о климатѣ, болѣе холодномъ того, который опредѣленъ теперь въ этихъ широтахъ, хотя и не въ такой

чрезвычайной степени холодномъ, какъ тотъ, который заставляетъ предполагать фауна нѣкоторыхъ оледенѣвшихъ наносовъ Шотландіи. Упомянутыя раковины добыты на чрезвычайной высотѣ 1,360 ф. надъ поверхностью морскаго уровня; онѣ свидѣтельствуютъ намъ о поднятіи на эту высоту морскаго ложа во время живущихъ видовъ черепокожихъ.

«Достоверность существованія періода большого холода въ Англіи и Сѣверной Америкѣ въ упоминаемое нами время такъ всеобще признана геологами, что здѣсь я лишь вкратцѣ упомяну о вѣроятныхъ причинахъ охлажденія центральной Европы въ занимающую насъ эпоху. Одна изъ этихъ причинъ, впервые заявленная одиннадцатъ лѣтъ тому назадъ однимъ изъ знаменитыхъ швейцарскихъ геологовъ, не приобрѣла, мнѣ кажется, вполне заслуженнаго вниманія. Когда я предложилъ, въ 1833 г., теорію, что перемена въ физической географіи могла повести къ тѣмъ переворотамъ въ климатѣ, которые испытала земная поверхность въ послѣдующихъ эпохи, многіе возражали, что признаки возвышенія и пониженія земной коры слишкомъ мѣстны, чтобъ ихъ можно было принимать въ соображеніе для такихъ общихъ переменъ температуры. Это возраженіе, казалось, имѣло особенное значеніе въ приложеніи къ ледяному періоду по краткости, въ геологическомъ смыслѣ, времени, прошедшаго съ тѣхъ поръ. Но тѣмъ болѣе разсматриваемъ мы памятники вѣковъ, предшествовавшихъ историческому періоду, тѣмъ рѣшительнѣе являются доказательства повсемѣстнаго измѣненія въ положеніи, глубинѣ и высотѣ морей, континентовъ и горныхъ цѣпей отъ начала ледянаго періода. Метеорологи также въ послѣднее время пришли къ убѣжденію, что количество снѣга и льда въ извѣстныхъ широтахъ не зависитъ единственно отъ высоты горныхъ цѣпей, но также отъ расположенія окружающихъ морей и суши даже на значительныхъ разстояніяхъ.

Г. Эшеръ (Escher) изъ Линта высказалъ, въ 1852 г., свое мнѣніе, что если правда, какъ предполагалъ Риттеръ, что большая африканская степь или Сахара была затоплена впродолженіе послѣ-третичнаго періода, то такое затопленіе можетъ объяснить намъ, почему англійскіе ледники достигали такъ недавно такихъ колоссальныхъ размѣровъ, которые, Венецъ и Шарпантье, разсуждая о геологическихъ эпохахъ, указали въ нихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Эшеръ высказалъ впервые эту догадку, фактъ, что Сахара дѣйствительно была покрыта моремъ и не въ весьма отдаленный отъ насъ періодъ времени, подтвержденъ уже многими новыми доказательствами. Почтенный швейцарскій геологъ (Эшеръ) самъ только что возвратился изъ экспедиціи по восточной частіи алжирской степи, гдѣ его сопровождали г. Десоръ изъ Невшателя и г. Мартенъ изъ Монпелье. Эти три опытныхъ изслѣдователя убѣдились, что Сахара была подъ водою впродолженіе періода существующихъ видовъ черепокожихъ. Но еще въ 1856 г. мы узнали изъ мемуара г. Шарля Лорана, что пески

Сахары тождественны съ песками ближайшихъ береговъ Средиземнаго моря и содержатъ между другими редкими раковинами и *обыкновенную грѣбенку* (*Cardium edule*); они простираются на обширное пространство этой степи отъ запада къ востоку; упоминаемыя же раковины находимы не только на ея поверхности, но и извлекаются изъ глубины 20 фут. помощію артезианскаго сверла. Эти раковины встрѣчаются на возвышенностяхъ болѣе 900 футовъ надъ морскимъ уровнемъ и въ землѣ на 300 ф. ниже этого уровня, такъ-какъ въ Африкѣ и Западной Азіи встрѣчаются пониженія почвы ниже морскаго уровня. Та же самая *грѣбенка* найдена до сихъ поръ живущей во многихъ соляныхъ озерахъ Сахары; поверхностныя наслоенія соли во многихъ мѣстахъ этой степи указываютъ, кажется, также на осушеніе испареніемъ многихъ внутреннихъ морей въ этой степи. Древнее море простиралось, кажется, нѣкогда отъ залива Кэбсъ въ Тунисѣ до западнаго берега Африки, на сѣверъ отъ Сенегамбін, въ ширину на нѣсколько сотъ миль (800, по соображеніямъ г. Тристрама). Возвышенности берберійскихъ владѣній, включая Марокко, Алжиръ и Тунисъ, были отдѣлены въ этотъ періодъ моремъ отъ остальной Африки. Все, что мы узнаемъ отъ зоологовъ и ботаниковъ, относительно фауны и флоры этой части Африки, благоприятствуетъ нашей гипотезѣ, и, кажется, въ то же время указываетъ на прежнюю связь этихъ странъ съ Испаніей, Сициліей и Южной Италіей.

«Въ какомъ бы направленіи мы ни взглянули, повсюду встрѣчаемъ основанія предполагать, что карта Африки въ ледяной періодъ не болѣе походитъ на наши настоящія карты этого континента, чѣмъ Европа на Сѣверную Америку. Если же—заключаетъ Эшеръ—Сахара была моремъ, намъ станетъ понятно, почему альпійскіе ледники нѣкогда достигли такихъ гигантскихъ размѣровъ, и почему они оставили такія огромныя морены на равнинахъ Сѣверной Италіи и въ нижней части Швейцаріи. Швейцарскіе крестьяне, говоря о таяніи снѣга, выражаются, что солнце ничего не можетъ сдѣлать безъ *фѣна* (*Föhn*)—название, придаваемое ими извѣстному *сирокко*. Этотъ вѣтеръ дуетъ иногда цѣлые дни чрезъ Средиземное море, унося съ собою пламенный жаръ Сахары, отъ котораго таятъ снѣга Апеннинъ и Альповъ.

«Г. Денцлеръ, въ мемуарѣ по этому предмету, замѣчаетъ, что фѣнъ дулъ бурно на Алжиръ 17 іюля 1841 г., и затѣмъ, пробѣжавъ Средиземное море, достигнулъ Марселя въ теченіе шести часовъ. Въ послѣдующіе пять часовъ онъ былъ уже въ Женевѣ и въ Вале, поваливъ большое количество лѣса въ послѣднемъ округѣ; между тѣмъ, въ кантонахъ Цюрихъ и Гривзонсѣ онъ внезапно превратилъ листья на многихъ деревьяхъ изъ зеленыхъ въ желтые. Въ нѣсколько часовъ свѣжескошенная трава высохла и стала годной для складки въ стоги. Проходя надъ альпійскими снѣгами, сирокко, хотя и поглощаетъ много влаж-

ности, однакоже далеко еще не достигаетъ точки насыщенія, когда доходить до подъ-альпійской страны на сѣверъ отъ большой цѣпи. Гг. Эшеръ и Дендлеръ замѣтили, въ разное время, что снѣгъ толщиною въ одинъ футъ исчезалъ въ четыре часа подъ дуновеніемъ этого вѣтра. Нѣтъ ничего удивительнаго, слѣдовательно, что сирокко весьма страшенъ по причинѣ большихъ наводненій, которыя онъ производитъ иногда. По наблюденію г. Иршера въ телескопъ изъ нѣвшательской обсерваторіи, снѣжная линія Альпъ ежедневно поднималась весьма значительно, когда дулъ этотъ вѣтеръ. Его вліяніе никоимъ образомъ не ограничивается лѣтнимъ временемъ: такъ зимою 1852 г., сирокко посѣтилъ Цюрихъ на Рождествѣ, и въ нѣсколько дней вся окрестная страна очистилась отъ снѣга, даже въ тѣни и на гребняхъ высокихъ горныхъ хребтовъ. Я самъ могъ лучше оцѣнить силу дѣйствія этого вѣтра, бывъ въ 1828 г. лично свидѣтелемъ въ Сициліи таенія подъ дѣйствіемъ его въ ноябрѣ мѣсяцѣ снѣговъ, покрывавшихъ тогда вершину и возвышенныя части горы Этны. Я не могъ войти на верхушку горы, пока лился съ нея потокъ воды, но въ продолженіе тридцати-шести часовъ пламенное дыханіе сирокко сняло съ горы весь ея бѣлый снѣжный покровъ, и я могъ уже безъ затрудненія войти на нее.

«Всѣмъ извѣстно уже, что число дней, въ которые преобладаютъ извѣстные вѣтры, изъ года въ годъ, значительно измѣняется. Между 1812 и 1820 г., фѣнь дулъ на Швейцарію меньшее число дней, чѣмъ обыкновенно, и какой же былъ результатъ? Всѣ ледники, въ продолженіе этихъ восьми или девяти лѣтъ, значительно возрасли на высоту и сползли въ долины ниже своихъ прежнихъ предѣловъ. Много подобныхъ примѣровъ можетъ быть приведено въ подтвержденіе чувствительности льда къ малѣйшимъ переизмѣненіямъ температуры. Если одно лишь относительное уменьшеніе числа дней, между 1812 и 1820 г., ежегодно, въ продолженіе которыхъ дулъ сирокко, можетъ произвести такое возрастаніе и движеніе впередъ льда, какъ же велика должна послѣдовать переизмѣна въ томъ же смыслѣ, если вѣтеръ этотъ совершенно прекратился бы! Но это не можетъ еще дать никакой идеи о томъ, что должно было происходить въ ледяной періодъ, такъ-какъ мы не можемъ предположить, чтобъ дѣйствіе южнаго вѣтра было приостановлено: онъ не оставался празднымъ, но его характеръ былъ совершенно отличный и прямо противоположный настоящему при вышеперечисленныхъ измѣненіяхъ географическихъ условій. Впервыхъ, вмѣсто того, чтобъ проходить по сухой и накаленной степи, между двадцатой и тридцатой-пятой параллелями широты, онъ долженъ былъ вполне напитаться влагою, проходя надъ моремъ въ нѣсколько сотъ миль ширины. Затѣмъ, въ движеніи надъ Средиземнымъ моремъ, онъ еще болѣе долженъ былъ обогатиться содержаніемъ водяныхъ паровъ, и когда, послѣ такого полного насыщенія ими, онъ ударялся въ Альпы, то долженъ былъ подниматься въ болѣе

высокія и болѣе разрѣженныя части атмосферы. Здѣсь воздушный токъ, по охлажденіи, долженъ былъ отдѣляться отъ своей водяной ноши въ видѣ снѣга, такъ что тотъ же самый вѣтеръ, который зовутъ теперь «поглотителемъ снѣга», долженъ былъ въ ту эпоху быть его главнымъ питателемъ.

«Если мы принимаемъ такимъ образомъ теорію Эшера, какъ объясняющую въ удовлетворительной степени объемъ ледниковъ Швейцаріи и Сѣверной Италіи, намъ ничто не мѣшаетъ признать въ то же время и предположеніе Шарпантье, что Альпы въ ледяной періодъ были на 2000 или на 3000 футовъ выше, чѣмъ теперь. Такая разница въ высотѣ могла быть добавочной причиной чрезвычайнаго холода, и кажется наиболѣе вѣроятной теперь, когда мы приобрѣли несомнѣнный доказательство такихъ большихъ колебаній уровня въ Уэльзѣ въ упоминаемый періодъ. Въ свою очередь мы можемъ воспользоваться и другимъ источникомъ охлажденія, который совпадалъ по времени съ затопленіемъ Сахары, именно уклоненіемъ гольфштрама отъ его настоящаго теченія. Видъ Европы и Сѣверной Америки или очертанія земли и моря, такъ много уклонились сперва отъ вновь установившихся теперь, что мы не можемъ предположить, чтобъ гольфштромъ въ тотъ періодъ совершалъ свое настоящее теченіе чрезъ Атлантическій Океанъ, именно въ сѣверо-восточномъ направленіи. Если теченіе это приметъ нѣкоторое иное направленіе, климатъ Сѣверной Шотландіи долженъ согласно вычисленіямъ г. Гопкинса, претерѣть уменьшеніе въ средней годовой температурѣ на 12° Ф., въ то время, какъ на Альпахъ потерять 2° Ф. Комбинація всѣхъ перечисленныхъ условій слишкомъ достаточна, безъ сомнѣнія, чтобъ произвести такую большую перемѣну въ климатѣ и объяснить намъ чрезвычайный холодъ, который развился въ относительно новый періодъ исторіи земли. Но даже еслибы мы и приняли одновременное дѣйствіе этихъ трехъ причинъ, мы никоимъ образомъ не истощимъ всѣхъ ресурсовъ, которыми можетъ снабдить насъ влияніе различія въ географическомъ положеніи земнаго шара. Такимъ образомъ, на примѣръ, мы можемъ предполагать, что высота и количество суши близъ сѣвернаго полюса были значительноѣе въ упоминаемому эру, чѣмъ теперь.

«Огромная механическая сила, которую оказывалъ ледъ въ ледяной періодъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, указываетъ на недостатокъ однообразія въ суммѣ энергій, съ которой дѣйствовала та же самая естественная причина въ двѣ послѣдующія эпохи. Но разсуждая такимъ образомъ, мы не должны забывать, что здѣсь сила льда замѣняется силой стекающей воды. Одна становится могущественнымъ дѣятелемъ въ передвиженіи огромныхъ глыбъ и въ дробленіи, стираніи и полированіи камней, въ то время, какъ другая остается праздною. Еслибы, на примѣръ, древній ледникъ Роны перенесъ свои морены съ верхняго къ нижнему концу Женевского озера, тамъ не могла бы образоваться большая рѣка,

какъ теперь, образуя дельту на нѣсколько миль протяженія и нѣсколько футовъ глубиной на верхнемъ краю озера.

Чѣмъ болѣе мы изучаемъ и понимаемъ географическія перемѣны ледянаго періода и переселенія животныхъ и растений, къ которымъ онѣ повели, тѣмъ болѣе возвышаются наши представленія о продолжительности того подраздѣленія времени, которое, хотя и огромно, если измѣрять его послѣдовательностью обнимаемыхъ имъ событий—было кратко, если мы вычислимъ его по обыкновеннымъ правиламъ геологической классификаціи. Ледяной періодъ былъ, дѣйствительно, лишь эпизодъ въ одной изъ большихъ эпохъ исторіи нашей планеты, потому что обитатели земель и морей, до и послѣ большаго развитія снѣга и льда, остались почти тѣми же самыми. Хотя до сихъ поръ мы не имѣемъ удовлетворительныхъ свидѣтельствъ, чтобъ человѣкъ существовалъ въ Европѣ или гдѣ бы то ни было въ продолженіе періода крайняго холода, но наши изысканія въ этомъ отношеніи находятъ пока еще въ младенчествѣ. Въ раннюю пору слѣдовавшаго за ледянымъ періодомъ, человѣкъ, какъ найдено, существовалъ въ Европѣ; и обозначая слѣды его существованія отъ исторической эпохи къ непосредственно предшествовавшей ей и такъ далѣе назадъ къ самымъ древнѣйшимъ временамъ, мы постепенно приближаемся къ несходственному географическому положенію вещей, когда климатъ былъ холоднѣе и когда очертаніе материка значительно отличалось отъ господствующаго теперь.

Археологи были удовлетворены, что въ центральной Европѣ вѣкъ бронзовыхъ орудій предшествовалъ первому нападенію римлянъ на Швейцарію, а въ вѣкъ, предшествовавшій вѣку свайныхъ построекъ швейцарскихъ озеръ, употреблялись каменные орудія. Датскіе *кухонныя остатки* (Kitchenmiddens), кажется, принадлежатъ къ тому же времени; но вѣкъ, называемый г. Ларте *періодомъ стѣрныхъ оленей* въ южной Франціи, предшествовалъ вѣроятнo этому послѣднему, и имѣетъ близкое соотношеніе съ нѣсколько болѣе холоднымъ климатомъ. Но значительно древнѣе былъ вѣкъ грубыхъ подѣлокъ изъ кремня, подобныхъ найденнымъ въ словѣ диллунія, близъ Амьена и Аббевиля, перемѣшанныхъ въ томъ же гравіѣ съ костями исчезнувшихъ четвероногихъ, каковы слонъ, носорогъ, тигръ и гіена. Въ промежутокъ между этими древнѣйшими слѣдами существованія человѣка и настоящей эпохой, долины углубились и расширились, теченіе подземныхъ рѣкъ видоизмѣнилось, и множество видовъ дикихъ четвероногихъ исчезло. Кромѣ того, въ теченіе этихъ вѣковъ, морское ложе поднялось, во многихъ мѣстахъ, на сотню футовъ выше прежняго своего уровня, и очертанія многихъ морскихъ береговъ совершенно измѣнились.

Гг. Де-Вернейль и Луи Ларте нашли недавно близъ Мадрида ископаемые зубы африканскаго слона въ слою, заключающемъ въ себѣ такія же грубыя подѣлки изъ кремня, какъ амьенскія и аббевильскія. Но еще прежде, баронъ Анка представилъ доказа-

тельства о существованіи того же слона въ Сициліи, въ послѣднѣйшій періодъ, и вѣроятно, во время періода человѣка. Мы имѣемъ теперь, слѣдовательно, доказательства объ одновременномъ существованіи человѣка съ тремя видами слона, двумя уже исчезнувшими (именно мамонтомъ и *Elephas antiquus*) и третьимъ, существующимъ до сихъ поръ въ Африкѣ. Что касается до перваго изъ нихъ — мамонта, то я знаю, что нѣкоторые писатели оспариваютъ, чтобъ онъ могъ исчезнуть за много десятковъ тысячелѣтій до нашего времени, такъ-какъ мясо его было найдено въ Сибири сохранившимся во льду въ такомъ свѣжемъ состояніи, что могло идти въ пищу собакамъ, медвѣдамъ, волкамъ; но этотъ аргументъ кажется мнѣ обманчивымъ. Въ 1843 г. Миддендорфъ, разрывъ на нѣкоторую глубину замерзшую почву въ Сибири, попалъ на ледяную массу, заключавшую въ себѣ скелетъ мамонта, сохранившагося въ такомъ совершенномъ видѣ, что, между прочимъ, у него былъ взятъ глазной зрачокъ, который и до сихъ поръ сохраняется въ московскомъ музеѣ. Никто не станетъ отрицать, что этотъ слонъ пролежалъ нѣсколько тысячъ лѣтъ въ своей ледяной оболочкѣ, и такъ-какъ онъ лежалъ спокойно, а холодъ возрасталъ въ теченіе мириадъ вѣковъ, мы можемъ совершенно основательно допустить, что замерзшее мясо могло оставаться неповрежденнымъ, пока не прошелъ второй ледяной періодъ.

«Когда мы предаемся соображеніямъ о длинномъ рядѣ событій, случившихся въ ледяной и слѣдовавшей за нимъ періоды, воображеніе можетъ смутиться громадностью времени, которае требуется, чтобъ объяснить памятники этихъ эпохъ, по отношенію къ существующимъ видамъ. Чтобы сократить число столѣтій, иначе неизбежное, многими выказано расположеніе преувеличить степень переворота въ доисторическія времена, надѣлая причины, измѣнившія одушевленный и неодушевленный міръ, чрезвычайной и чрезмѣрной энергіей. Рассказываютъ объ одномъ великомъ ирландскомъ ораторѣ нашего времени, что когда онъ хотѣлъ сдѣлать какою-то ничтожнѣйшей взносъ на дѣло благотворительности, но былъ убѣжденъ однимъ другомъ сдѣлать болѣе щедрое приношеніе, то это не помѣшало ему превозносить свой первый, явный недостатокъ великодушія, говоря, что его прежняя жизнь была постоянной борьбою съ скудными средствами, и что «тѣ, которые родились въ изобиліи, нелегко могутъ представить себѣ, какъ много нужно употребить времени, чтобъ несомнѣнно отдѣлаться отъ послѣдняго симптома озноба бѣдности». Подобнымъ же образомъ и существующее поколѣніе, когда его просятъ сдѣлать уступку въ нѣсколько тысячъ вѣковъ, для объясненія событій того, что называютъ новѣйшимъ періодомъ въ исторіи земли, естественно, сначала морщится предъ такою, кажется, расточительной тратой прошедшаго времени. Наше первоначальное воспитаніе приучило насъ къ такой строгой экономіи во всемъ, что касается до хронологіи земли и ея обитателей въ

отдаленныя времена, мы такъ оупутаны были старыми, традиціонными вѣрованіями, что даже, когда нашъ разумъ убѣжденъ, и мы понимаемъ, что должны сдѣлать болѣе либеральную уступку во времени геологу, намъ все-таки трудно отдѣлаться отъ «озноба нашей бѣдности».

«Въ заключеніе я хочу вратѣть коснуться двухъ пунктовъ, по которымъ между геологами послѣдняго времени произошло постепенное измѣненіе во взглядахъ. Вопервыхъ, имѣла ли мѣсто постоянная послѣдовательность событій въ органическомъ и неорганическомъ мірахъ, ненарушаемая насильственными и всеобщими катастрофами; вовторыхъ, можемъ ли мы пріобрѣсть ясную достовѣрность о періодѣ, предшествовавшемъ созданію органическихъ существъ на землѣ. Я достаточно старъ, чтобы припомнить, когда геологи догматизировали по обоимъ этимъ вопросамъ совершенно инымъ образомъ, чѣмъ теперь. Я знаю, что теперь болѣе значительное число изъ нихъ склоняется ко взглядамъ противоположнымъ тѣмъ, которыхъ когда-то держались почти всѣ. Что касается перваго вопроса, слѣдуетъ замѣтить, что хотя вѣрованіе въ внезапныя и всеобщіе перевороты потеряло подъ собою почву, точно такъ же, какъ доктрина о крутыхъ переходахъ изъ одного ряда видовъ животныхъ и растеній къ другому, весьма различнаго типа, однако же, цѣлый рядъ свидѣтельствъ въ пользу постепенныхъ переходовъ теперь болѣе, чѣмъ когда либо почитается недостаточнымъ. На переходы, конечно, должно смотрѣть, какъ на болѣе совершенныя ступени, потому что теперь многочисленныя недостатки или пробѣлы уже восполнены и въ новоприбавившихся рядахъ мы находимъ много недостававшихъ звеньевъ и различныя промежуточныя градаціи между ближайшими союзными формами, прежде извѣстными въ животномъ и растительномъ мірахъ. Между тѣмъ, весь сводъ памятниковъ, которые мы стараемся разобрать, является болѣе отрывочнымъ, чѣмъ прежде. Что касается до меня, то я соглашаюсь съ г. Дарвиномъ смотрѣть на нихъ скорѣе только какъ на частицу существовавшихъ когда-то созданий, потому что никогда первоначально не образовалось ни одного приближенія къ совершеннымъ видамъ, въ планѣ природы никогда не входило оставить полную лѣтопись всѣхъ ея твореній и производствъ для просвѣщенія разумныхъ существъ, которыя могли бы изучать ихъ въ послѣдующіе вѣка.

«Что касается другаго великаго вопроса, именно начала жизненныхъ явленій на нашей планетѣ, послѣднія открытія въ Канадѣ указали, по крайней мѣрѣ, что извѣстныя теоріи, основанныя въ Европѣ единственно на отрицательныхъ свидѣтельствахъ, были совершенно обманчивы. Во время геологическаго обзора Сѣверной Америки подъ искуснымъ руководствомъ сэра Уильяма Логэна (Logan), оказалось, что къ сѣверу отъ рѣки св. Лаврентія идетъ обширный рядъ сланцовыхъ и кристаллическихъ скалъ гнейса, слюдянаго сланца, кварцита и известняка, около 40,000

футовъ толщины, названнаго лаврентьевскимъ. Онъ древнѣе, чѣмъ старѣйшіе европейскіе пласты съ ископаемыми остатками, тѣ, въ которыхъ опрочетливо былъ отнесенъ первоначальный терминъ жизни. Впервыхъ, новѣйшая часть этого громаднаго кристаллическаго слоя несходственна съ древними слоями ископаемыхъ остатковъ или такъ называемыми первоначальными пластами, которые покрываютъ его, а потому этотъ послѣдній былъ подверженъ возмущающимъ движеніямъ прежде, чѣмъ первоначальные образовались. Затѣмъ старѣйшая половина лаврентьевскаго слоя несходна съ новѣйшей его частью. Въ этой нижайшей и древнѣйшей системѣ кристаллическихъ пластовъ, былъ найденъ известнякъ около 1,000 ф. толщиною, содержащій органическіе остатки. Эти ископаемые были осмотрѣны Др. Даусономъ (Dawson) изъ Монреаля, который усмотрѣлъ въ нихъ, помощью микроскопа, явственное строеніе обширнаго вида *Rizospora*. Прекрасные образцы этого ископаемаго, названнаго *Eosoon Canadense* (*), привезены сэромъ Логэномъ въ Батъ, чтобъ быть представленными членамъ ассоціаціи. Мы имѣемъ всѣ причины предполагать, что слои, въ которыхъ найдены эти животные остатки, такъ же древни, если не древнѣе такъ называемыхъ азоническихъ формацій Европы, такъ-что они предшествуютъ по времени слоямъ, образованіе которыхъ предполагаютъ совершившимся прежде появленія какого либо органическаго существа.

«Но я не хочу вдаваться въ соображенія касательно «знаменія начала» или «чаянія конца» нашей земной системы — этого обширнаго океана научныхъ догадокъ, на которомъ столько предшествовавшихъ теоретиковъ потерпѣли крушеніе.»

Впрочемъ, во всемъ этомъ замѣчательномъ адресѣ, сэръ Чарльзъ отличается заботливой и, надо сказать, благоразумной осторожностью стать окончательно на сторону одной какой либо изъ теорій, волнующихъ въ настоящее время міръ геологовъ.

Предложивъ собранію вотировать благодарность президенту за адресъ, сэръ Родрикъ Мурчиссонъ, расходящійся съ сэромъ Чарльсомъ Лайетлемъ по нѣкоторымъ геологическимъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе обратился къ собранію съ заявленіемъ, которое какъ нельзя лучше заканчиваетъ адресъ сэра Лайелля, и можетъ быть весьма назидательнымъ для тѣхъ, которые думаютъ, что люди науки никогда не бываютъ согласны въ вопросахъ, которые ставятся съ ихъ предвзятыми взглядами. «Позвольте мнѣ увѣрить это собраніе — сказалъ Мурчиссонъ — что по всѣмъ главнымъ эпохамъ, на которыхъ основывается исторія геологій, мы совершенно согласны: касательно ли правильной преемственности формацій отъ древнѣйшей до позднѣйшей, прогресса ли отъ низшихъ къ высшимъ типамъ жизни, громадныхъ ли періодовъ, необходимыхъ для образованія слоевъ и ихъ частаго видоизмѣненія

(*) То-есть: расцвѣтъ канадской жизни.

въ кристаллическія условія путемъ того метаморфизма, которые такъ искусно изложилъ сэръ Лайелль и, наконецъ, въ доказательствахъ, приведенныхъ имъ, что человекъ долженъ былъ существовать одновременно съ нѣкоторыми изъ большихъ ископаемыхъ млекопитающихъ. По всѣмъ этимъ предметамъ я держусь одинаковыхъ съ нимъ мнѣній. Я позволилъ себѣ это объясненіе потому, что мнѣ казалось существенно важнымъ, чтобъ публика не разошлась отсюда съ мыслью, что если геологи случайно и сходятся по нѣкоторымъ теоретическимъ вопросамъ, то между ними существуетъ разногласіе въ мнѣніи о великихъ краеугольныхъ камняхъ, на которыхъ зиждется ихъ наука.»

«Британская ассоціація споспѣшествованія наукъ» раздѣлилась затѣмъ, на слѣдующій день, на нѣсколько специальныхъ отдѣленій, въ засѣданіяхъ которыхъ и читались записки и труды членовъ по различнымъ отраслямъ точныхъ знаний. Между множествомъ сдѣланныхъ такимъ образомъ сообщеній по разнымъ отдѣленіямъ ассоціаціи, лишь весьма немногія имѣютъ всеобщій интересъ, хотя почти всѣ отличаются специальными достоинствами. Вотъ почему мы опускаемъ изложеніе здѣсь статей, имѣющихъ часто-спеціальнѣйшій характеръ, и ограничимся краткимъ сообщеніемъ содержанія и заключеній нѣкоторыхъ остальныхъ.

Въ отдѣленіи физики, д-ръ Миллеръ читалъ весьма интересную статью *О спектрахъ нѣкоторыхъ небесныхъ тѣлъ*, въ которой обратилъ вниманіе на необходимость различія результатовъ спектральнаго анализа, смотря по тому, прилагается-ли онъ къ изслѣдованію свѣта планетныхъ тѣлъ, двойныхъ звѣздъ или же туманныхъ пятенъ. Присутствіе металловъ, открытое помощью этого анализа, въ составѣ планетъ и нѣкоторыхъ звѣздъ, указываетъ на составъ ихъ, аналогичный съ составомъ нашей земли, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ элементахъ, между тѣмъ, какъ туманные пятна, какъ доказываетъ анализъ г. Гюггинса (Huggins) — тѣла газообразныя, характеръ свѣта которыхъ не допускаетъ въ нихъ присутствія какой-либо твердой матеріи. Во время обсужденія этой статьи, г. Бельфоръ Стьюартъ замѣтилъ, что результаты изслѣдованія г. Гюггинсомъ свѣта туманныхъ пятенъ весьма важны, какъ указывающіе на совершенно новую конструкцію ихъ, чѣмъ та, которая принималась до сихъ поръ.

Г. Клоде (Claudet) читалъ длинную и весьма замѣчательную статью *О фотоскульптурѣ* — изобрѣтенія г. Виллема (Willeme), французскаго скульптора. Этотъ послѣдній замѣтилъ, что если снять фотографіи нѣсколькихъ профилей, одного и того же оригинала въ одно время посредствомъ нѣсколькихъ камеръ, расположенныхъ вокругъ, то онъ можетъ попеременно и послѣдовательно исправлять свою модель, сравнивая профильное чертаніе каждой фотографіи съ соответствующимъ ему по положенію очертаніемъ модели. Но впоследствии онъ необходимо пришелъ къ заключенію, что, вмѣсто того, чтобъ исправлять такимъ образомъ законченную модель, удобнѣе работать пантографомъ надъ гру-

быть кускомъ глянн, и постепенно обдѣлывать его кругомъ, слѣдя за очерками каждой фотографіи. Предположивъ, что у него имѣется двадцать-четыре фотографическихъ копій съ оригинала, снятыхъ одновременно съ разныхъ точекъ зрѣнія кругомъ, скульптору остается лишь повертывать грубую, глиняную болванку послѣ каждой операціи на соответствующую каждому фотографическому снимку одну двадцать-четвертую круга, обтесать ее согласно этому снимку, и повторить тотъ же приемъ по всѣмъ двадцати-четыремъ фотографіямъ. Въ результатѣ получается статуя или бюстъ, требующая послѣднихъ штриховъ артиста, чтобы сдѣлаться совершеннымъ подобіемъ оригинала. Г. Клоде, въ заключение сказалъ, что онъ не могъ иллюстрировать лучше предѣсь фотоскульптуры, какъ исполнивъ бюстъ президента, сэра Чарльса Лайелля. Фотографические снимки съ этого послѣдняго были сдѣланы 16-го августа; пантографъ сдѣлалъ свое дѣло; скульпторъ сдѣлалъ свои послѣдніе штрихи модели — и вотъ совершенно законченный, поразительнаго сходства, бюстъ былъ представленъ собранію.

Въ отдѣленіи зоологій и ботаники, президентъ отдѣленія, д-ръ Грай (Gruy) вошелъ, между прочимъ, въ разсужденіе по вопросу объ *акклиматизаціи животныхъ*. Подъ этимъ выраженіемъ слѣдуетъ понимать приуроченіе дикихъ животныхъ къ домашней жизни человѣка и разведеніе домашнихъ животныхъ одной страны въ другой. Авторъ полагаетъ, что едва-ли виды дикихъ животныхъ, предлагавшихся до сихъ поръ къ разведенію въ Англіи, могутъ соперничать по способности къ отворму и vitality съ существующими въ настоящее время въ Англіи породами рогатаго-скота. Сочленъ автора по отдѣленію, г. Френсисъ Гальтонъ, въ своей статьѣ по тому же вопросу, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, относительно условий, необходимыхъ для обращенія дикихъ животныхъ въ домашнихъ: 1) они должны быть дужи и сильны, 2) имѣть природную склонность къ человѣку, 3) любить покой, 4) слѣдуетъ принять во вниманіе, обязываются ли они полезными для дикарей, 5) быть плодовиты и 6) статны. Первое прирученіе животныхъ было слѣдствіемъ полусознательныхъ, продолжительныхъ попытокъ человѣка, и только постепенно и слѣдя опредѣленному подбору родичей, ему удалось прочно утвердить въ домашнемъ быту нѣсколько видовъ.

Въ отдѣленіи физиологій, д-ръ Дэви изложилъ свои наблюденія надъ *температурой половъ*. Мнѣніе Аристотеля, что мужчина обладаетъ большимъ количествомъ теплоты, чѣмъ женщина, было многими оспариваемо; нѣкоторые изъ новѣйшихъ физиологовъ признавали даже, что, напротивъ, женщина обладаетъ нѣсколько высшей температурою предъ мужчиной. Авторъ послѣ многочисленныхъ наблюденій, пришелъ къ убѣжденію, что мнѣніе Аристотеля въ этомъ отношеніи правильнѣе. Г. Дэви говоритъ, что среднимъ числомъ температуры самцовъ и самокъ относятся между собою какъ 10,58 къ 10,13. Въ послѣднее время онъ поль-

зовался весьма деликатнымъ термометромъ для своихъ наблюдений и нашелъ, что для мужчинъ температура варьируется между 90 и $99\frac{1}{2}$, для женщинъ — $97\frac{3}{4}$ и 98. Наблюденіе надъ другими животными дало нѣсколько высшую температуру для самца, чѣмъ для самки; такъ шесть птицъ дали пропорцію 108,33 для перваго, къ 107,79 для второй.

Д-ръ Ричардсонъ прочелъ въ томъ же отдѣленіи весьма любопытныя изслѣдованія его надъ *дѣйствіемъ табаку* на организмъ человѣка. Относительно продуктовъ старанія табаку, авторъ пришелъ, на основаніи своихъ изслѣдованій по этому предмету, къ убѣжденію, что продукты эти гораздо сложнѣе, чѣмъ предполагали до сихъ поръ. Онъ описалъ приборъ, автоматъ-курительницъ, который далъ ему возможность испробовать различныя роды табаку, въ сигарахъ и папиросахъ; посредствомъ раздувательнаго мѣха, автоматъ курилъ, авторъ же собиралъ въ каждомъ случаѣ продукты, которые человѣкъ обыкновенно втягиваетъ въ себя ртомъ, и подвергалъ ихъ анализу. Результаты, къ которымъ пришелъ авторъ, указываютъ на слѣдующія тѣла какъ продукты, потребляемые человѣкомъ при куреніи: вода, свободный углеродъ, амміакъ, углекислота, никотинъ, ароматное вещество, смолистый горькій экстрактъ. Вода вдыхается въ видѣ пара, углеродъ—въ видѣ мельчайшихъ частицъ, увлекаемыхъ водянымъ паромъ, онъ-то и сообщаетъ струѣ дыма синеватый цвѣтъ; амміакъ—въ видѣ газа въ соединеніи съ углекислотою; углекислота частью въ соединеніи съ амміакомъ, отчасти свободною. Никотинъ есть тѣло не улетучивающееся и потому остается въ трубкѣ; ароматное вещество улетучивается, но природа его остается до сихъ поръ неизвѣстною; оно-то и сообщаетъ табачному дыму особенный запахъ, весьма сильно пристающій къ шерстянымъ надѣліямъ и въ концентрированномъ видѣ такъ противно, что невыносимо для обонанія. Горькій экстрактъ есть смолистое вещество, темнаго цвѣта и сильно горькаго вкуса. Этотъ экстрактъ, по всей вѣроятности—сложное тѣло, имѣющее основаніемъ горькій алкалоидъ; оно не улетучивается, но осаждается въ трубкѣ и чубукѣ. Въ различныхъ видахъ табаку эти элементы являются также въ различныхъ комбинаціяхъ. Простой табакъ, который не былъ подверженъ броженію, доставляетъ весьма мало свободного углерода, много амміаку, много углекислоты, мало воды, весьма слабый слѣдъ никотина, весьма незначительное количество горькой вытяжки. Въ турецкомъ табакѣ много амміаку. Въ гаванскомъ табакѣ всѣ продукты являются въ изобиліи; въ маниллѣ весьма мало амміаку. Что касается до физиологическихъ дѣйствій упомянутыхъ продуктовъ горѣнія табаку, то водяной паръ, конечно, безвреденъ; углеродъ осаждается на слизистую оболочку рта и носа и щекочетъ горло; углекислота дѣйствуетъ наркотически при вдыханіи въ легкія; амміакъ причиняетъ сухость и щиплетъ слизистую оболочку горла и увеличиваетъ отдѣленіе слюны. Поглощаемый въ кровь, онъ разжижаетъ ее и производитъ непра-

вильность кровяных шариковъ; въ большомъ же количествѣ онъ задерживаетъ выдѣленіе желчи и производитъ желтизну кожи; онъ возбуждаетъ сначала и затѣмъ сокращаетъ дѣятельность сердца, у молодыхъ же людей вызываетъ тошноту. Ароматное начало, кажется, во всѣхъ видахъ табаку оказывается отрицательнымъ по своему дѣйствию; оно хотя и сообщаетъ табуку характеристическій вкусъ, но портитъ дыханіе курильщиковъ. Никотинъ вліяетъ только на постоянно держащихъ сигару во рту и дѣйствуетъ весьма вредно на организмъ, производя трепетаніе сердца, дрожь и неправильное дыханіе, дрожаніе и вялость мускуловъ и общее изнеможеніе организма. Горькое вытяжное вещество, если поглощается внутрь, бываетъ причиной тошноты и рвоты; оно вмѣстѣ съ никотиномъ поступаетъ въ ротъ въ видѣ раствора и отчасти непосредственно всасывается покровами рта, отчасти проскользываетъ со слюною въ желудокъ.

Капитанъ Буртонъ, въ отдѣленіи географіи и этнографіи, сообщилъ весьма любопытныя свѣдѣнія о королевствѣ Дагомэ. Его свѣдѣнія во многомъ противорѣчатъ доселѣ извѣстнымъ объ этомъ королевствѣ, но отличаются ясностью и положительностью. Онъ опредѣляетъ населеніе Дагомэ въ 150,000 ч., изъ котораго не болѣе одной пятой мужчинъ. Извѣстія о кровавыхъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, описываемыя такими страшными красками многими путешественниками, по его словамъ, отличаются «грубыми преувеличеніями» особаго обычая страны, требующаго, въ знакъ родственной привязанности живыхъ къ умершимъ близкимъ, сообщать послѣднимъ въ праздничные дни специально отправляемымъ для этого на тотъ свѣтъ посланцемъ о всѣхъ текущихъ событіяхъ и обстоятельствевахъ. По свѣдѣніямъ капитана Буртона, такихъ курьеровъ на тотъ свѣтъ отправляется не болѣе 35—40 человѣкъ, тяжкихъ преступниковъ или военно-плѣнныхъ—число, чрезвычайно незначительное сравнительно съ данными, сообщаемыми объ убійствахъ въ Дагомэ другими путешественниками. Предъ казнью, этихъ несчастныхъ предварительно оглушаютъ, какъ быковъ на нашихъ бойняхъ, и затѣмъ ихъ отправляютъ въ путь, «изъ котораго нѣтъ возврата», главные министры короля, въ его присутствіи. Кстати припомнить здѣсь, что Жюль Жераръ, знаменитый истребитель львовъ и тигровъ, также посѣщалъ короля Дагомэ во время «великаго обычая», какъ называютъ туземцы торжественную рѣзню. Ж. Жераръ сообщилъ о своемъ посѣщеніи въ «Times» въ началѣ этого года и, кажется, онъ того мнѣнія, что въ присутствіи англичанъ, черный король старается вести свои черныя «обычая» наиболѣе скромно, такъ чтобъ сообщить имъ нѣкоторый *couleur de rose*, который, можетъ быть, и отразился на свѣдѣніяхъ капитана Буртона. Во всякомъ случаѣ, 40 головъ, отправляемыхъ министрами короля на тотъ свѣтъ въ качествѣ посланцевъ, не умаляютъ печальной славы «великаго обычая».

Капитанъ Буртонъ сообщаетъ, что въ Дагомэ королевскія

мъсть распадается на два составныхъ элемента — женскій и мужской. Одинъ — для стражи, другой — для столицы; у каждаго есть особый дворъ, мужской и женскій. Женскій элементъ преобладаетъ. Въ Дагомэ нетолько существуютъ полчища амазонокъ, но и къ каждому значительному лицу, включая въ это число даже англійскихъ путешественниковъ, приставляютъ, въ качествѣ часовыхъ, двѣ женщины, подъ названіемъ «матерей». Эти «матери» необыкновенно сильны и мускулисты. Изъ нихъ составлено четыре гвардейскихъ корпуса: гренадеровъ, охотницъ за слонами, носильщицъ кинговъ (gazog bearers), стрѣльцовъ изъ лука. Точно такъ же подраздѣлены и линейныя войска, но особы, составляющія ихъ, отличаются скорѣе пристрастіемъ къ танцамъ, чѣмъ воинственностью. Всѣ силы этой женской арміи простираются до 2,500 человекъ, изъ числа которыхъ 1,700 присяжныхъ боевыхъ и 1000 — гвардіи короля. Команда надъ этой арміей ввѣрена иностранцамъ (въ числѣ которыхъ былъ и самъ капитанъ Буртовъ). Въ заключеніе своего интереснаго сообщенія, этотъ путешественникъ заявилъ мнѣніе, что королевство Дагомэ, нѣкогда относительно сильное, въ послѣднее время упадаетъ значительно. Особенно измѣнчива воинственность амазонокъ: 15-го марта 1864 года, настоящій король Дагомэ пожелалъ осуществить свой любимый проевтъ — именно атаку на сосѣдній городъ Абе-понтэ, подъ которымъ его отецъ потерялъ и жизнь, и воинскую честь. Попытка была крайне соблазнительна, по словамъ г. Буртова, но результатомъ ея была потеря 1000 убитыхъ и около 2000 раненыхъ амазонокъ!

Мы не исчерпали и десятой части отчетовъ объ интересныхъ засѣданіяхъ британскаго общества споспѣшествованія наукъ, и если сокращаемъ сообщеніе о немъ, то желая занести своевременно въ нашу лѣтопись нѣсколько другихъ замѣтокъ и извѣстій. Впередѣ у насъ остаются еще засѣданія «Англійской національной ассоціаціи споспѣшествованія соціальной наукъ», болѣе извѣстной подъ именемъ: общества лорда Брума, ея предсѣдателя, о которыхъ мы сообщамъ въ слѣдующей книгѣ. Обѣ ассоціаціи представляютъ два наиболѣе дѣятельныхъ въ Англіи очага распространенія науки и ея практическихъ приложений въ массахъ; это двѣ подвижныхъ академіи наукъ, имѣющихъ то неоспоримое преимущество предъ континентальными, стоячими академіями, что существуютъ собственными средствами, не имѣютъ ничего замкнутаго, чиновничьяго, кастоваго въ своемъ устройствѣ, такъ-какъ въ нихъ открытъ доступъ всякому, желающему быть ихъ членомъ, и принимаютъ къ своему обсужденію по преимуществу тѣ вопросы, которые въ данное время или особенно дороги для науки, или для практическихъ приложений ея, вызванныхъ потребностями общества. Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, и заключается весь простой и ясный секретъ ихъ полуприности.

Въ началѣ статьи мы упоминали о капитанѣ Спигѣ, котораго

не стало въ самый день открытія засѣданій британской ассоціаціи въ Батѣ. Онъ былъ на охотѣ и случайно застрѣлилъ себя пановаль, въ то время, когда мечталъ отдохнуть на благодарной и признательной родинѣ отъ долгихъ странствованій по знойнымъ пустынямъ Африки, отдохнуть, какъ онъ выражался, «съ женой и семьей, съ садомъ и яхтой, съ ружьемъ и удочкой».

Этотъ воинъ англо-индійской арміи и африканскій путешественникъ родился въ Джордансѣ, въ Сомерсетшейрѣ, въ 1827 г., и до конца жизни гордился своею страной. «Прошу не сомнѣваться, джентльмены, что гордость моимъ графствомъ и моею страной была вожатаемъ въ моемъ предпріятіи», говорилъ Спигъ въ прошломъ году въ Таунтонѣ на обѣдѣ, данномъ въ честь его. Что бы съ нимъ ни случилось, «мысль о родинѣ всегда поддерживала его», по его словамъ. Впрочемъ, о немъ было говорено въ «Отч. Запискахъ», которыя скоро познакомятъ публику съ его замѣчательнымъ путешествіемъ. Спигу предположенъ уже къ сооруженію памятника въ Таунтонѣ, главномъ городѣ Сомерсетшейра. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ извѣстному Книглеку.

— У французовъ есть также одна потеря, въ лицѣ знаменитаго Жюль Жерара, о смерти котораго мы узнаемъ изъ отчета о послѣднемъ собраніи французскаго географическаго общества. Этотъ путешественникъ отправился къ западному берегу Африки, снабженный инструкціями отъ королевскаго лондонскаго географическаго общества и денежнымъ пособіемъ отъ многихъ членовъ англійской аристократіи, съ цѣлью изслѣдованія внутреннихъ областей этой страны. Первоначально онъ предполагалъ посѣтить горы Конго въ Сѣверной Гвинее, которыя до него не переходилъ ни одинъ европеецъ. Онъ оставилъ Англію въ концѣ 1863 г. и отправился въ Видагъ (Whydah); отсюда онъ проникнулъ въ королевство Дагомэ, откуда и появилось одно изъ его послѣднихъ писемъ къ герцогу Веллингтону, о которомъ мы упоминали уже, и которое было помѣщено въ *Times*'ѣ въ началѣ 1864 г. Напрасно пытаясь проникнуть внутрь Африки чрезъ Дагомэ, онъ прибылъ, наконецъ, въ Сьерра-Леоне съ рекомендательнымъ письмомъ къ г. Браузеку, тамошнему французскому консулу, отъ г. Броссаръ де-Корбинья, командующаго французской эскадрой въ Гвинейскомъ заливѣ. Англичане въ Сьерра-Леоне немедленно снабдили путешественника новыми средствами для продолженія его предпріятія. Англійскій военный корабль, подъ начальствомъ капитана Кохрена, отвезъ его къ берегу по сосѣдству р. Галлианасъ. Спустя нѣскольکو дней послѣ его высадки на берегъ, онъ потерялъ весь свой багажъ и нашелъ убѣжище въ области Шерборо у французскихъ резидентовъ, которые снабдили его вновь, чѣмъ могли. Онъ вышелъ отсюда въ минувшемъ маѣ или іюнѣ, но на разстояніи двухъ часовъ пути былъ вновь до послѣдняго ограбленъ туземцами и принужденъ возвратиться въ Шерборо, гдѣ прождалъ до наступленія дожд-

ннваго времени года, чтобы возобновить свое путешествие. Но как средства его истощились, то онъ рѣшилъ возвратиться въ Сьерра-Леоне и на этомъ-то пути, переѣзжая р. Хонгъ, подивившуся отъ дождей, онъ утонулъ.

— Нѣмцамъ даже и по части благополучнаго обончанія путешествій везетъ; они какъ-то аккуратно путешествуютъ, что требуется открыть, и потомъ почиваютъ на лаврахъ. Д-ру Германну фон-Шлагинтвейту, главѣ ученой экспедиціи въ Индію и Верхнюю Азію, король баварскій пожаловалъ титулъ «Сакунлунскаго», въ честь того, что онъ первый изъ европейцевъ перешелъ кунлунскій хребетъ въ 1856 г. и достигнулъ изъ Индіи Туркестана по совершенно неизвѣстной до сихъ поръ европейцамъ горной странѣ. Англичане, вспоминая о «Забалканскомъ», «Эриванскомъ» и др. русскихъ титулахъ, полагаютъ, что баварскій король на этотъ разъ неукосился русскимъ пригвозомъ, а не дѣйствовалъ по собственному вдохновенію; можетъ быть, что и такъ: король Леопольдъ II еще очень юный король.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛОВКІЕ ТРУДЫ МАКСА МЮЛЛЕРА.

Лекціи по наукѣ о языкѣ, извѣстнаго оксфордскаго профессора Макса Мюллера, составляютъ капитальнѣйшее явленіе въ области филологическихъ знавій за послѣдніе годы. Еще недавно появился первый отдѣлъ ихъ въ англійскомъ подлинникѣ (*) и почти тотчасъ же былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ; нашъ журналъ въ свое время упоминалъ объ этомъ изданіи; въ исходѣ окончившагося года вышелъ прекрасный французскій переводъ того же отдѣла (**), сдѣланный уже съ четвертаго изданія подлинника, и появился на англійскомъ языкѣ второй отдѣлъ лекцій (**); и его передача до французски и нѣмецки уже общана; кромѣ того лекціи Макса Мюллера печатаются въ русскомъ переводѣ. Такое быстрое распространеніе этого сочиненія уже одно свидѣтельствуетъ объ его ученомъ значеніи; поэтому мы считаемъ умѣстнымъ еще разъ обратиться въ этому важному приобрѣтенію науки и въ общемъ очеркѣ познакомить читателей съ

(*) LECTURES ON THE SCIENCE OF LANGUAGE. By Max Muller M. A., Fellow of All souls' College, Oxford; correspondant de L'Institut de France London. 1861.

(**) LA SCIENCE DU LANGAGE, par M. Max Muller. Ouvrage traduit de l'anglais par MM. G. Harris et G. Perrot. Paris. 1864.

(***) LECTURES ON THE SCIENCE OF LANGUAGE. By Max Muller. Second series. London. 1864.

тѣмъ результатами, къ которымъ привели Макса Мюллера его глубокія филологическія изслѣдованія.

Въ концѣ прошлаго вѣка, Европа съ удивленіемъ узнала, что современнымъ индѣйскимъ браминамъ извѣстенъ древній священный языкъ ихъ отечества, представляющій поразительное сходство съ греческимъ и латинскимъ. Съ четвертаго вѣка до Р.Х. санскритскій языкъ исчезъ изъ устнаго употребленія въ Индіи, но сохранился въ превосходныхъ памятникахъ религіозной, поэтической и философской литературы; брамины еще владѣли имъ на письмѣ и даже владѣли лучше, чѣмъ современнымъ народнымъ языкомъ Индіи. Основанное въ 1784 году въ Калькутѣ азіатское общество горячо принялось за изученіе этого древняго языка, богатство котораго, какъ вскорѣ оказалось, превосходить сокровища всѣхъ прочихъ извѣстныхъ языковъ. Восемьнадцать лѣтъ спустя, Фридрихъ Шлегель пріѣхалъ въ Англію, для изученія санскрита, и въ своемъ сочиненіи о языкѣ и мудрости древнихъ индѣйцевъ, издашномъ въ 1808 году, провозгласилъ фактъ, дотогѣ неизвѣстный ученому міру, что есть коренное сродство между языками Индіи, Персіи, Греціи, Италіи и Германіи, почему и самые эти языки онъ назвалъ индо-германскими. Таковы были событія, которыя, по мнѣнію Макса Мюллера, въ началѣ нынѣшняго столѣтія произвели переворотъ въ языковѣдѣніи. До тѣхъ поръ на языки смотрѣли только какъ на средство, облегчающее международныя сношенія или открывающее идеи тѣхъ народовъ, которымъ они принадлежать. Со времени знакомства съ санскритомъ, стали изучать языки для нихъ самихъ, то-есть стали ихъ сравнивать. Такимъ образомъ возникла новая наука, которая называется *сравнительною филологіею* или *лингвистикою*. Исходный пунктъ ея изслѣдованія—слова и грамматическія формы, но на нихъ она не можетъ остановиться; за словами скрываются понятія, за грамматикой—духъ народа; поэтому сравненіе языковъ повело къ сравненію цивилизацій, и по мѣрѣ того, какъ разрасталась наука, въ ея области стали возникать все болѣе новыя и глубокіе вопросы. Какъ, напримѣръ, объяснить аналогіи между древнимъ священнымъ языкомъ Индіи и языкомъ Софокла и Платона, между цидероновскою латинью и нарѣчіями древнихъ кельтовъ, покоренныхъ римлянами, нарѣчіями германцевъ, которыхъ они никогда не могли побѣдить, скандинавовъ, которыхъ они вовсе не знали, и, наконецъ, славянъ, которые позже другихъ народовъ появились на попримѣчъ исторіи. Происшли ли эти сходства отъ международныхъ заимствованій? Но какъ и когда совершились они? Исторія молчитъ на это или старается объяснить немногими, неудовлетворительными намеками. Одни языки могли дать полный отвѣтъ, но нужно было умѣть ихъ спрашивать; требовалась, слѣдовательно, новая метода ихъ изученія.

Въ языкахъ есть свидѣтельство о многихъ фактахъ, но они извѣстны и обыкновеннымъ путемъ исторіи; такъ, напримѣръ, слово «философъ», существующее во многихъ языкахъ, но про-

исхожденію своему, свидѣтельствуешь, что отечество философіи есть Греція; но это извѣстно и изъ другихъ источниковъ. Это заимствованіе случилось уже на памяти исторіи. Но нужно постараться разъяснить посредствомъ языка то, чего не могутъ расширить историческія свидѣтельства. Тутъ-то и полезно сравнивать между собою тѣ слова изъ разныхъ языковъ, которыми выражаютъ понятія, предшествующія всякой исторіи и составляющія главную основу цивилизаціи. Такъ, напримѣръ, какъ въ томъ или другомъ языкѣ выражаются понятія о матери, отцѣ, сынѣ, дочери, животныхъ, пищѣ, жилищѣ и проч.? Если они выражаются словами, сходными въ этимологическомъ отношеніи, то стало-быть сравниваемые языки должны быть возведены къ одному общему происхожденію: ибо ни одинъ изъ языковъ не могъ заимствовать ихъ у другого. Никакой народъ не могъ войти въ сношенія съ другимъ народомъ, не имѣя своего собственнаго языка, и никакой народъ не могъ имѣть языка, если онъ не имѣлъ извѣстнаго количества словъ для выраженія первоначальныхъ понятій; наконецъ, владѣя нѣкоторымъ запасомъ словъ, не могъ онъ позабыть ихъ для того, чтобы принять другія слова — чужія. Такимъ путемъ пришли къ идеѣ единства тѣхъ языковъ, которые Шлегель называлъ индо-европейскими, а Максъ Мюллеръ называетъ арійскими. Требуется узнать степени родства этихъ языковъ. Не могъ ли одинъ изъ этихъ языковъ быть родоначальникомъ для всѣхъ прочихъ? Отцы передали дѣтямъ одно нарѣчіе, вполне сложившееся; дѣти разнесли его въ разные концы земли. Именно такимъ образомъ нѣкоторое время объясняли происхожденіе греческаго и латинскаго языковъ отъ санскрита — подобно тому, какъ языки французскій, италіанскій, испанскій и проч. произошли отъ латыни. Но нашлась иная возможность разрѣшить и объяснить этотъ вопросъ. Анализируя грамматическія формы, разсѣкая слова и слоги, выясняя значеніе каждаго изъ звуковъ, наука опредѣлила законы ихъ измѣненія, сочетанія и образованія въ слова; объяснилась и вся постепенность этихъ измѣненій въ строѣ языковъ, и найдены далѣе такъ сказать идеальныя типы измѣненій, по которымъ можно судить, на какой степени развитія стоитъ тотъ или другой языкъ. Чтѣ изъ этого слѣдуетъ? А то, что постепенная внутренняя переработка строя въ каждомъ изъ языковъ совершается самостоятельно, независимо отъ другихъ языковъ, и что, стало-быть, родственныя языки представляются въ братской связи, какъ-бы вѣтвями одного дерева. Но гдѣ его стволъ и корень? Здѣсь филологія встрѣчаетъ препятствіе; безъ сомнѣнія, за предѣлами языковъ, доступныхъ изученію, должны были быть понятія языковъ еще болѣе первобытныя, но онѣ недоступны науцѣ, которая изслѣдуетъ только данный матеріалъ. Но при пособіи своихъ нездвѣжныхъ матеріаловъ, она можетъ заглянуть въ глубину прошедшаго и дѣйствительно находить тамъ народъ, даже неизмѣнный особаго названія; этому народу наука пред-

ставляетъ въ собственность слова, общія всѣмъ языкамъ индо-европейскаго корня, но такимъ словамъ возстановляетъ древнѣйшее мѣстопробываніе, бытъ и вѣрованія этого народа и наконецъ даетъ ему названіе, заимствованное отъ корня *ар*, который на собственномъ его языкѣ означаетъ понятіа о земледѣліи, дѣятельности, искусствѣ и благодѣствіи. Такимъ образомъ, опредѣляется прародецъ языковъ индо-европейскихъ, языкъ народа арійцевъ.

Но область науки не ограничивается и этимъ: изъ древней исторіи, рядомъ съ арійской семьей языковъ и народовъ, является другая семья, совершенно ей чуждая; во главѣ этой семьи стоитъ языкъ еврейскій, на который, однако, долго (вопреки св. писанію) смотрѣли какъ на первобытный языкъ всего рода человѣческаго; рядомъ съ еврейскимъ представляются языки сирійскій, халдейскій, арабскій, однородные съ первымъ. Далѣе, совершенно отдѣльно отъ прочихъ языковъ, и тоже изъ глубокой древности, является китайскій, крайне странный по своему строю, но, можетъ быть, долженствующій болѣе всѣхъ другихъ облегчить разрѣшеніе задачи о происхожденіи языка. Чѣмъ болѣе распространяется кругозоръ науки, тѣмъ болѣе накопляется у ней матеріала: языки, обладающіе богатою письменностью, и языки, существующіе въ одномъ устномъ употребленіи, языки турецкіе и финскіе, языки малайскіе, языки полинезійскіе дѣлаются собственностью области знаній. И какъ ни мало еще извѣстны нѣкоторыя группы и семьи языковъ, все-таки ихъ изслѣдованіе приводитъ въ необходимости сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ, которые бы прилагались ко всѣмъ языкамъ, доселѣ извѣстнымъ, и заключали бы въ себѣ основные законы жизни языковъ. Наконецъ, на вершинѣ всѣхъ этихъ изслѣдованій и выводовъ, представляется послѣдній, неизбѣжный вопросъ, который филологія должна рѣшить сообща съ этнологіею: есть ли родъ человѣчeskій, со всѣмъ различіемъ своихъ племенъ и народовъ — одна цѣлая семья, или же онъ составляетъ соединеніе нѣсколькихъ группъ разнородныхъ? По отношенію къ филологіи, вопросъ этотъ долженъ быть поставленъ такъ: «Особенности, замѣчаемыя въ разныхъ семьяхъ языковъ, указываютъ ли на коренное различіе послѣднихъ, или составляютъ только видоизмѣненія одного основнаго типа?»

Вотъ до какихъ глубокихъ задачъ восходитъ изученіе языковъ, при полномъ развитіи своей программы. Наступило ли время касаться этихъ высшихъ задачъ? Максъ Мюллеръ не усомнился въ этомъ, и въ томъ именно и заключается его великая ученая заслуга, что онъ представилъ не только сводъ лучшихъ изысканій по сравнительной филологіи, но попытался дать своей наукѣ общію ея организацию. Конечно, выводы его не представляютъ нѣчто вышлѣ законченное, неподлежащее никакимъ измѣненіямъ (судьба всякой научной системы, построенной изъ анализа частей — видоизмѣняться и дополняться), но въ его научной системѣ, видна

могущественная яркость мысли, которая должна сдѣлать ее очень прочною.

Замѣчательно самое названіе, которое Максъ Мюллеръ далъ своей наукѣ: *Низкъ о языкѣ*. Намъ кажется, что другія названія, которыя были ей даваемы, хоть и короче, но не такъ ясны: въ этой наукѣ дѣло не только въ сравненіи языковъ (это только средство), но въ объясненіи самой сущности языка, этого удивительнаго явленія, посредствомъ котораго человѣкъ такъ рѣзко отдѣляется отъ животныхъ. Человѣка называли животнымъ мыслящимъ; это все равно, что называть его животнымъ говорящимъ, такъ-какъ мысль и слово стоятъ въ тѣснѣйшей связи между собою: это понимали еще греки, выражавшіе то и другое въ словѣ *λόγος*.

М. Мюллеръ отводитъ наукѣ о языкѣ мѣсто между науками естественными. Съ перваго взгляда, подобное нововведеніе кажется страннымъ. «Филологія — возражаютъ нововводителю — по преимуществу гуманная наука; языкъ есть продуктъ существа свободнаго, слѣдовательно, не можетъ быть поставленъ наряду съ произведеніями слѣпой и бессознательной природы.» Но въ томъ-то и дѣло, что человѣкъ создаетъ языкъ не по своей свободной волѣ, а потому, что онъ обладаетъ даромъ слова, подчиненнымъ извѣстнымъ законамъ разума; разумъ же не принадлежитъ человѣку какъ собственности, которою онъ можетъ произвольно распоряжаться; напротивъ того, всѣ его дѣйствія запечатлѣны полнѣйшею безличностью, а стало быть, таковы и условія жизни языка. Максъ Мюллеръ приводитъ любопытные примѣры того, что никакая могущественнѣйшая человѣческая воля невластна произвести малѣйшее измѣненіе въ языкѣ. Доля свободы въ немъ очень незначительна, и во всякомъ случаѣ, эта свобода собирательная, а не личная. Чѣмъ болѣе наука будетъ раскрывать глубинну этой истины, тѣмъ сильнѣе будетъ она поражена параллельнымъ ходомъ дѣятельности разума и языка. Но существуетъ общепотребительное выраженіе: жизнь, развитіе языка; съ тѣхъ поръ, какъ Гораций сравнилъ слова съ растеніями, къ языку прилагается идея растительнаго движенія. На это М. Мюллеръ отвѣчаетъ такъ: Въ наукѣ должно избѣгать всякихъ метафоръ. Строго говоря, языкъ не развивается, не имѣетъ органической жизни. Перевороты, въ немъ совершающіеся, скорѣе походятъ на простое взопленіе или наслоеніе. Слова и грамматическія формы, установившіеся въ извѣстномъ строѣ, такъ сказать, изнашиваются и измѣняются, теряютъ свою физиономію и не могутъ помолодѣть или преобразоваться по своей волѣ. Но есть, однако, особая сокровищница, въ которой языки находятъ средство обновленія; это — нарѣчія, вообще очень многочисленныя въ каждомъ языкѣ. Изъ нихъ языкъ просто обогащаетъ свой составъ, то-есть беретъ себѣ новыя слова, уже вышедшія сложившіяся. Но это не развитіе, а простое взаимствованіе.

Измѣненіе, которое въ словахъ, однажды сложившихся по из-

вѣстному строю, производитъ употребленіе — М. Мюллеръ разумѣетъ подъ названіемъ *фонетической порчи*; пополненіе состава языка онъ называетъ *обновленіемъ изъ нарчій*. Это два главныя явленія въ языкѣ, ихъ открытыя, в свойство и характеръ ихъ таковы, что наука, ихъ наблюдающая, не можетъ не быть поставлена въ ряду наукъ естественныхъ.

¶ Опредѣливъ характеръ науки о языкѣ, Максъ Мюллеръ излагаетъ ея исторію; онъ признаетъ въ послѣдней три періода. Такое раздѣленіе свойственно судьбѣ всѣхъ индуктивныхъ наукъ, если не въ смыслѣ хронологическомъ (потому что періоды могутъ быть пережѣваны), то въ смыслѣ высшемъ, логическомъ и въ отношеніи къ ихъ методу. Первый періодъ—чисто-эмпирический, впродолженіе котораго собираются факты и нисколько не выясняются законы; второй періодъ—время классификацій, впродолженіе котораго предметы изученія распредѣляются по группамъ, по болѣе или менѣе удачно выбраннымъ аналогическимъ чертамъ; третій періодъ—время теорій, когда стараются открыть общіе законы или смыслъ фактовъ. Для науки о языкѣ первый періодъ есть періодъ эмпирической грамматики. Изучается каждый языкъ отдѣльно; анализируются части рѣчи, исчисляются грамматическія формы, наблюдаются способы установленія связи между словами. Это—чистые факты, которыхъ смыслъ не можетъ быть разгаданъ при изученіи одного языка. Но достойна замѣчанія пытливость первыхъ грамматиковъ. Максъ Мюллеръ съ глубокою ученостью излагаетъ исторію грамматики у древнихъ. Поразительна та медленность, съ которою наука о языкѣ переходила ко второму періоду своего развитія. Какъ объяснить себѣ, что со времени древне-индійскихъ и древне-греческихъ грамматиковъ до прошлаго вѣка не возникала идея о классификаціи языковъ. Какъ, напримѣръ, Цезарь не заподозрилъ родства между языками грековъ и римлянъ съ языками кельтовъ и германцевъ? Максъ Мюллеръ объясняетъ это тѣмъ предубѣжденіемъ, общимъ для древнихъ и новыхъ народовъ, вслѣдствіе котораго они называли другъ друга варварами и нѣмыми. Только уже Лейбницу удалось напасть на болѣе свѣтлую идею. Онъ сказалъ, что языкъ—лучшее зеркало человѣческой мысли, и что точное изученіе смысла словъ должно лучше всего разъяснить дѣятельность ума. Затѣмъ собраніе матеріаловъ по сравнительной филологіи, составленное по мысли императрицы Екатерины II, и открытіе санскрита дало верныя научныя основы для классификаціи языковъ. За то съ начала нынѣшняго столѣтія наука пошла гигантскими шагами. Сперва была предложена система классификаціи языковъ по степени ихъ родственной связи. Фр. Шлегель указалъ на семью языковъ, которую онъ назвалъ индо-германскою. Рядомъ съ ней легко было поставить семью семитическую. Но удобенъ ли оказался принципъ родственности для всѣхъ другихъ языковъ? На это Максъ Мюллеръ отвѣчаетъ отрицательно, хотя самъ рядомъ съ двумя предъидущими семьями, указываетъ на третью—туран-

скую. По его мнѣнію, эта *генеалогическая* классификація не исчерпываетъ всего разнообразія группъ языковъ; съ другой стороны, онъ признаетъ принципъ родственности не имѣющимъ научнаго значенія, такъ-какъ онъ не проникаетъ въ сущность предмета. Родственность языковъ важна для этнологіи, но не раскрываетъ общаго ихъ строя. Въ замѣтъ этой классификаціи Максъ Мюллеръ выставляетъ другую, впрочемъ, тоже не новую, которую онъ называетъ *морфологическою*. Она основывается не на сходствѣ и различіи словъ по ихъ корнямъ и значенію послѣднихъ, а на наблюденіяхъ надъ грамматическими формами, которыя разъясняютъ намъ самыя важныя вопросы образованія языка. По морфологической классификаціи, всѣ извѣстные языки раздѣляются на три разряда, по *строю* корней. Къ первому разряду принадлежатъ языки, въ которыхъ неизмѣняющіеся односложные корни, отвлеченнаго значенія, равно примѣнимы для образованія глаголовъ, существительныхъ и прилагательныхъ и ставящіеся прямо подлѣ другихъ подобныхъ же корней, такъ-что сочетаніе тѣхъ и другихъ и мѣсто ихъ въ предложеніи выражаетъ всевозможныя связи идей; таковъ языкъ китайскій. Во второмъ разрядѣ языковъ туранскихъ, осмысленные и неизмѣняющіеся односложные корни (какъ въ первомъ разрядѣ) служатъ какъ-бы основой рѣченій, которыя образуются посредствомъ накопленія къ корню другихъ слоговъ, неизмѣняющихъ особаго значенія, но служащихъ для выраженія различныхъ отношеній между конатіями. Наконецъ, въ третьемъ разрядѣ, куда относятся языки арійскіе и семитическіе, корни не являются отдѣльно стоящими и потому потеряли свое независимое значеніе; они подвергаются фонетической порчѣ и къ нимъ всегда присоединяются особые звуки, служащіе для образованія формъ склоненія и спряженія. Языки первой степени могутъ быть названы односложными, второй—накопляющими и третьей—флективными. Изъ этой постепенности разрядовъ уже легко выводится исторія образованія языковъ. Они должны были пройти всѣ три ступени.

Объяснивъ значеніе односложныхъ корней и ихъ сочетаній, Максъ Мюллеръ даетъ превосходное ихъ раздѣленіе на такіе, которые указываютъ на предметъ, и на такіе, которые объясняютъ его признаки, его состояніе. Это, съ одной стороны, въ значительной степени упрощаетъ анализъ частей рѣчи, съ другой—указываетъ на тѣснѣйшую связь мысли со звуками человѣческаго голоса: человѣкъ говоритъ, потому что онъ имѣетъ способность мыслить отвлеченно. Вотъ глубочайшее и вмѣстѣ съ тѣмъ реальнѣйшее и простѣйшее объясненіе задачи о происхожденіи языка, устраняющее всѣ другія гипотезы по этому предмету (каковы, напримѣръ, гипотезы о происхожденіи языка изъ междометій или изъ подражанія крикамъ животныхъ и звукамъ, производимымъ неодушевленными предметами). Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ стоитъ другой—о единствѣ языка. При всей своей осторожности, Максъ Мюллеръ не побоялся коснуться и

его, но ограничился только загадкой о возможности одного первобытного языка, общего для всего человечества.

Таковы общіе вопросы науки о языкѣ, которые составили первый курсъ оксфордскаго профессора; ихъ капитальное общеобразовательное значеніе, въ связи съ блестящимъ и очень яснымъ изложеніемъ, придаетъ чрезвычайную важность этому первому курсу. Второй отдѣлъ лекцій болѣе спеціальнѣе и потому менѣе богатъ общимъ интересомъ, но было бы несправедливо осуждать за то автора: ему пришлось углубиться въ подробности грамматическаго ученія о звукахъ, а здѣсь не всякій читатель послѣдуетъ за нимъ такъ охотно, какъ слѣдовалъ въ первомъ курсѣ. Притомъ же во второмъ курсѣ автору пришлось повторять сказанное въ первомъ отдѣлѣ; такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ втораго курса онъ возвращается къ вопросу о происхожденіи языка, касаясь его впрочемъ преимущественно съ матеріальной, то-есть звуковой стороны. Примѣненіе того или другаго звука къ различнымъ понятіямъ, которое долженъ былъ дѣлать человекъ, создавая языкъ, Максъ Мюллеръ объясняетъ гипотетически—первобытнымъ соотношеніемъ между звуками или корнями и предметами, которые подъ ними разумѣлись. Эта догадка довольно темная, но М. Мюллеръ на ней и не настаиваетъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ теоріи звуковъ. Онъ предполагаетъ, что въ древнѣйшихъ языкахъ количество звуковъ было невелико: богатая азбука существуетъ только въ тѣхъ языкахъ, которые представляются смѣшеніемъ нѣсколькихъ варіетѣй. По поводу звуковъ М. Мюллеръ распространяется и о письменахъ, ихъ графическомъ изображеніи. Замѣчательно, что ученый профессоръ, филологъ по преимуществу, высказывается въ пользу фонетическаго правописанія—вопросъ о которомъ въ Англійи былъ поднятъ еще гораздо оживленнѣе, чѣмъ у насъ. М. Мюллеръ находитъ, что этимологическое правописаніе отжило свой вѣкъ и должно быть сдано въ архивъ, какъ все одряхлѣвшее. Польза отъ его сохраненія только для изучающихъ языкъ исторически, а тѣ, кому грамота нужна для практическаго употребленія, только страдаютъ отъ разныхъ тонкостей этимологической орфографіи, которыя имъ приходится усвоивать безъ разумныхъ основаній, одной памятью. Устраняясь отъ всякихъ возраженій, мы должны, однако, замѣтить, что М. Мюллеръ предлагаетъ производить реформу англійскаго правописанія не съ разу, а постепенно. По поводу же письменъ М. Мюллеръ упоминаетъ и о попыткахъ примѣненія ихъ не къ звукамъ языка, а прямо къ понятіямъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать письмена, грамоту одинаковою для всего человечества. Затѣмъ профессоръ переходитъ опять къ вопросу, уже затронутому въ первомъ отдѣлѣ, о соотношеніи словъ съ понятіями, языка съ разумомъ; на этотъ разъ онъ объясняетъ влияніе перваго на послѣдній, доказывая его разными явленіями, на примѣръ фактами мнѣнческаго творчества, которое иногда извлекаетъ свое представленіе изъ понятія, заключеннаго въ какомъ-нибудь словѣ,

или тѣмъ общезвѣстнымъ обстоятельствомъ, что темнота выраженной затрудняетъ всякіе отвлеченные споры; замѣтками о томъ, какъ вырабатывается отвлеченный смыслъ словъ, оканчивается второй отдѣлъ лекцій. Какъ мы уже сказали, содержаніе его бѣднѣе, чѣмъ содержаніе перваго: но зато оригинальная сила мысли Мюллера сказывается въ немъ, можетъ быть, еще сильнѣе. Это заставляетъ насъ желать, чтобы русскій переводъ лекцій Мюллера былъ доведенъ до конца. А между тѣмъ вѣроятно и въ подлинникѣ—появятся новые отдѣлы.

Въ полученныхъ нами журналахъ, мы нашли извѣщенія о слѣдующихъ-книгахъ, вышедшихъ въ концѣ 1864 года.

MAN AND HIS RELATIONS; illustrating the influence of the mind on the Body. By S. B. Brittan M. D. (Человѣкъ и его сношенія; объясненіе вліянія души на тѣло, соч. Бриттана, доктора медицины). New-York.

ESSAIS DE PHILOSOPHIE SVETIQUE, par E. Vacherot. (Опыты критической философіи, соч. Е. Вауро). Paris.

PAEDAGOGISCHE WANDERUNGEN, von Keferstein. (Педагогическія странствованія, соч. Кеферштейна). Cöthen.

L'ESTHÉTIQUE ANGLAISE, ÉTUDE SUR JOHN RUSKIN, par J. Milsant. (Англійская эстетика: Рёскинъ, соч. Мильсамта). Paris.

PLATO AND THE OTHER COMPANIONS OF SOCRATES, by George Grote. (Платонъ и другіе товарищи Сократа, соч. Джорджа Грота). London.

SPIRITUS, SEIN LEBENSBIID UND SEINE PHILOSOPHIE, von J. B. Lehmann. (Спиноза, его жизнь и философія, соч. Леманса). Würzburg.

HISTORY OF THE RISE AND INFLUENCE OF THE SPIRIT OF RATIONALISM IN EUROPE, by W. E. H. Lecky. (Исторія успѣховъ и вліянія рраціонализма въ Европѣ, соч. Лекки). 2 vols. London.

LITERATUR UND CULTUR DES 19 JAHRHUNDERTS, in ihrer Entwicklung dargestellt von J. J. Honegger. (Литература и образованность XIX вѣка, соч. Гоннегера). Leipzig.

THE POETS AND POETRY OF SCOTLAND, FROM JAMES I TO THE PRESENT TIME. With biographical sketches and critical remarks. By the Rev. Andrew Bonar. (Поэты и поэзія Шотландіи съ Якова I до настоящаго времени. Съ біографическими очерками и критическими замѣтками преп. Андрея Бонара). Edinburgh. 1864.

DIE ENTWICKELUNG DER DEUTSCHEN POESIE, VON KLOPSTOCKS ERSTEM AUFTRETEN BIS ZU GOETHE'S TODE, von J. W. Loebell. 3-tes Band. Lessing, herausgeg. von A. Koberstein. (Развитіе нѣмецкой поэзіи съ перваго появленія Клопштока до смерти Гёте, соч. I. В. Лёбелля, 3-й томъ: Лессингъ. Изд. А. Коберштейномъ). Braunschweig.

LEBEN UND WERKE DEUTSCHER DICHTER v. Geschichte der deutschen Poesie in den letzten drei Jahrhunderten, von O. F. Guippe. (Жизнь и сочиненія нѣмецкихъ поэтовъ. Исторія нѣмецкой поэзіи въ три послѣднія столѣтія, соч. О. Ф. Гиппе). 2 B-de. München.

STUDIEN ZUR FRANZÖSISCHEN CULTUR UND LITERATURGESCHICHTE, von F. Kreuzsig. (Очерки изъ исторіи французской образованности и литературы, соч. Крейсина). Berlin.

LES CONVERSATIONS DE M. DE CHATEAUBRIAND, par J. Daniello. (Бесѣды Шатобриана, соч. Даниелло). Paris.

LA CITÉ ANTIQUE, étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce

et de Rome, par *Fustel de Coulanges*. (Древній городъ, наследованіе о культѣ, правѣ и учрежденіяхъ Греціи и Рима, соч. *Фюстеля-Куланжа*). Paris.

СЛЕБОРАТА, von *Adolf Star*. (Клеопатра, соч. *Адольфа Штара*). Berlin. 1864.

GESCHICHTE DER ARABER BIS AUF DEN STURZE DES CHALIFATS VON BAGDAD, von *G. Flügel*. (Исторія арабовъ до паденія Багдадскаго Кашифата, соч. *Г. Флюгеля*). Leipzig.

THE HOLY ROMAN EMPIRE, by *James Bruce*. (Священная римская имперія, соч. *Джеймса Брюса*). Oxford.

LA FRANCE PARLEMENTAIRE (1834 — 1851). Oeuvres oratoires et écrites politiques par *Alph. de Lamartine*. (Парламентская Франція 1834—1851. Речь и политическія сочиненія *А. Ламартина*). 6 vol. Paris.

OEUVRES COMPLÈTES d' *Alexis de Tocqueville*. (Полное собраніе сочиненій *А. Токувилля*). 3 vol. Paris.

TRAVELS AND ADVENTURES IN CENTRAL ASIA IN THE DISGUISE OF A Dervish, by *Arm. Vambery*. (Путешествія и приключенія въ центральной Азій, въ одеждѣ дервіша, соч. *Арм. Вамберы*). London.

THE ZAMBESI AND ITS TRIBUTARIES (1858—64), by *David and Charles Livingstone*. (Замбези и ея дачини, соч. *Давида и Чарльза Ливингстоновъ*). London.

THE INDIAN NORDAMERICAS, von *Th. Waits*. (Сѣверо-американскіе индѣйцы, соч. *Т. Вайца*). Leipzig.

THE DOBBS FAMILY IN AMERICA, by *Our own special correspondent* (Семейство Доббовъ въ Америкѣ, романъ соч. нашего собственнаго спеціально корреспондента). London.

DENMARK, by *Ruth Murray* (Денмара, романъ, соч. *Рухи Муррай*). 2 vols. London.

MARGARET DENZIL'S HISTORY (Исторія Маргариты Дензилъ). 2 vols. London.

DIE VERLORBENE HANDSCHRIFT, Roman in 5 Büchern, von *Gustav Freytag*. (Потерянный рукопись, романъ въ пяти книгахъ, соч. *Г. Фрейтага*). Leipzig. ...

IOHANNES GUTENBERG. Cultur-historischer Roman, von *Paul Stein*. (Иоаннъ Гутенбергъ, романъ *П. Штейна*). 3 B-de. Leipzig.

КУРЬОЗЫ.

Мы давно были такого мнѣнія, что не одни литературные труды, честные и исполненные добросовѣстно, заслуживаютъ вниманія въ европейскихъ литературахъ. Онѣ, правда, показываютъ положительную сторону стремленій общества, но не менѣе ихъ важна и отрицательная, которая показываетъ невѣжество, грубость, самохвалство литературы, а съ нею вмѣстѣ и общества. Она, эта курьезная литература, исконный матеріалъ для сатиры и комедіи, такъ же важна въ общественномъ, если не литературномъ отношеніи, какъ и первая. Невѣроятныя книги и статьи

проходятся обыкновенно молчаніемъ. Критика считаетъ ихъ до того ничтожными, что не упоминаетъ о нихъ; спора литературнаго вызвать онѣ также не могутъ, потому что, кто жь согласится спорить противъ нелѣпости? А между тѣмъ, подобныя явленія все-таки составляютъ фактъ поучительный для общественнаго развитія. Много такихъ фактовъ во всѣхъ литературахъ; слѣдовательно не мало ихъ и въ русской! Мы будемъ указывать на нихъ, болѣею частію довольствуясь простой перепечаткой, если фактъ нелѣпъ до очевидности, и прибавлять свои замѣчанія, если фактъ потребуетъ ихъ. Если справедливо, какъ говоритъ г. Писемскій въ своихъ «Лгунахъ», что по мотиву, на какой лгутъ въ извѣстное время въ обществѣ, можно судить о состояніи этого общества, то не менѣе справедливо и наше предположеніе, что и курьезы литературные имѣютъ точно такое же значеніе.

У насъ много накопилось курьезовъ русскихъ, но мы предпочитаемъ начать съ англійскаго. Въ англійской литературѣ, старой и богатой творчествомъ, надоѣло наконецъ выводить въ романахъ героями или героинями *людей*: тамъ выведена героиней *лошадь*, и передъ этимъ фактомъ, мы склоняемся почтительно.

АНГЛІЙСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Конечно, одно заглавіе нашей статьи уже вызвало улыбку на лицѣ важдаго читателя. Кому не случилось видѣть тѣхъ страшныхъ, непостижимыхъ и бессмысленныхъ книгъ и статей о «Московіи», которыми подчуютъ европейскую публику бѣлая часть иностранныхъ писателей. Но безспорно, въ ряду этихъ сочиненій пальма первенства принадлежитъ повѣстямъ и рассказамъ изъ русскаго быта, съ ихъ вѣчными *Ivan, tröika, knut, boyar* и такъ далѣе. Между же этими послѣдними, первое мѣсто, по всей справедливости, займетъ новый романъ изъ русской жизни, написанный однимъ неизвѣстнымъ англійскимъ авторомъ. Выписываемъ полное заглавіе этой курьезной диковины:

Черное и золотое, или Донъ! Донъ! Повесть изъ кавказской войны. Соч. капитана В. Г. Паттена-Саундерса, европейскаго бойца. 3 тома. Лондонъ. Бентлей. 1864. (*)

Англійская литература, та самая, которая еще такъ гордится первыми въ свѣтѣ романами Вальтер-Скотта, Диккенса, Теккерея, Бульвера, Джорджа Эліота, можетъ также гордиться и романомъ неизвѣстнаго бойца. Это явленіе, однако, такъ интересно для насъ русскихъ, что за неизбѣнимъ подъ руками самой книги, мы познакомимъ съ нею читателей изъ критической статьи, помѣщенной въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Saturday Review*. Конечно, это знакомство будетъ неполное, критикъ даже не рассказываетъ всего

(*) Black and Gold, or the Don! the Don! A tale of the Circasian War. By Captain W. H. Patten-Saunders, the European champion athlete. 3 vol. London. Bentley. 1864.

содержанія и притомъ не можетъ, какъ чѣловѣкъ незнакомый съ русской жизнью, вполне понять всю прелесть дикой фантазіи автора, но все же и по представленнымъ образцамъ можно вполне судить, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ невѣдѣнія, бессмысленности и нахальства доходить европейскій боецъ въ своемъ романѣ, обращенномъ къ нашему родному *Дону, Дону*.

«Мы прочли эту книгу — говорить *Saturday Review* — съ каимъ-то смутнымъ чувствомъ, и до сихъ поръ неувѣрены, что поняли ее какъ слѣдуетъ. Самое уже названіе темно до безконечности, хотя, впрочемъ, въ наше время никогда не должно исать какойнибудь связи между названіемъ сочиненія и его содержаниемъ. Что хочетъ авторъ связать своимъ званіемъ или титуломъ *европейскаго бойца*? Когда и гдѣ учреждено такое званіе? За что оно дается? Кѣмъ? Какъ получилъ его капитанъ Паттен-Саундерсъ? Но вѣдь если онъ боецъ, значитъ, борется съ кѣмънибудь, значитъ, есть бойцы и у другихъ частей евѣта: есть боецъ азіятскій, и боецъ африканскій, и боецъ американскій, и боецъ австрадійскій, противъ которыхъ капитанъ Паттен-Саундерсъ выступаетъ какъ защитникъ чести и могущества Европы. Кто же эти бойцы? И гдѣ происходитъ самая борьба, самый бой? Впрочемъ, всѣ эти трудные вопросы, представляющіеся намъ съ перваго взгляда на заглавіе этой книги, ничто въ сравненіи съ непроходимой трясинной, представляемой самымъ содержаніемъ ея. И все же она написана не безъ дарованія, и въ ней есть мѣстами какъ будто кабая-то сила. Описанія часто очень оживленныя и картинныя, эпизоды охотничьихъ приключеній рассказаны съ энтузіазмомъ и вообще во всемъ сочиненіи чувствуется какая-то свѣжесть и что французы называютъ *abandon*; это и дѣлаетъ романъ сноснымъ чтеніемъ въ свободную минутку. Какъ рапсодія объ охотѣ и лошадяхъ, сочиненіе это не безъ достоинствъ, потому что въ немъ собрано много интересныхъ данныхъ (??? Замѣйте, что это говоритъ одинъ изъ лучшихъ критическихъ журналовъ Англіи). Но какъ романъ или поэма (какъ, вѣроятно, автору хотѣлось бы назвать свое произведеніе), онъ ниже всякой критики; невозможно себѣ представить чтонибудь невѣроятнѣе, фантастичнѣе, бессмысленнѣе. Нѣтъ ни одного характера, который бы былъ очерченъ живо, всѣ дѣйствующія лица автоматы. Разговоры болѣе ничего, какъ смѣсь напыщенныхъ, длинныхъ фразъ, которая подражатели Вальтер-Скотта всегда вкладываютъ въ уста историческихъ личностей, и высокопарной театральной рѣчи съ грубымъ, англійскимъ языкомъ лошадиниковъ и барышниковъ. *Героиня романа* — *страя кобыла*, удивительной красоты, силы и быстроты. Эта великолѣпная лошадь принадлежитъ одному русскому дворянину, который верхомъ на ней и по ея милости совершаетъ чудеса болѣе удивительныя, чѣмъ всѣ другія чудеса, рассказанныя въ этой книгѣ, а это много значитъ. Герой романа, если можно такъ назвать счастливаго обладателя героини, командуетъ отрядомъ иррегулярныхъ (?) казаковъ въ

кавказской арміи и совершаетъ такіа дѣла храбрости, что они на столько же превосходятъ всѣ подвиги Гайливингстона и Амаяса Ли, на сколько тѣ подвиги превосходили всякое вѣроятіе и возможность. Храбрость, мужество, ловкость мужчинъ и дѣхъ славныя чудеса уступаютъ только передъ красотю женщинъ, описываемыхъ намъ европейскимъ бойцомъ. Но тутъ мы вполне признаемъ право автора порицать насъ какими ему угодно блестящими красками, ибо для этого перенесенъ рассказъ на почву Кавказа, гдѣ авторъ можетъ предаться самымъ дикимъ фантазіямъ о женской красотѣ (?). Этихъ правомъ онъ пользуется очень широко; мы никогда не встрѣчали столько красавицъ въ одной книгѣ. Но тутъ другое горе: сила творчества не угадается за силой воображенія. Такъ, исписавъ дѣлхъ пять страницъ и въ прозѣ и въ стихахъ о красотѣ одной изъ своихъ героинь, авторъ наконецъ приходитъ къ слѣдующей откровенной исповѣди, съ которой, вѣроятно, согласятся всѣ читатели: «Не нужно было прибѣгать къ искусству парижскихъ башмачницъ, такъ ловко помогающихъ природѣ, чтобъ сдѣлать совершенною ножку, которая блистая своей хрупкой красотю, скрывалась въ вышитыхъ туфелькахъ того же цвѣта, какъ и поясъ—туфелькахъ, которыя только веселили взглядъ, не издавая ни малѣйшаго шума при прикосновеніи къ полу. Но всѣ мои несчастныя попытки представить вѣрный портретъ единственнаго въ своемъ родѣ и совершеннѣйшаго образца того, что можетъ быть сотворено по образу и подобию Творца вселенной—столь же оскорбительно похожи на великолѣпный оригиналъ, какъ всѣ старанія мѣдью и бронзой изобразить геніальное вдохновеніе великихъ поэтовъ. Всѣ эти попытки только окончились совершенной, полной и безусловной неудачей.»

Особенно эффектны въ произведеніи капитана Саундерса сцены любви; онѣ написаны съ значительной живостью, но мы должны замѣтить, что авторъ тутъ пренебрегаетъ и презираетъ не только вѣроятностью внѣшней обстановки, но и необходимою разницей, которая должна существовать между дикой женщиной и ея образованными сестрами. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ объясненія въ любви между *черкескимъ предводителемъ* и *краснокожей индианкой* изъ русской Америки. (Каково? эта сцена происходитъ на рѣкѣ Химъ, находящейся около 68° с. ш.!) Черкесь, да краснокожая индианка, объясняются въ любви на рѣкѣ Химъ, около 68°. Помните только, русскіе читатели, всю прелесть этого *около*, все величіе этой сцены изъ русской жизни.

«Есть что-то величественное, говорить черкесь: — въ созерцаніи этого первобытнаго лѣса, въ мысли что поколѣніе миновало за поколѣніемъ, и всѣ видѣли этотъ лѣсъ тѣмъ же неизмѣняющимся, неизмѣненнымъ; но сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь любовался этимъ величественнымъ зрѣлищемъ, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, чѣмъ мы, милая Хоши. Сегодня, канунъ нашей торжественной помолвки.»

«— Думаешь-ли ты, Терекъ, что твоя любовь будетъ такъ же неизмѣнна, какъ этотъ лѣсъ?»

«— Клянусь въ этомъ, клянусь, Хоши!...

Немного далѣе, краснокожая индианка выражается такъ о своей любви:

«Сердце Хоши никогда не покидало ея, пока оно не отдалось тебѣ навѣки, Терекъ. Оно никогда не слышало клятвъ другаго человѣка, никогда нѣжныя слова любви не раздавались въ ея ухахъ. Если Хоши, какъ ты говоришь, цвѣтокъ, то ты найдешь его дрожащимъ, подъ блестящими каплями утренней росы, во всей непорочной красѣ».

«Изъ этого отрывка читатели видятъ, съ какимъ презрѣниемъ авторъ смотритъ на мѣстный и національный колоритъ, которыми обыкновенно писатели стараются освѣтить свои картины для большей ихъ вѣрности. (Это глубокомысленное замѣчаніе принадлежитъ «Saturday Review»). Казаки у него настоящіе джентльмены, они столь же храбры, какъ и образованы, а что касается до черкесовъ, то если образцы, представленныя намъ авторомъ, вѣрны съ оригиналами, то надо только удивляться, отчего русскіе такъ долго возились съ покореніемъ Кавказа; надо удивляться тому, что они встрѣтили въ черкесахъ какой-нибудь отпоръ. Конечно, намъ представлены тутъ картины сраженій и битвъ, которыя должны были произвести потрясающій эффектъ, но въ сущности, передъ нашими глазами дерутся плохіе актѣры на дрюриленскомъ театрѣ, а не фанатическіе дикіе горцы, отстаивающіе грудью свои жилища, свои родныя горы.

«Впрочемъ, изъ всѣхъ фантастическихъ несообразностей, которыми кишитъ эта диковинная книга, всего забавнѣе тѣ мѣста, гдѣ авторъ, чтобы нѣсколько разнообразить своей поразительный, ужасный разсказъ, старается передать читателю научныя, полезныя свѣдѣнія. Иногда эти свѣдѣнія касаются географіи, и о достоинствѣ ихъ можно судить по тому, что арабы представляются кочующими на берегахъ озера *Бамаша*; иногда авторъ поучаетъ исторіи, религіи и т. д. Нѣсколько примѣровъ не будутъ лишними:

«Вы найдете тамъ—говоритъ графиня—нѣсколько портретовъ, изображающихъ потомковъ арміи Александра-Великаго, изъ которыхъ значительное количество странствуетъ и нынѣ по вершинамъ Гималая. Мухамедане зовутъ ихъ «Невѣрными въ черной одеждѣ». Бухара съ ея 200,000 жителей, 11 воротами, 260 мечетями, 22 караван-сараями, занимающая 15 миль въ окружности, не представляетъ столько живописнаго, но можетъ служить самымъ обширнымъ, безграничнымъ полемъ для изученія человѣческихъ расъ. Тамъ вы встрѣтите многихъ потомковъ разсѣявшихся еврейскихъ племенъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что жиды Хорасана, Бухары, Самарканда и *Балти-Шар-Саца* (русская графиня говоритъ въ оригиналѣ *Baltah-Shahr-Sals* и потому мы восстанавливаемъ англійское названіе, чтобы насъ не

заподозрили въ желаніи измѣнить ученую рѣчь этой по истинѣ удивительной русской графини. И гдѣ это скрывается такая ученая, всебѣдущая графиня, ужь не на той же ли рѣкѣ Химѣ около 68° с. ш.), точно также какъ потомки Чингис-хана и ногайскіе татары и племя такъ называемое: Нуфтали (Nuphtali) составляютъ остатки отъ разбросанныхъ по свѣту десяти еврейскихъ коленъ. Обитатели же Хивы, безъ сомнѣнія, тѣ самыя хуриты, которыхъ изгналъ изъ Обѣтованной земли Исусъ Навинъ, вмѣстѣ съ цыганами и сынами Елама.»

«Вскорѣ послѣдній разсказчикъ остался одинъ въ мраморной залѣ и принялся за писаніе дѣлой кучи писемъ. Зала эта хотя и очень красивая была, очень темная, даже мрачная отъ высокихъ оконъ и чернаго мраморнаго пола; не то чтобъ самыя окна были малы, но въ нихъ вставлены толстыя, темныхъ цвѣтовъ стекла, особливо въ главномъ восточномъ окнѣ. Въ среднемъ звѣнѣ этого окна представлена прекрасно выполненная фигура во весь ростъ Иродіады, жены Ирода Филиппа, которая бѣжала отъ мужа и вышла замужъ за брата своего перваго мужа, за Ирода Антипу и имѣла дочь Саломію, которая выпросила голову Іоанна Крестителя на блюдѣ. На одномъ же изъ боковыхъ звѣньевъ представленъ также очень артистически Саластій, царь-пасиухъ, поборившій Египетъ и бывшій фараономъ въ 1584 г. до Р. Х., и о которомъ говорится, что новый царь не зналъ Іосифа» (Критикъ, приводящій эти отрывки, не упоминаетъ, гдѣ находится эта курьозная зала, и потому мы имѣемъ полное право предположить, ужь не въ Петербургѣ ли? Да ужь коли пошло на предположенія, то намъ сильно вѣжется, что краснокожая индианка и русская графиня не составляютъ ли одно и то же лицо, и не въ этомъ ли и надо искать причины непонятнаго свѣдѣнія этой непостижимой графини?).

До сихъ поръ мы перевели слово въ слово статью англійскаго критика, но далѣе онъ пускается въ длинныя разглагольствованія и совѣтуетъ европейскому бойцу бросить всякія претензіи на изображенія характеровъ и нравовъ, а просто писать исторію своихъ чудесныхъ походовъ на Кавказѣ, въ Сибири или гдѣ бы онъ тамъ ни бывалъ, предсказывая ему въ этомъ успѣхъ. Вообще по всему тону статьи замѣтно, что критикъ не совершенно увѣренъ въ полной бессмысленности всего, что разсказываетъ европейскій боецъ, а только сомнѣвается въ существованіи рѣки Химы около 68-го градуса, краснокожей индианки на этой рѣкѣ и тому подобныя мелочей.

Мы съ своей стороны можемъ выразить свое искреннее сожалѣніе, что почтенный критикъ не представилъ намъ болѣе отрывковъ изъ этого курьознаго явленія современной литературы, ибо признаемся, у насъ никогда не хватить смѣлости пуститься самимъ въ страшную трущобу трехтомнаго произведенія автора. Мы спрашиваемъ одно: возможна ли у насъ такая литератур-

ная бессмыслица, такое невѣжество?—Кто будетъ читать наши курьезы, тотъ увидитъ.—Во всякомъ случаѣ приведенный романъ и преимущественно отзывъ англійскаго журнала еще разъ подтверждаютъ продолжающееся невѣжество Западной Европы относительно всего, что касается Россіи.

„СОВРЕМЕННОМУ“.

НА СОРОКЪ СТРАНИЦЪ ЕГО ПОЛЕМИКИ ПРОТИВЪ «ОТЕЧ. ЗАПИСОКЪ». (СОВР. ДЕК. 1864).

Еслибы у кого-нибудь достало терпѣнія читать остроумныя полемическія статьи «Современника», подъ которыми подписывается обыкновенно *Посторонній Сатирикъ*, мы бы не писали этого короткаго отвѣта; онъ не былъ бы необходимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой-то господинъ, сильно поддѣлывающійся подъ манеру г. Салтыкова (Щедрина), нѣкогда соредактора въ «Современникѣ» — этотъ *посторонній* господинъ, злоупотребляющій чужой манерой писать, умѣлъ наполнить сорокъ страницъ (*excusez du peu*) личной бранью на редакторовъ «Отвч. Записокъ», главнымъ образомъ по поводу двухъ обвинительныхъ пунктовъ: *вопервыхъ*, зачѣмъ «Отечест. Записки» въ 1865 году будутъ выходить *два раза* въ мѣсяцъ, вмѣсто одного; и *во вторыхъ*, зачѣмъ «Отвч. Зап.» въ своей статьѣ «Опытъ о добродѣтели въ полемикѣ», напомнили «Современнику» о должныхъ границахъ приличія въ полемическихъ статьяхъ. Другаго повода, хоть десять разъ пусть читатель перечтетъ сорокъ страницъ «Современника» — не было. Остановимся же на этихъ поводахъ.

До того тронулъ редакцію «Современника» двухнедѣльный выходъ «Отечественныхъ Записокъ», что она списавъ сорокъ страницъ полемическаго задора, не успокоилась на этомъ; взмѣнила прежнее свое объявленіе, и новое начала «такими жалкими» словами, *неизвестно къ кому относящимися*:

«Трудно сказать, что будетъ дѣлать новаго наша журналистика въ 1865 году, собирающаяся дѣлать очень много, какъ видно изъ того, что *нѣкоторые* (какіе бы это?) журналы сочли нужнымъ участить сроки выхода книжекъ. Мы съ своей стороны... не учащаемъ срока выхода книжекъ нашего журнала... и т. д.

Ясно?

Мы были увѣрены, что задуманная нами перемѣна заслужить одобреніе публики, когда писали объявленіе; теперь мы можемъ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ и доказательствами, что не ошиблись — публика одобрила насъ. Недоставало намъ одобренія

журналовъ. И вотъ явились *дѣтъ статей*, одна длиннѣе другой; обѣ въ враждебныхъ намъ журналахъ, обѣ направленные *противъ* перемѣны въ «Отеч. Зап.». Еслибы враги наши хвалили насъ, мы пришли бы въ уныніе; значило бы, мы ошиблись. Но теперь она бранитъ насъ, именно во время подписки—значитъ, мы вполнѣ правы. «Если врагъ твой хвалитъ тебя, бойся его», извѣстна русская поговорка.

Другой поводъ въ *сорока* страницамъ «Современника» подала статья наша «Опытъ о добродѣтели въ полемикѣ». Но статья эта до того добродѣтельна по своимъ тенденціямъ, что ее успѣлъ уже поддержать общій голосъ публики, который нашелъ полемику «Современника» съ «Эпохой» крайне неприличной, и что хуже — скучной и незанимательной для читателя. Чѣмъ же тутъ огорчаться на насъ? Еслибы «Современнику» мало было этого общаго голоса, то мы сослались бы на мнѣніе одного бойца, которому море по колено, когда онъ входитъ въ азартъ полемики. Этотъ литературный боецъ—изъ школы того же «Современника», молится тѣмъ же богамъ и сотворилъ себѣ тѣ же кумиры, что и «Современникъ». Мы говоримъ о нѣкоторомъ г. Зайцевѣ, сотрудникѣ «Русскаго Слова», изобрѣвшемъ выраженія: «сапоги лучше Шекспира», «Лермонтовъ—поэтъ золотушныхъ барышень» и т. п. Упоминаемъ все это къ тому, что писатель въ родѣ г. Зайцева, непременно долженъ любить вѣрныя полемическія выраженія; но и тотъ выразился о полемическихъ статьяхъ «Современника», своего патрона, такимъ образомъ: «Перебранки, входящія до такихъ изумительныхъ непристойностей, составляющихъ главную и самую видную часть журналистики, свидѣтельствуютъ о плачевномъ состояніи литературы».

Послѣ такого отзыва, что остается намъ прибавить о *сорока* страницахъ непристойной брани, уже противъ насъ, а не противъ «Эпохи»? А вотъ что:

Вопервыхъ, отвѣту на эту брань мы не находимъ нужнымъ удѣлять болѣе страницки, или лоскутка пустой бумаги, которая останется за напечатаніемъ другихъ статей нашего журнала. Брань не стоитъ *большаго*. Мы знаемъ, что такое *Посторонній Сатирикъ* и какой кладезъ премудрости вроеся въ немъ; къ чему же мы будемъ наводить тоску на читателя, толпу съ нимъ о томъ, о чемъ уже толковали и перетолковали прежде?

Вовторыхъ, мы желаемъ дать совѣтъ «Современнику»—и имѣемъ право дать этотъ совѣтъ, потому что самъ «Современникъ» на *сорока* страницахъ разсѣялъ много совѣтовъ въ нашу пользу—мы обращаемся къ редакціи «Современника» такъ (*): зачѣмъ

(*) Въ томъ числѣ и г. Салтыкову, хотѣли мы сказать, но заглянувъ на послѣднюю страницку декабрьской книжки «Современника», увидѣли письмо г. Салтыкова, сухо-лаконическое, въ которомъ онъ наотрѣзъ отказывается отъ редакціи «Современника».

вы губите журналъ, пустивъ на свои страницы какого-то *Посторонняго критика*, который не можетъ сказать истины въ родѣ: «Современникъ» лучше всѣхъ журналовъ», безъ того, чтобы о такой высокой истинѣ не исписать полениги? Этакимъ полемикой не оживите журнала, когда въ немъ нѣтъ души, и не займете читателя, когда въ статьѣ одна поддѣлка подъ чужой юморъ. Брань и сильныя выраженія къ вамъ нейдутъ, потому что за вашею бранью не кроется ничего, никакой мысли, вамъ присущей. Вы поете съ чужаго голоса и чужую пѣсню. Рутинна *Посторонняго Сатирика* до того велика, что онъ даже въ размѣрѣ статей несамостоятеленъ. Здѣсь онъ слѣдуетъ примѣру автора «Полемиическихъ Красотъ», какъ въ своемъ насильно-выдавленномъ наборѣ словъ старается поддѣлаться подъ бойкую веселость Щедрина. Но авторъ «Полемиическихъ Красотъ» зналъ, когда нужно остановиться и о чемъ писать, а *Посторонній Сатирикъ* пишетъ обо всемъ, что бы ни попало подъ руку, стрижи—такъ объ стрижахъ, докторскій колпакъ—такъ о докторскомъ колпакѣ... и никогда не останавливается.

Вотъ почему мы не можемъ удѣлить на отвѣтъ вамъ болѣе страницъ въ нашемъ журналѣ — и мы полагаемъ, что этого довольно.

Что касается до нападковъ «Эпохи» на наши преобразования—нападковъ, о которыхъ мы слышали, но которыхъ еще не читали—то онѣ намъ были бы такъ же лестны, какъ и недобрые отзывы Современника, ибо тоже идутъ изъ вражескаго лагеря. Но, къ сожалѣнію, «Эпоха» издается «семействомъ», какъ сказано въ программѣ на 1865 годъ, а въ семьѣ не безъ уродов, то-есть не безъ исключенія. Тутъ ужь другія соображенія.

EN VENTE A LA LIBRAIRIE DE LA COUR IMPÉRIALE

S. DUFOUR.

Perspective de Neusky, au pont de Police

CATALOGUE

DES

NOUVEAUTÉS LITTÉRAIRES, HISTORIQUES ET SCIENTIFIQUES.

- L'IDÉE DE DIEU ET SES NOUVEAUX CRITIQUES**, par E. Caro.
1 vol in-8°. — Prix 2 r. 50 c.; franc de port 3 r.
- DICTIONNAIRE DES ARMÉES DE TERRE ET DE MER**, Encyclopédie militaire et maritime, par le comte de Chesnel, illustré de plus de 200 gravures au trait, de cartes et de planches. 2 forts vol. grand in-8°. — Prix franc de port.
- ALMANACH DE GOTHA POUR 1865**. Avec reliure en toile, prix 1 r. 60; franc de port 2 r. — Avec reliure en maroquin, 2 r. 80; franc de port 3 r.
- ALMANACH DE PARIS POUR 1865**. (Première Année). Annuaire général de diplomatie, de politique, d'histoire et de statistique pour tous les états du globe. 1 volume in-32 relié. — Prix 1 r. 75; franc de port 2 r.
- MÉDITATIONS SUR L'ESSENCE DE LA RELIGION CHRÉTIENNE**, par M. Guizot. 1 volume in-12. — Prix 1 r. 40; franc de port 2 r.
- L'ESPRIT DES BÊTES, LE MONDE DES OISEAUX**, ornithologie passionnelle, par Toussnel. Troisième édition entièrement revue, augmentée et ornée de figures. Première partie. 1 vol in-8°. — Prix 2 r.; franc de port 2 r. 40 c.
- CONNAISSANCE DES TEMPS ET DES MOUVEMENTS CÉLESTES**, à l'usage des astronomes et des navigateurs, pour l'an 1866. 1 fort vol. in-8°. — Prix 2 r. 50 c.; franc de port 3 r. 50 c.
- MINISTRE ET PAYSAN**, par Victor Thiéry. 1 volume in-12, orné d'une gravure. — Prix 1 r.; franc de port 1 r. 40 c.

- UNE VIE AVENTUREUSE**, par le Marquis de Foudras. 1 volume in-12, orné d'une gravure. — Prix 1 rouble; franc de port 1 r. 40 c.
- CROISIÈRES DE L'ALABAMA ET DU SUMTER**. Livre de bord et journal particulier du commandant R. Semmes. 1 vol. in-12 Prix 1 r. 40; franc de port 2 r.
- LE LION DU DÉSERT**, par Gustave Aimard. 1 vol in-12 orné d'une gravure. — Prix 1 r. 20; franc de port 1 r. 60 c.
- UNE AUTRE BICHE ANGLAISE**, histoire authentique d'Anonyma, avec son portrait photographié. 1 vol. in-12 prix 1 r.; franc de port 1 r. 40 c.
- CHRONIQUES DE L'OEIL-DE-BOEUF**, par Touchard-Lafosse. Séries 1 à 5. 5 vol. in-12 prix 5 r.; franc de port 6 r. 60 c.
- LES UNS ET LES AUTRES**, souvenirs contemporains, par Méry. 1 vol in-12 vol. in-12. — Prix 1 r.; franc de port 1 r. 40.
- HISTOIRES D'UNE MINUTE**, physionomies parisiennes, par Adrien Marx, avec une préface de Charles Monselet, et illustrées par Gustave Doré. 1 vol. in-12. Prix 1 r.; franc de port 1 r. 40.
- LE SENTIER AUX PEUNES**. Par Ch Paul de Kock. 1 volume orné d'une gravure. — Prix 1 r.; pour l'intérieur 1 r. 40 c.
- L'ÉCOLE**, par Jules Simon. 1 volume in-8°. — Prix 2 r.: pour l'intérieur 2 r. 80 c.
- DES FEMMES PAR UNE FEMME**, par M-me Dora D'istria. 2 volumes in-8°. — Prix 3 r. 50 cop., pour l'intérieur 4 r. 50 c.
- CORRESPONDANCE INÉDITE DE MARIE-ANTOINETTE**, publiée sur les documents originaux, par le comte P.-F. D'hunolstein. 3e édition, revue et augmentée 1 volume in-12. — Prix 2 roubles 45 cop.; pour l'intérieur, 3 roubles 25 cop.
-

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой
Морской № 10.

- КОНТСКІЙ. *Полная школа для фортепьяно* съ изложениемъ теоріи музыки, дополненная примѣрами изъ произведеній классическихкихъ композиторовъ, и руководствомъ къ изученію генерал-баса. Третье, передѣланное и умноженное изданіе (3 р.).
- БЕРНАРДЪ. *L'enfant pianiste*. Собраніе легкихъ пьесокъ для дѣтей, составленныхъ изъ любимыхъ мотивовъ съ цѣлю возбудить въ малюткахъ охоту къ музыкѣ; посвящается добрымъ матерямъ, которыя намѣрены сами учить своихъ дѣтей первымъ началамъ фортепьянной игры. Новое умноженное изданіе (1 р. 50 к.). — *Ежедневныя упражненія*. (Exercices journaliers). Продолженіе къ «Собранію легкихъ пьесокъ для дѣтей» (1 р. 50 к.).
- КOEHLER. Die ersten Études für jeden Clavierschüler. — *Первыя упражненія* для учащихся на фортепьяно, какъ техническое основаніе виртуозности. Приняты въ руководство консерваторіями въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ и С.-Петербургѣ (1 р. 30 к.).
- КИНДИНГЕРЪ. *Фортепьянныя прелюдіи* для аматеровъ, какъ вступленія къ пьесамъ (1 р.).

Для фортепьяно:

- АВТ. Polka-mazurka brillante (60 к.). Doux souvenir. Tyrolienne (60 к.). Il sogno. Célèbre valse chantée par m-me Nantier-Didiée (85 к.).
- BADARZEWSKA. Sympathie. Mélodie italienne (60 к.). L'espérance. Méditation (60 к.).
- BEHR. Fleur du souvenir. Mélodie (50 к.).
- BERENS. Luna. Nocturne (40 к.).
- BERNARD. Pensée fugitive (50 к.). Elégie sur la mort d'un jeune héros (50 к.). Воспоминаніе о Малороссіи. Souvenir de la Petite-Russie. Pièce fantastique (85 к.).
- *Альбомъ самыхъ любимыхъ русскихъ романсовъ* Алябьева, Булахова, Варламова, Глявни, Гурилева, Даргомыжскаго, княгини Кочубей, Контскаго, Пауфлера, Титова, Яковлева и

- других переложенных для одного фортепиано. Тетр. 6-я (1 р.). Прежде вышедши пять тетрадей (каждая 1 р.).
- BEYER. Petites fantaisies sur: Stradella (60 к.). La Traviata (60 к.). Martha (60 к.).
- БЕЗУГЛЫЙ. Сочинения: Конашевичъ Сагайдачный. Баллада (1 р. 50 к.). Украинская колыбельная пѣсня (1 р.). Баряновъ. Элегія (60 к.). Маршъ на смерть Т. Шевченко (50 к.).
- BLUMENTHAL. La Petite Russie. Mélodie des bohémiens russes (75 к.).
- CLARK. La reconnaissance. Nocturne (60 к.).
- EGGHARD. La gracieuse. Pièce de salon (60 к.). Il bacio d'Arditi. Valse brillante (75 к.). La pauvre orphéline. Rêverie (60 к.). Ma bonne amie. Pièce élégante (40 к.).
- EYLANDT. La consolation. Valse brillante (75 к.). L'invitation à la polka (30 к.). Rose et blanche. Deux valse sympathiques (75 к.). Trois mazurkas (60 к.). Oremus. Нумме sans paroles (75 к.).
- CHOPIN. Chant du tombeau (75 к.).
- GOUNOD. Célèbre valse de l'opéra Faust (75 к.).
- GRETSCHER. Les plaisirs en Suisse. Morceau caractéristique (75 к.).

Выписывающіе потъ на сумму не менѣ трехъ руб. сер., получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуясь означенною уступкою, кромя того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, къмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го января первая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллестъ» (годъ XXVI), содержащая въ себѣ: *Kuhle*, *Vacchanale—Spindler*, *Sérénade espagnole—Koutski*, *Polka di bravura—Richards*, *Air célèbre anglais—Egghard*, *Tyrolienne—Bernard*, *Dagmar-Quadrille—Katzau*, *Polka viennoise—двѣ легкія пьесы для дѣтѣй—Булахова*, *Простѣ! Романсъ—Шубертъ*. Букетъ изъ русскихъ пѣсень. Попурри въ четыре руки—литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.).

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *рояли, скрипки, флейты, гармонифлейты, гитары, смычки, метрономы* и проч. во весьма умѣренномъ цѣнахъ.

Дено лучшихъ итальянскихъ струнъ.

Н Е Д А В Н Е Е.

РОМАНЪ.

Окончаніе первой части.

III.

По случаю пріѣзда дорогихъ гостей, Аграфена Петровна не сѣла за работу, но водворилась въ вреслахъ у большого дивана. Черемышевъ, во всемъ домѣ находившій только одно удобное мѣсто, на этомъ диванѣ, поцеремонился-было занять его, но поцеремонился только для вида: Аграфена Петровна упросила его располагаться какъ ему удобно, хоть прилечь, если ему угодно. Черемышевъ, однако, не прилегъ. Ему подали зажевленную свѣчу и пепельницу для сигары, и эта свѣча горѣла передъ нимъ все утро. Зинаида Сергѣевна вышивала сонетку по кантѣ; Надежда Сергѣевна взялась размотать для нея шерсть. Всѣ были пристроены къ мѣсту, кромѣ Боровицкаго, который не находилъ ни мѣста, ни занятія, бродилъ отъ общаго кружка къ балкону, въ цвѣтникъ къ дѣтямъ, присаживался на минуту, и вообще велъ себя какъ человѣкъ неловкій.

Семейство разговаривало. Аграфена Петровна была особенно любезна.

— Зина говорила, вы великолѣпный балъ давали, сказала Надежда Сергѣевна Черемышеву.

— Да-съ. Это по окончаніи выборовъ, на святкахъ. Надо было отблагодарить дворянство.

— Конечно, какъ же не отблагодарить, подтвердила Аграфена Петровна: — вѣдь все бѣлыми шарами?

— Почти-съ. Только четырнадцать было неизбирательныхъ. Вѣдоспицына шары, его партіи. Ему самому хотѣлось въ предводителѣ.

— Какъ это людямъ въ голову входитъ! сказала Аграфена Петровна: — ничтожность какая-нибудь, и та воображаетъ о себѣ богъ-знаеть что, туда же лѣзеть...

— И сколько онъ неприятностей надѣлалъ, сказала Зинаида Сергѣевна: — я была на хорахъ, въ собраніи, видѣла эту исторію.

— Ты была на выборахъ? спросила Надежда Сергѣевна: — я тебя понимаю! я бы тоже не могла быть покойна дома, между тѣмъ какъ тамъ рѣшалась участь... всего...

— Ужъ какъ тамъ кричали, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Да-съ, жаркіе были выборы, прибавилъ Черемшневъ.

— А у тебя сердце дрожало, дрожало, Зиночка?

Черемшневъ обидѣлся.

— Чего жъ было ея сердцу дрожать? возразилъ онъ:—заранѣе было извѣстно. Всѣ предварительно совѣщались. Обѣды были во всѣхъ уѣздахъ, поодиночкѣ. У меня были обѣды, я за всѣмъ слѣдилъ... Еслибы не Вѣлосницына интриги, на тарелкѣ бы шармъ поднесли...

— И кого же выбрать, кромѣ его? сказала Зинаида Сергѣевна.

— Нѣтъ, Зина, не знаешь... я не могла бы быть покойна, все-таки; ну, еслибы чтонибудь не такъ... Еслибы мой мужъ былъ въ такомъ положеніи, что, вотъ, его избираютъ на такой постъ...

Аграфена Петровна посмотрѣла на нее съ глубочайшимъ сожалѣніемъ.

— Право, пашан, я не знаю... это такая тревога...

— Успокойся, Нади, сказалъ смѣясь Боровицкій:—по всей вѣроятности, твой мужъ никогда не доставитъ тебѣ такой тревоги.

— Почему же это? спросила Аграфена Петровна, покраснѣвъ.

— Потому, отвѣчалъ равнодушно Боровицкій:—что выбирать-ся не буду.

— Почему же не будете? повторила Аграфена Петровна, между тѣмъ какъ Зинаида Сергѣевна внимательно наклонилась къ своей работѣ, а ея мужъ особенно величаво покачивалъ ногою, какъ люди желающіе показать, будто не замѣчаютъ, что кругомъ происходятъ.

— Во что же мнѣ выбираться? въ становые какіе-нибудь? возразилъ ужъ довольно горячо Боровицкій.

— Почему же непременно въ становые?

— Но во что же еще?

— А послужить бы не мѣшало, замѣтилъ Черемшневъ, ничего не думая, а такъ, въ видѣ сентенціи.

— Помилуйте, но чѣмъ же? возразилъ Боровицкій: — судья долженъ быть человекъ въ лѣтахъ: мнѣ всего тридцатый годъ; въ исправникъ пойти—я ни воровать, ни драться не умѣю...

Аграфена Петровна была вся пунцовая; Надежда Сергѣевна взглянула на мужа со страхомъ и упрекомъ; Черемышевъ положительно обидѣлся:

— Вѣдь исправниковъ, братецъ, выбираетъ дворянство, отвѣчалъ онъ такъ величественно, что даже приподнял съ галстука свой подбородокъ: — какое жь твое понятіе о дворянствѣ, послѣ этого?

— Мое понятіе? какое хотите... Мое мнѣніе о дворянствѣ самое лестное, но сами согласитесь, Петръ Ивановичъ, что жь это? должность испорчена; кто на нее попалъ, тотъ непременно мошенничаетъ: сдѣлка съ откупщиками, съ помѣщиковъ взятки, съ крестьянъ то же... все это грабить, грабить и дѣлится...

— Это, братецъ, не понятіе о дворянствѣ, не понятіе! повторилъ Черемышевъ.

— Я выросъ въ такихъ понятіяхъ, прервалъ Боровицкій:—не могу же я думать иначе! Я самъ бывалъ свидѣтелемъ... Да на что вамъ лучше, вотъ примѣръ: къ дядѣ моему Зерновичу... Человекъ всѣми уважаемый, заслуженный, съ звѣздой! Я былъ у него на святкахъ однажды въ деревнѣ; наѣхалъ исправникъ. Изъ-за мостышка какого-то, изъ подводъ, что-ли, не помню. Дядя не могъ быть неправъ, вы это сами понимаете. Исправнику содрать хотѣлось, ну, непременно! Какъ, съ миліонера пропустить такую оказію!... Кончились толки, онъ простился, ушелъ и сѣлъ въ лакейской. Сидитъ. Въ шубѣ. Лошади его бубенчиками звенять у крыльца; сидитъ, не уѣзжаетъ, покуда догадались чего онъ ждетъ, скалились, гадко стало, выслали ему изъ конторы цѣлковыхъ десять, что ли... Какъ же вы хотите, чтобы я не презиралъ этихъ людей? Вѣдь еслибы я родился, воспитался въ глуши, въ губерніи какойнибудь, я бы съ дѣтства привыкъ какънибудь иначе это понимать, но я, и всѣ мои родные... Мои родные не пускали этого народа дальше своей зальной притолки!

— Знаемъ-съ, аристократы, произнесъ Черемышевъ, улыбаясь, но покашливая, должно быть, опасно, потому что на него оглянулась даже его жена.—Какъ же, послѣ этого, братецъ, ты сейчасъ говорилъ, что тебѣ идти развѣ въ станомые? Вѣдь это ужь еще презрѣннѣе? Ты сейчасъ говорилъ.

— Говорилъ—такъ. Говорилъ, чтобы доказать, вотъ, ей (Боровицкій указалъ на жену) и матушкѣ, что службн для меня нѣтъ. И онѣ сами, спросите ихъ, задотятъ-ли онѣ для меня маленькой службн? Нѣтъ, тоже. На это есть свое достоинство. А предводителемъ я быть не могу: мнѣ дворянъ нечѣмъ кормить, кармакъ не позволяетъ... У васъ есть полторы тысячи душъ, васъ и выбрали, а будь у Бѣлосницина побольше или хоть столько же, вамъ бы черняковъ наложили!

Надежда Сергѣевна оледенѣла. Нѣсколько минутъ продолжалось очень неловкое молчаніе. Черемышевъ откашлился.

— Софи! кликнулъ онъ.

— Что вамъ, другъ мой? сказала Аграфена Петровна.

— Софи! повторилъ Черемышевъ.

— Что тебѣ угодно, Пьеръ? спросила, вставая, Зинаида Сергѣевна.

— Человѣка позвать.

— Да гдѣ же звонокъ? гдѣ же мой звонокъ, гонгъ? повторила Аграфена Петровна: — зачѣмъ же его унесли?

— Я принесу... сказала ни живая, ни мертвая Надежда Сергѣевна и пошла.

— Человѣкъ! кликнулъ Боровицкій въ дверяхъ залы, куда и скрылся.

Прибѣжалъ лакей.

— Сигару мнѣ, произнесъ Черемышевъ, неподвижный среди волненій.

По всему дому раздавался звонъ, который подняла Надежда Сергѣевна, чтобы созвать прислугу. Одинъ за другимъ прибѣжали еще два лакея.

— Ничего, братецъ, не нужно, говорилъ имъ Черемышевъ.

— Ничего не нужно! Что это вы всѣ сбѣжались? говорила Аграфена Петровна.

— Подняли ихъ! замѣтилъ Черемышевъ, улыбувшись, что, въ самомъ дѣлѣ, равнялось лучу солнца послѣ бури.

Боровицкій и Надежда Сергѣевна не возвращались.

— Зятѣкъ у васъ, произнесъ Черемышевъ, послѣ минутнаго молчанія, откашливаясь.

Аграфена Петровна вздохнула.

— Романическая голова — Надежда Сергѣевна! продолжалъ Черемышевъ и ужъ совсѣмъ смѣялся.

— Да! отвѣчала порывисто Аграфена Петровна:— вотъ, другъ мой, вы сами видите — вотъ, семь лѣтъ тѣтъ!

— Горячь-съ. И горячку какую пореть, ай-ай!

— Пьеръ, замѣтила ему жена.

— Да что же, матушка, я всегда готовъ сказать: вѣдь это въ сумасшедшій домъ на цѣль годится, а не въ благородное общество куда нибудь. Что онъ въ глаза, да въ глаза своей знатной родней? Знатная родня держала его до совершеннолѣтїа, а тамъ поклонилась ему, знать его не хочетъ. Вѣдь что же, въ двадцать лѣтъ какихъ нибудь пустили малаго безъ гроша на всѣ четыре стороны. Все, что сдѣлали своей протекціей, прислали его въ Н. чиновникомъ къ губернатору. Пожалуй, и почетно. Но самъ-то онъ что? Развѣ онъ смыслилъ что нибудь? Что онъ понималъ? И служилъ глупо, и женился глупо...

— Пьеръ!...

— И живетъ глупо!... Извините меня, маменька, докончилъ Черемшневъ, обратясь къ тѣщѣ: — не выдержалъ!

— Вполнѣ извиняю! Не выдержишь! отвѣчала Аграфена Петровна и прослезилась.

— А все вы, маменька, дочкѣ волю дали, я правду скажу! Ты, Зинаида Сергѣевна, мнѣ знаковъ не дѣлай. Затѣмъ у васъ баклуши бьютъ — вотъ что... Я свое мнѣніе высказалъ; теперь вы извольте ваше.

— Мое мнѣніе, другъ мой, сказала Аграфена Петровна:— что это — несчастіе!

— Ну-съ, такое мнѣніе, извините меня, еще не богъ-знаетъ что. Вы ему дали довѣренность управлять имѣніемъ?

— Нѣтъ, не давала.

— А то, я думаю... Такой агрономъ, какъ же!

Черемшневъ расхохотался.

— Пьеръ! повторила его жена.

— Я, мой другъ, и безъ того въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, сказала Аграфена Петровна:— мнѣ въ пору только самой управлять. Имѣніе, вы знаете — заложенное. Я не могла внести и процентовъ... Не знаю, что буду дѣлать. Срокъ вотъ въ сентябрѣ.

— Но вы можете внести проценты, маменька, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Откуда ихъ взять, мой другъ? Ты видишь — средства. Я безъ копейки.

— Это очень жаль...

Черемшневъ кашлянулъ, Зинаида Сергѣевна замолчала.

— Опишутъ да продадутъ! продолжала Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, какъ можно! сказала Зинаида Сергѣевна.

— Почему же нельзя? законъ прямо говоритъ, виѣшались Черемшневъ, очень спокойно.

— Нѣтъ, Пьеръ... Нельзя ли это какъ нибудь сдѣлать?...

— Что сдѣлать? Внести надо.

Аграфена Петровна смотрѣла съ ожиданіемъ.

— Нѣтъ, Пьеръ... я не говорю внести, но попросить...

— Кого же это попросить?

— Вѣдь это отъ губернатора зависитъ?

— Ну-съ, отъ губернатора. Дальше-съ?

— Вы, мой другъ, хороши съ губернаторомъ, прибавила Аграфена Петровна.

— Это не въ моихъ правилахъ-съ. Законъ.

— Да, Пьеръ, но если его попросить? Онъ, по крайней мѣрѣ, не велитъ описывать. Знаешь, будто забыли...

— Да, будто забыли! повторила Аграфена Петровна.

— Я о такихъ вещахъ просить не могу, отвѣчалъ хладнокровно Черемшневъ: — это дамскіе толки, дамскія просьбы.

— Такъ я ему скажу! подхватила Зинаида Сергѣевна.

— Какъ знаешь, отвѣчалъ мужъ.

— Знаешь, Пьеръ, онъ будетъ радъ для меня сдѣлать. Онъ всегда разсыпается передо мной на всѣ угожденія...

— Ты меня, знаешь, какъ... воскреснишь! воскликнула Аграфена Петровна, простирая къ ней объятія.

— Если только удастся, маменька.

— Тебѣ все должно удаваться, возразила съ умилченіемъ Аграфена Петровна и обратилась къ зятю: — а, другъ мой, принимаяю это все равно, какъ отъ васъ.

— Я не мѣшаюсь-съ; дамскія дѣла, отвѣчалъ Черемшневъ.

— Вамъ, мой другъ, я понимаю, неловко, отношенія ваши не тѣ... И вамъ грустно, вамъ до сердца больно, что мать вашей жены въ такомъ положеніи, въ нищенскомъ, можно сказать, доведена... Это я понимаю; вамъ, въ вашемъ званіи, тяжело выразить, но она, какъ дочь, можетъ умолить за мать...

Аграфена Петровна всхлипывала. Черемшневъ закачалъ ногою.

— А я думаю, часъ четвертый есть, сказалъ онъ.

— Четыре, сказала Зинаида Сергѣевна, взглянувъ на свои часы: — развѣ твои стали, Пьеръ?

Черемшину не хотѣлось безпикнуть, доставать ихъ изъ кармана. Зато Аграфена Петровна подлюбопытствовала посмотреть часы дочери, изъ синей эмали съ брильянтами.

— И все его подарокъ? шепнула она, умилъно показавъ головой на зятя: — бабовникъ!

— Я ихъ всѣхъ въ часы нарядилъ, отвѣчалъ Черемшевъ: — ее, дѣтей, ш-ше Луаро, всѣхъ, однимъ почеркомъ. Она не дастъ дѣтямъ носить.

— Сломають, возразила Зинаида Сергѣевна.

— Чтò ты, мой другъ, Зиночка, не ломають! они у тебя такі миленькія. Я вотъ чтò, мой другъ, хотѣла тебѣ сказать... Конечно, на то твоя воля, твое прекрасное сердце. Ты Машенькѣ вонтичекъ привезла. Къ чему, душа моя? Еслибы эта дѣвочка росла какъ слѣдуетъ, какъ твои дѣти, какъ вы у меня росли — другое дѣло. Она твой подарокъ по избамъ истаскаеть; вѣдь она отъ кормилицы своей не выходитъ. Чтò это за воспитаніе: она съ тобой даже не поздоровалась сегодня; вѣдь нѣтъ?

Зинаида Сергѣевна потупилась: она не находила этому оправданія.

— Чтò увидеть изъ этой дѣвочки? продолжала Аграфена Петровна: — точно крестьянскій мальчишка, сильная какал, ужъ Богъ ее знаетъ. Тотъ... отецъ возится съ цвѣтами; она ему землю, песокъ таскаетъ; лейку вотъ этакую подхватить, несетъ, вся водой обольется. Право, другой порядочный ребѣнокъ скарлатину бы схватилъ, а этой все ничего. Такъ, ужъ!...

Аграфена Петровна махнула рукой.

— Да-съ, неприятно, замѣтилъ Черемшевъ.

— Я, мой другъ, и не виѣшиваюсь; это ужъ матери дѣло! А Надежда Сергѣевна до сихъ поръ — вы справедливо сказали — безумная. Все любовью! Еще благодареніе Богу, что одна у нихъ, эта Машенька; будь больше — скажите на-милость, куда бы при мошѣ средствахъ съ ними дѣваться?

— Кажется, Григорью Николаичу достался недавно капиталъ? сказала Зинаида Сергѣевна.

— Да, по смерти Зерновича, двадцать тысячъ.

— Серебромъ? произнесъ Черемшевъ, начиная дрожать отъ холода.

— Ассигнаціями, мой другъ, куда серебромъ! И еще въ ломъ

бардѣ съ правомъ пользоваться только процентами; сами сочтите, что тутъ, много ли?

— Все-таки-съ, годится. Я не зналъ, что вамъ бланкетъ такая. Зинаида Сергѣевна мнѣ не связывала.

— Да сказывать-то нечего, другъ мой, ушло отвѣчалъ Аграфена Петровна:— я этихъ денегъ не вижу. Вошь онъ, надуваетъ себя вздоровъ, полубуйтесь; луковницы выписываетъ, крапки себѣ, холсты; въ кабинетѣ у него видѣли?

— Видѣлъ-съ. Художникъ, агрономъ, астрономъ и гастрономъ, отвѣчалъ Черемышевъ.

— Я пойду, сказала, поднимаясь, Аграфена Петровна. — Въ которомъ часу вы кушаете, друзья мои?

— Ахъ, маменька, не безпокойтесь, какъ вамъ угодно, возразила Зинаида Петровна.

— Нѣтъ, отчего же, душа моя... Я сейчасъ.

Аграфена Петровна ушла.

— Семейка благословенная! сказалъ Черемышевъ, посидѣвъ и постучавъ немного, молча. — Ты, матушка, пожалуйста, разнижь щедростей тутъ не разсыпай. Маменька твоя — бездонная кадка. Сама имѣние ухлопала, осталась съ одной своей Лоскутовщиной, да плачется. Кто ее неволилъ въ городѣ жить, шныри задавать! Вечеръ не вечеръ, обѣдъ не обѣдъ, да трапки ваши! видите: васъ вывозила, замужъ выдавала! А теперь съ зятьевъ думаетъ взять... Этотъ дуралей видно еще несовсѣмъ глупъ. Я бы на его мѣстѣ самъ то же дѣлалъ; онъ малярничаетъ, а я бы на свѣчкѣ деньги сжегъ, коли на то пошло, а ужъ ей отдать — не почтеніе! Взяла зятя безъ сюртука на прокормежку, ну, и корми.

— Я тебя хотѣла попросить, Пьерочка, сказала Зинаида Сергѣевна: — пожалуйста, ты съ нимъ какъ нибудь... что, неприятности... Мнѣ для сестры...

— А, матушка, стану я съ вадорнымъ связываться! ври онъ что хочетъ на вѣтеръ, мнѣ-те что? Ты только, сдѣлавъ видъ, не очень тутъ обаявай. Вошь, обѣщалась Василья Васильича просить. Это для чего? Губернская предводительница просить будетъ, чтобъ ее маменьку изъ дома помешать не выгнала! Да ты понимаешь ли, что это мнѣ въ глазахъ всего дворянства...

— Я ничего не скажу, Пьерочка.

— Ну, то-то. Она бы, маменька твоя, зятя своего возлюбленнаго заставила, тѣ деньги что онъ метаетъ — взять да внести.

Чего она съ нимъ любезничаетъ? Вотъ ей плательщикъ. А она все къ тебѣ да ко мнѣ.

— Знаешь, въ самомъ дѣлѣ, я переговорю съ Григориемъ Николаичемъ; я ему посоветую, какъ ты сейчасъ сказалъ...

— Это какъ себѣ знаешь.

Зинаида Сергѣевна подаловала мужа. Вошла m-lle Луаро и всѣ три дѣвочки.

— Ну-съ, что подѣлывали? comment est-ce que vous vous amusez? спросилъ Черемышевъ.

— Мы у нихъ въ комнатѣ были, отвѣчала Маша.

— Et vous ne pouvez pas en français répondre? Et dans la chambre qu'est-ce que vous avez fait?

— J'ai fait voir à mes cousines les gravures de l'édition «la Galerie impérienne», отвѣчала Маша, твердо и смѣло произнося такое *r* съ замѣточкомъ, какое не удавалось и m-lle Луаро, почему Черемышевъ тотчасъ перемѣнилъ діалектъ.

— Ну, что жъ тамъ, картинки, моды, офицеры? хорошо?

Маша посмотрѣла на него, вдругъ сконфузилась, примѣтя пристальный взглядъ тѣти и ничего не сказала.

— Переодѣньте же ихъ въ обѣду; скоро обѣдъ, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Oui, madame, отвѣчала m-lle Луаро, уводя своихъ.

Черемышевъ и Зинаида Сергѣевна остались опять одни, потому что Маша убѣжала на балконъ; было слышно, какъ она сликала: «гулинька, гуль-гуль», бросая голубямъ хлѣбъ, который доставала изъ кармана.

Аграфена Петровна возвратилась оживленная; румянецъ на ея щекахъ изобличалъ волненіе; усѣвшись, она нѣсколько минутъ съ трудомъ переводила дыханіе, стараясь дѣлать это какъ можно мѣтѣ замѣтно. Черемышевъ улыбнулся и закачалъ ногою, Зинаида Сергѣевна работала.

— Кто жѣ у васъ въ N. особенно на счету красавица? спросила Аграфена Петровна, желая доказать свѣтскимъ вопросомъ, что ее ничто не озабочиваетъ.

Зинаида Сергѣевна начала рассказывать о п—скихъ красавицахъ и ихъ нарядяхъ. На этотъ разговоръ пришла и Надежда Сергѣевна, тоже взволнованная и оторопѣлая. Въ загѣ между тѣмъ стучали посудой, столами и стульями. Одну минуту раздался такой страшный трескъ, что Аграфена Петровна вострепе-

нугась, несмотря на старанія казаться равнодушной, и бросила испуганный взоръ Надеждѣ Сергѣевнѣ. Та ужъ вставала.

— Ничего-съ; дреколія уронили, замѣтилъ успокоительно Черемшневъ:—ножи и вилки; я по слуху узналъ. Прислуга у васъ ловкая.

Боровницкій пришелъ за нѣсколько минутъ до доклада объ обѣдѣ. Маша, увидя его, прибѣжала съ балкона, но отецъ былъ не въ духѣ, не обращалъ на нее вниманія и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. Онъ замѣтно повеселѣлъ только тогда, когда, поднимаясь съ мѣста вслѣдъ за дамами, Черемшневъ сказывалъ ему:

— Ну, вотъ, теперь не мѣшаетъ водочки, а то *тсссс* подчинвали меня спозаранку.

Столъ постарались убрать съ разными украшениями: на немъ возвышались двѣ довольно древнія стеклянныя вазы съ малиной и клубничкой и три большіе букета цвѣтовъ. Маша ахнула на такое невиданное великолѣпіе.

— Папа, что это? закричала она:—ахъ, папа, всѣ цвѣточки порвали! ахъ, папа, какая жалость! тамъ ужъ ничего не осталось! Зачѣмъ это, папа?

Боровницкій не слушалъ ее, хлопота угощать Черемшневу закуской. Аграфена Петровна съ горестью подслушала, что Зянанда Сергѣевна приказала m-ле Луаро не давать чего-то дѣтямъ, и когда дѣти попросили, гувернантка возразила довольно громко:

— Маменька сказала, что это гадость; у васъ животъ будетъ болѣть.

— Мама, зачѣмъ порвали всѣ цвѣты? приставала Маша къ своей матери.

Бабушка вышла изъ терпѣнія.

— Я тебя безъ обѣда оставляю! вскричала она.

За столъ, наконецъ, сѣли. Маша подлѣ отца и какъ разъ напротивъ одного изъ букетовъ. Она не могла больше выдержать, и тихія слезы полились на ея маленькую грудь и на край тарелки съ супомъ, къ которому она не прикоснулась. Отецъ взглянулъ на нее и не могъ взглянуть строго; онъ взялъ ея худенькую ручонку и сказалъ ласково:

— Кушай же, Машурка.

Ей было этого довольно; она прижалась губами къ его рукѣ, вся дрожа и, вдругъ повеселѣвъ, взялась за ложку. Къ счастью,

ей «капризовъ» не видали мать и бабушка, занятая гостями, но и веселье пришло къ ней не въ добрый часъ. Напротивъ нея сидѣлъ Черемышевъ; чтобъ не утруждать себя, наклонясь, онъ кушалъ, держа тарелку у себя подъ бороδοю, предварительно разстлавъ салфетку по всей своей особѣ. Машѣ, послѣ слезъ, захотѣлось хохотать; она удержалась отъ страха; но между тѣмъ какъ рядомъ съ нею кузина Жюли кушала чинно, чисто, забывая все въ мирѣ, кромѣ сухариковъ, которые усердно ловила, Маша, заглядѣвшись на дадошку, облилась супомъ.

— Prenez garde à votre robe! вскричала m-ле Дуаро, сидѣвшая подлѣ Жюли, между своими воспитанницами:—платье, платье замараеет!

На Жюли было платье изъ голубаго пудесуа, еще лучше тѣмъ утреннее. Губернантка тщательно закрыла его салфеткой, а со стороны Маши даже подвернула.

Кромѣ этого обстоятельства, обѣдъ шелъ благополучно. Или онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, недуренъ (за него заплатило жизнью многое лучшее, сберегавшееся «на племя» въ Надеждинскомъ), или Черемышевъ былъ слишкомъ голоденъ. Онъ ничего не говорилъ, только кушалъ, отпиваясь водою.

— Не взмните, вино — какое есть, сказалъ Боровицкій, довольный довольствомъ гостя и протягивая къ нему бутылку.

— Ненадо, братецъ... не пью... запрещено мнѣ... промолвилъ Черемышевъ.

Боровицкій боялся, что разговаривать было бы даже нежелательно; ему пришло на мысль, что подчивать гостя кушаньемъ—нежелательность еще большая, даже игра опасностью—и онъ съ невольнымъ страхомъ взглядывалъ на свою жену, которая подкладывала дорогому гостю то иррожекъ особенно аппетитнаго вида, то кусочекъ номириѣ. У Боровицкаго самого прошла охота ѣсть отъ безпокойства. Къ концу обѣда, когда Черемышевъ, почти лгловый, сплалъ себя черезъ край полгоразны клубники, а Надежда Сергѣевна любовно выликала въ нее кузининъ слижокъ, Боровицкій былъ готовъ остановить ихъ, но, конечно, не сдѣлалъ этого. Его безпокойство замѣнилось самымъ искреннимъ удовольствіемъ, когда, вставъ изъ-за стола, на опасеніе Аграфини Петровны, что «дорогіе гости вовсе, вовсе голоданъ», Черемышевъ преговорилъ:

— Помилуйте, на убой! и нашель силы спросить, ображася

въ Боровницкому и покажь ему руку: — это ты, братецъ, заказывалъ?

— Я, отвѣчалъ Боровницкій.

— Мастеръ. Знаешь, надо умѣнье составить, вотъ, этакое, лѣтнее меню... легкое, все легкое, знаешь, а между тѣмъ пріятное, очень пріятное.

— Я очень радъ, Петръ Ивановичъ.

— Ты мнѣ записку дай, братецъ, какъ у тебя зелень готовить, легкомы... очень хорошо! Знаешь, въ эти бы грибы, да сыру, а тебѣ скажу, пальцы оближешь!

— Это можно попробовать, Петръ Ивановичъ.

— Завтра, братецъ, попробуемъ, испытаемъ. Это мнѣ вдругъ, сейчасъ, внезапная идея...

— Какал это идея? спросила подхода Надежда Сергѣевна.

— О грибахъ-съ, отвѣчалъ Черемнишевъ: — а вы думали, какал? Мы, вотъ, съ нимъ люди положительныя, существенное разсчитываемъ, а не мечты. Гдѣ намъ!... Я, вотъ, привыкъ послѣ обѣда заняться...

— Неужели заниматься? спросилъ Боровницкій.

— То-есть, какъ, понимаешь, я беру газету...

— Газеты, кажется, привезли... Привезли съ паневской станціи газеты? спросилъ Боровницкій, засуетясь.

— Э, нѣтъ, братецъ, на что эту дребедень! У меня газета — предлогъ. Совѣтъ на боковую запрещено итти; я сижу въ кресла, и, знаешь, будто занятъ, а между тѣмъ слегка забудусь, такъ, слегка, минуточку... Я къ тебѣ въ кабинетъ пойду.

Водворивъ Черемнишева въ длинныя вресла въ кабинетъ, Боровницкій веротался узнать, что дѣлалъ другія. Аграфона Петровна и обѣ сестры, въ гостиной, тихо и даже таинственно разговаривали. Дѣтя Черемнишева ушли въ аллею съ гувернанткой. Маму Боровницкій нашель одну въ ея комнатѣ. Она была наказана за свои проступленія во время обѣда, и, пока замывали и гладили ея платье, стояла въ углу, въ одной юбчкѣ. Боровницкій сразу вдругъ почему-то сдѣлался недоволенъ дочерью, прочелъ ей мораль, что она ведетъ себя неприлично, что она нелюдима-дизарка, отобралъ у нея тетрадь гравюръ и приказалъ, чтобъ она, какъ только се одѣнуть, сейчасъ ила въ аллею и непремѣнно играла съ кузними.

— Кузини такія миленькія, тѣтка такал добрал, дѣтя такал

славный, а эта дѣвчонка, точно крестьянская, причесана, голубей полагать, пачкается... богъ-знаеть, что такое.

— Ну, папа, ужь богъ-знаеть, что съ тобой! отвѣчала ему вслѣдъ Маша, вслухъ, но вовсе не подѣтски.

IV.

Почти въ такомъ порядкѣ прошло еще два дня. Черемшшевы, казалось, чувствовали себя очень неудобно, очень стѣснялись, очень переиѣняли свои привычки, но снзавъ, что пробудутъ у маменьки пять дней, добросовѣстно проживали эти пять дней. Ихъ положеніе искренно огорчало хозяйку. Аграфена Петровна, вставая рано (привычка, которой она измѣнила только въ первый день, и, въ самомъ дѣлѣ, ради важности), приходила навѣстить Зинаиду Сергѣевну въ постели. Взглядывая на громадный каретный сундукъ съ нарядами предводительши, стоявшій поперегъ корридора, на все накрахмаленное, кружевное, шелковое, что, за отсутствіемъ гардеробнаго шкафа, пряталось опять въ этотъ сундукъ, Аграфена Петровна вздыхала и произносила: «Ахъ ты, Господи Боже мой!» съ такой злобой, какъ будто все было виновато: стѣны дома — зачѣмъ не раздвигались просторѣе, природа — почему внезапно не творила готовыхъ шкафовъ, люди — неизвѣстно чѣмъ, но люди оказывались всѣхъ виноватѣе.

— Наказаніе божіе! восклицала она при видѣ всякаго домашняго, какъ-бы полезно или невинно ни былъ занятъ этотъ домашній.

Въ теченіе этихъ двухъ дней, два раза предъ обѣдомъ, Аграфена Петровна удалялась къ себѣ въ комнату и плакала.

Зинаида Сергѣевна зашла къ ней, но, увидя слезы, не сконфузилась, а только спросила:

— Что вы, маменька?

— Тамъ, мой другъ, грустно мнѣ! отвѣчала Аграфена Петровна:— вы у меня хуже чѣмъ въ какой харчевнѣ; еслибы вы у дворника какаго-нибудь остановились, у старосты—вонъ у кормилицына мужа (ему Григорій Николаичъ на святой подарилъ избу новую!...)—вамъ-бы покойнѣе было!...

И она зарыдала.

— Намъ, маменька, очень хорошо...

— Я знаю твое благородное сердце, другъ мой. Ты и въ дѣлушкахъ была, ничѣмъ меня не огорчала, все умѣла скрыть...

Ты, мой ангелъ Зиночка, ни конейки мнѣ не стоила, не то, что... Вотъ, Надежда Сергѣевна, десять лѣтъ а ее по собраніямъ таскала! Нашла себѣ сокровище, повѣсилась на шею... или мнѣ петлю на шею навинула!

Зинаида Сергѣевна, съ ея прелестной полнотою, восхитительнымъ цвѣтомъ лица, отличнымъ здоровьемъ и правильнымъ возрѣніемъ на жизнь, не находила нисколько трогательными подобныя волненія, хотя признавала ихъ непреложность въ семейной жизни и не отрицала ихъ занимательности. Она знала, что по закону природы, у тѣщи должны быть непріятности съ зятями, а потому приняла слезы тѣщи о порокахъ зятя спокойно, какъ обыкновенное явленіе. Она ограничилась тѣмъ, что дала себя обнять, ловко откинувъ изъ-подъ слезъ розовыя ленты своего чепчика.

— Добрый мой, кроткій ангелъ! произнесла Аграфена Цетровна:— жить-то мнѣ чѣмъ. Ты это скажи, это разсуди! Вонъ, онъ кричитъ, что будетъ дочь свою учить музыкѣ! видите—замѣтилъ способности! — Какія такія у нея могутъ быть способности? Зинаида!... Хочетъ нанять себѣ въ камердинеры человѣка Деситовыхъ, который былъ капельмейстеромъ, чтобъ тотъ ее училъ... Господи Боже! у Григорія Николаича будетъ особый камердинеръ! Я тутъ изъ послѣдняго бьюсь, хлѣба нѣтъ, мяса нѣтъ къ столу—а у него камердинеръ съ щипцами завивать его будетъ!..

Зинаида Сергѣевна воспользовалась первымъ предложеньемъ, чтобы уйти. Но семейная исторія ее заинтересовала.

Зинаида Сергѣевна была особа очень спокойная, очень довольная судьбою, именно за то, что судьба даровала ей всевозможное спокойствіе, но была также и любопытна и разнообразна свое неподвижное счастье наблюденіями надъ счастьемъ и несчастьемъ другихъ. Жажда разнообразія сдѣлалась у нея маленькой страстью, а наблюдательность — почти наукой, которой она предавалась всѣмъ сердцемъ, пытливо, упорно, радуясь когда открывалось для нея новое поприще. Съ первой минуты приѣзда къ матери, Зинаидѣ Сергѣевнѣ почудилось, что въ этомъ домѣ цѣлме рудники для открытій. Она употребила два дня на внимательный обзоръ обстоятельствъ и отношеній. Съ жаромъ занявшись догадками, предположеніями, сближеніями, къ концу втораго дня она стала видѣть вещи вдвойнѣ: тѣ, которыя дѣйствительно существовали, и тѣ, которыя, казалось ей, скрывались за существующими. Люби свою науку, Зинаида Сергѣевна не оста-

повилась и пожелала узнать, нѣтъ-ли за этими еще чего-нибудь, подалее. Для такихъ изысканій были уже необходимы разпросы и тонкіе намеки, и Зинаида Сергѣевна рѣшилась приступить къ нимъ, избравъ для опыта сестру, какъ особу болѣе другихъ способную проговориться.

Въ одно послѣ-обѣда, когда Черемышевъ отдыхалъ, къ Аграфенѣ Петровнѣ пришелъ староста, а Боровицкій предложилъ м - те Луаро и дѣтямъ идти въ садъ, Зинаида Сергѣевна поднялась изъ-за работы и сказала сестрѣ:

— Что у тебя въ саду, покажи мнѣ.

Но прежде она послала за своей шляпкой. Надежда Сергѣевна отправилась за тѣмъ же. Ей пришла охота показаться интересною и потому она достала старую широкую, круглую соломенную шляпку, которую оправила сама и украсила пучками бумажныхъ васильковъ, собственной своей работы. Надежда Сергѣевна до замужства славилась искусствомъ *des petits ouvrages d'agrément*, которымъ научилась по *Journal des Demoiselles*.—Зинаида Сергѣевна захохотала, увидя ее.

— Ай, какой подносъ! вскричала она:—бѣдная Дина! Да это еще, никакъ, та, что тебѣ подарили, когда тебѣ было пятнадцать лѣтъ? Узнаю, узнаю—та самая! Какъ ты ее уберегла?

Несмотря на такое отдаленное и потому неободрающее воспоминаніе, Надежда Сергѣевна взглянула въ зеркало, убѣдилась въ мнѣніи, что шляпка придаетъ ей интересный видъ, и не сняла ее. Она подняла немного глаза къ небу, что неизбѣжно при широкихъ поляхъ, и отправилась съ сестрой въ аллею.

Зинаида Сергѣевна была довольно равнодушна къ красотамъ природы и потому сейчасъ обратилась къ существенному.

— Это няня Машенькина пошла съ ними въ лѣсъ? спросила она.

— Нѣтъ, сѣге аміе, это—маменькина Малашка.

— Какая молоденькая. Лѣтъ пятнадцать ей? изъ крестьянскихъ?

— Дворовая, садовника дочь.

— Зачѣмъ же она пошла съ Машенькой, а не нянька?

— Нянька стара, сѣге аміе, и въ домѣ нужна; у нея все хозяйство. А Маша очень любитъ Малашку. Она ее забавляетъ. Когда Грегугаръ цвѣты сажаетъ, она помогаетъ съ Мари. Ловкая такая.

— Прехорошенькая, румяная такая, замѣтила Зинаида Сергѣевна:—а Машенька часто въ лѣсъ ходитъ?

— Часто, съ отцомъ.

— И съ Малашкой?

— Нѣтъ; на чтѣ же, если съ отцомъ? Если съ отцомъ, то безъ Малашки.

— Ты чтѣ же хотѣла сказать, Зина?

— Ничего. Я ничего не говорю.

— Ты, можетъ быть, хочешь сказать, какъ-такъ я отпускаю мою дочь съ дворовой дѣвкой? Чтѣ же дѣлать! Еслибъ я имѣла возможность нанимать гувернантку...

Зинаида Сергѣевна засмѣялась.

— Это, матушка, все равно... Какъ тебѣ показалась моя Луаро?

— Ахъ, какая милая дѣвушка!

— То-то. Онѣ всѣ милыя. Кокетка страшная. Да мнѣ все равно—эти всѣ французенки съ претензіями разными. У меня была и старуха—мочи не было отъ капризовъ. Нѣтъ, я говорю, Петръ Ивановичъ, подай мнѣ молодую, а скорѣй управлюсь. Эта Луаро ужъ немолоденькая, десять лѣтъ, то въ Ярославлѣ, то въ Москвѣ...

— Десять лѣтъ! цѣлая жизнь на чужбинѣ! сказала Надежда Сергѣевна.

— Да, повторила предводительша:— ужъ немолоденькая. И ужасно собой занимается: всегда въ корсетѣ, *soque-lisse* свои по три часа причесываетъ. Ну, и вздумала—было Петру Ивановичу куры строить...

— Ахъ, Боже мой! какъ, я думаю, тебѣ было неприятно!

— Я, матушка, мнѣ-то чтѣ? Да съ кѣмъ ему угодно—вѣдь я ему все-таки жена; со мной мудрено потагаться. Да вѣдь и Петръ Ивановичъ не изъ такихъ: онъ даже ничего и не понялъ, чего она хотѣла, она и отстала. Вотъ, за то, съ посторонними, она своего дѣла не забываетъ: съ кѣмъ только можно любезничать—поймаешь и осаждаешь. А по мнѣ все равно; лишь-бы занималась дѣтьми да не капризничала, а тамъ—любезничай съ кѣмъ хочешь.

— Но, однако...

— Да вѣдь чтѣ-жь ты тутъ сдѣлаешь?... Со стороны, это даже забавно. Видѣла ты сегодня, какъ она послѣ обѣда руку пожала Григорію Николанчу? На англійскій манеръ—потѣхал!

Зинаида Сергѣевна громко разсмѣялась, показывая свои прелестнѣйшіе зубы.

— Грегуаръ говоритъ поанглійски, замѣтила почему-то Надежда Сергѣевна, не раздѣляя этой веселости.

— Ну, вот и встает! она уверяет, что тоже знала, да без практики забыла; теперь въ лѣсу съ Грегуаромъ практикуется.

Зинаида Сергѣевна продолжала смѣяться; Надежда Сергѣевна засмѣялась тоже сколько могла, и отвернулась.

— Прости меня, Диночка, сказала вдругъ Зинаида Сергѣевна:— тебѣ, можетъ быть, неприятно?

— Что?

— Ну, вотъ, это все, что я говорю. Я къ своему Петру Ивановичу ревновать не стану, а ты по любви выходила замужъ, мужъ молодой, хорошенькій... У васъ съ нимъ исторій не бывало?

— Нѣтъ... отвѣчала Надежда Сергѣевна.

— Ну, и непрезвему нѣнешь?

— Э, далеко не то! отвѣчала Надежда Сергѣевна съ вздохомъ слезы.

— Что жь дѣлать!... Мы тогда тебѣ всё говорили: ты старше его. Конечно, если ужь что началось — не воротись. Такъ надо, Диночка, построже быть; ты ему много позволяешь. Надеюсь, que ça poins, il n'est pas brusque avec vous, не срывается, что называется?

— Нѣтъ... но это ужь что-же...

— Это, матушка, главное! ты—жена, ты—госпожа. Ну, любовь прошла, но крайней мѣрѣ, не смѣй на голову сажать кого вздумается. Конечно, этого бы маменька не допустила. Большое тебѣ счастье, что она съ тобой, а то твой Грегуар... ты за нимъ посматривай. Онъ, вотъ, рассказываетъ, что по цѣлымъ днямъ запирается у себя, рисуетъ; зачѣмъ запирается?

— *Chère amie*, книжидарь, краски, вошь по всему дому...

— Да! этого вы не можете вынести, а какъ тамъ у него сидитъ какая-нибудь особа—это вынесете?

— Откуда жь, Зина... Одна дверь всего, изъ залы... возразила въ слезахъ Надежда Сергѣевна.

— А нельзя пройти такъ, чтобъ ты не видала? Дверей другихъ нѣтъ—окошья есть!

Надежду Сергѣевну какъ-будто кольнула совѣсть. Ея показалось, что нехорошо давать напрасно подозрѣвать, напрасно обвинять своего мужа. Потому она оглянулась, что выставила себя ужь слишкомъ жалкой предъ своей счастливой сестрой; это досадно. Чтобы все поправить, оставалось простое средство: сказать правду, что сестра ошибается, что преступленія Григорія Николаевича не такъ еще ужасны, и такъ далѣе... Но какъ же,

Надежда Сергѣевна плакала — неужели такъ и признаться, что она сама не знала, о чемъ плакала?...

Вслѣдствіе этихъ соображеній, Надежда Сергѣевна поправилась, по своему.

— Все это вздоръ, Зина, сказала она, отирая глаза:— не хочу объ этомъ думать! Что бы тамъ ни было, жизнь еще велика, у меня могутъ ^ибыть и радости... У меня, какъ у ребенка, горе недолгое...

— Она подняла глаза къ небу нѣтъ-нодѣ шляпки и, рисуясь, улыбалась покетливо, въ самомъ дѣлѣ вообразивъ себя ребенкомъ.

— Зинаида Сергѣевна посмотрѣла на нее пристально. Ей думалось: не утѣшается-ли чѣмъ-нибудь сестрица въ невѣрностяхъ супруга? Нѣтъ-ли сосѣда помѣщика, офицера въ отпуску... правда, отпусковъ нѣтъ — война... ну, хоть гимназиста на ваканціи?...

— Страстишка, что-ли, у тебя завелась? спросила она громко.

— Страстишка?... повторила Надежда Сергѣевна: — что тебѣ вадумалось?

— Да ты глядишь такой. Ты же меня спрашивала, нѣтъ-ли у ^уменя иллюзій; у тебя нѣтъ-ли?

— А что?

— Да ничего, матушка, я спрашиваю только. Ты — голова романтическая; съ тобой заговорить, вонъ, ужъ сейчасъ въ краску...

— Нѣтъ, право, нѣтъ, Зина, какъ ты думаешь, могу я еще надѣяться... помнть?

— Батюшки мои, почему же я знаю?

— Нѣтъ, Зина, но ты видишь меня; несовѣтъ же я безобразна, не могу же ужъ совѣтъ отказаться внушать любовь...

Зинаида Сергѣевна расхохоталась.

— Да ты ее внушала кому-нибудь? сказала она, неизвестно почему думая, что, вотъ, у сестры северная исторія.

— Нѣтъ, Зина, отвѣчала Надежда Сергѣевна съ грустью чистѣйшей невинности: — Богъ свидѣтель...

— Ну, не договаривай, вскричала со смѣхомъ предводительша:— вѣрю, матушка, вѣрю, что Григорію Николанчу опасаться нечего!

— Что же тутъ смѣшнаго, Зина?

— Ты смѣшна, вотъ что. И влюблена, и ревнива, и главное, скучно ей до смерти — внору хотъ грѣшнть отъ скуки...

— Ахъ, Зина!

— Матушка, что ты обижаешься? развѣ я говорю, что ты безправственная женщина? А что тебѣ скучно...

— Ахъ, какъ скучно, Зина!... Но, ради-бога, чтобъ я не тегала въ твоемъ мнѣніи...

Она бросилась ей въ объятія. Зинаида Сергѣевна спохватилась, что могла ее обидѣть, и потому поцаловала.

— Зина, милый другъ, какъ я счастлива, что могу откровенно... я такъ скучаю... эта глушь, это—смерть, это прозябаніе...

— Что жъ дѣлать-то? сказала, вздохнувъ, Зинаида Сергѣевна.

— Нѣтъ, но представь, еслибъ я была въ обществѣ... даже для моего семейнаго счастья... Въ обществѣ я могу показаться новостью для моего мужа...

— Какъ-такъ? спросила Зинаида Сергѣевна, снова разсмѣявшись.

— Я оживу, Зина. Вѣдь я совсѣмъ не та въ обществѣ, что дома: здѣсь онъ ко мнѣ привыкъ, тамъ онъ во мнѣ опять нашелъ бы ту, которую полюбилъ въ лучшіе года молодости...

— Да, та сѣге, да молодость-то гдѣ? прервала Зинаида Сергѣевна, такъ равнодушно, будто говорила о прошлогоднихъ листьяхъ: — это надо помнить... Что жъ, конечно, твоя жизнь однообразна...

— Ахъ, какое однообразіе!

— Знакомые есть-ли сосѣди?

— Семейство одно, прекрасное, почтенное семейство, Гравинни; мать, пять дочерей... я отъ нихъ беру узоры...

— Замужнія дочери?

— Нѣтъ, всѣ дѣвушки, пожилыя, сѣге аміе.

— И мужчинъ нивого у нихъ?

— Нивого.

— Женскій монастырь, стало быть. И только знакомыхъ?

— Только... Грегуаръ и у нихъ не бываетъ.

— Я думаю, у старухъ... А вотъ что, мнѣ пришло въ голову: что бы твоему мужу служить?

— Ахъ, Зина, что ты говоришь! такое счастье!... Но нѣтъ, я сколько разъ говорила — ты слышала, какъ онъ разсуждаетъ? онъ и слышать не хочетъ...

— Ну, матушка, захотѣлъ бы. Онъ отговаривается, будто не хочетъ, потому что мѣста нѣтъ, не предлагаютъ, а попросить — гордится...

— Онъ гордъ.

— То-то, гордъ; глупо это. А тогда вы бы могли въ N. перѣхать.

Надежда Сергѣевна задумалась, и шла молча. Повременамъ, не рѣшаясь выразить чего ей хотѣлось, она взглядывала на сестру, которая ужь начинала разсѣянно оглядываться по сторонамъ. Надежда Сергѣевна боялась, что разговоръ прервется, что пройдетъ минута...

— Зина, скажи ему... выговорила она.

— Чтò?

— Чтòбъ онъ служилъ.

— Чтò ты, матушка? онъ меня погонить, тоже не станеть слушать.

— Тебя послушаетъ..

— Почему такъ?

— Тебѣ все можно, Зина... выговорила Надежда Сергѣевна съ смиренной, жалкой лаской.

Зинаида Сергѣевна засмѣялась.

— Вотъ какъ! А ты вдругъ приревнуешь?

— Къ тебѣ-то, Зина?

— Смотри!... Пожалуй, скажу.

— *Chère amie!* Ты всегда была мастерица сладить...

— Я тебѣ ужь одно и уладила, отвѣчала Зинаида Сергѣевна, съ скромностью немножко лукаваго торжества: — я вразумила твоего Грегуара, чтобъ онъ изъ денегъ, которыя ему оставилъ дядя, внесъ въ сентябрѣ за маменькино имѣнiе. Онъ обѣщался.

Надежда Сергѣевна обняла ее, затрудняясь своей шляпкой. Зинаида Сергѣевна какъ-то невольно думала, что сестра постарѣла и подурнѣла, а она сама — красавица.

— Зина, я тебѣ буду такъ обязана! Откровенно: я скорониться здѣсь не могу. Но я даже должна сдѣлать, чтобъ меня не забыли въ свѣтѣ... Ты знаешь, я такъ эконоимна, мнѣ лишняго ненадо... Но все, я могла бы воспользоваться удовольствiями, жизнью...

— Вотъ, за мужемъ смотри, какъ перевезешь его въ городъ, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Проказница! отвѣчала Надежда Сергѣевна, смѣясь сквозь сладкия слезы.

— Ты уморительная, возразила Зинаида Сергѣевна, смѣясь ей въ лицо. — Изволь, изволь, скажу ему. У васъ садъ большой, однако.

— Ты устала?

— Нѣтъ, къ дѣтямъ пора воротиться. Моя Луаро залюбезничается, пожалуй, и все на свѣтѣ забудеть.

Ожиданіе, впрочемъ, продолжалось недолго. Менѣе нежелали черезъ часть, м-лле Луаро воротилась подъ-руку съ Боровицкимъ; Софи и Жюли чинно шли впередъ; Маша отстала съ Малашкой, которой сдала свой розовый зонтикъ; та распустила его, и весело повертывала надъ головой, глядя, какъ болышатся бахромочки. Софи и Жюли имѣли въ рукахъ букеты изъ васильковъ и шиповника; эти же цвѣты украшали туго заплетенную косу Малашки.

— Offrez vos bouquets à madame votre mère, сказала дѣтямъ м-лле Луаро.

Зинаида Сергѣевна, величаво сѣдя на балконѣ, благосклонно приняла эти приношенія, и поблагодарила гувернантку.

Машѣ подносить было нечего; въ глиняномъ расписанномъ кувшинчикѣ, который она несла, было всего пять агодъ земляники. Надежда Сергѣевна, и на балконѣ неснявшая своей шляпки, бросила очень нелюбезный взглядъ на гувернантку, когда та, всходя на ступеньки, замѣтно опиралась на руку Боровицкаго. Надежда Сергѣевна обратила свое неудовольствіе на дочь.

— Что это! воскликнула она, указывая на зонтикъ, на кувшинъ, на Малашку.

Маша, не входя на балконъ, убѣжала съ своей подругой. Софи и Жюли, въ сопровожденіи гувернантки, пошли отнести по букету и бабушкѣ.

— А ми тутъ о васъ говорили, сказала Зинаида Сергѣевна Боровицкому, когда онъ сѣлъ подлѣ нея: — кое-что придумывали.

Она говорила какъ будто гнѣвно, ласково растягивая слова, какъ будто кокетничала; Зинаида Сергѣевна была изъ самыхъ непоколебимо-добродѣтельныхъ женщинъ — отъ богатства, отъ страха скандала и отъ апатіи. Впрочемъ, иногда можетъ быть потому, что хотя она и помнила свои гѣта, и не скрывала ихъ, и поборалась провинціальному закону о краткости бабьего вѣва, и презрительно смѣялась французскимъ романамъ съ тридцатилѣтними красавицами, но все-таки чувствовала себя красавицей — это истиннѣйшее чувство вызывало у нея пѣчто похожее на замашку кокетства, и она не судила ее въ себѣ такъ строго, какъ стала бы осуждать въ другой женщинѣ. Если такое кокетство служило какимъ-нибудь ея маленькимъ планамъ, она кокетничала, будро дѣлала дѣло. Она называла это «проказничать.» Ея сердце всегда оставалось спокойно и чисто отъ всякаго умеленія. Со стороны ревности мужа, она была всегда и еще основательнѣе спокойна: Петръ Ивановичъ ничего не понималъ.

Въ настоящую минуту, ей пришла охота пококетничать съ своимъ beau frèге — и такъ, просто, потому что онъ человѣкъ молодой, она красавица, а сестра дурна, и съ умисломъ узнать, очень-ли ревнива Дина. Зинаидѣ Сергѣевнѣ всегда было нужно все знать.

— Что же вы придумывали? спросилъ Боровицкій, садясь рядомъ и подъ впечатлѣніемъ улыбки хорошенькой женщины, далъ ей ручку.

Мимоходомъ, почти нечаянно, безъ особеннаго удивленія, безъ неудовольствія, безъ усмѣшки, онъ оглянулся на шляпку жены. Блѣдный свѣтъ зарн освѣщала этотъ блѣдный и несовсѣмъ грандіозный ореолъ, вокругъ этого блѣднаго и несовсѣмъ довольнаго лица. Во взглядѣ Боровицкаго было что-то неопредѣленное; то, что пробѣжало въ эту секунду въ его мысли, было также неопредѣленно, а между тѣмъ, эта секунда и этотъ взглядъ сдѣлали многое: въ Зинаидѣ Сергѣевнѣ они усилили желаніе покетничать, Боровицкому внушили странное желаніе, отъ чего-то и въ чемъ-то «забыться», а Надеждѣ Сергѣевнѣ — желаніе заикать и «сдѣлать сцену».

Но Надежда Сергѣевна была существо слабѣйшее: она благо-разумно поняла, что ей не по силамъ дѣлать сцены, хоть бы причины сценъ и были такъ законны, какъ тѣ, которыя она могла бы привести въ настоящую, раздраженную минуту. Надежда Сергѣевна ограничилась тѣмъ, что порывно сбросила свою шляпку — на что никто не обратилъ вниманія — сѣла, оперлась на рѣшетку балкона, и подняла взоры на блѣдныхъ, зажатыхъ звѣздъ.

— Я, вотъ, что думала, продолжала Витайда Сергѣевна:— что послѣ-завтра мы отъ васъ уѣдемъ.

— Объ этомъ вовсе и думать не слѣдовало, возразилъ Боровицкій.

— Надо думать, потому что собраться надо, уложиться; вѣдь мы у васъ цѣлимъ домомъ. О лошадахъ надо распорядиться.

Практическое направленіе Зинаиды Сергѣевны не могло не взглянуть. Надежда Сергѣевна вслушивалась, усмѣхнулась и отвернулась.

— Что толковать, вышлетса подстава... Да не говорите мнѣ о вашемъ отъѣздѣ! прервалъ Боровицкій.

— Говорить или неговорить, все равно — уѣдемъ.

— Вы безжалостны, Зинаида Сергѣевна. Посмотрите, оглянитесь, какаа пустота; безъ васъ все опять затихнетъ, точно умереть. Вы одна оживили...

— Диночка, ты ему часто позволяешь «ерлагурить»? спросила Зинаида Сергѣевна, смѣясь и очень некстати для сестры, оглядываясь на нее: — что, онъ у тебя, большой любезникъ?

Надежда Сергѣевна отвѣчала чѣмъ-то похожимъ на смѣхъ. Боровницкаго вдругъ оставило его пріятное расположеніе духа; подрало ли его по слуху дикое слово, бросилось ли въ глаза, какъ неулыбка вся эта сцена—его что-то перевернуло.

— Вотъ, обрадовался, нашли оказію любезничать! продолжала, смѣясь, предводительница.—Да скоро конецъ вашему празднику: я уѣду, увезу Дуаро... О чемъ это вы съ ней въ лѣсу траговали, а?... Дина, иди сюда, исповѣдуй его.

Надежда Сергѣевна не шевельнулась и только выговорила:

— Ah, mon Dieu, tu es plaisante!

— Лучше скажите, что вы придумывали, кромѣ вашего отвѣда? спросилъ Боровницкій.

— Да что, о васъ. Я теперь ужъ и не знаю, говорить-ли. Если вы, въ самомъ дѣлѣ, вертопрахъ, я, пожалуй, бѣдъ надѣлаю съ своею выдумкой. Богъ съ вами совѣмъ!

— Но, однако, что же вы хотѣли...

— Любопытны вы, однако!

— Да вѣдь это меня касается?

— Ну, васъ. Я тоже думала, что безъ васъ соскучусь...

— Очень вамъ благодаренъ.

— И говорила, что бы вамъ въ N переѣхать?

— На зиму?

— Лѣтось-то, что вамъ за радость? развѣ вы хозяинъ?

— Я вѣгдѣ не хозяинъ, Зинаида Сергѣевна. Мнѣ надо служить, тогда я буду хозяинъ.

— Служите. Немудрено, я думаю?

— Немудрено, но чѣмъ?

— Да хоть чкавинкомъ особыхъ порученій у губернатора. Вѣдь вы ужъ когда-то служили, этимъ же.

— Служилъ.

— Должность извѣстная, и прекрасно.

— Конечно, прекрасно, повторилъ машинально, въ раздумьѣ, Боровницкій.

— Видите. А Пьерочка съ губернаторомъ хорошъ, онъ бы васъ тотчасъ опредѣлилъ. Жалованье—вотъ вамъ на квартиру. А остальное—дѣтъ что здѣсь, что тамъ, разница невелика.

— Давно ли вы стали такъ легко рассчитывать, Зинаида Сер-

гѣвна? спросилъ Боровицкій, больше отъ духа противорѣчя, потому что неожиданное предложеніе ему понравилось.

— Давно ли вы-то стали разсчитывать? возразила Зинаида Сергѣевна:—полноте, пожалуйста, ужъ это-то благоуміе вамъ не въ лицу, не притворяйтесь. А въ ваши года, что это вы въ деревнѣ засѣли, стыдно, просто. Да что это за вздоръ таков: самъ говорить, что безъ меня ему смерть, а я зову къ себѣ, онъ говорить—нельзя!

— Я не говорю: нельзя... возразилъ Боровицкій.

— Такъ я говорю: можно, доказала она.—Я этого, просто, хочу. И сама за васъ хлопотать буду, вотъ какъ. Сейчасъ извольте дать мнѣ слово, что вы вслѣдъ за нами явитесь въ N., подадите тамъ просьбу... ну, какъ это дѣлается?

— Это просто дѣлается, сказалъ Боровицкій.

— А просто, такъ тѣмъ лучше. Я Пьерочкѣ скажу. Давайте руку и говорите: мерсі. Ну?

Она протягивала свою ручку, въ самомъ дѣлѣ, красоты необыкновенной; въ сумеркахъ, это вазалось было какъ мраморъ. Боровицкій подаловалъ ее съ большимъ увлеченіемъ. Зинаида Сергѣевна тихонько взяла его за ухо, тихонько оттолкнула и отняла руку.

— Дина, сказала она:—поди же къ намъ. Слышишь, какую я побѣду одержала?

— Мерсі, сказала она.

Боровицкому вдругъ показалось и скучно, и неловко, и что-то слишкомъ поспѣшно, и что-то надо обдумать, и что-то еще переговорить, но съ кѣмъ? Кромѣ жены не съ кѣмъ, конечно, но хотя жена была тутъ и говорить ничто не мѣшало, Боровицкій нашелъ всего удобнѣе совсѣмъ уйти съ балкона въ цѣлтины.

— Что ты, матушка, вздумала меня благодарить при немъ? сказала Зинаида Сергѣевна, когда онъ остался однѣ:—это, чтобъ онъ догадался, что все по твоей просьбѣ и на зло заупремился? Ловка ты, нечего сказать!... Или тебѣ, можетъ быть, что вѣбудъ непріятно, не такъ я сдѣлала?

— Нѣтъ, Зина, нѣтъ... Я очень рада.

— Ну, рада, такъ рада... и Господь съ вами!

V.

Вечеромъ, этого дня, раздѣваясь, Зинаида Сергѣевна сообщила м-ше Луаро подробности всѣхъ этихъ сценъ—подробности,

вроде, большею частью отвлеченныя, и которыхъ менѣ искусный наблюдатель никакъ бы не открылъ.

— Начать съ того, что онъ ее ужъ вовсе не любитъ; тутъ бездна исторій, а въ городѣ еще ихъ прибавится. Ну, какъ себѣ хотеть!... У нея должны быть свои дѣла, перебивать: она меня узнала. Хочетъ ли она отвлечь его отъ чегонибудь адъиннаго, или сама...

Зинаида Сергѣевна засмѣялась.

— Oh, madame est clairvoyante! воскликнула, тоже смѣясь, губернантка.

— А если только это—такъ, она безъ ума пустится къ свѣтъ. Я ее знаю. Защеголаеть... въ моихъ цвѣтахъ, въ моихъ шляхахъ, до карсета!

— Ohi, mais Petr'Ivanitch, de quel oeil il veira tout cela, вамѣтила серьезно губернантка:—са сойте quelque chose!

— Объ этомъ мы еще съ вами потолкуемъ... Петръ Ивановичъ то мой какъ расходился! Слышали вы, за чаемъ? Доказываегъ маму, что служить необходимо!

— Oh, mais vous savez lui monter la tête, madame, à Petr'Ivanitch!

— А маменька-то, маменька? Слышали, она считала, что имъ, всей семьѣ, довольно пяти комнатъ? Понимаете, что это значить? Это значить—ей хотѣлось у насъ поселиться: у насъ домъ большой, такъ она вообразила, что мы должны отдѣлить комнату для нея, комнату для Дины, комнату для Григорія Николаича, дѣтскую, да складочную—пять. Я по лицу видѣла, что у нея это на умѣ, да выговорить неложко, она и твердила: «Только пять комнатъ, пять комнатъ», ждала, что ей сейчасъ предложить. А я неглупа, и отвѣтила ей: «Такъ у васъ не будетъ ни залы, ни гостиной, маменька?» Она поняла и усмѣясь, промолчала. Я эти штуки знаю за моей маменькой!

M-me Луаро поклатилась со смѣху.

— Веселенькая жизнь, пѣчего сказать, продолжала Зинаида Сергѣевна:—я бы богъ-знаетъ чего не взяла, еслибъ мнѣ сказали: поди, живи въ этой семейкѣ. Переилеалъ всѣ... Узнайте, пожалуйста, какъ нибудь объ этой, вотъ, что съ вами въ лѣтъ ходила—отъ дѣвокъ или отъ Машеньки; она болтуныя.

— Ахъ, нѣтъ, вы ошибаетесь, очень скрытное дитя.

— Приласкайте ее какъ нибудь, выболтаеть.

— Но видѣ она ничего не понимаетъ!

— Э, полноте! возразила Зинаида Сергѣевна, махнувъ рукой:— все понимаетъ!... А очень вамъ стронгъ курн мой beau-frère, m-lle Луаро?

— Eh, madame! Нужно быть недалёковидной, какъ ваша сестра... Большое счастье для вашей сестры, madame, что вы ужь были madame de Tschégrémonyscheff, когда явился на сцену м-г Borovitzki...

— Вотъ въ городѣ много всякихъ madame, какъ-то она будетъ его въ рукахъ держать, отвѣчала задумчиво Зинаида Сергѣевна.— Bonne nuit, m-lle Loïrot. Достаньте мнѣ завтра кружевнoй чепчикъ, маленькій, петербургскій; я надѣну...

Боровицкій шелъ на антресоляхъ; на темной площадкѣ вверху лѣстницы, его оликнула горничная его жены, поднявъ голову съ сундука, на которомъ прилегла, въ ожиданіи когда барини совсѣмъ отпустятъ ее спать.

— Надежда Сергѣевна не ложилась? спросилъ Боровицкій, проходя дальше.

— Нѣтъ еще, отвѣчала горничная и прибавила ему вслѣдъ, съ отчаяніемъ:— ну, теперь, богъ-знаетъ, когда улягутся!

Надежда Сергѣевна не раздвигалась, а только распустила свои волосы. Она перебирала небольшую шкатулку, гдѣ хранились въ футлярахъ и коробочкахъ серьги, броши, колечки, осматривала каждый изъ этихъ предметовъ, вытирала, чистила, повертывала предъ свѣчкой, иногда примѣрала, надходя къ зеркалу. Всего этого было немного, все это было бѣдно. Надежда Сергѣевна была серьбена и озабочена, будто дѣлала дѣло, взглядывала въ зеркало безъ улыбки, въ раздумьи. Неожиданный скрипъ отворившейся двери смутилъ ее и она спросила довольно гнѣвно:

— Кто тамъ?

— Я, Нада, отвѣчалъ, входя, Боровицкій.

— Чтò тебѣ?

— Проститься съ тобой, душка; мы не простились.

— Прощай, сказала она, не выпуская изъ рукъ броши и подставляя щеку.

Боровицкій показовалъ, но не ушелъ. Онъ потянулъ за дѣвочку гранатнаго голубка и спросилъ, улыбаясь, какъ дѣлать, когда желать войти въ милость:

— Что ты это разбираешь, моя душка?

— Надо же собраться, отвѣчала не оглядываясь Надежда Сергѣевна:— въ городъ переѣзжаемъ!

Это было сказано съ насмѣшкой и холоднымъ неудовольствіемъ. Боровицкій сконфузился и востараясь засмѣяться.

— Да вѣдь еще не завтра! возразилъ онъ, застегивая голубка ей на шею.

— Оставь, сдѣлай милость! сказала Надежда Сергѣевна, схвативъ драгоценность, и бросила ее въ коробку.

— Виновать... сказалъ шутя и покорно Боровицкій.—А къ тебѣ идутъ гранаты.

— Ко мнѣ ужъ ничто нейдетъ, возразила она, продолжая неоглядываться и между тѣмъ не желая, чтобъ онъ ушелъ.

Боровицкій не ушелъ; напротивъ, онъ присѣлъ на кончикъ стула, наѣда мѣсто среди разныхъ небуранныхъ туалетныхъ принадлежностей.

Его немножко мучила совѣсть: когда былъ рѣшенъ ихъ переездъ въ N., первой мыслью Боровицкаго было, что въ городѣ онъ ужъ не будетъ проводить цѣлые дни глазъ-на-глазъ съ женою, или, еще хуже, съ женою въ компаніи тѣщи. Эта мысль блеснула радостно и сдѣлала Боровицкаго на весь остатокъ вечера необыкновенно любезнымъ, необыкновенно стоворчивымъ съ Черемышевымъ, котораго онъ привелъ въ прелестнѣйшее расположеніе духа и разными разказами заставилъ смѣяться до одышки. За Зинаидой Сергѣевной онъ, положительно, волочился, толковалъ ей съ артистической точки зрѣнія о ея красотѣ и нѣсколько разъ цаловалъ ея руки. Среди общаго веселья, ему встрѣчалось блѣдное, недовольное лицо жены. Боровицкій, конечно, сказалъ себѣ, что на это не стоитъ обращать вниманія, но когда всѣ разошлись и онъ остался одинъ, то вдругъ сконфузился чего-то и пошелъ на антресоль.

— Конечно, не просить прощенія... да и въ чемъ-же? говорилъ онъ самъ себѣ:—а такъ, сдѣлать, чтобъ она не скучала, не сердилась; что, въ-самомъ-дѣлѣ...

Это мирное настроеніе чуть не сонло съ него отъ холоднаго приѣма, вѣрнѣе, отъ обстановки этой комнаты, отъ подсвѣта нагорѣвшей свѣчки, отъ жиденькихъ распущенныхъ волосъ жены.

Едва войдя, Боровицкій ужъ придумывалъ, какъ ловчѣе и скорѣе убраться, устроивъ прощанье безъ сильной сцены. Въ ожиданіи хорошей выдумки, онъ сѣлъ. Надежда Сергѣевна взглянула на него, удивленная этимъ поступкомъ.

— Вотъ мы съ тобой, Надя, почти городекіе жители, сказали

Боровицкій, самъ не зная для чего, но нисколько не съ цѣлью объясниться:—какъ это скоро затѣлось!

Она не отвѣчала, онъ продолжалъ:

— Петръ Ивановичъ говоритъ, что меня тотчасъ примутъ; есть двѣ вакансіи, и одна изъ нихъ еще старшаго чиновника особыхъ порученій.

— Слышала... сказала Надежда Сергѣевна тономъ, въ которомъ отзывалось не то къслота, не то желаніе почивать.

Боровицкій легко могъ бы принять ея слова въ послѣднемъ смыслѣ и, повторивъ поцалуи, уйти спокойно. Онъ этого не сдѣлалъ, вдругъ почувствовавъ необходимость что-то сильно доказать, въ чемъ-то убѣдить.

— Должность мнѣ знакомая, продолжалъ онъ:—пзъ провинціальныхъ, она еще порядочная. Не знаю я только ихъ новаго губернатора, этого, какъ его... этого... Палутинна. Чему ты улыбулась, душка?

— Право, ты съ такимъ пренебреженіемъ отзываешься о губернаторѣ, точно онъ китайскій императоръ, а не начальникъ твой. Бравировать легко; не богъ-знаетъ сколько надо ума, чтобъ бравировать...

— Такъ что жъ, заранѣе спину гнуть? Полно, моя милая, что за понятія à la Черемышевъ!

— Онъ можетъ тебя и не принять къ себѣ на службу—губернаторъ.

— Не принять? А я напишу тѣткѣ Рашковой, и меня этому губернатору не чиновникомъ особыхъ порученій, а совѣтникомъ, вице-губернаторомъ; на шею посадятъ! Вотъ что ему станетъ меня не принять!

— Такъ ты хочешь непріятностей надѣлать твоимъ родственникамъ?

— Какимъ родственникамъ?

— Какимъ? Черемышеву, Петру Ивановичу! какимъ еще родственникамъ? Онъ друженъ съ губернаторомъ, а ты намѣренъ между ними бросить раздоръ, жаловаться... Вѣдь это изъ-рукъ-вонъ что за самолюбіе: вездѣ ты съ своими Рашковыми да Зерновичами, которыхъ никто знать не хочетъ, а тутъ родные твоей жены, ты ихъ считаешь ни во что...

— Успокойся, сдѣлай милость! Кому я жалуюсь, кому я дѣлаю непріятности, кого я ни во что считаю? Право, Нада, ты иногда такъ заглетаешь...

- Вотъ, это мнѣ вѣчный упрекъ: я залетаю, все я залетаю!
- Пошелуй, я говорилъ: «если...» Предположеніе!
- Ваши *если* да *предположеніе*... отъ нихъ жить нѣтъ возможности! вскричала Надежда Сергѣевна и залилась слезами.
- Отъ какихъ же моихъ предположеній жить нѣтъ возможности?
- То-есть не возможности, а силы нѣтъ! отвѣчала она, рыдая.
- Нада, чтѣ съ тобой?
- Чтѣ со мной? Спросите вашу совѣсть, чтѣ со мной!
- Нада, къ чему ты придираешься? спросилъ онъ, обидясь.
- Благодарю васъ! вскричала она: — я придираюсь!! Это значить придиратъ—замѣтить, наконецъ, что вы меня не любите, что вы обо мнѣ не заботитесь, что вы рады промѣнять меня на кого угодно!
- Ты съума сошла! вскричалъ Боровицкій.
- Обыкновенныя любезности! отвѣчала она, рыдая: — вмѣсто извиненія, вы только ругаетесь!
- Вы надъ головой у Зинаиды Сергѣевны кричите, сказали вы: — хоть ее постыдитесь!
- Пусть сестра слышитъ, пусть узнаетъ мою жизнь! кричала Надежда Сергѣевна: — она думаетъ, а въ рай; вотъ онъ, рай! Богъ меня наказалъ, что я повѣрила клятвамъ человѣка, который...
- И я дуракъ набитый, что на васъ женился! вскричалъ въ свою очередь Боровицкій.
- Я чувствую, чувствую, что мнѣ недолго жить! вскричала Надежда Сергѣевна: — а года не проживу!
- И сто лѣтъ проживешь, возразилъ Боровицкій: — и будете точь въ точь твоя маменька. Только я пропадаю съ вами! Все отравляютъ! вотъ, едва вздумалъ взглянуть нѣтъ этой трущобы на свѣтъ-божій, къ людямъ... едва навес-нибудь маленькую соображеніе, проблескъ чего-нибудь... Вотъ, думаю, наконецъ, устроюсь, наконецъ отдадутъ мнѣ справедливость; впереди есть карьера, есть средства — нѣтъ! Она какъ тутъ, пророческииъ гласомъ: *Не дадутъ мста!* Почему не дадутъ? Чтѣ я, попомнить какой-нибудь? напрашивался, пороги обивалъ?... О, семейка!... Вотъ гдѣ погнѣбель!
- Много, ужасно много вы заботитесь о семейкѣ! вскричала Надежда Сергѣевна: — чтѣ вы для нея сдѣлали? Вы — пустой человѣкъ, ничего больше! Чѣмъ вы обезвечили вашу семью? Далъ-ли вы какой несчастной женѣ хоть часъ забыться, за то, что она вамъ пожертвовала всей своей любовью... часъ одинъ! Я почти въ нищетѣ! у меня

не гардеробъ, а тряпки! Сестра пришла — мнѣ стыдно! Она мнѣ дарить вышитый платокъ, воображалъ, что мнѣ, какъ всякой порядочной женщиной, есть куда выхвать, взять его въ руки... Боже, Боже! а я шесть лѣтъ не слыхала, какъ скрипку настраивать...

— Ну, вотъ, пойдете, будете танцовать, прервать со злостью Боровицкій: — Сильфиды!

Это былъ послѣдній ударъ. Надежда Сергѣевна зарыдала, съ такимъ воплемъ, что Боровицкій сдѣлалъ то, что ему давно слѣдовало: ушелъ, впрочемъ, хлопнувъ дверью. Приходя, онъ несовершенно отчетливо зналъ, зачѣмъ приходитъ, но уходя, былъ положительно убѣжденъ, что шель за дѣломъ, и что съ его женой нельзя имѣть никакого дѣла.

Надежда Сергѣевна тотчасъ позвала горничную, приказала раздѣть себя, заплестъ себѣ волосы, надѣть на себя чепчикъ, и легла съ твердымъ убѣжденіемъ, что эта жизнь вгонитъ ее въ чахотку. Она соображала и отыскивала, нѣтъ-ли уже и признаковъ этой болѣзни. Она воображала свою кончину, предсмертный разговоръ съ матерью, сцену примиренія съ мужемъ; все это выходило натѣтично. Дочь она какъ-то забывала. Убавившись, Надежда Сергѣевна заснула такъ же мирно, какъ надѣялась свончаться.

Напротивъ, Боровицкій былъ возмущенъ, встревоженъ и чувствовалъ необходимость высказаться, переговорить съ кѣмънибудь, рѣшить свою участь практически, а не мечтательно. Потому онъ, хотя удивился, но обрадовался, увидя свѣтъ изъ-подъ дверей комнаты Маши. Это было тѣмъ пріятнѣе, что онъ сомнѣлъ съ лѣстницы оцупью, и такъ предстоило ему пробираться еще черезъ весь корридоръ.

Онъ отворилъ и вошелъ. На столѣ горѣла свѣчка, давно неснятая. Боровицкій сначала не замѣтилъ Маши: ея постелька была пуста. Мама сидѣла, склавшись, на откромѣхъ оконъ.

— Машурка, гдѣ ты, моя голубушка? Одна? Гдѣ же няня? спросилъ онъ, подойдя къ ней.

Маша припала къ нему, но не обняла его; она вся дрожала и плакала.

— Что ты, душка? что не почилаешь? зачѣмъ ты одна?

— Няня ушла. Она говоритъ, здѣсь не ляжетъ; здѣсь ей жарко, отвѣчала дѣвочка, продолжая плавать.

— Что съ тобой? испугалась чего-нибудь? зачѣмъ же оставилъ у тебя свѣчку?

— Я сама зажгла, папа, вотъ, свѣчкой.

— Можно-ли это! ты домъ сожжешь. Чтò за шалости! Легла, такъ почивай, а то вскочила съ постельки...

— Не бранись... сказала она тихонько.

— Я не бранюсь, душка, но нехорошо. Зачѣмъ ты встала? испугалась чего нибудь?

— Испугалась... пропентала она, между тѣмъ какъ ея слезы текли ему на руки.— Папа, зачѣмъ ты шумѣлъ тамъ съ мамой?

— Чтò такое?

— Зачѣмъ?... Я отсюда слышала. Я легла, няня ушла, я слышу... Я вскочила, свѣчку зажгла, въ окно слышала... Зачѣмъ, папа? Грѣхъ тебѣ, грѣхъ! Я буду цѣлый вѣкъ плавать! я умру съ тоски!

Все ея маленькое тѣло дрожало отъ слезъ и отъ холода. Боровицкій хотѣлъ взять ее на руки, завернуть въ одѣяльцо; Маша его оттолкнула.

— Грѣхъ, грѣхъ, повторяла она:—Богъ этого не велѣлъ... Ты хочешь, чтобъ я умерла, я умру! Ты долженъ маму любить, Богъ велѣлъ маму любить, а ты ее бранишь... И мама тебя бранить, и плачетъ... Не хочу, возьми свои картинки, возьми книжки, возьми все! Ничего не хочу! Отдамъ мамѣ зонтикъ, отдамъ ящикъ китайскій, ничего не хочу, ничего мнѣ не надо, я умру!

— Какая ты капризная, нервная дѣвочка! Ты занеможешь, сказалъ Боровицкій съ досадою, закутывая ее и насильно укладывая въ постель.—Гдѣ эта сумасшедшая нянька? Нѣжности какия — спать ей жарко!...

Онъ хотѣлъ идти всвать няньку, но часы звонко, хотя далеко, пробили два. Боровицкій сообразилъ, что это немного поздно для посплать.

— Прекрасная твоя маменька лучше бы приглядѣла, чтобъ тебя клали спать какъ слѣдуетъ, смотрѣла бы за тобой какъ слѣдуетъ, продолжалъ онъ.—Перестань сейчасъ плакать. Какой вздоръ! Оттого, что ты слушаешь, чтò тебѣ не нужно, умничаешь—вотъ тебѣ лѣзуть въ голову глупости. Будь ты дитя какъ всѣ дѣти, ничего бы этого не было. Какое тебѣ дѣло, что я говорю съ твоей матерью? Какъ ты смѣешь разсуждать? Еслибъ ты поняла, что я несчастнѣйшій человѣкъ, ты бы этого не говорила...

— Ты несчастнѣйшій человѣкъ, папа? Отчего ты несчастнѣйшій человѣкъ?

Маша вскочила, схватилась за него обѣими руками и смотрѣла ему въ глаза.

— Ты говоришь пустяки, какъ ребѣнокъ, ты не понимаешь, продолжалъ Боровицкій:—а я самъ былъ бы радъ умереть...

Маша унала ему на шею въ такихъ слезахъ, что онъ испугался.

— Ахъ, какая ты болѣзненная, нервная, это скучно! Маша, перестань сейчасъ! Перестань сейчасъ плакать; я тебѣ призываю! Ты, въ самомъ дѣлѣ, упряма какъ не знаю что, хуже твоей матери!.. На, возьми, выпей воды.

Онъ плеснулъ ей воды на голову.

— Ахъ!.. сказала дѣвочка, встрепенувшись, и покорно глотнула изъ стакана, который онъ ей подаль.—Довольно... спасибо, папа.

— Рано еще нервные припадки, продолжалъ Боровицкій.— Это оттого, что ты читаешь все, что попало; воображеніе глупое. Вотъ, я заиру книги. Прошу несмѣть ихъ трогать съ завтрашняго дня. Ложись. Довольно цаловаться... Вотъ, въ городъ переѣдемъ, Машурка, тамъ будетъ весело.

Маша не отвѣчала; она лежала, причась въ подушку, на которую текли ея слезы.

— Будешь тамъ учиться танцовать, съ кузинами. Я тебѣ сдѣлаю платьице какъ у нихъ, розовое. Поѣдешь въ театръ. Зимой будешь кататься въ саняхъ, по улицамъ; а у дяди экипажъ прекрасный. Вездѣ будешь съ ними ѣздить. Ты такая миленькая, ловкая дѣвочка; на балъ поѣдешь... Спишь?

Боровицкій наклонился взглянуть на это прелестное маленькое личико въ золотыхъ кудряхъ; отъ недавнихъ слезъ еще дрожали тоненькія блѣдныя вѣки съ черной каймой рѣсницъ; онъ поднялся вдругъ, когда Боровицкій поцаловалъ разгорѣвшуюся щеку. Маша взглянула во всѣ глазки, испуганно и кротко, шевельнула ручкой и проговорила:

— Мама...

Боровицкій взялъ свѣчку и ушелъ. Онъ считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ и былъ несомнѣнно увѣренъ, что имѣеть на это право...

В. Крестовскій.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья.

ДВА УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛА.

VIII.

ИВАНЪ ВѢРЕСОВЪ.

Доводилось ли вамъ когда-нибудь наблюдать характеры людей, съ дѣтства потерявшихъ отца и мать, выросшихъ на чужихъ рукахъ, въ чужихъ людяхъ, лишенныхъ материнской ласки, заботы и вліянія? Въ такихъ характерахъ, сообразно личному темпераменту, господствуютъ двѣ рѣзкія противоположности.

Сангвиникъ какъ-то свартански закатывается въ этой суровой житейской школѣ. Въ немъ развивается сильный, стойкій, энергическій характеръ, желѣзная, непреклонная воля. Къ людямъ у него какое-то инстинктивное недоверіе, иногда и нѣкоторая мизантропія даже; онъ ни въ чемъ на нихъ не полагается, потому что вѣрить только въ себя и въ свои силы. Онъ не согнется ни предъ какой грозой, и безъ протекцій, безъ поддержекъ, пробиваетъ себѣ дорогу въ жизни, своимъ умомъ, своими боками. Такие люди—попреимуществу вѣчные борцы нашей жизни: имъ ничто не дается даромъ: каждый шагъ, каждый глотокъ свободного воздуха они должны отстоявать и брать себѣ съ бою, должны завоевывать себѣ право жить. Изъ нихъ, при счастлиvomъ направленіи, часто выходятъ государственные мужи, полководцы, законодатели; ими же, при направленіи неблагопріятномъ, укомплектовываются сибирскіе рудники и каторжныя арестантскія роты.

Лимфатикъ представляет явленіе совершенно противоположное. Миѣ сдается, что именно про него-то и была сложена поговорка: «на бѣднаго Макара все шишки валются». Это—человѣкъ приниженный, робкій, забытый, никогда несмѣющий гордо поднять свою голову, смѣло возвысить свой голосъ. Его удѣлъ—вѣчно терпѣть, вѣчно томиться своимъ одиночествомъ и пассивно выносить суровые тычки людей и житейскихъ обстоятельствъ. Все, что можетъ выйдти изъ него для жизни—это дестяцй труженникъ, который тихо и незамѣтно сойдетъ въ могилу, среди своихъ кропотливыхъ и часто неблагодарныхъ занятій. Въ немъ, точно такъ же какъ и въ первомъ, съ младенчества застыло недоувѣріе къ людямъ, даже боязнь людей; но сердце его всегда остается мягкимъ, добрымъ, сострадательнымъ. Первый, для достиженія своей цѣли, не задумается свалить десятки, сотни людей, чѣмъ-либо замедляющихъ его ходъ. Второй—даже муху никогда не обидитъ. Онъ никогда и ни съ чѣмъ не борется, какъ баранъ на закланіе подставляетъ свою безответную голову; протестъ его слабъ, сокрытъ въ глубинахъ его души и развѣ тѣмъ только иногда проявляется, что бѣднага либо запьетъ себѣ мертвую, либо руки на себя наложитъ, но... никогда никому не скажется. Сердце его часто полно любовью, хочется кому-нибудь протиснуть свои братскія объятія, и случается, что во всю его неприглядную жизнь никто не откликнется на эту любовь—такъ весь вѣкъ и пройдетъ въ тщетныхъ исканіяхъ. Это—наши тихіе, смиренне обиденные люди, размигивающіе въ жизни плачевную роль библейскаго козла отпущенія.

Къ этой послѣдней категоріи принадлежалъ сыно Морденки и нягини Шадурской—Иванъ Вѣресовъ.

Вскормленъ былъ онъ у майора Спицы на соскѣ да на коровенѣхъ мологѣхъ и, какъ извѣстно уже читателю, съ самой минуты своего рожденія на свѣтъ, лишень материнской ласки и заботы. У майора имѣлись свои собственныя дѣти, такъ что майоршѣ и со своимн-то пострѣлатами по горло было возни, а маленькому приемышу, по обыкновенію, доставались первая колотушка и послѣдній кусокъ. Ходилъ онъ, кое-чѣмъ прикрытый отъ вліанія стихій, вѣчно въ обноскахъ: старая рубашонка и старыя башмачонки его сверстниковъ для него сходили за новыя, да и за то еще воспитательскую руку въ благодарность цаловать вставляли. Бывало, майорскіе пострѣлата нашумать, нашалдять, разобьютъ что-нибудь—а первому все же Ванькѣ достается. Когда же под-

росли всё они на столько, что маловальши смислить стали, таёъ и сами начали то шикомъ, то тычкомъ ублажать своего сотоварища. Ребёнокъ вѣчно чувствовалъ свое одиночество и съ этихъ уже поръ приучался видѣть людскую неправду.

Отъ отца тоже не видать ласки, потому если тотъ и придетъ къ майору провѣдать своего опинишку и внести слѣдующему за воспитаніе сумму, такъ первымъ вопросомъ у него было: «не шалить ли, пострѣлёнокъ? а буде шалить, такъ драть его, каналью, розгачами да духу слушать:—живъ—дери его снова!» Во всемъ этомъ было очень мало утѣшительнаго—недоставало родной души, привязаться сердцемъ нѣ къ кому.

Разъ какъ-то вздумалъ онъ приласкаться къ отцу — тотъ поглядѣлъ съ суровымъ удивленіемъ: черты ребѣнка живо напомнили черты матери—Морденку зло разобрало.

— Это что за нѣжности! съ чего это? притворяться, поди-ка, вздумалъ? Врешь, меня не надуешь! Садись-ка лучше за букварь! проворчалъ онъ—и ребёнокъ съ этой минуты боялся уже подходить къ нему.

Другой разъ, возвращаясь домой, засталъ онъ его на дворѣ въ слезахъ; остальные ребятишки дразнили своего сотоварища.

— Чего нюни распустилъ? остановилася Морденко.

Мальчикъ отвѣкивался.

— Ну, отвѣчай, не скрываешься!

Оказалось, что они его побили.

— А! побили? а ты не дерись, веди себя скромненько, не задирничай! Вотъ пойдемъ-ка къ Петру Кузьмичу, пускай онъ тебя взъерепенить по военному, для острастки, да и своихъ пострѣлять тоже, чтобъ не дрались!

Но пострѣлятамъ ничего не досталось, а Ванюшку, по уходѣ родителя, точно взъерепенили на всѣ четыре корки, потому—жаловаться не смѣй.

Другого бы все это ожесточало, а забитаго Вересова только пуще занугивало, да какъ улитку заставляло еще сильнѣе замкаться въ свою тѣсную скорлупку.

Очень рано, между прочимъ, сталъ занимать его вопросъ: почему это у другихъ дѣтей есть матери, а у него нѣтъ? Отчего это нѣтъ? гдѣ она находится? зачѣмъ про нее никто никогда не упоминаетъ? Однажды какъ-то онъ рѣшился спросить объ этомъ отца, въ одну изъ рѣдкихъ минутъ его ласковости.

Отецъ тотчасъ же нахмурился и отвѣчалъ:

— У тебя не было матери.

— Какъ же это не было... у другихъ есть вѣдь.

— Тò — другіе, а тò — ты!... у тебя не было, и молчи, значить.

— Она умерла? рѣшился мальчикъ еще на одинъ вопросъ.

Морденко задумался, пополчалъ съ минуту и отрывисто отвѣтилъ:

— Умерла.

— Какъ же она умерла?... отчего умерла?

— Молчать! закричалъ онъ, ступнувъ кулакомъ по столу, такъ что мальчикъ, весь дрожа въ испугѣ, отскочилъ отъ него на нѣсколько шаговъ — и съ тѣхъ поръ разспроси о матери болѣе уже не возобновлялись.

Однажды старикъ пришелъ въ майору въ особенно пріятномъ расположеніи духа.

— Ну, Ваня, пооди сюда! обратился онъ къ сыну: — тебѣ теперь пошелъ десятый годъ, грамотѣ ты знаешь, караули тоже строчишь кой-какъ—пора, братъ, въ науку. Отецъ вотъ за тебя ходи тутъ, да кланчай, да кланяйся у начальства въ прихожихъ, чтобы сына на казенный счетъ приняли, а сынокъ, пожалуй, и не чувствуетъ... А все зачѣмъ? — чтобы изъ тебя человѣкъ вышелъ, а не болваномъ бы выросъ. Учись же, каналья, а станешь лѣзвиться — три шкуры свуacu, заморю надъ дозавами!... Ступай, одѣвайся!

И наградивъ сына родительскимъ благословеніемъ, онъ тотчасъ же отвелъ его «въ казну», гдѣ и сдалъ на попеченіе дежурнаго чиновника.

Этою «казною» было—училище театральной дирекціи.

Для Вѣресова началась новая эпоха, новая жизнь, нѣсколько лучшая въ матеріальномъ отношеніи. Одѣли его въ синюю курточку и повели пробовать голосъ; голосу не оказалось никакого, слуху тоже; вмѣсто скрипичнаго *ut*, Ваня надавалъ звукъ, напоминавшій скрипъ несмазанной двери; и сконфуженнаго Ваню послали вонъ изъ учебной комнаты, съ замѣчаніемъ, что въ хоры онъ совершенно негоденъ. Тѣ же результаты были и въ музыкѣ и въ танцахъ. Наука *батмановъ* и всевозможныхъ *на* оказалась рѣшительно непримѣнимою къ человеку и вдобавокъ сильно застѣнчивому мальчику, который отъ нетерпѣливыхъ криковъ француза-учителя и смѣха товарищей терялся уже окончательно, дѣлаясь дѣйствительно смѣшнымъ и жалкимъ. Оставалась

послѣдняя надежда на искусство драматическое. Спусти уже года четыре по вступленія въ школу, ему предстояло въ первый разъ видѣти на водмостки домашняго школьнаго театра.

Готовилъ роль добросовѣстно, надѣялся отличиться, и — провалился... Какъ вышло на сцену, да какъ услышалъ въ послѣднихъ редахъ сдорманное хихиканье товарищей — такъ до того оробѣлъ и потерялся, что смѣшавшись на первомъ же словѣ, сталъ истуканомъ и уже не произнесъ больше ни одного звука. Насмѣшки товарищей удесатерились съ этой злосчастной минуты и не прекращались до самаго выпуска изъ заведенія.

Это полное фiasco такъ подѣйствовало на мальчика, что онъ заболѣлъ. Отецъ, дня черезъ два приѣхавъ въ дирекцію, узвать каковъ былъ дебютъ, нашелъ сына въ лазаретѣ и страшно озлился.

— Ишь ты, нѣженка какой! ворчалъ онъ, стоя передъ его постелью:—болѣть умѣешь, а трудиться нѣтъ!

Вѣресовъ ничего не отвѣчалъ ему на эти укоры и лежалъ, съ головой укутавшись въ байку. Отецъ постоялъ, плюнулъ и ушелъ; а между тѣмъ въ головѣ сына гвоздемъ засѣли его слова и въ душѣ мальчика тревожно возникъ прежній вопросъ: кто же наконецъ была его мать и отчего ему не говорить про нее? Почему фамилія отца—Морденко, а его—Вѣресовъ? И ужъ отецъ ли онъ ему?

Чѣмъ дальше вдумывался онъ во всѣ эти вопросы, тѣмъ болѣе терялся: по однимъ соображеніямъ казалось, что Морденко точно его родной отецъ, даже нѣкоторое фамильное сходство убѣждало въ этомъ; по другимъ—Вѣресовъ склоненъ былъ думать, что онъ не сынъ ему, что тутъ кроется кака-то тайна, загадка, которую тщетно слялся онъ разгадать.

Но ничего не узналъ онъ ни до выхода, ни послѣ выхода.

Выпустили его изъ школы, какъ неспособнаго, на *выходъ*, то-есть на безсловесныя амплуа народа и гостей, и назначили четырнадцать съ полтиной въ мѣсяцъ жалованья.

Отецъ ни одной копейкой не помогъ ему при выпускѣ, и жить къ себѣ тоже не принялъ, такъ что Вѣресовъ первое время долженъ былъ ходить ночевать все въ ту же театральную школу. Старшій скрага ограничился однимъ только родительскимъ наставленіемъ, что ты, молъ, теперь взрослый человѣкъ, получаешь казенное жалованье, стало быть приучайся жить аккуратное и не робщи. Ужъ если старшіе положили тебѣ такое жалованье, значить и съ нимъ жить можно; я, молъ, въ твои лѣта и этого

не имѣлъ. Ступай себѣ съ богомъ, а отъ меня помощи не проси: я баловству не потворщикъ.

И сталъ себѣ Вѣресовъ съ тѣхъ поръ перебиваться изъ кулѣна въ рогожку.

Выгъ у него одинъ только талантъ — рисовать и глинить — и онъ отдался ему съ жаромъ, не пропускалъ ни одного класса въ рисовальной школѣ, а у себя дома почти все свое время проводилъ надъ кускомъ глины или за картономъ. Въ этомъ искусствѣ видѣлъ онъ для себя единственный честный кусокъ хлѣба, единственный исходъ изъ своего грустнаго положенія. А положеніе, въ самомъ дѣлѣ, было донельзя грустное. Чтобы хоть какъ-нибудь хватало денегъ — дотянуть до конца мѣсяца, расплатиться съ дѣвочникомъ и квартирною хозяйкой, онъ принужденъ былъ работать на уличныхъ продавцовъ гипсовыхъ статуэтокъ. Но знаете ли вы, какъ ничтожно оплачивается этотъ трудъ? Есть въ Петербургѣ нѣсколько антрепренѣровъ, изъ нѣмцевъ и изъ нашихъ православныхъ, которые ведутъ торговлю гипсовыми вещами. Всякій изъ нихъ имѣетъ двухъ-трехъ несчастныхъ, забаленныхъ художниковъ, да кромѣ того держитъ еще нѣсколькихъ ходящихъ, которые, шатаясь по городу, обязаны сбывать его товаръ покупателямъ. Каждая Венера или Нимфа, проданная за цѣлковый, навѣрное была приобретена антрепренѣромъ за десять, много за пятнадцать копеекъ серебромъ. Мелкія же вещицы оплачиваются тремя, а иногда и одною копейкой. Но несмотря на столь скудную плату, мѣста у антрепренѣровъ постоянно заняты охочими работниками, такъ-что приходится еще добывать постоянныхъ заказовъ, и къ каждому антрепренѣру обыкновенно показываютъ два-три голодные бѣдняка, въ ожиданіи милостиваго позволенія брать постоянную помѣсячную работу, которая, въ общей сложности, приноситъ труженнику пять-шесть рублишекъ въ мѣсяцъ. Изъ-за этихъ-то вотъ пяти-шести ливнихъ рублишекъ и бѣдса Иванъ Вѣресовъ.

Въ послѣднее время ему особенно вкруто пришлось. Жалованье въ дирекціи забрано впередъ; антрепренѣръ требуетъ выгнать какихъ-нибудь новыхъ фигурокъ, потому старыя Венеры да Купидоны уже надобны; а буде не выдумаетъ новыхъ, то совсѣмъ перестанетъ пользоваться заказами. Хозяйка тоже требуетъ за квартиру, не топить печку и грозитъ выгнать, если не принесетъ хоть сколько-нибудь деньжешекъ. Вѣресовъ уже вторые сутки не обѣдалъ; его начинала бить лихорадка. Боязнь заболѣть

и через то окончательно лишиться заказов у антрепренёра, побудила его обратиться къ одному товарищу по рисовальной школѣ. Товарищъ, на бѣду, самъ сидѣлъ безъ гроша, но къ счастью еще пользовался обѣдомъ въ кредитъ. Вѣресовъ, утоливъ кое-какъ свой двухсуточный голодъ, нашелъ у товарища цѣлый портфель фотографическихъ снимковъ съ замѣчательнѣйшихъ статуй европейскихъ музеевъ. Изданіе было изящное и стоило порядочныхъ денегъ, а къ товарищу попало по случаю очень дешево. Разглядывая фотографіи, Вѣресовъ скватился за возможность вылѣпить по нимъ новыя группы, и вмѣстѣ съ этою счастливою мыслью, представилась ему перспектива полученія новыхъ денегъ и новыхъ заказовъ отъ антрепренёра. Онъ выпросилъ себѣ у товарища на время, для работы, его дорогое изданіе и уже, совсѣмъ почти успокоенный, пошелъ-было къ себѣ домой, какъ вдругъ вспоминалъ угрозу ховаянки выгнать его съ квартиры, и повернулся въ обратную сторону.

«Безъ денегъ нечего и думать возвращаться. А хорошо бы теперь прямо засѣсть за работу—да какъ работать въ холодной комнатѣ и безъ свѣчъ?» Размысливъ такимъ образомъ, пошелъ онъ къ своему антрепренёру—но не засталъ его дома; значить, и эта надежда лопнула. Оставалось послѣднее, и уже самое крайнее средство—попросить у отца. Вѣресовъ долго не рѣшался; но вѣдь не бродить же цѣлую ночь по улицамъ въ одномъ пальтишкѣ, и—нечего дѣлать — онъ направился къ Средней Мѣщанской.

Встрѣча его съ Морденкой у воротъ грязно-желтаго дома уже извѣстна читателю.

IX.

Чающіе движенія воды.

Едва успѣлъ старикъ налить себѣ стаканъ настою изъ цѣлебныхъ, пользительныхъ травъ, какъ въ прихожей раздался стукъ въ наружную дверь.

— Ачущіе и жаждущіе, замѣтилъ онъ не безъ довольной улыбки.

Вошла бѣдно-одѣтая женщина, съ лицомъ, истощеннымъ работою и нуждою.

— Чѣмъ могу служить? произнесъ Морденко свою обычную въ этихъ случаяхъ фразу.

— Пришла вещь свою выкупить.

Лицо ростовщика приняло угрюмый оттѣнокъ: онъ очень не жаловалъ выкуповъ.

— Фамилія? отрывисто спросилъ Морденко.

— Иванова.

— Чтò заложено?

— Кольцо обручальное.

— Это, матушка, не отвѣтъ. Миѣ надо знать, какое: золотое или серебряное? — у меня вѣдь не одна ваша вещь хранится, внушительно выговаривалъ онъ.

— Золотое, сообщила женщина.

— Когда было заложено?

— Мѣсяць назадъ.

— Ровно мѣсяць?... Стало-быть, сегодня срокъ... Хорошо, поглядимъ, пощемъ, говорилъ онъ, вынувъ изъ ящика большую конторскую книгу, и отыскивая въ ней нужную ему записъ. Женщина, съ спокойнымъ равнодушіемъ слѣдила за его указательнымъ пальцемъ.

— Чтò жь вы, матушка, понапрасну меня беспокоите? съ неудовольствіемъ поднялъ онъ на нея свои совинныя очки.

Женщина чутко встрепенулась.

— Срокъ вашему закладу давно уже прошель, а вы требуете, сами не зная, чего!

— Какъ прошель?! да вѣдь ровно же мѣсяць?! тревожно изумилась та.

— Гм... мѣсяць... Извольте взглянуть. Онъ подаль ей другую книгу, по величинѣ и виду совершенно равную первой.— Это ваша росписка? ваша рука?

— Моя... Чтò жь изъ этого?

— Мѣсяць, истекъ вчера... прошли уже цѣлыя сутки... Стало-быть, вы изволили просрочить и, по закону, лишаетесь своей вещи. Съ этими словами, онъ заперъ книги въ свой ящикъ и сухо поклонился выкупищицѣ.

— Господи!... Да неужели же вы за такую малость захотите отнять у меня вещь? тихо проговорила она.

— Я невиновать, сударыня, я невиновать... Сами на себя пеняйте—зачѣмъ просрочили... Я люблю аккуратность и точность: двухъ минутъ противъ срока не потерплю; а дѣла-ка я поблажки, такъ самому съ рукой ходить придется... Не могу, матушка, извините!

— Такъ неужели жь ему пронадать за два дѣлковыжъ?

Морденко пожать плечами.

— Я вамъ сдѣлать одолженіе, возразилъ онъ:—я вамъ оказалъ довѣріе, а вы довѣрія моего не оправдали... сами пресрочили, да сами на меня и плачетесь. Это, матушка, нехорошо-съ! Эдакъ я отъ васъ въ другой разъ, пожалуй, и не приму закладу.

— Да ужь мнѣ и закладывать больше нечего — послѣднее снесла, проговорила женщина съ глубокимъ вздохомъ и какою-то подавленной горькой вроніей.

— Это ужь ваше дѣло, матушка, ваше дѣло; вамъ ужь про то и вѣдать.

— Да вѣдь это — обручальное... это вѣдь на вѣкъ человѣку! приступила она къ нему съ мольбою.

— Для меня это все единственно, матушка, все единственно, возражалъ Морденко. — Я ужь тутъ ничего больше не могу для васъ сдѣлать и прошу васъ — оставьте меня, пожалуйста!... Я человѣкъ хворный, а вы меня раздражаете... Уйдите лучше, матушка, уйдите!...

Женщина съ минутой еще молча стояла на своемъ мѣстѣ. По щекамъ ея покатались обильныя, крупныя слезы; она тихо повернулась и тихо ушла изъ квартиры Морденки.

Вся эта сцена произвела на Вѣрсова томительно-тяжелое впечатлѣніе. Сердце его болѣзненно сжалось и щемило. Онъ на себѣ самомъ чувствовалъ печальное положеніе ушедшей женщины.

— Вотъ, и дѣлай людямъ добро! вотъ, и одолай ихъ! расхаживай Морденко по комнатѣ. — Сами же нечестно съ тобою поступать, а потомъ мытаремъ да лихоимцемъ, процентщигомъ обзываютъ!... Мытарь... А мытарь-то Господу Богу угоденъ былъ— вотъ оно что!...

Не успѣлъ онъ еще кончить своего монолога, какъ въ прихожей раздался новый стукъ въ двери.

— Экъ ихъ велегка тамъ разносила!... Чтò ни говорятъ, а все къ мытарю... все къ мытарю ползуть!... Охъ, люди, люди — фарисей вы!...

Въ комнату робко вошелъ высокаго роста мужчина, и отвѣсивъ вочтительный поклонъ, остановился у дверей. Морденко, взглянувъ на него, поднялъ на него свой фонарь — и лучъ свѣта упалъ на ризю физиономію пришедшаго, освѣтивъ особенно его глаза, которые какъ-то озабоченно бѣгали въ разныя стороны, словно

бы искали чего. Наружность новаго гостя и преимущественно его странные глаза показались старикъ подозрительными.

— Что надо? весьма нелюбезно возвысилъ онъ голосъ, закивая на груди поряжѣлую мантилю.

— Къ вашей милости, несмѣло и тихо заговорилъ рыжій, что—на опытный глазъ—не совсѣмъ-то согласовалось съ его внушительною фигурой.—Явите божеское одолженіе, не дайте помереть съ голоду...

— Я, братъ, подаваній не творю: не изъ чего. Ступай себѣ съ богомъ—богъ подастъ! перебилъ Морденко, замахавъ рукою.

— Я не за подаваніемъ, поспѣшилъ объясниться пришедшій:—я собственно по той причинѣ, что не откажите принять въ закладъ. вещь принесъ... съ себя заложить хочу.

— Какая такая вещь тамъ? приподнялся Морденко, опершись объ столъ кулаками.

Пришедшій скинулъ свое кургузое пальто и сталъ растегивать жилетку.

— Вотъ ее самую и заложить хочу.

— Жилетку-то?... Нѣтъ, братъ, не принимаю! рѣшительно отказался Морденко.

— Что жъ такъ, ваша милость? за что эдакая напасть на бѣднаго человѣка? взмолился рыжій:—вѣдь вы же платье всякое берете. За что же-съ мнѣ-то отказъ?

— Не то-что платье, милый человѣкъ, а и пуговицу мѣдную, гвоздикъ желѣзный приму, внушительно пояснилъ ему старикъ:—принеси ты мнѣ костяшку отъ портогъ—и на ту отказу не будетъ: положенную цѣну дамъ, потому и пуговка и костяшка въ своихъ деньгахъ ходитъ; а ты нѣ въ пору пришелъ—а я не въ пору не приму! Вотъ тебѣ и сказъ!

— Будьте благодѣтелемъ! ребятишки малые неѣвши сидятъ! Не откажите! жалобно умолялъ рыжій со слезами въ голосъ.

— Чего тутъ, другъ любезный, «не откажите?»—ужь я отказалъ; стало-быть, и просить нечего! Ступай себѣ съ богомъ! порѣшилъ Морденко, и рыжій удалился.

По уходѣ его, старикъ еще тревожище зашлепалъ своими туфлями изъ угла въ уголъ; физиономія просителя шибко казалась ему подозрительною, недоброю, такъ что онъ только ради этого обстоятельства и отказалъ его просьбѣ; а съ другой стороны извѣстная уже скаредность и жадность нагѣвали другую иѣсию: «эхъ, братъ, напрасно отказалъ!... жилетка все жъ-таки вещь; за

нее дашь грошь, а возьмишь гривну!» И вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, старикъ былъ теперь недоволенъ и жизнью, и людьми, и собою.

Вѣресову стало больно и тяжело оставаться съ нимъ дольше. Послѣ двухъ видѣнныхъ имъ сценъ, онъ рѣшился уже не вѣздаться старику ни о своей нуждѣ, ни о своей просьбѣ.—«Будь, что будетъ; пойду и такъ къ хозяйкѣ!» рѣшилъ онъ, и минуту спустя по уходѣ рыжого, распростился съ Морденной.

Спускаясь по темной лѣстницѣ, онъ наткнулся въ самомъ низу на какое-то живое существо, и взгляды нѣсколько пристальнѣе, различилъ, что кто-то сидитъ на нижней ступенькѣ, подперевъ руками свою голову. По голосу, которымъ этотъ кто-то отозвался на окликъ, Вѣресовъ узналъ въ немъ рыжого.

— Что вы здѣсь дѣлаете? зачѣмъ вы сидите здѣсь? съ участіемъ спросилъ его молодой человѣкъ.

— Да идти некуда, отвѣтилъ рыжій, голосомъ, полнымъ отчаяннаго горя.—Домой не пойду... не охота глядѣть, какъ дѣти помирать стануть...

Вѣресову какъ-то стыдно стало въ эту минуту, что онъ сынъ Морденны: онъ жалѣлъ и презиралъ его въ одно и то же время.

— Спасите, выручите меня! обратился къ нему рыжій.—Видь вы сыночекъ ихній, васъ они послушаютъ... мнѣ хоть сколько-нибудь-бы денегъ... Ей-богу въ банаву, въ прорубь кинусь!...

— Пойдемте! рѣшительно сказалъ ему Вѣресовъ, въ минуту обдуманнаго что-то.—Пойдемте... Мнѣ самому доварѣзу нужны деньги; авось успѣемъ, тогда подѣлимся съ вами.

Морденко сильно озадачился и даже струсидъ отъ этого неожиданнаго возвращенія сына вмѣстѣ съ подозрительнымъ рыжимъ.

— Папенька, дайте ему денегъ подъ жилетку, началъ Вѣресовъ въ сильномъ волненіи.—Побойтесь бога: у человѣка дѣти умирають!... Если вамъ мало жилетки, такъ вотъ—альбомъ съ фотографіями: онъ стоитъ рублей пятьдесятъ... Примите его въ залогъ и дайте намъ хоть сколько-нибудь... а самъ теперь въ странной крайности—на квартиру показаться не смѣю.

Старикъ молча развернулъ альбомъ, пересмотрѣлъ на свѣтъ жилетку и подалъ сыну записную книгу, проговоривъ:

— Для порядку, пиши росписку: «ни нижеподписавшіся» и далѣе...

Выйдя въ другую комнату, онъ сталъ оттуда диктовать продолженіе. Возвратъ сына и его слова до того поразили старика, что онъ не нашелъ причины въ отказу, да притомъ и заклады оказались хорошими, особенно альбомъ фотографій, такъ-что Морденко спѣшилъ только поскорѣе раздѣлаться со своими посетителями и потому безъ дальнихъ разговоровъ отправился въ смежную горницу—доставать деньги.

Пока молодой человекъ сидѣлъ, погруженный въ писаніе росписки, рыжій напрягалъ все свое зрѣніе, чтобы слѣдить за старикомъ, который, продолжая диктовать, черкнулъ спичку и зажегъ огарокъ. Смежная комната освѣтилась. Рыжій перемѣстился на такой пунетъ, съ котораго ему удобнѣе было обозрѣвать комнату и слѣдить за движеніями старика. Сивозъ притворенную дверь онъ замѣтилъ два болта, замки и печати на дверяхъ, ведущаяхъ въ заднюю горницу, и видѣлъ, какъ Морденко снялъ съ себя толстый кожанный поясъ, носимый имъ на тѣлѣ, подъ сорочкой, и сталъ рыться въ этомъ потайномъ чемоданчикѣ. По вѣвѣстному всѣмъ шелесту, рыжій догадался, что въ чемоданчикѣ мѣрно покоились ассигнаціи.

— За жилетку полтинникъ, да за альбомъ два рубля пятьдесятъ и того три рубля; а росписку пиши въ три рубля тридцать, сказалъ Морденко, войдя черезъ минуту въ комнату съ зеленой бумажкой въ рукахъ.

Сначала росписался Вѣресовъ, а за нимъ приложилъ свою руку и рыжій.

«Виленскій мѣщанинъ Осипъ Гръчка»—гласила подпись рязгаго.

— Выкупать будете вѣстѣ, что ли? спросилъ Морденко, отдавая деньги.

— Я выкуплю все, вызвался Вѣресовъ:—а жилетку вы имъ потомъ возвратите.

Черезъ минуту дворникъ выпустилъ ихъ въ залитку и видѣлъ, какъ они вѣстѣ спустились въ мелочную лавочку, помѣщавшуюся въ томъ же самомъ домѣ, толкуя о томъ, что надо раздѣлять деньги и раздѣлаться поровну.

Въ лавочкѣ спросили они себѣ по фунту ситнига съ колбасой, тутъ же на мѣстѣ закусили имъ, и подѣливъ между собою сдачу, очень дружелюбно простались другъ съ другомъ.

Х.

ГОЛОВУ НА РУКОМОЙНИЦЪ.

— Сѣю-вѣю, руки грѣю, чисто брею—не потѣю! съ приплаской, потирая ладони, ворвался Грѣчка въ заднюю комнату Сухаревки, гдѣ вчерашній день происходило секретное совѣщаніе съ патриархомъ Провомъ Викулччемъ, во время ланкастерскаго обученія звонковъ.

— Что *заякало-то размуздалъ?* (1) чему обрадовался? степенно покачалъ головой владыко.—«Помни день субботній» сказано!

— Ну, ужъ ты, ваше степенство, проповѣди-то отложи до завтра: новѣ *клей* есть! (2) Я про дѣло повѣстять пришелъ, возразилъ ему Грѣчка, подавая руку Зеленкову и Омушкѣ, которые въ этой уединенной комнатѣ, вмѣстѣ съ совѣтчикомъ-патриархомъ, поджидали его прихода.

— Отъ двуручника, что ли? обратился къ нему блаженный.

— Оттоль-таки прямо и *прихлялъ!* (3) Все какъ есть, по совѣту его степенства, исполнилъ: дѣти, молъ, помирають, примите шилетку въ закладъ! рапортовалъ Грѣчка.

— Стало-быть, по патриаршему изволенію и благо ты есть! замѣтилъ Омушка.

— Прихлялся въ сѣняхъ, смотрю — женщина какая-то идетъ... къ нему, значить, прошла, а я себѣ жду, продолжалъ рыжіи.— Глядь, черезъ мало времени — выходитъ все та же самая женщина. Сама идетъ, а сама плачетъ, ну вотъ навзрыдь рыдаетъ, просто сердцу нестерпещъ... Ахъ ты *псиря* (4), думаю, старая, при древности-то лѣтъ да народъ эдакъ-то грабить! И столь мнѣ это стало обидно, что, думаю себѣ, не будетъ же тебѣ, голубчику, спуску! и сейчасъ поднялся наверхъ.

Грѣчка сталъ сообщать компаніи свои дальнѣйшія дѣйствія и наблюденія, и компанія вполне одобрила столь блистательно исполненную имъ миссію.

— Только, вотъ что, братцы: все бъ оно было *разманно* (5), да въ одномъ *яманъ* (6) выходитъ — загвоздка есть! прицмокнулъ

(1) Что *заякало-то* расмуздалъ?

(2) Воровское дѣло.

(3) Прихлялъ. Хряпъ — хлять.

(4) Собака.

(5) Прекрасно.

(6) Скверно.

языкомъ разскащикъ. — Старикъ *шишку-то* ⁽¹⁾ на себѣ вѣдь носить, поясомъ она у него сдѣлана, при тѣлѣ лежитъ. Какъ быть-то тутъ?

— *Нелады, баринъ* ⁽²⁾! озабоченно отозвался блаженный. — *Бабки*, сталь-быть, *финажками* такъ въ ѣмъ и набиты? — Умѣнь, бестія: боится, чтобъ не *сворочимъ*, при себѣ содержать... Нѣшто бы *на шаранъ* ⁽³⁾ взять? предложилъ онъ послѣ минутнаго раздумья.

— Не дѣло, свать, городишь, замѣтилъ на это благоразумный Викуличъ. — Съ шараномъ недолго и *облотаться да за бутрами сюрить* ⁽⁴⁾. Лучше пообождать да попридержаться — по тѣху, по сладку выслѣдить звѣря, а тамъ — и пользуйса!

— А не лучше-ль бы поживѣе? *приткнуть* чѣмъ ни попало — и баста!... У меня *Фомка* ⁽⁵⁾ востеръ!... похвалился Грѣчка.

— *Лады* ⁽⁶⁾! согласился блаженный, покрайности дѣло потише обойдется и расправа короче.

При этихъ словахъ, Иванъ Ивановичъ Зеленьковъ, дѣдаващійся, въ чемъ заключается смыслъ послѣдняго предложенія Грѣчки, невольно вздрогнулъ и взмѣнился въ лицѣ.

— *Слабѣ* ⁽⁷⁾! прищурась глазомъ, кивнулъ на него блаженный, сразу замѣтившій эту внезапную блѣдность. — Чтѣ жъ, брате мой, это ужъ не дѣло! по нашему — взялся за гужь, не говори, что не дюжь, товариства не рушь и отъ дѣла не отступай.

— Правильно! подтвердилъ Грѣчка: — думали варганить такъ, а выходить эдакъ; стало-быть, божья воля такая, чтобъ быть тому дѣлу, и какъ есть ты нашъ товарищъ, такъ съ обществомъ соглашайса!

— Да чтѣ тутъ долго толковать! перебилъ блаженный. — Имянемъ господнимъ благословіемъ, отче — хорошее дѣло вершать — лихо дѣвѣ вънизъ по матушкѣ спущать! отнесся онъ къ Викуличу.

(1) *Шинка* — портмоне, мѣшокъ, киса, чемоданчикъ, гдѣ хранятся деньги.

(2) Нехорошо, товарищъ.

(3) *Бабки* — деньги, *финажки* — ассигнаціи, *сворочимъ* — одинъ изъ синонимовъ, выражающихъ слово *красть*; *братъ на шаранъ* — приступить, грудь на грудь, на ура!

(4) Понасться да въ Сибирь пропастъ. *Идти за бутры* или просто *за бутры* (то-есть за уральскій хребетъ) значитъ — въ Сибирь.

(5) *Приткнуть* — убить, лишить жизни вообще. *Фомка* — небольшой желѣзный ломикъ для сворочиванья замковъ, засововъ, а также и для обороны.

(6) Идетъ! дѣло! хорошо!

(7) Вослицаніе, выражающее укоръ въ трусости и малодушіи.

Прогъ надменно подвѣлся съ мѣста и отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, судари мои! сказаль онъ рѣшительно: — на зное дѣло нѣтъ намъ много благословенія: это ужь уголовщиной называется — *дѣло мокрое* (1), смертоубійство есть.

— Да вѣдь ми все ему же какъ-бы получше, поспесобіѣе хотимъ, оправдывался рыжій: — потому, ежели обокрасть его, все равно съ тоски повѣсится, руку на себя наложить; безъ капиталу ему — ровно что не жить.

— А ми, ему же въ облегченіе, поддакнулъ Омушва: — отъ великаго грѣха душу его стариковскую слободимъ; покрайности, кончина праведная.

— Ужь быть тебѣ, кощуну эдакому, быть кончену *на Кирюшкинкой кобылѣ* (2), попомни мое слово! востучаль пальцемъ о край слова Вивулычъ. — И благодарности мнѣ своей не несите: не надо мнѣ, не хочу я съ крови благодарность принимать, и не знаю я васъ совсѣмъ, и про дѣло ваше не слышалъ, и совѣтовъ вамъ не давалъ никакихъ — слышите?

— Это — какъ вашей милости угодно будетъ, ми и встроимъ повершиниъ, а за вами ужь будемъ благонадежны; не прозовните, коли ничего не знаете — это вѣрно! сказаль Грѣчка, замирая двери за ушедшимъ Вивулычѣмъ.

— Какъ же вершать-то станемъ? Юдѣ да кто! совѣщался Омушва, относясь къ обонимъ сотоварицамъ.

— Я и одинъ покончу, дѣло нетрудное, вызвался Грѣчка. — Барахтаться, чай, не будетъ, потому — старъ человекъ.

— Да вѣдь впервой, поди-ка?

— Чтѣ жь, что впервой? когда жь нибудь привыкать-то надо! — авось *граблюха* (3) не дрогнетъ...

— Такъ надо бы поскорѣй, не по тяжелой почтѣ, а со штафетой бы отправить.

— Чего тутъ проклажаться? — послѣ-завтра утромъ, равенько, часовъ эдакъ въ шесть, и порѣшу.

(1) *Мокро* — опасно.

(2) Кирюшкой, какъ извѣстно уже читателю, звался одинъ изъ петербургскихъ палачей, который на мошеническомъ арготѣ, оставилъ послѣ себя это слово въ наслѣдство палачамъ, какъ общее нарицательное имя. *Кирюшкинкой кобылѣ* — инструментъ, на которомъ наказывали плетями.

(3) *Граблюха* — рука.

— А чѣмъ вознаградишь рѣшитель-то? возлюбившеся бр-женный.

— На хранивъ. Вези его за горлець, да досласть штуку подъ душець, чтобы онъ, значить, не кричалъ «съ Пошрову!» — Голову на рукомошнякъ — самое вальготное будетъ (!) завершилъ Грѣчка, очень выразительно махнувъ себя поперегъ горла указательнымъ пальцемъ.

XI.

Ф и г а.

Условились такъ, что Грѣчка одинъ отправится на дѣло, покончить вухарну и старика, забереть всѣ наличныя деньги и всѣ драгоценности, котормя могутъ быть удобно запрятаны за голенища и въ карманы; мѣховъ же и тому подобнаго «крушнаго товару» забирать не станеть, дабы не возбудить въ комъ либо разныя подозрѣннй, и съ награбленныиъ добромъ явится въ Сухаревку, въ извѣстную уже непроходную отдѣльную комнату, гдѣ его будутъ поджидать Фомушка съ Зеленъковымъ, и гдѣ, при замкнутыхъ дверяхъ, произойдетъ полюбовный дѣлежъ. Сговорившись такимъ образомъ, товарищи разстались.

Два человѣка уходили изъ Сухаревки въ совершенно противоположномъ настроеніи духа и мысли.

«Коего чорта я стану дѣлиться? изъ-за чего?» размышлялъ Грѣчка, направляясь въ ночлежныя Вяземскаго дома. — «Одинъ дѣло работѣть стану, одинъ, пожалуй, многи жрать, а съ ними дѣлись!... Нѣтъ, братъ, дуракъ! шалишь, кума, въ Саксоніи не бывала! Съ большимъ капиталомъ отъ судей праведныхъ отвертима — какъ не отвертѣться нашему брату? инимъ же удастся; а ежели и нѣтъ, такъ покрайности знаешь, что за себя варганилъ, за себя и конфузъ принимаешь... все жъ не такъ обидно...

(!) Взять его за горло да ширнуть ножомъ (въ горло, подъ сердце, подъ лопечку—все это называется—*душець*), чтобы онъ не кричалъ: «вараулъ». *Голову на рукомошнякъ*—зарѣзать. Выраженіе, принадлежащее собственно къ переходному argot, употребляется преимущественно мошенниками опытными, прошедшимъ универсальный курсъ высшей школы въ камерахъ «Литовскаго замка». *На хранивъ* — выражается насильственное дѣйствіе на горло жертвы, то-есть, если при грабѣнн или убійствѣ стануть горло, чтобы въ первомъ случаѣ затруднить крикъ, во второмъ—задушить. Маневръ производится посредствомъ трехъ пальцевъ черезъ давленіе на переднюю часть дыхательнаго горла (въ боковыя стѣнки такъ называемаго адамова яблока).

Коли кѣво сойдеть — лататѣ зададимъ: ты прощай, значить, расприкрасная мать Рассея! Морген-фри — носъ утри! А вы, ребята толстые, сидите въ Сухаревкѣ — дожидайтесь! — такъ вотъ сейчасъ я къ вамъ выль да и припасть! Какъ же! И Грѣшка, махнувъ рукою, очень выразительно свиснулъ.

А Иванъ Ивановичъ сильно волновался и беспокоился. Убить человѣка — не то, что обокрасть... Стало быть, очень опасное дѣло, если самъ патриархъ возмутился, и отъ благодарности даже отказался... А кнутъ? а Сибирь? — Ивана Ивановича колотила нервная дрожь; въ каждомъ проходившемъ сзади его человѣкѣ онъ подозрѣвалъ погоню; думалось ему, что ихъ подслушали и теперь догоняють, схватываютъ, тащатъ въ тюрьму — и онъ ускорилъ шаги, торопясь поскорѣе убраться отъ мѣстъ, близкихъ къ Сѣнной площади, стараясь незамѣтнѣе затереться въ уличной толпѣ, а самъ поминутно все оглядывался, ёжился и вздрагивалъ каждый разъ, когда опережавшій проходившій невзначай задѣвалъ его рукавомъ или локтемъ. Для бодрости онъ зашелъ въ кабачокъ и порядочно выпилъ; но бодрость къ нему не возвращалась. Въ страшнѣйшей ажитаци, словно бы преступленіе уже было совершено, закутался онъ съ головой въ одѣло, и чутко прислушивался къ каждому звуку на дворѣ, къ случайному шлепанью чьихъ-то шаговъ, къ стуку сосѣдскихъ дверей и все ждалъ, что его сейчасъ арестуютъ. Охотно соглашался принять пассивное участіе въ воровствѣ, онъ ужасался мысли объ убійствѣ.

Замѣчательнъ фактъ, что многіе мошенники, считая простое воровство ровно ни во что, признавая его либо средствомъ къ пропитанію, либо похваляясь имъ, какъ удачею — съ отвращеніемъ говорятъ объ убійствѣ и убійцахъ — «потому тутъ кровь: она вопіеть, и въ душѣ человѣческой одинъ токмо Богъ волѣнъ и повиненъ». Такое настроеніе мыслей, сколько мнѣ удавалось замѣтить, господствуетъ по большей части у мошенниковъ, неуспѣвшихъ еще побывать въ тюрьмѣ, ибо мошенникъ до тюрьмы и тотъ же мошенникъ послѣ тюрьмы — два совершенно различные человѣка, и для этого послѣдняго убійство уже является дѣломъ очень простымъ и обихновеннымъ, какъ фактъ удали или кратчайшій путь къ поживѣ. И въ этомъ нѣтъ ровно ничего мудренаго, потому что тутъ уже человѣкъ приходитъ въ непосредственное и постоянное соприкосновеніе съ самыми закоренѣлыми злодѣями.

Впрочемъ, объ этомъ предметѣ, и подробнѣе и нагляднѣе, читатель узнаетъ впоследствии.

Наконецъ, Иванъ Ивановичъ заснулъ. Но и во снѣ ему не легче было. Всѣ эти брячки и фрячки, всѣ эти пальто съ испрой, о которыхъ онъ столь сладостно мечталъ, представлялись ему забрызганными кровью. «Вотъ это на фрячкѣ — Морденкина кровь, а на жилеткѣ — кухаркина, а это вотъ ваша собственная, Иванъ Ивановичъ господинъ Зеленъковъ», говоритъ ему квартальный надзиратель — и видитъ Иванъ Ивановичъ, что везутъ его, раба божьяго, на колесницѣ высокой, со почетомъ великимъ — къ *Смолянскому затмыкомъ* (*); Кирюшка, въ красной кумачовой рубашкѣ, низкій поклонъ ему отдастъ: «пожалуйте, молъ, Иванъ Ивановичъ господинъ Зеленъковъ, къ намъ на шафотъ, на нашей кобылкѣ поѣздить, нашихъ миногъ покушать, да не дозволите ли намъ ваше тѣло-бѣло порушить?» — И трасеть Иванъ Иваныча злая лихоманка; чувствуетъ онъ, какъ ему руки-ноги да шею подъ-загривкомъ крѣпкими ремнями перетягивають, какъ его палачи кренделемъ перегнули, да тонку-бѣлую сорочку пополамъ разодрали... И рѣдко-рѣдко, размѣренно стучаетъ сердчишко Иванъ Иваныча, словно помирать собирается... Ничего-то глазами своими не видитъ онъ, только что слышитъ, молодецки разошелся по эшафоту Кирюшка и зычнымъ голосомъ кричитъ ему: «бер-гись! — ожгу!» — сердце Иванъ Иваныча перестало биться, замерло — словно бы висѣло оно тамъ внутри на одной тонкой ниточкѣ и эта ниточка вдругъ порвалась...

Онъ проснулся въ ужасѣ, весь въ холодномъ поту.

— Господи! спаси и помилуй всяку душу живую! крестись, прошепталъ онъ трепещущими губами. — Нѣтъ, баста! будетъ ужъ такую муку мученскую терпѣть!

Глянулъ Иванъ Ивановичъ въ окошко — на дворѣ еле-еле свѣтъ начинаетъ брезжаться... На какой-то колокольнѣ часы пробили шесть. «Ровно черезъ сутки покончатъ его, сердечнаго... человекѣ зарѣжутъ», подумалъ онъ — и при этой мысли снова задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Иванъ Ивановичъ скорехонько вскочилъ съ постели, умылся, одѣлся и трижды перекрестясь, вышелъ со двора.

Теперь ужъ онъ зналъ, какъ ему быть, и что надо дѣлать.

(* *Всать на фортункѣ къ Смолянскому затмыкомъ* — означаетъ позорный поездъ на Конную площадь къ эшафоту.

Бывали-дѣ въ, когда-нибудь, рано утромъ, въ конторѣ квар-
тальнаго надзирателя? Цомѣщается она, по большей части, въ
надворныхъ флигеляхъ; подниматься въ нее надобно по черной
лѣстницѣ — а ужъ извѣстно, что такое у насъ въ Петербургѣ
эти черныя лѣстницы!

Немного раньше восьми часовъ утра, въ прихожую конторы на-
чинають набиваться разные народы. Хома Перерепенко такъ
ужъ и не подметаетъ полковъ — «потому, нехай имъ бить! все-
едно — загидать!» Вотъ привалила дѣлая артель мужиковъ раз-
бираться съ маслянистымъ, плотнымъ подрачикомъ, и въ ожиданіи
этой разборки дѣлае два часа неумоимо переругивается и
считается съ намъ. Вотъ два полицейскихъ солдата привели
«честную компанію» всякаго пола и возраста, званія и со-
стоянія: тутъ и нищіе, забранные на улицѣ, и пьяницы-про-
ищиды, подобранные на панели, и «буянцы» съ скрученными на-
задъ руками, и мазуряки, нѣсколько деликатнѣе связанные по-
парно «шелковымъ шнурочкомъ» цовыше локтя. Тутъ и нѣмецкій
мастеръ Шмитъ со своимъ подмастерьемъ Слезиннымъ; Шмитъ,
какъ вѣкую святиню, держитъ въ рукахъ влокъ собственныхъ
волосъ — доказательство его побойща съ «русски свинъ» Слез-
иннымъ, а «русски свинъ» всей пятерней старается побольше
размазать рожу свою кровью — «чтобъ оно супротивъ нѣмца
чувствительнѣе было». Тутъ же зачѣмъ-то появилось и нѣкое
погибшее, но скверное созданье въ раздувномъ бринолинѣ, и
мѣщаница Перемышница поближе къ дверямъ «конторы» протиски-
вается, всхлицивая нарочно погромче, все для того же, чтобы
до сердца начальство пронять, потому пришла она просить и
«жалиться» на своего благовѣрнаго, что нѣсколько онъ ее, тигра
эдакая, не почтываетъ, а только все пьанствуетъ, и — эва ва-
лихъ фонарѣвъ подъ глазами настроилъ, индо раздушилъ да
расплющилъ всю, и потому надо, чтобы начальство наше мило-
сливое въ части отпороло его, пса эково!... При этомъ, она
всѣмъ и каждому очень пространно повѣствуетъ о своемъ горѣ
неообразномъ. Тутъ же, наконецъ, присутствуетъ и Иванъ Ива-
новичъ Зеленьковъ, забравшійся сюда съ самаго ранняго утра.
Иванъ Ивановичъ, съ выраженіемъ гнетущей мысли въ лицѣ, нетер-
пѣливо и озабоченно похаживаетъ отъ угла до угла по передней.
Онъ просилъ, умаливалъ и давалъ четвертакъ на чай Перере-
пенкѣ, чтобы тотъ разбудилъ надзирателя, «по самоэкстренному
дѣлу»; но Хома Перерепенко оставался стоячески-непреклоненъ,

потому — «ихъ благородіе почивати звалитъ, бо поздно полагли и нѣма у свити ни якого такого дела, щоби треба було взбудити ихню милость». Тагъ Иванъ Ивановичъ ничего съ ними и не подѣлалъ.

Надзиратель — лѣтъ пятидесяти, плотный и полный мужчина, високаго роста, съ густыми черными бровями и свиними волосами, которые у него были острижены подъ гребенку, воссѣдалъ въ большомъ креслѣ за своимъ письменнымъ столомъ. На немъ были надѣты персидскій халатъ и бухарскіе сапоги. Паръ отъ пуншеваго ставана и дымъ жукова, выпускаемый изъ длиннаго черешневаго чубука, наполняли комнату особеннымъ благоуханіемъ. Надзиратель имѣлъ очень умный, пристальный и пронзательный взглядъ, носилъ бабенбарды по модѣ двадцатыхъ годовъ, т.-е. колбасками, кончающимися протяженіе свое неподалеку отъ носа, говорилъ густымъ басомъ, поутрамъ очень много, очень долго и хрипло откашливался и поминутно отплевывался.

Съ извѣстной уже и столь идущей въ нему осанкой встрѣтилъ онъ робко вошедшаго въ кабинетъ Зеленькова.

— Ты зачѣмъ? бархатно прозвучалъ его густѣйшій басъ.

— По самоэкстренному дѣлу, ваше скородіе... секретъ-съ — прикажите припереть дверцы-съ...

— А ты не пьянъ?

— Помилуйте-съ... могу ли предстать несоотвѣтственно?...

— Тѣ-то, братъ! Пьянство есть—зачѣмъ всѣхъ пороковъ!... Притвори двери, да сказывай скорѣй, какое тамъ у тебя дѣло?

— Большое-съ дѣло, ваше скородіе!... Съ одного слова и не скажешь: очинно ужъ оно экстренное.

— Да ты не чертомель, а говори толкомъ, не то—въ куцуку велю упрятать!

— Вся ваша воля есть надо мною!... Злоумышленіе открытъ вашей милости явился...

— Дѣло!... Ну, такъ сказывай, какое злоумышленіе у тебя?

Иванъ Ивановичъ многозначительно ухмыльнулся, крякнулъ, провелъ рукой по волосамъ и началъ вполне таинственнымъ тономъ:

— Вымши приглашенъ я извѣстными мнѣ людьми въ убійство челоуѣка-съ... и мнѣ блестяла эта самая мысль, чтобы развѣдать и донести вашему скородію...

— И ты не брешешь, пѣсій сынъ?

— Зачѣмъ брѣхать-съ?... Я—челоуѣкъ махонькій: мнѣ только руки назадъ—вотъ я и готовъ. А убійство, изволите ли видѣть,

сочиняется надъ Морденкой, еще таинственнѣе прибавилъ Зеленьковъ:—наводите знать-съ?..

— Знаю... Губа-то у васъ не дура—разумѣете тоже, гдѣ раки зимуютъ...

— Это точно-съ, потому—какой же ужъ это и мошенникъ, у котораго губа дура, такъ что и рака отъ таракана не отличить?

— Такъ, господинъ философъ, такъ!... Ну, такъ сказывай, фига, какъ и чѣмъ его приткнуть намѣреваетесь—вѣрно на счетъ убѣнки да свѣжанки? а?

— Такъ точно-съ, ваше скородіе, прощипательно угадать изволили! Такъ точно-съ, потому, значить, голову на рукомойникъ, ухмылялся господинъ Зеленьковъ. — Да позвольте, ужъ я лучше расскажу вамъ все, какъ есть, по порядку, предложилъ онъ: — только вы, ваше скородіе, одолжите мнѣ на подштофъ.

И ощутивъ въ рукѣ своей просимую сумму, Иванъ Ивановичъ, совершенно уже успокоенный, приступилъ къ своему обстоятельному разсказу.

XII.

О В Л А В А.

На слѣдующій день, еще до разсвѣту, когда Иванъ Ивановичъ покаялся уже безматежнмъ сномъ въ арестантской сибирѣ, къ грязно-желтому дому въ Средней Мѣщанской торопливо подходили четыре человѣка. Это были: надзиратель и трое хожалыхъ.

Одинъ изъ хожалыхъ былъ оставленъ въ дворницкой для наблюденія за воротами и охраненія этого пункта; остальные, вмѣстѣ съ дворникомъ, поднялись на лѣстницу Морденки. Надзиратель черкнулъ восковую спичку и внимательно оглядѣлъ мѣстность. Одинъ изъ хожалыхъ постучался въ дверь.

— Кто тамъ? раздался заспанный голосъ кухарки.

— Дворникъ... воду принесъ, отворяй-ко.

Послышался стукъ отпираемыхъ замковъ, крючковъ и засововъ. Городовые отстранялись на темный, задній планъ. Чухонка притворивъ немного дверь и увидя незнакомаго человѣка въ формѣ, рядомъ съ домовымъ дворникомъ, боязливо и подозрительно спросила:

— Чего нужно?

— Нужно самаго господина Морденку.

— Да вы съ чѣмъ? съ закладомъ, что ли?

— Съ закладомъ, тѣтушка.

— А съ какимъ закладомъ? Красивыя вещи, или шикій товаръ?

— И то и другое.

— Что-то ужь больно рано приходите... Ну, да ладно! итъ все равно... Сказать пойдти, что ли...

Съ этими словами она подошла къ двери, закинутой большими желѣзными болтами, и шѣрно стукнула въ нее три раза. Отвѣта не послѣдовало. Черезъ минуту она столь же шѣрно стукнула два раза. Это былъ условный телеграфическй языкъ между Морденкой и его прислугой, посредствомъ котораго послѣдняя давала ему знать о приходившихъ. Дѣлалось это или раннимъ утромъ, или позднимъ вечеромъ, то-есть въ ту пору, когда Морденко заперся. Три удара означали посторонняго посѣтителя, послѣдующе два—«интересъ», то-есть что посѣтитель пришелъ за дѣломъ, стало-быть, съ залогомъ; одинъ же ударъ послѣ первыхъ трехъ оповѣщалъ, что посѣтитель является выкупить свою вещь.

Въ отвѣтъ на два послѣдние удара, изъ глубины комнаты слышался старчески продолжительный удушливый кашель и глухой голосъ простоналъ:

— Лбомъ толкнись!

Послушная чухонка немедленно исполнила это странное приказаніе и слегка стукнулась лбомъ объ дверь.

— Это что же значитъ? спросилъ ее удивленный надзиратель.

— А то, батюшка, что надо такъ полатать, скоро совсѣмъ уже съ ума спятить: хочеть знать, правду ли я говорю, такъ для этого ты ему лбомъ стукнись ..

Онъ только плечами пожалъ отъ недоумѣнія; вѣроятно, вслѣдъ за нимъ и многіе читатели сдѣлають то же, ибо имъ покажется все это черезчуръ уже страннымъ и дикимъ; но... таковымъ знавалъ многіе то лицо, которое въ романѣ моемъ носятъ имя Морденки, и которое я описываю со всѣми его эксцентричными, полупомѣшанными странностями.

Какъ только Христина стукнулась объ дверь, слышалось изъ спальни медленное, тяжелое шарканье туфель и отмигиваніе замковъ да задвижекъ въ первой двери, что вела изъ пріемной въ спальню. За тѣмъ снова удушливый кашель и снова шарканье—уже по смежной комнатѣ.

«Морденко, здравствуй!»

— Здравствуй милый! здравствуй попинька!

«Разорились мы съ тобой, Морденко!» крикнуть опять на

встрѣчу хозяину голосъ поугая, очень похотій на голосъ самаго старика, который, по заведенному обыновенію, не замедилъ со вздохомъ отвѣтить своему любимцу:

— Разерлился, попенька, въ конецъ разорился!

— Съ кѣмъ это онъ тамъ разговариваетъ? полюбоществовалъ надзиратель у кухарки.

— Съ птицей... это онъ каждое утро...

«Господи, что за чудной такой домъ! лбомъ стучаются, съ птицами разговариваютъ—дѣлто савсѣмъ необыкновенное!» размышлялъ самъ съ собою надзиратель.

— Отмыкай у себя! сказалъ Морденко, и Хрестина всталась за желѣзный засовъ той самой двери, объ которую стучалась, и отодвинула его прочь; въ то же самое время Морденко съ другой стороны отмыкалъ замки и задвижки и точно такъ же снималъ желѣзные засовы.

— Это у васъ тоже постоянно такъ дѣлается? спросилъ надзиратель, съ каждой минутой все болѣе и болѣе приходя въ недоумѣніе.

— Какую ночь, а нво и днемъ вапирается.

— Ну, признаюсь, это хоть бы и въ сумасшедшій домъ вперу, пробурчалъ надзиратель.

На порогѣ появился Морденко, съ фонаремъ и ключами, въ своемъ обычномъ костюмѣ—какой-какъ наброшенной старой мантильѣ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ съ явнымъ неудовольствіемъ.

— Есть дѣло кое-какое до васъ.

— Заложить что либо жалеете?

— Нѣтъ, я не насчетъ закладовъ, а явился собственно предупредить васъ... Позвольте войти?

— Да зачѣмъ же... это... входить?... Можно и здѣсь... и здѣсь вѣдь можно объясняться, ватруднился Морденко, ставъ нарочно въ самыхъ дверяхъ, съ цѣлю попрепятствовать входу незнамаго гостя.

— Мнѣ надобно сообщить нѣчто вамъ, именно вамъ—по секрету... Вы видите, кажется, что я—полицейскій чиновникъ?...

— Не вижу; мундиръ этотъ ничего особаго не гласитъ: можетъ, я другаго какаго вѣдомства, а можетъ, и полицейскій—господь васъ знаетъ... Я впа никому нивакого не сдѣлать...

— Да противъ васъ-то есть зло!... Позвольте, наконецъ, войти мнѣ и объясниться съ главу на главу.

Морденко видимо колебался: онъ недовѣрилъ незнакому человеку, приведшему въ такую раннюю пору; наконецъ, бросивъ вскользь соображающій взглядъ на тяжелую связку весьма внушительнаго вида и свойства ключей, онъ проговорилъ, съ отѣвкомъ даже нѣкоторой угрозы въ голосѣ:

— Ну, войдите... войдите!—буде ужъ вамъ такъ хочется объясниться.

Надзиратель вошелъ въ извѣстную уже читателю пріемную комнату, и помѣстился на одномъ изъ немногихъ, вѣрнѣе убогихъ стульевъ.

— Незвѣстно ли вамъ, приступилъ онъ къ дѣлу: — не было ли когда на васъ злаго умыслу?

Морденко встрепенулся, остановился на мѣстѣ, и раздумывая о чемъ-то, склонилъ немного на бокъ голову, неопредѣленно уставивъ глаза въ уголъ комнаты.

— Былъ и есть... всегда есть, рѣшительно отвѣтилъ онъ, подумавъ съ минутой.

— Не злоумышляли ль, на примѣръ, на жизнь вашу?

— Злоумышляли. Вотъ скоро годъ, какъ у наружной двери былъ выломанъ замокъ... Я отлучался изъ дому— у меня вѣдь все на болтахъ, на запорѣ: коли ломать, такъ нуженъ дьявольскій трудъ и сила, отъ дьявола сообщенная, а человеку нельзя, невозможно; такъ въ мое отсутствіе и своротили. А двери вотъ въ эту комнату выломать не удалось— силы не хватило... Такъ и удрали. Объ этомъ и дѣло въ полицію было... слѣдствіе направили и актъ законный составили.

— Ну, такъ вотъ и нынче на вашу жизнь злоумышляютъ, любезно сообщилъ надзиратель.

Морденко нахмурился и пристально, серьезно посмотрѣлъ на него.

— А!... я это зналъ! протанулъ онъ, вивая головой: — а это зналъ... Но вы-то почему знаете?

— Я-то?... Я былъ извѣщенъ.

— А кто извѣстилъ васъ?

— Это ужъ мое дѣло.

— Нѣтъ-съ, позвольте!... Вѣнше дѣло... А зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? Кто васъ послалъ? допытывалъ онъ, строго возвысивъ голосъ.—Есть у васъ бумага какаянибудь, предписаніе отъ начальства, по коему вы явились не въ обычную пору?

— Нѣтъ, бумаги никакой не имѣется, улыбнулся надзиратель.

— А!... ни-ка-кой?... Никакой, говорите вы?... Такъ зачѣмъ же вы безъ бумагъ приходите? Почему я долженъ вамъ вѣрить? Почему я могу васъ знать? наступалъ на него, весь дрожащій, Морденно, тусклые глаза котораго свѣтились въ эту минуту какимъ-то тупымъ и кровожаднымъ блескомъ глазъ голодной волчицы, у которой отымають ея волчешагъ. Онъ поставилъ на столъ свой фонарь и судорожнымъ движеніемъ крѣпко сжалъ въ кулаки связку ключей.

— Какъ вамъ угодно, сухо поклонился онъ, поднявшись со своего мѣста.—Я пришелъ съ моими людьми только предупредить васъ и, можетъ быть, преступленію... Но, если вамъ угодно быть убитымъ, въ такомъ случаѣ, извините... Люди мои спрячутся на дѣстницѣ и мы, во всякомъ случаѣ, успѣемъ захватить, того вамъ надобно... хоть, можетъ быть, и нѣсколько поздно... Извините, что потревожилъ васъ. Прощайте.

Тонъ, которымъ были произнесены эти слова, и присутствіе домоваго дворника въ прихожей разсѣяли нѣсколько сомнѣніи Морденна.

— Нѣтъ, ужь коли пришли, такъ оставайтесь, проворчалъ онъ глухимъ своимъ голосомъ, въ раздумчивомъ волненіи шагая по комнатамъ и не выпуская изъ руки ключей.

— Въ такомъ случаѣ, предложилъ надзиратель: — позвольте ужь мнѣ ввести моихъ людей и размѣстить ихъ, какъ слѣдуетъ. Одного мы спрячемъ въ кухню, а другого—въ этой комнатѣ.

Онъ указалъ на спальню.

Морденно съ тоскливою недовѣрчивостію подумалъ съ минутою и—

— Вводите, пожалуй! махнулъ рукою.

Люди были ввезены въ квартиру и спрятаны. Кухаркѣ отдано приказаніе — впустить немедленно и безпрекословно каждаго, кто бы ни постучался въ дверь.

— Я знаю... я знаю, что меня нынче убить хотять... Я все знаю! ворчалъ Морденно, измѣряя шагами отъ угла до угла пространство своей пріемной комнаты.

— А, это очень любопытно, подхватилъ надзиратель. — Черезъ кого же вы это знаете?

— Черезъ кого?

Остановка посреди комнаты и долгій всматривающій взглядъ.

— Черезъ исповѣдѣнье, государь мой... Мнѣ исповѣдѣнье было такое... Я знаю даже, кто и злоумышленникъ.

— А кто же, вы полагаете? спросил собесѣдникъ, уже сильно начинавшій сомнѣваться, не съ сомнѣвающимъ ли имѣть онъ дѣло?

— Я не *полагаю*, а *удостоверяю!* подчеркнуть старикъ безэмоціоннымъ образомъ.

— Ну, такъ сообщите; интересно знать.

— Извольте, милостивый государь. Это—она, кухарка, Христина, указавъ онъ на кухню, произносилъ свои слова таинственнымъ шепотомъ:—она, и сынъ мой, называющійся Иваномъ Вересовичъ—прямой блудникъ и безнравственный!... Они уже давно стоворились — убить меня! продолжалъ онъ, рассказывая въ сильной ажитации:—мнѣ сегодня всю ночь такое ясновидѣнье было, что сынъ большой голерь точить, а она зелье въ котелѣ варила. Давросите ее, какое именно она зелье варила? Непременно дапросите!

— Да вѣдь это только одне ясновидѣнья, замѣтилъ надзирающій.

— Ну да, ясновидѣнья! Потому-то значить, она и извразду варила, что мнѣ царь-небесный этокое ясновидѣнье послалъ!

— Ну, на сей разъ—являните—оно обмануло васъ: ни кухарка, ни сынъ вашъ не участвуютъ здѣсь. Это мнѣ положительно извѣстно.

— Нѣтъ, участвуютъ! Ужь это я знаю, и вы меня не разувѣрите!... «Положительно»... Да *положительно* только одинъ Господь Богъ и можетъ знать что либо; а мнѣ самъ Господь Богъ это въ ясновидѣннхъ открылъ—такъ ужъ тутъ никакія мудрованія меня не разувѣрятъ!... Незаконнорожденный сынъ мой давно уже на меня умысла держитъ; я вотъ потому хочу начальство упросить, чтобы его лучше на Амуръ сослали... Развѣ мнѣ его легко?... Какъ вы полагаете, легко мнѣ все это? Мнѣ—старикъ... отцу... одинокому? .. Легко, я васъ спрашиваю? остановился онъ, сложа на груди руки, передъ своимъ собесѣдникомъ, и старческий голосъ его дрогнулъ, а на сухихъ и тусклыхъ глазахъ вдругъ просочились откуда-то гонія слезы.

Но прошла минута; онъ замолчалъ — только еще суровѣе, съ сосредоточеннымъ видомъ сталъ ходить по комнатѣ своими медленными и тяжелыми шагами.

Нѣсколько времени длилось полнѣйшее молчаніе—едва только слышались стучаль, да Морденное ходить. Спросилъ и холодъ этой квартиры порядкомъ—такъ стали проминать квартальнаго.

— Однако, у васъ тово... холодно... Нельзя ли затопить? попросилъ онъ, поѣживаясь и растирая руки.

Морденко, при этой неожиданной просьбѣ, неслѣга взглянулъ на него, какъ-бы на своего личнаго врага.

— Затопить нельзя... вчера топлена, сухо возразилъ онъ: — а вотъ чай не угодно ли? У меня настояй хорошій изъ дѣлебныхъ травъ...

— Нѣтъ, этого не хочу, отказался квартирный.

Квартирный полюбозыствствовалъ оглядѣть Морденкину квартиру, что старика не больно-то нравилось; однако, нечего дѣлать—пошелъ за нимъ съ фонаремъ. «Кстати», подозрительно думалось ему: «огляну хорошенько, не капнулъ ли чего въ спальнѣ тотъ-то... спитаннѣй?»

Она вошла въ эту комнату. Тамъ особое вниманіе посетителя обратило на себя висѣвшее на стѣнѣ довольно странное росписаніе:

Понедѣльникъ.—Картофель.

Вторникъ.—Овсянка.

Среда (день постный). — Хлѣбъ и квасъ.

Четвертокъ. — Капуста кислая.

Пятокъ (день постный). — Хлѣбъ и квасъ.

Суббота. — Крупа гречневая.

Воскресенье. — Супъ молочный и крупа ячневая.

— Что это у васъ за таблица? освѣдомился квартирный.

Морденко немножко замаялся и закашлялся.

— Гм... это... гм... э... обиходное росписаніе стола моего, объяснилъ онъ:—въ какіе дни какую пищу вкушать надлежить... Я во всемъ люблю регулярность — поэтому у меня и распредѣлено.

— Но неужели же этимъ можно быть снту? изумился надзиратель.

— Кто, подобно мнѣ, дни свои въ постѣ и молитвѣ проводить, съ глубокимъ и серьезнымъ смиреніемъ замѣталъ старикъ: — тотъ и объ этой пищѣ забудеть... Ибо онъ насыщенъ уже тѣмъ, что духомъ своимъ съ Творцомъ собесѣдуетъ.

— А это что за комната у васъ, подъ замками и печатями?

Вопросъ шелъ о кладовой.

— Это? .. гм... гм... Это—моя молельня, поморщился Морденко.—Туда я отъ суеты мірскихъ уединяюсь и дни свои въ духов-

номъ созерцаніи провождаю... Тамъ мнѣ Господь-Богъ и ясно видѣніа посылаетъ.

«Врешь, старшій кричь; тамъ-то, надо-быть, у тебя раки-то и зимуютъ!» усомнился про себя надзиратель.

Старая стѣнная кукушка, маятникъ которой, словно старикъ на костыляхъ, спотыкался, отбивалъ секунды, захрипѣла и прокуковала шесть. Старшій попугай въ своей клеткѣ захрапѣлъ точно такимъ же образомъ и тоже началъ куковать. Надзиратель не выдержалъ и расхохотался. Морденко очень обидѣлся.

— Надъ безсловесной тварью грѣхъ смѣяться, заворчалъ онъ, отвернувшись въ сторону:—безсловесная тварь на обиду не можетъ отвѣтствовать обидою же; а хотимъ знать, можетъ она тоже чувствовать... Онъ у меня птица умная... все понимаетъ...

Прошло еще нѣкоторое время среди молчанія и ожиданій. Надзиратель уже начиналъ сердиться и подумывать, что слѣдуетъ задать Зеленькову изрядную впушку за ложное показаніе, какъ вдругъ въ наружную дверь слегка постучали.

Часы показывали половину седьмого.

Всѣ встрепенулись при этомъ внезапномъ стукѣ, у всѣхъ слегка дрогнуло сердце.

Кухарка пошла отворять и въ ту жь минуту раздался ея короткій пронзительный крикъ и глухой звукъ паденія человѣческаго тѣла.

Убийца тотчасъ же былъ схваченъ и связанъ двумя сплачами.

Грѣхѣ неудалось. Зато совершенно удалась облава.

XIII.

Дознаніе и актъ на мѣстѣ.

Связанный Грѣчка молчалъ — только мрачно глядѣлъ изподлобья, повода вокругъ злобными глазами, да тихо покачивался со стороны на сторону, какъ медвѣдь, пойманный въ тенѣта. Его, хоть и скрученнаго, не выпускалъ, держалъ за шиворотъ одинъ изъ городовыхъ сержантовъ. Остальные отправились въ прихожую поглядѣть, что случилось съ кухаркой. Она лежала въ обморокѣ, съ раскроенной щекой. Рана, хотя и не очень опасная, нанесена была желѣзнымъ орудіемъ. Вскорѣ, посредствомъ впрыскиванія холодной водой, женщину эту удалось привести въ чувство.

Тогда одинъ изъ людей былъ посланъ за понятными, которые

набираются въ этихъ экстренныхъ случаяхъ изъ живущихъ въ томъ же домѣ.

Между тѣмъ, еще до ихъ прихода, началось полицейское дознание.

— Кто таковъ? спросилъ надзиратель, взявъ у Морденки перо, чернила и листъ бумаги.

— Виленскій мѣщанинъ Осипъ Ивановъ Грѣчка, бойко отвѣчалъ связанный.

— Чѣла?

— Сорокъ-пять.

— Исповѣданія?

— Ну, ужъ этого не знаю, а надо полагать — хрестыанской вѣры.

— Зачѣмъ приходилъ въ квартиру господина Морденки?

— Жилетку свою выкупать... у меня тутъ жилетка завладѣла — въ полтинѣ серебра заложена.

— Правду онъ показывается? отнеси допросчикъ къ Морденкѣ.

Старикъ молчалъ, переминаясь съ ноги на ногу, и не зналъ, что отвѣчать.

— Правду ли онъ показывается? повторилъ квартальный.

— Да ужъ всеконечно правду, ваше благородіе, отозвался Грѣчка:—жилетка моя, надо такъ полагать, лежитъ у него воиъ въ той запертой комнатѣ.

— Тамъ нѣтъ никакой жилетки! никакой жилетки нѣту! тревожно забормоталъ встрепенувшійся Морденко.

— Нѣтъ, есть! оппонировалъ Грѣчка.—Коричневая плюшевая въ желтую клѣтку, съ бронзовыми пуговками. Да прикажите отпереть, ваше благородіе, такъ и увидите сами; а то что жъ челоуѣка завапрасну вязать? Я не разбойщикъ какой, а пришелъ вещь свою выкупить.

— Тамъ, другъ любезный, такъ!... А кухаркѣ-то щеку зачѣмъ раскрылъ?

— Сама подвернулась... Она первая съ кузачищами на меня накинулась, а я только оборонявшись, призадѣлъ ее маленько

— Что и говорить! Не видалъ я, что ли? виѣшался державшій его господовой.

— А ты молчи, милый челоуѣкъ, потому, ты по закону не свидѣтель; а такъ есть ты нашъ тѣлохранитель, значить—ты и молчи! наставительно поучалъ его Грѣчка.

— Ишь ты, законникъ какой уродился! сказалъ надзиратель.—
Надо быть, на юридическомъ факультетѣ экзаменъ держалъ? а?

— Это что пустяки толковать, ваше благородіе! А вы прикажите лучше отпереть ту комнату, потому я вамъ дѣло докладываю.

— Пожалуй, будь по твоему... Господинъ Морденко, отойдите! предложилъ надзиратель, который, занимаясь специально розыскной частью, очень хорошо зналъ, что къ ростовщикамъ часто приносятся краденныя вещи. Онъ, собственно для себя, хотѣлъ оглядѣть коллекцію Морденки, въ чашии, не встрѣтится ли тамъ что-нибудь подходящее, за что можно бы удѣлиться при случаѣ, во многихъ изъ производимыхъ имъ розысковъ, гдѣ часто по одной случайно-попавшейся ниткѣ, размотывается цѣлый запутанный клубокъ.

Старикъ еще пуще сталъ морщиться и заминаться отъ его предложенія.

— Да на что вамъ она, эта комната? упрямивалъ онъ жалобнымъ голосомъ:—ничего тамъ интереснаго для васъ нѣту... Тамъ образа мои хранятся.

— Однако, вы слышали показаніе этого человѣка?—наде же мнѣ удостовѣриться! Я—законъ! внушительно произнесъ онъ, со своей осанкой:—а законъ безпристрастенъ.

— Я не отворю ее, рѣшительно сказалъ Морденко.

— Въ такомъ случаѣ, когда придутъ понятые, я самъ буду отворять при свидѣтеляхъ.

Последній аргументъ подѣйствовалъ.—Пусть лучше ужъ одинъ оглядитъ, чѣмъ при людяхъ-то—собламану меньше—и се задохомъ глубокаго сокрушенія, свалъ старикъ дрожащею рукою печати, отожмулъ висячіи и дверной замки, отодвинулъ засовъ—и дверь растворилась.

Большая двухъоконная комната снизу доверху была заставлена шкатурами и полками, гдѣ хранились всевозможныя вещи. Противъ дверей висѣла на стѣнѣ вышитая гарусомъ картина: какой-то швейцарецъ съ мушкетеромъ. Эта картина, подобно стеклянной рамѣ въ кютахъ, ходила на петляхъ и открывалась посредствомъ особаго маленькаго механизма, открывала съ собою цѣлый потайной шкафчикъ, наполненный золотыми часами, карманнымъ, брилліантами и тому подобными драгоценностями. На вѣшалкѣхъ висѣли мѣха и множество всякаго платья. Къ каждой вещи былъ привязанъ ярлыкъ, на которомъ старикъ

нимъ вечеромъ помѣченъ номеръ и сдѣлана законическая надпись: «*me zkradli!*»

— Для чего у васъ эти надписи? спросилъ слѣдователь.

— А это такой талисманъ, пояснилъ Морденко.— Божан, оборони богъ, заберется сюда мошенникъ, да протанеть въ нимъ руку—такъ рука у него тутъ же и отсохнетъ.

— Это вы тоже по ясновидѣнью?

Морденко состроилъ висячую физиономію: ему крайне неприятны были всѣ эти вопросы.

— И по ясновидѣнью, неморщась, отвѣчалъ онъ съ большой неохотою:—и по секрету отъ одного опытнаго человѣка, добродѣи моего.

— Ваше благородіе! Вотъ моя желетка! А вотъ и книжка, которую при мнѣ отдавалъ имъ въ закладъ ихній же спячечекъ! Воскикнулъ тѣмъ временемъ Грѣчка, по приказанію слѣдователя введенный въ ту же комнату подъ конвоемъ городового. Надзиратель очень озадачился послѣднимъ сообщеніемъ преступника, а Морденко пристально поглядѣлъ на него весьма многозначительнымъ взглядомъ, который ясно вопрошалъ: «а что? не моя ли правда выходитъ?»

— Кто же были твои сообщники? продолжалъ слѣдователь свои вопросные пункты.

— Никакихъ такихъ сообщниковъ у меня нѣтъ и не было, ваше благородіе, и не знаю я, зачѣмъ вы меня это спрашиваете? твердо отвѣтствовалъ Грѣчка.

— Ну, а Ѳомка-блаженный?... Этотъ какъ тебѣ вридется? вздумалъ огорошить его допросчикъ.

Грѣчка вздрогнулъ, но въ тотъ же мигъ оправился и оставилъ на него недоумѣлые глаза.

— Въ первый разъ слышу имя такое, ваше благородіе, убѣдительно возразилъ онъ:—и никакого такого Ѳомки не знаю я. Такъ и запишите.

Грѣчка строго хранилъ всѣ условія договора, заключеннаго въ Пятарацкомъ.

Въ эту минуту въ комнату вошло новое лицо.

Старикъ встрѣтилъ его съ злобной, торжествующей улыбкой.

— Я пришелъ выкупить альбомъ и жилетку—вчера вечеромъ деньги кой-какія получилъ, началъ Вересовъ, обращаясь къ отцу и не различая еще въ слишкомъ слабо-освѣщенной комнатѣ постороннихъ людей.

— Опоздалъ, другъ любезный, опоздалъ! киваль голову! старикъ, съ какою-то алорадной проницей: — очень жаль, но что жь дѣлать! на себя нечая; опоздалъ... Надо бы раньше было, тогда бь удалось, а теперь опоздалъ... опоздалъ!...

— Ваше благородіе! раздался голосъ Грѣчки: — что жь тутъ тантъся! Пишите показаніе—повиненъ, молъ; а вотъ и сообщникъ мой! прибавилъ преступникъ, нагло указавъ на Вересова: — чай, сами позволили слышать, что пришелъ мою клетку выкупать?

Вересовъ ничего еще не понималъ, но уже догадался, что здѣсь, должно быть, произошло что нибудь недоброе, страшное. Вспомнилъ онъ, что прохода переднюю, слышалъ стоны кукарки; теперь же—видитъ полицію и связаннаго человѣка. Онъ поблѣднѣлъ, смутылся и, ослабѣвъ, опустился на стулъ.

— Пишите же, ваше благородіе, пока на меня такой стихъ нашелъ, а буде не запишите, такъ раздумаю и откажусь, покалуй! торопилъ Грѣча, въ умъ котораго, при входѣ Вересова, блестнула такого рода мысль: «махну-ка, что молодець, молъ, сообщникъ мой! Отецъ авось не захочетъ подымать на роднаго сына уголовщину и потушить дѣло, по крайности цѣль отвертнись». Какъ задумалъ, такъ и махнулъ.

— Пишите же, ваше благородіе! понукалъ онъ: — хона отъ вашего акта завсегда *съ нелому-злыку* можно отыгратъся потомъ; одначе жь, такъ-какъ ваша милость, при этой оказіи, ни одной зуботычны миѣ не закатали, такъ хочу я, по крайности, уваженіе оказать вамъ. Пишите, что въ субботу вечеромъ ми съ сынкомъ ихнимъ вотъ—на лѣстницѣ внизу, на убивство уговоръ держали.

Вошли понятые, между которыми находился и прикащикъ изъ мелочной лавки. У Грѣчки сдѣланъ обыскъ, при чемъ найдено: за голенищемъ—большой складной ножикъ, какъ видно, весьма недавно наточенный; въ карманахъ—небольшой желѣзный ломикъ, съ заостреннымъ концомъ, и рублевая бумажка. Во время дознанія, въ суетѣ, эта бумажка куда-то вдругъ лезчала, затерялась, такъ-что никакъ не могли отыскать. Она повоклась за пазухой Морденки, который, воспользовавшись удобной минутой, очень ловко стащилъ ее со стола, при мысли, что «вотъ, молъ, ты убить меня хотѣлъ, такъ вотъ же тебѣ!»

Кромѣ Осипа Грѣчки, о случившемся происшествіи показали: С.-Петербургскій мѣщанинъ Осипъ Захаровъ Морденко, что

«воспитанникъ» его былъ всегда грубъ, дерзокъ и непочтителенъ; что онъ, Морденко, подозрѣваетъ его, Вересова, въ зломъ умыслѣ на себя, потому что онъ закладывалъ вещи вмѣстѣ съ Грѣчкою, какъ видно изъ собственноручной росписки ихъ въ записной книгѣ.

Выборгская мѣщанка, Христина Ютсолла, согласно Морденкѣ, показала: что самолично впускала и выпускала изъ квартиры Ивана Вересова съ неизвѣстнымъ ей человѣкомъ, за котораго она, однако, ясно признаетъ Осипа Грѣчку.

Дворникъ дома видѣлъ, какъ въ субботу вечеромъ Морденко встрѣтился у воротъ съ Вересовымъ, и какъ они, поговоривъ между собою, вошли въ калитку, а непосредственно за ними, вошелъ въ ту же калитку высокій человѣкъ въ короткомъ пальто. Около часу спустя, онъ же, дворникъ, выпускалъ изъ калитки Вересова съ высокимъ человѣкомъ и видѣлъ, что спустились они въ мелочную лавочку, откуда вскорѣ выйдя, дружелюбно между собою распрощались и пошли въ разныя стороны. Въ высокомъ человѣкѣ дворникъ признаетъ Грѣчку.

Прикащикъ мелочной лавки заявилъ, что приходившіе къ нему два человѣка, въ коихъ онъ ясно узнаетъ Вересова и Грѣчку, купили по фунту ситнаго хлѣба и колбасы, мѣняли трехрублевую бумажку, сдачей поровну раздѣлились между собою, съѣли купленные ими припасы, при чемъ разговоръ шелъ о постороннихъ предметахъ, и наконецъ, дружелюбно простясь, удалились изъ мелочной лавки.

— Чтò вы на это скажете, молодой человѣкъ? въ начальственно-менторскомъ духѣ отнесся къ Вересову надзиратель.

— Что позазанія кухарки, дворника и сидѣльца—сущая правда! отвѣтилъ Вересовъ голосомъ, который видимо старался сдѣлать спокойнѣе. Онъ былъ очень блѣденъ и слегка дрожалъ.

— Стало-быть, вы при свидѣтеляхъ чистосердечно признаете себя виновнымъ?

— Нѣтъ, я невиноватъ, съ твердымъ убѣжденіемъ возразилъ молодой человѣкъ.

— Тутъ есть явное противорѣчіе, по крайней мѣрѣ, такъ учить насъ логика, замѣтилъ надзиратель, многозначительно шевельнувъ толстыми бровями, и принявъ свою повелительную осанку, официально-звучнымъ голосомъ проговорилъ Вересову:

— Именемъ закона — вы арестованы!

Всеволодъ Крестовскій.

ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛЬ.

ЗАПИСКИ ЭНРИКЕТТЫ КАРАЧЧОЛО (*).

(Изъ рода князей Форино, бывшей монахини бенедиктинскаго ордена).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

Votum feci,
Gratiam accepi.

(Я дала обѣтъ и приняла благодать).

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Принимаясь писать эти записки, я имѣла единственною цѣлю подтвердить фактами, на сколько это мнѣ возможно, справедливость и своевременность декрета, которымъ правительство уничтожаетъ монашескія учрежденія, и въ то же время вывести изъ заблужденія тѣхъ, кто считаетъ монастыри убѣжищемъ всѣхъ духовныхъ добродѣтелей, если есть еще люди, чистосердечно держащіеся этого мнѣнія.

Необходимо снять завѣсу со многихъ тайнъ, чтобы доказать, что народъ, запертый въ монастыряхъ, олицетворяетъ собой цѣлый разрядъ идей, противоположныхъ не только идеямъ лучшихъ мыслителей вѣка, но и воззрѣніямъ, укоренившимся уже въ общественномъ мнѣніи всей публики. Не будь монастырскаго заточенія, видаль ли бы свѣтъ такое множество дѣвушекъ съ наклонностями, влекущими ихъ къ привольному житію, и между тѣмъ, заживо скороненныхъ въ тюрьмахъ, недоступныхъ всякому наружному свѣту и самому голосу человѣчества, благодаря неестественному равнодушію родителей и сѣтямъ, хитро разставленнымъ для нихъ духовниками? И сколько между ними такихъ, которыя раскаявшись въ обѣтѣ, безвозвратно похитившемъ ихъ у семейныхъ привязанностей и обязанностей, назначенныхъ имъ самимъ Господомъ, провлачивъ нѣкоторое время свое жалкое существованіе, скондали въ безвременную могилу, неоплаканныя ни матерями, ни сестрами, ни подругами! Я знаю, что немало число и безплодная дѣятельность сторонниковъ монашества, въ рясахъ и безъ оныхъ; знаю, что они могутъ возразить мнѣ, что еслибы были

(* MISTERI DEL CHIOSTRO NAPOLETANO, memorie di Enrichetta Caracciolo, (de principi di Forino, exmonaca Benedettina).

основательны мои сужденія о послѣдствіяхъ монастырскаго заточенія, всѣ монахини, теперь уже имѣющія на это право, дивно бы покинули обители, тогда какъ этого вовсе не случается, особенно въ нашихъ южныхъ провинціяхъ.

На это я отвѣчу, что первая, даже единственная, исключительная забота духовниковъ этихъ несчастныхъ созданій заключается въ томъ, чтобы подавить ихъ умственную жизнь, довести ихъ до жалкаго нравственнаго безсилія, по каплямъ вливая въ ихъ души эгоистическія и мизантропическія правила, ужь, конечно, взятая не изъ ученія Христа, и заставляя ихъ видѣть за порогомъ монастырскаго приѣмнаго душевную погубительную и бездну крошечную, показывая имъ за монастырскаго оградой небесныя проклятія и римскіе громы, готовые разразиться надъ головою еякой, которая осмѣлится перешагнуть черезъ эти границы. Къ тому же разсказъ мой вращается на самыхъ недавнихъ фактахъ. Я привожу годъ, имена мѣстностей и лицъ, такъ-что каждому весьма легко будетъ изслѣдовать и разузнать всю истину. Упрекнуть меня можно развѣ только въ томъ, что я промолчала о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся собственно меня, что я оставила въ тѣни нѣкоторые эпизоды, заслуживающіе, быть можетъ, болѣе полнаго освѣщенія; на это я замѣчу, что тутъ въ убыткѣ остаюсь одна я, такъ-какъ это полумолчаніе не одинъ разъ отнимаетъ у моихъ записокъ прелесть яркаго колорита и драматическую рельефность, которыя придали бы имъ болѣшую цѣнность. Но къ этому молчанію и этимъ выпускамъ меня побудило уваженіе къ умершимъ, къ семействамъ и нерѣдко къ самой себѣ.

Эрикетта Карачоло.

Кастелламаре (близъ Неаполя).

1864 года.

I.

Мое дѣтство.

Не для того, чтобы покичиться своимъ происхожденіемъ, а только по долгу біографа, и чтобы яснѣе показать, въ какомъ униженіи бурбонское правительство держало туземную аристократію, не допуская притомъ низшія сословія извлечь изъ этого малѣйшую для себя пользу, скажу, что родъ Карачоло, къ которому считаю за честь принадлежать—одинъ изъ первыхъ и наиболѣе извѣстныхъ родовъ въ Неаполѣ. Отецъ мой, второй сынъ Дженнаро Карачоло, князя Форинно, родился въ 1764 году. Онъ избралъ военную карьеру (такъ-какъ вслѣдствіе существовавшего тогда закона о майоратахъ, достоиніе младшихъ дѣтей было самое незначительное), и сорока лѣтъ женился на молодой палермитянкѣ, едва имѣвшей четырнадцать лѣтъ отроду. Тереза Кутелли произвела меня на свѣтъ 17-го февраля 1821 года, послѣ

четырёх других дочерей, и назвала меня Энрикеттой, въ честь одной изъ сестеръ моего отца, монахини; эта тётка моя была однимъ изъ безчисленныхъ приношеній, исвони жертвуемыхъ нашимъ родомъ ордену св. Бенедикта. Родилась я въ Неаполѣ, въ нашемъ родовомъ палаццо, не болѣе какъ за нѣсколько недѣль до того времени, когда Италия и Греція, эти два свѣтила древней цивилизаціи, снова подняли свое чело, воодушевленные жаждой независимости, и мнѣ было всего три мѣсяца, когда мена отвезли въ Бари, куда переѣхала вся наша семья, вслѣдствіе назначенія монаршимъ привазомъ отца моего, достигнувшаго въ то время званія маршала, въ военные начальники этой провинціи.

Помнится мнѣ, какъ будто только вчера происходило оно, одно приключеніе, случившееся со мной въ Бари, когда мнѣ окончился третій годъ.

Семья моя, приглашенная на маскарадъ, вздумала взять и меня, одѣтую въ костюмъ маленькой крестьянки. Но меня скоро одолѣлъ сонъ, и мать моя, завернувъ меня въ шаль, отдала лакею, приказывая ему снести меня домой и сдать на руки горничной. Между тѣмъ танцы, бывшіе въ ту минуту въ полномъ разгарѣ, еще долгое время не прерывались. По окончаніи ихъ, мать моя потребовала лакея, чтобы распросить его, не проснулась ли я и не плакала ли по дорогѣ. Лакея не оказалось и никто не видалъ его возвращенія. Встревоженные мои родители немедленно отправили посла къ намъ домой, чтобы узнать, что сдѣлалось со мною и лакеемъ; но горничная объявила, что ей никто не отдавалъ ребенка; такой отвѣтъ еще болѣе увеличилъ ихъ безпокойство. Отецъ мой самъ поспѣвалъ домой и съ трепетомъ допрашивалъ горничную; но та могла только повторить, что ова никого не видала. Волненіе моей семьи тогда не знало границъ и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ родственниковъ и друзей, мои домашніе всѣ уѣхали изъ маскарада и принялись искать меня. Хлопотливо металась она изъ стороны въ сторону, нѣсколько разъ возвращаясь по одной и той же дорогѣ, но поиски ихъ оказались тщетными. Наконецъ, мои родители рѣшились поискать и въ другихъ улицахъ, и послѣ странствованія, продолжавшагося нѣсколько часовъ, увидѣли полурастворенную дверь харчевни, въ которой, судя по страшному шуму и гаму, очевидно происходилъ ночной кутѣжъ. Распахнувъ дверь, они увидѣли меня, лежащую на двухъ составленныхъ стульяхъ и погруженную въ сладчайшій сонъ, между тѣмъ какъ пьяный лакей съ громкими возгласами лѣзъ въ драку съ нѣсколькими собесѣдниками этой буйной пирушки. Поспѣшность, съ которой мать моя схватила на руки свою драгоценную собственность, разбудила меня. Видъ непри-

вѣчной для меня сцены, крикъ отца моего, схватившаго негоднаго лакея за горло и заставившаго его растянуться на полу, глубоко врѣзали это пробужденіе въ моей дѣтской памяти. Оно осталось первымъ и самымъ давнишнимъ воспоминаніемъ моей жизни.

Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Бари, отецъ мой, вызванный въ Неаполь по телеграфу, внезапно уѣхалъ. Бурбоны имѣли обыкновеніе дѣйствовать съ тѣмъ таинственнымъ терроризмомъ, который запечатлѣлъ такимъ ужасомъ въ исторіи ния Совѣта Десяти. Не объясняя ему причинъ, правительство разжаловало отца моего въ четвертый классъ и съ немалымъ трудомъ ему удалось дознаться, что его обвинили въ какомъ-то политическомъ проступкѣ. Онъ сообщилъ моей матери, чтобы она немедленно собралась въ путь и отправилась въ Неаполь всей семьей, попросивъ одного изъ его друзей сопровождать ее. Поспѣшно устроивъ всѣ дѣла, мы тотчасъ же сѣли въ почтовую карету, чтобы скорѣе прибыть въ столицу. На третій день нашего путешествія, мать моя вдругъ замѣтила, что лицо офицера, сопровождавшаго насъ по просьбѣ отца, покрылось мертвеною блѣдностью. Она спросила, чтѣ съ нимъ, и онъ отвѣтилъ, что чувствуетъ себя очень нехорошо. Черезъ нѣсколько минутъ офицеръ высунулся изъ кареты—и каковъ былъ ужасъ всѣхъ насъ, когда мы увидѣли, что изъ несчастнаго потокомъ полила кровь! Въ такомъ плачевномъ состояніи, при опасности для больного съ минуты на минуту изойти кровью, намъ пришлось продолжать путь до первой деревни, гдѣ бы можно было доставить ему медицинское пособіе. Впрочемъ, всѣ средства оказались тщетными и онъ не дожилъ до заката солнца. Эта катастрофа навѣяла на насъ глубокое уныніе. Грустно продолжали мы путешествіе наше и я, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, нѣсколько разъ плакала отъ жалости объ умершемъ.

Прибывъ въ Неаполь, мы застали главу нашего семейства крайне опечаленнымъ сдѣланной ему несправедливостью. Намъ всѣ почти совѣтовали молить короля о правосудіи, и мы дѣйствительно всею семьей отправилась къ нему; но Францискъ I, царствовавшій въ то время, былъ столько же бездушенъ и жестокосердъ, какъ и его отецъ, и остался неумолимымъ, вслѣдствіе чего мы пришли въ положеніе, близкое къ нищенству. При многочисленности нашей семьи, жалованья офицера 4-го класса едва хватало на самыя вопіющія нужды жизни. Три цѣлыхъ года провели мы въ такомъ стѣсненномъ положеніи и въ постоянныхъ лишеніяхъ, пока наконецъ отецъ мой былъ оправданъ; ему воз-

вратили званіе 1-го класса и назначили его военнымъ начальникомъ въ провинцію Реджо, въ Калабріи.

Мы наняли англійскую бригантину и уложили въ нее весь нашъ багажъ, въ ожиданіи приглашенія капитана сѣсть на корабль. Было 15-е октября 1827 года. Проливной дождь, вмѣстѣ съ густымъ туманомъ, затмевали дневной свѣтъ. Казалось, ночь настала еще до заката солнца. Положивъ себѣ отчалить, несмотря на неблагоприятную погоду, капитанъ прислалъ просить насъ на бортъ. Родители мои стали-было протестовать, но приказъ былъ формальный и англичанинъ не допускалъ комментаріевъ о состояніи атмосферы, такъ что мы вынуждены были отправиться въ море, несмотря на лившій какъ изъ ведра дождь и на яростныя волны, обступавшія насъ со всѣхъ сторонъ. Страннымъ показалось моимъ родителямъ упорство капитана, собравшагося въ путь въ такую непогоду; но онъ показалъ имъ списокъ нѣсколькихъ рейсовъ, которые ему непременно нужно было совершить, чтобы въ день новаго года быть въ Лондонѣ, гдѣ его ожидала одна молодая дѣвушка, нѣжно имъ любимая. При этомъ онъ добавилъ, что еслибы всѣ стихіи разразились надъ его бригантиной, то и тутъ онъ не отступилъ бы отъ начертаннаго имъ маршрута, и что только одна смерть можетъ ему помѣшать обнять обожаемую женщину въ самый вечеръ новаго года. При такомъ рыцарскомъ объясненіи, на лицѣ отца моего гнѣвъ смѣнился смѣхомъ: смѣялся онъ потому, что ему показался страннымъ англо-саксонецъ, съ такимъ жаромъ выражавшій свою страсть; гнѣвался же онъ упорству безразсуднаго моряка, рѣшившагося, изъ личной прихоти, вступить въ бой съ разъяренными стихіями. Но нашъ багажъ уже находился на кораблѣ и волей-неволей пришлось уступить деспотизму капитана. Мнѣ въ то время не было еще семи лѣтъ, но изъ знаковъ, которыми мѣнялись отецъ мой и мать, я понимала, что ихъ приводила въ трепетъ буря, усилившаяся отъ страшнаго вѣтра и сопровождаемая громомъ, молніей и градомъ. Я заплакала вмѣстѣ съ сестрами, и меня не могли успокоить ни ласки родителей, ни утѣшенія капитана, выбивавшагося изъ силъ, чтобы убѣдить насъ на какомъ-то небываломъ діалектѣ, составленномъ изъ самыхъ разноплеменныхъ словъ, что опасности не было никакой. Едва мы выбрались изъ залива, какъ отъ набѣжавшаго съ немовѣрной силой вала, корабль склонился на одинъ бокъ. Багажи наши, которыхъ было-таки немало, сложенные въ кучу на палубѣ, со страшнымъ трескомъ повалились въ наклонную сторону корабля.—То было поистинѣ критическое мгновеніе. Еслибы не быстрый маневръ англійскаго экипажа, вмѣгъ устано-

вившаго и прикрѣпившаго желѣзными кольцами ящики, чемоданы и сундуки—бригантна потеряла бы равновѣсіе. Къ счастью, недолго длилось плаваніе. Вечеромъ на второй день, мы уже были въ Мессинѣ. Въ теченіе многихъ еще часовъ, продолжалась кружиться у насъ голова, и только освѣжившись продолжительнымъ сномъ, мы снова почувствовали себя въ вожденномъ здоровіи.

На слѣдующее утро, въ мессинскій портъ прибыла еще бригантна. Поощренная нашимъ отплытіемъ, она захотѣла слѣдовать за нами, но ей не повезло счастье, какъ намъ: ей пришлось сбросить въ море значительную часть своего груза, и она кромѣ того везла женщину, умершую отъ испуга и морской болѣзни. При этой вѣсти, мы вознесли благодарность къ Господу за наше спасеніе, и для того, чтобы переправиться черезъ проливъ въ Реджо, дождались совершеннаго проясненія погоды. Три дня спустя, солнце восходило среди обычной лазури сицильянскаго неба и вполне укрощенное море обѣщало намъ спокойное путешествіе. Черезъ нѣсколько часовъ мы прибыли въ Реджо, жители котораго съ большимъ радушіемъ привѣтствовали насъ на берегу. Четыре кареты привезли нашу семью въ величественный палаццо, назначенный моему отцу. Красота мѣстоположенія, веселое общество, калабрійское гостепріимство въ нѣсколько дней изгладили изъ нашей памяти трехлѣтнюю нужду, претерпѣнную въ столицѣ и зловѣщій ревъ бури.

Какъ легко тераются слѣды несчастія въ дѣтскомъ возрастѣ!... Могла ли я въ то время предчувствовать, сколько новыхъ бурь и бѣдъ ожидало меня въ жизни?

II.

Л ю б о в ь.

Однообразно протекло восемь лѣтъ, безъ всякихъ замѣчательныхъ происшествій. Дѣтскія игры и уроки наполняли день, а вечеромъ у насъ обыкновенно собиралось избранное общество военныхъ и калабрійцевъ, и между ними нѣсколько лицъ, пользовавшихся литературной извѣстностью. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ, мои три старшія сестры вышли замужъ, такъ что я осталась дома одна съ четвертой сестрой, Джузеппиной, годомъ старше меня. Она была красавица, но обречена на несчастіе, ангель тѣломъ и душой... Увы, ея ужъ нѣтъ!

Здоровье мое до этого времени было весьма ненадежно. Нервная по темпераменту, всегда блѣдная лицомъ, слабого тѣлосло-

женія, одаренная чрезмѣрной, слѣдовательно пагубной, чувствительностью, я не обѣщала достигнуть размѣровъ крѣпкого и нормальнаго организма. Но по вступленіи моемъ въ четырнадцатый годъ, я неожиданно развилась и блѣдность мою замѣнилъ румянецъ, казавшійся ярче, чѣмъ онъ былъ на дѣлѣ отъ смутности цвѣта моего лица. Къ несчастію (если любовь можетъ назваться несчастіемъ), моему раннему тѣлесному развитію сопутствовало и развитіе сердца. Куда дѣвалась вдругъ безмятежная дѣтская безпечность, куда дѣвался подкрѣпляющій, улаживательный сонъ? Я ощутила въ душѣ каку-то крайне тяжелую пустоту, которую силилась наполнить чѣмъ-то смутнымъ, неопредѣленнымъ, чего и сама еще не могла себѣ уяснить. Одного взгляда, одного слова довольно было, чтобы ускорить бѣженіе моего сердца и заставить меня вообразить, что я внушила чувство, подобное тому, которое испытывала сама. Затѣмъ слѣдовало разочарованіе: этотъ взглядъ былъ брошенъ невзначай, это слово было сказано изъ одной вѣжливости, безъ всякаго участія въ немъ сердца. Впрочемъ, воспитаніе, данное намъ матерью, было самое строгое. Въ обрѣзъ измѣрала она тотъ часъ, который позволялось намъ провести на балконѣ, чтобы любоваться гуляньемъ, и малѣйшая просрочка съ насъ взмывала къ строгимъ наказаніямъ. Но кто не знаетъ, какъ мятежно противъ наказаній четырнадцатилѣтнее сердце?

«... Ben sa il ver chi l'impara,
«Com'ho fatt'io, con mio grave dolore!»
(Хорошо знаетъ истину тотъ, кто, подобно мнѣ,
Узналъ ее цѣною тяжкихъ страданій!)

Именно на этомъ балконѣ закатился послѣдній изъ моихъ веселыхъ дней.

Въ толпѣ денди, вереницей тивувишихся мимо насъ, я замѣтила красиваго молодого человѣка, который упорнѣе другихъ впередъ въ меня взглядъ, какъ-бы любясь мной. Вглядѣться въ него, вспыхнуть, затрепетать—все это для меня было дѣломъ мгновенія. Нѣсколько разъ проходилъ онъ мимо балкона въ тотъ же день. Приятная томность его глазъ, его спокойная, мѣрная походка, довольно высокій его ростъ, наконецъ, стройность его стана убѣдили меня, что именно онъ, и никто другой, есть герой моихъ радужныхъ грѣзъ, воплощеніе моего желаннаго идеала. Когда онъ сталъ удаляться, я позвала горничную и спросила ее, не знаетъ ли она его лично или хоть по фамиліи? Она, сама урожденная изъ Реджо, отвѣчала утвердительно. Это былъ Карло ..., старшій сынъ семейства, если не очень богатаго, то довольно зажиточнаго.

Образъ красиваго юноши не переставалъ являться моему воображенію, облеченный въ самыя идеальныя очертанія. Ночь показалась мнѣ нескончаемою, послѣдовавшій за ней день — вѣчностью, занятія — скучными, уроки — несносными; я тревожно выжидала того часа, въ который мнѣ позволялось выйти на мой любимый балконъ, въ надеждѣ снова увидѣть того, кто со вчерашняго дня владѣлъ всѣми моими помышлениями. Желанный часъ, наконецъ, насталъ. Я побѣжала на балконъ и имѣла неслезанную радость увидѣть его остановившимся подъ самымъ навѣсомъ. Въ одно и то же мгновеніе наши глаза встрѣтились — я побагровѣла. Карлъ замѣтилъ мое смущеніе, легкая улыбка промелькнула на его устахъ и, скромно поднявъ руку въ шляпѣ, онъ поклонился мнѣ. Откуда только взялась у меня смѣлость; смущенная, стыдливая, трепещущая, я отвѣтила на его поклонъ: въ эту минуту я переходила изъ безличнаго дѣтскаго состоянія въ сознанію.

Съ той минуты пропало мое спокойствіе; впрочемъ, мнѣ была крайне пріятна утрата его. Страданія любви, въ особенности первой любви, полны обворожительной прелести: одно мгновеніе счастья вознаграждаетъ за тысячу неприятностей. Сколько тайнаго наслажденія доставляли мнѣ въ то время меланхолическія пѣсни Петрарки, которыми я жадно упивалась среди ночной тишины! Какимъ нѣжнымъ вдохновеніемъ строфы «Освобожденнаго Іерусалима» оттѣняли мою грусть! Карлъ каждый день проходилъ мимо балкона; но замедленіе нѣсколькихъ минутъ въ тотъ единственный часъ, когда намъ удавалось видѣть другъ друга издали — дождь, иногда удерживавшій его — иной разъ неожиданное приказаніе матери сопровождать ее къ кому нибудь изъ знакомыхъ — все это для меня бывало источникомъ тяжкаго горя. Съ другой стороны, видя его, отвѣчая на его привѣтливые поклоны, мѣняясь съ нимъ хотя бы однимъ взглядомъ, я забывала все остальное и предавалась невыразному блаженству.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ изъявленія нашей любви ограничивались взглядами и взаимными поклонами. Любила я этого молодаго человѣка любовью поэтической, чистой, прозрачной какъ горный хрусталь; поэзія этой любви проникла все существо мое, хотя я бы не могла и не сумѣла бы дать ей выраженіе. Онъ всегда выказывалъ одинаковое желаніе видѣть меня, хотя нисколько не торопился послать къ моимъ родителямъ сватать меня; напротивъ, казалось, онъ старался скрыть наши невинныя, но все же несомнѣнныя любовныя отношенія.

Почти напротивъ самаго нашего дома находился палаццо, пер-

вый этажъ котораго уже долгое время былъ необитаемъ. Въ одно прекрасное утро я услышала стукъ тележки, остановившейся у воротъ его. Приподнявъ занавѣсъ у своего окна, я увидала, что она нагружена мѣбелю, которую и стали переносить въ первый этажъ. Еще разъ вернулась я къ окну, волнуемая какии-то пріятнымъ предчувствіемъ, и каково же было мое радостное удивленіе, когда я увидѣла Карла, стоявшаго на балконѣ и глядѣвшаго на мое окно. «Это онъ», думала я: «значить, онъ оставляетъ свое семейство, чтобъ устроиться поближе ко мнѣ!...» Лицо мое появилось изъ-за стекла; Карлъ, завидя меня, улыбнулся мнѣ и поклонился. Я убѣждала, боясь, чтобъ не вошла моя мать, но счастье такъ и свазывалось во всѣхъ моихъ движеніяхъ, оно сіло въ самой атмосферѣ, которою я дышала. Послѣ обѣда я, по обыкновенію, вышла на балконъ; Карлъ уже стоялъ на своемъ балконѣ. Онъ удалился въ глубину комнаты и выразительнымъ жестомъ спросилъ меня: люблю ли я его? Улыбаясь и глядя на него, я наклоненіемъ головы отвѣчала утвердительно. Вечеромъ въ тотъ же день, когда у насъ собрался нашъ обычный дружескій кружокъ, слухъ мой поразило милое мнѣ имя, произнесенное въ разговорѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, сидѣвшихъ невдалекѣ отъ меня. Съ напряженнымъ вниманіемъ стала я вслушиваться въ ихъ рѣчи. Они говорили, что Карлъ удалился отъ своего семейства, чтобъ основаться своимъ семействомъ съ женой... Это слово поразило меня; но несмотря на все мое вниманіе, мнѣ не удалось уловить ничего болѣе изъ ихъ разговора. Любовь моя къ Карлу стала возрастать еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ я чаще видѣла его, и несмотря на бдительность матери, я по нѣсколько разъ въ день подбѣгала къ окну, еще болѣе подстрекаемая къ тому тайной надеждою, что я именно и есть будущая жена, о которой упоминали въ тотъ вечеръ. Однажды, въ воскресенье, мать моя съ утра собралась изъ дому. Раскрывъ завѣтное окно и сѣвъ около него, я задумчиво любовалась Карломъ, въ тотъ день казавшимся мнѣ особенно очаровательнымъ. Онъ, съ своей стороны, ставъ около противоположнаго окна, дѣлалъ мнѣ знаки, принимаемые мною за изъявленіе живѣйшей любви. Глядя на него и лаская себя упительной мечтой, что небо создало его собственно для моего счастья, какихъ картинъ будущаго блаженства не рисовала я передъ собой! Есть ли для сердца влюбленной дѣвушки болѣе пламенно желаемый день, нежели день свадьбы? Слуху страстной дѣвушки такъ же обольстительно звучитъ слово *бракъ*, какъ слово *будущность*—слуху философа и религіознаго мечтателя... Но вдругъ вбѣгаетъ запыхавшаяся горничная и еще издали кричитъ мнѣ:

«— Снѣворина, что вы дѣлаете! отходите скорѣе отъ окна.

«— Зачѣмъ? спросила я въ испугѣ.

«— Вы любите до безумія этого мальчишку, а онъ на-дняхъ женится на другой.

«— Ты ошибаешься! проговорила я, и лицо мое покрылось мертвенною блѣдностью.—Ты ошибаешься! Кто могъ наговорить тебѣ такихъ глупостей?

И обратившись къ Карлу, я жестомъ спросила: любить ли онъ меня? Онъ восторженно и нѣсколько разъ сразу отвѣчалъ утвердительно.

«— Что, видѣла? воскликнула я.—Видишь, какъ ты ошибаешься.

«— Нѣтъ, не ошибаюсь. Вы еще слишкомъ молоды, чтобы понять, до какой степени доходить людская гнусность и коварство. Такъ же вѣрно, что этотъ лицемеръ менѣе нежели черезъ мѣсяцъ, женится на другой женщинѣ, какъ вѣрно то, что сегодня воскресенье. Мать моя говорила съ нимъ самимъ. «Какъ же это, синьоръ Карло, сказала она ему: — а я думала, что вы женитесь на молоденькой Карачоло». Онъ ей отвѣчалъ: «оно, пожалуй, можно бы, да приданого мало у ней».

При этихъ словахъ я громко зарыдала, и не могла удержаться отъ слезъ; затѣмъ, приложивъ къ глазамъ платокъ, еще разъ обратила на Карла вопросительный взглядъ, полный упрека и униженія. Онъ тревожными знаками сталъ спрашивать о причинѣ моего смущенія, но совѣсть, кольнувшая его, не замедлила открыть ее ему.

«— Да уходите же, синьорина, снова стала увѣщевать меня горничная. — Вы не должны болѣе удостоивать этого обманщика ни единымъ вашимъ взглядомъ.

Не отвѣчая ничего, я закрыла роковое окно, и отошла отъ него. Сердце у меня надрывалось. Горничная усердно хлопотала около меня; наконецъ, предавшись отчаянью, я залилась горькими слезами.

«— Безжалостный, восклицала я, вздыхая: — не довольно было такъ безчеловѣчно бросить меня — надо было тебѣ выбрать своимъ жилищемъ сосѣдній домъ, чтобы я постоянно видѣла тебя рядомъ съ замѣстившей меня женщиной.

Въ слезахъ и порывистыхъ изъясненіяхъ горя, провела я нѣсколько часовъ. Наконецъ, я стала стараться успокоить себя, боясь навлечь на себя вниманіе матери; но она немедленно по возвращеніи своемъ, замѣтила разстроенное выраженіе моего лица, красные и опухшіе глаза, и непремѣнно требовала, чтобы я открыла ей причину моего огорченія.

«— У меня сильно голова болить, отвѣчала я. Я не лгала. Поразившее меня горе было такъ велико, что я заболѣла. Послѣ

трехъ дней, проведенныхъ мною въ жестокой мукѣ, и впродолженіе которыхъ я старалась не видѣть Карла, и не показываться ему, у меня сдѣлалась гастрически-желчная лихорадка, и продолжалась двѣ недѣли. Впрочемъ, несмотря на болѣзнь, я не разъ послала горничную къ роковому окну, прося ее посмотрѣть, чѣмъ занимался Карлъ. Она каждый разъ говорила мнѣ, что въ его квартирѣ заперты всѣ окна. Я просила ее освѣдомиться у кого-нибудь изъ знакомыхъ, продолжаютъ ли брачные переговоры, потому что любовь, еще неослабленная въ душѣ моей, подавала мнѣ нѣкоторую надежду, что извѣстіе о моей болѣзни заставитъ его одуматься, и не дастъ ему довершить своей измѣны. Горничная возвратилась съ извѣстіемъ, что онъ цѣлыя дни проводитъ у невесты, и что одна только недѣля осталась до совершенія свадебнаго обряда. Этотъ послѣдній ударъ переполнилъ чашу. Всю ночь проплакала я, какъ плачутъ всѣ молодыя дѣвушки, когда приходится имъ покупать знаніе свѣта и людей цѣной слезъ и разочарованія. Есть ли на свѣтѣ женщина, никогда нелюбившая? Если есть, то такая женщина, хотя бы присвоила себѣ всю премудрость Платона и Аристотела, знаетъ свѣтъ только на половину.

Къ слѣдующему утру мысли мои успѣли проясниться. На сжогленную мою страсть, я собственноручно взвалила надгробный камень, и вирѣзала на немъ слово: «забвеніе!» Пусть раздражаютъ моему примѣру всѣ молодыя дѣвушки, которыя, благодаря здравому воспитанію, видятъ въ любимомъ человѣкѣ только будущаго мужа. Если съ тѣхъ поръ еще являлся передо мной образъ Карла, то уже только какъ могъ бы являться мнѣ образъ драматической личности, заинтересовавшей меня въ театрѣ.

Я стала выздоравливать. Однажды поздно вечеромъ, я услыхала стукъ колесъ многихъ экипажей, остановившихся неподалеку отъ нашего дома.

«— Антонія! позвала я: — Антонія!

Горничная прибѣжала.

«— Чтѣ это за шумъ на лѣстницѣ? Не невеста ли?

«— Да, синьорина, невеста. Ее родные везутъ въ домъ синьора Карла.

Я вздрогнула, какъ будто подъ вліяніемъ электрическаго удара.

«— Когда же свадьба? спросила я.

«— Сегодня же.

Я снова опустила голову на подушку и замолчала. Ни одно мятное чувство уже не шевелилось въ моей груди.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ разсказаннаго мною собтія, въ городѣ замѣтно было необыкновенное движеніе: Реджо

ожидалъ прибытія короля Фердинанда II, проѣздомъ изъ Палермо. Отца моего извѣстили еще на разсвѣтѣ, что королевскій пароходъ уже видѣнъ. Поспѣшно одѣвшись въ полную форму, онъ отправился встрѣчать монарха. Вечеромъ давался великолѣпный балъ въ палатцѣ Рамирасъ. Я одѣлась просто, но изящно. На мнѣ и Джузеппинѣ были надѣты креповыя платья серизоваго цвѣта на такомъ же шелковомъ чаллѣ; скромно открытыя плечи украшала массивная, золотая цѣпочка; волосы падали роскошными локонами по обѣимъ сторонамъ лица, на англійскій манеръ. Мы уже около получаса находились въ большой залѣ, когда вошелъ король. Отецъ мой, находившійся въ его свитѣ, представилъ насъ его величеству. Прежде нежели выбрать себѣ даму, король захотѣлъ остаться нѣсколько времени зрителемъ танцевъ.

«— Эти двѣ дѣвицы въ серизовыхъ платьяхъ — ваши дочери, маршалъ? спросилъ отца моего мужъ добродѣтельной Христины.

«— Да, ваше величество!

«— Поздравляю васъ! Онѣ прелестно танцуютъ.

Послѣ окончанія вальса, короля попросили избрать себѣ даму. Онъ направился ко мнѣ, чтобы самому лично ангажировать меня, а министру Дельбарретто, движеніемъ руки, указалъ на сестру мою Джузеппину, назначая ее себѣ *vis-à-vis*. Еслибы Фердинандъ II сдумѣлъ въ управленіи подвластнымъ ему народомъ выказать ту же рыцарскую любезность и прывѣтливость, которыми онъ щеголялъ, выдѣлывая со мною фигуры французской вадрили, то, быть можетъ, Италіи еще долго бы пришлось ждать осуществленія своихъ стремленій! Тотчасъ послѣ бала, король уѣхалъ.

Для меня, какъ и для столькихъ другихъ, политика въ то время была однимъ неосмысленнымъ словомъ: о ней рѣдко упоминали, потому что множество наушниковъ на всѣхъ наводило ужасъ... Кто бы могъ предсказать мнѣ въ тотъ вечеръ, что прійдетъ время, когда я буду ненавидѣть Фердинанда и сына его Франциска, и всѣхъ, кто только носить имя Бурбоновъ!

До 1838 года мнѣ уже не запомнить ничего достопримѣчательнаго, за исключеніемъ двухъ семейныхъ происшествій, о которыхъ упомяну въ немногихъ словахъ.

Въ обитаемомъ нами палатцѣ были небольшіе хоры, выходившіе въ церковь S. Agostino; тутъ слушали мы обѣдню и творили вечернія молитвы. Однажды Джузеппина проходила черезъ эти хоры, какъ вдругъ подъ ея ногами провалилась часть пола. Бѣднажка упала и лпшила чувствъ; въ первую минуту не придали случившемуся особенной важности, но несчастная дѣвуш-

ка осталась хромою, и даже, отъ послѣдствій этого паденія, сошла въ могилу нѣсколько дѣтъ спустя.

Въ другой разъ утромъ я вошла въ комнату отца, поздороваться съ нимъ, и почтительно взяла его руку, чтобы поцеловать ее, когда онъ, приподнявъ мою голову, съ испуганнымъ видомъ спросилъ меня, не больна ли я?

«— Нисколько! отвѣчала я.

«— Какъ, нисколько? Ты, навѣрное, нездоровал!

«— Вотъ славно! Право же, я чувствую себя прекрасно.

«— Да посмотри на себя въ зеркало!

Я подошла къ зеркалу: лицо мое было покрыто багровыми пятнами. Отецъ посадилъ меня около себя и послалъ сказать матери, чтобы она немедленно велѣла позвать доктора. Но какому же было наше удивленіе, когда взглянувъ на Джузеппину, тозе выходящую изъ своей комнаты, мы увидѣли, что на ее лицѣ еще больше пятенъ, чѣмъ на моемъ! Тогда вспомнили, что намъ давали принимать, отъ мучившаго обѣихъ насъ нервнаго кашля, пилюлю съ беллагоной, правда, только одну, но, вѣроятно, съ слишкомъ сильной порціей этого яда, и насъ сочли отравленными. Докторъ долго не явился, а наше состояніе съ минуты на минуту дѣлалось опаснѣе. Краснота, покрывавшая наше лицо, распространилась по всему тѣлу; кромѣ того, намъ овладѣло такое сильное биеіе сердца, что у насъ даже въ глазахъ потемнѣло. Наконецъ, пріѣхалъ медикъ, послѣ цѣлаго часа, проведеннаго нами въ томительномъ страхѣ, и прервалъ дальнѣйшее дѣйствіе яда, давая намъ внутрь большое количество лимоннаго сока и снѣга.

Былъ октябрь мѣсяць. Послѣ бури, пронесшейся надо мною въ видѣ несчастной любви моей къ Карлу, въ сердцѣ моемъ водворилась полнѣйшая тишина. Я уже съ крайнимъ равнодушіемъ могла видѣть этого человѣка около его жены, которая, случайно или вслѣдствіе умышеннаго желанія узвѣить меня, осыпала своего мужа самыми горячими ласками, каждый разъ, какъ взоръ мой нечаянно останавливался на нихъ. Мать моя въ этотъ промежутокъ произвела на свѣтъ еще двухъ дѣвочекъ: я нянчилась съ малютками, и это было для меня самымъ отраднымъ развлеченіемъ. Однажды вечеромъ, отца моего посѣтилъ вновь прибывшій гражданскій чиновникъ и привелъ съ собой сына, которому, повидимому, едва исполнилось двадцать лѣтъ. Я сидѣла въ гостиной, въ кругу остальныхъ членовъ моей семьи. Молодой человѣкъ, называвшійся Доменико, остановилъ свои взоры на мнѣ и уже не сводилъ съ меня глазъ во все время своего посѣщенія. Хотя его нельзя было назвать красавцемъ, но въ

дивно очерченныхъ глазахъ его искрился чарующій огонь. Сознавалъ ли онъ въ себѣ этотъ даръ, и не потому ли такъ пристально смотрѣлъ на меня? Знаю только одно, что подъ вліаніемъ этого притягивающаго взгляда, мною овладѣло какое-то странное смущеніе, какая-то неловкость. Я пыталась переимѣнить положеніе, разговаривать, развлекаться, но напрасно: этотъ неотступный взглядъ всюду преслѣдовалъ меня, непреодолимо меня притягивалъ, словомъ, магнетизировалъ меня.

На слѣдующій день я снова увидѣла этого молодаго человѣка на гуляньѣ, вечеромъ еще разъ увидѣла его въ театрѣ. Съ этого дня я не могла уже ступить за порогъ дома, не встрѣчаясь съ нимъ; глаза мои съ изумительной проникательностью различали его среди толпы, и при видѣ его дыханіе мое спралоось отъ волненія. Онъ съ своей стороны слѣдилъ за мною всюду, и не упускалъ ни одного случая, чтобы дать мнѣ понять, какое чувство я внушила ему.

«Неужели же ты думаешь, что всѣ мужчины одного закала съ Карломъ?» вкрадчиво шептала мнѣ внутренній голосъ. «Нѣтъ, они не всѣ одинаковы. Если справедливо изреченіе, что честность и вѣрность въ любви — рѣдкое благо, которое дается очень немногимъ, то все же существованіе добродѣтели доказывается собственною твоею правдивостью, и чтобы найти ее въ другомъ, достаточно сдѣлать еще одинъ опытъ. Взглядъ, умѣющій разшевелить сердце до самой глубины его, неужели еще не есть вѣстникъ любви, состраданія, сочувствія?»

Могла ли я устоять противъ такихъ убѣдительныхъ доводовъ? Воображеніе разжигало мое сердце, и оно снова запылало любовью, а между тѣмъ разумъ, покоренный чувствомъ, молчалъ, и всю душу мою беззащитную предоставлялъ обаянью, обворожившему ее.

III.

Ревность.

Намекая на укоренившійся съ давнихъ временъ обычай мелкихъ тирановъ нашего полуострова, систематично развращать своихъ подданныхъ, остроумнѣвшій изъ иѣмецкихъ критиковъ, недавно похищенный смертью у литературы, сказалъ: что единственный государственный человѣкъ въ Италіи — маэстро Джованни Россини. Такъ опредѣлялъ Гейне инстинкты латинской расы съ большимъ глубокомысліемъ, нежели какое онъ обнаружилъ въ анализѣ германскаго права. Онъ долго жилъ въ Неаполѣ, и вблизи изучалъ изумительное развитіе меломаніи въ

неаполитанцахъ. Кто-то еще сказалъ, что правитель, послѣдователь Макиавелли, легко могъ бы управлять южной Италіей посредствомъ трехъ словъ, начинающихся на *F*: *festa, farina, forza* (праздники, мука, висѣлица) — назначая первые для дворянства, вторую — для ладварони, третью — для усачей-либераловъ. Въ ~~дѣлѣ~~ бывалъ недостатокъ, но праздники и висѣлица нибогда не переставали съ избыткомъ тѣшить неаполитанцевъ..

Праздники, основной и непремѣнный элементъ бурбонскаго *régime*, дѣлились на три разряда: были праздники священные, праздники придворные, и праздники мірскіе. Еще дѣлились они на пять главныхъ категорій: на духовныя празднества, неразлучныя съ чудесами святыхъ и пиротехническаго искусства, на балы, на театры, на концерты и карнавалъ. Были парадныя праздничныя дни, въ которые, если король изволялъ танцовать во дворцѣ, то каждый вѣрный подданный недуховнаго званія и не застигнутый подагрой, считалъ себя въ некоторомъ образѣ обязаннымъ отплясывать гдѣ бы то ни было. А въ послѣдніе дни карнавала, когда его величество въ маскарадномъ костюмѣ разѣжалъ вдоль улицы Толедо, на раззолоченной колесницѣ, горстями расточая направо и налево знаки своей царственной щедрости въ видѣ сахарныхъ шариковъ, не долженъ ли былъ каждый преданный и благомыслящій подданный считать за честь получить въ лицо хотя одно изъ этихъ маленькихъ ядрышекъ въ память бомбардировки, избавившей Неаполь, престоль и алтарь отъ пагубной заразы либерализма?

Въ провинціяхъ бовтонность заключалась въ рабскомъ поведеніи столичнымъ безобразіямъ.

Въ карнавалъ 1839 года, калабрійская молодѣжь, отъ природы веселая и живая, но неизбѣгнувшая фатства, придававшего искусственный лоскъ этому желѣзному вѣку, вся отдалась заботѣ о томъ, какіе костюмы избрать для предстоящихъ баловъ. Доменико не заставлялъ себя просить, чтобы каждый вечеръ бывать у насъ, гдѣ въ музыкѣ и танцахъ не было недостатка. Вѣдь не слушаютъ же обѣдни безъ органа, такъ какъ же провести вечеръ веселымъ кружкомъ безъ звуковъ фортепьяно? Мать моя забыла, что Доменико ухаживалъ за мной, и дѣлала мнѣ строжайшіе выговоры за то, что я поощрала его въ этомъ, вслѣдствіе чего я только украдкой осмѣливалась поднимать на него глаза, и то удостовѣрившись, что мать занята гдѣ нибудь подалеже. Эта контрабандная уловка правда, нѣсколько возмущала мою совѣсть, но я не находила себѣ другого исхода. Доменико не позволялъ себѣ открыто приближаться ко мнѣ или приглашать меня на танцы. Эта деликатность, стоявшая ему большихъ успій, казалась

мнѣ вѣрнѣйшимъ признакомъ истинной его любви ко мнѣ, и къ этому присоединялось еще другое наблюденіе: онъ ни разу не произнесъ при мнѣ ни одного пошлаго слова любви, какъ это водится вообще. Мнѣ же опытомъ уже было доказано, что не- всегда бываетъ искренна и прочна любовь, пылка въ своихъ выраженіяхъ. Въ послѣдній вечеръ карнавала къ намъ наѣхало множество масокъ, и онѣ разбрелись по всѣмъ комнатамъ, такъ-какъ зала оказалась тѣсна. Вдругъ подходитъ ко мнѣ домино и, предлагая мнѣ конфеты, роняетъ что-то ко мнѣ на колѣни: это былъ небольшой свертокъ бумаги. Я тщательно спрятала его въ платкѣ, и при первомъ случаѣ побѣжала въ свою комнату, гдѣ развернула его съ мыслью и надеждою, обращенными на Доменико. Тамъ была маленькая записка слѣдующаго содержанія:

«Люблю тебя, милая Эрикетта, люблю тебя! только обѣщая быть вѣрной мнѣ и я влнусь, что ты будешь моею. Доменико».

Трепещущая, спрятала я записку за лифъ и, гордясь обладаніемъ этого неоцѣннаго клада, возвратилась къ гостямъ въ полной увѣренности, что во всей толпѣ не было женщины счастливѣе меня. Я застала Доменико стоявшимъ около двери одной изъ комнатъ, какъ будто для того, чтобы поправить на лицѣ маску. Мать моя, не узнавшая его подъ маской, разумѣется, была далека отъ подозрѣнія. Онъ остановилъ меня на порогѣ, схватилъ мою правую руку и, ставъ на одно колѣно, пламенно поцаловалъ ее. Отчасти отъ волненія, отчасти отъ страха быть замѣченными, мы оставались безмолвными; я высвободила свою руку и убѣжала.

Нѣсколько дней спустя, дѣдъ Доменико пріѣхалъ къ моимъ родителямъ просить моей руки для своего внука. Они спросили, по какой причинѣ не самъ отецъ пріѣхалъ съ этой просьбой. На это дѣдъ чистосердечно отвѣтилъ, что отцу не нравится этотъ бракъ, такъ-какъ онъ имѣлъ намѣреніе женить сына на другой, но что онъ, дѣдъ, тронутый слезами внука, будущаго своего наследника, рѣшился на этотъ шагъ въ той надеждѣ, что и отецъ одумается и не откажетъ въ своемъ согласіи. Это не слишкомъ удовлетворительное объясненіе, къ которому присоединялась сильная антипатія матери моей къ Доменико, заставило родителей моихъ отвѣчать старика, что безъ согласія отца этому браку не бывать, и что если съ этой минуты внукъ его осмѣлится подойти ко мнѣ, ему будетъ отказано отъ дому. Ни отецъ мой, ни мать не сообщали мнѣ объ этомъ посѣщеніи, и я узнала о случившемся черезъ одного пріятеля Доменико. Въ тотъ вечеръ онъ былъ очень печаленъ, но такъ великъ былъ его страхъ, чтобы ему не отказали отъ дому, что онъ всѣми силами избѣгалъ даже

глядѣть на меня. Въ слѣдующіе дни грусть его до того увеличилась, что его отецъ, думая развлечь сына отъ томившей его страсти, приказалъ ему собраться въ Неаполь. Доменнико поблѣднѣлъ, залился слезами и сталъ упраснивать, умолять отца, и чтобы заставить его отбѣнить роковое приказаніе, прибѣгнувъ ко всѣмъ средствамъ, какія могла внушить ему любовь. Но отецъ оказался неумолимымъ, такъ-что Доменнико, истощивъ вѣжливѣшія просьбы, вскочилъ съ своего мѣста и, побѣжавъ въ свою комнату, заперся въ ней; два дня онъ отказывался отъ всякой пищи и вышелъ только получивъ отъ матери увѣреніе, что ему будетъ дозволено остаться въ Реджо.

Тогда только я снова встрѣтилась съ нимъ. Какъ онъ былъ блѣденъ, какъ исхудалъ! Но чистая любовь находитъ свою пищу въ огорченіяхъ, отраду въ самомъ горѣ, утѣшеніе въ слезахъ. Грустной улыбкой и взглядомъ я поблагодарила его за вынесенныя имъ изъ любви ко мнѣ страданія; онъ отвѣтилъ мнѣ такой же улыбкой, и мы предали горе наше забвенію:

Pieni dell'ineffabile dolcezza
D'un comune pensier, ch'altri non scerze.
(Исполненнае неизяснимой сладостью общей
мысли, недоступной другимъ).

Одно тревожило меня: я неоднократно уже имѣла случай удостовѣриться, что Доменнико въ высшей степени склоненъ къ ревности. Если кто нибудь изъ молодыхъ людей, хоть бы на минуту садился около меня, или хоть разъ вполголоса обращался ко мнѣ съ самымъ невиннымъ замѣчаніемъ, этого достаточно было, чтобы заставить его измѣниться въ лицѣ, а глаза его перейти отъ самаго вѣжнаго къ свирѣпому выраженію, въ то же время, какъ на устахъ его трепеталъ безмолвный упрекъ. При невозможности сообщать другъ другу наши мысли, такъ-какъ для меня крайне затруднительно было получать письма и, благодаря бдительности моей матери, еще затруднительнѣе отвѣчать на нихъ, эта черта его характера была для меня источникомъ постоянной пытки. Въ одинъ изъ этихъ несчастныхъ припадковъ ипохондріи, весьма обыкновенныхъ у калабрійцевъ, Доменнико схватилъ шляпу и нѣсколько дней не показывался больше. Его молодой пріятель и повѣренный все это время усовѣщевалъ его, доказывая неосновательность его подозрѣній и онъ, наконецъ, возвратился, чтобы объявить мнѣ о своемъ раскаяніи. Онъ сѣлъ на скамейку, на которую я опиралась ногами, и началъ развязно бесѣдовать со мной, въ той увѣренности, что присутствіе моей матери отстранить отъ него обвиненіе, будто онъ за мной ухаживаетъ. Но она давно искала предлога удалить его отъ меня, и нашла его

въ этомъ нарушеніи ея приказанія. По уходѣ его она послала мнѣ сказать, что ожидаетъ меня въ своей комнатѣ; яшла ея лежавшей уже въ постелѣ.

Ея увѣщаніе показалось мнѣ безконечнымъ и жестокимъ. Она называла меня непослушной за то, что я упорствовала въ любви къ челоуѣку, котораго ни она, ни отецъ не хотѣли дать мнѣ въ мужа. Она сказала, что отъ ея наблюденій не ускользнула средоточенный, ревнивый нравъ Доменико, такъ же какъ и страданія, причиняемая мнѣ этой ревностью, и въ заключеніе объявила, что пора все это кончить, такъ-какъ оба мы истощили ея терпѣніе. Въ смѣлости, съ которой онъ сѣлъ около меня, несмотря на ея запрещеніе, она видѣла удобный случай, чтобы прервать дальнѣйшій ходъ нашей *безумной любви*, поэтому я получила приказаніе не являться въ общество въ тотъ вечеръ, когда онъ бывалъ у насъ, сидѣть одна въ своей комнатѣ. Мнѣ была хорошо извѣстна непреклонность матери, и я, дрожа, пріютилась къ Джузеппинѣ, нетерпѣливо ожидавшей меня, чтобы узнать, чѣмъ кончилось наше свиданіе. Эта милая сестра была моимъ ангеломъ-утѣшителемъ. Видя, что ноги отказываются мнѣ служить, она усадила меня и осторожно сдѣлала мнѣ нѣсколько вопросовъ, но я не могла ей отвѣчать. Тогда она съ помощью горничной раздѣла меня и едва успѣла уложить въ постель, какъ со мною сдѣлался первый изъ тѣхъ нервныхъ припадковъ, которые съ тѣхъ поръ уже не оставляли меня и нерѣдко подвергали опасности мою жизнь. Мнѣ дали нюхать спиртъ; грудь моя стѣснилась, гортань усохла, страшный ознобъ заставлялъ меня подпрыгивать на кровати, и только часъ спустя слезы пробили себѣ дорогу и обиліемъ своимъ облегчили меня.

Отецъ мой, отличавшійся безпримѣрной кротостью, воиунѣ предоставилъ женѣ управленіе дочерью и никогда не прекословилъ ея рѣшеніямъ, считая ихъ непогрѣшимыми. Такъ и въ этотъ разъ, узнавъ о случившемся, онъ утверждалъ приговоръ, исключавшій Доменико изъ нашего общества. Послѣдній же, ничего незнавшій, въ слѣдующій же вечеръ не преминулъ явиться къ намъ. Онъ замѣтилъ мое отсутствіе, но сначала подумалъ, что какое нибудь непредвидѣнное дѣло удерживаетъ меня въ другой комнатѣ. Между тѣмъ время шло, и не дождавшись меня, онъ началъ подозрѣвать истину и сильно смутился. Онъ подошелъ къ моему отцу, который, не бывъ способенъ къ невѣжливости, обошелся съ нимъ какъ всегда. Отъ него перешелъ онъ къ матери: его обдало холодомъ отъ строгости ея пріема, котораго онъ не замѣтилъ при входѣ своемъ въ залу.

Тревожно сталъ онъ выжидать случая подойти къ Джузеппинѣ, болтавшей въ ту минуту съ нѣсколькими подругами.

«— Не больна ли синьора Энрикетта? спросилъ онъ наконецъ, едва открылся ему доступъ къ сестрѣ.

«— Да, отвѣчала она коротко, пристально взглянувъ на мать.

«— Но вѣдь вчера она была совершенно здорова?

Сестра не отвѣчала. Послѣ нѣкотораго молчанія, Доменико продолжалъ:

«— Какъ странно измѣнилась ваша матушка въ своемъ обращеніи со мной! Скажите мнѣ, синьорина—прошу васъ объ этомъ какъ о милости—не то ли причиной болѣзни вашей сестры, что я вчера вечеромъ на минуту присѣлъ возлѣ нея?

«— Кажется, что такъ.

«— Боже милостивый! значитъ, ваша матушка пріискивала предлогъ, чтобы удалить меня? Нашъ разговоръ былъ такъ невиненъ, происходя притомъ въ ея присутствіи, что я не вижу другой причины, которой бы приписать мое несчастіе. Пусть такъ, продолжалъ онъ со вздохомъ... Я болѣе не приду сюда. Пусть исполнится желаніе вашей матушки, но только ради-бога увѣрьте сестру, что ничто въ мірѣ не въ силахъ измѣнить мое сердце въ отношеніи къ ней.

Онъ всталъ, и ни съ кѣмъ не простясь, ни на кого не взглянувъ, поспѣшно вышелъ. Роковой вечеръ, погубившій мою жизнь! Послѣдствія его никогда не изгладятся изъ моей памяти.

Разлука могла только усугубить неистовую ревность Доменико. Черезъ пріятеля своего онъ сообщилъ мнѣ, чтобы я ни съ кѣмъ не танцевала, если хотѣла дать ему залогъ моей вѣрности. Ничто не могло быть сообразнѣе съ моимъ настроеніемъ духа, и я дала требуемое обѣщаніе. Однажды вечеромъ я сѣла за фортепьяно во время кадрили.

«— Почему ты не танцуешь? гнѣвно спросила меня подошедшая ко мнѣ мать.

«— Я не такъ-то хорошо себя чувствую.

«— Полно, пожалуйста; ужъ не меня ли ты вздумала провести: знаемъ мы васъ; тутъ вѣрно кроется какая-нибудь прихоть твоего поклонника.

«— Увѣряю васъ...

«— Ты знаешь, что вапризовъ я не терплю. Встань и танцуй.

Пришлось повиноваться, но послѣ танцевъ меня увели изъ залы въ состояніи, близкомъ къ безчувственности. Этимъ не ограничились гоненія противъ меня. Узнавъ, что Доменико по цѣлымъ ночамъ блуждаетъ около дома, чтобы наблюдать за нашими посѣтителями и удостовѣриться, не имѣетъ ли онъ

между ними соперника, мнѣ запретили подходить ко всѣмъ окнамъ, выходящимъ на улицу. Если такія возрастающія притѣсненія довели до умопомраченія угрюмую страсть, безъ того уже нелюдимаго Доменико, то я съ своей стороны находилась въ одномъ изъ тѣхъ жестокихъ положеній, изъ которыхъ нѣтъ возможности выпутаться невредимымъ. Въ это время случилось одно происшествіе, о которомъ не могу умолчать.

Мессина, какъ извѣстно — немаловажный городъ, отстоящій отъ Реджо на 12 миль и отдѣленный отъ него знаменитымъ проливомъ, одно имя котораго въ бурное время заставляеть блѣднѣть всякаго, даже самаго опытнаго лодмана. Каждый годъ этотъ городъ съ торжественными обрядами празднуетъ Успеніе Богородицы въ теченіе четырехъ дней, начинающихся 12-го и кончающихся 15-го августа. Праздникъ этотъ, представляющій поразительную смѣсь духовнаго и свѣтскаго элементовъ, христіанства и язычества, европейскихъ и индійскихъ нравовъ, приводитъ въ сильное движеніе населеніе окружающихъ мѣстечекъ и даже Калабріи. Два картонныхъ коня исполненныхъ размѣровъ, со всадниками-великанами, изъ того же матеріала, воздвигаются посреди площади архіепископскаго дворца. Затѣмъ два простолудина надѣваютъ на себя шкуру верблюда, называемаго мессинцами, ужъ богъ-знаеть почему, *Beato* (блаженный), такъ—чтобы изобразить это четвероногое въ возможно-естественномъ видѣ. Верблюдъ подходитъ къ торговцамъ всякаго рода, которые въ разинутую пасть животнаго набожно опускають часть своего товара, и эти приношенія, собираемая въ мѣшкахъ, идутъ на расходъ по празднику. Но самая замѣчательная черта праздника состоитъ въ слѣдующей процессіи: возять по городу громадную махину; на ней скрытымъ механизмомъ приводятся въ кругообразное движеніе нѣсколько предметовъ, изображающихъ собой небесныя тѣла—солнце, луну, планеты, и прочее; еще вертятся нѣсколько желѣзныхъ круговъ, внизу побольше, потому постепенно уже и уже, и такъ доверху. Машина эта испещрена украшеніями и пышнымъ убранствомъ; но то, къ чему она употребляется, напоминаетъ знаменитую игтернаутскую колесницу, или безобразныя катакомбы друидовъ; при этомъ зрѣлищѣ сжимается сердце, и неслыханное варварство вырываетъ невольный вопль ужаса. Вотъ въ чемъ дѣло. Къ лучамъ, исходящимъ отъ солнца, луны и звѣздъ, и вокругъ упомянутыхъ круговъ, привязаны грудные младенцы, которыхъ на это истязаніе обрезають собственныя ихъ матери изъ-за нѣсколькихъ жалкихъ дукатовъ, выплачиваемыхъ распорядителемъ спектакля, чтобы они изображали собой ангеловъ и херувимовъ, окружающихъ возносящуюся на небо

мадонну. Этнхъ невинныхъ малютокъ, единственная вина которыхъ въ томъ, что они родились отъ безчеловѣчныхъ женщннъ и явились на свѣтъ въ недостаточно еще цивилизованный вѣкъ, снимаютъ съ роковыхъ колець мертвыми или полумертвыми, дѣлххъ *самы часосъ* заставнвъ ихъ провертѣться въ разныя стороны. По окончаннн праздничнаго шествнн, или вѣрнѣе, жертвоприношенн, толпою сбѣгаются матери, съ воесъ и криками толкають, давая другъ друга, въ своемъ общемъ ветернвнн удостовѣрнться, живъ или нѣтъ младенець каждой изъ ннхъ. Тогда начинается сцена другого рода, иногда оканчивающаяся кровопролитнемъ. Такъ-какъ по большому числу дѣтей, каждой матери нелегко узнать своего ребѣнка, то одна верѣдко оспариваетъ какого-нибудь младенца у другой, и возгласы ихъ смѣшиваются со стенаннми и плачемъ осиротѣвшихъ матерей, съ оглушительными насмѣшливыми криками присутствующихъ, съ визгомъ и свистками черни. Тѣ же изъ несчастныхъ изувѣрокъ, которымъ приходится нести домой мертваго ребѣнка, утѣшаютъ себя мыслью, что мадоннѣ приглянулся хорошенькн херувимчикъ, и что она взяла его съ собою въ райскую обитель. Успокоенныя этими убѣжденнми, онѣ пируютъ съ кумушками и сосѣдками до тѣхъ поръ, пока не спустать послѣднн *carlino* изъ полученныхъ денегъ, ни чуть не сомнѣваясь, что патери и впредь не откажутъ имъ въ вспомошествованн, въ память ихъ улетѣвшихъ на небо ангеловъ.

И такъ, приближалось время именно этого праздника — одного изъ проявленн бурбонской системы *трехъ F*, о которыхъ была уже рѣчь. Родители мои и цѣлая компанн нашихъ знакомыхъ вздумали переправиться черезъ проливъ, посмотреть на праздникъ. Намъ собралось сорокъ человекъ, и было рѣшено, что всѣ мы устроимся въ Мессннѣ въ одномъ домѣ. Я была въ сильномъ волненнн, воображая, какъ должна была смутнть Доменико вѣсть о предполагаемой поѣздкѣ, такъ-какъ въ нашей компанн было нѣсколько молодыхъ людей, къ которымъ онъ ревновалъ меня несправедливо, но до безумнн. Къ довершенню несчастнн, между ними былъ одинъ, который, не вѣдая про нашу любовь, самому же Доменико довѣрилъ сердечную тайну о симпатн, совершенно невольно внушенной ему мною. Едва Доменико узналъ о предстоящей *partie de plaisir*, какъ онъ предался изступленной ярости, и черезъ обычнаго посла передалъ мнѣ, что если я выѣду изъ Реджо, онъ убьетъ себя. Напрасно прнзатель его, Паоло, вразумлялъ его, что онъ требуетъ отъ меня того, чтѣ не въ моей власти, такъ-какъ невозможно допустить, чтобы родители мои согласились оставить меня дома одну, и чтобы я могла ндти

противъ ихъ воли. Всѣми убѣдительноѣйшими доводами уговаривалъ онъ его, обѣщая притомъ, что самъ во все время не отойдетъ отъ меня, и будетъ мнѣ кавалеромъ во всѣхъ прогулкахъ, чтобы удалить всѣхъ другихъ. Сверхъ того, онъ поглялся ему, именемъ связывавшей ихъ дружбы, словомъ честнаго, благороднаго человѣка, что по нашемъ возвращеніи, онъ ему дастъ вѣрный отчетъ о поведеніи моемъ относительно воображаемыхъ соперниковъ. Отчасти успокоенный этимъ обѣщаніемъ, Доменико ухладъ въ Мессину нѣсколько ранѣ насъ, такъ что въѣзжая въ мессинскій портъ, я уже увидѣла его шагающаго вдоль набережной, въ ожиданіи меня. Онъ послѣдовалъ за нами издали, и узнавъ, гдѣ мы остановились, расположился въ одномъ café, изъ котораго, незамѣченный моею матерью, онъ могъ видѣть всѣ балконы обитаемаго нами дома. Паоло въ точности исполнилъ данное другу слово: онъ, такъ-связать, поселился возлѣ меня, сопровождалъ меня, какъ тѣнь моя, дѣлая изъ себя непреходимую преграду для всякаго, кто бы захотѣлъ приблизиться ко мнѣ. Я не знала, какъ дожидаться конца праздника, и думала объ одномъ — какъ бы эти четыре дня прошли благополучно. Къ несчастью, было суждено иначе.

Было девять часовъ вечера, какъ вдругъ Паоло объявилъ мнѣ, что долженъ удалиться на нѣсколько мгновеній, чтобы сдѣлать какую-то необходимую покушку.

«— Поспѣшите, Паоло, ради-бога, сказала я. — Вѣдь вы знаете, что въ десять часовъ мнѣ придется идти со всей компаніей въ биржевой палаццо.

«— Знаю, возразилъ онъ: — но у насъ еще цѣлый часъ впереди, а мнѣ нужно только нѣсколько минутъ.

Съ этими словами, онъ ушелъ. Едва только успѣлъ онъ сойти съ лѣстницы, какъ мать моя приказала мнѣ и Джузеппинѣ приготовиться идти гулять.

«— Но, сказала я: — что же мы будемъ дѣлать до десяти часовъ, когда намъ нужно быть на биржѣ?

«— А погуляемъ по городу, полюбуемся иллюминаціей.

«— Но вѣдь мы не всѣ собрались, замѣтила я: — недостаетъ еще кое-кого изъ нашей компаніи.

«— Догонять, отвѣчала мать, тономъ, недопускающимъ возраженій.

Я замолчала, и медленно занялась нужными приготовленіями, въ надеждѣ, что Паоло возвратится въ время, чтобы подать мнѣ руку. Мать моя, Джузеппина и другіе были уже готовы, и ждали меня, когда я присоединилась къ нимъ. Я оторвала пуговку отъ перчатки, и просила потерпѣть еще минуту, пока пришью ее.

«— Неужно! сердито крикнула мать:— вот тебѣ булавка, ободешься и бить пуговки.

Я взяла булавку, и пошла съ остальнымъ обществомъ, тревожно оглядываясь по сторонамъ, и все еще надѣясь, что подоспѣетъ Паоло. Вдругъ меня заставилъ вздрогнуть голосъ, говорившій мнѣ:

«— Синьорина, такъ-какъ вашъ кавалеръ въ отсутствіи, то не примете ли вы мою руку, вмѣсто его руки?

Я подняла глаза — это былъ тотъ самый молодой человекъ, который избралъ Доменико повѣреннымъ своей симпатіи ко мнѣ... Вотъ была минута! Какъ тутъ было отказаться? Я колебалась и помышляла уже о рѣзкомъ отказѣ, когда увидѣла мать мою, пристально глядѣвшую на меня; при томъ еще нѣсколько лицъ слышали сдѣланное мнѣ предложеніе. Възливость, замѣшательство, страхъ одолѣли меня. Я вполонину предоставила свою руку докучливому кавалеру, и безмолвно пошла рядомъ съ нимъ, едва опираясь на него, точно боялась заразы.

На первомъ же поворотѣ, несмотря на страшную давку, кого я увидѣла передъ собой? Конечно, Доменико. Онъ шелъ мнѣ на встрѣчу. Блѣдность мертвеца едва-ли сравнится съ блѣдностью, покрывавшей его лицо: онъ имѣлъ видъ разъяреннаго вампира. Онъ свирѣпо косился на моего кавалера, и обративъ на меня свои ужасные глаза, сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ будто для того, чтобы повалить меня на землю, и бормоталъ невнятные слова. Я громко вскрикнула. Упругий шумъ, по счастью, заглушилъ мой голосъ. Между тѣмъ, толпа раздѣлила насъ, а такъ-какъ мы шли въ противоположныя стороны, то мы и не встрѣчались болѣе. Но это не уняло моего испуга; напротивъ, зная необузданность характера моего поклонника, я боялась, чтобы онъ не возвратился съ какимъ-нибудь оружіемъ и не посягнулъ на жизнь мою или моего бѣднаго кавалера.

Только дойдя до биржи я нѣсколько успокоилась. Войдя въ главную залу, я вполголоса отозвала Паоло на балконъ и сказала ему все происшедшее. Онъ очень огорчился и тотчасъ же побѣждалъ вслѣдъ за своимъ другомъ, обѣщая уладить дѣло и убѣдить его въ моей невинности. Кто испиталъ любовь—легко пойметъ, каково было мое положеніе. Я нѣжно и преданно любила Доменико, съ величайшимъ вниманіемъ избѣгала подавать ему малѣйшій поводъ къ ревности, а между тѣмъ я же въ глазахъ его казалась легкомысленной и нестойкой женщиной.

Наконецъ, настала зря, любимый часъ огорченныхъ любовниковъ, и прислуга занялась приготовленіемъ для нашего возвращенія домой. Нѣсколько часовъ спустя мы были уже въ Реджо. Въ этотъ вечеръ Паоло явился ранѣе обыкновеннаго. На взглядъ

мой, спрашивавшій его, видѣлся ли онъ съ Доменико, онъ отвѣчалъ утвердительно легкимъ наклоненіемъ головы. Нѣсколько погодя онъ мнѣ разсказалъ, что ярость, овладѣвшая его другомъ, внушила ему сумасбродную, отчаянную выходку. Рѣшивъ разъ на всегда прервать всякія сношенія со мной, онъ тогда же обѣщалъ отцу своему безотлагательно уѣхать въ Неаполь. Слово было уже дано, воротить его не было возможности. Однакоже строгіе упреки Паоло и факты, приведенные имъ въ мое оправданіе, имѣли благотворное вліяніе на душу Доменико, и онъ уже былъ готовъ раскаяться въ своемъ поступкѣ, сдѣланномъ въ минуту безумной ярости. Я встала, не бывъ въ состояніи совладать съ своимъ волненіемъ при словахъ Паоло, и отойдя въ сторону, нѣсколько мгновеній предалась размышленію. Затѣмъ, снова призвавъ на помощь измѣнявшую мнѣ энергію, возвратилася къ мѣсту, занимаемому мной возлѣ моего повѣреннаго.

«— Попрошу у васъ еще одну послѣднюю услугу, сказала я твердо.— Повидайтесь еще разъ съ Доменико, единственно затѣмъ, чтобы заявить ему отъ моего имени, что оскорбленная сторона въ этомъ дѣлѣ — я; онъ можетъ ѣхать или оставаться, какъ ему угодно; мнѣ до этого нѣтъ болѣе дѣла, потому что я сознаю себя неповинной въ томъ, что онъ мнѣ приписываетъ. Желаю ему найти въ Неаполѣ женщину, болѣе вѣрную чѣмъ я!

Съ этой минуты я не отступала отъ принятаго рѣшенія и, сильная своей невинностью, показывала видъ, что хочу совершенно удалиться отъ Доменико; но онъ, искренно раскаявшись, уже возвратился къ обычнымъ своимъ прогулкамъ подъ мои окна.

Такъ настало воскресенье, а день, назначенный для его отъѣзда, былъ вторникъ. Какъ я уже сказала, въ нашемъ домѣ были маленькіе хоры, выходившіе въ церковь с. Агостино. Когда я пришла туда, чтобы слушать обѣдню, я увидѣла Доменико, стоявшаго прямо напротивъ меня. Любовь, неугасшая въ моемъ сердцѣ, несмотря на всѣ мои усилія, заставляла меня обратить свои взоры на него. По окончаніи обѣдни я хотѣла удалиться, но имѣла слабость остаться, когда онъ патетичными знаками сталъ просить меня объ этомъ. Когда въ церкви никого не осталось, онъ подошелъ къ рѣшоткѣ и, сложивъ руки, съ умоляющимъ видомъ проговорилъ:

«— Прости, я былъ въ бреду.

Я взглянула на него: выраженіе лица его могло бы обезоружить самый сильный гнѣвъ. Со слезами на глазахъ я отвѣчала ему:

«— Жестокій! послѣ-завтра ты ѣдешь, оставляешь меня, и про-
сишь о прощеніи!

«— Этимъ священнымъ мѣстомъ, въ которомъ намъ привелось
встрѣтиться еще разъ, продолжалъ онъ:—клянусь, что черезъ мѣ-
сяць я возвращусь къ тебѣ, вопреки приказаніямъ отца моего,
которому хотѣлось бы удалить меня на цѣлый годъ.

«— Принимаю твою клятву, и съ этимъ условіемъ забываю все.
Легкій кашель возвѣстилъ намъ, что кто-то вошелъ въ церковь.

«— Прощай, сказалъ Доменико.

«— Прощай, повторила я едва слышнымъ отъ волненія голосомъ.
Онъ удался, прошелъ сзади алтара, и у задней двери церк-
ви еще разъ обернулся и сказалъ:

«— Не измѣни же.

Измѣнить ему! Теперь, когда онъ мнѣ возвращалъ любовь свою,
какихъ еще благъ могла бы я желать?

IV.

Сиротство.

Послѣ того, какъ мы помирились, страсть вспыхнула съ но-
вой силой въ нашихъ сердцахъ. Въ понедѣльникъ Доменико нѣ-
сколько разъ проходилъ подъ моими окнами. Я различала его
шаги, и каждый разъ, какъ я могла это сдѣлать незамѣченной
матерью, подбѣгала къ окну, чтобы обмѣняться съ нимъ при-
вѣтомъ. Около полуночи намъ удалось проститься еще разъ.

Я уже цѣлый часъ металась въ постели, ни разу не сомкнувъ
глазъ, какъ вдругъ меня испугалъ глухой подземный грохотъ;
я подняла голову—она у меня закружилась. Я попробовала съѣсть
на кровать—сильный толчокъ, повалившій меня на подушки, уяс-
нилъ мнѣ, въ чемъ дѣло: это было землетрясеніе. Отъ скрипа и
треска оконъ и дверей, отъ трезвона колокольчиковъ, всѣ про-
снулись. Джузеппина соскочила съ кровати; шатаясь, послѣдовала
я ея примѣру, и мы вмѣстѣ побѣжали въ комнату родителей,
уже собиравшихся къ намъ, чтобы велѣть намъ наскоро одѣты-
ся и сойти на главную площадь, находившуюся въ нѣсколькихъ
шагахъ отъ нашего дома. Мать моя держала на рукахъ одну изъ
моихъ маленькихъ сестеръ, я схватила другую, и только выйдя
уже на улицу, отдала еѣ кому-то изъ прислуги, чтобы привести
въ нѣкоторый порядокъ мою одежду. Волоса мои были необык-
новенно длинны, и распустившіяся отъ быстрой ходьбы будри
въ беспорядкѣ разсыпались по моимъ плечамъ. Вдругъ кто-то
слегка дернулъ меня за волоса; я обернулась — это былъ Деме-
нико; онъ тихо прошепталъ мнѣ на ухо:

«— Благословляю землетрясеніе, доставляющее мнѣ счастье еще разъ увидать тебя, еще разъ проститься съ тобой!

«— Ты скоро вернешься?

«— Да, милая; я пробуду въ Неаполѣ не болѣе мѣсяца.

Твердость, съ которой онъ произнесъ это обѣщаніе, представляла замѣчательный контрастъ съ колебаніемъ земли подъ нашими ногами. Изъ домовъ со всѣхъ ногъ выбѣгали жители. Трескъ валившихся съ крышъ трубъ, вопли и громкія молитвы черни, вой собакъ, пѣніе пѣтуховъ—все это наполняло воздухъ оглушительнымъ шумомъ; даже птицы, перепуганныя внезапной катастрофой, оставили свои гнѣзда и тревожно летали надъ нашими головами, издавая жалобные крики. Словомъ, то была такая сцена общаго испуга, переполоха и опустошенія, которая никогда не изгладится изъ моей памяти.

Доменико подошелъ къ моему отцу, поклонился ему и былъ ласково принятъ имъ, вслѣдствіе чего разговаривалъ съ нимъ около часа, въ теченіе котораго одинъ подземный ударъ смѣнялся другимъ. Такъ-какъ онъ долженъ былъ ѣхать еще до восхода солнца, а востокъ уже зардѣлся, ему надо было оторваться отъ насъ; онъ взялъ мою руку, нѣжно пожалъ ее, а руку отца моего почтительно поцаловалъ. Проходя мимо моей матери, онъ ей поклонился. Она подозвала его.

«— Правда ли, синьоръ Доменико, что вы собираетесь уѣзжать?

«— Черезъ полчаса сажусь на корабль. Я уѣзжаю изъ повиновенія отцу; но съ божьей помощью, возвращусь не позже мѣсяца. Тогда, съ его согласія, или безъ него, я, черезъ дѣда, снова буду просить у васъ руки вашей дочери, и полагаю, что вы не рѣшитесь отказать мнѣ въ ней, такъ-какъ должны же вы были убѣдиться, что ничто до сихъ поръ не могло уменьшить нашу взаимную и пламенную любовь.

«— Хорошо, отвѣчала мать:— послѣ вашего возвращенія поговоримъ объ этомъ.

Она протянула ему руку, и онъ поднесъ ее къ губамъ, и сказалъ.

«— Сага madre, не будьте безжалостны!

Она улыбулась ему, онъ просіялъ и удалился... Какъ тяжелы эти воспоминанія!

Слезы струились по моимъ щекамъ, и наплывъ чувствъ лишилъ меня возможности говорить. Глазамъ поручила я сказать за меня то, что языкъ мой отказывался произнести. Мы глядѣли другъ на друга, пока это было возможно, и когда онъ скрылся изъ глазъ, я еще могла вслушиваться въ шумъ его удалявшихся шаговъ.

Надо предполагать, что въ жизни каждаго человѣка есть какой нибудь роковой день, какое нибудь зловѣщее событіе, съ котораго беретъ свое начало безостановочный рядъ бѣдствій. При моемъ рожденіи, видно, было написано, что роковой часъ моей жизни пробьетъ въ ту ужасную ночь, въ которую разъяренныя стихіи грозили погибелью Реджо и другимъ городамъ Калабріи. До того времени я не испытала иного горя, кромѣ горя, причиняемаго дѣвственной любовью; а кто не знаетъ, съ какими сладостными минутами чередуются подобныя огорченія? Но съ этой поры, я не запомню уже радости; небо омрачилось для меня со всѣхъ сторонъ, самый смѣхъ мой утратилъ свою звонкость; съ этой поры начинается моя печальная повѣсть. *Inde lachrymae!*

Воясь возобновленія землетрясенія, мы возвратились домой только въ утро шестого дня, и то не потому, чтобъ исполнѣ миновалась опасность, но отецъ мой, семидесятилѣтній старецъ, не вынесъ бы неудобствъ дальнѣйшаго бивака: онъ и безъ того уже страдалъ общими разстройствомъ здоровья. Я любила его нѣжно, боготворила его, можно сказать; любила я его болѣе, нежели мать, и не безъ причины. Есть родители, которые, не довольствуясь тѣмъ, что въ сердцѣ питаютъ несправедливое предпочтеніе къ которому нибудь изъ дѣтей своихъ, еще на столько бывають неосторожно, что несколько не скрываютъ его въ семействѣ. Мать моя (прискорбно мнѣ поминать ее этимъ!) не сумѣла охранить себя отъ этой слабости, и не считала нужнымъ маскировать ее, хотя бы пѣз жалости къ менѣе любимымъ изъ своихъ дѣтей. Я не была въ числѣ ея фаворитокъ, и не было дня, чтобы не убѣждали меня въ томъ новыя, явныя доказательства. Отецъ же мой вознаграждалъ меня за скудность ея любви ко мнѣ, удваивая свою лѣзность.

Однажды вечеромъ—это было 21-го сентября—я сидѣла за фортепьяно и пѣла арію изъ Нормы, стараясь развлекать отца его любимой оперой, какъ вдругъ я услышала его вздохъ. Полагая, что его встревожила мимолетная, неприятная мысль, я продолжала свое пѣніе. Другой вздохъ, а за нимъ тихая молитва скоро долетѣли до моего слуха. Я вскочила, и подойдя къ нему, спросила, чѣмъ онъ такъ встревоженъ?

«— Я не встревоженъ, отвѣчалъ онъ:—только мнѣ нездоровится и мнѣ жаль, что я не могу везти васъ сегодня въ театръ.

«— Чтò вы говорите, есть о чемъ жалѣть! Вотъ вамъ и ленты полетѣли изъ моихъ волосъ!

При этихъ словахъ я бросила свой головной уборъ на стулъ. Я позвала Джузеппину и мать. Старикъ сказалъ женѣ, что онъ чувствуетъ себя очень плохо уже съ полудня и считаетъ свои

страданія предвѣстниками близкой смерти. Съ надрывающимся сердцемъ отвели мы его въ его комнату и послали за докторомъ. На слѣдующій день собрался консилиумъ и объявилъ, что у больного воспаленіе въ кишкахъ. На четвертый день докторъ потеряли всякую надежду, а на седьмой объявили, что всѣ усилія ихъ тщетны и что пора позаботиться о доставленіи больному послѣднихъ утѣшеній религіи.

Никто исполнѣ не пойметъ силы моего горя, моего отчаянія, кромѣ тѣхъ сиротъ, которыя лишились такого отца, на котораго исключительно возлагали всѣ свои надежды въ настоящемъ и будущемъ. Погребальныя факелы, озаряющіе похороны такого отца, бросаютъ на будущность сироты такія мрачныя отраженія, что никакое солнце не въ силахъ разсѣять ихъ.

Когда отецъ мой былъ соборованъ, мы снова вошли въ его комнату. Мы нашли его лежащимъ на правомъ боку, слюной къ двери. Лицо мое было обезображено слезами и присутствующіе сдѣлали мнѣ знакъ, чтобъ я не подходила къ больному; я сѣла около двери, съ трудомъ сдерживая рыданія. Въ комнатѣ царствовало мрачное молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ отца. Вдругъ его полузакрытыя вѣки поднялись и онъ почти крикнулъ: «Эриккетта!» Я подошла къ постели, но онъ уже былъ въ безпамятствѣ. Нѣсколько спустя, онъ попытался привстать и снова и еще громче позвалъ меня.

«— Я здѣсь, сказала я:—я здѣсь. Что угодно тебѣ, мой драгоценный отецъ?»

Онъ взглянулъ на меня пристально потухающими, но исполненными нѣжности глазами, память о которыхъ вѣчно останется при мнѣ; потомъ спросилъ:

«— Зачѣмъ ты оставляешь меня?»

«— Я около тебя, отвѣчала я задыхающимся отъ рыданій голосомъ.

«— Знаешь ли ты, что я причастился св. тайнъ? спросилъ онъ еще.

«— Знаю.

«— Я чувствую, что миръ сошелъ въ мою душу, продолжалъ онъ:—одно только смущаетъ мою кончину, и это—твоя будущность... Что станетъ съ тобою, бѣдное дитя мое?»

Пророческія слова, вездѣ на всякомъ шагу представавшія мнѣ впоследствии, въ теченіе моей горестной жизни!

На слѣдующій день онъ впалъ въ агонію. Въ одну изъ немногихъ свѣтлыхъ минутъ онъ подозвалъ мою мать и сказалъ ей едва внятнымъ голосомъ:

«— Тереза, уведи этихъ бѣдныхъ дѣтей; глядя на нихъ, у ме-

ня сжимается сердце. Они лишаются отца, не найдя еще себя мужа, который бы служилъ имъ покровителемъ и опорой. Въ эти послѣднія минуты, я долженъ думать только о благодати прощенья и предоставить ему попеченіе о всемъ остальномъ.

По знаку матери мы приблизились къ постели и всѣ преклонили колѣна. Онъ благословилъ насъ дрожащими руками, поглядѣлъ на каждую изъ насъ порознь, и снова закрылъ глаза. Къ вечеру духовникъ его, грустный, вошелъ въ нашу комнату и молчаніе его возвѣстило намъ, что у насъ не было болѣе отца.

V.

Монастырь.

Марія-Тереза Австрійская, вторая жена короля, тогда только что произвела на свѣтъ маленькаго принца Лунджи, графа трантскаго. Это счастливое событіе было приказано отпраздновать трехдневными увеселеніями. Въ эти три дня нельзя было приступить къ погребенію отца моего, которое должно было происходить со всѣми почестями, подобающими его званію и чину. Поэтому нужно было бальзамировать его тѣло и дожидаться окончанія праздника.

Вмѣстѣ съ отцомъ у насъ были отняты всѣ средства къ жизни. Оставалось только прибѣгнуть къ королю, чтобъ напомнить ему о заслугахъ отца и такимъ образомъ выхлопотать матери пенсію. Для этого пришлось оставить непогребенные еще останки отца на попеченіе его двухъ зятей; мы со слезами обняли замужнихъ моихъ сестеръ, также какъ и малютокъ, мирно спавшихъ въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, и уѣхали въ столицу — я, Джузеппина и мать, заливаясь горькими слезами, рано утромъ 29-го числа того же сентября. Поѣздка совершилась благополучно. Черезъ двадцать-семь часовъ послѣ нашего отплытія, мы уже расположились въ меблированной квартирѣ въ улицѣ Толедо.

Возвратимся къ Доменико.

Наше домашнее горе неожиданно соединяло меня съ нимъ. Но нашъ отъѣздъ былъ такъ внезапенъ, что онъ не могъ еще узнать отъ Паоло путемъ почты о бѣдствіи, постигнувшемъ насъ. На другой день нашего приѣзда, мы съ Джузеппиной сидѣли у балкона. Она первая различила Доменико въ толпѣ. Мы раскрыли балконъ и вышли на него, чтобы привлечь его взгляды. Послѣ смерти отца моего, мои мысли останавливались на Доменико, какъ на якорѣ спасенія. Онъ увидалъ насъ, и не вѣря глазамъ своимъ, остановился глядя на насъ и въ недоумѣніи разсматри-

вая насъ: наши траурныя платья приводили его въ глубокое взумленіе. Въ эту минуту вышла и мать, и онъ изъ ея присутствія понялъ, что судьба похитила у насъ отца. Войти въ café, вырвать листокъ изъ своей памятной книжки и послать къ нашей матери записку, въ которой онъ просилъ у нея дозволенія лично освѣдомиться о насъ—все это было дѣломъ одной минуты.

При видѣ его я не могла удержаться отъ слезъ; онъ былъ расстроганъ не менѣе насъ. Онъ долго пробылъ съ нами, и, уходя, сказалъ, что наше несчастье не могло измѣнить его чувствъ ко мнѣ, что, напротивъ того, онъ считаетъ его достаточной причиною, чтобы ускорить нашу свадьбу; что какъ только мы устроимъ свои дѣла и возвратимся въ Реджо, онъ послѣдуетъ за нами, чтобы исполнить формальности, требуемыя закономъ, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія его отца. Послѣ такихъ увѣреній, мать моя разрѣшила ему приходить къ намъ каждый вечеръ.

Прошло много дней, пока мы добились аудіенціи у короля; наконецъ онъ принялъ насъ и назначилъ матери пенсію. Съ другой стороны Джузеппинѣ было сдѣлано предложеніе. Это обстоятельство замедлило наше возвращеніе въ Реджо, такъ-какъ приготовленія къ свадьбѣ дѣлали необходимымъ присутствіе моей матери въ Неаполѣ. Была уже половина ноября, а свадьба не могла совершиться до января.

Однажды вечеромъ Доменико явился блѣдный и разстроенный. На вопросъ мой, что его такъ смутило, онъ показалъ мнѣ письмо его отца, приказывающее ему немедленно воротиться въ Реджо. Чтобы принудить его къ послушанію, отецъ отказывалъ ему въ денежной поддержкѣ, а такъ-какъ онъ не имѣлъ никакихъ собственныхъ средствъ, то ему волей-неволей надо было ѣхать. Онъ такъ и сдѣлалъ. Два дня спустя, обмѣнявшись со мной самыми пламенными клятвами въ вѣрности, онъ отправился, обѣщая каждую недѣлю писать къ моей матери. Увы! во второй разъ раздѣлала насъ судьба! «Когда-то еще свидимся?» думала я, отпуская его...

Мы провели много дней, посѣщая родныхъ, незнавшихъ о нашемъ приѣздѣ прежде, и принимая ихъ посѣщенія. Чаще всѣхъ бывалъ у насъ генералъ Саллуцци, сестра котораго была вдовой князя Форино, старшаго брата отца моего. Онъ принималъ живое участіе въ насъ и дѣлахъ нашихъ. Три мои тѣтви, бенедиктинскія монахини, изъ которыхъ двѣ жили въ монастырѣ св. Григорія Армянскаго, тоже оказывали намъ большое расположеніе. Онѣ были чрезвычайно похожи лицомъ на горячо оплакиваемого моего отца, брата ихъ, только старше его: имъ всѣмъ было подъ 80 лѣтъ. Увезенная семи лѣтъ изъ столицы, я не

знала никого изъ нашихъ родныхъ; въ Неаполѣ все мнѣ было ново. Одна изъ этихъ тѣтокъ, та самая, имя которой было дано мнѣ, была аббатиссой въ монастырѣ св. Григорія Армянскаго.

Между тѣмъ Доменико уже нѣсколько разъ писалъ къ моей матери, въ каждомъ письмѣ увѣряя ее, что онъ на скольконибудь подвинулъ дѣло нашего желаннаго брака; отецъ его еще противился, но видно было, что ему не устоять противъ моленій сына и вліятельнаго ходатайства дѣда. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ его словъ ясно было, что продолжительное мое отсутствіе снова разшевелило въ немъ демона ревности. Наконецъ, мы получили письмо, съ припиской ко мнѣ, слѣдующаго содержания:

«Милая Энрикетта, воздухъ Неаполя нездоровъ для любви. Зная обаяніе этого города, я не могу быть спокоенъ на счетъ тебя. Возвращайся скорѣе, если любишь меня истинной любовью... Если же, по полученіи этихъ строкъ, ты не поспѣшишь послѣдовать за мной сюда, то я буду считать себя освобожденнымъ отъ моихъ клятвъ тебѣ».

Прочитавъ эти слова, мать моя пришла въ ярость, и не позволяя мнѣ отвѣчать ни одной строки, не принимая во вниманіе раздражительный и подозрительный нравъ Доменико, она схватила перо и написала слѣдующій отвѣтъ:

«Signore, вы берете на себя предписывать моей дочери законы, еще не имѣя на то никакого права; она не ваша, и никогда не будетъ вашей. Пусть съ этой минуты между вами не будетъ болѣе рѣчи о бракѣ».

Мои мольбы, мои слезы опоздали — письмо было уже отправлено. Доменико болѣе не писалъ... Однако, въ глубинѣ души моей была еще надежда, что по возвращеніи моемъ въ Реджо, любовь его снова оживетъ, если только ревность не убила ее окончательно своимъ леденящимъ дуновеніемъ. Но было суждено иначе. Я ласкала себя свѣтлыми надеждами, въ ту самую минуту, какъ подъ моими ногами разверзлась бездна.

Приближалось рождество. Свадьба Джузеппины должна была быть отпразднована домашнимъ образомъ — втораго числа января. Однажды утромъ, мать моя объявила, что ей нужно уѣхать одной, по крайне слѣпнымъ дѣламъ, но что она надѣется пробыть въ отсутствіи недолго. Дѣйствительно, черезъ часъ она возвратилась. Я взглянула на нее: она показалась мнѣ почти веселой, изъ чего я заключила, что ея «слѣпное дѣло» имѣло благоприятный исходъ. По правдѣ сказать, меня это даже встревожило, такъ какъ я подумала, не хочетъ ли она безъ моего вѣдома пристроить меня, и нѣтъ-ли у нея въ виду жениха для меня, что оконча-

тельно бы раздѣлило меня съ моимъ возлюбленнымъ. Едва успѣло пройти нѣсколько дней послѣ этой таинственной поѣздки матери, какъ однажды, въ восемь часовъ утра, у насъ раздался звонокъ. Человѣка не было дома; я отперла дверь. Дѣвушка, въ которой я узнала горничную тѣтки моей аббатиссы, принесла мнѣ въ подарокъ конфеты на подносѣ. Сначала видъ этого подарка немногo смутилъ меня: мнѣ представилось, что это, можетъ быть, вступленіе къ какому нибудь сватовству—зная, что такъ принято у многихъ. Но узнавъ служанку тѣтки, я успокоилась и вздохнула свободнѣе.

«— Не вы ли синьора Эприкетта? спросила она.

«— Я самая, отвѣтила я.

«— Синьора аббатисса, ваша тѣтка, велѣла кланяться вамъ...

«— Благодарю; поклонитесь и ей отъ меня.

«— И сказать, что капитулъ единодушно рѣшилъ принять васъ въ монастырь.

«— Принять меня!... Меня! Голубушка, вы ошибаетесь, возражала я, смѣясь отъ души.

«— Да, синьора, васъ; я не ошибаюсь — нисколько. Васъ просить придти сейчасъ же поблагодарить монахинь, и сговориться о днѣ вашего вступленія въ монастырь.

Мать моя, видя, что я не тотчасъ возвращаюсь, въ эту минуту выходила посмотрѣть, съ кѣмъ я разговариваю у двери, и успѣла услышать послѣднія слова горничной. Понимая, что извѣстіе это, столько же неожиданное, сколько и ужасное для меня, должно меня ошеломить и даже отнять у меня способность говорить, она выступила впередъ.

«— Хорошо, хорошо, сказала она, отодвигая меня рукой: — передай моей сестрѣ душевную мою благодарность, и скажи, что новую монашенку привезутъ къ ней сегодня же.

При этихъ словахъ, она заперла дверь, и взявъ меня за руку, сдѣлавшюся холоднѣе мрамора, отвела въ спальню. Еслибы меня поразила молнія, то ударъ не былъ бы ужаснѣе. Я разразилась отчаянными рыданіями, упала ницъ на диванъ, залила подушку слезами, потомъ бросилась на шею къ матери, умоляя ее о пощадѣ. Она же, невозмутимая на видъ, хотя и нѣсколько взволнованная, протянула руку къ моимъ глазамъ, и стала вытирать ихъ платкомъ. Затѣмъ, серьезнымъ тономъ и мѣрными словами, которыя до сихъ поръ звучатъ въ ушахъ моихъ какъ смертный приговоръ, она объяснила мнѣ, что была вынуждена опредѣлить меня въ монастырь, какъ скудностью своихъ денежныхъ средствъ, такъ и моей любовью къ Доменико.

«— Тѣтки твоя, прибавила она: — богаты; отдавая тебя на руки

къ нимъ до тѣхъ поръ, пока я начну получать свою пенсію, я облегчу себя. Притомъ, я увѣрена, что монастырская тишина будетъ значительно способствовать къ успокоенію твоего сердца, возмущеннаго безумной страстью... Если же, черезъ два мѣсяца, ласкамъ монахинь не удастся искоренить изъ твоего сердца отвращеніе къ монастырю, я обѣщаю снова взять тебя къ себѣ. Теперь я не могу пока отступить отъ своего слова, такъ-какъ уже былъ собранъ капитулъ, и рѣшилъ въ твою пользу.

«— Маменька! воскликнула я, бросаюсь къ ея ногамъ, и судорожно обнимаю ея колѣни. — Маменька! изъ жалости, не запирайте меня въ монастырь! При одномъ названіи монастыря, меня беретъ отчаяніе!

Она быстро встала, высвободилась отъ меня, и строгимъ голосомъ сказала:

«— Отецъ твой не оставилъ тебѣ ни приданого, ни опекуна; въ судьбѣ твоей вольна я одна... Законы божескіе и человѣческіе одинаково обязываютъ тебя къ повиновенію, и, видитъ Богъ, ты исполнишь мою волю!

Какъ послѣдній протестъ, я заглушила рыданія, и не сказала болѣе ни слова. Къ тому же, всякое дальнѣйшее возраженіе было бы бесполезнымъ. Если при Бурбонахъ, завѣтнымъ божествомъ ораторовъ и философовъ былъ богъ молчанія, то къ кому, какъ не къ нему могла прибѣгнуть бѣдная, безпомощная, и еще несовершеннолѣтняя сирота?

Видя меня безмолвной, неподвижной какъ статую, со сложенными руками, съ обращенными къ небу глазами, съ глубокимъ уныніемъ, изображавшимся во всякой моей чертѣ, матери, видно, жаль стало своего ребѣнка; голосъ ея смягчился; она подошла ко мнѣ, и глادا рукой мои вьющіяся локонами кудри, стала уговаривать меня съ большей кротостью, словами болѣе сообразными съ материнской любовью. Она говорила, что монастырь— не тюрьма, какъ вообще думаетъ это свѣтъ, а напротивъ— спасительное убѣжище, безпорочный пріютъ, гдѣ души, возвысившіяся надъ мірской суетой, или испившія чашу разочарованія, находятъ атмосферу, никогда неоскверняемую пагубнымъ дурновоніемъ страстей, никогда невозмущаемую мірскими бурями. Притомъ, продолжала она, эти пріюты изобилуютъ не только духовными утѣшеніями, но и всѣми удобствами богатой жизни, и даже утонченностями и приличными удовольствіями высшаго свѣта. Еслибъ было иначе, то какимъ образомъ опредѣлялись бы туда столько сотенъ молодыхъ дѣвушекъ, самаго знатнаго происхожденія и имѣющихъ значительное приданое? Да, наконецъ, утѣшала меня мать, мое вступленіе въ монастырь должно было быть

только двухмѣсячнымъ испытаніемъ, послѣ котораго, если я сама захочу, ничто не помѣшаетъ мнѣ возвратиться на волю, чтобъ воспользоваться свободой по моему усмотрѣнію. — Это и многое еще говорила мнѣ мать.

Она думала везти меня въ монастырь въ тотъ же день, но на мои опухшіе отъ слезъ глаза страшно было смотрѣть, и пришлось отложить поѣздку. На другой день, видя, что ей не дождаться конца моихъ слезъ, она велѣла мнѣ приготовиться ѣхать... Бѣдная Джузеппина! Она меня одѣла, мнѣ же было не до того... Мать то бранила меня за малодушіе, то утѣшала, говоря:

«— Да будь же увѣрена, что черезъ два мѣсяца я за тобой приѣду.

Уныло вышла я изъ кареты у воротъ монастыря, и плакала, поднимаясь на первую лѣстницу, которая вела на вторую, такъ-пазываемую лѣстницу затворничества, «della clausura». Отворяя намъ дверь, привратница позвонила въ колокольчикъ, чтобъ предупредить общину, что нареченная жертва входитъ въ монастырскія стѣны. Тѣтка моя аббатисса, находилась въ комнатѣ привратницы, и первая вышла ко мнѣ на встрѣчу; весело обняла она меня, и ласково, но повелительнымъ тономъ шепнула мнѣ на ухо, чтобъ я поблагодарила монахинь за милость, которую онѣ оказывали мнѣ, принимая меня своей подругой. Дорогія черты и голосъ моего отца, которые мнѣ видѣлись и слышались въ лицѣ и разговорѣ аббатиссы, до того взволновали меня, что я едва не упала безъ чувствъ.

Между тѣмъ монахини толпою сбѣгались, чтобъ осмотрѣть меня; головы ихъ высовывались одна изъ-за другой, нѣкоторые изъ сестеръ даже вѣбрались на стулья. И не думайте, чтобъ всѣ эти женщины шопотомъ передавали свои впечатлѣнія при осмотрѣ моей особы: яная изъ нихъ находила меня красавицей, другая—дурнушкой, третья—симпатичной и такъ далѣе; нѣкоторымъ наружность моя казалась покорною, другимъ—непокорвою. Мнѣ стало душно, тяжело; я бы предпочла умереть, чѣмъ добровольно вступить въ такое мѣсто, гдѣ съ самой первой минуты жизнь общала мнѣ такъ мало пріятнаго, даже относительно простой вѣжливости.

Благодарственная рѣчь, о которой такъ хлопотала аббатисса, была произнесена не мною самой, а моею матерью; она, между прочимъ, пояснила, что грусть, замѣтную въ моемъ лицѣ, не слѣдуетъ приписывать ни чему иному, какъ недавней смерти моего отца и разлукѣ съ семействомъ. Эта коротенькая, но приправленная множествомъ комплиментовъ рѣчь, сказанная отъ моего

имени, была прервана приходомъ другой моей тётки, Лукреціи, которая, страдая физическимъ и отчасти умственнымъ недугомъ, вошла, опираясь на двухъ бѣлицъ.

Свадьба Джузеппины была назначена на 2-е января 1840 года. Поэтому мать моя и тётка-аббатисса порѣшили между собой, что я вступлю въ монастырь черезъ два дня послѣ нея.

По возвращеніи домой, я стала отказываться отъ всякой пищи и до самаго роковаго дня, глаза мои не осушались отъ слезъ. Какія благородныя усилія дѣлали родные мои съ отцовской стороны, чтобы отговорить мать мою отъ ея намѣренія привести меня въ жертву! Все было напрасно; она твердила, что отдать меня на два мѣсяца въ монастырь благородныхъ дѣвицъ, еще не значитъ приносить меня въ жертву; и я впослѣдствіи имѣла случай убѣдиться, что дѣйствительно она не имѣла другихъ намѣреній. Книгиня Форина вызвалась взять меня въ себѣ на эти два мѣсяца, а сироты ея, мои двоюродные братья, обязывались отдать меня замужъ за герцога ***, нашего дальняго родственника, вдовца. Мать моя поблагодарила ихъ за любезное предложеніе; о предполагаемомъ же бракѣ сказала, что будетъ время поговорить объ этомъ по возвращеніи ея изъ Калабріи. Нетолько близкіе родные, но и дальніе родственники и друзья другъ передъ другомъ выказывали мнѣ участіе и расположеніе. Генералъ Салудци, человѣкъ необыкновенной доброты, старый товарищъ моего отца, объявилъ мнѣ, что какъ бы ни рѣшилась судьба моя, онъ подаритъ мнѣ тысячу дукатовъ.

2-го января состоялась свадьба Джузеппины; я провожала ее со слезами—съ моей жизненной драмой неразлучны слезы:—она переходила въ домъ человѣка, любимаго ею; я же, несчастная, навсегда разлучалась съ ней и со всѣми дорогими мнѣ существами. Слезы мои, подобно послѣднему вздоху умирающаго, печалили радостный обрядъ вѣнчанія... Какое грустное предзнаменованіе для такого дня!

Наконецъ, настало утро субботы 4-го января.

Въ то время я носила длинныя локоны. Я начала причесываться обыкновеннымъ манеромъ, какъ меня вдругъ остановилъ голосъ матери:

«— Чтѣ ты дѣлаешь, сказала она:—неужели ты воображаешь, что такая прическа прилична въ монастырѣ? Живѣе же, распусти локоны! Сегодня ты должна просто пригладить волосы.

«— Ахъ, Господи! да не въ монахини же я иду, возразила я, крайне разсерженная.—Если я должна остаться въ монастырѣ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, то для чего же мнѣ портить прическу и намѣнять свои привычки?

«— Что я тебя не прочу въ монахини—ты это отлично знаешь; но аббатисса очень просила меня не приводить тебя сегодня съ такою прической, не то монахини назовутъ тебя щеголихой.

Съ этими словами она взяла гребенку и собственноручно пригладила мнѣ волосы.

Немного спустя, пріѣхали генераль Саллучи и невѣстка княгини Форино, которые должны были провожать меня въ монастырь. Во все продолженіе дороги, ведущей отъ церкви Мадонны *delle Grazie* на улицѣ Толедо къ монастырю св. Григорія Армянскаго, я сидѣла погруженная въ нравственное состояніе, похожее отчасти на забытѣе, отчасти на экстазъ. Память мою осадили всѣ самыя дорогія и завѣтныя воспоминанія изъ того прошлаго, съ которымъ я прощалась на неопредѣленное время; мнѣ пришли на умъ и невинныя дѣтскія игры съ болѣе счастливыми, чѣмъ я, подругами, и нѣжныя ласки отца моего, и послѣднія зловѣщія его слова, и радости первой любви, и милый образъ Доменико... Увы! къ этому воспоминанію преимущественно возвращалась душа моя, оставшаяся вполне чуждою ко всему, чтó дѣлалось и говорилось вокругъ меня. Мать моя закрыла мнѣ лицо густой вуалью изъ предосторожности, чтобы слезы мои не сдѣлались предметомъ народныхъ толковъ; несмотря на это, я такъ часто прикладывала платокъ къ глазамъ, что многія оборачивались и смотрѣли на меня, о чемъ мнѣ повременамъ давали знать замѣчанія сопровождавшихъ меня лицъ.

Наконецъ мы доѣхали.

Двери распахнулись предо мной, какъ зѣвъ какого нибудь чудовища. Я внезапно почувствовала, что меня хватаютъ за руки, толкаютъ въ плечи, тащутъ куда-то; слухъ мой былъ пораженъ зловѣщимъ бряцаньемъ запоровъ, укрѣпившихъ за мною ужасныя двери. Мнѣ почти силою развязали ленту отъ шляпки, сняли шаль, и когда начали уясняться предо мною предметы, я очутилась на колѣняхъ предъ большой вызолоченной деревянной рѣшоткой.

То были хоры...

Одна изъ монахинь сказала мнѣ:

«— Благодари Бога, который оказываетъ тебѣ милость, вводя тебя въ эту спасительную ограду.

Я ничего не отвѣчала и не благодарила. Ко мнѣ успѣлъ возвратиться мгновенно помраченный разумъ и въ головѣ моей промелькнула печальная мысль: мнѣ вспомнилось предсказаніе умирающаго отца, улы! такъ скоро сбывшееся...

VI.

Брошена!

Какъ только вышла я съ хоровъ, мнѣ объявили, что поведутъ меня осматривать монастырь. Я спросила, гдѣ мать? Мнѣ отвѣтили на это, что боюсь задержать генерала и кухню мою, графиню, она уѣхала, но непременно навѣститъ меня на слѣдующій день. Меня сопровождали двѣ молодыя монахини, родныя сестры; звали ихъ Кончеттина и Чекина. Я нуждалась въ воздухѣ, отъ горя у меня занялось дыханіе; поэтому я съ удовольствіемъ приняла ихъ приглашеніе и вмѣстѣ съ ними отправилась осматривать достопримѣчательности монастыря.

Мы начали съ церкви, посвященной св. Григорію-Просвѣтителю (L' Illuminatore).

Многіе свѣдущіе археологи говорятъ, что эта церковь построена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда воздвигался храмъ Цереры, который, вмѣстѣ съ храмомъ Диоскуровъ, съ большимъ театромъ и базиликой обозначалъ Августовскую площадь, занимаемую теперь обширной церковью и монастыремъ S. Lorenzo maggiore. Это — ошибка; вышесказанное описаніе никакимъ образомъ не подходитъ къ настоящей церкви, выстроенной на новомъ мѣстѣ, послѣ разрушенія старинной церкви, вслѣдствіе декретовъ тридентскаго собора, въ 1580 году, принудившаго монахинь измѣнить всѣ прежніе порядки и дать совершенно новое расположеніе внутренности монастыря, для соблюденія во всей ихъ строгости новѣйшихъ уставовъ. Легенды повѣствуютъ, что храмъ Цереры, превращенный, благочестивой супругою императора Констанція Хлора, въ христіанское святилище, былъ окруженъ обширными зданіями, ввѣренными покровительству св. Пантелеона. Но и это преданіе невѣрно. Если не обманываетъ меня память, то этотъ восточный святой жилъ послѣ царствованія Константина-Великаго. Болѣе положительныя свѣдѣнія получаютъ только въ позднѣйшія времена, и въ особенности относятся къ иконоборскому гоненію, разразившемуся въ Константинополѣ по волѣ греческаго императора Льва Исавра, этого вѣнценоснаго Лютера среднихъ вѣковъ. Монахи и монахини въ то время въ большомъ числѣ покинули Грецію, чтобы снастьсь отъ фанатизма духовенства и народа, принявшаго реформу иконоборцевъ. Италия была наводнена ими: Римъ далъ изгнанныкамъ великодушное гостепримство, а Неаполь, имѣвшій съ греками не только общее происхожденіе и отчасти языкъ и обычаи, но и общую форму богослуженія, литургію и подчиненіе одному

и тому же іерарху—Неаполь, говорю я, какъ и смежны съ нимъ области, въ теченіе цѣлаго столѣтія, населены этими выходцами, которые, снова образовавъ монашескій орденъ, настроили безчисленное множество монастырей по уставу св. Василія. Писатели, достойные полнаго довѣрія, говорятъ, что въ однихъ нашихъ южныхъ областяхъ, не включая Сициліи, существовали уже съ половины XV-го столѣтія, около тысячи греческихъ монастырей различныхъ размѣровъ, повинующихся этому уставу.

Церковь и монастырь, о которыхъ я веду рѣчь, пользуются старшинствомъ надъ всѣми остальными, основанными въ Неаполѣ по уставу св. Василія, и получили въ покровители св. Григорія Армянскаго потому, что бѣглецы монахи, основавшіе ихъ, привезли съ собою мощи армянскаго апостола. Паденіе Греческой Имперіи, причиненное завоеваніями Магомета II, и послѣдовавшее за нимъ порабощеніе византійскаго патріархата, лишили орденъ св. Василія греческаго характера и богослуженія, до той поры сохраняемыхъ ими въ Италіи. По несовсѣмъ извѣстнымъ причинамъ, женскіе монастыри оставили уставъ св. Василія и замѣнили его другимъ, довольно схожимъ съ нимъ, уставомъ св. Бенедикта, еще прежде нежели мужскіе монастыри того же ордена успѣли облатиниться. Послѣднее событіе совершилось послѣ трехъ великихъ кризисовъ, чрезъ которые перешла западная церковь — реформы, основанія іезуитизма и тридентскаго собора; кризисы же эти всѣ случились въ XVI столѣтіи.

Фасадъ церкви св. Григорія отличается тѣмъ, что надъ высокимъ базаментомъ, съ тремя удебразными арками, возвышаются еще два разряда построекъ, первый—дорическаго ордена, второй — смѣшаннаго. Нѣсколько ступеней ведутъ къ обширному преддверью, поддержанному четырьмя пиластрами, на которыхъ опираются большіе монастырскіе хоры.

Изъ этого преддверья главный ходъ въ церковь, состоящую изъ одного только корпуса съ четырьмя придѣлами съ каждой стороны, и двумя пустыми пространствами, одинаковыхъ размѣровъ съ часовнями, на половину занятыми двумя органами; изъ этихъ пространствъ, одно — служитъ проходомъ въ ризницу и въ малый входъ, другой — проходомъ въ исповѣдальни. Балюстрада отдѣляетъ собственно корпусъ церкви отъ той части, гдѣ возвышается главный алтарь, среди четырехъ арокъ, поддерживающихъ куполь. Общій характеръ архитектуры смѣшаннаго ордена съ бездною карнизовъ, рѣзныхъ орнаментовъ и украшеній всякаго рода, позолоченныхъ на ровныхъ мѣстахъ на манеръ дамасскихъ арабесковъ. Нѣтъ пустого мѣста, которое не было бы покрыто фресками. Все это, безъ сомнѣнія, болѣе прилично роскоши пышныхъ

чертоговъ родовыхъ палаццо или театровъ, нежели благочестивой простотѣ, подобающей дому Господнему. Большія двери изъ орховаго дерева, украшены хорошими барельефами, изображающими четырехъ евангелистовъ и въ срединѣ двухухъ святыхъ: Стефана и Лаврентія, окруженныхъ рѣзными орнаментами. Потолокъ, тоже изъ рѣзнаго вызолоченнаго дерева, раздѣляется на три главные плафона, въ которыхъ помѣщаются три картины Теодора Фламандскаго; одна изъ нихъ изображаетъ св. Григорія, въ полномъ пастырскомъ облаченіи, стоящаго у алтара съ раскрытой книгой въ рукахъ и двумя ассистентами по сторонамъ; другая представляетъ того же святаго, принимающаго монахинь своего ордена; третья изображаетъ крещеніе Спасителя. Кромѣ того, потолокъ подраздѣляется на множество небольшихъ медальоновъ различныхъ формъ, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщается картина того же художника или рѣзная розетка. Органы тоже богаты удивительной рѣзбой, вызолоченной червоннымъ золотомъ. Каждый изъ придѣловъ украшенъ множествомъ инкрустаций, изъ отборныхъ разноцвѣтныхъ мраморовъ и отгороженъ отъ церкви ирморморной балюстрадой, въ видѣ ажурныхъ листьевъ; выше же находятся разныя художественныя произведенія изъ литой бронзы и небольшая рѣшотка изъ того же металла.

Изъ картинъ, бѣлая часть принадлежитъ кисти Лука-Джордано. Изъ нихъ три, помѣщенныя надъ большимъ входомъ, изображаютъ прибытіе въ Неаполь и встрѣчу греческихъ монахинь; другія, занимающія простѣнки между оконъ, тоже взяты изъ жизни св. Григорія; остальные, въ куполѣ и хорахъ, представляютъ различныя легенды изъ житія св. Бенедикта. Нужно замѣтить, что въ одной изъ трехъ картинъ, что надъ большимъ входомъ, а именно въ картинѣ налѣво отъ зрителя, художникъ написалъ самаго себя, въ тогдашнемъ своемъ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, въ видѣ того человѣка, который указываетъ на что-то причаливающимъ къ берегу монахинямъ.

Сзади главнаго алтара, построеннаго по рисункамъ Діонисіа Лаццари, помѣщается большая картина Вознесенія Господня, работы Бернарда Лама. Въ первомъ придѣлѣ, съ правой стороны церкви, есть картина Благовѣщенія, замѣчательная прекраснымъ колоритомъ, писанная художникомъ Пачекко де-Роза. Третій придѣлъ, посвященный св. Григорію Армянскому, нѣсколько больше и убранъ богаче другихъ; надъ алтаремъ, среди двухъ колоннъ изъ краснаго, французскаго мрамора, находится весьма цѣнная картина Франческо-де-Марія, изображающая того же святаго, сидящимъ и окруженнымъ сонмомъ ангеловъ; на боковыхъ стѣнахъ, въ двухъ картинахъ, изображенъ тотъ же святой: на одной—

въ ту минуту, когда смиренно предстаетъ предъ нимъ царь Тридаты, съ лицомъ, превращеннымъ въ свиное рыло, на другой — въ ту минуту, когда его вынимаютъ изъ Араратскаго озера, въ которомъ онъ прожилъ четырнадцать лѣтъ безъ пищи. Эти двѣ картины, отличающіяся силою и вѣрностію колорита и эффектностію освѣщенія, написаны однимъ изъ учениковъ Спальо-летто, Франческо Фраканцано. Отъ брата его, Чезаре Фраканцано, остались двѣ lunettes, представляющія ястваніе того же святаго мученика. Сводъ этого придѣла раздѣленъ на нѣсколько частей, расписанныхъ разными происшествіями изъ жизни св. Григорія, вышеупомянутымъ Франческо-де-Маріа. Говорятъ, что эти фрески обратили на себя вниманіе самаго Джордано, который, будто бы, много любовался ими и хвалилъ ихъ. Въ четвертомъ придѣлѣ, есть картина мадонны del Rosario, ученика Джордано, Николò Малинконико. Изъ придѣловъ лѣвой стороны, первый украшенъ картиной Рождества, школы Марко-да-Сьена; третій — картиной отсѣченія главы Иоанна Крестителя, Сильвестра Морвилю, прозваннаго Бруно; четвертый — картиною св. Бенедикта, поклоняющагося Богородицѣ, являющейся ему съ неба; эту картину приписываютъ самому Спальо-летто.

Было воскресенье, третьяго марта 1443 года, утромъ, когда Альфонсъ I-й аррагонскій увѣнчалъ чело сына своего Ферранта золотымъ обручемъ, и далъ ему въ правую руку мечъ, осипанный драгоценными каменьями, укрѣпляя, такимъ образомъ, за нимъ титулъ герцога калабрскаго, и наследника своего престола, даннаго ему за день предъ тѣмъ единодушнымъ порывомъ парламента, въ залѣ капитула, въ монастырѣ S. Lorenzo. Этотъ торжественный обрядъ былъ совершенъ съ царственной пышностію, въ присутствіи бароновъ, въ старинной церкви св. Григорія Армянскаго, впоследствии разрушенной, о которой я упомянула въ началѣ главы.

Въ этой же церкви, до 1574 года, сохранялись могилы монахинь и кости многихъ покойниковъ, подъ памятниками, напоминающими еще первыя времена монастыря, какъ это видно изъ хроникъ Донны Фульвіи Карачоло, одной изъ монахинь прабабушекъ, жившей монахиней въ этомъ самомъ монастырѣ, около того времени, когда былъ введенъ уставъ затворничества (claustra). Она оставила весьма живое описаніе перенесенія вышеупомянутыхъ смертныхъ останковъ изъ старинной церкви въ болѣе безопасное мѣсто, бывшаго во время аббатства Лукреціи Карачоло. «Въ церкви — пишетъ она — оставались одиѣ могилы, въ которыхъ помѣщались тѣла умершихъ сестеръ и другихъ покойниковъ, а такъ-какъ могилы эти оставались распри-

тymi, сердца наши надрывались отъ великаго огорченiя, потому что у насъ не было приличнаго мѣста, гдѣ бы мы могли сложить кости нашихъ предшественницъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ скончались недавно, и такъ-какъ тѣла ихъ еще были невредимы, то онѣ возбуждали въ насъ такую жалость, что у каждой изъ насъ отъ тоски замирало сердце. Наконецъ, въ ночь послѣ 20-го октября, того же 1574 года, чтобы не наводить ужаса на сестеръ, я вмѣстѣ съ монахинями: Донной Беатриче Караффа, Донной Камиллой Серсале, Донной Изабеллой и Донной Джованной-ди-Лоффредо, заперевъ двери церкви и читая панихиду по усопшимъ, велѣла въ нашемъ присутствiи, вынуть тѣла покойниковъ изъ могилъ, и сложить кости въ другой склепъ, слѣдующимъ порядкомъ: заказали столько гробовъ, сколько было могилъ, положили въ нихъ упомянутыя кости, и на каждомъ сдѣлали надписи, дабы извѣстно было, чьи кости въ немъ хранятся». Отъ этого отрывка, каждый разъ какъ мнѣ случалось прочесть его въ рукописи, морозъ пробѣгалъ по моему тѣлу, когда я думала, что и мои кости, если онѣ останутся на погребенiи моихъ подругъ, могутъ когда нибудь подвергнуться такимъ же операціямъ.

Въ монастырскомъ святилищѣ хранятся мощи нѣсколькихъ святыхъ и мучениковъ, которымъ монахини и народное суевѣрие приписываютъ чудотворную силу. Кромѣ главы св. Григорiя просвѣтителя (l'Illuminatore), привезенной будто-бы греческими изгнанницами, у насъ хранятъ еще головы св. Стефана и св. Василя въ серебряныхъ ковчегахъ; часть древа Животворящаго креста; двѣ руки: одна св. Лаврентiя и другая св. Панталеона; цѣль, которой былъ скованъ св. Григорiй Армянскiй, и кожаные ремни, которыми онъ былъ избитъ (эти два предмета имѣютъ сверхъестественный даръ изгонять бѣсовъ); кровь св. Стефана и св. Панталеона, которая хотя и находится постоянно въ жидкомъ состоянiи, но не принимаетъ трехъ различныхъ цвѣтовъ, подобно крови того же мученика, сохраняемой въ Римѣ въ церкви св. Marin in Vallicello, и въ амальфскомъ соборѣ.

Монастырь, выстроенный около церкви, весьма обширенъ. При входѣ въ него съ улицы, первое, что поражаетъ, это — большая и удобная лѣстница, ведущая во второму входу, украшенному картинами Джакомо-дель-По; этотъ входъ ведетъ въ различныя приемыши. Внутренность монастыря отличается богатствомъ убранства, безконечными удобствами, почти царственной пышностью, какъ и подобаетъ приюту женщинъ, на столько гордящихся своимъ знатнымъ происхожденiемъ, что онѣ не примутъ въ сестры ни одну молодую дѣвушку, родъ которой не принадлежитъ къ знамени-

тѣмъ домамъ Неаполя. Дортуаръ обширенъ и красивъ; не менѣе красива и трапезная; хоры, выходящія въ церковь, тоже обширны; внутренній портикъ, опирающійся на колонны, широко окружаетъ дворъ, украшенный посрединѣ фонтаномъ и двумя статуями: Христа и Самаритянки — изваянія Маттео Ваттильери; особенно привлекательны огромныя террасы, устроенныя надъ монастыремъ, украшенныя цвѣтами и живописью; съ нихъ можно любоваться одною изъ великолѣпнѣйшихъ панорамъ Неаполя, такъ-какъ взоръ свободно гуляетъ по окружающимъ горамъ и холмамъ, по части расположеннаго внизу города, по морю и сѣющимся окрестностямъ. Кромѣ этихъ построекъ, въ монастырѣ есть еще часовня, посвященная св. Маріи dell'Idria (измѣненное греческое слово *Одмитрія*) съ византійскимъ изображеніемъ Мадонны, чтимой подъ этимъ именемъ, и картинами Паоло-де-Маттенсъ. Эта часовня преисполнена всякаго рода драгоценностями. Наконецъ, еще замѣчательна зала архива, гдѣ, между прочими историческими документами, хранится вышеупомянутая хроника монахини Карачолло — документъ немаловажный.

Но пора возвратиться въ моему повѣствованію.

Новость обстановки, лицъ и предметовъ, окружавшихъ меня, нравовъ мнѣ неизвѣстныхъ, нѣсколько развлекла меня. То былъ для меня новый, невѣдомый міръ. Во время перваго моего обзора монастыря, я встрѣчалась со многими монахинями; всѣ онѣ обращались ко мнѣ съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ:

«— Хочешь сдѣлаться монахиней?»

Я отвѣчала отрицательно. Онѣ же, улыбаясь съ выраженіемъ полнѣйшаго убѣжденія, возражали мнѣ на это:

«— Не выпустишь тебя S. Benedetto, когда ты разъ одѣнешься въ его платье.

За нѣсколько дней до моего вступленія въ монастырь, ко мнѣ приходила горничная моей тѣтки и объявила мнѣ, что одна молодая монахиня по имени Паолина, желаетъ сдѣлаться моею неразлучной подругой и повѣренной, съ той самой минуты, какъ я вступлю въ монастырь. Между тѣмъ, я уже находилась въ немъ нѣсколько часовъ и не видала около себя другихъ монахинь, кромѣ двухъ сестеръ, которыхъ тѣтка моя просила водить меня по монастырю.

Я спросила у нихъ, вторая изъ монахинь называется Паолиной? Онѣ отвѣтили мнѣ, что это — молодая монахиня, проводящая все свое время въ обществѣ двухъ воспитанницъ. Тогда я вспомнила, что дѣйствительно встрѣтила ее прохаживающеюся подъ портикомъ съ двумя молоденькими дѣвушками, и не мало удивилась тому, что изъ всѣхъ монахинь, именно она одна не

подошла ко мнѣ. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, подъ высокимъ сводомъ корридора, мы снова встрѣтились съ нею; я приняла веселый видъ и съ улыбкой поклонилась ей, но мнѣ показалось, что вмѣсто отвѣта, она шопотомъ общилась съ своими подругами нѣсколькими насмѣшливыми словами: я была сильно озадачена; но этого мало. Кончеттина спросила меня, почему мнѣ хотѣлось узнать, которая изъ монахинь называется Паолиной, и гдѣ я познакомилась съ нею? Я рассказала о томъ, что передала мнѣ тетинна горничная. Тогда Чекина вспомнила, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ, Паолина за что-то поссорилась съ своими подругами и сдѣлала мнѣ известное предложеніе единственно съ тѣмъ, чтобъ досадить имъ, но что съ тѣхъ поръ она успѣла помириться съ ними и общалась имъ никогда не подходить ко мнѣ, такъ какъ онѣ уже ревнуютъ ее.

«— Ревнуютъ! воскликнула я, крайне изумленная:—значить, между вами ревнуютъ?»

«— И какъ еще, сньюрина! еще бы не ревновать! въ одинъ голосъ отвѣтили обѣ сестры.

«— Ахъ, Боже мой! прибавила я:—значить, здѣсь есть и раздоръ, неразлучный съ ревностью?»

Мнѣ показалась очень странной ревность между женщинами, еще болѣе странными мелочность и сметничество монахини Паолины, наконецъ отвратительнымъ раздоръ, поселившійся въ герметически запупоренномъ жилищѣ, недоступномъ благодѣтельнымъ человѣческимъ вліаніямъ. Изъ этого перваго симптома извращенности нравовъ, я убѣдилась, что имѣю дѣло съ женщинами, хотя и знатными по рожденію, но едва-ли имѣющими даже такое отрицательное образование, какъ собственныя ихъ служанки.

Я съ нетерпѣніемъ ждала вечера, чтобы предаться на свободѣ гнетущей меня тоскѣ, полагая, что мнѣ будетъ отведена особая комната.

Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла, что моя кровать поставлена въ собственной комнатѣ аббатиссы и около нея стоитъ еще третья кровать, назначенная для прислуживающей ей бѣлицы! У меня отнималось послѣднее утѣшеніе—удивленіе и слезы. Пока тетя моя раздѣвалась, читая вполголоса молитвы, я должна была терпѣть пытку допросовъ бѣлицы.

Женщинѣ этой, называвшейся Анджола-Марія, было около тридцати-двухъ лѣтъ; она обладала желѣзнымъ тѣлосложеніемъ и дородной наружностью, лицомъ, изрытымъ оспою, и огромнымъ ртомъ, снабженнымъ черными зубами; къ этому отвратительному сочетанію безобразія, присоединялись то взглядно-необузданный смѣхъ, то припадки мрачной угрюмости, во время которыхъ она безъ

устали вращала своими дикими глазами, готовыми, казалось, выскочить изъ орбитъ. При всемъ этомъ она еще была груба, невнимательна къ моей старушкѣ-тѣткѣ и огрызалась противъ нея каждый разъ, когда она прерывала выговоромъ ея неумолкаемую болтовню. Наконецъ она улеглась и заснула, предоставляя меня моимъ печальнымъ думамъ, одну, среди ночного молчанія, ничѣмъ непрерываемаго, кромѣ равномернаго стука маятника.

Только-что я заснула, отяжелѣвши скорѣе отъ нравственной тоски, чѣмъ отъ потребности сна, какъ, на самой зарѣ, меня разбудила Анджола-Марія, чтобы спросить меня, хочу ли я пойти къ ранней или къ поздней обѣднѣ?

«— Теперь ужъ я проснулась, отвѣчала я со вздохомъ:—пойду хоть къ ранней обѣднѣ.

Бѣлица помогла мнѣ одѣться, не прерывая своей болтовни; затѣмъ взяла меня за руку, такъ же бережно, какъ будто вела слѣпаго, и сошла со мною въ причащальную, гдѣ уже собралось нѣсколько монахинь, чтобы отслушать обѣдню и причаститься.

Въ десять часовъ пріѣхала моя мать; я нашла ее сидящей въ приемной. При видѣ ея, я залилась потокомъ слезъ; я объявила ей, что чувствую себя крайне несчастливой въ этомъ жилищѣ, и что праздность и бессмысленное затворничество въ немъ кажутся мнѣ болѣе невыносимыми самой темницы; что для меня будетъ страшнымъ мученіемъ раздѣлять жизнь необразованныхъ невѣждъ; что уже поговариваютъ о томъ, чтобы сдѣлать меня монахиней; наконецъ, что я чувствую, что лишусь здоровья такъ же, какъ и лишаюсь свободы, такъ-какъ мнѣ приходится повиноваться даже прихотямъ прислужницы моей тѣтки, поднявшей меня чуть свѣтъ, чтобы продержать меня цѣлый часъ въ церкви, на невыносимомъ холодѣ, въ такомъ неприятномъ состояніи, что даже можетъ опротивѣть сама молитва. Мать моя готовилась отвѣчать мнѣ, когда вошла привратница, и за ней съ привѣтствіемъ вбѣжали еще нѣсколько монахинь. Обмѣнявшись съ ними нѣсколькими вѣжливыми словами, она сказала, что пойдетъ слушать обѣдню въ церковь св. Лаврентія и возвратится попозже. Затѣмъ она вышла изъ приемной, а я, въ ожиданіи ея, простояла у входа въ корридоръ, погруженная въ чувство одиночества, въ которое поставила меня жестокая судьба. Прошелъ часъ, прошелъ другой, а я все еще медленными шагами раскачивала по корридору, ожидая возвращенія матери. Огорченная ея продолжительнымъ отсутствіемъ, я обратилась къ привратницѣ съ просьбою послать въ церковь св. Лаврентія одну изъ множества женщинъ, праздно шатающихся въ снѣгахъ монастыря, чтобы узнать

о причинѣ, задержавшей мою мать. Привратница, взявъ меня за руку, сказала мнѣ на это:

«— Вооружитесь терпѣніемъ, душа моя... Волей-неволей, а нужно же испить эту чашу...

«— О какой чашѣ говоришь ты? спросила я въ испугѣ, предчувствуя новое несчастье:—вѣдь я говорю, что мать моя долго не возвращается, и что мнѣ хотѣлось бы узнать причину?

«— Ты напрасно ее ждешь.

«— Какъ такъ?

«— Мать твоя уже уѣхала въ Реджо.

Еслибы привратница не поддержала меня за такую, а бы грохнулась на полъ. Долгое время я оставалась въ оцѣпенѣніи. Я давно знала, что придется разстаться съ матерью, но почему же она уѣхала на другой день послѣ моего вступленія въ монастырь? Почему уѣхала, не предупредивъ меня? Нервы мои, уже глубоко потрясенные всѣми вынесенными мною неприятностями, не выдержали этого послѣдняго удара: я впала въ конвульсіи.

Когда я очнулась и открыла глаза, я увидѣла себя окруженною толпою монахинь, бѣлицъ, воспитанницъ, незнакомыхъ мнѣ и думающихъ только о томъ, чтобы насытить свое любопытство и апатичную праздность, свойственную ихъ положенію, зрѣлищемъ моихъ страданій. Кто шептался съ одной стороны, кто пускался въ коментаріи съ другой, а у иной на лицѣ появлялась саркастическая насмѣшка; ни одна не обратилась ко мнѣ съ изъявленіемъ искренняго участія. Докторъ Ронки, одинъ изъ медиковъ общины, входившій въ эту минуту въ комнату привратницы, подавъ мнѣ скорую помощь, но лихорадка, овладѣвшая мною, болѣе недѣли продержала меня въ постелѣ.

Пришла бѣда, отворяя ворота. Черезъ мѣсяць, я уже начинала убѣждаться, что и Доменнио дѣйствительно покинулъ меня. Въ глубинѣ моей темницы еще не угасла сладкая надежда не только на получение письма отъ него, но и на возвращеніе въ Неаполь его самого, въ качествѣ моего освободителя. Если любовь его не была меньше моей, если въ душѣ его ниѣли мѣсто благородныя чувства, если въ его сердцѣ говорилъ голосъ человѣчества, если въ душѣ его матеріальный интересъ не былъ сильнѣе воспоминанія о моей искренней и неизмѣнной преданности, то какъ же онъ могъ допустить меня сдѣлаться жертвою вѣрности моей къ нему же? Сколько разъ смотрѣла я съ хоромъ въ церковь, думая увидать его тамъ! Сколько разъ съ высоты бельведеромъ, взоръ мой съ лихорадочнымъ трепетомъ блуждалъ по окружающимъ улицамъ, ища его! Какъ часто, обманутая нарушностію, походкою, одеждою когонибудь газавшагося похожима на

него, я чувствовала себя готовою упасть безъ чувствъ при мысли, что настала минута моего освобожденія; но, увы! я не получила отъ него ни одной строки, и мать моя въ своихъ письмахъ тоже не упоминала о немъ. Изрѣдка видалась я съ Джузеппиною, но эти свиданія съ моею любимой сестрой только каждый разъ придавали новую пищу моему горю: недугъ въ ногахъ, послѣдствіе ея паденія, послѣ ея замужества оказался неизлечимымъ, такъ что бѣдняжка должна была ходить опираясь на костыли. Отъ времени до времени, еще прѣзжалъ ко мнѣ съ участіемъ и утѣшеніями генераль Салуцци, къ которому я храню дочернюю привязанность, прочіе же родственники — женихъ, друзья — всѣ забыли о сиротѣ. Можно было бы подумать, что бедна разверзлась уже между мною и всѣмъ міромъ, несмотря на человѣческія чувства, еще тоскливо отзывавшіяся въ моемъ сердцѣ.

Среди моего глубокаго уединенія, одно только великое утѣшеніе умѣряло мои страданія: стремленіе духа моего къ тому Богу любви, которому угодно было родиться, жить и умереть не среди ужасовъ пустыни и безжизненнаго одиночества, а для спасенія человѣчества, въ тѣсныхъ и обширныхъ сношеніяхъ съ нимъ, руководимыхъ единымъ и нераздѣльнымъ закономъ...

Однажды вечеромъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, я осталась на террасѣ одна. Лучи заходящаго солнца уже золотили одну только вершину Везувія, да макушки Каstellамарскихъ горъ, снѣга которыхъ отсвѣчивались такимъ яркимъ блескомъ, что, казалось, отстаивали свѣтъ противъ наступающей темноты. Вокругъ царствовало необычайное молчаніе; карнавалъ привлекъ весь народъ въ болѣе населенныя части города, такъ что кварталъ св. Лаврентія, гдѣ воздвигается монастырь, совершенно опустѣлъ. До слуха моего долетало только слабое эхо народнаго веселія, какъ гулъ далекаго моря. На меня навѣялось совершенно новое ощущеніе; на вольномъ воздухѣ, подъ неизмѣримымъ свѣдомъ небесной тверди, я почувствовала себя, правда, одной, но уже неодинокой. Голосъ божій призывалъ меня къ созерцанію Его благостей. Я преклонила колѣна, сложила руки, подняла къ небу отуманенные слезами глаза, и воззвала за помощію къ Нему, къ Всемогущему.

«— Да что жъ, наконецъ! воскликнула я, подымаясь съ колѣнъ и отирая слезы:—что такое мои страданія, въ сравненіи съ страданіями народа, которому я принадлежу? Если подъ двойнымъ игомъ духовной и свѣтской тираніи томится вся Италія, то могу-ли я, ничтожный атомъ, одна изъ столькихъ миліоновъ угнетенныхъ, желать—проводить жизнь въ наслажденіяхъ и благоденствіи?...

ЗАКОНЪ ОБРАЗОВАНІЯ ПОЛОВЪ У РАСТЕНІЙ, ЖИВОТНЫХЪ И ЧЕЛОВѢКА.

ПРОФЕССОРА ЖЕНЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ТЮРИ.

Подъ означеннымъ заглавіемъ въ 1863 году вышла въ свѣтъ маленькая брошюрка *Тюри* (Thury) (профессора женевской академіи). По причинѣ новыхъ взглядовъ, по причинѣ фактовъ и опытовъ, подтверждающихъ эти взгляды — упомянутая брошюрка имѣла большой успѣхъ въ Европѣ, потребовалось даже второе изданіе. Такъ-какъ взгляды и опыты, вложенные въ ней, необходимо должны имѣть громадное вліяніе на развитіе и нашего скотоводства, и такъ-какъ, кромѣ того, они имѣютъ и высочій научный интересъ, то мы считаемъ нелишнимъ передать эту брошюрку цѣликомъ на русскомъ языкѣ.

Nous croyons à la physiologie générale.

Предисловіе автора.

Вопросъ, разрѣшенный въ этой брошюрѣ, съ незапамятныхъ временъ занималъ умы человѣчества. Тысячи разъ поднимали его, но рѣшали всегда неточно. Ученые сознавали неточность этихъ рѣшеній, и потому составили себѣ мнѣніе, будто-бы человѣкъ вообще неспособенъ поднять занавѣсъ, скрывающій таинственныя явленія происхожденія различныхъ половъ; они начали полагать, что всякое изслѣдованіе этого явленія, изученіе законовъ, управляющихъ имъ, невозможно по сущности самаго предмета.

Но такъ-какъ никто не можетъ доказать невозможности найти рѣшеніе для поставленнаго вопроса, то никто не имѣетъ права настаивать на бесполезности попытокъ къ его рѣшенію, хотя долготѣнія, терпѣливыя старанія остались совершенно безплод-

ними. При постепенномъ развитіи науки, многіе вопросы рѣшаются почти сами собою, между тѣмъ какъ тѣ же самыя вопросы въ прежнее время считались стоящими за горизонтомъ человѣческаго духа. Мнѣ, можетъ быть, замѣтить, что въ природѣ существуетъ неопровержимый, предопределенный порядокъ, вслѣдствіе чего нельзя допустить, будто бы какаѣ бы то ни была человѣческая сила могла потрясти его. На это я въ общихъ чертахъ отвѣчу слѣдующее. Не должно смѣшивать дѣйствительно неопровержимый основной порядокъ природы съ тѣми болѣе или менѣе совершенными представленіями, которыя мы вырабатываемъ себѣ въ данное время по поводу того, какъ исполняется этотъ порядокъ. Тамъ, гдѣ мы видимъ недостатокъ порядка, тамъ это означаетъ только то, что наше понятіе о настоящемъ порядкѣ находится на пути къ усовершенствованію.

Послѣдствія, которыя влечетъ за собою открытіе закона, управляющаго образованіемъ половъ у животныхъ, слишкомъ ясны, такъ что я могу не распространяться объ нихъ. Отнынѣ сельскіе хозяева и скотоводы могутъ получать по желанію то мужскихъ, то женскихъ индивидуумовъ какого-либо животнаго. Очень рѣдко скотоводы относятся равнодушно къ полу полученнаго новаго поколѣнія. Во всякомъ случаѣ, приобрѣтеніе того или другаго пола; для него связано съ приобрѣтеніемъ большаго или меньшаго количества денегъ. Уже не въ первый разъ, въ этомъ случаѣ, чисто научное открытіе дѣлается источникомъ народнаго богатства.

Законъ образованія пола.

Lindley въ своемъ сочиненіи о теоріи садоводства, приводитъ опыты *Knight*'а, который нашелъ; что теплота содѣйствуетъ болѣе успѣшному развитію мужскихъ цвѣтовъ въ двудомныхъ растеніяхъ (*), какъ напримѣръ, въ тыквѣ и въ огурцахъ.

Уже давно это явленіе показалось мнѣ достойнымъ вниманія, и разсуждая о значеніи этого факта въ общей физиологіи, я дошелъ до слѣдующихъ заключеній: теплота вліяетъ на растенія посредственно, обуславливая болѣе совершенную переработку соковъ ихъ, и вслѣдствіе этого болѣе полное развитіе, болѣе зрѣлость всѣхъ органовъ. Происхожденіе мужскихъ цвѣтовъ, мужскаго пола, соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, болѣе совершенной

(*) Известно, что Линней называлъ *двудомными* тѣ растенія, у которыхъ мужскіе и женскіе цвѣтки сидятъ на различныхъ индивидуумахъ. Эти растенія составляли двадцать-второй классъ его искусственной системы.

вѣрности, большому развитію растеній. Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, вѣроятно и заключается значеніе наблюденій *Knight'a*.

Чтобы примѣнить эти результаты къ животнымъ, должно прежде всего сравнить между собою оба органическія царства въ отношеніи половой дѣятельности. Важнѣйшество двудомныхъ растеній, и именно тѣ, которыя служили объектами изслѣдованій *Knight'a*, въ сущности суть гермафродиты, я дѣлаются двудомными только влѣдствіе атрофіи того или другого органа, какъ извѣстно всякому ботанику. Уже давно, въ одной изъ моихъ первыхъ ботаническихъ работъ, я занимался сравнительнымъ изслѣдованіемъ метѣлообразнаго цвѣторасположенія мужского индивидуума манса и булавоовиднаго цвѣторасположенія женскаго индивидуума того же растенія. Это параллельное изслѣдованіе обратило мое вниманіе на упомянутый фактъ, и я пришелъ къ убѣжденію, что метѣла и булава манса, или мужской и женскій органъ его, построены по одному и тому же основному принципу, суть одинъ и тѣ же органы, даже расположенные совершенно одинаково, но отличающіеся другъ отъ друга только способомъ и степенью развитія. Въ цвѣткахъ метѣлки пестики, то-есть женскіе органы, остаются неразвитыми, точно такъ же какъ тычинки, то-есть мужскіе органы, далеко не достигаютъ полнаго развитія въ цвѣткахъ булавы. Вообще метѣла болѣе развивается въ длину и распускается, а женскій цвѣтокъ развивается болѣе въ ширину, какъ-бы свертывается.

Такимъ образомъ, двудомность многихъ растеній зависитъ отъ совершенно случайныхъ причинъ, между тѣмъ какъ раздѣленность половъ у животныхъ зависитъ отъ причинъ глубокихъ, какъ-бы врожденныхъ въ самый организмъ. Это даетъ намъ право предполагать, что у растеній можно изучать гораздо легче, чѣмъ у животныхъ, тѣ условія, которыя благоприятствуютъ развитію то мужскихъ, то женскихъ элементовъ, ибо у растеній существуютъ въ зачаткѣ оба эти элемента, сначала почти уравновѣшивая другъ друга. Экспериментатору, имѣющему необходимыя средства, легко будетъ побудить къ сильнѣйшему развитію то одинъ органъ, то другіе.

Весь вопросъ нанѣ теперь заключается только въ томъ, имѣемъ ли мы право допустить, что причины, обусловливающія болѣе совершенное развитіе органовъ того или другого пола, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они оба уже находятся въ зачаткѣ, тождественны съ причинами, вызывающими первое появленіе самыхъ зачатковъ этихъ органовъ. Принимая такую тождественность названныхъ причинъ, мы прежде всего должны доказать тождественность обонхъ половъ. Если намъ удастся доказать это, то изъ нашего

положенія совершенно естественно будетъ вытекать то, что причины или силы, дѣйствующія въ яичѣ и обуславливающія происхожденіе зародыша того или другаго пола, суть тѣ же самыя, которыя, при дальнѣйшемъ дѣйствованіи, обуславливаютъ и направляютъ развитіе вызваннаго ими пола. Если, слѣдовательно, намъ удастся узнать тѣ силы, которыя развиваютъ, то мы будемъ знать и тѣ, которыя вызываютъ образованіе первыхъ зачатковъ органовъ. Во всякомъ случаѣ, естественный испытатель не имѣетъ права увеличивать произвольно число силъ природы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно обойтись и безъ новыхъ.

Всѣ ботаники, которые, вмѣстѣ съ G. F. Wolff'омъ Goethe, de-Candolle'мъ и Robert Brown'омъ, принимаютъ, что пыльники и пестики, то-есть мужскіе и женскіе органы цвѣтка, суть видоизмѣненные листья, приспособленные къ новымъ отправленіямъ, согласились въ томъ, что эти органы тождественны между собою. Даже если мы примемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми современными ботаниками, что пестикъ образуется черезъ слияніе двухъ прежде разнородныхъ частей, листа и ствола, то и это нисколько не измѣнитъ нашего заключенія, ибо значеніе пестика, какъ женскаго полового органа, этимъ нисколько не измѣняется. Тождественность этихъ органовъ доказывается тѣмъ, что часто мы можемъ видѣть, какъ тычинки обыкновеннаго мака, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайностей, превращаются въ совершенно правильные пестики.

Анатомическія послѣдованія, которыя я дѣлалъ прежде съ профессоромъ *Holland*'омъ, убѣдили меня, что и въ животномъ царствѣ мужской и женскій половые аппараты построены по одному и тому же основному принципу. Это доказываетъ ихъ первоначальную тождественность, и на основаніи этого, мы можемъ принять, что характеристическія различія половъ зависятъ только отъ различія въ степени развитія отдѣльныхъ частей ихъ органовъ.

Вышеупомянутое наблюденіе Knight'a показываетъ намъ, что у растений это гармоническое различіе вызывается, вѣроятно, тѣми условіями, которыя приводятъ всѣ органы въ степень большей зрѣлости. Если подъ вліаніемъ тѣхъ или другихъ благопріятныхъ условій, питательные соки достигаютъ ббльшаго совершенства, большей зрѣлости, то развиваются мужскіе органы цвѣтка. А такъ какъ въ главныхъ чертахъ половая жизнь растений близко сходится съ половой жизнью животныхъ, то, слѣдовательно, въ обоихъ царствахъ эта жизнь должна быть управляема одинаковыми законами. Поэтому и у животныхъ тѣ условія, которыя вызываютъ половое различіе, должны совпадать съ тѣми, которыя вызываютъ болѣе совершенную зрѣлость органовъ.

Слѣдовательно въ жизни животнаго есть моменты, гдѣ случайное совершенство, большая зрѣлость обуславливаетъ происхождение и развитие зародыша мужского пола.

У человѣческаго зародыша можно отличить полъ его, уже во второмъ мѣсяцѣ послѣ оплодотворенія. Слѣдовательно, первый толчокъ къ образованію того или другого пола, долженъ былъ подѣйствовать на яйцо въ теченіе промежутка времени отъ перваго момента образованія яйца до втораго мѣсяца. Но и тутъ мы можемъ допустить три возможности: или упомянутый толчокъ былъ данъ прежде, чѣмъ произошло оплодотвореніе; или онъ совпадалъ съ нимъ; или подѣйствовалъ уже послѣ оплодотворенія.

Чтобы узнать, не предшествуетъ ли критическій толчокъ оплодотворенію, нужно бы поступить слѣдующимъ образомъ: собирать яйца несущагося животнаго; такимъ образомъ, мы получимъ цѣлый рядъ яицъ, изъ которыхъ самыя старыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, были бы и самыя зрѣлыя. Сортируя ихъ по времени ихъ снесенія, кладки, и оплодотворяя ихъ искусственнымъ образомъ, мы, можетъ быть, увидимъ, что болѣе старыя яйца развиваются изъ себя самоцовъ, индивидуумовъ мужскаго пола.

Впрочемъ, выставленный вопросъ можно рѣшить помощію прімого наблюденія, что гораздо легче проектированнаго опыта. Наблюдая такихъ животныхъ, у которыхъ яйца, выходящія изъ ячнниковъ, на пути своемъ встрѣчаются съ сѣменемъ и оплодотворяются, мы можемъ легко замѣтить, которыя изъ этихъ яицъ развиваются въ индивидуумовъ мужскаго пола. Если моя теорія вѣрна, то самцы должны развиваться изъ послѣднихъ яицъ каждой кладки, ибо они могли употребить болѣе времени на созрѣваніе.

Такое наблюденіе сдѣлано уже давно *Huber'омъ*. Этотъ великій естествоиспытатель нашель, что если рано оплодотворить пчелу, то прежде и преимущественно образуется потомство, состоящее изъ женскихъ индивидуумовъ; напротивъ, откладываніе оплодотворенія приводитъ къ совершенно другому результату; въ этомъ случаѣ полученное потомство будетъ состоять преимущественно изъ индивидуумовъ мужскаго пола. Ничто не запрещаетъ намъ перенести это наблюденіе на другихъ животныхъ, напримеръ, на куръ. Я имѣю нѣкоторое основаніе полагать, что у этихъ птицъ самцы, пѣтухи, дѣйствительно развиваются изъ яицъ, снесенныхъ позже, то-есть болѣе старыхъ, и слѣдовательно болѣе зрѣлыхъ.

Время и квартира не позволили мнѣ дѣлать подобнаго рода опыты надъ упомянутыми животными, и я рѣшился обратиться непосредственно къ млекопитающимъ. Благодаря дѣятельному со-

дѣйствию просвѣщеннаго г. *George Cornas*'а, управляющаго знаменитою фермою *Montet*, мнѣ удалось найти благоприятныя условія для произведенія опытовъ.

Извѣстно, что яйца млекопитающихъ животныхъ отдѣляются отъ яичниковъ въ началѣ такъ называемой течки. Въ теченіе этого времени, они все болѣе и болѣе созрѣваютъ и способны быть оплодотворяемы. Правда, это время очень коротко; но должно помнить, что въ первое время развитія зародыша, всѣ образовательные процессы очень быстро слѣдуютъ другъ за другомъ.

Руководствуясь всѣми изложенными здѣсь доводами, я далъ г. *Cornas*'у совѣтъ, сводить животныхъ въ началѣ течки, чтобы получить новыхъ индивидуумовъ женскаго пола, или въ концѣ ея, чтобы получить самцовъ. Полученные результаты вполне оправдали мою теорію. (Въ концѣ брошюры, приложено письмо г. *Cornas*'а).

Когда мы кончили наши правильные научные опыты, г. *Cornas*, желая получить тѣлокъ, приказалъ скотникамъ сводить животныхъ при самыхъ первыхъ признакахъ течки. Несмотря на то, что приказаніе это исполнялось очень небрежно, все-таки *Cornas* получилъ, при помощи этого способа, гораздо большее число самокъ, чѣмъ прежде.

Мы можемъ раздѣлить то время, въ теченіе котораго яйцо проходитъ по внутреннимъ частямъ полового аппарата (у коровы отъ 24-хъ до 48-ми часовъ), на два періода. Если яйцо будетъ оплодотворено въ первомъ изъ этихъ періодовъ, то зародышъ будетъ женскаго пола; если же оплодотвореніе произойдетъ въ теченіе второго періода, то яйцо разовьется въ зародышъ мужскаго пола. Моментъ, отдѣляющій оба періода другъ отъ друга, можетъ быть названъ критическимъ. И такъ неоплодотворенное яйцо, по свойствамъ и судьбамъ своимъ, въ первомъ періодѣ можетъ быть названо женскимъ, а во второмъ — мужскимъ.

Опыты, произведенные въ *Montet*, имѣли дѣлю установить основной фактъ и показать то постоянство, съ которымъ онъ повторяется при благоприятныхъ условіяхъ. Мы не старались познакомиться съ продолжительностію обоихъ упомянутыхъ періодовъ, не изучали тѣ внѣшнія и органическія обстоятельства, которыя могутъ измѣнять ихъ продолжительность. Очень можетъ быть, что величина этихъ періодовъ колеблется между весьма отдаленными границами. Очень можетъ быть, что по причинѣ слабости нѣкоторыхъ женскихъ организмовъ, яйцо никогда не достигнетъ второго періода своего развитія; такіе организмы всегда будутъ способны производить зачатки только женскаго пола. Подъ вліяніемъ другихъ условій, первый, женскій періодъ

развитія яйца можетъ сокращаться, при чемъ второй періодъ будетъ увеличиваться; при этомъ вѣроятность происхожденія зародышей мужского пола также увеличивается. Относительно члвѣка такія наблюденія уже сдѣланы. Подтвердятся ли они въ остальномъ животномъ царствѣ?—этого я не знаю. Довольно вѣроятно, что продолжительность обоихъ періодовъ можетъ измѣняться вслѣдствіе вліянія самца на состояніе организма самки.

Дальнѣйшія изслѣдованія современемъ покажутъ намъ, какія измѣненія происходятъ въ неоплодотворенномъ яйцѣ во время прохожденія его по внутреннимъ половымъ органамъ. Имѣя въ виду тотъ высокій физиологическій интересъ, который связанъ со счастливымъ рѣшеніемъ этого вопроса, естественнаго спонтаннаго удивленнаго вниманіемъ обратится къ его изслѣдованію.

Если оплодотворенію и предшествуетъ здѣсь какое-либо развитіе, какаго бы то ни было подготовка, то эти измѣненія касаются лишь яйца. Переходныя степени, которыя желательно было бы допустить между обоими полами, никогда не встрѣчаются въ организмѣ совершенно развитыхъ. Развитый организмъ всегда—или мужской или женскій (*). Надо полагать, что въ тотъ моментъ, который я называю выше критическимъ, возможность оплодотворенія на время прекращается; или мы можемъ принять, что, по моему мнѣнію, еще вѣроятнѣе, что въ критическій моментъ перваго времени развитія яйца происходятъ въ немъ какое нибудь внезапное измѣненіе; напимѣръ, хоть бы уничтоженіе его ядра. Посредствомъ этого внезапнаго измѣненія въ строеніи яйца, вышеозначенные періоды рѣзко разграничиваются между собою; мысль о постепенномъ переходѣ одного періода въ другой этимъ совершенно удаляется. Такимъ образомъ яйцо, которое, оплодотворившись, развилося бы въ женскій зародышъ, внезапно измѣняется, дасть уже при оплодотвореніи возможность происхожденія мужского зародыша. При этомъ должно помнить, что чисто-химическіе и морфологическіе процессы и измѣненія, происходящіе въ яйцѣ, не имѣютъ рѣшительно никакого сходства съ тѣми, какія мы встрѣчаемъ въ зрѣломъ организмѣ, несмотря на то, что этотъ послѣдній есть только необходимое послѣдствіе взаимодѣйствія первыхъ.

Вообще между двумя различными гармонически развитыми системами не можетъ быть гармоническаго перехода. Въ такомъ случаѣ переходною степенью было бы какое нибудь уродство; а

(*) Гермафродиты не суть переходныя степени отъ одного пола къ другому, какъ это часто полагаютъ. Они представляютъ намъ только индивидуумы мужского или женскаго пола, въ которыхъ части полового аппарата котораго не развиты, или чересчуръ развиты.

природа не образуетъ уродствъ при правильномъ ходѣ развитія органическихъ существъ. Но все-таки омыя и постепенная, правильная послѣдовательность существъ не уничтожается. Въ исторію ихъ развитія природа вставляетъ критическій моментъ, въ которомъ переходъ происходитъ быстро, внезапно, и скрывается отъ нашихъ взоровъ въ глубокомъ мрачѣ, покрывающемъ первыя времена жизни яйца.

Точно такъ же появились на землѣ различные роды организмовъ. Природа умѣетъ ускорять свою дѣятельность ради быстраго достиженія поставленныхъ себѣ задачъ. Она не терпѣтъ времени въ произведеніи уродливыхъ омытовъ, въ чемъ обвиняютъ ее многіе.

Въ основныхъ чертахъ мы всюду можемъ видѣть проявленіе закона внезапныхъ переворотовъ. Мы видимъ его въ природѣ и въ исторіи, въ выраженіи горя и радости, въ смерти и въ новой жизни.

Результаты.

1) Происхожденіе индивидуума того или другого пола зависитъ отъ степени зрѣлости яйца въ тотъ моментъ, когда оно подвергается оплодотворенію.

2) Яйцо, которое въ моментъ оплодотворенія еще не имѣетъ извѣстной степени зрѣлости, развивается изъ себя индивидуумъ женскаго пола. Напротивъ, когда оно достигло извѣстной степени зрѣлости, то продуктомъ развитія будетъ индивидуумъ мужскаго пола.

3) Если у животнаго, рождающаго только одного ребенка, во время течки отдѣляется отъ яичника одно яйцо, медленно спускающееся по внутреннимъ частямъ полового аппарата, то достаточно оплодотворить его въ началѣ течки для того, чтобы получить ребенка женскаго пола, или въ концѣ ея, чтобы получить плодъ мужскаго пола. При нормальныхъ условіяхъ, критическій моментъ въ первоначальномъ развитіи яйца происходитъ всегда во время прохожденія его по каналамъ половыхъ органовъ.

4) У животныхъ, рождающихъ въ одинъ разъ нѣсколько дѣтей, или у животныхъ, несущихъ яйца, отдѣляются отъ яичниковъ, одно за другимъ, въ теченіе извѣстнаго времени, нѣсколько яицъ; изъ нихъ тѣ, которыя снесены прежде, гораздо менѣе развиты и при оплодотвореніи даютъ самокъ; снесенныя позднѣе даютъ, наоборотъ, при оплодотвореніи самцовъ (пчелы, куры). Но если случится, что за первой группой яицъ, образова-

нихъ въ одно и то же время, начнутъ выходить, освобождаться яйца, которыя по времени происхожденія относятся къ другой группѣ, къ другому періоду времени, то можетъ произойти, что послѣ яицъ, развившихся самцовъ, непосредственно будутъ слѣдовать такія, которыя, по причинѣ своей меньшей зрѣлости, будутъ давать снова самокъ. Такимъ образомъ могутъ вліять и измѣненія въ наружныхъ и внутреннихъ условіяхъ развитія, имѣющія совершенно случайное происхожденіе.

При совершенно одинаковыхъ условіяхъ, приложеніе выработаннаго мною принципа къ животнымъ, производящимъ многочисленное потомство, встрѣчаетъ нѣкоторыя трудности по вышеупомянутымъ причинамъ.

5) При приложеніи добытыхъ мною положеній къ большимъ млекопитающимъ, необходимо, чтобы экспериментаторъ прежде всего ознакомился съ ходомъ явленій течки у того животного, надъ которымъ онъ хочетъ производить свои опыты. Это необходимо для того, чтобы ознакомиться съ признаками и продолжительностью течки; какъ та, такъ и другая часто и значительно измѣняются у различныхъ индивидуумовъ одного и того же вида.

6) Очевидно, что нельзя достигнуть точныхъ результатовъ, если признаки течки неясны или сомнительны. У животныхъ, живущихъ свободно, этого не можетъ случиться; животные же откормленныя, содержанныя въ конюшняхъ, часто представляютъ довольно значительныя отклоненія отъ нормы.

7) Уже изъ того способа, который я употребилъ для доказательства вѣрности закона, управляющаго происхожденіемъ половъ, слѣдуетъ, что этотъ законъ имѣетъ примѣненіе ко всѣмъ организованнымъ существамъ, къ растеніямъ, животнымъ и къ человѣку (*).

Строго должно отличить самый законъ (1 и 2), недопускающій никакихъ исключеній, отъ болѣе или менѣе легкаго примѣненія его къ различнымъ животнымъ при различныхъ опытахъ.

Показаніе г. George Cornas'a.

Я, нижеподписавшійся, *George Cornas*, управляющій имѣніемъ моего покойнаго отца *M. A. Cornas'a*, предсѣдатель «Общества Садоводства Французской Швейцаріи», на фермѣ *Montet* въ кан-

(*) У женщинъ то время, которое соотвѣтствуетъ течки животныхъ, и въ теченіе котораго яйцо переходитъ отъ личинки до матки, равняется 10-ти или 12-ти днямъ, слѣдующимъ за менструаціей. Впрочемъ, величина этого времени подвержена нѣкоторымъ индивидуальнымъ колебаніямъ.

тонѣ *Waadt*, снмъ подтверждаю, что получилъ 18-го февраля 1861 года отъ профессора веневской академіи *M. Thury* дружеское сообщеніе, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ подтвердить опытомъ открытій имъ законъ, управляющій образованіемъ и происхожденіемъ различныхъ половъ у животныхъ.

Руководствуясь теоріей *Thury*, я дѣлалъ опыты надъ моими стадами, и всегда, безъ всякихъ исключеній, получалъ результаты, которыхъ должно было ожидать по изложенной теоріи.

Сначала, въ двадцати-двухъ опытахъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ, я намѣревался получить телокъ; подвергнутыя опытамъ коровы были швейцарской породы, а быки—англійской (*Durham*). Въ это время былъ большою запросъ на коровъ упомянутой породы, быки же шли только на бойню. Во всѣхъ моихъ опытахъ я достигъ желаемого результата.

Нѣсколько времени спустя, я купилъ корову упомянутой англійской породы (*Durham*), и для меня было важно приобрести отъ нея новаго быка, въ замѣнъ того, котораго я приобрѣлъ съ большими издержками.

Я велѣлъ поступить въ этомъ случаѣ такъ, какъ указываетъ теорія *Thury*, и блестящій успѣхъ вполнѣ подтвердилъ вѣрность ея. Легкость примѣненія этой теоріи еще болѣе говоритъ въ пользу ея.

Кромѣ этого быка я получилъ еще шесть быковъ черезъ скрещиваніе породъ англійской (*Durham*) и швейцарской (*Schwyz*); этихъ быковъ я назначалъ для работы. Такъ-какъ я взялъ коровъ одинаковаго цвѣта и величины, то я получилъ очень красивыя пары.

Стадо мое состоитъ изъ сорока коровъ всѣхъ возрастовъ.

Всего на все я сдѣлалъ двадцать-девять опытовъ для подтвержденія новой теоріи, и всѣ они привели въ желаемымъ результатамъ. Я получилъ индивидуумовъ или мужского, или женскаго пола, смотря по желанію.

На основаніи всего этого я могу сказать, что метода профессора *Thury* совершенно вѣрна и положительна. Я желалъ бы, чтобы всѣ сельскіе хозяева воспользовались ею для увеличенія своихъ доходовъ.

Montet. 10 февраля 1863 года.

Подписано: *G. Cornas*.

Практическія указанія, какъ производить по желанію животныхъ того или другаго пола.

1) Прежде всего должно изучить ходъ, характеръ, признаки и продолжительность течки у той коровы, надъ которой жела-

тельно произвести опытъ. Всѣ эти явленія у различныхъ особей подвержены нѣкоторымъ индивидуальнымъ колебаніямъ; такъ известно, что у различныхъ коровъ течка продолжается отъ 24 до 48 часовъ.

2) Изучивши назначенное для опыта животное въ этомъ отношеніи, должно поступать далѣе слѣдующимъ образомъ:

а) чтобы получить телку, должно спустить корову при появленіи первыхъ признаковъ течки;

б) чтобы получить бычка, должно спустить корову при концѣ течки.

3) Не должно дѣлать опыты надъ животными, у которыхъ признаки течки выражены неясно, какъ это очень часто бываетъ у коровъ жирныхъ или у тавныхъ, которыхъ содержать въ конюшняхъ. Напротивъ, должно выбирать такихъ животныхъ, которыя живутъ на свободѣ. Само собою разумѣется, что должно выбирать только здоровыхъ животныхъ, и при этомъ еще тавныхъ, видовые признаки которыхъ совершенно нормальны.

4) Точно такіе же опыты можно дѣлать на лошадяхъ, ослухъ, овцахъ, козлахъ и др. Хотя надъ этими животными до сихъ поръ еще не дѣлали опытовъ, однако, судя по результатамъ, добытымъ у коровъ, нельзя сомнѣваться, что и относительно ихъ теорія наша будетъ совершенно применима.

Линдеманъ.

НАРОДНЫЕ ТИПЫ ВЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ (*).

По поводу «Полнаго собранія сочиненій гр. Л. Толстаго». Сив. 1864.

1) *Наша критика.*

Грустно смотрѣть, какое отсутствіе серьёзности и принциповъ въ современной нашей критикѣ. Критика наша не имѣетъ ни опредѣленныхъ школъ, ни прочныхъ законовъ. Безъ дорогъ и безъ цѣли носится она по литературному полю, кружась, будто пыльный вихорь; то одного задѣнетъ, то другому носъ и глаза засыпнуть; ничего не поймешь — что она, и за кого она; русскіе кулаки — да и только: и сзади бьютъ, и спереди бьютъ; кто врагъ, кто другъ — разобрать нельзя; чья морда ближе — въ ту и хлестай; чья спина на дорогѣ — по той и барабанъ: тамъ себѣ послѣ пусть считаются.

(*) Этотъ превосходный этюдъ мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ въ нашемъ журналѣ, хотя у насъ уже была статья г-ни Ев. Туръ о *Казакѣ* гр. Л. Толстаго. Г. Марковъ разсматриваетъ вопросъ съ другой стороны: прежде всего какъ художникъ, и уже потомъ какъ публицистъ. Этими статьями его значительно разнится отъ прежде нами напечатанной. Тамъ, гдѣ г-жа Ев. Туръ видѣла идеалы и ополчалась противъ нихъ, тамъ г. Марковъ видитъ типы художника, прежде всего, а потомъ уже судить автора какъ публициста, судить не менѣе строго, какъ и г-жа Ев. Туръ. Превосходный анализъ простаго русскаго чезовѣка, сдѣланный г. Марковымъ, выкушаетъ ту строгость, съ которой онъ относится къ массѣ. Онъ не восторгается простыми человѣкомъ, какъ славянофилы; онъ не бросаетъ въ него грязью, какъ въ чудище, которое ничѣмъ несправимо, и которому могутъ пособить одніи социальныя реформы — по мнѣнію другихъ прогрессистовъ; нѣтъ, взглядъ его трезвъ и онъ видитъ добро и зло; онъ ничего не упускаетъ, такъ же какъ и гр. Толстой; ничего не преувеличиваетъ, ни передъ чѣмъ не кланяется. Такова и должна быть трезвая реальная критика, если она желаетъ быть полезною; она даетъ чувствовать жизнь и не представляетъ ее лицомъ, чѣмъ она есть, не ведетъ за собою утвриванныхъ тенденцій въ пользу одного класса народа. Космическая сила массы не является нервенствующею; вы чувствуете, что всюду воля! неа долженъ быть руководителемъ.

Ред.

Критика по существу своему должна имѣть характеръ судебный, то-есть полное безпристрастіе и полную разносторонность взгляда, трезвый, терпѣливый, на точныхъ законоположеніяхъ основанный образъ дѣйствій. Какъ судья, критика должна быть внѣ лагерей тяжущихся, не кумиться съ истцомъ, не имѣть личностей съ отвѣтчикомъ. Чуждая партийнымъ страстямъ, неимѣющая повода раздражаться временными и случайными обстоятельствомъ, затемняющими глаза заинтересованныхъ, критика должна спокойно царить на своемъ шерстяномъ мѣшкѣ и неуклонно примѣнять ко всѣмъ цвѣтамъ и ко всякой музыкѣ одно и то же правдивое мѣрило, ввѣренное ея храненію. Тогда только она будетъ полна величія, достоинства и пользы. А у насъ въ настоящее время это—первая задира, первая сплетница, первая обидчица. Она не жалѣетъ таланта, если онъ по той или другой посторонней причинѣ сталъ ей нелюбъ: если онъ перевязывается голубою ленточкой, вмѣсто красной, носить не ту прическу, которой она въ данную минуту покровительствуетъ. Это не нашъ, не нашъ! поднимается крикъ, и какой бы благородный образъ ни появился тогда передъ входомъ ея нечестиваго храма, въ него дружно летятъ оттуда грязь и гнилыя яйца.

Можно сказать, не обинуясь, что современная русская критика, за небольшими исключеніями, не воспитываетъ талантовъ, а тщательно сбиваетъ ихъ съ пути. Истинному художнику трудно быть узлану, еще труднѣе быть оцѣнену по достоинству на этомъ безтолковомъ базарѣ, гдѣ шарлатанъ носить платье артистовъ, а артиста заставляютъ поддѣлываться подъ кривлянія шарлатановъ. Художественное чувство должно ѣжиться и уходить въ себя, не ощущая кругомъ возможности свободнаго роста, или измѣнять самому себѣ, если оно не въ состояніи выдержать соблазна. Старая мысль, что критика воспитываетъ таланты—далеко не фраза; такъ же мало фраза, какъ и другая старая мысль, что законодательство и судоустройство народа воспитываютъ его нравственность. Критика не можетъ создать талантъ, но она можетъ предохранить и научить его. Критика есть, такъ сказать, педагогія талантовъ; она не только можетъ, но и должна просвѣтить и дисциплинировать ихъ; рядомъ послѣдовательныхъ самнихъ себѣ обличеній, одобреній и вразумленій, рядомъ сочувственныхъ или антипатичныхъ, на твердыхъ началахъ основанныхъ, отношеній своихъ къ различнымъ проявленіямъ дѣятельности таланта—она можетъ сообщить опредѣленные качества орудіямъ этой дѣятельности, снабдить талантъ правилами художественнаго приличія и художественной мудрости, если они недостаютъ ему. Циническая критика, какъ и циническій судъ,

вызываютъ такія же циническія явленія въ области своей подсудности. Критика, какъ и судъ, неуважающіе своихъ законовъ, заставляютъ прежде всего неуважать самихъ себя и терпять, конечно, всякій внутренний авторитетъ, всякій смыслъ своего существованія.

Мнѣ кажется, что по отношенію къ гр. Л. Толстому, какъ къ художнику, наиболѣе чуждому внѣ-художественныхъ сферъ, ошибка и вина нашей современной критики по преимуществу ясны. Его послѣдній романъ *Казакъ*, о которомъ мы хотимъ вести теперь рѣчь, есть лучшее тому доказательство.

Мы имѣемъ свѣдѣнія, что авторъ собирается продолжать этотъ романъ второю частью; на дняхъ же должно выйти новое изданіе *Казакъ*, вошедшихъ во 2-й т. *Полнаго собранія сочиненій гр. Л. Н. Толстаго*, появленіе которыхъ и навело насъ на подлежащій критическій этюдъ. Можетъ быть, читателю покажется, что мы слишкомъ поспѣшно ухватились за эту мысль; въ такомъ случаѣ, лучше сказать ему заранѣе, что мы относимъ романъ *Казакъ* къ разряду произведеній всегда интересныхъ и всегда важныхъ; не признавая его истинно-художественнымъ созданіемъ, мы, конечно, не рискуемъ бы утомлять разборомъ его вниманіе публики. Если библиографія имѣетъ своею обязанностью отнестись о литературныхъ явленіяхъ въ самый моментъ ихъ происхожденія, то собственно критика, напротивъ, требуетъ успокоенія раздраженныхъ вопросовъ и направленій, требуетъ вымиранія тѣхъ мелочныхъ, случайныхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ публику встрѣчать художественныя произведенія съ незаслуженною симпатіею, или съ незаслуженнымъ предубѣжденіемъ.

Появленіе романа гр. Л. Толстаго встрѣчено было въ литературѣ рецензіями почти всѣхъ большихъ періодическихъ изданій: въ «Современникѣ» — рецензіею Неизвѣстнаго, въ «Петерб. Вѣдомостяхъ» — Анненкова, въ «Отеч. Запискахъ» — г-жи Евг. Туръ и т. д. Замѣтки г. Анненкова, при всей краткости ихъ, конечно, заключали гораздо болѣе художественнаго пониманія, чѣмъ всѣ другія статьи по этому поводу, взятія вмѣстѣ. Почти всѣ названныя нами статьи ограничились слишкомъ внѣшнимъ отношеніемъ къ роману, и только высказали, приравнявшись къ нему, различные свои взгляды, имѣющіе мало общаго съ художественностью. Вообще изъ всѣхъ рецензій выносишь почти такое впечатлѣніе: «вышелъ — могъ, вотъ, господа, романъ гр. Л. Толстаго *Казакъ*, романъ очень хорошій; почему хорошиъ, чѣмъ хорошиъ — не скажемъ, а считаемъ долгомъ предупредить почтеннѣйшую публику, что авторъ тамъ такую ерунду несетъ, что за отечество страшно». Публицистъ «Современника», обязанный паролемъ своего

журнала блисти социальную жизнь російскаго народа, загодоря въ гр. Л. Н. Толстомъ оскорбленнаго рабовладѣльца, глумящаго Россію за хвостъ въ ту же грязь, гдѣ она могови пребываетъ. И публицистъ съ опущеннымъ забраломъ, и всѣ почти другіе критики очень мало толкуютъ о романѣ, но за то очень много о тенденціяхъ романа, о его принадлежноти той или другой школѣ, о его связи съ тѣми или другими интересами. Все это не критика, не оцѣнка. Романы; какъ «Казань» даются въ десятку лѣтъ разъ; они имѣютъ право на обстоятельный анализъ, на внимательное изученіе. Они имѣютъ право требовать, чтобы критикъ становился на мѣсто точки зрѣнія, и оцѣнивалъ ихъ изъ мѣсто внутреннего содержанія, а не ткнулъ бы на свою личную точку зрѣнія.

Я только что перечиталъ романъ «Казань», перечиталъ съ цѣлью чисто-аналитическою, неподкупашимъ порицаніемъ впечатлѣніи и интересомъ новизны: въ памяти моей, безъ того, были живы всѣ сцены и характеры романа. Меня охватило послѣ этого чтенія что-то свѣжее, сильное и самобитное, какъ мнѣнь; мнѣ кажется, по этому признаку несомнѣнно узнается присутствіе того рѣдкаго у насъ древняго божества, имя которому поэзія, художественность. Подробный разборъ отдѣльныхъ сценъ и характеровъ, былъ для меня только болѣе глубокимъ и убѣдительнымъ подтвержденіемъ моего общаго впечатлѣнія.

Постараюсь дать читателю обстоятельный отчетъ въ причинахъ этого наслажденія и этого впечатлѣнія, прослѣдивъ передъ его глазами развитіе главнѣйшихъ типовъ романа, и указавъ на главныя идеи, положенныя авторомъ въ его основу.

Я не буду при этомъ повторять вкратцѣ сюжета «Ивановъ»: вопервыхъ, это уже было сдѣлано многими рецензіями; вовторыхъ, только тотъ можетъ поинтересоваться настоящими замѣтками, кто уже прежде поинтересовался самимъ романомъ.

2) Для Ершика.

Съ точки зрѣнія художественнаго совершенства, лучший типъ, созданный гр. Л. Толстымъ въ его послѣднемъ романѣ — это, мнѣ кажется, безспорно, иванъ Ершика — типъ, глубоко постигнутый, оригинальный и живой. Не онъ мало понятъ людямъ, въ глазахъ которыхъ трогательное положеніе; строгій языкъ, благородство стремленія — наскрують истинную художественность изображенія. Въ этой чертѣ у подобныаъ людей есть что-то общее съ французами. Нравственная высота типа у нихъ несомнѣннымъ образомъ свѣшивается съ художественною выработкою его. Шекспира

они вряд-ли могут понимать, какъ слѣдуетъ; оттого такъ рѣдко встрѣчаются люди, особенно же женщины, способные безъ фальши наслаждаться Шекспиromъ. А дядя Ершма, именно—типъ шекспировской школы—типъ безъ добродѣтели, безъ приличій въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ эти слова понимаются большинствомъ; смрой, почтенный человекъ, управляющійся преимущественно темпераментомъ. Г-жа Е. Туръ вспоминаетъ по его поводу Куперовскаго Патфайндера, и нельзя не вспомнить, но онъ, по моему мнѣнiю, гораздо выше *стрелка лапей*, или *кожаного чулка*, какимъ выставилъ Куперъ въ различныхъ романахъ своего Патфайндера—выше тѣмъ уже, что мы на немъ видимъ ясныя слѣды той грязи и тѣхъ лѣсныхъ дебрей, въ которыхъ протекла его жизнь. Куперовъ герой такъ чистъ и возвышенъ въ помыслахъ, такъ строгъ въ нравственныхъ принципахъ своихъ, что безспорно производилъ въ свое время отрадное и живительное влiянiе на душу читателя; *въ свое время*—именно, въ то время, когда мы искали въ литературѣ того, *что должно быть*, а не того, *что у насъ дѣйствительно есть*. Кто бы изъ насъ не возблагодарилъ Бога, еслибы лѣсные бродяги, отчужденные отъ людскаго общества, живущіе среди краснокожихъ злодѣевъ, ягуаровъ и удавовъ, выработывались въ гуманныя и поэтическія формы Патфайндеровъ? Къ чему бы возиться со всѣми муками и суетами нашей цивилизаціи, еслибы безъ ея участія, однимъ нагиетомъ лѣсныхъ сумраковъ и величія звѣздныхъ ночей, смягчалась душа человѣческая до той тонкости и впечатлительности, которая такъ обаятельно дѣйствуетъ на насъ въ Патфайндерѣ?

Его натуральная религія такъ возвышена и ясна, какъ будто онъ былъ мудрецъ-философъ, успокоившійся на этомъ возрѣнiи; послѣ глубокаго изслѣдованія всѣхъ другихъ. Сердце его, неლობивое какъ у ребенка, великодушно какъ у царя, благородно какъ у рыцаря. Онъ и безконечно добръ, и безконечно изобрѣтателенъ умомъ. Невозбуждаемый ни чувствомъ мести, ни чувствомъ корысти, ни жаждою славы, для которыхъ онъ глухъ, онъ, между тѣмъ, подвергается безчисленнымъ смертельнымъ опасностямъ, въ теченіе многихъ годовъ своей жизни. Какой его стимулъ? любовь, что ли? Очень рѣдко любовь; большею частью какое-то отвлеченное чувство долга, какое-то странное самоотверженіе, заставляющее его забывать себя для пользы другихъ, и совсѣмъ невмѣть личныхъ интересовъ.

Все это хорошо, желательно; поучительно, особенно для дѣтей; но дѣло въ томъ, что теперь, переставъ быть дѣтскими, мы уже болѣе не можемъ этому вѣрить. Намъ кажется, что не въ

швогѣ, закалиющей глазъ и руку лѣснаго стрѣлка, душа закалиется тѣмъ нѣжнымъ закаломъ, который такъ повкусу намъ и Куперу. Намъ кажется, что терпкость ногъ, грубость кожи, презрѣніе непогодъ даются человѣку не въ всякихъ условіяхъ; что душевныя струны также имѣютъ свою долю участія въ этой общей обработкѣ человѣка. Грубая рука, грубый языкъ, грубое пониманіе, грубое дѣло — эти элементы такъ органически соединяются обыкновенно между собою, что сочетаніе ихъ съ противоположными элементами встрѣчается еще рѣже, чѣмъ сочетаніе голубыхъ глазъ блондина съ черными волосами брюнета. Нѣжность и впечатлительность души будетъ проситься въ соответствующую ей сферу, а не туда, гдѣ всякій порывъ ея будетъ встрѣчать кругомъ острые терніи и шипы, которые будутъ обливать ее ея же собственной кровью. Тихій, мечтательный поэтъ не полѣзетъ въ болото съ кайманами, и сострадательный философъ не будетъ упражняться въ скальпированіи краснокожихъ.

Куперъ превзошелъ своими описаніями дѣйствительное понятіе о человѣкѣ. Онъ представилъ его гораздо счастливѣе и полнѣе, чѣмъ онъ можетъ быть на самомъ дѣлѣ, и снабдилъ его вдоволь всевозможными прекрасными качествами безъ разбора, даже такими, которыя, къ нашему общему сокрушенію, взаимно уничтожаютъ другъ друга. Чтѣ же дѣлать? Приходится чтонибудь одно выбирать: быть звѣремъ, хитрѣе и смѣлѣе всякаго агуара, и въ то же время тонко-поэтическимъ, безплатвенно-нравственнымъ мудрецомъ — это все равно, что въ одной банкѣ огонь и воду сохранять.

Читатель видитъ, что мы вдались въ подробности о Куперѣ не Купера ради, а ради Ерошки гр. Л. Толстаго. Ерошка у гр. Толстаго вышелъ именно всѣмъ *тѣмъ, чѣмъ не является* куперовъ Патфайндеръ, и чѣмъ между тѣмъ онъ необходимо долженъ бы былъ явиться: человѣкомъ своей среды, своего ремесла, своего прошедшаго. Этими условіями реализмъ отличается отъ романтизма, и ими же дядя Ерошка гр. Толстаго становится выше куперовскаго Патфайндера. Дадимъ, однако, себѣ точный отчетъ въ этомъ типѣ и посмотримъ, какія главныя черты составляютъ его характеръ.

Дядя Ерошка прежде всего *казакъ*. Какъ линейный казакъ, соперникъ и сосѣдъ чеченца, онъ проникнутъ насевозъ духомъ молодчества; но его молодчество не чопорная бравура французскаго рыцаря, не дикое безстрашіе скандинавскаго бирзерера; онъ не просто молодецъ, а *казакъ-молодецъ, джигитъ*, какъ онъ самъ любитъ называть подобныхъ себѣ. Джигиту, по догматамъ джигитовъ, великая честь подстеречь неосторожнаго врага и про-

садить ему пулей голову изъ потаеннаго мѣста; джигиту великая слава тайкомъ отправиться съ товарищемъ въ аулы мирныхъ нагайцевъ и угнать отъ нихъ въ горы табунъ или стадо, хотя бы пришлось для этого задушить спящихъ пастуховъ и разорить деревню. Искусно, а, главное, *безнаказанно украсть* чтонибудь у чужого — даетъ джигиту такое же право на уваженіе товарищей, какое мы, цивилизованные люди, признаемъ за великими нашими дипломатами, умѣющими оттягать отъ иностранной державы лишнюю сотню милъ или лишній миллионъ франковъ. Ему его воровство кажется столь же мало безчестнымъ, какъ англичанину плутни его дипломатіи.

Дядя Ерошка вѣрить въ свои догматы, какъ въ свои пять пальцевъ; онъ обнаруживаетъ ихъ не только съ полною откровенностью, но даже съ хвастовствомъ и съ гордостью человѣка, сознающаго размѣръ своихъ заслугъ.

«Не засталъ ты меня въ мое золотое времечко—говоритъ онъ Лукѣ—я бы тебѣ показалъ. Нынче Ерошка кувшинъ облизалъ, а то Ерошка по всему полку гремѣлъ. У кого первый конь, у кого шашка *урда*, къ кому выпить, съ кѣмъ погулять? Кого въ горы послать, Ахметъ-хана убить? Все Ерошка. Кого дѣвки любить? Все Ерошка отвѣчалъ. Потому что я настоящій *джигитъ* былъ: пьяница, воръ, табуны въ горахъ отбивалъ, пѣсенникъ; на всѣ руки былъ. Нынче ужъ и казаковъ такихъ нѣтъ. Глядѣть северо.»

Къ людямъ, непонимающимъ его догматовъ—неодобреніе онъ можетъ считать только за непониманіе—дядя Ерошка относится какъ къ неразумнымъ ребятамъ, полупрезрительно, полунасмѣшливо, полужалѣя. Онъ даже считаетъ за лишнее убѣждать ихъ, тѣмъ болѣе, что по натурѣ своей исполненъ терпимости къ слабостямъ другихъ. Но за то онъ серьезно уважаетъ и отличаетъ истиннаго джигита, что значитъ: *истиннаго человека*, по идеалу дядей Ерошекъ. Лукашка, застрѣлившій абрека, Лукашка, воровавшій съ Гирей-ханомъ, въ его глазахъ есть лучшій исполнитель своего призванія, своего долга. За его удалъ онъ полюбилъ его какъ родного сына; онъ его учитъ, интересуется имъ, любитъ на него, расхваливаетъ его другимъ; между ними устанавливается крѣпкая нравственная связь помимо расчетовъ и вѣншей случайности. Эту черту слѣдовало бы разглядѣть критикамъ изъ-за циническихъ прибаутокъ сѣдого казака. Развѣ, собственно говоря, онъ не нравственъ? Развѣ онъ нигилистъ или скептикъ? Онъ вѣрить въ *свой* долгъ, можетъ быть, крѣпче, чѣмъ мы въ свой; онъ и на *даль* исполняетъ свой долгъ такъ же крѣпко. Но критика обидѣлась, *зачѣмъ его долгъ не нашъ домъ*, его сим-

вошь върн не нашъ? Имъ бы хотѣлось, чтобы пограничная казачья станция, устроенная съ цѣлью непрерывнаго надзора за горными хищниками—станция, жители которой каждую ночь подвергаются удовольствію проснуться съ перерѣзаннымъ горломъ или ограбленными до нитки, выработала для себя кодексъ морали, пригодный мнѣнью дѣтямъ въ разглашенныхъ манишечкахъ и голубенькихъ рубашечкахъ, которыхъ гувернантка-франдуженка водить по утрамъ къ ручью мамаша, а въ полдень обучаетъ оксидерамъ. Имъ бы хотѣлось, чтобы юный казакъ Дуванка, просидѣвшій до зари въ холодной грязи камышей съ взведеннымъ куркомъ и, не смыкая глазъ, поутру явился бы чистенькимъ мальчикомъ и, преклонивъ колѣна, вознесъ бы вмѣстѣ съ пернатыми утренній гимнъ Творцу: *Oh père, qu'adore ton père, Toi, qu'on ne potte qu'à genoux...* Не знаю—во что бы обратилась исторія народовъ отъ приимѣнія къ ней плодотворнаго метода г-ни Туръ. Ми бы должны были послать въ монастырь на покаяніе 500 милліоновъ обитателей небесной имперіи за то, что они не соблюдаютъ постовъ, и посадить на съѣзжую всѣхъ бедуновъ Іемена за проживаніе въ степи безъ предъавленія паспортовъ квартальному надзирателю.

Другая черта, усложняющая характеръ стараго казака—это то, что онъ охотникъ, бродяга. Охота придаетъ его физиономіи и его воззрѣніямъ болѣе личный колоритъ. Она дѣлаетъ его еще большимъ непосядомъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ казакъ. Она до такой степени осваиваетъ его съ зоологическою жизнью лѣсовъ, что онъ едва отличаетъ въ своихъ понятіяхъ дикую свинью отъ чужого человѣка. Онъ въ звѣрѣ видитъ живое существо съ разсудкомъ, чувствомъ, обычаями иными, чѣмъ у казака или чеченца, но иными въ томъ же смыслѣ, какъ у нѣмца въ сравненіи съ русскимъ, у татарина — съ жидомъ. Это придаетъ его міросозерцанію что-то пантеистическое и вмѣстѣ поэтическое, патфайндеровское. Тутъ онъ причесъ не за общеказачьимъ догматомъ, а за плодомъ личныхъ наблюденій, за выводомъ своего многолѣтнаго и внимательнаго общенія съ природою. Онъ втиснулся въ нее совсѣмъ съ головою и инстинктивно чувствуетъ себя ея нераздѣльною частью, однимъ изъ тѣхъ ея созданій, которыми нельзя счета найти, которыя наполняютъ непроходимые лѣса и камыши, и тайныя подземныя норы, и безграничныя травяныя степи. Съ зари и до зари, изъ году въ годъ сидитъ и бродитъ онъ въ этихъ камышахъ и подъ этими чинарами; онъ застаётъ своими собственными глазами всевозможные моменты животной жизни: слѣдитъ выдру подъ водою, подманиваетъ тетеревова, обходитъ лежку бабана. Передъ нимъ и они слѣдятъ и

ловать другъ друга, употребляютъ то же насиліе и тотъ же обманъ, какъ человѣкъ; какъ онъ, требуютъ пищи и покоя, и удовлетворенія страстямъ; какъ онъ, рождаются въ болѣзняхъ и сосутъ молоко матери, мушаютъ, укрѣпляясь тѣломъ и смысломъ, болѣютъ и умираютъ, скорбятъ и радуются. Какъ у него, у нихъ есть жены и семейства, и домашній кровъ, и родная земля, любовь и дружба, страхъ и гнѣвъ. Другіе могутъ этого не знать, могутъ сказать съ разными цѣлями представленія свои о животныхъ тваряхъ. Но дядѣ Ерошиѣ не знать звѣря нельзя, и унизать звѣря нѣтъ никакой причины. Онъ лучше всѣхъ знаетъ, что между нимъ и кабаномъ бездна не безмѣрно велика; знаетъ уже потому одному—какое напряженіе физическихъ силъ, энергій и умственной изобрѣтательности необходимо ему употребить для одолѣнія этого звѣря, то-есть для фактическаго доказательства своего превосходства надъ нимъ. Это напряженіе ощущается имъ слишкомъ осизательно и непосредственно, чтобы не быть сознаннымъ. Послушайте, напримѣръ, его подлинный рассказъ:

«Все сидишь, думаешь. Да какъ слышншь по чащѣ табунокъ ломится, такъ и застучитъ въ тебѣ что-то. Матушки, подойдите. Обнюхаютъ, думаешь себѣ, сидишь не дрогнешься, а сердце: дунь! дунь! дунь! такъ тебѣ и подкидываетъ. Нынче весной такъ-то подошелъ табунъ важный, зачернѣлся. «Отцу и сыну!» ужъ хотѣлъ стрѣлять. Какъ она фирбнетъ на своихъ на поросятъ: бѣда, молъ, дѣтки: человѣкъ сидитъ, и затрещали всѣ прочь по кустамъ. Такъ-такъ бы, кажется, зубомъ съѣлъ ее.

«— Какъ же это свиныя поросятамъ сказала, что человѣкъ сидитъ? спросилъ Оленинъ.

«— А ты какъ думалъ? Ты думалъ, онъ дуракъ, звѣрь-то? Нѣтъ, онъ умнѣй человѣка, даромъ что свиныя называется. Онъ все знаетъ. Хоть то въ примѣръ возьми: человѣкъ по слѣду пройдетъ, не замѣтитъ, а свиныя какъ наткнется на твой слѣдъ, такъ сейчасъ отдуеть и прочь; значить, умъ въ ней есть, что ты свою вонь не чувствуешь, а она слышитъ. Да и то сказать: ты ее убить хочешь, а она по дѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она свиныя, а все она не хуже тебя; такая же тварь божія. Эхма! глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ! повторилъ нѣсколько разъ старикъ и, опустивъ голову, задумался.»

Отсюда прямо вытекаютъ религіозныя представленія дяди Ерошки. Онъ не въ силахъ раздѣлять свою судьбу отъ судьбы милліоновъ другихъ созданій, такъ близко къ нему подходящихъ, составляющихъ, такъ сказать, его домочадцевъ, знакомцевъ и соотечественниковъ. Я увѣренъ, что и Патфайндеръ не могъ бы

помириться съ мыслью о томъ, что его собаки разстанутся съ нимъ послѣ его смерти; сдается мнѣ, что въ «Американскихъ степяхъ», заключительномъ романѣ всей группы патфайндеровскихъ романовъ, старый охотникъ выражаетъ именно противоположную мысль по поводу смерти своего любимого пса. Во всякомъ случаѣ, это совершенно въ духѣ Патфайндера, идеалиста, романтика. У дяди Ерошки то же приравненіе себя къ животному, но только болѣе реальное, основанное на опытѣ. Онъ видѣлъ, какъ умирали чеченцы, кабаны, олени и казаки, и видѣлъ, что гдѣ они гнили — трава выростала. Старый казалъ когда-то сказать ему, что *все то фальшь, что уставщики соображатъ*; эта мысль и застряла у него въ головѣ, потому что она вполне подтверждала его собственный опытъ. Удивительно ли, что формальныя толкованія раскольничьихъ книгъ полуграмотными начѣтчиками, толкованія о какихъ-то неудовимыхъ, отвлеченныхъ предметахъ языкомъ нечеловѣчески-изломаннымъ — казались одною фальшью чловѣку дѣла и поля, привышему не къ рѣчи, а къ дѣлу, не къ скучной книгѣ, а къ свѣжей природѣ.

Религіозныя воззрѣнія дяди Ерошки даже не кажутся намъ какимъ нибудь исключительнымъ явленіемъ въ жизни простого народа. Это не какой нибудь Lucifer Вартольда Ауэрбаха, не какой нибудь esprit fort, возстающій противъ старыхъ догматовъ во имя чего либо новаго. Дядя Ерошка, по болтливости стараго кутлы и празднаго охотника, весь на распашку за кружкой чихиря. Оленникъ простъ, по его мнѣнію; онъ его не овасаетъ, не стѣсняется имъ, а говоритъ *по душѣ*. Въ сущности же онъ иррелигіозенъ не болѣе большинства. Надо еще замѣтить, что дядя Ерошка даже и въ такомъ откровенномъ расположеніи духа боится формулировать свои сомнѣнія въ сколько нибудь рѣшительный выводъ; онъ разомъ прекращаетъ разговоръ, когда замѣчаетъ соблазнительность его исхода. Я приведу этотъ мастерской разговоръ между Оленникомъ и Ерошкой на крылечкѣ хозляйской избы, въ тихую ночь за самоваромъ и чихиремъ.

«...Я, бывало, со всѣми кунакъ. Татарникъ — татарникъ; армяшка — армяшка; солдатъ — солдатъ; офицеръ — офицеръ. Мнѣ все равно, только бы пьяница былъ. Ты, говорить, очиститься долженъ отъ міра-сообщенья: съ солдатомъ не пей, съ татарникомъ не ѣшь.

«— Кто это говорить? спросилъ Оленникъ.

«— А уставщики наши. А муллу, или кадія татарскаго послушай; онъ говорить: вы невѣрные гауры, зачѣмъ свинью ѣдите? Значить, всякій свой законъ держать. А по моему все равно, все Богъ сдѣлалъ на радость чловѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ.

Хоть съ звѣря примѣръ возьми. Онъ въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живетъ. Куда придетъ, тамъ и домъ. Что Богъ далъ, тѣ и лопаетъ. А наши говорятъ, что за это будете скворороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальшь, прибавилъ онъ, помолчавъ.

«— Что, фальшь? спросилъ Оленинъ.

«— Да что уставщики говорятъ. У насъ, отецъ мой, въ Червленной, войсковой старшина — кунакъ мнѣ былъ. Молодецъ былъ; какъ и я — таковой же. Убили его въ Чечняхъ. Такъ онъ говорилъ, что все это уставщики изъ своей головы выдумываютъ. Сдохнешь, говорятъ, трава выростетъ на могилкѣ, вотъ и все. (Старикъ засмѣялся). Отчаянный былъ!...

«— А сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ Оленинъ.

«— А богъ е знаетъ. Годовъ 70 есть. Какъ у васъ царица была, я уже не махоньвій былъ. Вотъ ты и считай — много ли будетъ. Годовъ 70 будетъ?

«— Будетъ. А ты еще молодецъ.

«— Что же, благодарю-бога, я здоровъ, всѣмъ здоровъ; только баба-вѣдьма испортила.

«— Какъ?

«— Да такъ, испортила...

«— Такъ, какъ умрешь, трава выростетъ? повторилъ Оленинъ. Ерошка видимо не хотѣлъ ясно выразить свою мысль. Онъ помолчалъ немного.

«— А ты какъ думалъ? — Пей! закричалъ онъ, смѣясь и поднося вино».

Въ этой мимолетной бесѣдѣ бродяги-старика сказалось многое хорошее, что есть у человѣка: безотчетная вѣра въ благость божію, сильное чувство своей связи съ природою, снисходительность къ людямъ, и крѣпкій здравый смыслъ, сопротивляющійся, по своему, антипатичному для него лжеученью.

Третья характерная черта дяди Ерошки — это его энциклопедизмъ на казачій ладъ. Онъ не можетъ подчиниться условіямъ гражданской жизни, дисциплинѣ арміи, дисциплинѣ закона. Онъ не боится труда, но не выноситъ принужденія. Вѣдь надыхаютъ же въ кѣткахъ самые сильные и здоровые звѣри. Рожденный въ лѣсахъ Терка, среди горъ, онъ не можетъ разстаться съ почвою, его всормившей. Онъ питается корочкою хлѣба, когда нечего съѣсть, но онъ зато не работаетъ и не служитъ. Онъ всегда господинъ своего времени и своей воли: идетъ куда вздумаетъ, зачѣмъ вздумаетъ, къ кому вздумаетъ. Попробуйте назначить горному хищнику — орлу или коршуну — гдѣ и какъ онъ долженъ ловить свою добычу. Для дяди Ерошки жизнь есть свобода, иначе

онъ не въ состояніи мыслить жизнь. День и ночь онъ шатается по камышамъ, по колючимъ кустарникамъ, по глухимъ дѣсамъ. Онъ едва спитъ: до зари уже съ ружьемъ. *Сидѣть въ лѣтѣ онъ просто не умѣетъ.*

«— Чтѣ дома-то сидѣть? Только нагрѣшишь, пьянъ надуешься. Еше бабы тутъ придуть, тары да бары; мальчишки кричатъ, угорайшь еще; то ли дѣло на зорьгѣ выйдешь?... и т. д.»

Но ужъ если разъ онъ дома, ему хочется побаловать себя, ему хочется веселой компаніи за бутылкой чихира, и, вонечно, чужого чихира, потому что своего хозяйства у него нѣтъ. Поэтому онъ такъ любитъ *простыхъ* людей, въ родѣ Оленина, то-есть такихъ, у которыхъ можно выпить. Онъ ихъ по чутью узнаетъ, и сходится съ ними въ одну минуту. Но тутъ дѣйствуетъ не одно побужденіе выпивки и близости. Дядя Ерощка не унижается чужимъ угощеніемъ, и не считаетъ его за подачку, за милость. Онъ твердо убѣжденъ, что самъ понадобится не нынче—завтра, и что его услуга будетъ несколько не меньше, хотя и въ другомъ родѣ. У него нѣтъ чихира, но можетъ быть кабанъ свѣжина, и тогда ему вся станица кланяется; нѣтъ пороха, но зато бываютъ фазаны. Оттого онъ за чужимъ столомъ, какъ за своимъ: посылаетъ Оленинскаго деньщика покупать чихиръ на деньги Оленина, будто въ свой собственный погребъ, всѣмъ распорядается безъ всякаго смущенія и стѣсненія. Но въ немъ чувствуется не безстыдникъ, не эксплуататоръ, а медрая душа, привыкшая вездѣ роскошничать. Посмотрите, сколько примечательнаго въ этомъ откровенномъ, безхитростномъ подступѣ его къ Оленину, въ минуту перваго знакомства. Это именно подступъ простой души, незнающей, и знать нежелающей той условной лжи, которой сложная система стремится совсѣмъ замѣнить нашу жизнь.

Это подступъ не солдата къ офицеру, не работнива къ чиновнику, а подступъ чловѣка къ чловѣку.

«— Дѣдушка, казакъ! обратился онъ (Оленинъ) къ нему. — Подойди-ка сюда!

«Старикъ взглянулъ въ окно и остановился.

«— Здравствуй, добрый чловѣкъ! сказалъ онъ, приводимая надъ короткоостриженною головою свою шапочку.

«— Здравствуй, добрый чловѣкъ! отвѣчалъ Оленинъ. — Чтѣ это тебѣ мальчишки кричатъ?

«Дядя Ерощка подошелъ къ окну. А дразнить меня, старика. Это ничего. Я люблю. Пускай радуются надъ дедомъ, сказалъ онъ съ тѣми твердыми и пѣвучими интонаціями, съ которыми говорятъ старые и почтенные люди.—Ты начальникъ армейскихъ, чтѣ-ли?

« — Нѣтъ, я юнкеръ. А гдѣ ты фазановъ убилъ? спросилъ Оленнѣ.

« — Въ лѣсу три курочки замордовалъ, отвѣчалъ старикъ, поворачивая къ окну свою широкую спину, на которой заткнутыя голубками за поясъ, патная кровью червеску, висѣли три фазанки. — Али ты не видывалъ? спросилъ онъ. — Коли хочешь, возьми себѣ парочку. На! И онъ подавъ въ окно двухъ фазановъ. — А что, ты охотникъ? спросилъ онъ.

« — Охотникъ. Я въ походѣ самъ убилъ четырехъ.

« — Четырехъ? Много! насмѣшливо сказалъ старикъ. — А пьяница ты? Чихирь пьешь?

« — Отчего же? И выпить люблю.

« — Э, да ты, я вижу, молодець! мы съ тобой кунаки будемъ, сказалъ дядя Ерощка.

« — Заходи, сказалъ Оленнѣ... Вотъ и чихирю выпьемъ.

« — И то зайти, сказалъ старикъ. Фазановъ-то возьми.

Эта доброта и прямота, эта откровенная нечуждость всему человѣческому — сразу привязываютъ читателя къ сѣдому дядѣ. Кромѣ выпивки, дядя любить поврать; вопервыхъ — старикъ, восторхъ — охотникъ, вторыхъ — веселый, жизненный малый по природѣ своей. Надувшись чихирю, сидитъ онъ и болтаетъ понемножку, прихвастывая — то какою-нибудь дѣвчонкой изъ годовъ своей юности, то военною удаляю, то стрѣleckимъ искусствомъ. Какъ ему не имѣть въ своей біографіи той были, которую пословица не ставитъ *младому въ укоръ*? какъ не повѣрить всему, что онъ рассказываетъ про своихъ душевекъ?... Хорошо какому-нибудь высохшему сыну цивилизаціи съ аневризмомъ въ сердцѣ, съ хроническимъ кашлемъ въ легкихъ, возставать противъ неумѣренности и грубыхъ наслажденій! Какъ будто они и въ самомъ дѣлѣ существа одной породы съ дядями Ерощками? Желалъ бы я видѣть, какъ занялась бы его сморщенная душа, очутившись въ богатырскомъ организмѣ гребенскаго казака, способнаго многія сутки проводить въ лѣсахъ и камышахъ, могущаго на собственныхъ плечахъ дотащить до дому собственноручно убитаго кабана, и собственнымъ желудкомъ убрать отъ него пол-окорока. Поневолѣ захочется чихирю, не въ рюмочкѣ и не на блюдечкѣ; поневолѣ не окажется достаточнымъ побесѣдовать съ грудастою казачкою о ковенныхъ налогахъ и судьбѣ пролетаріата. Эти маститые, роскошно разросшіеся организмы живутъ крѣпко и сильно, какъ дубъ лѣсной; могучій размѣръ ихъ ялосткой жизни народъ очень метко обозначилъ въ старинныхъ сказкахъ своихъ, гдѣ онъ ставилъ своихъ богатырей, поднимъ за уши, выпивать пивной котель браги, да такой же пива, да такой же меду; гдѣ спать

его богатыри, *богатырскимъ сномъ* по трое сутокъ. Тёрскіе казакъ — это тѣлеса человѣческія, не въ тератологическомъ состояніи, не для медицинскихъ музеевъ, а тѣлеса во всемъ величій здоровья и правильнаго роста, спѣлыя, законченныя, какія нужны для жизни. Плоть ихъ вопіетъ, какъ голодный звѣрь, и ея быдства не удовлетворяютъ гомеопатическими приёмами. Шекспиръ, величайшій изъ учителей и даже правоучителей, удивительно понималъ эту особенность мощныхъ организмовъ, и удивительно умѣлъ видѣть человѣческое даже въ самыхъ бушеваніяхъ ихъ. Оттого у него вырывается столько задушевныхъ страницъ, даже по отношенію къ такимъ людямъ, которыхъ ходячая мораль безъ затрудненія окрещиваетъ именемъ безнравственныхъ, преступныхъ людей. Оттого въ жривоу и пьяному циникѣ Фальстафу, мы часто видимъ дорогаго друга, видимъ даже черты самого великаго творца Юлія и Гамлета.

Что касается до нашего дяди Ерощки, то его такъ называемыя преступныя стороны рѣшительно не могутъ закрывать отъ непредупрежденныхъ глазъ всей человѣческой широты и доброты его натуры. Языкъ его часто циниченъ, но душа его чиста и пряма. Онъ никогда серьезно не думаетъ о подводѣ Марьянки Оленину, хотя повидимому такъ часто вынуждается на это.

«— Красавица, сказалъ Оленинъ. — Позови ее сюда.

«— Ни-ни, проговорилъ старикъ. — Эту сватають за Лукашу. Лука — казакъ молодець, джигитъ, намеднись абрека убьешь, я тебѣ лучше найду».

Въ другой разъ Оленинъ напоминаетъ ему его обѣщаніе, свести его съ Марьянкой.

«— Ты бы за Марьянкой поволочился?

«— Ты смотри на собакъ-то, сурово отвѣчаетъ старикъ». Смѣхъ его обѣщаній и хвастовства на счетъ дѣвогъ лучше всего видѣнъ въ одной мастерской сценѣ съ Марьянкою, когда она проходила мимо она.

«Старикъ водвигнулъ, и толкнулъ локтемъ молодого человѣка.

«— Постой, проговорилъ онъ, и виснулся въ окно. Кхм! Кхм! закашлялъ и замычалъ онъ. Марьянушка! а, нянюва Марьянка! полюби меня, душенька! я шутникъ, прибавилъ онъ шепотомъ, обращаясь къ Оленину».

Черезъ минуту опять:

«Полюби меня, будешь счастлива! закричалъ Ерощка и, помигивая, вопросительно взглянулъ на офицера. Я молодець, я шутникъ, прибавилъ онъ. Королева дѣвка? А?»

Стоитъ ли прибавить что нибудь въ объясненіе наивно-добродушныхъ проказъ веселаго старика?

До какой степени онъ самъ не придаетъ значенія своимъ похвальбамъ, рѣче всего видно въ разговорѣ его съ Оленинымъ, во время сговора Марьяни. Старикъ пьетъ, и жалуется на хозяйку.

«Что, Лукашка! Ему наврали, что я тебѣ дѣвку подвожу, свазалъ старикъ шепотомъ. А что дѣвка? будетъ наша, коли захотимъ: денегъ дай больше, я наша! Я тебѣ сдѣлаю, право.»

Чего, кажется, опредѣлительнѣе и убѣдительнѣе? Но Оленину только стоило отвѣтить:

«Нѣтъ, дядя, деньги ничего не сдѣлаютъ, коли не любить; лучше не говори про это.»

И воззрѣнiе дяди Ерошки во мгновенiе мѣняется, какъ будто никогда и не бывало другого:

«Нелюбимыя мы съ тобой сироты! вдругъ свазалъ дядя Ерошка, и опять заплакалъ.»

Сцена высокая, по психологической правдѣ, по задушевному комизму, и очень характерна для Ерошки.

Точно такъ же снадается съ этого жизненнаго типа иллюзія кровожадности, безсердечія, въ воспѣваніи которыхъ чуть не обвинили графа Толстаго. Ерошка, дѣйствительно, убивалъ на своемъ вѣку; онъ много и спокойно рассказываетъ о своихъ битвахъ и подвигахъ. Подойди надобность — онъ, конечно, и еще покажетъ чеченцамъ меткость своей флинты. Но это только одна черта, доступная близорукому глазу. Въ эту грубую и простую черту, влетены тонкими, разноцвѣтными шелковинками не столь замѣтными, но болѣе дорогія черты.

«Это, знаешь, кто поеть? свазалъ старикъ, очнувшись. Это Лукашка джигить. Онъ чеченца убилъ: то-то и радуется. И чему радуется, дуракъ, дуракъ!»

«— А ты убивалъ людей? спросилъ Оленинъ.»

Старикъ вдругъ поднялся на оба локтя, и близко придвинулъ свое лицо къ лицу Оленина.

«— Чортъ! закричалъ онъ на него. Что спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудрено, охъ, мудрено!»

Ему жаль и свиньи, какъ ми видѣли, хотя онъ ихъ бьетъ, ибо видитъ въ этомъ необходимость, назначенъе отъ Бога:

«Ты ее убить хочешь, а она по лѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ.»

Онъ даже жалѣеть убитаго абрека, врага своего, который не нынче — завтра сажъ бы прострѣлилъ его насвободу.

До этого чувства далеко не всякій возвышается. Лукашка убилъ плившаго по рѣкѣ абрека, и указываетъ на него дядѣ:

«Видишь, что-ль? — Чего не видеть! съ сердцемъ сказагь старикъ, и что-то серьезное и строгое выразилось въ лицѣ старика. — Джигита убилъ! сказагь онъ, какъ будто съ сожалѣніемъ.»

Нельзя не привести еще одной изъ множества прелестныхъ, высокохудожественныхъ сценъ, унижающихъ романъ графа Толстаго; какъ дорогія жемчужины. Эта сцена трогательна своимъ безыскусственнымъ сочетаніемъ грубой формы съ самымъ теплымъ и нѣжнымъ душевнымъ мотивомъ. Эта сцена составляетъ окончаніе того вечера, на крыльцѣ за самоваромъ, о которомъ мы уже упоминали.

«Очнувшись, Ерощка поднягь голову и началъ пристально всматриваться въ ночныхъ бабочекъ, которыя вились надъ колымавшимся огнемъ свѣчи и попадали въ него.

«— Дура, дура, заговорилъ онъ. Куда летишь? Дура, дура! Онъ приподнялся и своими толстыми пальцами сталъ отгонять бабочекъ.

«— Сгоришь, дурочка, вотъ сюда лети, мѣста много, приговаривалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, стараясь своими толстыми пальцами учтиво поймать за крылушки и вынуть. Сама себя губишь, а я тебя жалю...»

Не знаю, какой же живой типъ можетъ пробудить симпатіи читателя, если типъ этого милаго старика кажется оскорбительнымъ для человѣчества, звѣрообразнымъ? Казакъ—охотникъ, всю жизнь свою проливающій кровь и живущій съ звѣрями, способенъ еще шутить съ дѣтьми, какъ добрый дѣдушка, способенъ жалѣть бабочекъ, понапрасну гибнущихъ, любить своихъ и враговъ, казаковъ и солдатъ, одинаковою человѣческою любовью; способенъ рыдать, разставаясь съ заѣзжимъ юнкеромъ, у котораго провелъ нѣсколько веселыхъ вечеровъ — и его вдругъ призвать циникомъ, атеистомъ, людоедомъ. Да дай-богъ, чтобы наша мораль, цивилизація и религія доводили душу каждаго человѣка до той внутренней нѣжности и правдивости.

«— По моему хоть ты и солдатъ, а все человѣкъ, тоже душу въ себѣ имѣешь. Такъ ли я сузу? Илья Мосенчъ солдатъ былъ, а какой золото человѣкъ былъ; такъ ли, отецъ мой? За то-то меня наши и не любятъ; а мнѣ все равно. Я человѣкъ веселый, я всѣхъ люблю, я, Ерощка! такъ-то, отецъ мой, и старикъ ласково потрепалъ по плечу молодого человѣка.»

Больше и говорить нечего: «я человѣкъ веселый, я всѣхъ люблю!» Это — результатъ, до котораго радо бы добиться съ борьбою и неудачами все наше образованіе.

Въ чемъ же причина того дружнаго несочувствія, съ которыми встрѣтили критики этотъ оригинальный типъ? Со стороны однихъ, сентиментальныя и риторическія представленія о стра-

тѣхъ человѣка, незнакомство съ темпераментами людей, составляющими основу всякой драмы: вслѣдствіе этого односторонняя, фальшивая мораль. Съ другой стороны — теоретическое воззрѣніе на художественныя произведенія; сужденія объ нихъ на основаніи различныхъ высшихъ тенденцій и партийныхъ догматовъ, а не на основаніи собственной жизненной силы, въ нихъ заключающейся.

Ерошка, плача на прощаніи, выпрашиваетъ себѣ у Оленина ружье; поэтому Ерошка комедіантъ, попрошай. Ерошка пьетъ чихарь и говорить не гостинимъ, а казацкимъ языкомъ. Ерошка грубый матеріалистъ и развратникъ. Имъ бы хотѣлось, чтобы онъ, какъ Расниновъ и Мольеровы герои, былъ вылитъ весь изъ одного цѣльнаго свойства: герой такъ ужъ герой, злодѣй — такъ ужъ злодѣй, скупой — такъ скупой, безъ всякой лигатуры — червонный герой или червонный злодѣй настоящей 96-й пробы. А вотъ я, напротивъ, только и повѣрилъ бытію Ерошки, узнавъ въ подробности его лигатуру; мнѣ только такъ онъ ясенъ и осязателенъ, мнѣ только такъ и милъ онъ. Плачь плачетъ, а подарокъ подаркомъ; почему подарокъ помѣшаетъ плачу? Развѣ радость не въ состояніи ослабить гора? Развѣ мы сами съ господами критиками не стараемся порадовать себя флинтами своего рода во время разнообразныхъ нашихъ слезъ? Почему же откровенность непосредственнаго человѣка насъ обидѣла? Ерошка очарователенъ именно своею реальностію, поднотою, а не выдуманностію и односторонностію. Онъ — человѣкъ практическій, живетъ легко и весело. Впечатлѣнія его неглубоки, но живы, взглядъ широкій, свѣтлый и спокойный. Иначе бы и не дожить ему въ такомъ кабаньемъ здоровьи до сѣдой бороды, не быть бы въ 70 лѣтъ румянокожимъ кутилою и пласуномъ. Изъ этихъ условій вытекаетъ его благорасположеніе къ людямъ, его поэтическое чувство природы; но въ жизни его не существовало никакихъ условій, способныхъ очистить его характеръ, языкъ и привычки отъ вліяній обстановки, ремесла и вѣковыхъ преданій; и онъ является съ ними со всѣми, какъ есть, живой, вышукелый, на всегда памятный. И я всегда буду душевно любить его, этого гребенскаго Патфайндера, милаго, услужливаго товарища, беззаботнаго друга дѣсовъ и вамышей.

3) *Казакъ Лука.*

Казакъ Лука — джигитъ, удалецъ, но не можетъ такъ симпатически дѣйствовать на чувства читателя, какъ дѣйствуютъ старикъ циникъ Ерошка. Въ Лукашиѣ много сухой серьезности, односто-

ронности и прозы. Это—идеаль казакъ, упорно вѣрующій въ ма-
лѣйшій догматъ казачества, незнающій ни въ чемъ отступле-
нiя, сомнѣнiя, колебанiя. Въ него не вложено ни одной искры
поэзiи, ни одной соринки скептицизма, отчего отъ него нѣсколь-
ко пахнетъ умственной ограниченностью. Въ Ерощѣ сидитъ,
хотя очень глубоко, бѣсъ новизны, реформы. Ероща оттрепанъ
на всѣ бока своимъ житейскимъ опытомъ; истиннѣе всего онъ по-
нялъ относительность и условность многого. Рѣзкость его лѣс-
ныхъ вкусовъ и казацкихъ догматовъ смягчилась столько же
этимъ долголѣтнимъ опытомъ, сколько несомнѣнно-поэтическимъ
сладомъ его души. Но Луку мы застаемъ во всемъ весеннемъ
сокотеченiи грубыхъ силъ; ослабленiе физической жизни еще не
уступило умственнымъ силамъ его господства надъ его дѣйстви-
ми. Оттого онъ рѣзокъ, суровъ и исключителенъ. Въ убiйствѣ
абрека, даже при созерцанiи трупа его, онъ еще не умѣетъ ви-
дѣть что-нибудь иное, кромѣ собственнаго подвига; онъ дрожитъ
отъ радости, какъ коршунъ, задранный перепелку, и полонъ
только одной казацкой гордости. Но это не кровожадность, не
дранное чувство радости о гибели другого. Это—бессознательное,
вполнѣ естественное, ощущение хищной птицы или кошки, удовле-
творившей своей органической потребности. Безнравственнаго
тутъ уже ничего не откапашь. Такова же его любовь къ Марья-
нкѣ: прямая, откровенная, пропечатанная до послѣдней буквы
въ каждомъ его жестѣ и словѣ. Онъ не скрываетъ, чего хочетъ
отъ Марьянки — ни отъ нея самое, ни отъ людей; онъ даже не
подозрѣваетъ, что у кого-нибудь могутъ быть поводы скрывать
это. Марьянка лучше другихъ дѣвокъ, больше по вкусу ему: но
онъ ничуть не мечтаетъ, будто бы она для него незамѣнима:
она—или никто...
Вовсе нѣтъ: не пошла Марьянка — другую бы
взялъ, казачекъ хорошихъ много; не удастся ему къ Марьянкѣ въ
окно влѣзть — поворачиваетъ къ Янкѣ, и дѣло съ концомъ. Ди
Марьянки онъ не пожертвуетъ также своими военно-казацкими
интересами. Ихъ только онъ считаетъ *настоящимъ дѣломъ*, а всѣ
свои бесѣды съ Марьянкой, всѣ свои попойки у Янки — однимъ
баловствомъ, гуляньемъ, пригоднымъ между дѣломъ и въ свой
часъ. Марьянка не закрыта отъ него никакими иллюзиями; онъ
не считаетъ разрушенiемъ своей любви открыто-высказаннаго ея
подозрѣнiя въ невѣрности; онъ въ этой невѣрности видитъ весь-
ма естественное событiе, хотя лично ему невыгодное. Онъ не
изнываетъ въ психическихъ мученiяхъ, какъ сдѣлалъ бы на его
мѣстѣ какой-нибудь Грицько или Остапъ Марко-Вовчка, а про-
сто на просто грозитъ Марьянкѣ и ругается съ нею. Такъ же ру-
гается онъ и въ отвѣтъ на постоянные ея отказы его желанiямъ:

«Хорунжика! замужъ выйдетъ», ворчить онъ презрительно на свою возлюбленную. Тагъ же откровенны, можно сказать, всенародны его кутежи у Ямки, его связи съ прежнею любовницею; все это основано на казацкихъ принципахъ, допускается казацкою моралью — стало-быть, изъ чего тутъ скриваться? Оттого въ его пьянствѣ и развратѣ не видишь ничего омерзительнаго, унижающаго, какъ нельзя видѣть ничего этого въ жизни дикаго коня. Чтò бы ни дѣлалъ звѣрь — онъ никогда не представляется намъ безнравственнымъ, грязнымъ, но всегда естественнымъ, исполненнымъ своего особеннаго достоинства и своей особенной красоты; потому что онъ всегда вѣреть самому себѣ, никогда не ниже себя. Когда гуляетъ Лука, чувствуешь, что этому организму надо выпить и нагуляться именно на столько, что это не извращеніе инстинктовъ, не болѣзненное раздраженіе вкусовъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ вникъ слояхъ общества.

Отношенія Лукашки къ матери, вставленныя авторомъ словно мимоходомъ, прекрасно дорисовываютъ его портретъ. Эти отношенія опять-таки глубококазацкія, глубокопростонародныя. Чтò ни говори, а въ настоящей русской семьѣ, не только мужицкой, но даже и купеческой, взрослые сыновья безъ отца дѣлаются хозяевами, властелинами своихъ матерей. Лука — суровый и эгоистическій хозяинъ, какъ все наше простонародье. Баба, хотя она и мать, не слышитъ отъ него ласки и пріятнаго разговора. Какъ казакъ, онъ особенно презираетъ бабу: баба не воинъ, не джигитъ, бабѣ только пироги печь; чтò съ нею толковать? Спросилъ чихирю, прикрикнувъ для порядка, да и за дѣло. Помысли Луки, какъ и всякаго казака, внѣ семьи; ему дома скучно и почти неприлично. А между-тѣмъ онъ уважаетъ мать по своему: онъ ей достанетъ все, чтò нужно, онъ не дастъ ее обидѣть, онъ на нее не только не осмѣлится руки поднять, но даже нехорошее слово сказать. И народъ кругомъ, и сама мать, и самъ Лука увѣрены, что онъ почтительный, добрый сынъ, какъ слѣдуетъ казаку и православному бытъ, хотя онъ презираетъ нѣжничанье и возню съ бабой. Чѣмъ онъ виноватъ? Онъ слѣдуетъ только тому, чему научили его собственные гуверниеры — Ерошки и Гирей-ханы; онъ помнитъ только свои лекціи, прослушанныя когда-то въ камышахъ Терека и на вышкѣ кордона. Конечно, пріятно было бы устроить чувствительный пейзажъ съ одной стороны изъ престарѣлой матери, обливающей слезами стремя сыновняго коня, лобзующей сына въ уста и въ очи, называющей его «желаннымъ» и «спизымъ голубемъ» и «дитятвой ненагляднымъ»; а съ другой стороны отъ этого статнаго юноши съ пониженнымъ челомъ и съ слезою, повисшей на черномъ усѣ: «прощай, моя ясочка, роди-

ная моя!» могъ бы тихо прошептать онъ; «кто-то будетъ мнѣ расчесывать шолковыя кудри мои, кто-то будетъ миловать да голубить»; а она бы еще; а она бы еще, и кончить потомъ многими точками. Я знаю, что эта сцена вышла бы поразительною подъ талантливымъ перомъ нашего знаменитаго изслѣдователя престопадной жизни—Марка-Вовча. Но что же дѣлать? Нѣкоторые односторонніе писатели не любятъ почему-то поразительныхъ сценъ; надо и имъ когда-нибудь уступить.

Лукашка выступаетъ грубымъ провансомъ еще въ одномъ обстоятельстве своей жизни: въ дружбѣ съ Оленинымъ. Несмотря на беззапятную доброту Оленина, на его горячія желанія сдѣлать для счастья Луки все, отъ него зависящее, Лукашка ведетъ себя настоящимъ болваномъ; надъ сердечными изліаніями Оленина онъ внутренно подсмѣивается и долго не вѣрить чистотѣ его намѣреній. Даже послѣ подарка Оленинскаго, Лука не разубѣждается, а ждетъ все, что Оленинъ выпроситъ у него что-нибудь себѣ, въ замѣнъ подареннаго коня; онъ—радъ радехонекъ, что можетъ отдѣлаться однимъ выжаломъ. Только впоследствии, когда ему сказали старики, что русскіе всегда такіе дураки и богачи, онъ какъ будто понагъ Оленина, и пересталъ его подозрѣвать. Васъ, можетъ быть, удивляетъ, отчего этотъ безсердечный юноша, безъ всякой причины, такъ упорно не хотѣлъ вѣрить теплымъ словамъ дружи? Вещь очень простая, читатель! Для него эти слова имѣютъ то же значеніе, какъ для насъ съ тобою стереотипныя фразы писемъ: *многочуважаемый господинъ*, или *имѣю честь остаться душевно вамъ преданнымъ*. Казаки и чеченцы не словами, а дѣлами, съ малства научили его, что чужого коня можно достать или своимъ золотомъ, или своею кровью; что безъ собственной выгоды, одинъ человекъ для другого, пальцемъ не пошевелить; что не только слава, даже клятвы даются именно тѣмъ, кто скорѣе всего готовъ ихъ нарушить. Послушайте — какъ учить его до вѣрью къ людямъ его сѣдой дядька и губернёръ — Ероща:

«Гирей-хану вѣрить можно, его весь родъ — люди хорошіе; его отецъ вѣрный кунакъ былъ. Только слушай дядю, я теби худу не научу: вели ему клятву взять, тогда вѣрно будетъ; а поѣдешь съ нимъ, все пистолець наготовѣ держи... Вѣришь — вѣрь, а безъ ружья свать не ложись.»

Грубый въ страстяхъ, грубый въ любви, грубый въ дружбѣ— вотъ, значить, и весь Лукашка — подумаете вы, весь идеаль казакъ. Нѣтъ, далеко не весь. Казакъ — вѣчный воинъ, вѣчный борець. Тутъ все его содержаніе, вся его добродѣтель и мораль. Лукашка переполненъ этой существенно-казацкой добродѣтелью. Къ ней прикованы его фантазіи, и его сознаніе. Долгъ въ от-

пошевиі къ ней — для него свить и неуклоненъ, какъ божья заповѣдь. Она — *дѣло*; все остальное — пустая, ребяческая забава. Лукашка, такъ безцеремонно трактующій свою невѣсту-любовницу, такъ безвременно гуляющій въ станицѣ съ своимъ другомъ Назаркою — тотъ же Лукашка сидитъ, не смыкая глазъ, цѣлыя ночи на берегу Терека, оберегая родную станицу; онъ первый бросается на пули и ножи абрековъ; онъ, когда нужно, не раздумывая, переливается Терекъ, подвергая себя всевозможнымъ опасностямъ. Рыцарскій духъ казака горитъ въ немъ жаркимъ, для всѣхъ замѣвнымъ, пламенемъ. Сами товарищи лучше всего чувтъ въ немъ присутствіе этого избраннаго духа, и невольно уступаютъ ему въ дѣлѣ первый шагъ и первый голосъ, помимо всѣхъ чиновныхъ и сѣдыхъ старшинъ.

Типы другихъ казаковъ хотя очерчены мимоходомъ, нѣсколькими бойкими штрихами, живы и волны до такой же степени, какъ и типъ Луки. Назарка, Ергушовъ, урядникъ, особенно же этотъ несравненный хорунжій — все это высокохарактерные портреты, которыхъ не перемѣшаешь и не позабудешь. Хорунжій выступаетъ особенно ярко на фонѣ окружающаго его группъ; его крѣпкая, коренная казацкая натура едва только смазана сверху лакомъ дешевой цивилизаціи; это — такая же хищная и хитрая лисица, какъ всѣ остальные, только она уже умѣетъ стоять на заднихъ лапкахъ и коверкать отвратительнымъ манеромъ своей простой выразительный языкъ на непонятное ей чужое нарѣчіе.

Мнѣ досадно, читатель, если всѣ мастерскіе портреты, всѣ поэтическія и живописныя сцены, которыми сплошь наполненъ романъ гр. Л. Толстаго, производятъ на тебѣ неуспокоительное впечатлѣніе. Въ такомъ случаѣ я никакъ не могу стать на твою фальшивую точку зрѣнія, съ которой большинство привыкло недавно судить художественное произведеніе. Но если ты только жалѣешь, отчего въ гребевскихъ станицахъ нѣтъ до-сихъ-поръ женскихъ гимназій и филантропическихъ обществъ, отчего Лукашка не Уильберфорсъ, а хорунжій не Песталоцци — то я поздравляю тебя отъ души съ такимъ платоническимъ желаніемъ, самъ съ полнымъ чистосердечіемъ къ нему и къ тебѣ присоединяюсь.

4) *Мамука-Марьянка.*

Мы совершенно довольны предъидущими типами; типъ дяди Ерошки мы смѣло ставимъ въ рядъ первоклассныхъ характеровъ, созданныхъ нашею изящною литературою. Но, надо сказать, что подобныя типы удаются нашимъ лучшимъ писателямъ хотя далеко не часто, все же однако чаще, чѣмъ характеры женщинъ.

На изображеніи женщинъ туннлись и поворались талантливѣйшіе наши рѣзцы; въ изображеніи женщины особенно сильнись высказаться тенденціи и взгляды самихъ писателей; женщина почти всегда проводила собою въ литературу опредѣленную теорію.

Гоголь оборвался на своихъ женщинахъ самымъ поразительнымъ образомъ; Тургеневъ, томившійся болѣе другихъ надъ отысканіемъ нужной ему женщины, произвелъ много прелестныхъ художественныхъ эскизовъ ихъ, но не доработался ни до одного строго-опредѣленнаго и вполне выразительнаго портрета. Отъ душевно-изящной, для любви живущей, Аси онъ постепенно перешелъ къ строгимъ типамъ женщины христіанин (Лизы) и женщины-патріотки (Елены), и наконецъ въ послѣднемъ романѣ дошелъ до женщины народа, непосредственной, природной, безъ всякой примѣси (Фени). Развитие его стремленій тутъ довольно ясно, но образы, въ которыхъ они выразились, не совсѣмъ новы. Другимъ новѣйшимъ писателямъ нашимъ еще менѣе удалось ихъ попытки: ни у Гончарова, ни у Писемскаго не находимъ мы живой женщины, съ характеромъ и фязіономіею. Нѣкоторая безцвѣтность, однообразное распространеніе того же самаго тона сливаетъ ихъ другъ съ другомъ въ представленіи читателя и заставляетъ подозрѣвать по этому дурному признаку сочиненность типовъ. Графъ Л. Н. Толстой имѣетъ то преимущество передъ другими нашими талантливыми писателями, что не умѣетъ говорить двусмысленно и сдержанно. Его рисунокъ такъ же смѣлъ и выразителенъ, какъ его мысль; то, что онъ любитъ, онъ считаетъ безусловно хорошимъ, и безусловно дурнымъ все, что противно его вкусу. Потому безъ всякихъ оговорокъ, компромиссъ и увертокъ, онъ выдвигаетъ свое мнѣніе или свой типъ прямо впередъ, съ рѣзкостью кулачнаго размаха, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что этимъ движеніемъ иногда въ кровь разбиваются носы людей, непричастныхъ его симпатіямъ. Онъ какъ будто съ намѣреніемъ вызываетъ противъ себя общественное мнѣніе и уже во всякомъ случаѣ пальцемъ не толкнетъ, чтобы предупредить его или услужить ему. Словно его радуетъ и забавляетъ раздраженіе иномыслящихъ; словно нѣтъ для него въ мірѣ ничего отраднѣе, какъ проѣхаться сквозь приличную и многочисленную публику господствующихъ мнѣній верхомъ на какомъ нибудь бѣшеномъ парадоксѣ, давая кругомъ народъ, и хлестая плетью острой рѣчи направо и налево. Какъ бы ни относились къ этой чертѣ литературнаго характера гр. Толстаго, во всякомъ случаѣ одно ея послѣдствіе несомнѣнно: у гр. Толстаго всѣ мысли досказаны, всѣ фигуры дорисованы съ смѣлостью, подходящею на вызовъ, съ откровенностью, иногда переходящею всѣ

условія обиденныхъ приличій. Если г. Толстому нужно ругнуть, то онъ не употребляетъ многоточій и звѣздочекъ, а отпечатываетъ все пряное словечко крупнѣйшими литерами; если нужно изобразить неподдѣльную природу, онъ избѣгаетъ виноградныхъ листиковъ и полунаброшенныхъ покрывалъ, а вырисовываетъ все, что ему нужно, самую яркою краскою, самымъ меткимъ карандашомъ.

Поэтому въ типѣ изображенной имъ женщины Марьянки нѣтъ ни малѣйшаго недостатка опредѣленности; она намъ ясна до осязательности. Это—здоровая, красивая, молодая дѣвка, такъ же точно вѣрная во всемъ своей сферѣ и своей породѣ, какъ буйволица вѣрна своимъ. Посмотрите, какими глазами смотритъ она на свою красоту, на свои отношенія къ Лукашкѣ. Жизнь успѣла уже показать ей, что всѣ молодыя дѣвки въ свою пору нравятся парнямъ, что за всѣми ухаживаютъ, отъ всѣхъ добиваются поцалуевъ и обѣщаній; стало-быть, ничего особенно лестнаго, исключительнаго не можетъ быть въ отношеніяхъ къ ней ея Лукашки. Лукашка добивается своего, для себя, а не для нея. Лукашка будетъ ее бить, когда станетъ ея мужемъ; ластится онъ до поры до времени, пока она еще не въ рукахъ. Она знаетъ, что не одна она привлекала его, что онъ даже къ ней ходитъ отъ своей прежней душеньки. Отсюда понятно ея довольно равнодушное, сдержанное и нѣсколько строгое поведеніе по отношенію къ Лукѣ. Нельзя сказать, что она его не любитъ; она желала бы изъ всѣхъ казаковъ имѣть мужемъ Лукашку; Лукашка — молодецъ собою, первый храбрецъ, на виду у всей станицы. Онатъ оже изъ первыхъ дѣвокъ въ станицѣ; это ей всѣ говорятъ, и она на столько сама понимаетъ; поэтому имъ сподручѣе всего быть мужемъ и женою. Тутъ не одно благоразуміе: и физическая страсть уже говоритъ въ этомъ крѣпкомъ, молодомъ тѣлѣ. Но страшно бы было приписать этой страсти подавляющее значеніе, какъ поступаетъ обыкновенно въ отношеніи своихъ героинь Жорж-Зандъ и ея крошечные копировщицы и копировщики. Можетъ-быть, въ Италіи, въ Испаніи или въ какомъ-нибудь Провансѣ, климатъ или племенные условія сообщаютъ особую напряженность фантазіи и страстямъ челоуѣка; можетъ-быть, тамъ они заурядъ господствуютъ надъ внушеніями разсчета, благоразумія, приличія — не берусь объ этомъ судить. Но Россію мы знаемъ, и народъ нашъ мы знаемъ. Его сѣверная, славянская кровь мало страдаетъ отъ капризовъ фантазіи; отношенія его половъ какъ всегда отличались, такъ и теперь отличаются какимъ-то холоднымъ, едва не механическимъ формализмомъ. Женщина, говоря вообще, рѣдко настроивала русскаго челоуѣка на поэтическое чувство, на вдохновенное дѣло, рѣдко смягчала

своимъ нѣжнымъ прикосновеніемъ грубость его нравственныхъ вкусовъ. Древняя наша литература представляетъ выразительные, хотя и печальные памятники этого явленія. Женщина вездѣ тамъ рассматривается какъ инструментъ для грубыхъ страстей, какъ низшее и подчиненное животное, выгоды котораго по самой природѣ идутъ вразрѣзъ съ выгодами мужчины; какъ существо безстыдное, коварное, нестѣющее довѣрія ни въ чемъ и никогда. И теперь, всюду кругомъ насъ, куда ни оглянешься, то же униженіе женщины до степени служанки и самки, тотъ же неодушевленный, немаскированный никакою иллюзіею, хладнокровный развратъ. У народа, вѣчно работающаго, вѣчно-удрученнаго и стѣсненнаго въ своихъ насущныхъ потребностяхъ — любовная страсть вѣроятно не можетъ дорости до другихъ размѣровъ и принять иное направленіе. Недаромъ мужикъ не понимаетъ этого слова; анекдотъ о старостѣ, отдавшемъ дѣвку замужъ *по страсти* (т.-е. *по страху*), и убѣжденномъ въ буквальный исполненіи барскаго приказа — выдуманъ очень метко. Разсчетъ у мужика не только стоитъ на первомъ планѣ, но даже высказывается имъ съ добродушною наивностью и полнѣйшею откровенностью, что существенно отличаетъ мужика отъ нашего брата. Одинъ помѣщикъ на моихъ глазахъ весьма остроумно доказалъ мужику, что для того телушка дороже жены: мужикъ этотъ не хотѣлъ брать невѣсты, которую любилъ и просилъ, изъ того только, что отецъ дѣвки не отдавалъ за нею обѣщанной телушки. — Такъ безъ телушки ни за что не возьмешь? спрашивалъ его помѣщикъ. — Какъ же можно, батюшка, безъ телушки! Что жъ мнѣ ее совсѣмъ голую брать? — Ну, а телушку одну взялъ бы? — Да телушку съ чего же не взять? отвѣчалъ озадаченный женихъ. Этотъ случай характеренъ: въ большихъ или мѣньшихъ размѣрахъ, въ томъ или другомъ видѣ, только *телушка у нашего простого человека всегда впереди любви*. — Хороша твоя молодая? спросилъ я какъ-то у своего арендатора мельника. — Да какъ же нехороша! за ей 4 полковыхъ платья дано, да салопъ лисій, да двѣ шали, да денегъ цалковенькихъ 500 взялъ; какой же еще тебѣ лучше? — И онъ глядѣлъ на меня самодовольно, увѣренный, что никакое сомнѣніе немисливо послѣ этихъ выразительныхъ доводовъ. Спросите у любой бабы: что, тѣтка, хорошо сына женила? непременно услышите отвѣтъ моего мельника: «Слава-те Христе! чего жъ намъ еще? За ей три овцы дали, тулупъ новый.» Все тотъ же припѣвъ на разные лады, съ разными цифрами. Корысть для мужика важнѣе и нужнѣе любви, поэтому она первая и удовлетворяется, и это такъ естественно, и такъ бы было смѣшно, еслибы было иначе.

Я говорю это съ тою цѣлю, чтобы показать, какъ бы было странно и нехарактерно изобразить въ лицѣ Марьянки какую-нибудь пылкую, отъ любви изнмвающую итальянку или чистое существо съ возвышенными, бевлодными помислами въ родѣ ж.-зандовской Savignienne, въ родѣ конфетныхъ героинь Марка-Вовчка.

Благоразуміе и чувство туземнаго приличія заставляеть Марьянку сдерживать нетерпѣніе молодого казака; она не прочь цаловаться съ нимъ, она позволяетъ ему ласкать себя и слушаетъ съ большимъ удовольствіемъ его любовныя рѣчи; она горитъ въ его объятіяхъ; но всякое рѣшительное требованіе Лукашки отклоняется настойчиво и сурово, потому что суровыя стороны жизни побѣждаютъ въ сознаніи Марьянки увлеченіе любви. Любовь хороша, но любовь все же таки роскошь: а жизнь уже показала ей, что прежде роскоши нужно еще удовлетворить многому и важному другому. Эти незабѣжныя и постоянныя условія приковываютъ ея мысль, мѣшая ей уступить скоротечной вспышкѣ, которой радости стояли бы несоразмѣрно дорого. Нѣтъ спора, что это—проза, скучная и матеріальная проза. Но въ томъ-и дѣло, что быть нашего простаго чловѣка есть сплошная проза, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому слову. Въ этомъ и заслуга писателя, что онъ не обманываетъ насъ и не сочинитъ намъ Ганусей и игрушечекъ, ясочекъ и лебедушекъ, *такихъ какъ краля*, которыя распускаютъ свои волосы на берегу озера и поютъ, ничего не дѣлая, меланхолическія пѣсни къ вѣтру буйному, къ соколику ясному, которыя влюблются въ разныхъ таинственныхъ Петро—*такихъ чернобривыхъ да хорошихъ*, вмѣстѣ съ ними плачутъ и мечтаютъ объ Аркадіи въ Бахмутскомъ уѣздѣ. Посмотрите, напротивъ, съ какою откровенною правдивостію рисуеть намъ гр. Л. Толстой нравы своихъ Ромео и Юлій даже въ моменты ихъ нѣжнѣйшихъ ворваній:

«Дай сѣмячекъ, прибавплъ онъ (Лука), протягивая руку. Марьянка совсѣмъ улыбнулась и открыла воротъ рубахи. Всѣ не бери сказала она.

«Право, все о тебѣ скучился, ей-богу, сказалъ сдержанно спокойнымъ шепотомъ Лука, доставая сѣмячки изъ-за пазухи дѣвки и еще ближе пригнувшись къ ней, сталъ шопотомъ говорить, что-то смѣясь глазами:

«— Не приду, сказано! вдругъ громко сказала Марьянка, отклонясь отъ него... и т. д.».

Это изъ самыхъ деликатныхъ сценъ; другія рѣчи и сцены еще выразительнѣе.

«Ишь, хорунжиха!» думает Луиза про свою невесту: «и не пошутить, чортъ! Дай срокъ.»

«— Вишь чортъ проклятый! испугалъ меня. Ну, пошелъ же домой» со смѣхомъ говорить въ другомъ мѣстѣ Марьянка про Луизу. Офицера Вѣлецкаго она даласть безъ всякаго смущенія и замахивается на него кулакомъ въ видѣ гостинной любезности. Юнымъ подругамъ своимъ кричить: «заперлись, черти!» Когда Оленинъ неожиданно раздаловалъ ее при всей публикѣ, она только громко захохотала. Въ жару самаго патетическаго и рѣшительнаго объясненія Оленина, предлагающаго ей всю жизнь свою, вмѣстѣ съ своею рукою, она прерываетъ его словами: «ну, что брешешь!...» и т. д. Еще характернѣе предпоследняя сцена Оленина съ Марьянкой, когда у нихъ между собою все уже улажено. Оленинъ не знаетъ, куда дѣтъ, въ чемъ выразить свое блаженство; ему хочется слышать слова любви и ласки изъ устъ дорогаго созданія; онъ вѣсколько разъ обращаетъ къ ней все тотъ же вопросъ о любви, словно размаковывая свое счастье въ этихъ праздныхъ, но такъ понятныхъ повтореньяхъ; и Марьяннѣ все это кажется до крайности страннымъ, ненужнымъ, чуть не безумнымъ. Она обдаетъ самую бабьюю, стрепухинскую прозой всѣ поэтическіе запросы своего обожателя.

Онъ ее съ трепетомъ спрашиваетъ—пойдетъ ли она за него, считая ее недостижимымъ божествомъ; а она съ недоувѣрчивостью и смелливостью мужички отвѣчаетъ: «обманешь, не возьмешь».

«— Любишь ли ты меня, скажи, ради бога?» занимаетъ ее Оленинъ.—«Отчего же тебя не любить, *ты не христой!*» отвѣчаетъ она, смѣясь.

«— Я не шучу; ты скажи, пойдешь ли? еще разъ донимывается Оленинъ.

«— Отчего же не пойти, коли батюшка отдалъ!

«— Помни же, я съума сойду, если ты меня обманешь. Завтра я скажу твоей матери и отцу, сватать придутъ.

Марьяна вдругъ расхохоталась.

«— Что ты?» — «Такъ, смѣшно... и такъ далѣе.

И никогда она не теряетъ этого хладнокровія, этой благоразумной расчетливости, ни при страстномъ шопотѣ цивилизованнаго юноши съ руками, *бѣлыми какъ каймакъ*, ни при безцеремонныхъ объятіяхъ удалца-казака, здороваго и рослаго, какъ степной конь.

«— Замужъ пойду, а глупости отъ меня никакой не дождешься, говоритъ она, не отстраняя отъ себя дерзкихъ рукъ Лукашки, и глядя ему прямо въ глаза.

Устенъка, ея подруга, болѣе поддается увлеченіямъ жизни и наставляетъ Марьяну на иной, болѣе веселый и рискованный путь:

«— Когда жь и гулять, какъ не на дѣвичьей волѣ? За казава войду—рожать стану, нужду узнаю.

«— Что жь, другимъ и замужемъ жить хорошо, все равно! спокойно отвѣчаетъ Марьянка.

Очень характерно развязались отношенія Оленина съ Марьяной: «Уидя, постылым!» было ея послѣднее слово, и угрожающій взмахъ руки — прощальный ея жестъ. Какъ дикая кобылица отгоняетъ отъ себя четвероногого любезника, безъ дальнѣйшихъ околичностей, дружнымъ ударомъ копытъ—такъ и она прогнала Оленина.

Итакъ, Марьянка гр. Тостаго является женщиною своей среды и породы, то-есть расчетливою, матеріальною, ставящею прежде всѣхъ своихъ страстей требованія благоразумія. Ей непонятно и даже невѣроятно все, что только не основывается на узкомъ простонародномъ расчетѣ. Она считаетъ глупостью, баловствомъ нѣжныя рѣчи и безразсудное нетерпѣніе своихъ любовниковъ. По нравственнымъ идеаламъ своимъ, это—*бургерша* въ самомъ обидномъ смыслѣ, который стали придавать этому слову; по формамъ, въ которыхъ проявляются ея взгляды, это—истая мужичка. И все это составляетъ достоинство ея художественнаго характера, ибо все это трижды справедливо; ибо никто изъ насъ не встрѣчалъ въ простомъ быту другихъ женщинъ, кромѣ Марьянокъ и Устенокъ. Всѣ мы слышали отъ нихъ: «ну, что брешешь»; всѣ получали любезности въ видѣ удара кулакомъ; но никто изъ насъ, надѣюсь, не натыкался въ русскихъ избахъ на Ганусь, не слышалъ разговоровъ о розовыхъ облачкахъ и желаній летѣть за птичкою, *dahin, dahin!* (*).

Нельзя не удивиться при этомъ тому рѣдкому въ нашей литературѣ чувству правды и художественности, которое удержало автора отъ малѣйшей попытки сообщать фигурѣ героини болѣе нѣжный колоритъ. Подобныя попытки обыкновенно соблазняютъ даже высоко-талантливыхъ писателей, въ родѣ Диккенса; и онѣ очень понятны. Нетрудно оставаться въ сферѣ суроваго реализма, создавая загорѣлую фигуру охотника Ерочки. Но не такъ легко поэту побѣдить враждебное ему стремленіе къ идеализаціи, къ опоэтизированію красавицы-женщины, его героини и средоточія всей его драмы. Нужно много такту и неподкупнаго творческаго чутья, чтобы съ первой страницы до послѣдней, ни разу не смягчить грубаго тона рѣчи, ни разу не дать забыть, что героиня наша—казацкая дѣвка-Марьянка, ходящая въ одной ру-

---

(* Авторъ, кажется, совсѣмъ забылъ про Катерину въ «Грозѣ» г. Островскаго. Тамъ простодушная мечтаетъ объ облакахъ, но однакожъ, она русская.
Ред.

бахъ, и собственноручно запрягающая въ арбу отцовскихъ буйволовъ. А между тѣмъ, сколько въ романѣ графа Толстаго тропинокъ и лазеекъ, въ которыя не преминули бы свернуть съ прямого пути писатели, менѣе искренніе и не столь строго воспитавшіе свои художественныя силы. Сколько поводовъ въ индивидуальныхъ картинахъ, драматическимъ эффектамъ, поэтическимъ діалогамъ, психологическимъ фантазіямъ. Графъ Толстой прошелъ между этими шхерами художественныхъ пронаведеній съ искусствомъ опытнаго и увѣреннаго въ себя лоцмана; онъ нигдѣ не измѣнилъ своей цѣли, своему пониманію. Онъ не слушаетъ плѣнительнаго голоса сиренъ, сбивающихъ съ толку слабохарактерныхъ народныхъ писателей, преимущественно писателей-женщинъ; оттого ему удалось разыграть свою тѣму до конца въ одномъ и томъ же данномъ тонѣ, безъ фальши и искусственныхъ переходовъ.

Однако, нельзя же остановиться на такой приблизительной и общей оцѣнкѣ характера Марьяны, на которой мы держимся до сихъ поръ. Нельзя же думать, чтобы подъ этими грубыми рѣзами и движеніями не отыскалось своего рода душевной нѣжности, чтобы сквозь однообразный покровъ этого обиденнаго равнодушія и спокойствія не прорѣзались иногда бѣглыми молніями человѣческія волненія, сомнѣнія и желанія. Они должны имѣть свою мужицкую физіономію, свою мужицкую одежду, но они все-таки должны быть, потому что сквозь мужицкія черты и сквозь рѣчь мужицкую — глядитъ и говоритъ человѣческая душа.

Марьянка равнодушна и благоразумна, но нельзя не замѣтить, что она гораздо выше Устенки и другихъ своихъ подругъ, болѣе живущихъ увлеченіемъ, болѣе уступающихъ желаніямъ минуты. Марьяна среди ихъ будто царица, но увѣренію автора: ей уступаютъ лучшее мѣсто и лучшихъ кавалеровъ, при ней стихаютъ безчинные разговоры; Марьяну обходитъ пьяный Ергушовъ, обнимающій всѣхъ дѣвокъ подрядъ, и даже старухъ заодно съ дѣвками; о Марьянѣ избѣгаетъ говорить съ Оленинымъ циникъ Ерошка; самъ безстрашный Лукашка нѣсколько смиряется передъ этою строгою казачкою, а Оленикъ совсѣмъ ей подчиняется.

Марьяна горда, и это—главное ея качество. Въ ея сферѣ; женщины, подобныя Устенкѣ, не могутъ имѣть значенія и вліянія. Онѣ дѣлаются же сегодня такъ завтра игрушками и рабами своихъ любовниковъ; съ ними будутъ такъ же мало церемониться, какъ съ Яшками и Дунашвами. А Марьяна не хочетъ примириться съ мыслью о своей ничтожности и безропотной покорности мужчинѣ. Она, конечно, не реформаторша, не эмансипированная дѣвица,

не имѣть теоретическихъ и ясносознанныхъ цѣлей; но у нея гордый, независимый темпераментъ, такой же, можетъ быть, какъ у кавказской кобылицы, съ которой мы уже разъ ее сравнивали. Она инстинктивно упирается противъ ярма. Она временами чувствуетъ къ Лукашкѣ что-то отталкивающее, какъ къ будущему господину своему, и ревниво старается отстаивать свою свободу, пока она еще въ ея рукахъ. Она всячески даетъ ему чувствовать свою независимость и оскорбляется внутренно его требовательнымъ тономъ. Конечно, къ этимъ чувствамъ тѣсно примѣшиваются и другія, противоположныхъ свойствъ; она въ то же время любитъ его и желаетъ его. Безъ этого сплетенія разнообразныхъ мотивовъ, разнообразныхъ качествъ, могла ли быть достигнута жизненность изображенія? Зная, что разъ поддавшись мужчинѣ, она будетъ его вещью, Марьяна сурово отбивается отъ просьбъ Лукашки, хотя не видитъ ничего предосудительнаго и опаснаго для себя въ его ласкахъ. Можно ли обвинить ее, что она такъ мало страстна, такъ дешево цѣнить ласки и клятвы мужчинъ, какъ будто жизнь приучала ее къ нѣжности, къ любовной болтовнѣ, къ духовному наслажденію своимъ чувствомъ? Какъ будто кромѣ объятій, лаванья за сѣмечками и ночнаго стука въ окно, она могла бы чего-нибудь дожидаться отъ любовниковъ казацкой станицы? Замужество представляется ей, какъ и Устенкѣ, временемъ нужды; она должна будетъ рожать дѣтей, печь мужу хлѣбы, цѣдить чихирь. Чтò же настроить ее на соловьиныя пѣсни, на неземное томленье? Надо быть пустой и необдуманной дѣвчонкой въ родѣ Устенки, чтобы для какого-нибудь часа физическихъ наслажденій забыть все остальное. Марьяна умна, горда и мужичка; поэтому не можетъ быть особенно страстною и особенно нѣжною. Она слишкомъ хорошо, хотя инстинктивно понимаетъ, какъ мало заслуживаютъ страсти и нѣжности тѣ отношенія, къ которымъ ее приучили, и которыя ей сулятъ впереди. Конечно, она была бы другою, родившись не въ станицѣ на берегу Терека дочерью хорунжаго, а на берегахъ Невы, гдѣ издаются журналы и воспитываются въ институтахъ. Но какъ казачка Марьянка, какъ хорунжиха, она должна быть именно такою и никакою другою.

Замѣчательно, что вниманіе Оленина очень скоро отдалаетъ Марьяну отъ Лукашки. Сначала это можетъ показаться грубымъ и матеріальнымъ до безобразія. Оленинъ богатъ, у него цѣлая хата вещей, у его отца есть холопы, и Марьяна безъ дальнихъ думъ мѣняетъ на него своего давнишняго жениха-пролетарія. «А Лукашку куда дѣнемъ?» грубо спрашиваетъ она во время сватовства Оленина. И между тѣмъ авторъ нигдѣ не даетъ намъ за-

мѣтять, чтобы она разлюбила Луку: черезъ это, подозрѣніе въ бездушномъ расчетѣ, руководимомъ ея выборомъ, повидимому получаетъ серьезное основаніе. Но ми не хотимъ смотрѣть такъ близоруко на дѣло. Намъ кажется особенно тонкимъ и мастерскимъ, этотъ особенно трудный для изображенія переходъ чувствъ Марьяны отъ Лукашки къ Оленину, эта едва очеркнутая; въ нѣсколькихъ намѣкахъ прорывающаяся, внутренняя борьба молодой казачки. Луку она любитъ и считаетъ женихомъ попрежнему; съ нимъ ей легче и понятнѣе; будущая связь съ нимъ гораздо для нея достовѣрнѣе. Но въ то же время она незамѣтно привязывается къ Оленину. Ее манитъ къ нему именно то, чего она отроду не видѣла у казаковъ и отъ казаковъ, что-то нѣжное, тихое, подчиняющееся, и вмѣстѣ барское, благородное. Она, конечно, ничего этого ясно не различаетъ и подчиняется какому-то таинственному, необъяснимому для нея влеченію. Она чувствуетъ, что Оленинъ *что-то не то*, что-то высшее и лучшее, хотя и не такая пара ей, какъ Лукашка. Ее чаруютъ и интересуютъ противъ воли его странныя, ласковыя и слезныя рѣчи, къ которымъ она совершенно не привыкла.

«Марьяна привстала и задумчиво улыбнулась.

«— Что онъ мнѣ разъ сказалъ, постоялецъ-то, проговорила она, перекусывая травинку. Говорить: я бы хотѣлъ казакомъ Лукашкой быть, или твоимъ братишкой Лазуткой. Къ чему это онъ сказалъ?

«— А такъ вретъ, что на умъ взбрело, отвѣчала Устенъка. Мой чего не говорить! Точно порченный...

Устенъка неспособна пойти далѣе этого объясненія; но Марьяна, при всей грубости и дикости своей, истиннымъ оцѣниваетъ значеніе этого вранья. Нѣжность рѣчи, такъ же какъ и нѣжность тѣла, преимущественно поражаютъ ее, исполненную крѣпкихъ и грубыхъ силъ, привыкшую кругомъ себя видѣть только крѣпость и грубость.

«Марьяна смѣясь сжимала въ своихъ жесткихъ рукахъ его руки.

«— Какія у тебя руки бѣѣ—лыя, бѣѣ—лыя, мягкія какъ ваймакъ, сказала она.

Послѣ благоговѣйнаго и деликатнаго обращенія съ нею Оленина, для ея гордости должно было особенно неприятно переносить неуважлія и неуважительныя любезности Лукашки. Разница была слишкомъ ощутительна. Какое сравненіе съ одной стороны между стыдливими намеками и тонкимъ постояннымъ вниманіемъ Оленина, его тихою и складною рѣчью и его скромною жизнью; а съ другой стороны публичнымъ и наглымъ приставаніемъ Лукашки, его пьяными приступами къ окну, его ругатель-

ствами и угрозами. Женщина сильнаго характера, гордая и независимая, безъ всякаго сомнѣнія, должна была болѣе тронуться тою привязанностью, гдѣ по ней страдаютъ, гдѣ ее молятъ, гдѣ ей служить какъ дарицѣ. Посмотрите, какъ быстро раздражаютъ Марьяну рѣзкія выходы Лукашки послѣ сближенія ея съ Оленинымъ. Она уже не пускаетъ его за воротъ рубашки, не чмокается съ нимъ на всю улицу.

Лукашка возвращается съ кордона и, въ порывѣ казацкой веселости, наѣзжаетъ конемъ на дѣвокъ.

«— Что лошадыю топчешь-то? сказала она сухо и отвернулась.

И потомъ черезъ нѣсколько строкъ:

«— Ну тебя совсѣмъ, ноги отдавишь!»

Она не позволила поцаловать себя и перемѣнила мѣсто. Лукашка, ничего не подозревая, то и дѣло оскорбляетъ ея чувство независимости и пробудившуюся въ ней потребность деликатности.

«— Эхъ дѣвка, худо будетъ, укоризненно сказалъ Лукашка, остановившись и качая головою. *Будеши плакать отъ меня!* и отвернувшись крикнулъ на дѣвокъ: играй, что-ли! Марьяну какъ будто испугало и разсердило то, что онъ сказалъ. Она остановилась. «Что худо будетъ? — А то.—А что? — А то, что съ постояльцемъ солдатомъ гуляешь, за то и меня разлюбила.

«— Захотѣла—разлюбила. Ты мнѣ не отецъ и не мать. Чего хочешь? Кого захочу, того и люблю.»

Эта сцена особенно характерна для уясненія тѣхъ внутреннихъ мотивовъ Марьяны, о которыхъ мы говоримъ. Въ отношеніяхъ своихъ къ Оленину, она точно такъ же явственно проявляетъ эти мотивы. Когда ей кажется, что Оленинъ поступаетъ насильно, противъ воли ея, она мгновенно дѣлается рѣзкою и жесткою; какъ только замѣчаетъ его робость, покорность и раскаяніе—она вдругъ разомъ смягчается и перемѣняетъ тонъ. Потому уже она убѣждается въ его душевной деликатности и обращается съ нимъ совершенно довѣрчиво, хотя грубитъ на словахъ. На вечеринкѣ у Устенки, Оленинъ неожиданно хочетъ поцаловать Марьяну, но она вырывается, сталкивается съ ногъ Бѣлецкаго, со стола крышку.

«— За что же ты Бѣлецкаго поцаловала, а меня не хочешь? спросилъ Оленинъ.—А такъ, не хочу, и все, отвѣчала она, вздергивая нижнюю губою и бровью.

Ихъ заперли вдвоемъ почти насильно. Оленинъ попробовалъ приблизиться къ ней, «но она нахмурилась и строго отвела его отъ себя рукою». Когда же сконфуженный Оленинъ сталъ кричать, чтобы отворили, она сейчасъ замѣтила, какъ мало было въ немъ склонности къ насилію и грубости.

«Марьяна опять засмѣялась своимъ свѣтлымъ, счастливымъ смѣхомъ:

«— Ай боишься меня? сказала она.

«— Да вѣдь ты такая же сердитая, какъ мать.

«— А ты бы больше съ Ерешкой сидѣлъ, такъ тебя дѣвки за это и любить бы стали.—И она улыбалась, глядя прямо и близко въ его глаза.

Для нея самой привлекательное въ Оленинѣ было то, что онъ могъ бояться ее, что она для него много значила. Ясно, что на этомъ сознании и укоренились ея первыя симпатіи къ юнкеру. Въ Лукашкѣ же, наоборотъ, самое отталкивающее для нея было то, что онъ не боялся, ее, недостаточно уважалъ и искалъ.

Но между тѣмъ старая привязанность къ Лукашкѣ не вымерла въ ней; ей казалось почти невозможнымъ стать женою барина и русскаго; она не чувствовала ни малѣйшей органической связи между собою и имъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Ихъ образованіе, привычки, вѣрованія, обстановка, родня, языкъ— все было слишкомъ непохоже одно на другое. Уступая частью благоразумному расчету, частью зародившейся симпатіи къ невѣдомымъ дотолѣ качествамъ образованнаго человѣка, она соглашалась одно время стать женою Оленина. Но Луку она словно не хотѣла забыть. Когда Оленинъ случайно упомянулъ про гулбу Лукашки, Марьяна вспыхнула, какъ отъ кровной обиды.

«Большіе черные глаза блестя на него строго и недружелюбно. Ему стало совѣстно за то, что онъ сказалъ.

«— Что жъ, онъ никому худа не дѣлаетъ, вдругъ сказала Марьяна:—на свои деньги гуляетъ, и, спустивъ ноги, она соскочила съ печи и вышла, сильно хлопнувъ дверью.

А между тѣмъ она уже хорошо знала чувство Оленина къ ней. Наконецъ страшный случай, на который никто не рассчитывалъ, смертельная рана Лукашки и гибель казаковъ, разомъ отрезвили Марьяну. Казацкая натура ея сказалась явственно и несомнѣнно. Она ощутила свое органическое родство съ казакомъ и свое безконечное отдаленіе отъ пришельца.

Трагическое происшествіе подавило капризные и роскошныя чувства, мало по малу проросшія въ сердцѣ Марьянки, и вызвало на сцену опять однѣ суровыя и трагическія стороны духа. Оленинъ нашелъ ее въ слезахъ, угрюмую.

«— О чемъ ты, что ты?

«— Что? повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ:—казаковъ перебили, вотъ что!

«— Лукашку? спросилъ Оленинъ.

«— Уйди, чего тебѣ надо...

«— Марьяна, сказалъ Оленинъ, подходя къ ней.

«— Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

«— Марьяна, не говори, умолялъ Оленинъ.

«— Уйди постылый! крикнула дѣвка, топнувъ ногою и угрожающе придвинулась къ нему. И такое отвращеніе, презрѣніе и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться... и т. д.

Она словно захотѣла отомстить ему въ эту тяжелую минуту за свою собственную слабость, за невольную измѣну своему жениху казаку, умирающему теперь эту ранъ.

Е. МАРКОВЪ.

Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

XI.

СЕРДЕЧНЫЯ ДѢЛА.

Маленькая миссъ Пичеръ изъ своего официальнаго жилища, съ маленькими окошками, на подобіе игольнаго ушка, и маленькими дверями, на подобіе переплетовъ школьныхъ книгъ, очень зорко наблюдала за предметомъ своей пламенной привязанности. Любовь хотя и называютъ слѣпою, но это—самый лучший, самый вѣрный часовой, и миссъ Пичеръ караулила и днемъ и ночью мистера Брайда Гедстона. Не то, чтобъ она по природѣ была склонна къ шпионничанью; не то, чтобъ она была низкая интригантка—нѣтъ, она просто любила бездушнаго Брайда всею первобытною, мощною силою любви, которая еще никогда не была подвергнута испытанію, никогда еще не была взвѣшена, или опредѣлена. Еслибъ ея любимая грифельная доска имѣла свойство симпатической бумаги, а грифель—невидимыхъ чернилъ, то какъ часто случалось бы, что на урокѣ, посреди арифметической задачи, передъ взорами маленькихъ ученицъ вдругъ проглянули бы такія слова и фразы, которыя поставили бы ихъ въ тупицѣ, ибо не разъ въ свободное время миссъ Пичеръ повѣряла своей вѣрной доскѣ самыя задушевныя мысли, не разъ описывала фантастическую сцену, какъ однажды въ прекрасный лѣтній вечеръ въ общественномъ саду гуляли двѣ таинственныя фигуры: одна—мужская, другая—женская, маленькая, полная, и мужская фигура, нагибалась близко-близко къ женской, шептала ей на ухо: «Эмма Пичеръ, хочешь быть моею?» Въ отвѣтъ на что женская фигура молча склонялась головой на плечо мужчины и въ ту же секунду нѣжныя трели соловья раздавались въ благоуханномъ воздухѣ. Невидимый, неподозрѣваемый инкѣмъ изъ ученицъ, Брайда Гедстонъ даже во время класса наполнял со-

бою всѣ уроки. Учили ли географию — онъ торжественно вылетать изъ огнеднаго жерла Везувія и Этны, безвредно опускался въ кипящія воды Гейзера и величественно плыть по Гангу и Нилу. Говорилось ли въ исторіи о какомъ нибудь царѣ, о какомъ нибудь повелителѣ — онъ тотчасъ являлся въ своихъ сѣрыхъ съ искрою панталонахъ и часовой цѣпочкой вокругъ шеи. Писалась ли каллиграфія — буквы *B* и *G* являлись всегда чудовищно большими въ сравненіи съ другими. Арифметическія же задачи, которыя миссъ Пичеръ задавала ученицамъ, болѣею частію заключались въ составленіи баснословнаго гардероба Брэдлея Гедстону: восемьдесятъ-восемь галстуховъ по два шиллинга девять пенсовъ штука, семьдесятъ-четыре шляпы по восемнадцати шиллинговъ, двадцать-четыре дюжины серебряныхъ часовъ по четыре фунта, пятнадцать шиллинговъ и шести пенсовъ, и тому подобныя предметы роскоши.

Вѣрный, бдительный часовой, потерявшій ни на минуту Брэдлея Гедстона изъ виду, вскорѣ шепнулъ миссъ Пичеръ, что Брэдлей былъ болѣе обыкновеннаго озабоченъ и чаще теперь ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ съ понижшею головою, серьезно что-то обдумывая — что-то, очевидно некасавшееся до школьныхъ уроковъ. Соображая все — и его теперешнее взволнованное состояніе, и его близкія отношенія къ Чарли Гексаму, и его посѣщеніе сестры Гексама — бдительный стражъ шепнулъ на ухо миссъ Пичеръ, что онъ сильно подозрѣваетъ, не молодая ли дѣвушка причиною этой перемѣны.

— Что бы это за существо была сестра Гексама? замѣтила однажды миссъ Пичеръ, составляя свой недѣльный отчетъ.

Мери-Анна, сидѣвшая подлѣ съ своей работой, тотчасъ подняла руку.

— Ну, что, Мери-Анна?

— Ее зовутъ Лизи, сударыня.

— Я не думаю, чтобъ ее могли звать Лизи, отвѣчала правдоучительнымъ тономъ миссъ Пичеръ: — есть такое христіанское имя, Мери-Анна?

Мери-Анна положила на столъ работу, заложила руки на спину, какъ на экзаменѣ, и отвѣчала:

— Нѣтъ, это производное, уменьшительное имя, миссъ Пичеръ.

— Кто далъ ей это имя? начала миссъ Пичеръ по привычкѣ, но предчувствуя, что Мери-Анна тотчасъ назоветъ крестнаго отца и мать, она въ время остановилась и спокойно прибавила: — то-есть я хочу сказать, отъ какаго имени оно производное?

— Отъ Елисаветы или Елавыи, миссъ Пичеръ.

— Хорошо, Мери-Анна. Были ли въ первобытной христіанской церкви какія-нибудь Лизи—сомнительно, очень сомнительно. Потому, выражаясь правильно, мы говоримъ, что сестру Гексама прозываютъ, а не зовутъ—Лизи. Не такъ ли, Мери-Анна?

— Точно такъ, миссъ Пичеръ.

— А гдѣ, продолжала миссъ Пичеръ, утѣшая себя мыслью, что она дѣлаетъ этотъ маленькій экзаменъ для пользы Мери-Анны, а не для удовлетворенія собственнаго любопытства:—гдѣ живетъ эта молодая дѣвушка, прозываемая, но не называемая Лизи? Подумай хорошенъко, прежде чѣмъ отвѣчать.

— Въ Чурч-Стритѣ, на смитскомъ скверѣ, близъ Милъбанка, сударыня.

— Въ Чурч-Стритѣ, на смитскомъ скверѣ, близъ Милъбанка, медленно повторила миссъ Пичеръ, словно записывая въ свою памятную книжку:—такъ, такъ. А чѣмъ занимается эта молодая дѣвушка? Не торопись отвѣчать, Мери-Анна.

— Она занимаетъ мѣсто въ магазинѣ готоваго платья въ Сити, сударыня.

— О! глубокомысленно замѣтила миссъ Пичеръ:—въ магазинѣ готоваго платья въ Сити. Да.

— И Чарли... то-есть я хочу сказать Гексамъ, поправилась Мери-Анна, замѣтивъ удивленный взглядъ миссъ Пичеръ.

— Я думаю, Мери-Анна и очень рада, что ты хотѣла такъ сказать. Ну, Гексамъ...?

— Говорить, продолжала Мери-Анна: — что онъ недоволенъ своей сестрой, ибо она не хочетъ слушать его совѣтовъ, а дѣлаетъ то, что ей говорятъ другіе, и...

— Мистеръ Гедстонъ идетъ по саду, воскликнула миссъ Пичеръ, быстро взглянувъ въ зеркало: — ты очень хорошо отвѣчала, Мери-Анна, ты взяла похвальную привычку ясно располагать свои мысли. — Теперь довольно.

Мери-Анна снова принялась за шитье. Черезъ нѣсколько минутъ, въ комнатѣ показалась тѣнь учителя, а тотчасъ вслѣдъ за нею и онъ самъ.

— Добраго вечера, миссъ Пичеръ, сказалъ онъ.

— Добраго вечера, мистеръ Гедстонъ. — Мери-Анна, подай стулъ.

— Благодарствуйте, отвѣчалъ Брайлей, садясь: я только на минуту завернулъ по дорогѣ къ вамъ. У меня есть до васъ просьба.

— По дорогѣ? вы, кажется, сказали такъ, мистеръ Гедстонъ? спросила миссъ Пичеръ.

— Да, по дорогѣ... куда я иду.

— Чуръ-Стритъ, на смитскомъ сквэрѣ, близъ Мильбанка — произнесла мысленно миссъ Пичеръ.

— Чарль Гексамъ пошелъ покупать какия-то книги, и вѣроятно, воротится врежде меня; такъ-какъ въ домѣ никого не остается, то я сказалъ ему, что отдамъ ключъ вамъ. — Позвольте мнѣ исполнить мое обѣщаніе, если это васъ не стѣснитъ, миссъ Пичеръ.

— Ни мало, сдѣлайте одолженіе, мистеръ Гедстонъ. Вы идете погулять, сэръ?

— Частью погулять, и частью за дѣломъ.

— Дѣло то въ Чурч-Стритѣ, на смитскомъ сквэрѣ, близъ Мильбанка, повторила мысленно миссъ Пичеръ.

— Съ этимъ прощайте, сказалъ Брайлей, положивъ ключъ на столъ: — мнѣ пора ужъ идти. Нѣтъ ли у васъ какого порученія, миссъ Пичеръ?

— Благодарствуйте; а вы въ какую сторону идете, мистеръ Гедстонъ?

— Къ Вестминстеру.

«То-есть къ Мильбанку», подумала миссъ Пичеръ, и отвѣчала вслухъ:

— Нѣтъ, благодарствуйте, а васъ не хочу беспокоить.

— Помилуйте, вы меня ни мало не обезпечите.

— Но ты меня можешь беспокоить, произнесла со вздохомъ миссъ Пичеръ, но, конечно, не вслухъ.

Несмотря на ея наружное спокойствіе и улыбку, сердце ея тревожно билось отъ волненія.

Она была совершенно права относительно цѣли, куда стремился Брайлей Гедстонъ. Онъ направился прямо къ дому кукольной швен, то-есть на столько прямо, на сколько ему позволялъ разумъ нашихъ предковъ, выразившійся въ постройкѣ кривыхъ, поперечныхъ улицъ. Онъ шелъ все время съ опущенной головою, думая, раздумывая все объ одномъ и томъ же предметѣ. Одна идея наполняла, поглощала весь его умъ съ той самой минутой, когда онъ увидѣлъ ее впервые. Ему казалось, что все, что онъ могъ въ себѣ побороть — онъ поборолъ, все что могъ сдерживать — сдерживалъ, но пришла минута страшнаго, бурнаго, непреодолимаго влеченія, когда всякая мысль о самообладаніи исчезла. Любовь, съ перваго взгляда — избитое общее мѣсто, о которомъ достаточно судили и редили; скажемъ только, что въ нѣкоторыхъ нерѣшительныхъ, слабыхъ натурахъ, страсть вдругъ загорается неудержимымъ пламенемъ, какъ пожаръ при сильномъ вѣтрѣ. Всѣ другія страсти подобная натура сдержитъ, скуетъ цѣпами, но любовь съ перваго взгляда сильнѣе, могущественнѣе всѣхъ

преградъ. Какъ толпа подражателей, неимѣющихъ ни одной собственной мысли, которые тихо, спокойно себѣ живутъ, ноа вдругъ не взбѣсятся отъ какой-нибудь глупой чужой идеи, обыкновенно въ настоящее время, проявляющейся въ поклоненіи кому-нибудь за чтонибудь, никогда имъ несдѣланное, или если сдѣланное, то кѣмънибудь другимъ — такъ и эти болѣе возмуженныя, хотя такія же слабыя натуры мирно прозябають цѣлыя годы, пока вдругъ не загорится въ нихъ пламя страсти.

Учитель шелъ своей дорогой, и все думалъ-думалъ, и наконецъ, на его лицѣ можно было прочесть, что въ роковой борьбѣ, происходящей въ немъ, онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Дѣйствительно, его гордость страдала, что онъ побѣжденъ своей страстью къ сестрѣ Чарли Гексама, хотя въ эту самую минуту онъ сосредоточивалъ всѣ свои умственные способности на одномъ предметѣ — какъ увѣнчать успѣхомъ эту страсть.

Отворивъ дверь скромнаго жилища кукольной швен, онъ очутился съ нею лицомъ къ лицу. Она была одна въ комнатѣ, и, какъ всегда, сидѣла за работою.

— Ага! это вы, произнесла она, съ своею обычною колкостью: — я знаю всѣ ваши штуки, любезнѣйшій!

— Сестра Гексама еще не воротилась? спросилъ Гедстонъ.

— Вы просто водунъ, отвѣчала миссъ Рень: — вонъ чтѣ догадались.

— Я подожду, если позволите, ибо я очень желаю съ нею переговорить.

— Неужели? Садитесь. Я надѣюсь, что и она также этого желаетъ.

Брадей подозрительно взглянулъ на плутовское лицо дѣвочки, снова наклонившейся къ работѣ.

— Я надѣюсь, что вы не хотите этимъ связать, что мое посѣщеніе будетъ въ тягость сестрѣ Гексама? произнесъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Ну, опять. Пожалуйста, не называйте ее такъ. Я терпѣть не могу, когда вы ее такъ зовете, воскликнула миссъ Рень, хлопая пальцами объ столъ: — потому что, потому что я не люблю Гексама.

— Будто?

— Да, не люблю, и миссъ Рень сдѣлала гримасу: — онъ такой себялюбивый, думаетъ только о себѣ. Да всѣ вы такіе.

— Всѣ мы? Такъ вы и меня не любите?

— Ну, ну, я васъ-то немного и знаю, отвѣчала миссъ Рень, со смѣхомъ, качая головою.

— Я, право, не думаю, чтобъ мы всѣ были себялюбивы, продолжалъ Брайлей, нѣсколько обиженнымъ тономъ: — скажите скорѣе, нѣкоторые изъ насъ.

— Разумѣя подъ этимъ всѣ, за исключеніемъ васъ. Ха, ха, ха! Вотъ, посмотрите-ка на эту барыню. Это—госпожа Правда. Почтенная госпожа — въ полномъ парадѣ.

Брайлей взглянулъ на куклу, которую дѣвочка ему показывала, не переставая дошивать ея платье.

— Я ставлю почтенную госпожу Правду въ этотъ уголокъ, на скамейкѣ, такъ чтобъ ея голубые глаза прямо смотрѣли на васъ, продолжала миссъ Ренъ, поднимая куклу изъ лежачаго ея положенія: — и я вызываю васъ при этомъ свидѣлѣ сказать, зачѣмъ вы сюда пришли.

— Чтобъ переговорить съ сестрою Гексама.

— Такъ ли? Но о чемъ? О комъ?

— О ней самой!

— О, госпожа Правда! Слышишь, что онъ говоритъ!

— Я пришелъ, чтобъ поговорить съ нею о ней самой, сказалъ Брайлей, съ видимымъ неудовольствіемъ.

— О, госпожа Правда! воскликнула кукольная швея.

— Я пришелъ ради ея и ради ея брата, какъ человѣкъ совершенно непричастный къ дѣлу, значить вполне безпристрастный, продолжалъ съ жаромъ Брайлей.

— Ну, госпожа Правда, замѣтила миссъ Ренъ: — коли такъ, то ужъ придется васъ повернуть лицомъ къ стѣнѣ.

Не успѣла она еще этого сдѣлать, какъ въ комнату вошла Лизи, и остановившись на порогѣ, съ удивленіемъ смотрѣла на неожиданнаго гостя, на Джени, грозившаго ему пальцемъ, и на почтенную госпожу Правду, обернутую лицомъ къ стѣнѣ.

— Вотъ честь имѣю представить, Лизи, совершенно безпристрастнаго человѣка, воскликнула миссъ Ренъ: — онъ пришелъ поговорить съ тобою ради тебя самой и твоего брата. Подумай только, какъ это важно, и я полагаю, что при такой торжественной, серьезной, могу сказать, добродѣтельной бесѣдѣ, третье лицо — совершенно лишнее, потому, если ты уведешь наверхъ это третье лицо, то оно согласно лишитъ васъ на время своего драгоцѣннаго общества.

Лизи взяла руку, протянутую ей кукольной швей, но не думала ее поднимать, а молча улыбнулась.

— Третье лицо, снова начала миссъ Ренъ: — страшно коверкается, когда его оставляютъ ходить одного, и потому оно не можетъ граціозно сойти со сцены безъ твоей помощи, милая Лизи.

— Такъ лучше всего пускай оно остается на своемъ мѣстѣ,

отвѣчала Лизи, глядя по головкѣ кукольную швею.—А вы, сэръ, отъ Чарли? сказала она, обращаясь въ мистру Гедстону.

Брадей подаль прежде Лизи стулъ, а потомъ произнесъ, нерѣшительно, видимо борясь самъ съ собою:

— Строго говоря, я пришелъ отъ Чарли, ибо только что разстался съ нимъ; но онъ не просилъ меня объ этомъ. Я пришелъ по собственному моему желанію.

Миссъ Ревъ, облокотившись на скамейку и поддерживая руками подбородокъ, пристально смотрѣла на Брадея. Лизи также не спускала съ него глазъ, хотя съ совершенно инымъ выраженіемъ лица.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Брадей, едва выговаривая слова, такъ пересохло у него во рту, что придавало ему еще болѣе странный, нерѣшительный видъ: — дѣло въ томъ, что Чарли, не имѣя никакихъ секретовъ отъ меня (то-есть на сколько я знаю), рассказалъ мнѣ все.

Онъ остановился, и Лизи очень спокойно спросила:

— Что же онъ вамъ рассказаль, сэръ?

— Я думаль, продолжалъ Брадей, нерѣшительно взглянувъ на нее, но тотчасъ опуская глаза: — я думаль, что излишне, даже дерзко было бы съ моей стороны выразиться опредѣлительнѣе. Я намекаль на то обстоятельство, что вы отвергли планъ вашего брата касательно вашего образованія, и отдали предпочтеніе совѣту мистера... вѣжета, его зовутъ мистеромъ Юджинномъ Вребурномъ?

Онъ значительно остановился на послѣднемъ словѣ, и хотѣлъ было опять взглянуть на Лизи, но снова поспѣшно опустилъ глаза. Лизи ничего не отвѣчала, и ему пришлось продолжать. Его смущеніе съ каждой минутой все болѣе и болѣе увеличивалось.

— Вашъ братъ сообщилъ мнѣ свои планы, когда онъ только ихъ еще задумаль. Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ именно въ тотъ вечеръ, въ который мы были здѣсь, на обратномъ пути, когда я... когда я находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня его сестрою.

Тутъ кукольная швея, быть можетъ, и безъ всякой задней мысли, сняла одну руку со скамейки и обернула почтенную госпожу Правду лицомъ къ присутствующимъ. Сдѣлавъ это, она снова приняла свою прежнюю позу.

— Я вполне одобрилъ его мысль, сказалъ Брадей, устремивъ безпокойный взглядъ на куклу: — потому что, во первыхъ, вашъ братъ, по моему, долженъ имѣть инициативу въ этомъ дѣлѣ, а во вторыхъ, я надѣялся самъ способствовать успѣху этого дѣла. Я бы почелъ себя очень счастливымъ, еслибы былъ въ состоя-

ни чѣмъ нибудь помочь. Поэтому я долженъ сознаться, что когда вашъ братъ былъ обманутъ въ своей надеждѣ, я точно такъ же обманулся. Я не хочу ничего скрывать, и потому говорю прямо, откровенно.

Онъ, кажется, теперь немного приободрился, вѣроятно удивляясь своей собственной смѣлости. Во всякомъ случаѣ онъ теперь сталъ говорить съ большою рѣшимостью и жаромъ, хотя стиснулъ зубы и правою рукою билъ по ладони лѣвой, подобно человѣку, который не хочетъ закричать отъ очень сильной физической боли.

— Я умѣю чувствовать, и потому меня это разочарованіе очень огорчило. Да, очень огорчило. Я не выказываю своихъ чувствъ, ибо многіе изъ насъ часто обязаны скрывать, преодолевать свои чувства — да, свои чувства. Но возвратимся къ вашему брату. Онъ такъ близко принялъ къ сердцу это дѣло, что объяснялся (при мнѣ) съ мистеромъ Юджиномъ Вребурномъ, если его дѣйствительно такъ зовутъ. Но всѣ его слова были напрасны, какъ легко себѣ представить всякій человѣкъ, неослѣпленный насчетъ мистера... мистера Юджина Вребурна.

Онъ теперь снова взглянулъ на Лизи, и уже не опустилъ глазъ; лицо его, пылавшее румянцемъ, поблѣднѣло, какъ полотно, потомъ снова побагровѣло, и наконецъ опять поблѣднѣло, посѣрѣло, какъ у мертвеца.

— Послѣ всего этого я рѣшился прийти къ вамъ одинъ и поговорить съ вами серьезно. Я рѣшился просить васъ, чтобъ вы остановились на избранномъ вами пути, и вмѣсто того, чтобъ слушаться какого-то чужого, неизвѣстнаго человѣка, который обошелся самымъ дерзкимъ образомъ съ вашимъ братомъ... и другими людьми—вы бы довѣрились вполне вашему брату и чѣго другу.

Лизи Гексамъ поблѣднѣла немного, увидѣвъ странныя перемены въ лицѣ Брэдлея; въ ея чертахъ можно было ясно прочесть гнѣвъ, презрѣніе, даже страхъ, но она все же отвѣчала очень рѣшительнымъ тономъ:

— Я не сомнѣваюсь, мистеръ Гедстонъ, что вы посѣтили меня съ добрымъ намѣреніемъ. Вы такъ дружны съ Чарли, что я не имѣю никакого права въ этомъ сомнѣваться. Я могу только отвѣчать Чарли, что я приняла помощь и совѣтъ, противъ которыхъ онъ такъ возражаетъ, прежде, чѣмъ онъ имѣлъ какіе нибудь планы на счетъ меня, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ они были извѣстны мнѣ. Помощь, которую я приняла, была мнѣ предложена такъ любезно и деликатно, что я не видѣла причинъ отказаться, и потомъ были еще побудительныя причины, которыя очень важны для меня и должны бы столько же значить и

для Чарли. Богѣ я ничего не имѣю сказать Чарли объ этомъ предметѣ.

Губы мистера Гедстона задрожали, и полуоткрылись отъ удивленія, при этихъ словахъ, обращенныхъ только къ Чарли, какъ будто его, Брайда Гедстона, вовсе тутъ не было.

— Я бы сказала Чарли, еслибъ онъ самъ пришелъ ко мнѣ, продолжала Лизи:—что мы съ Дженн находимъ свою учительницу очень искусной и терпѣливой. Она очень старается насъ поскорѣе подвинуть, такъ что мы уже высказали ей свою надежду скорѣе прекратить уроки и продолжать однимъ. Чарли очень заботится объ учителяхъ, и я бы могла его успокоить, что наша учительница принадлежитъ институту, гдѣ ихъ спеціально приготавливаютъ.

— Я бы желала васъ спросить, началъ Брайде Гедстонъ, съ трудомъ отчеканивая каждое слово:—я бы желалъ васъ спросить, если вы не сочтете это за дерзость, имѣли ли бы вы что нибудь противъ... нѣтъ, я лучше скажу, если вы мнѣ позволите, что я очень жалѣю, что лишены возможности приходить сюда съ вашимъ братомъ и посвятить на вашу пользу мои скромныя знанія и опытность.

— Благодарствуйте, мистеръ Гедстонъ.

— Но я боюсь—продолжалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, мрачно смотря на ея опущенные глаза и злобно схватившись одной рукою за стулъ, словно желая его сломать на мелкія части:—что мои скромныя услуги не были бы вамъ по вкусу.

Лизи ничего не отвѣчала, и несчастный снова молчалъ нѣсколько минутъ, терзаемый внутренней борьбой съ своей роковой страстью. Наконецъ, онъ вынулъ платокъ, обтеръ себѣ лицо, и руки, на которыхъ выступилъ холодный потъ, и снова началъ:

— Позвольте мнѣ еще прибавить слово, но обратите на это все-го болѣе вниманія. Есть причина, обстоятельство и, такъ-сказать, личное отношеніе, которое еще вамъ неизвѣстно, которое еще вамъ не высказано. Можетъ быть, я не говорю навѣрно, но можетъ быть вы переимѣните свое мнѣніе, когда узнаете, въ чемъ дѣло. При теперешнихъ обстоятельствахъ объяснить вамъ этой причины невозможно. Будьте такъ добры, согласитесь, что этимъ кончить нельзя, что нужно еще поговорить объ этомъ предметѣ.

— Съ Чарли?

— Ну... да, отвѣчалъ Брайде, совсѣмъ растерявшись:—и съ нимъ также. Будьте такъ добры, согласитесь, что прежде чѣмъ совсѣмъ покончить съ этимъ дѣломъ, надо поговорить о немъ еще разъ при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ.

— Я васъ не понимаю, мистеръ Гедстонъ, отвѣчала Лизи, качая головою.

— Поймите теперь только одно, что я прошу позволенія представить вамъ все дѣло вполнѣ въ другой разъ.

— Какое дѣло, мистеръ Гедстонъ? Чего же недостаетъ?

— Вы узнаете все это въ слѣдующій разъ, сказалъ онъ, и потому прибавилъ, какъ-бы въ припадкѣ отчаянiя:—я... я ничего не досказалъ. Я не знаю, что со мною дѣлается! Прощайте, вдругъ воскликнулъ онъ самымъ жалобнымъ голосомъ, словно прося о пощадѣ.

Онъ протянулъ руку, и когда Лизи съ видимымъ колебанiемъ, чтобъ не сказать, съ отвращенiемъ, дотронулась до нея, онъ весь дико задрожалъ и блѣдное его лицо исказилось самыми жестокими страданiями. Черезъ секунду его уже не было въ комнатѣ.

Во все это время кукольная швея сидѣла все въ той же позѣ и пристально смотрѣла на дверь, въ которую вышелъ Брайлей, пока Лизи не отодвинула скамейку и не сѣла рядомъ съ нею. Тогда, устремивъ свои глаза точно такъ же на Лизи какъ прежде на Брайлей и дверь, миссъ Рентъ щелкнула языкомъ и прислонилась къ спинкѣ своего кресла.

— Гм! промолвила она:—если онъ, то-есть тотъ, кто станетъ ухаживать за мною, когда придетъ для этого время, будетъ походить на этого человѣка, то пускай онъ лучше и не старается. Онъ не годится вовсе для меня, его нельзя посылать за коммисiями и вообще держать для побѣгушекъ. Онъ, пожалуй, вдругъ посреди какого-нибудь дѣла вспыхнулъ бы и сгорѣлъ.

— Такъ ты отъ него избавилась бы — вотъ и все, замѣтила Лизи.

— Нѣтъ, въ томъ-то и бѣда. Онъ не сгорѣлъ бы одинъ, онъ и меня бы съ собою увлекъ. Я знаю всѣ его штуки.

— Что жъ ты думаешь, онъ бы хотѣлъ тебѣ сдѣлать что-нибудь неприятное? спросила Лизи.

— Нѣтъ, не то чтобъ хотѣлъ сдѣлать неприятное, но неосторожно оставлять горсть пороху посреди кучи зажженныхъ спичекъ.

— Онъ очень странный человѣкъ, задумчиво произнесла Лизи.

— Да, такой странный, что я желала бы никогда его здѣсь не видать.

Лизи всегда по вечерамъ, когда онѣ были одни, причесывала длинныя, бѣлокурые волосы кукольной швеи, и потому не дожидаясь, чтобъ та кончила свою работу, она развязала ленту, которой волосы дѣвочки были связаны назадъ, и они великолѣпнымъ дождемъ разсыпались по ея бѣднымъ, худенькимъ плечикамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь, сказала Джени:—посидимъ-ка лучше у огня и поболтаемъ.

Съ этими словами она въ свою очередь распустила волосы своей подруги и богатая черная прядь тяжело упала на ея грудь. Подъ предлогомъ сравнить цвѣта тѣхъ и другихъ волосъ, хитрая Джени, ловкимъ движеніемъ руки такъ ихъ устроила, что положивъ свою головку на роскошную черную прядь и прикрывшись своими бѣловурными кудрями, она незамѣтно могла слѣдить за всѣми малѣйшими измѣненіями въ лицѣ Лизи, на которомъ ярко отражался свѣтъ огня.

— Поговоримъ о мистерѣ Юджинѣ Вребурнѣ, сказала Джени.

При этихъ словахъ что-то блеснуло между бѣловурными кудрями, покоившимися на черныхъ какъ смоля волосахъ; если это не была звѣзда, то конечно это должно быть глазъ; а если глазъ—то чей же, какъ не Джени Ренъ, хитрой плутовки.

— Зачѣмъ о мистерѣ Вребурнѣ? спросила Лизи.

— Потому что мнѣ такъ хочется. Какъ ты думаешь, богатъ онъ или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Такъ онъ бѣденъ?

— Да, я думаю, то-есть для джентльмена.

— Ахъ, да. Конечно, онъ джентльменъ. Не намъ пара, или пара, а?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, промолвила тихо Лизи, задумчиво качая головою.

Кукольная швея одной рукой обнимала свою подругу, и прикрываясь этой рукой, она теперь незамѣтно дунула на свои волосы, покрывавшіе ея лицо, такъ что два блестящіе глаза еще ярче засверкали подъ легкой дымкой.

— Онъ, мой-то, навѣрно не будетъ джентльменомъ, я такого скоро прогоню. Но во всякомъ случаѣ это не мистеръ Вребурнъ. Я его не плѣнила и наврядъ-ли ктонибудь его плѣнитъ, какъ ты думаешь, Лизи?

— Напротивъ, это очень вѣроятно.

— Будто? Ну, да кто же?

— Чтò же можетъ быть проще, чтобъ онъ понравился какойнибудь барышнѣ и она ему?

— Можетъ быть, я не знаю. Но еслибъ ты была барышней, Лизи, ты бы могла его полюбить, а? какъ ты думаешь?

— Я—барышня! повторила Лизи, смѣясь:—вотъ глупости.

— Ну, да; но положимъ, вообрази себѣ, что ты барышня!

— Я—барышня! Я—бѣдная дѣвушка, которая возила бѣднаго отца въ лодкѣ. Я—которая возила его въ тотъ самый день, когда

увидѣла ея впервые. Я—которая такъ была смущена его взглядомъ, что встала и вышла изъ комнаты!

«Однако, онъ посмотрѣлъ на тебя тогда, хотя ты была и не барышня», подумала миссъ Ренъ.

— Я—барышня, продолжала Лизи вполголоса, устремивъ глаза на огонь:—я, отецъ которой не очиненъ еще отъ тяготѣвшаго надъ нимъ, хотя и несправедливо, пятна безчестія и позора! Я барышня!

— Вѣдь только въ предположеніи, въ воображеніи, замѣтила миссъ Ренъ.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ, отвѣчала Лизи:—мое воображеніе такъ далеко не идетъ.—И она мрачно, задумчиво улыбнулась.

— Но мнѣ этого хочется, а ты знаешь, Лизи, что мнѣ не слѣдуетъ противорѣчить; я—бѣдное, маленькое созданіе, и притомъ я нынче очень измучилась съ своимъ гадкимъ ребѣнкомъ. Посмотри въ огонь, какъ, бывало, въ старомъ домѣ ты сматривала и предсказывала судьбу твоему брату, котораго я не люблю. Посмотри хорошенько; я увѣрена, ты увидишь тамъ какую нибудь барышню.

— Конечно, гораздо легче увидѣть въ огнѣ, чѣмъ представить себя барышней.

Блестящіе глаза устремились на задумчивое лицо, слоненное къ огню.

— Ну, воскликнула кукольная швея:—нашли мы барышню-то? Лизи утвердительно махнула головою и тихонько спросила:

— Она должна быть богатой?

— Да, лучше, такъ-какъ онъ бѣденъ.

— Она очень, очень богата. А должна быть она красавицей?

— Если даже ты красавица, Лизи, тѣмъ паче она.

— Она великолѣпная красавица.

— Чтò она говорить о немъ? спросила Джени вполголоса, не спуская глазъ съ лица Лизи.

— Она рада, рада быть богатой, чтобъ все передать ему. Она рада, рада быть красавицей, чтобъ онъ ей гордился. Ея бѣдное сердце...

— Эге! Отчего бѣдное? спросила миссъ Ренъ.

— Ея сердце отдалось всецѣло ему со всею любовью, со всею преданностью, на которую она способна. Она съ радостью бы умерла съ нимъ вмѣстѣ или, лучше, за него. Она знаетъ его недостатки, но твердо увѣрена, что они происходятъ оттого, что онъ одинъ-одинехонекъ на свѣтѣ, что у него нѣтъ никого, кого бы онъ любилъ, въ кого бы вѣрилъ, о комъ бы могъ съ удовольствіемъ думать. И она говоритъ ему, эта богатая красавица, къ которой я никогда и издали-то подойти не посмѣю: «позволь мнѣ толь-

ко занять пустое мѣсто въ твоёмъ сердцѣ, посмотри какъ я мало о себѣ думаю, сколько я могу сдѣлать и перенести ради тебя; позволь попробовать; я надѣюсь, что ты станешь лучшимъ черезъ меня, хотя такъ неизмѣримо тебя ниже.»

Лицо Лизи покрылось при этихъ словахъ яркимъ румянцемъ; она забыла о всемъ, и дико, восторженно вперила глаза въ огонь; кукольная швея, отбросивъ рукой свои волосы, глядѣла на нее съ испугомъ. Черезъ минуту она снова припала головой къ чернымъ прядямъ и простонала:—о! о! о!

— Ты страдаешь, милая Джени? воскликнула Лизи, какъ-бы очнувшись отъ сна.

— Да, но это не старое страданіе, это—новое, новое. Уложи меня, запри дверь и сядь поближе.—Потомъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, она промолвила сквозь зубы:—бѣдная, бѣдная Лизи! О, благословенныя дѣти! придите, но не ко мнѣ, а къ ней. Она нуждается болѣе меня въ помощи, въ утѣшеніи!

И она простерла свои ручки къ небу, потомъ снова повернулась, и обнявъ Лизи, понизила головою на ея грудь.

ХІІ.

Еще хищныя птицы.

Ридергудъ жилъ въ самомъ отдаленномъ, мрачномъ закоулкѣ лаймгаузской впадины, между корабельными работниками, оснащниками, парусниками и другими прибрежными жителями, изъ которыхъ нѣкоторые были не лучше его, нѣкоторые гораздо лучше и нѣкто хуже. Жители впадины, вообще не очень разборчивые въ своемъ обществѣ, всѣми силами старались отдѣлаться отъ чести быть знакомымъ съ Ридергудомъ, поэтому они при встрѣчѣ съ нимъ чаще отворачивались отъ него, чѣмъ протягивали руку, и очень рѣдко или почти никогда не распивали съ нимъ стакана пива или водки, даже когда онъ угощалъ на свой счетъ. Большая часть жителей лаймгаузской впадины отличалась такими гражданскими добродѣтелями, что даже эта соблазнительная приманка выпить на чужой счетъ не могла побудить ихъ знаться съ низкимъ доносчикомъ. Одно только маленькое обстоятельство уменьшало значеніе этой высокой добродѣтели: ея адепты считали свидѣтеля, показавшаго истину передъ закономъ, почти такимъ же проклятымъ подлецомъ, какъ и фальшиваго доносчика.

Еслибъ не дочь, о которой такъ часто упоминалъ мистеръ Ридергудъ, то онъ наврядъ-ли бы нашелъ какое нибудь средство для существованія въ негостепріимной для него впадинѣ. Но миссъ

Плѣзантъ Ридергудъ имѣла связи и извѣстнаго рода положеніе въ этой мрачной труппѣ. Она была незаконнымъ, секретнымъ ростовщикомъ самой мелкой руи; она держала, что называется, *сохранный складъ*, куда принимала на сохраненіе всякаго рода вещи и давала за нихъ маленькія суммы денегъ.

Плѣзантъ минуло недавно двадцать-три года, и она уже пять лѣтъ занималась этой торговлей. Ея покойная мать открыла лавочку, и Плѣзантъ послѣ своей смерти завладѣла секретнымъ капиталомъ въ пятнадцать шиллинговъ, зашитыхъ въ матрацъ, о существованіи которыхъ она узнала изъ устъ умирающей въ послѣднюю минуту ея жизни, поддавшейся пагубному вліянію водной и джина.

Почему ее прозвали Плѣзантъ, то-есть пріятной—миссъ Ридергудъ не знала, да и наврядъ-ли могла бы отвѣтить на этотъ вопросъ и сама покойная мистриссъ Ридергудъ. Молодая дѣвушка вѣдала лишь одно, что ее окрестили Плѣзантъ, и что она этого измѣнить не можетъ—Плѣзантъ такъ Плѣзантъ. У ней не спрашивали совѣта, какъ ее назвать, точно такъ же какъ не требовалось ея согласія на появленіе ея въ сей грѣшный міръ. Подобнымъ же образомъ у миссъ Ридергудъ были отцовскіе безпокойные глаза, какъ-бы вѣчно вращающіеся на оси, которые она, быть можетъ, съ радостью промѣняла бы на другіе, еслибъ только у ней спросили совѣта. Вообще же она не была уродлива, хотя очень худая, старообразна и мрачнаго, словно вѣчно грязнаго цвѣта лица.

Какъ няня собаки рождаются съ инстинктомъ нападать на особаго рода звѣря, такъ, нисколько не желая оскорбить этимъ сравненіемъ молодую дѣвушку, Плѣзантъ Ридергудъ имѣла въ крови какой-то инстинтъ, побуждавшій ее считать всякаго моряка болѣе или менѣе своей жертвой. Покажите ей хоть издали человѣка въ синей матросской курткѣ, и она, выражаясь фигурально, тотчасъ прокалывала его булавкой, какъ естествоиспытатель какую-нибудь букашку. Однако, взявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства ея жизни, нельзя было назвать ее злой или неблагонамѣренной женщиной. Она была невиновата, что смотрѣла на все совершавшееся вокругъ нея съ точки зрѣнія своего грустнаго опыта. Такъ, покажите ей свадьбу—и она видѣла въ ней только обрядъ, которымъ два человѣка брали привилегію вѣчно ссориться и драться между собою. Покажите ей крестины—и она въ нихъ только видѣла, что маленькому язычнику давали совершенно ненужное и лишнее имя, ибо его всегда впослѣдствіи будутъ звать какимъ-нибудь обиднымъ прозвищемъ, и вообще, эта маленькая особа, по мнѣнію Плѣзантъ Ридергудъ, неизвѣстно зачѣмъ явилась на свѣтъ: никому она не нужна, никто о ней не

щечется, а всё, напротивъ, толкаютъ и бьютъ, пока она не вырастетъ и сама не станетъ толкать и бить другихъ. Покажите ей похороны—и она вамъ скажетъ, что это — самая непроизводительная церемонія въ формѣ чернаго маскарада, представляющая единственный парадный пиръ, когда либо данный покойникамъ. Покажите ей отца чьего нибудь—и она видѣла передъ собою только дупливать своего отца, который съ самаго ея дѣтства лишь повременамъ, урывками исполнялъ свой долгъ къ дочери, состоявшій въ томъ, что онъ ее билъ кулакомъ или плеткой. Итакъ, взявъ все это въ соображеніе, Плѣзантъ Ридергудъ, надо согласиться, была не очень-очень дурная женщина. Въ ней даже была тѣнь чего-то романческаго, то-есть насколько это могло быть въ лаймгаузской впадинѣ — и быть можетъ, въ теплый лѣтній вечеръ, стоя скрестивъ руки на порогѣ лавки и устремивъ свои глаза на голубое небо, освѣщенное послѣдними лучами заходящаго солнца, она мечтала о какомъ-нибудь отдаленномъ островѣ на Южномъ или какомъ другомъ океанѣ, мечтала, что гуляетъ подъ руку съ возлюбленнымъ среди хлѣбныхъ деревьевъ, поджидая кораблей изъ образованныхъ странъ свѣта—ибо матросы, изъ которыхъ можно было бы извлечь какую-нибудь пользу, были необходимымъ условіемъ рая миссъ Плѣзантъ.

Однажды она стояла на порогѣ своей лавки, когда какой-то незнакомецъ, остановившись на противоположномъ тротуарѣ, пристально поглядѣлъ на нее. Но это было не лѣтомъ, а въ холодной, мрачный, осенній вечеръ. Плѣзантъ Ридергудъ, какъ большинство женщинъ въ лаймгаузской труппѣ, имѣла обыкновеніе собирать волосы назадъ въ кучу, такъ - что они при малѣйшемъ движеніи или даже сердечномъ волненіи распались и надо было ихъ безпрестанно закручивать. Въ эту самую минуту Плѣзантъ, выйдя на порогъ, чтобъ взглянуть на погоду, поправляла обѣими руками волосы. Эта привычка была такою общепринятою между всѣми обитательницами впадины, что если случалась какая-нибудь драва или какой скандалъ на улицѣ, то всѣ женщины выскакивали, закручивая руками волосы, а у иныхъ въ зубахъ даже торчали гребенки.

Лавка Плѣзантъ Ридергудъ была несчастная, маленькая, низенькая, такъ что потолокъ можно было достать пальцемъ; она походила скорѣе на подвалъ или кладовую и въ нее надо было спускаться по низенькимъ ступенькамъ. Но, несмотря на все это, въ маленькомъ окошкѣ, между нѣсколькими цвѣтными платками, гороховымъ скруткомъ, никуда негодящимися часами и компасами, жестяной табаку, трубками, банкой англійскихъ соусовъ и отвратительными сладостями, служившими лишь маскою для глав-

наго предмета торговли — красовалась вывѣска: *Меблированныя комнаты для моряковъ.*

Замѣтивъ миссъ Ридергудъ у дверей, неизвѣстный такъ поспѣшно перешелъ улицу, что она не успѣла еще покончить съ своими волосами, какъ онъ уже очутился передъ нею.

— Отецъ дома? спросилъ онъ.

— Кажется, отвѣчала Плѣзантъ, опуская руки:— войдите.

Она сказала это только потому, что неизвѣстный казался морякомъ, ибо очень хорошо знала, что отца не было дома.

— Садитесь поближе къ огню, продолжала гостепріимная хозяйка, когда незнакомецъ вошелъ въ лавку:— вашъ братъ, морякъ, всегда найдетъ здѣсь привѣтъ.

— Благодарствуйте.

Его манеры ясно изобличали въ немъ моряка; руки также, хотя онѣ были отчасти слишкомъ нѣжны. Глазъ Плѣзантъ уже привыкъ къ морякамъ, и она тотчасъ замѣтила необыкновенный цвѣтъ и нѣжность этихъ рукъ; несмотря на весь ихъ загаръ, точно такъ же не ускользнула отъ нея и удивительная ихъ гибкость, когда онъ, усѣвшись небрежно, опустил лѣвую руку на ногу немного выше колѣнъ, а правую такъ же небрежно облокотился на ручку деревяннаго вресла.

— Вы ищете нанять комнатку? спросила Плѣзантъ, становясь по другую сторону камина.

— Я еще не знаю хорошенько, что буду дѣлать, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Такъ вы не ищете ли сохраннаго склада?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ, повторила Плѣзантъ:— вы слишкомъ для этого хорошо одѣты. Но еслибы вы, во всякомъ случаѣ, искали того или другаго, то милости просимъ.

— Да, да, промолвилъ незнакомецъ, бросая взглядъ вокругъ себя:— я знаю, я уже тутъ бывалъ.

— Не отдали ли вы чего на сохраненіе въ прошлый разъ, что здѣсь были? спросила Плѣзантъ, тотчасъ сообразивъ, нельзя ли стануть съ него хоть процентовъ, если не капиталъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ незнакомецъ, покачавъ головою.

— Я почти увѣрена, что вы здѣсь никогда не жили.

— Никогда. И незнакомецъ снова покачалъ отрицательно головою.

— Такъ зачѣмъ же вы приходили сюда? спросила Плѣзантъ:— я васъ совсѣмъ не помню.

— Да трудно было бы вамъ и помнить. Я только стоялъ здѣсь у двери, однажды ночью, на первой ступени, пока мой товарищъ

входилъ, чтобъ переговорить съ вашимъ отцомъ. Я очень хорошо помню эту лавку, прибавилъ онъ, съ любопытствомъ озираясь по сторонамъ.

— А давно это было?

— Порядочно. Когда я вернулся изъ послѣдняго путешествія.

— Такъ вы не были въ морѣ въ послѣднее время?

— Нѣтъ, я былъ боленъ и исполнялъ службу на берегу.

— Ага, такъ вотъ почему у васъ такія руки!

Незнакомецъ быстро перемѣнился въ лицѣ, пристально взглянулъ на нее и, улыбнувшись, замѣтилъ:

— Вы очень наблюдательны. Да. Поэтому-то и руки мои такія.

Плѣзантъ, смущенная его пронизательнымъ взглядомъ, посмотрѣла на него нѣсколько подозрительно. Быстрая перемѣна въ его лицѣ не только не выражала безпокойства или тревоги, но, напротивъ, онъ тотчасъ принялъ снова свой прежній самоуверенный видъ, вселявшій невольно какой-то страхъ къ нему.

— Отецъ вашъ не скоро вернется? спросилъ онъ.

— Я не знаю; не могу сказать.

— Такъ-какъ вы только что сказали, что онъ, кажется, дома, то онъ, вѣроятно, недавно ушелъ, а?

— Нѣтъ, я думала, что онъ уже возвратился, объяснила Плѣзантъ.

— А! вы думали, что онъ уже воротился? Значитъ, онъ давно уже ушелъ, а?

— Я не хочу васъ обманывать: отецъ на рѣкѣ въ своей лодкѣ.

— За старой работой? спросилъ незнакомецъ.

— Я не понимаю, чтò вы хотите сказать, замѣтила Плѣзантъ, отступая на шагъ въ изумленіи: — удивляюсь, чего вамъ нужно отъ насъ?

— Я ни мало не намѣренъ сдѣлать вреда вашему отцу, даже не хочу сказать, что могъ бы, еслибъ хотѣлъ. Мнѣ нужно съ нимъ переговорить. Вѣдь это, кажется, не богъ-знаетъ что? И отъ васъ не будетъ никакихъ секретовъ, я переговорю съ отцомъ вашимъ при васъ—словомъ, миссъ Ридергудъ, какъ ни верти, а изъ меня вы ничего не сдѣлаете и не добьетесь. Я не поддамъ ни на квартиру, ни на сохранный складъ и ни на что другое, такъ что съ меня взятъ гладки. Бросьте эту мысль и будьте друзьями.

— Но вѣдь вы морякъ? сказала Плѣзантъ, точно этого было уже достаточно, чтобъ дать ей возможность высосать изъ него что нибудь.

— Да и нѣтъ. Я былъ морякомъ и, можетъ быть, опять я буду.

Но для васъ я не гожусь, повѣрьте мнѣ на слово. Отъ меня толку не добьетесь.

Разговоръ дошелъ до кризиса, который по своей важности вполне былъ достоинъ, чтобы волосы миссъ Ридергудъ распустились по спинѣ. И дѣйствительно, коса упала и Плѣзантъ, крутя свои волосы на затылкѣ, воспользовалась случаемъ чтобы разсмотрѣть хорошенько изподлобья лицо незнакомца. На немъ была столь хорошо ей знакомая матросская одежда, огромный ножъ за кушакомъ, свистокъ на длинномъ снуркѣ, окружавшемъ его шею, и тяжелый кистень, торчавшій изъ кармана. Все это, вмѣстѣ съ его большими бѣлокурыми усами и бакенбардами, придавало ему какой-то грозный, роковой видъ.

— Чтобъ убитъ время, пока отецъ воротится, сказалъ онъ:— расскажите мнѣ, много ли у васъ на берегу теперь убиваютъ и грабятъ моряковъ?

— Никогда теперь объ этомъ и не слышать.

— Будто?

— Жалуются еще, что бываютъ случаи подальше, въ Ратклиффъ, въ Ваппингъ, но вѣдь кто знаетъ, сколько правды въ этихъ слухахъ.

— Конечно. И потомъ, къ чему прибѣгать къ насилію?

— Я сама это всегда говорю, замѣтила Плѣзантъ: — зачѣмъ прибѣгать къ насилію! Христоръ съ ними, съ моряками-то, точно они умѣютъ сохранить свои денежки и просто-то.

— Вы правы. Ихъ можно облупить и добромъ, отвѣчалъ незнакомецъ

— То-то, и спустивъ всѣ деньги, они опять уходятъ въ море и наживаютъ новья. Для нихъ всего лучше какъ можно только скорѣе убраться на корабль, они тамъ сохранятѣ.

— Я вамъ объясню, почему я этимъ интересуюсь, сказалъ незнакомецъ, поднимая глаза, которые до сихъ поръ были устремлены на огонь:—я самъ попался разъ и меня бросили запертво.

— Не можетъ быть! воскликнула Плѣзантъ: — а гдѣ это случилось?

— Это случилось, повторилъ незнакомецъ, проводя рукой по подбородку, словно припоминая:—это случилось, да гдѣ-то здѣсь вблизи. Я думаю, не болѣе миль отсюда.

— Вы были пьяны? спросила Плѣзантъ.

— Я былъ въ забытѣ, но не отъ честнаго вина. Я не пилъ, вы понимаете, а мнѣ всыпали порошокъ.

Плѣзантъ серьезно покачала головой, какъ-бы говоря, что она понимаетъ, но вполне прищипываетъ подобную штуку.

— Честная, открытая торговля—дѣло другое, сказала она:—а

ужь это негодится. Никто не имѣеть права обходиться *такъ* съ храбримъ морякомъ.

— Эти слова дѣлають вамъ честь, отвѣчалъ незнакомецъ съ улыбкой, и потомъ прибавилъ вполголоса: — тѣмъ болѣе, что я полагаю, отецъ вашъ держится другихъ правилъ. Да, продолжалъ онъ громко: — плохо мнѣ тогда пришлось. Я все потерялъ, что было на мнѣ, и едва спасся.

— Добились ли вы наказанія виновныхъ? спросила Плѣзанти.

— Наказаніе было страшное, но не моихъ рукъ дѣло, отвѣчалъ незнакомецъ мрачно.

— Чьихъ же? спросила миссъ Плѣзанти.

Незнакомецъ медленно поднялъ руку къ небу, и потомъ снова упершись на нее подбородкомъ, устремилъ свои глаза на огонь. Плѣзанти Ридергудъ пристально смотрѣла на него и все болѣе и болѣе, чувствовала себя желовко: таинственность и самоувѣренное спокойствіе незнакомца пугали ее.

— Какъ бы тамъ ни было, произнесла молодая дѣвушка:—но я все же очень рада, что виновные наказаны, ибо отъ такихъ нечистыхъ дѣлъ очень страдаетъ честная торговля съ моряками. Я противъ всякаго насилія, особенно съ моряками. Я держусь правилъ и мнѣній моей покойной матери. Честная торговля, говорила она—хорошее дѣло, но не воровство, не насиліе.

На основаніи принципа честной торговли, миссъ Плѣзанти безъ зазрѣнія совѣсти взяла бы, и дѣйствительно брала тридцать шиллинговъ въ недѣлю за комнату, которая не стоитъ и пяти, и на такихъ же справедливыхъ правилахъ вела и дѣло по сохранному складу; но разъ переступивъ за предѣлы торговли, она изъ чловѣколюбія дѣлалась рьяной защитницей моряковъ, даже противъ своего отца, котораго иначе во всемъ слѣпо слушалась.

Въ эту минуту ее прервалъ грубый гелось ея отца.—Ну, попка! и вслѣдъ затѣмъ тяжелая шляпа отца со всего размаха ударилась въ лицо Плѣзанти. Привыкнувъ давно къ подобнымъ проявленіямъ отцовской привязанности она молча обтерла лицо волосами, которые, конечно, при этомъ удобномъ случаѣ не преминули распусться. Это также была одна изъ общепринятыхъ привычекъ лаймгаузскихъ барниъ обтирать себѣ лицо волосами, когда онѣ разгорачатся отъ горячихъ споровъ или драки.

— На свѣтѣ нѣтъ такой проплатой болтуни, попки! проворчалъ Ридергудъ, нагибаясь, чтобъ поднять одной рукой шляпу, а другой гроза дочери. Дѣло въ томъ, что онъ былъ очень не въ духѣ, а подслушанный разговоръ дочери окончательно взбѣсилъ его.—Чего ты врешь тамъ, попка? Неужели тебѣ нѣтъ другаго дѣла, какъ сидѣть сложа руки и врать пустяки?

— Оставьте ее, сказалъ незнакомецъ: — она говорила только со мной.

— Оставить ее? отвѣчалъ Ридергудъ, окидывая взоромъ незнакомца съ ногъ до головы:—да вы знаете ли, что она моя дочь?

— Знаю.

— Да знаете ли вы, что я не желаю, чтобъ моя дочь врала цѣлый день пустяки, проклятая поппа? И что я не намѣренъ слушать вздора ни отъ кого? А вы кто такіе, и что вамъ нужно?

— Я не могу этого объяснить, пока вы не замолчите, гнѣвно произнесъ незнакомецъ.

— Ну, отвѣчалъ Ридергудъ нѣсколько тише:—я, пожалуй, послушаю. Но не говорите мнѣ чепухи.

— А что вы пить хотите? спросилъ незнакомецъ тѣмъ же рѣзкимъ тономъ.

— Конечно, у меня всегда жажда, отвѣчалъ Ридергудъ, презрительно ослабившись на такой бессмысленный вопросъ.

— А чего душа просить? продолжалъ спрашивать незнакомецъ.

— Хересу, отвѣчалъ грубо Ридергудъ:—коли денегъ хватить.

Незнакомецъ сунулъ руку въ карманъ и вытащивъ полсовере-на, попросилъ миссъ Плѣзантъ принести бутылочку.—Но только смотрите, закуноренную, прибавилъ онъ, пристально взглянувъ на ее отца.

— Я дамъ *Альфреда Давида*, пробормоталъ Ридергудъ, мрачно улыбаясь: — что вы не промахъ, знаете въ чемъ дѣло. А я васъ-то знаю, что ли? Н... н... нѣтъ, не знаю.

— Нѣтъ, не знаете, отвѣчалъ незнакомецъ—и они продолжали смотрѣть пристально другъ на друга, пока Плѣзантъ не воротилась съ бутылкой.

— Вотъ тамъ на полкѣ маленькія рюмки, сказалъ Ридергудъ дочери: — подай мнѣ разбитую, безъ ножки. Я наживаю кусокъ хлѣба въ потѣ лица моего и для меня годится и разбитая рюмка.

Эти слова звучали какимъ-то смиреннымъ самоотверженіемъ, но вскорѣ оказалось, что такъ-какъ рюмку нельзя было поставить на столъ, а надо было сразу допивать до дна, то Ридергудъ успѣвалъ выпить три рюмки, пока незнакомецъ только одну.

Держа въ рукахъ свой кубокъ Фортунета, мистеръ Ридергудъ усѣлся по одну сторону стола передъ ваиномъ, а незнакомецъ по другую. Плѣзантъ же помѣстилась на стулѣ подлѣ самаго огня. На заднемъ планѣ сюртуки, рубашки, платки и другія вещи, оставленныя на сохраненіе, составляли какъ-бы толпу слушателей. Особенно походила на слушателя одна пара платья, висѣвшая на стѣнѣ прямо подъ какою-то шляпой, такъ что издали казалось, что это—человѣкъ, обращенный въ присутствующимъ спиною, кото-

рый такъ жаждалъ подслушать ихъ разговоръ, что остановился не успѣвъ надѣть на одну руку куртку, висѣвшаго потому въ складкахъ.

Незнакомецъ прежде всего осмотрѣлъ бутылку на свѣтъ, потомъ взглянулъ на пробку, и вполне убѣдившись, что тутъ еще не прикасалась ни чья рука, вынулъ изъ бармана старый складной ножикъ, открылъ въ немъ штопоръ и выдернулъ пробку. Послѣ этого онъ медленно вывернулъ штопоръ изъ пробки и, положивъ то и другое на столъ, обмахнулъ горлушко своимъ платкомъ. Все это онъ дѣлалъ очень тихо, спокойно.

Сначала Ридергудъ проткнулъ руку со своею рюмкой, но видя, что незнакомецъ такъ долго возится, онъ мало-по-малу опускалъ руку и, наконецъ, опрокинулъ свою рюмку на столъ. Теперь все его вниманіе сосредоточилось на ножѣ незнакомца, и когда тотъ проткнулъ бутылку, чтобъ налить вина, Ридергудъ всталъ, перегнулся черезъ столъ и съ изумленіемъ смотрѣлъ то на ножъ, то на спокойное лицо самаго незнакомца.

— Что такое? спросилъ незнакомецъ.

— Вашъ ножъ мнѣ знакомъ, сказалъ Ридергудъ.

— Вѣрю.

И сдѣлавъ знакъ, чтобъ Ридергудъ поставилъ стаканъ, незнакомецъ налилъ ему вина. Ридергудъ выпилъ залпомъ и снова началъ:

— Этотъ ножъ...

— Погодите, перебилъ его очень спокойно незнакомецъ: — я только что хотѣлъ выпить за здоровье вашей дочери. Ваше здоровье, миссъ Ридергудъ.

— Этотъ ножъ принадлежалъ одному моряку, по имени Джорджу Радфуту.

— Да.

— Я очень хорошо зналъ этого моряка.

— Да, точно такъ.

— Что съ нимъ приключилось?

— Смерть. И еще самымъ страшнымъ образомъ. На него отвратительно было посмотрѣть послѣ этого.

— Послѣ чего? спросилъ Ридергудъ, вытаращивъ глаза.

— Послѣ того, что онъ былъ убитъ.

— Убитъ? Кто убилъ его?

Незнакомецъ ничего не отвѣчалъ, только пожалъ плечами и наполнилъ Ридергуду стаканъ; тотъ выпилъ, смотря съ удивленіемъ то на неизвѣстнаго, то на свою дочь.

— Вы не хотите сказать честному человѣку, началъ-было онъ, какъ вдругъ глаза его впелись въ пальто незнакомца. Онъ не-

регнулся черезъ столъ, чтобъ рассмотреть поближе, взявъ за рукавъ, засучилъ его и взглянулъ на подкладку; незнакомецъ спокойно позволилъ ему дѣлать все, что онъ хотѣлъ.

— Я твердо убѣжденъ, что это пальто принадлежало также Джорджу Радфуту.

— Вы совершенно правы. Это пальто было на немъ въ послѣдній разъ, что вы его видѣли — и никогда вамъ болѣе не увидѣть его на сѣнѣ свѣтѣ.

— Кажется, вы хотите сказать мнѣ прямо въ лицо, что вы его убили! воскликнулъ Ридергудъ, все же подставляя свою рюмку.

Незнакомецъ снова только пожалъ плечами, и нимало не смутился.

— Издохнуть мнѣ на мѣстѣ, коли я знаю, на какой ногѣ плясать съ этимъ человѣкомъ! сказала Ридергудъ, выпивая рюмку до послѣдней капли. — Научите, какъ съ вами обходиться. Скажите что-нибудь, по просту, похристиански.

— Хорошо, отвѣчалъ незнакомецъ, перегибаясь черезъ столъ и понинная голосъ, чтобъ придать болѣе значенія своимъ словамъ: — какой же вы лжецъ!

Честный свидѣтель вскопчилъ и сдѣлалъ движеніе, словно жезла пустить рюмку въ лицо незнакомцу. Тотъ же повелъ даже бровями, а только прогрозилъ указательнымъ пальцемъ. Олицетворенная честность тотчасъ успокоилась и усѣлась снова, опроринувъ на столъ рюмку.

— Когда вы ходили къ стряпчему въ Темплъ съ выдуманной-то сказкой, произнесъ незнакомецъ, съ удивительно самоувѣренностью: — вѣдь вы могли имѣть кое-какія подозрѣнія на одного изъ своихъ пріятелей. Я даже полагаю, что вы и питали эти подозрѣнія.

— Я... подозрѣнія? На какого пріятеля?

— Скажите мнѣ еще разъ, чей это былъ ножъ? спросилъ незнакомецъ.

— Онъ принадлежалъ тому... и находился во владѣніи того человѣка, котораго я только что называлъ, отвѣчалъ Ридергудъ, очень глупе избѣгая назвать требуемое имя.

— Повторите, чье это было пальто? продолжалъ незнакомецъ.

— Это пальто принадлежало тому... и было надѣто на томъ человѣкѣ, о которомъ я говорилъ.

— Я полагаю, что вы были увѣрены, что какъ ловко онъ скрылся. Но немного ума требовалось ему не явиться; вотъ, напротивъ, онъ былъ бы уменъ, еслибъ хоть на минуту воскресъ.

— Вотъ до чего мы дожили; пробормоталъ Ридергудъ, вскочивъ со стула: — какой-то буланъ въ одеждѣ убитаго человѣка,
Т. CLVIII. — Отл. I.

вооруженный ножомъ, принадлежащимъ мертвому, является вдругъ въ домъ честнаго человѣка, наживающаго кусокъ хлѣба въ потѣ лица своего, и осыпаетъ его обвиненіями, неимѣющими никакого смысла! Почему мнѣ было имѣть на него какіе нибудь подозрѣнія?

— Потому что вы его знали, потому что вы были товарищи съ нимъ, и очень хорошо вѣдали, что скрывалось въ немъ подъ красивою внѣшностью; потому что въ ту ночь, въ которую было совершено, какъ вамъ извѣстно, убійство, онъ приходилъ къ вамъ прямо съ карабля, и спрашивалъ: гдѣ бы ему найти комнату. Былъ ли съ нимъ кто-нибудь еще чужой, а?

— Я дамъ Альфреда Давида, что вы не были съ нимъ, отвѣчалъ Ридергудъ: — вы бойко говорите, очень бойко; но по моему, вы только черните себя — вотъ и все. Вы вводитѣ на меня какія-то обвиненія касательно Джорджа Радфута, пропавшаго безъ вѣсти. Но это дѣло — обменное съ моряками. Сотни ихъ пропадаютъ, и никто объ этомъ не заботится. Они — то переимѣняютъ имена, то не возвратившись домой, снова отправляются въ далекія путешествія — и все это ничего; черезъ много лѣтъ, они возвращаются, и никто этому не удивляется. Спросите у моей дочери. Вы съ ней болтали, когда я вышелъ; поврите-ка еще съ ней о своемъ подозрѣніи насчетъ моего подозрѣнія о немъ. А я вамъ покуда скажу свои подозрѣнія на счетъ васъ. Вы говорите, что Джорджъ Радфутъ убитъ. Я васъ спрашиваю, кто его убилъ, и почему вы это знаете? На васъ его пальто и его ножъ. Я васъ спрашиваю, какъ вы ихъ достали? Ну, передайте бутылку! прибавилъ Ридергудъ, словно вино было его собственностью — а ты, чего ротъ разинула, продолжалъ онъ, наливъ рюмку, и обращаясь къ дочери: — еслибъ не жаль было хересу, такъ я въ тебя пустилъ бы рюмкой за твою болтовню съ этимъ человѣкомъ, проклятая поппа. На такой-то болтовнѣ основываютъ подобные люди свои подозрѣнія; тогда какъ я вывожу свои изъ фактовъ, ибо я честный человѣкъ, и наживаю свой хлѣбъ въ потѣ лица своего, какъ и слѣдуетъ честному человеку.

Тутъ онъ снова налилъ себѣ рюмку, и отпилъ половину, посмотрѣлъ съ жадностью на остальную. Между тѣмъ, волоса Плезантъ, какъ слѣдуетъ, распустившись при грубыхъ словахъ отца, и она поправила ихъ, на манеръ того, какъ закручиваютъ хвостъ лошадамъ, когда ихъ ведутъ на рынокъ для продажи.

— Хорошо! Вы кончили? спросилъ неизвестный.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ридергудъ: — я не кончилъ. И далеко не кончилъ. Я хочу знать, какъ убить Джорджа Радфута и почему вы ходите въ его шкурѣ?

— Если вы когда-нибудь это узнаете, то не сегодня.

— И потому я хочу знать, продолжалъ Ридергудъ: — намерены ли вы обвинять въ этомъ, какъ вы его тамъ называете, убійствѣ...

— Гармоновомъ убійствѣ, отецъ, подсказала Плезантъ.

— Нѣтъ, пошла, раскричался онъ: — держи языкъ за зубами. Я хочу знать, сэръ, обвиняете ли вы въ этомъ убійствѣ Джорджа Радфута?

— Если вы когда-нибудь узнаете, то не сегодня.

— Пожалуй, вы сами это сдѣлали, сказалъ Ридергудъ угрожающимъ тономъ.

— Я одинъ знаю тайну этого убійства, отвѣчалъ незнакомецъ, качая головою: — я одинъ только знаю, что ваша глупая сказка несправедлива. Я одинъ знаю, что не только эта сказка ложь, но что вы сами въ этомъ увѣрены. Я пришелъ нынче нарочно, чтобъ вамъ это объявить, болѣе же вы отъ меня ничего не услышите.

Мистеръ Ридергудъ, устремивъ свои глаза на незнакомца, подумалъ съ минуту, потомъ налилъ себѣ рюмку, выпилъ ее въ три глотка и вдругъ крикнулъ дочери: — запри дверь и стань тамъ. Если вы все это знаете, сэръ, продолжалъ онъ, становясь между страннымъ посѣтителемъ и дверью: — то зачѣмъ же вы не пошли къ страпачему Лайтвуду?

— Это также извѣстно только мнѣ одному, холодно отвѣчалъ незнакомецъ.

— Развѣ вы не знаете, что если не вы совершили это дѣло, а ваши слова справедливы, то вы получили бы отъ пати до десяти тысячъ фунтовъ?

— Я это очень хорошо знаю, и когда я потребую деньги, то подѣлюсь съ вами.

Честный чловѣкъ подвинулся немного ближе къ незнакомцу и подалше отъ двери.

— Я знаю это, продолжалъ спокойно таинственный посѣтитель: — такъ же хорошо, какъ тотъ несомнѣнный фактъ, что вы съ Джорджемъ Радфутомъ были товарищами во многихъ черныхъ дѣлахъ. Я еще знаю, что Роджеръ Ридергудъ составилъ заговоръ противъ невиннаго для получения призовыхъ денегъ за открытіе убійцы и, главное, я знаю, что я могу донести на васъ по обонью пряткамъ, и привести въ доказательство противъ васъ собственную мою особу, и клянусь, я это сдѣлаю, если вы попытаете ослушаться меня.

— Отецъ! воскликнула Плезантъ: — не идите противъ него! Поддайтесь ему! Не попадитесь, отецъ, въ новыя напасти!

— Не тараторь, проклятая попка, воскликнулъ Ридергудъ, выходя изъ себя, но потомъ нѣжно прибавилъ:—вы, сэръ, еще не сказали, чего вамъ нужно отъ меня. Развѣ хорошо говорить о моемъ послушаніи, когда вы еще не сказали, чего вы отъ меня хотите?

— Очень немного. Ваше обвиненіе не должно остаться полусдѣланнымъ и полунесдѣланнымъ. Его надо вовсе уничтожить.

— Хорошо, но штурманъ...

— Не зовите меня штурманомъ, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Хорошо, капитанъ; конечно, вы не имѣете ничего противъ того, чтобъ васъ звали капитаномъ. Это—благородное званіе и вы вполне его заслуживаете. Ну, капитанъ, я спрашиваю васъ, человѣкъ-то умеръ? Я честно спрашиваю, развѣ Гаферъ не умеръ?

— Умеръ, такъ что жь? отвѣчалъ незнакомецъ съ нетерпѣніемъ.

— Могутъ ли слова повредить мертвому, капитанъ? я васъ спрашиваю, какъ честный человѣкъ.

— Они могутъ повредить памяти умершаго человѣка, могутъ повредить живымъ его дѣтямъ. Сколько осталось у этого человѣка дѣтей?

— То-есть у Гафера, капитанъ?

— Объ комъ же другомъ мы говоримъ? воскликнулъ незнакомецъ, топнувъ ногою, словно Ридергудъ сталъ лизать у него ноги не только морально, но и физически: — я слышалъ, что у него остались дочь и сынъ. Я обращусь за свѣдѣніями къ вашей дочери, я предпочитаю говорить съ нею. Скажите, пожалуйста, сколько осталось дѣтей у Гексама?

Плѣзантъ взглянула на отца, какъ-бы вросла позволенія говорить, и честный человѣкъ воскликнулъ съ горечью:

— Чортъ тебя возьми, зачѣмъ ты [не отвѣчаешь капитану? Проклятая попка умѣетъ врать, когда не нужно, а тутъ вишь языкъ отвалился.]

Плѣзантъ объяснила, что послѣ Гафера осталась дочь Лиза и сынъ, еще очень молоденькій мальчишъ.— Оба они очень приличные люди, прибавила она.]

— Страшно подумать, чтобъ пятно позора легло на нихъ, промолвилъ неизвѣстный, вскочивъ со стула и въ волненіи зашагавъ по комнатѣ: — страшно! Непредвидѣнно! Какъ можно было это предвидѣть! А гдѣ они живутъ? спросилъ онъ вдругъ.

Плѣзантъ отвѣчала, что дочь одна жила [съ отцомъ, когда съ нимъ случилось несчастье, а послѣ его смерти она переѣхала изъ нихъ околodka.

— Я знаю это, отвѣчалъ незнакомецъ: — я былъ въ домѣ, гдѣ они жили, во время слѣдствія. Не можете ли вы мнѣ узнать, гдѣ она теперь живетъ?

Плѣзантъ сказала, что, конечно, можетъ и на вопросъ, когда—поспѣшила отвѣтить: черезъ денегъ, другой. Тайственный посѣтитель отвѣчалъ, что это достаточно скоро для него, и что онъ вернется за отвѣтомъ, вполнѣ полагаясь на аккуратность молодой дѣвушки.

Ридергудъ молча слушалъ этотъ разговоръ, и когда онъ кончился, честный человекъ обратился къ неизвѣстному съ слѣдующей низкопоклонною рѣчью:

— Капитанъ, касательно моего несчастнаго показанія насчетъ Гафера, смѣю замѣтить, что онъ, Гаферъ, всегда былъ мошенникомъ, воромъ и грабителемъ. Потомъ, конечно, когда я пошелъ къ тѣмъ двумъ господамъ—стряпчему Лайтвуду и другому господину, я, можетъ быть, слишкомъ поторопился изъ желанія служить дѣлу правосудія или, быть можетъ, я былъ побуждаемъ чувствомъ, поневолѣ овладѣвающимъ человекомъ при видѣ большой кучи золота, изъ которой онъ можетъ взять горсть для своего семейства. Потомъ вино, которымъ меня поили эти господа, было, мнѣ кажется, нечистое и въ головѣ отъ него шумѣло. И, наконецъ, надо не забывать, капитанъ, что когда Гаферъ былъ найденъ мертвымъ, я не утверждалъ, что мое показаніе непременно вѣрно. Я развѣ сказалъ: «господа! то, что я показалъ, я утверждаю и теперь?» — Нѣтъ, я сказалъ прямо и откровенно, безъ всякой утайки: «господа! я могъ ошибиться, я обдумалъ хорошенько свои слова и вижу, что, можетъ быть, не все въ нихъ вѣрно, потому не стану клясться и божиться въ справедливости моего показанія, хотя бы даже вы возъмѣли по этому случаю дурное обо мнѣ мнѣніе. И я знаю навѣрное, заключилъ мистеръ Ридергудъ: — что моя откровенность повредила мнѣ въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, даже въ вашихъ глазахъ, капитанъ, если я васъ хорошо понимаю. Но я скорѣе согласенъ переносить незаслуженное презрѣніе, чѣмъ быть клятвопреступникомъ. Ну, если это значить быть заговорщикомъ и мошенникомъ, то я и то, и другое.

— Вы подпишете, сказалъ преспокойно незнакомецъ, не обращая никакого вниманія на слова Ридергуда:—бумагу, въ которой будетъ сказано, что ваше показаніе ложно. Я принесу въ будущій разъ бумагу и авось хоть это успокоитъ бѣдную дѣвушку.

— А когда васъ ждать, капитанъ? спросилъ Ридергудъ, ставъ между дверью и незнакомцемъ.

— Скоро. Не безпокойтесь, я васъ не обману.

— Будете ли вы такъ милостивы, капитанъ, чтобы оставить ваше имя?

— Нѣтъ, нимаю не намѣренъ.

— Вы говорите, капитанъ, что я *подпишу* какую-то бумагу, началъ Ридергудъ, все стоя между дверьми и незнакомецъ:—это, кажется, приказаніе, повелѣніе, какъ вы думаете, капитанъ?

Незавѣстный ничего не отвѣчалъ, только злобно пошелъ бровями.

— Отецъ, отецъ, воскликнула дрожащимъ голосомъ Плѣзантъ:— не затѣвайте исторіи! Не попадитесь опять въ бѣду.

— Выслушайте меня, капитанъ, продолжалъ Ридергудъ, очень униженно отходя съ дороги:— все, что я хотѣлъ вамъ сказать, относилось до вашихъ любезныхъ словъ касательно награды.

— Когда я потребую себѣ награду, я подѣлюсь съ вами, произнесъ незнакомецъ такимъ рѣзкимъ грубымъ тономъ, что подъ учтивымъ словомъ: *съ вами* такъ и слышалось: *съ тобой, собака*.

Пристально взглянувъ на Ридергуда, съ какимъ-то мрачнымъ восхищеніемъ, словно это былъ идеалъ всего злаго, низкаго, незнакомецъ произнесъ еще разъ: «какой же вы лжецъ», и махнувъ головой, вышелъ изъ лавки. На порогѣ, однако, онъ очень любезно пожелалъ доброй ночи Плѣзантъ.

Честный человѣкъ, зарабатывавшій себѣ хлѣбъ въ потѣ лица своего, стоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, какъ-будто на него нашель столбнякъ. Потомъ онъ вспомнилъ о бутылкѣ, опорожнилъ ее и тогда только совершенно очнулся. Собравшись съ мыслями, онъ конечно рѣшилъ, что всему виновата его проклятая попка—дочь и потому, чтобы не упустить хорошаго случая исполнить долгъ родителя въ отношеніи къ ней, скинулъ свои большіе матросскіе сапоги и изо всей силы пустилъ ихъ въ ея физиономію. Бѣдная дѣвушка ловко отвернулась отъ удара, и залилась горькими слезами, отирая глаза своими волосами вмѣсто носоваго платка.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДЪ.

Переводъ «Илиады» лордомъ Дербі; отзывъ о немъ «Times'a». — Что такое боргописецъ по опредѣленію англійскаго журнала «North British Review?» — Смерть Прудона, Гильомена и Мак'Коллоха. — Извѣстіе о построеніи храма и склепн у мормоновъ. — Новѣйшія данныя о развитіи кооперативныхъ обществъ въ Англіи. — Международный конгрессъ въ Амстердамѣ. — Генеральное собраніе въ Веймарѣ всѣхъ отраслей учрежденія въ честь Шиллера (Shillerstiftung). — Дѣятельность мексиканскаго общества — Вопросъ объ университетѣ въ Валлисѣ. — Слухи о новыхъ явленіяхъ французской литературы. — Степень турецкаго эстетическаго пониманія и степень развитія нѣкоторыхъ нравственныхъ общественныхъ потребностей у турокъ. — Новый регламентъ о прессѣ въ Турціи. — Картина Пилоти (Piloty): «Валентейнъ на пути въ Эгеръ». — Курьезный процессъ по поводу музыки Вагнера. — Отзывъ Д. Ноола о мюнхенской консерваторіи и мнѣніе его о музыкальной природѣ нѣмцевъ. — Успѣхъ «Генри Дунбара» на парижской сценѣ. — Ожидаемая новая опера Гуно: «Ромео и Юлія». — Отзывъ «Gazette Musicale» о музыкѣ Шумана.

Въ прошлой книгѣ журнала, въ нашихъ замѣткахъ, мы упомянули, между прочимъ, о томъ, въ чемъ ищутъ отдыха англійскіе государственные люди въ свободныя часы отъ государственныхъ дѣлъ и какъ многообильно воздають они своей странѣ вскользь и почти шутя за эти прогульные часы, за возможность позабыть на время свой officialный фракъ и отдаться своимъ личнымъ интересамъ и вкусамъ въ своемъ кабинетѣ. Намъ недолго пришлось ждать свѣжаго подтвержденія нашей замѣткѣ: предъ англійскою публикой явился новый литературный дѣятель изъ числа ея важнѣйшихъ современныхъ государственныхъ людей съ книжкой поэтическаго перевода никогда неуваждаемой *Илиады* Гомера. Эта новая книга есть въ то же время новое доказательство совершенства тѣхъ рабочихъ силъ, на плеча которыхъ Англія возлагаетъ всю тяжесть своихъ государственныхъ дѣлъ, если онѣ — эти силы — ищутъ отдыха въ изученіи, переводѣ или критикѣ величайшихъ памятниковъ человѣческаго гевія. «Мы можемъ без-

Т. СЛVIII. — Отд. II.

опасно сказать — говорят англичане и говорят совершенную правду — что характеристическая черта, въ которой наша страна превъисшествуетъ предъ всѣми другими, это — что наши руководящіе люди съ высшимъ умственнымъ образованіемъ соединяютъ самую многотрудную опытность; что погружаясь въ шероховатыя подробности практическаго труда, они, въ то же время, просвѣщаютъ и поучаютъ себя наиболѣе полными образцами идеальнаго совершенства. Перечень сочиненій, внесенныхъ на службу классическому и общему образованію нашихъ государственныхъ людьми за послѣдніе годы, составилъ замѣчательный каталогъ и въ будущемъ послужитъ честью нашему времени.»

Въ числѣ чувствъ, волнующихъ человѣка, слова эти, слова частнаго человѣка, сказанныя откровенно и гордо предъ лицомъ всего міра о руководящихъ людяхъ своей страны, вызываютъ чувство, которое мы не затрудняемся причислить къ числу наиболѣе приятныхъ для гражданина. Въ томъ перечнѣ, о которомъ упоминаетъ «Times» по поводу перевода «Иліады» лордомъ Дерби, этотъ трудъ займетъ почетное мѣсто какъ по капитальной литературной важности предмета, такъ и по мастерству исполненія, не говоря уже о громадномъ успѣхѣ его въ англійскомъ обществѣ. Между тѣмъ, успѣхъ произведенія по классической литературѣ между образованными англичанами есть дѣло вовсе не легкое: извѣстно, что ни одинъ народъ не щеголяетъ такъ знаніемъ классической древности, какъ англичане. Лордъ Россель, говоря недавно на митингѣ въ Эбердинѣ о политическихъ дѣлахъ, сказалъ, между прочимъ, что Цезарь и большинство римскаго сената были въ пользу казни *смертью* участниковъ въ заговорѣ Катилины. Въ «Times» тотчасъ же было напечатано письмо отъ «Духа Цезаря», въ которомъ этотъ духъ громко протестовалъ противъ ошибки достопочтеннаго графа: «Я горячо говорилъ претивъ наказанія смертью заговорщиковъ — замѣтилъ «Духъ Цезаря» — и предлагалъ конфисковать лишь ихъ собственность, самихъ же заковать въ дѣпи по разнымъ городкамъ. Я всегда отступалъ предъ пролитіемъ крови за политическія преступленія, и еслибы графъ Россель прочелъ надлежащимъ образомъ *Саллюстія*, онъ не только не сдѣлалъ бы упомянутой ошибки, но увидѣлъ бы, что именно обо мнѣ, противопоставляя мой характеръ Катонову, Саллюстія говоритъ:

Mansuetudine et misericordia clarus factus (*).

Выборъ предмета для перевода сдѣланъ лордомъ Дерби также, кажется, весьма удачно. Что въ англійской публикѣ существуетъ до сихъ поръ большая потребность въ такомъ переводѣ Гомера, который бы могъ дать исполнѣ удовлетворительную идею о великомъ подлинникѣ, видно изъ огромнаго числа переводовъ Го-

(* То-есть, былъ славенъ кротостію и милосердіемъ.)

мера, всевозможныхъ размѣровъ и родовъ, появившихся за послѣднее время въ Англiи. Такой запросъ приводитъ насъ къ заключенiю, совершенно противоположному тому, которое слышится въ словахъ почтеннаго лорда въ предисловіи къ его труду, когда онъ говоритъ, что «вкусъ и оцѣнка классической литературы приходять въ Англiи въ большой упадокъ.» Не изъ устъ ли англійскаго критика слышимъ мы, что Гомеръ стоитъ въ такомъ же отношенiи къ поэмамъ Теннисона, какъ аттическая колонна къ дорафаэлевской картинѣ, и что если наши чувства пресыщаются одной, то, напротивъ, они освѣжаются строгой и граціозной простотой другой. Вотъ почему англійскіе критики недовольны, между прочимъ, и переводомъ Гомера Попе: его главные красоты и заключаются именно въ сообщенiи оригиналу того яркаго колорита, который пресыщаетъ чувство. Переводъ лорда Дерби, по отзывамъ англичанъ, передаетъ совершенно прозрачно Гомера. Переводчикъ не пытался передать строго-подстрочно подлинникъ, но онъ въ то же время и не взялъ на себя, подобно Попе, вольности поэта отлить гомеровы мысли въ произвольныя подражательныя формы. Онъ думалъ, кажется, что ясный и честный переводъ въ состоянiи послужить живымъ отраженiемъ гомеровскаго сiянія, когда скромно говоритъ, что былъ бы удовлетворенъ, еслибы строки его труда «вызвали въ комъ нибудь воспоминаніе о слабыхъ звукахъ, услаждавшихъ дни младенчества и еслибы въ переводѣ его сохранился хотя самый слабый слѣдъ благоуханія оригинала.» Лордъ Дерби описываетъ слѣдующимъ образомъ въ предисловіи планъ своего труда:

«Моей постоянной цѣлью было дать переводъ, а не передѣлку; не такой, конечно, переводъ, который удовлетворилъ бы относительно каждаго слова строгія требованія школьной точности, но такой, который открыто и честно передавалъ бы смыслъ и духъ важдаго мѣста и каждой строки, ничего не опускаая и ничего не распространяя, но тщательно стараясь сохранить за всякимъ возможнымъ для перевода греческимъ эпитетомъ его особый и отличительный характеръ.»

По отзывамъ англичанъ, лордъ Дерби какъ нельзя успѣшнѣе выполнялъ свою задачу; англійскаго читателя прежде всего поражаютъ въ переводѣ изящная ясность и грація стила; Гомеръ отличается силой и сосредоточенной красотой, и потому ясное и скромное отраженіе этой силы и красоты въ переводѣ Дерби даетъ болѣе полное представленіе объ оригиналѣ, чѣмъ многія болѣе честолюбивыя попытки на томъ же поприщѣ. Однимъ словомъ, по отзыву *Times'a*, переводъ лорда Дерби есть «лучшій представитель гомеровой *Iliady* на англійскомъ языкѣ.»

Такого отзыва достаточно, чтобъ почтить скромность не только диллетанта, но любого профессора классической литературы; а такой скромности, съ какою лордъ Дерби выступилъ предъ англійскою публикою, достаточно, чтобъ ее рекомендовать даже нашимъ самобитнымъ творцамъ.

Кстати объ английской литературѣ. Вотъ какъ отзывается объ одной изъ породъ ея современныхъ дѣателей английскій журналъ «North British Review»:

«Современная английская литература похожа на клочокъ земли, который былъ когда-то прелестнымъ садомъ, но теперь заросъ плевелами, и въ этомъ-то засоренномъ состояніи поощряеть на подвиги борзописца (реппу-а-линер), призваніе котораго состоитъ въ томъ, чтобъ навидываться на всякій свѣжій фактъ и трактовать о немъ самымъ многословнымъ и отдаленнымъ отъ предмета образомъ. Подобно тугу (*), онъ душитъ жизнь безъ приговора длинной веревкой словъ. Вообще этотъ убійца родного языка имѣеть самыя поверхностныя понятія о чтеніи по складамъ. Онъ не напишетъ правильно подъ диктовку: «irrelevant» или «veterinary», или даже «separate». Женщины, въ томъ положеніи, которое нѣмцы называютъ положеніемъ «добраго ожиданія» (guter Hoffnung) или «интереснымъ», у него всегда *берьемени* (episcient) (**). Наступаетъ морозъ, убійца торжествуетъ при мысли о возможныхъ случайностяхъ на льду, но его познанія о нулѣ термометра — самыя запутанныя. Иногда онъ вамъ скажетъ, что въ «запрошлую ночь нуль поднялся до точки замерзанія, но когда взошло солнце — нуль внезапно упалъ и стала оттепель.» Стоградусный термометръ представляется ему, повременамъ, не шута, нѣкимъ злокозненнымъ чудовищемъ, какимъ-то лѣшимъ, невзначай набрасывающимся на людей, вслѣдствіе чего онъ и предостерегается своихъ читателей не рисковать никомъ образомъ кататься на льду, пока стоградусный термометръ показываетъ ниже нуля, но обождать, пока они не усмотрятъ, что ихъ старый пріятель Фаренгейтъ спустился ниже точки замерзанія, что доказываетъ, что, по мнѣнію «убійцы», двѣ термометрическихъ лѣсенки служатъ Ормуздомъ и Ариманомъ для катающихся на конькахъ, добрымъ и злымъ началами мороза, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ объ эти лѣсенки выражаютъ, хотя и различнымъ образомъ, но совершенно одно и то же. По словамъ «убійцы», всѣ «случаи» непремѣнно «страшны», впрочемъ, чаще онъ предпочитаетъ «катастрофу» — «случаю». Выкинуло огонь изъ трубы — «убійца» сейчасъ кричитъ «пожаръ», да и не просто «пожаръ», а «ужасный пожаръ». Описываетъ онъ лавочку: у него она неиремѣнно выйдетъ «обширнымъ заведеніемъ», между тѣмъ въ этомъ заведеніи всѣ занятія производятся парю рукъ какого нибудь стараго инвалида, принимающаго въ починъ старую обувь. При спускѣ корабля онъ весь сіяетъ, но все-таки чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ, пока не опишетъ, какъ «благородное торжество морской архитектурной постройки» — такъ называетъ онъ корабль — «скользнуло подобно молніи въ свою родную стихію», хотя слѣ-

(*) Такъ называютъ членовъ известной тайной индійской секты думителей.

(**) Здѣсь нарочно искажено слово въ подлинникѣ.

дуетъ замѣтить, что въ кораблѣ нѣтъ ни одной части, для которой бы вода, соленая или свѣжая, была «родной стихіей». Борзописецъ всюду шныряетъ, и немудрено поэтому, если мы встрѣтимъ его объясняющимъ послѣднюю рѣчь королевы, при чемъ онъ не въ состояніи удержаться, чтобъ не заставить королеву говорить о «дружественномъ примиреніи» между враждующими державами, точно примиреніе можетъ быть чѣмъ нибудь инымъ, какъ дружественнымъ. Иногда онъ поднимается даже на воздушномъ шарѣ, по крайней мѣрѣ, по его словамъ, хотя мы и съ трудомъ доверяемъ ему. Будь мы въ это время на мѣстѣ и облечены, подобо Нерону, неограниченной властью; будь мы, кромѣ того увѣрены, что это *последній* изъ несчастной породы—мы безъ малѣйшаго угризенія совѣсти принимали бы такіа мѣры, чтобъ ни воздушный шаръ, ни борзописецъ, поднявшійся въ немъ, никогда не возвратились на землю. Пусть онъ отправлялся бы на луну и описывалъ читателямъ этой планеты землю, но избавилъ бы эту послѣднюю отъ своей особы и своего калыканья. Но, увя! онъ поднялся и спускается обратно и снова болтаетъ о «ветеранѣ-аэронавтѣ» и о нулѣ, поднимавшемся и опускавшемся въ продолженіе его увеселительной прогулки по воздуху!...

Интересно бы знать, что сказалъ бы почтенный англійскій журналъ, еслибъ ему предложили оцѣнить нѣкоторые изъ цвѣтковъ нашего роднаго борзописанія въ родѣ, напримѣръ, «тепличнаго, ботаническаго лиризма *на выносъ*», или новѣйшую арифметическую выкладку о 80 милліонномъ народонаселеніи въ Англии?

— Въ два часа пополудни 7-го (19-го) января въ Парижѣ скончался Прудонъ на 56-мъ году отъ рожденія, оставивъ жену и двухъ маленькихъ дочерей. Въмѣстѣ съ желѣзнымъ умомъ Прудонъ обладалъ и желѣзнымъ здоровьемъ; но какъ бы ни было могуче здоровье человѣка, сорокъ лѣтъ лихорадочнаго труда въ потѣ лица изъ-за насущнаго куска хлѣба, сорокъ лѣтъ труда честнаго пролетарія и нѣжнаго отца, сорокъ лѣтъ жизни таланта, неумѣвшаго ни предъ чѣмъ сгибаться, кромѣ собственнаго, искреннаго убѣжденія, сокращаютъ и желѣзное здоровье. Онъ не дожидъ до того почтеннаго термина жизни, на которомъ привыкли оканчивать свою дѣятельность англійскіе лорды, съ маститыми знаніемъ и омытностью въ государственныхъ дѣлахъ, но и съ великолѣпными помѣстьями. Прудонъ жилъ въ Пассаи, въ одномъ изъ бывшихъ парижскихъ предмѣстій, въ квартирѣ изъ трехъ небольшихъ комнатъ. Сколько сочиненій, брошюръ, статей написано Прудономъ, довольно громкихъ и извѣстныхъ, и что же? Не оказалось денегъ, чтобы похоронить его! Друзья и знакомые составили для этого подписку, а общество франк-массоновъ выдало впередъ деньги, необходимыя для покупки гроба и найма дрогъ... Газета «Temps» сообщаетъ слѣдующія подробности о погребеніи Прудона: «Сегодня 9-го (21-го) января въ часъ пополудни происходили

похороны Прудона въ Пасси при стеченіи многочисленной публики, журналистовъ, литераторовъ, ученыхъ, студентовъ и рабочихъ. Предъ разверстой могилой исчезли всѣ несогласія во взглядахъ и мнѣніяхъ и уступили мѣсто глубокому уваженію къ нравственнымъ качествамъ покойнаго. Даже тѣ лица, которыхъ Прудонъ надѣвалъ неразъ въ своихъ полемическихъ статьяхъ, и тѣ явились отдать послѣдній долгъ покойному и оплакать преждевременную утрату замѣчательнаго писателя и достойнаго человѣка. Толпа народа болѣе часа тѣснилась въ большой улицѣ въ Пасси, какъ появился линейный полкъ, дефилировавшій по улицѣ съ музыкой и барабаннымъ боемъ. Присутствовавшіе, нѣсколько взволнованные незваными гостями, закричали солдатамъ, что тутъ есть покойникъ. Командиръ полка съ величайшей любезностью тотчасъ же приказалъ музыкѣ замолчать и, проходя мимо дома Прудона, салютовалъ шпагой, барабаны же отдали честь. Нѣсколько минутъ спустя, то же самое случилось и съ полкомъ гвардейскихъ гренадеръ. Командиръ этого полка точно такъ же отдалъ салютъ. Въ три часа пополудни останки Прудона были отвезены прямо на кладбище. На могилѣ было произнесено двѣ рѣчи и замѣчаніе одного оратора, что у семейства Прудона не осталось ни одного гроша—никого, конечно, не могло удивить, кто зналъ безкорыстіе покойнаго.

Газета парижскихъ студентовъ «La Rivegauche» вышла въ день смерти Прудона съ черною каймою. Говорятъ, что послѣ Прудона осталось нѣсколько рукописей. Одно сочиненіе касается вопросовъ искусства, другое—разбираетъ политическія способности рабочихъ классовъ. Друзья покойнаго намѣрены скорѣе издать его избранныя сочиненія и сдѣлать его бюстъ. Въ числѣ оставшихся рукописей его называютъ «Исторію Библии», за которую одинъ издателъ предлагалъ вдовѣ Прудона 30,000 фр.

— Французская политико-экономическая литература лишилась недавно одного изъ почтенныхъ и даровитыхъ ея дѣателей — Гильомена (Guillaumin), издателя «Journal des Economistes», умершаго внезапно отъ болѣзни сердца. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ основателей французскаго политико-экономическаго общества, существующаго теперь уже 20 лѣтъ, и весьма много содѣйствовалъ своей дѣятельностью распространенію во Франціи изученія экономической науки. Гильоменъ былъ постояннымъ секретаремъ этого общества. Въ 1836 г., онъ издалъ довольно-извѣстный между специалистами *Dictionnaire du Commerce et des Marchandises* (словарь торговли и товаровъ); сочиненіе это выдержало нѣсколько изданій и являлось въ каждомъ новомъ изданіи въ болѣе исправленномъ и увеличенномъ видѣ. Въ 1841 г. онъ основалъ «Journal des Economistes» — извѣстный органъ французскихъ экономистовъ, въ которомъ принимали участіе многіе изъ знаменитыхъ поборниковъ началъ свободной торговли. Съ 1844 г., Гильоменъ сталъ издавать (сначала вмѣстѣ съ Жюве-

фонъ Гарнье) *Annuaire de l'Economie Politique et de la Statistique* (Ежегодникъ политической экономіи и статистики), имѣвшій большой успѣхъ, какъ ежегодная настольная справочная книга экономическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Почти въ то же время онъ издалъ *Собраніе главнѣйшихъ экономистовъ*, въ которое вошли сочиненія всѣхъ главныхъ двигателей экономической науки, отъ Кенэ, основателя школы французскихъ экономистовъ, Тюрго, Бобана и др. до Ж.-Б. Сэ и Адама Смита включительно. Г. Гильомеъ издалъ также по многимъ фактическимъ свѣдѣніямъ весьма полезный *Словарь Политической Экономіи*. Онъ же издавалъ *Библиотеку Современныхъ Экономистовъ и Публицистовъ*, въ которую вошли, между прочимъ, сочиненія Д.-Стюарта Милля, Мак'Коллоха, американца Кэри и др.

По своимъ политико-экономическимъ убѣжденіямъ, Гильомеъ принадлежалъ къ школѣ экономистовъ. По его мнѣнію надуги, тяготѣющіе надъ народомъ, всегда одинаково тяжки, присвоиваетъ ли одна часть населенія продукты труда другой, стремятся ли отдѣльныя личности, составляющія народъ, установить между собою равенство имуществъ и бѣдствій. Отсюда, по его понятію, слѣдуетъ, что неравенство между отдѣльными личностями, изъ которыхъ состоитъ народъ, есть законъ ихъ природы; что слѣдуетъ, насколько возможно болѣе, просвѣщать людей о причинахъ и послѣдствіяхъ ихъ дѣйствій и что наиболѣе благоприятное для всѣхъ видовъ прогресса положеніе есть то, въ которомъ каждый несетъ изду за свои пороки и гдѣ никто не можетъ похитить у другого плодовъ его добродѣтели и трудовъ... Вотъ въ краткихъ словахъ точка зрѣнія, съ которой Гильомеъ относился къ политико-экономическимъ явленіямъ.

— Англія также утратила одного изъ своихъ наиболѣе ученыхъ и извѣстныхъ экономистовъ — Мак'Коллоха. Этотъ ученый нечуждъ и образованію русскаго юношества. Всякому, кому близокъ учебникъ политической экономіи г. Горлова, долженъ быть на столько же близокъ и Мак'Коллохъ, такъ-какъ книга г. Горлова положительно переполнена выдержками изъ мнѣній и взглядовъ этого ученаго.

Мак'Коллохъ родился въ графствѣ Вигтонъ, въ Шотландіи, въ 1789 г., слѣдовательно умеръ на 76 году отъ рожденія. Первоначальное образованіе онъ получилъ отъ своего дѣда, шотландскаго священника. По окончаніи школьнаго образованія, онъ былъ помѣщенъ родителями писцомъ въ мѣстный судъ; но скоро бросилъ свои занятія адъёсь, переѣхалъ въ Эдинбургъ и посѣщалъ публичныя лекціи мѣстнаго университета втеченіе двухъ лѣтъ; онъ не приготовлялся, впрочемъ, къ какой либо исключительной профессіи и не получилъ отъ университета никакой ученой степени. Только въ 1817 г. (на 28 году возраста), одна случайная статья Мак'Коллоха, присланная имъ въ *Scotsman*, повела къ сотрудничеству его въ этомъ журналѣ, а нѣкоторое время онъ былъ его издателемъ. Въ слѣдующемъ году, Мак'Коллохъ

напечатать рядъ статей въ *Edinburgh Review* и читалъ въ то же время публичныя лекціи политической экономіи. Въ 1820 г., Мак'Коллохъ перешелъ въ Лондонъ, участвовалъ здѣсь во многихъ періодическихъ изданіяхъ и продолжалъ публичныя чтенія о политической экономіи. Въ 1828 г., онъ былъ избранъ лондонскимъ университетомъ для занятія кафедрой политической экономіи; но число студентовъ, посѣщавшихъ его лекціи, было недостаточное, чтобъ взносы ихъ могли удовлетворить его за труды, и потому черезъ три года Мак'Коллохъ оставилъ профессуру. Въ 1838 г., правительство выговъ сдѣлало его контролеромъ лондонскаго *Stationery-Office* — бюро, котораго обязанность — наблюдать за печатаніемъ правительственныхъ бумагъ и заготовленіемъ канцелярскихъ и типографскихъ матеріаловъ и т. п. для англійскихъ административныхъ учреждений. Получая 1,000 ф. стерл. въ годъ жалованья, Мак'Коллохъ оставался на этомъ мѣстѣ до самой своей смерти. Кромѣ того онъ пользовался ежегодной пенсіей въ 200 ф. с. изъ государственнаго бюджета, назначенныхъ ему сэромъ Робертомъ Пилемъ за литературныя заслуги. Мак'Коллохъ былъ компиляторомъ англійскихъ «Синихъ Книгъ». По отзыву англійскихъ газетъ, когда Мак'Коллохъ вступилъ въ свою должность, бюро заготовленій представляло «огиевъ стойла». Хотя своей строгой экономіей и невинностью во взяточничествѣ, Мак'Коллохъ приобрѣлъ себѣ много враговъ, но, какъ громко свидѣтельствовали его отчеты и донесенія парламенту, онъ съ большимъ успѣхомъ очистилъ прежнія «стойла» отъ чиновничьихъ нечистотъ.

Но главнымъ образомъ имя составилъ себѣ Мак'Коллохъ своими литературными трудами — плодомъ сорокалѣтнихъ научныхъ занятій и опытности. Его чтенія въ Лондонѣ часто посѣщались англійскими государственными людьми; сотрудничество же его въ періодической литературѣ было весьма обширно и разнообразно. Въ 1837 г., онъ издалъ *Statistical Account of the British Empire* (Статистику британскаго государства). По отзыву А. Блэки, это — лучшее систематическое сочиненіе по статистикѣ Великобританіи. Оно выдержало послѣдовательно нѣсколько изданій. Другой капитальный трудъ Мак'Коллоха есть его *Dictionary of Commerce* (Коммерческій Словарь), выдержавшій нѣсколько изданій; нѣкоторыя изъ статей его такъ важны, что представляютъ дѣльныя спеціальныя сочиненія. Этотъ словарь подалъ мысль и послужилъ планомъ для Гильоменова Коммерческаго Словара, о которомъ мы уже говорили выше. Оба сочиненія — самыя капитальныя изъ трудовъ Мак'Коллоха; они были перепечатаны въ Соединенныхъ Штатахъ и переведены на многіе европейскіе языки. Труды Мак'Коллоха по отдѣльнымъ экономическимъ вопросамъ были довольно многочисленны и всѣ болѣе или менѣе представляютъ дѣнные вклады въ сокровищницу политико-экономической науки. Въ 1828 г., онъ издалъ въ 4-хъ томахъ in 8-о Смитову *Wealth of Nations*, съ биографіей автора, введеніемъ, примѣчаніями. Это — лучшее изъ из-

вѣстныхъ изданій знаменитаго труда Адама Смита. Въ 1835 г. онъ издалъ свои *Трактаты и опыты объ экономической политикѣ*, въ которые вошли критическіе очерки ученій Кенэ, Адама Смита, Ривардо. Въ томъ же году появилось послѣднее изданіе его *Началъ политической экономіи*. Въ 1848 г., онъ издалъ весьма замѣчательный трудъ: *A treatise on the Succession to property, vacant by death etc.* (Трактатъ о правѣ наслѣдованія).

Библіотека Мак'Коллоха была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по полнотѣ. Въ ней собраны были не только почти всѣ появлявшіеся въ Англии труды по политической экономіи и статистикѣ, но и почти всѣ иностранныя сочиненія по этимъ предметамъ, въ томъ числѣ и всѣ извѣстные памфлеты. Въ 1855 г. онъ издалъ *Библіографію политико-экономической литературы*, съ историческими, критическими и биографическими замѣчаніями—вещь драгоценную для специалиста, особенно по отношенію къ *англійской* экономической литературѣ. Два года спустя, онъ напечаталъ частнымъ образомъ, въ нѣсколькихъ отгискахъ, весьма замѣчательный *Толковій каталогъ*, составляющій библіографическую рѣдкость, такъ - какъ немногіе экземпляры его авторъ раздарилъ своимъ частнымъ и литературнымъ друзьямъ. Умъ Мак'Коллоха не былъ изобрѣтательнымъ: онъ изслѣдовалъ и объяснялъ мысли другихъ. Онъ былъ сильнѣе въ статистикѣ, чѣмъ въ политической экономіи; но всѣ его труды отличаются ясностью и отчетливостью изложенія.

— Какъ фактъ изъ той области вѣдѣнія, которой послужили посылку трое упомянутыхъ литературныхъ дѣателей: Прудонъ, Гильомень и Мак'Коллохъ, считаемъ неизбежно интереснымъ занести въ наши замѣтки извѣстіе о строеніи храма и скинии завѣта въ городѣ Большаго Соленаго озера, у мормоновъ. Корреспондентъ издающагося въ Сен-Луи журнала *Republican*, описываетъ слѣдующимъ образомъ эти постройки: Что поражаетъ каждаго наблюдателя при взглядѣ на строящійся храмъ — это весьма замѣчательная солидность каменной кладки: кажется, что строитель разсчитываетъ на тысячелѣтія, впродолженіе которыхъ долженъ оставаться непоколебимымъ на своихъ могущественныхъ основахъ этотъ храмъ. Стилъ архитектуры храма нѣсколько оригиналенъ. Лицевая сторона представляетъ три башни, изъ которыхъ средняя выше двухъ боковыхъ. Задній фасадъ храма представляеть такіа же три башни. Боковыя стѣны поддерживаются могучими устоями, покрытыми башнями; стѣны высоки; общій видъ зданія весьма импозантный. Иллишиа въ орнаментальныхъ украшеніяхъ нѣтъ: все солидно, съ достоинствомъ и впечатлительно. Зданіе предназначается не для народныхъ собраній, но для церковной службы. Народныя же собранія будутъ происходить въ другомъ проектированномъ зданіи—въ «скинии»—позади перваго. По словамъ корреспондента, это будетъ одно изъ оригинальнѣйшихъ по рисунку зданій: оно будетъ имѣть видъ

овала, какъ по наружному очерку, такъ и внутри. Въ настоящее время 52 массивныхъ устоя прочной каменной работы (10 ф. длины на 4 ф. толстоты) указываютъ на будущій наружный очеркъ зданія. На эти устои наложится овальная крыша. Полъ залъ также будетъ имѣть овальную форму и покроется рядами возвышающихся одно надъ другимъ, въ видѣ амфитеатра, сидѣній. Стѣны не будутъ сплошными; такъ-какъ зданіе предназначается для обширныхъ собраній, то обращено особенное вниманіе на освѣщеніе и вентиляцію, вслѣдствіе чего почти все зданіе будетъ состоять изъ оконъ и дверей. Оно покрываетъ площадь 32-хъ саж. съ небольшимъ длины и 25 саж. ширины, и рассчитано для вмѣстительности 10,000 человекъ. Здѣсь наставники и старѣйшины будутъ просвѣщать народъ. Стоимость этихъ зданій должна быть громадна; но всѣ издержки по постройкѣ вносятся членами мормонской церкви деньгами и трудомъ. На вопросъ корреспондента, во сколько по сметѣ оцѣнены издержки на постройку храма и скинии?—ему отвѣчали съ улыбкой: «Мы не высчитываемъ издержекъ такимъ образомъ. Когда мы рѣшаемъ сдѣлать что-нибудь, то это дѣлается безъ расчета издержекъ, каждый участвуетъ своей частью въ предпріятіи». Президентъ мормоновъ, Браямъ Юнгъ—главный наблюдатель и въ то же время архитекторъ сооружаемыхъ зданій. Онъ самъ осматриваетъ всѣ работы и указываетъ мѣсто каждому камню.

— Прошлый разъ мы обѣщались сообщить читателямъ о засѣданіяхъ англійской національной ассоціаціи для распространенія соціальной науки. Президентъ этого общества, восьмидесятишестилѣтній лордъ Врумъ, выразилъ въ началѣ своей рѣчи къ собравшимся членамъ (600 человекъ членомъ и сообщившомъ) сожалѣніе, что ему, старыку, еще разъ приходится уступить настойчивому желанію своихъ друзей-соучленомъ и занять президентскія кресла, хотя онъ находитъ болѣе способныхъ и молодыхъ членомъ, достойныхъ занять президентскія кресла. Мы привыкли къ скромности лучшихъ англійскихъ дѣятелей, и потому тотъ горько ошибся бы, кто сталъ бы заключать изъ словъ почтеннаго лорда Врума, что время президентства его проходить, и что у старика ослабѣваютъ умственные силы, чтобъ держаться съ честью на томъ высокомъ мѣстѣ, на которомъ «настойчиво» удерживаютъ его друзья. Стоитъ лишь пробѣжать пять большихъ столбцовъ «Times'a» самой убористой печати, въ которыхъ вмѣстивась рѣчь лорда Врума, чтобъ оставить за 86-лѣтнимъ старикомъ всѣ права на обширную память, мастерство изложенія и умѣнье въ немногихъ словахъ дѣлать сжатые и ясные очерки весьма серьезныхъ и разностороннихъ вопросовъ. Ни одно изъ болѣе или менѣе важныхъ соціальныхъ явленій въ жизни народной и высшей политикѣ государствъ за истекшіи годъ не было забыто лордомъ Врумомъ въ его рѣчи. Было бы весьма долго передавать все содержаніе рѣчи почтеннаго лорда, и потому мы оста-

новимся на нѣкоторыхъ болѣе живыхъ вопросахъ, затронутыхъ въ ней. Что можетъ быть, напримѣръ, живѣе вопроса о коопераціи? Безъ сомнѣнія, англійскому законодательству, какъ замѣтилъ лордъ Брумъ, остается еще чрезвычайно много сдѣлать для улучшенія быта рабочаго класса, но во всякомъ случаѣ въ Англии этотъ классъ обладаетъ большою долей свободы дѣлать многое для себя собственной инициативой, и дѣлаетъ многое, какъ доказываютъ слѣдующія цифры: въ концѣ 1863 г. въ Англии и Валлисѣ было 454 кооперативныхъ общества, изъ которыхъ только 72 не имѣли барышей, частью отъ небрежности, частью по непродолжительности времени отъ ихъ основанія; число членовъ остальныхъ 381 было 108,588, изъ которыхъ 22,732 ч. прибыли въ 1863 году; сумма, уплаченная за товары, доходить до 2,370,153 ф. ст.; суммы, полученныя за товары, составляютъ 2,626,471 ф. ст., доставляя такимъ образомъ сообщникамъ барыша 213,623 ф. ст. Данныя о кооперативныхъ обществахъ за истекшій 1864 годъ, полученныя лордомъ Брумомъ, по его словамъ, показываютъ значительное увеличеніе числа этихъ обществъ, ихъ капиталовъ и оборотовъ. Барыши въ этихъ обществахъ распределяются пропорціонально наемъ участниковъ. Всѣ обороты находятся въ рукахъ самихъ же работниковъ и изъ барышей по большей части отдѣляется извѣстный процентъ на образованіе особаго капитала, который обыкновенно также употребляется на производительныя работы коопераціи. Но задачу большинства этихъ обществъ составляетъ покупка и продажа продуктовъ, потребляемыхъ самими членами. Такимъ образомъ барыши здѣсь называются пропорціонально потребленію, и что въ особенности утѣшительно, что наибольшая часть ихъ употребляется на дѣло образованія, на покупку книгъ, журналовъ и на поддержаніе читаленъ.

Но самый замѣчательный шагъ и, безспорно, чрезвычайно важный по своимъ благотворнымъ послѣдствіямъ для кооперативныхъ обществъ сдѣланъ въ Англии учрежденіемъ генеральнаго агентства отъ всѣхъ англійскихъ кооперативныхъ обществъ для оптоваго снабженія ихъ товарами. Инициатива въ этомъ важномъ улучшеніи принадлежитъ г. Гринвуду изъ Рочделя, который еще въ мартѣ 1863 г. предложилъ планъ учрежденія агентства на обсужденіи конференціи изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ кооперативныхъ товариществъ Ланкашира и Йоркшира. Планъ этотъ былъ единодушно принятъ уполномоченными и въ прошломъ году приведенъ въ исполненіе. Въ Манчестерѣ учреждена контора агентства и всѣ издержки, включая покупку и продажу матеріаловъ, покрываются весьма малыми взносами отъ членовъ обществъ, вступившихъ въ сношеніе съ агентствомъ. Всѣ товары, требуемые обществами, закупаются агентствомъ оптомъ у большихъ торговцевъ и доставляются этими послѣдними на счетъ получателей, вслѣдствіе чего товары приобрѣтаются и лучшихъ качествъ и дешевле. Какъ ни важенъ этотъ шагъ для будущности кооперативныхъ обществъ въ Англии, онъ далеко еще не имѣетъ того

выдающагося значенія, которое представляет фактъ значительнаго увеличенія этихъ обществъ въ Англіи: вмѣсто 332 обществъ съ 90,000 членовъ въ 1862 г., въ 1863 является уже 454 общества съ 108,000 членовъ; сумма же платежей за товары возвысилась за то же время съ 2,300,000 ф. ст. съ барышомъ въ 145,000 ф. ст. до 2,600,000 съ барышомъ 213,000 ф. ст. Много въ этомъ успѣшномъ развитіи англійской коопераціи лордъ Брумъ приписываетъ неутомимой дѣятельности г. Питмана и вліянію на рабочіе классы руководимаго имъ журнала «Кооператоръ». Г. Питманъ посѣщаетъ промышленные центры и читаетъ рабочимъ лекціи о важномъ и благодѣтельномъ значеніи для нихъ коопераціи.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ тѣхъ сбереженій и барышей, которые выражаются цифрами въ сотняхъ-тысячъ рублей, кооперація оказываетъ чрезвычайно хорошее нравственное вліяніе на рабочихъ. Она развиваетъ ихъ умственные силы, вызываетъ въ нихъ чувство независимости, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, лучше всего поднимаетъ нравственное достоинство человѣка. На американскихъ корабляхъ, ведущихъ торговлю съ Китаемъ, вошло въ обычай, что каждый матросъ получаетъ часть барышей отъ рейса, и этому обстоятельству приписываютъ отличное поведеніе этихъ матросовъ, и рѣдкость столкновеній ихъ съ народомъ и администраціей Китая. Въ самой Англіи издавна существуетъ весьма краснорѣчивый примѣръ вліянія коопераціи на нравственный складъ рабочихъ. Въ Корнуэльсѣ руда эксплуатируется предпринимателемъ съ соучастіемъ самихъ рудокоповъ, которые берутъ обыкновенно извѣстный процентъ съ цѣны добытаго ими минерала. Эта система имѣетъ, конечно, свои невыгоды для рабочихъ, но по вліянію своему на ихъ бытъ и характеръ, она поставила корнуэльскихъ рудокоповъ на передовое мѣсто между англійскими рабочими классами. Рудокопы эти не только развиты умственно весьма высоко, но и очень свѣдущи. Обычное сознаніе себя участникомъ въ предпріятіи сообщило чувству ихъ независимости американскій отбѣнокъ (*). Потому-то нѣтъ ничего удивительнаго, если мы узнаемъ, что рудокопы эти живутъ въ собственныхъ домахъ, построенныхъ на арендуемой ими землѣ на время трехъ пологній, то-есть на 99 лѣтъ, и что изъ 300,000 ф. с., внесенныхъ въ сберегательныя кассы Корнуэльса, двѣ-трети принадлежатъ этимъ рудокопамъ.

— Финансовый итогъ, сдѣланный на послѣднемъ генеральномъ собраніи британской ассоціаціи, о которой мы сообщали въ прошлой книжкѣ журнала, далъ слѣдующіе результаты: 287 старыхъ пожизненныхъ членовъ; 40 новыхъ пожизненныхъ членовъ, 400 ф. с.; 181 старыхъ ежегодныхъ членовъ, 181 ф. с.; 103 новыхъ ежегодныхъ члена, 206 ф. с.; 1119 общниковъ, 1119

(*) По отзыву Д.-Стварта Милла, Др. Бархама и Самюэла Ленга.

ф. с.; 1,058 дамъ, 1058 ф. с.; всего внесено 2,964 ф. с., что составить на наши деньги 18,613 р 92 к.

Кромѣ финансоваго итога, въ этихъ цифрахъ особенно интересна цифра дамъ — общица британской ассоціаціи. Всѣ прошлогодніе научные конгрессы, впрочемъ, по общему отзывамъ, отличались особенно обильнымъ приливомъ женщинъ. Такъ, напримеръ, въ послѣднихъ засѣданіяхъ международнаго конгресса социальныхъ знаній въ Амстердамѣ, число ихъ почти равнялось числу мужчинъ. Отсюда мы вправѣ заключать, что серьезныя разговоры о научныхъ вопросахъ перестаютъ уже наводить скуку на дамъ, и если теперь остается чего желать въ будущемъ, то это, чтобы дамы съ ученымъ разговоромъ не наводили скуки на мужчинъ.

— Скажемъ кстати нѣсколько словъ о международномъ конгрессѣ, собравшемся въ минувшемъ году въ Амстердамѣ. Извѣстно, что три года тому назадъ, бельгійцы, по примѣру англичанъ, основали ассоціацію, открытую для всѣхъ, въ какой бы кто изъ европейскихъ національностей ни принадлежалъ; цѣль этой ассоціаціи — выяснять и распространять, посредствомъ обсуждения всѣхъ вопросовъ, интересующихъ социальную жизнь, всѣ истины, которыя могутъ содѣйствовать матеріальному и нравственному развитію общества. Первое собраніе этой ассоціаціи происходило въ Брюсселѣ, въ 1862 г.; второе въ Лентѣ, въ 1863, и наконецъ третье (26 сентября — 2 октября) въ Амстердамѣ. Самъ собою приходитъ въ голову вопросъ: почему бы до сихъ поръ не былъ избранъ для собранія международнаго конгресса ни одинъ изъ городовъ Франціи — страны, повелитель которой, какъ извѣстно, такой горячій приверженецъ политическихъ конгрессовъ? Существуетъ, конечно, много тому причинъ; въ число ихъ, можетъ быть, слѣдуетъ включить и самое непостоянство горячности Наполеона III въ этомъ дѣлѣ: послѣ того, какъ онъ предлагалъ порѣшить судьбы Польши на международномъ конгрессѣ, судьбы итальянской столицы были порѣшены одной нотой Друэнъ-де-Лянса.

Много близорукихъ утилитаріевъ смотреть на подобные конгрессы, лишь какъ на случай поговорить, удобный для болтуновъ, отставныхъ политиковъ, утопистовъ, которыхъ никто не хочетъ слушать, и отрицаютъ безусловно, чтобы могло выйти что либо хорошее изъ этихъ сборищъ, гдѣ обо всемъ разсуждаютъ, ничего не рѣшая и расходятся безъ всякаго видимаго результата. Но разсуждать такъ, значило бы не понимать цѣли этихъ собраній. Въ нихъ дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы въ какіе нибудь семь-восемь дней изслѣдовать *an fond* социальныя вопросы, еще менѣе о томъ, чтобы принимать окончательныя рѣшенія по нимъ. Главная ихъ задача состоитъ въ распространеніи духа социальнаго изслѣдованія, вкуса къ свободному и мирному обсужденію вопросовъ, интересующихъ всѣхъ, духа терпимости и сравненія противоположныхъ мнѣній. Преслѣдованіе этихъ цѣлей не приноситъ немедленныхъ плодовъ, но съѣтъ много благодат-

ныхъ зародышей, правда незамѣтныхъ, но она проростутъ въ общественномъ сознаніи и принесутъ въ свое время плоды.

Международный конгрессъ раздѣлилъ свою программу между шстью спеціальными отдѣленіями: 1) сравнительнаго законодательства; 2) образованія и воспитанія; 3) искусства и литературы; 4) гигиены и благотворительности; 5) политической экономіи. Утреннія засѣданія посвящались замѣтаніямъ спеціальныхъ отдѣленій; послѣобѣденныя — попеременно одному изъ спеціальнахъ отдѣленій; отсюда слѣдуетъ, что болѣе спеціальныя, техничскія обсуждения вопросовъ унадали на утро, ораторскій же элементъ преобладалъ послѣ обѣда. По свидѣтельству очевидцевъ, дамы усерднѣе посѣщали послѣобѣденныя, общія засѣданія, хотя нѣкоторыя принимали участие и въ утреннихъ. Въ числѣ посѣтительницъ особенно выдавалась своимъ образованнымъ умомъ одна бельгійская дама, баронесса Кромбрюгге, говорившая во второмъ отдѣленіи.

Какъ въ спеціальныхъ, такъ и въ общихъ засѣданіяхъ международного конгресса въ прошломъ году, первенствующая роль по интересу поднятыхъ вопросовъ и оживленности преній, принадлежала отдѣленіямъ литературы и искусствъ и политической экономіи. Въ первомъ, вопросъ о *христіанскомъ искусствѣ* поглощаль цѣлыя засѣданія. Нѣкоторые отрицали, чтобы существовалъ на сколько нибудь цѣнный характеръ искусства, который заслуживалъ бы названіе христіанскаго, утверждая, что искусство есть выраженіе извѣстнаго состоянія общества, но не продуктъ представленной религіи; нѣкоторые говорили даже, что искусство и христіанство враждебны одно другому въ самомъ принципѣ: одно выждетъ на открытой враждѣ ко всему чувственному и матеріальному, тогда какъ другое — искусство — не можетъ, не самоуничтожая себя, обойтись безъ матеріальныхъ элементовъ и физическихъ ощущеній. Напротивъ, другіе поддерживали ту мысль, что истинное искусство не можетъ существовать внѣ христіанства, вводя, однакоже, подъ опредѣленіе *христіанскій* все, что имѣетъ право на названіе «прекраснаго». Пренія много пострадали оттого, что спорящіе сходились въ смыслѣ, придаваемомъ ими слову «христіанскій». Такъ, напримѣръ, между защитниками, какъ и между противниками христіанскаго искусства, находились такіе, для которыхъ христіанство и католицизмъ представлялись однимъ и тѣмъ же, тогда-какъ другіе были совершенно противоположнаго мнѣнія. Все это естественно запугивало пренія. Безъ сомнѣнія, искусство, точно такъ же какъ и религиозные обычаи, подвержены вліянію и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, служатъ выраженіемъ состоянія общества. Но не признавать первостепенной роли, которую играютъ природа и духъ религиозныхъ вѣрованій въ различныхъ отправленияхъ общественной жизни — значило бы отрицать самую очевидность. Христіанское искусство среднихъ вѣковъ не могло возникнуть, какъ только въ этотъ періодъ; но можно ли составить себѣ надлежащую идею

о средних вѣлахъ вѣхъ христіанства? Ничто въ мірѣ не повторяется въ пережитыхъ разѣ формахъ; не повторится, разумѣется, и искусство средних вѣковъ, также какъ не повторится значеніе и вліяніе на него, какъ и на весь духовный складъ общества, христіанской церкви этого періода. Переживаемая нами эпоха не представляетъ дѣльнаго, законченнаго момента общественнаго сознанія; это—переходная эпоха, въ которую искусство, наравнѣ съ другими проявленіями духовной дѣятельности современнаго человѣка, ищетъ исхода, опредѣленныхъ формъ, но не нашло еще ихъ. Наше время не выработало еще опредѣленнаго философскаго созерцанія, потому оно не выработало и опредѣленныхъ формъ искусства. Что въ свое время христіанство выразить свое вліяніе на искусство, такъ или иначе — объ этомъ не можетъ быть спора, и что остается неизвѣстнымъ—то это родъ этого вліянія, потому что неизвѣстна та роль, которую готовить ему будущее играть въ судьбахъ человѣчества.

Споръ о христіанскомъ искусствѣ въ международномъ конгрессѣ имѣеть чрезвычайно важное фактическое значеніе: онъ нарушилъ установленное конгрессомъ правило обходить обсужденіе религіозныхъ вопросовъ. Правило это принято учредителями международного общества, въ видахъ религіозной терпимости, но едва-ли фактически оно можетъ оставаться ненарушеннымъ. Одинъ изъ членовъ конгресса справедливо замѣтилъ по этому поводу, что въ наше время нѣтъ возможности говорить объ взаимныхъ искусствахъ, литературѣ, воспитаніи, благотворительности, даже о политической экономіи, чтобъ религіозный вопросъ не появился не только на горизонтѣ, но совершенно вблизи насъ. Вотъ почему во второмъ отдѣленіи конгресса, когда зашла рѣчь о воспитаніи, слышались восклицанія: «Не надо воспитательныхъ монастырей!» «Не надо религіозныхъ корпорацій, которыя выдѣлывали бы молодые умы для своихъ цѣлей!»

Мы минуемъ здѣсь колониальный вопросъ, возбуждвшій много шумныхъ преній въ отдѣленіи политической экономіи, такъ-какъ вопросъ этотъ, въ томъ видѣ какъ онъ разбирался, имѣлъ исключительный интересъ для Голландіи.

Амстердамцы считали долгомъ какъ можно радушнѣе принять своихъ гостей. Король самъ подалъ тому примѣръ: засѣданія конгресса происходили въ его дворцѣ, а принцъ Оранскій, старшій сынъ короля, принималъ участіе въ прощальномъ обѣдѣ, данномъ горожанами членамъ конгресса. Для нихъ былъ открытъ свободный входъ во всѣ музеи, акваріумы, точно также какъ и во всѣ общественные кружки голландской столицы. Каждое изъ засѣданій конгресса радушные амстердамцы заканчивали какимъ нибудь удовольствіемъ: балами, театральными представленіями, концертами и въ завершеніе — великолѣпнымъ фейерверкомъ. Устраивались общія прогулки въ школы, ремесленныя заведенія, въ Заандамъ, на знаменитую полировальную фабрику брильянтовъ

и т. д. Большое число членовъ конгресса были приглашены остановиться въ домахъ нѣкоторыхъ амстердамскихъ фамилій.

Такъ встрѣчаютъ въ образованныхъ странахъ представителей науки...

— Въ началѣ минувшаго ноября, въ Веймарѣ происходило генеральное собраніе представителей всѣхъ отраслей такъ называемаго «Учрежденія въ честь Шиллера» (Shillerstiftung). Собраніе это было чрезвычайно интересное и оживленное, такъ-какъ представители этихъ различныхъ отраслей учрежденія (числомъ 21: въ Баденѣ, Берлинѣ, Бреславлѣ, Кельнѣ, Дандигѣ, Дармштадтѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Гамбургѣ, Кёнигсбергѣ, Лайбахѣ, Лейпцигѣ, Любенѣ, Майнцѣ, Мюнхенѣ, Ненбургѣ, Оффенбахѣ, Нюрнбергѣ, Штутгартѣ, Веймарѣ и Вѣнѣ) по большей части въ то же время и представители современной германской литературы. Всѣ ожидали, что засѣданія шиллеровскаго общества будутъ оживлены, и дѣйствительно, пренія велись въ немъ весьма одушевленно, что весьма естественно для учрежденія, сравнительно недавно основаннаго, и по главнымъ пунктамъ котораго различные члены извѣстны своими противоположными мнѣніями. Учрежденіе въ честь Шиллера существуетъ уже пять лѣтъ, и съ каждымъ годомъ важность его возрастала и возрастаетъ; оно стало сразу, какъ многіе справедливо ожидали, дѣйствительно національнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ силы принести много добра для германской литературы и ея дѣятелей. Но какъ Римъ былъ выстроенъ не въ одинъ день, точно такъ же было бы слишкомъ требовательнымъ ожидать, чтобъ и въ шиллеровскомъ національномъ обществѣ — учрежденіи и недавнемъ, и первомъ въ своемъ родѣ — дѣла сразу пошли самымъ лучшимъ образомъ. Необходимъ былъ опытъ, искусство, какъ и во всякомъ практическомъ предпріятіи, и патлѣтвій опытъ дѣйствительно доказалъ, что многіе изъ статутровъ и положеній учрежденія тормозятъ и останавливаютъ его свободное и широкое развитіе. Вопросъ о публичности распредѣленія вспоможеній, еще до собранія общества довольно долго занимавшій германскую журналистику, вызвалъ особенно живыя пренія; обѣ оппозировавшія стороны одинаково ловко выставляли свои аргументы. Противники публичности, къ которымъ принадлежали Гутцковъ, секретарь учрежденія, Юнгъ изъ Кельна и Опперманнъ, ссылались на примѣръ Англіи и Франціи, гдѣ начало тайны въ случаяхъ подобныхъ установлений, строго соблюдается. Г. Гаазе изъ Бреславля назвалъ публичность копьемъ древняго мива, которое въ то же время, какъ наносило рану, сообщало и силу выздоровленія. Наконецъ, публичность значительнымъ большинствомъ голосовъ одержала верхъ.

Другой щекотливый вопросъ, возбуждившій шумныя пренія, касался избранія центральнаго пункта, главнаго мѣстопребыванія учрежденія, которое до сихъ поръ оставалось за Веймаромъ.

Статуты общества опредѣляютъ, чтобъ центральный пунктъ перемѣнялся каждыя пять лѣтъ, и что одинъ и тотъ же городъ, для этой же дѣли, не можетъ быть избранъ вторично. Если принять въ соображеніе, что имя великаго германскаго поэта и его дѣятельность довольно тѣсно связаны съ Веймаромъ, что въ этомъ городѣ живутъ многіе изъ членовъ совѣта управленія общества, то казалось бы, что этотъ городъ имѣетъ нѣкоторыя права остаться центральнымъ пунктомъ для шиллеровскаго общества. Однакоже, вопросу о центральномъ пунктѣ суждено было сдѣлаться камнемъ претивовенія для единодушнаго исхода засѣданій: одному свидѣтелю бурныхъ преній по этому вопросу казалось вполне вѣстай привести почтеннымъ членамъ на память слова Шиллера въ «Теллѣ»: *Seid einig!* (Будьте единодушны). Въ то время, какъ большинство членовъ подало голоса за переизбраніе вновь Веймара, въ качествѣ центрального пункта учрежденія, отиѣнія вмѣстѣ съ тѣмъ вышеупомянутый параграфъ статута, нѣкоторыя изъ побочныхъ отраслей учрежденія, какъ, на-примѣръ, представители отъ Лейпцига отказались участвовать въ дальнѣйшихъ преніяхъ, и протестовали противу принятаго рѣшенія, объявивъ его незаконнымъ и недействительнымъ. Было обсуждаемо и рѣшено нѣсколько другихъ интересныхъ вопросовъ. Между прочимъ, о томъ: должно ли общество употреблять свои фонды исключительно для благотворительныхъ дѣлей, ставя, такимъ образомъ, себя «большимъ госпиталемъ для пролетаріевъ отъ пера», какъ выразился Яковъ Гриммъ; или же оно должно также поощрять и вознаграждать въ видѣ признательности и тѣхъ, которые не имѣютъ безусловной необходимости въ денежной поддержкѣ. Послѣдній взглядъ былъ принятъ членами, и такъ-какъ и въ этомъ отношеніи пришлось измѣнить прежній уставъ, то оказывается, что учрежденіе Шиллера возродилось въ лучшемъ въ свое послѣднее генеральное собраніе.

— Но вотъ и еще одно извѣстіе изъ Веймара: о дѣятельности шекспировскаго общества. Слѣдуетъ припомнить, что общество это образовалась въ день празднованія въ Веймарѣ трехсотлѣтняго юбилея Шекспира; при немъ — распорядительный комитетъ изъ D-гс Ульрихи (извѣстнаго критика и комментатора Шекспира), Боденштедта, Деліуса (издатель и комментаторъ Шекспира), Экарта, Лео, Дингельштедта, и одного-двухъ другихъ. Въ ноябрѣ прошлаго года всѣ эти лица собирались въ Веймарѣ, и результатъ ихъ совѣщаній какъ нельзя болѣе благопріятенъ для будущности шекспировскаго общества въ Германіи. Судя по количеству взносовъ въ кассу общества, есть вѣроятность въ предстоящемъ устройствѣ въ Веймарѣ шекспировской бібліотеки и изданія шекспировскаго альманаха. Проф. Боденштедтъ взялъ на себя изданіе этого альманаха, и статьи, которыя войдутъ въ его первую книгу, объѣщаютъ много привлекательнаго для читателей великаго поэта. Dr. Кобенштеймъ дастъ исторію Шек-
T. CLVIII. — Отд. II.

спира въ Германіи; самъ издатель — отрывки изъ нежданнаго мемуаровъ г-жи Сиддонсъ, сообщенныхъ ему ея дочерью; затѣмъ, нѣсколько эстетико-критическихъ статей другихъ писателей. Кроме того, общество назначило премію во сто фредерикдорговъ за новый переводъ, примѣненный къ сценической постановкѣ «Цимбелина»; оцѣнка такого перевода предоставлена тремъ членамъ комитета, которые не будутъ въ числѣ соискателей, и двухъ директоровъ германскихъ театровъ. Затѣмъ общество призвало необходимымъ возвысить изученіе англійскаго языка въ германскихъ университетахъ, гдѣ самое незначительное меньшинство профессоровъ обращаютъ вниманіе на англійскій языкъ и литературу, вслѣдствіе чего англійскій языкъ занимаетъ въ нихъ по степени занятій такое же мѣсто, какъ еврейскій — по крайней мѣрѣ по словамъ доклада, читаннаго въ обществѣ однимъ изъ членовъ.

— Въ Лондонѣ собирався митингъ валлійцевъ для обсужденія вопроса объ учрежденіи въ Валлисѣ университета. Для насъ, конечно, нѣтъ большой важности въ томъ, будетъ ли нѣтъ университетъ въ Валлисѣ, но интересно прослѣдить, какими образомъ возникаютъ подобныя учрежденія въ Англіи. Какъ и всегда въ этой странѣ, и на этотъ разъ инициатива принадлежитъ обществу, прямо заинтересованному въ дѣлѣ людямъ. Оказывается, что вопросъ объ учрежденіи университета занимаетъ уже цѣлый годъ почтенныхъ валлійцевъ; изъ нихъ, многіе друзья высшаго образованія, по первому слову объ университетѣ, подписались на почтенныя суммы, доходившія вмѣстѣ до нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и все это дѣлалось прежде, чѣмъ въ печати возбужденъ былъ вопросъ объ университетѣ въ Валлисѣ и не прибѣгая за пожертвованіями къ населенію этого княжества. Г. Морганъ Ллойдъ, одинъ изъ валлійцевъ, сказалъ на митингѣ, что было бы желательно довести подписку до 50,000 ф. с., и когда эта сумма будетъ собрана, тогда валлійцы могутъ явиться въ парламентъ и сказать: «намъ нуженъ университетъ; мы пришли не какъ нищіе, и въ доказательство, что мы серьезно думаемъ объ университетѣ, мы добровольно подписались на 50,000 ф. ст. Вы (то-есть законодателя) много сдѣлали для другихъ частей имперіи: вы учредили образовательныя учрежденія для англичанъ, вы давали деньги на воспитаніе шотландцевъ, вы давали деньги на воспитаніе ирландцевъ, но вы ничего не давали на Валлисѣ и никогда ничего не сдѣлали для Валлиса. Мы желаемъ быть во всемъ ранними съ англичанами, и потому просимъ отъ васъ дѣла справедливости — учредить у насъ университетъ». Ораторъ заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ предложеніемъ, встрѣченнымъ общими рукоплесканіями присутствующихъ: «Собравшіеся убѣждены, что княжество Валлисъ, населеніе котораго достигло цифры 1,200,000, торговля же и естественныя богатства быстро развиваются, и интересы котора-

го такъ во многомъ зависать отъ распространенія въ немъ англійскаго языка и вообще англійской культуры, имѣть право на коллегіальныя учрежденія и университетскія привилегіи, подобныя тѣмъ, которыми наслаждаются остальные части Соединеннаго Королевства». Рѣшеніе это было принято единогласно. Между прочимъ, одинъ изъ членовъ, г. Николльсъ, поддерживая это предложеніе, замѣтилъ, что хотя желѣзныя дороги значительно измѣнили положеніе княжества относительно ближайшихъ высшихъ образовательныхъ заведеній собственной Англій, но что въ каждомъ изъ англійскихъ университетовъ содержаніе воспитанника не обходится менѣе 150 ф. с. въ годъ, а въ итонской школь менѣе 250 ф. На это «одинъ изъ оксфордцевъ» отвѣчалъ въ *Evening Mail*, что въ настоящее время, нѣкоторые изъ оксфордскихъ коллегіумовъ содержатъ и обучаютъ студентовъ за весьма низкую сумму вознагражденія, 60 ф. с. въ годъ, а въ другихъ коллегіумахъ 80—90 ф. покрываютъ всѣ издержки. Валлійцамъ, какъ и всѣмъ другимъ подданнымъ Соединеннаго Королевства, открытъ доступъ во всѣ коллегіумы всѣхъ англійскихъ университетовъ, и въ чемъ дѣйствительно нуждаются валлійцы, по мнѣнію «оксфордца», то это въ среднихъ образовательныхъ заведеніяхъ, на основаніе которыхъ имъ и слѣдовало бы обратить свое вниманіе. Кэмбриджъ и Оксфордъ отстоятъ лишь на нѣсколько часовъ пути отъ любого пункта княжества валлійскаго; на тѣ образовательныя дары, которые они такъ щедро расточаютъ англійскому юношеству, они одинаково же щедрны были и будутъ къ валлійцамъ, но что, еслибы эти послѣдніе и основали университетъ у себя, было бы слишкомъ смѣло надѣяться, что молодые люди получали бы въ немъ одинаковое образованіе съ тѣмъ, которое даютъ старыя университеты, Кэмбриджъ и Оксфордъ, да и издержки на содержаніе воспитанниковъ въ провинціальному коллегіуму едва-ли бы не превысили тѣ, которыя необходимы въ старыхъ университетахъ.

— Нѣкоторые изъ слуховъ о предстоящихъ къ появленію въ печати французскихъ литературныхъ новостяхъ довольно интересны: ожидаютъ выхода новаго тома лирическихъ стихотвореній Виктора Гюго, подъ заглавіемъ: «*Chansons des rues et des bois*». «Популярнѣйшій изъ современныхъ французскихъ авторовъ», какъ скромно назвалъ себя недавно Ал. Дюма, получилъ, говорятъ, приглашеніе изъ Америки написать что нибудь романическое по поводу продолжающейся тамъ междоусобной войны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если кондичія будутъ выгодны, Ал. Дюма напишетъ «что нибудь» и, пожалуй, даже съ нѣкоторымъ трескомъ напишетъ, но... что за охота американцамъ популяризовать свою рѣзвю красками Ал. Дюма? Да притомъ этотъ писатель занятъ теперь такимъ важнымъ дѣломъ: онъ обнародываетъ свою частную корреспонденцію, съ комментаріями къ письмамъ, адресованнымъ къ нему!

Жорж-Зандъ драматизируетъ одинъ изъ своихъ послѣднихъ романовъ «Valverde» для театра Одеонъ.

Скоро выйдутъ въ свѣтъ замѣтки и наблюденія француза надъ Англiей и англичанами, г. Луи-Блана. Лица, знакомыя съ парижской и бельгiйской прессой, имѣли случай останавливаться за послѣдніе годы на нѣкоторыхъ письмахъ изъ Лондона, выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ французскихъ корреспонденцій богатствомъ мыслей и оригинальностью изложенія. Эти-то письма составляютъ основаніе новой книги Луи-Блана.

— Говорятъ, что Шарль Дюноае, недавно умершій французскій публицистъ, оставилъ послѣ себя рукопись: «Исторію второй имперіи», которая будетъ въ скоромъ времени навѣстана въ Брюссель за недостаткомъ извѣстныхъ условій для появленія ея въ Парижѣ. Сочиненіе, которымъ Шарль Дюноае приобрѣлъ себѣ извѣстность въ политико-экономическомъ мiрѣ — «Свобода труда», доставившее ему мѣсто въ парижской академіи.

— Извѣстная обѣимъ русскимъ столицамъ, трагическая актриса Ристори была недавно въ Константинополь и играла предъ турецкой публикой въ своихъ наиболее блестящихъ роляхъ. Она была встрѣчена съ большимъ энтузіазмомъ той частью публики, которая состоитъ изъ иностранцевъ; что же касается до тавъ называемаго «общества Пера», то-есть публики аристократической части турецкой столицы, то по отзыву одного изъ англійскихъ корреспондентовъ, она совершенно равнодушна къ представленіямъ Ристори, потому что они «выше ея пониманія».

16-го декабря въ Лондонъ сообщено телеграммой изъ Константинополя: «Обнародованъ весьма строгій законъ о прессѣ». Въ тотъ же день получена въ «Times'ѣ» корреспонденція изъ оттоманской столицы отъ 5-го (17-го) декабря, которую приводимъ вполнѣ. «Такая мѣра (обнародованіе новаго закона о печати) была въ высшей степени необходима, если принять въ соображеніе, что до сихъ поръ литературная собственность въ Турціи была болѣе или менѣе подвержена случайностямъ. Пренія правила о прессѣ были основаны на самыхъ суровыхъ и произвольныхъ условіяхъ. Новыя правила отмѣняютъ многія изъ старыхъ ограниченій, и если будутъ добросовѣстно исполняться, дадутъ значительно болѣе свободы мѣстной прессѣ. Вотъ краткій очеркъ положеній новаго *регламента*: право обнародованія новыхъ изданій предоставляется всѣмъ, туземцамъ и иностранцамъ, неограниченно и внѣ всякихъ условій, которыя могли бы остановить или отсрочить изданіе. Всѣ существующія періодическія изданія вновь подтверждены, съ безусловнымъ сложеніемъ въ нихъ имѣвшихся на нѣкоторыхъ предостереженій.»

Остается обратиться къ области искусства: вотъ чтó пишутъ изъ Мюнхена въ *Atheneum* по поводу новой картины Пилоти (Piloty): «Всегда бываетъ интересно видѣть новую обработку большимъ художникомъ предмета, съ которымъ связаны его пер-

выя попытки въ творчествѣ; такое возвращеніе именно сдѣлалъ недавно Пилоти къ своей старой тѣмѣ «Валленштейну». Эпизодъ, пріобрѣтшій неуязвимый интересъ, благодаря грандіозной позѣ Шиллера, и обработанный Пилоти уже два раза въ картинахъ, продолжается, кажется, оставаться неизощримымъ. Посѣщавшимъ новую мюнхенскую пинакотеку знакома, безъ сомнѣнія, первая изъ картинъ этого живописца: «Сени, нашедшій трупъ Валленштейна»; изъ всѣхъ историческихъ картинъ въ этомъ музеумѣ — это одна изъ самыхъ привлекательныхъ для иностранца. Но послѣдняя, по моему мнѣнію, еще краснорѣчивѣе первой. Она представляетъ Валленштейна на пути къ Эгеру. Онъ — открытый мятежникъ; онъ объявилъ свое намѣреніе защищать этотъ городъ противъ императора и сдать его шведамъ. Исторически извѣстно, что онъ страдалъ во время этого путешествія отъ подагры и былъ слишкомъ слабъ, чтобы ѣхать верхомъ; Пилоти помѣстилъ его на носилки, везомыя двумя мулами. Голова Валленштейна разнится въ этой картинѣ отъ первой; она взята съ вандиковой гравюры въ старой пинакотекѣ и представляетъ этого воина старымъ и дряхлымъ; онъ опустилъ голову на одну руку и смотритъ на кладбище у края дороги. За носилками сзади, ѣдетъ верхомъ на лошади Сени, астрологъ, та же фигура, какъ и въ первой картинѣ, въ высокой шапкѣ и пурпуровомъ плащѣ. Рядомъ за нимъ убійца, Бутлеръ, безстрастный и безъ всякаго выраженія въ лицѣ, ѣдетъ на большомъ черномъ конѣ, не слугская ни на одно мгновеніе глазъ съ Валленштейна. Этотъ пристальный, апатичный взглядъ весьма тонко и правдиво рисуетъ характеръ Бутлера. Если какое нибудь драматическое лицо заслуживаетъ быть поставленнымъ рядомъ съ шекспировымъ Яго, то это именно Бутлеръ, германскій Яго. У него та же тупость и та же искренность; онъ точно такъ же закованъ въ солдатскую виѣшность, чувствуетъ себя на мѣстѣ и кажется вѣрнымъ слугою, между тѣмъ какъ на дѣлѣ онъ — соглядатай, врагъ, и что еще болѣе — онъ побуждается тѣми же мотивами, какъ и Яго. Этотъ послѣдній приходитъ ко всѣмъ своимъ преступленіямъ отъ единственнаго желанія отстѣпиться за то, что его обошли въ назначеніи на должность; Бутлеръ побуждается, во первыхъ, настигнуть Валленштейна и, во вторыхъ, измѣнить ему — отказомъ въ титулѣ. Мрачная, безстрастная фигура, созданная Пилоти, отвѣчаетъ какъ нельзя болѣе такому характеру. На лицѣ его Бутлера, ни одинъ мускулъ не выдаетъ современной мысли убійцы. Все это страшно истинно и мы видимъ въ Бутлерѣ человѣка, всѣ помыслы души котораго сосредоточены на одной вспышкѣ страсти:

Nur von ihm trennen! Oh, er soll nicht leben!

Весь характеръ картины одинаково мастерски выполненъ. Сверху обрамляетъ ландшафтъ сумрачное, зимнее небо, оставляя лишь одну полосу свѣта на дальнемъ горизонтѣ; надъ Эгеромъ же нависли темныя, густыя облака; сумракъ, въ которомъ тонуть стѣны

Эгера, тяжелыя ворота и башни вдоль нихъ, поднимающаяся надъ ними мрачная масса замка, въ которомъ скоро пробьетъ часъ совершенія кроваваго дѣла; угрюмая молчаливость поѣзда, болѣе же всего кладбище на переднемъ планѣ, гдѣ два могильщика роютъ свѣжую могилу—все вмѣстѣ представляетъ удачную прелюдію къ заключительной трагедіи. Валленштейнъ взволнованъ видомъ могилы, какъ предназначенованіемъ, которое его фаталистическая натура не можетъ не принять къ сердцу. Пилоти еще болѣе иллюстрировалъ это предназначенованіе, обставивъ его приличными девизами. На треснутой и обвалившейся стѣнѣ, отдѣляющей дорогу отъ кладбища, мы читаемъ: «In mediâ vitâ mori»; на желѣзныхъ воротахъ: «Послѣдній непріятель, котораго слѣдовало низложить, мертвъ!» Я чрезвычайно радъ, что могу отнести только съ одной похвалою къ этому замѣчательному произведенію — пишетъ англійскій корреспондентъ — выполненному въ техническомъ отношеніи точно такъ же безупречно, какъ и въ художественномъ.»

Въ настоящее время въ Штутгартѣ идетъ курьезный процессъ: теноръ, г. Зонтгеймъ принесъ жалобу суду на своего директора, который заставляетъ его исполнять музыку г. Вагнера. Нѣмецкій теноръ утверждаетъ въ свою пользу, что онъ заключилъ съ директоромъ условіе, чтобъ исполнять голосовыя партіи, а не надорвать свой голосъ.

— Д-р. Лудвигъ Нооль (Nohl), авторъ біографій Моцарта и Бетховена, помѣстилъ недавно въ *Allgemeine Zeitung* весьма неблагоприятный отзывъ о мюнхенской консерваторіи. Г. Нооль, какъ музыкальный авторитетъ, имѣетъ право на рѣшающій отзывъ; онъ напоминаетъ намъ, что Мюнхенъ—одна изъ древнѣйшихъ музыкальных столицъ въ Германіи, что мюнхенская консерваторія—одно изъ первыхъ общественныхъ учрежденій въ этомъ родѣ въ Германіи, и потому заинтересовывается невольно каждаго дилеттанта спросить вмѣстѣ съ нимъ: почему же настоящая ступень музыки въ Мюнхенѣ такъ низка и консерваторія даетъ такіе скудные результаты? Онъ полагаетъ, что музыкальная природа германцевъ слишкомъ воспріимчива для музыки другихъ націй, и что она не достигаетъ до созданія опредѣленнаго національнаго музыкальнаго стиля. «Наши композиторы—говоритъ г. Нооль—могутъ сочинить что нибудь, а наши пѣвцы могутъ спѣть что хотите. Наши капельмейстеры знаютъ всѣ музыкальные стили въ мірѣ, потому что они не только читаютъ всякія партитуры, но и задалбливаютъ и напѣтываются до насыщенія, такъ что когда имъ приходится создать что нибудь свое, они не знаютъ: тѣ идеи, которыя мелькаютъ въ головѣ—ихъ ли собственныя идеи, или же чужія. Даже нашъ талантливый капельмейстеръ Мендельсонъ не свободенъ отъ этого упрека». Въ Парижѣ, дѣйствительно, мыслима національная французская опера; она можетъ быть сочинена и исполнена въ одномъ только Па-

ринжъ; парижская консерваторія есть дѣйствительно школа искусства. Въ Германіи этотъ недостатокъ былъ замѣченъ довольно уже давно и было сдѣлано нѣсколько попытокъ восполнить его; лучшая изъ нихъ — Мендельсона въ 1843 г. — учрежденіе лейпцигской консерваторіи. Эта школа была для сѣвера Германіи тѣмъ же, чѣмъ парижская консерваторія была для остальной Франціи. Въ Германіи едва ли найдется городокъ въ 8—10 тысячъ жителей, въ которомъ бы не нашлось хорошо анающаго свое дѣло капельмейстера или учителя музыки; съ учрежденіемъ лейпцигской консерваторіи большинство этихъ музыкантовъ было привлечено въ Лейпцигъ. Мюнхенская консерваторія была основана три года спустя послѣ лейпцигской; она имѣетъ превосходныхъ профессоровъ, но Дг. Нооль находитъ, что школа эта ничего не сдѣлала, не произвела замѣчательныхъ воспитанниковъ, ни одинъ артистъ не распространилъ ея славы ни дома, ни за границей, ни въ Баваріи, ни въ остальной Германіи. Въ ней главнымъ образомъ замѣчается недостатокъ, по мнѣнію г. Нооля, въ драматическомъ образованіи. Въ ней недостаетъ директора, который гармонировалъ бы всю техническую подготовку и вызывалъ бы изъ нея творческіе результаты, между тѣмъ какъ собственными репутаціей и производительной силой привлекалъ бы воспитанниковъ изъ другой страны. Онъ сожалѣетъ, что руководители образованія въ консерваторіи, мало обращаютъ вниманія на сцену и сами ограничиваютъ себя однимъ оркестромъ, и предлагаетъ избѣгнуть вредныхъ послѣдствій для композиціи отъ такого метода, практическими драматическими упражненіями воспитанниковъ консерваторій. Дг. Нооль многого ждетъ отъ вліянія г. Вагнера, приглашеннаго поселиться въ Мюнхенѣ настоящимъ баварскимъ королемъ. Говорятъ, что Дг. Нооль намѣренъ обнародовать вскорѣ полное собраніе писемъ Моцарта.

— Знакомый уже нашимъ читателямъ романъ мистриссъ Бродомъ «Генри Дунбаръ», передоженъ г. Гоштейномъ для сцены въ пятнадцатую драму, подъ заглавіемъ «Лондонская работница», которая уже давалась на сценѣ парижскаго театра l'Ambigu «съ лихорадочнымъ успѣхомъ».

— *Gazette musicale* сообщаетъ, что извѣстный авторъ оперы «Фаустъ», Гуно, готовитъ новую оперу «Ромео и Юлія» на тѣму шекспировой драмы.

— Въ той же газетѣ находимъ слѣдующій отзывъ о первой симфоніи Шумана: «Нельзя сказать, чтобы такого музыканта какъ Шуманъ можно было осуждать не выслушавъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, придетъ и его время, согласно той теоріи, что для музыкантовъ извѣстной школы надобно одно лишь время, чтобы сдѣлать ихъ классическими. По крайней мѣрѣ мы убѣждены, что Шуманъ теперь пока еще не классикъ и что его симфоніей во

второй и третій разъ можно менѣе наслаждаться, чѣмъ съ перваго раза: мы не находимъ въ ней ничего, кромѣ болѣзненного и томительнаго стиля, тощихъ и угрюмыхъ идей и скучнаго «лорита».

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Исслѣдованіе г. фон-Бушена о состояніи статистики населенія въ Россіи и объ организаціи собиранія статистическихъ матеріаловъ.—Записка коммисіи отдѣленія статистики географическаго общества о состояніи статистики поземельной собственности въ Россіи.—Кратчайшій путь въ Среднюю Азію черезъ Каспійское море.—Этнографическій и географическій очеркъ Хивы и р. Амударьи.—Исслѣдованіе В. П. Безобразова по вопросу объ отпущеніи гиръ Дона и азовскихъ портовъ.—Наше мнѣніе по этому предмету.—Новый біографическій матеріалъ о графѣ Аракчеевѣ, гдѣ онъ является замѣчательнымъ педагогомъ и, по собственному его убѣжденію, продолжателемъ дѣланій Петра Великаго.

Статистика давно уже сдѣлалась необходимымъ пособіемъ администраціи во всѣхъ образованныхъ государствахъ, но системы собиранія и изложенія статистическаго матеріала не вездѣ достигаютъ необходимой въ этомъ дѣлѣ степени совершенства. Россія, относительно статистической системы, отстала неизмѣримо далеко отъ образованнаго міра. «Въ Россіи нѣтъ еще и тѣни статистической системы»—говорить секретарь статистическаго отдѣленія географическаго общества, г. фон-Бушенъ, представившій по настоящему предмету весьма полное и подробное изслѣдованіе (*), удостоенное отъ общества преміи. Нѣсколько лѣтъ назадъ, географическое общество возбудило вопросъ о неудовлетворительности существующихъ у насъ статистическихъ пріемовъ и назначило на разрѣшеніе этого вопроса конкурсъ, по задаче общества осталась безъ отвѣта; въ 1860 г. общество и присоединившійся къ его предпріятію центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ рѣшили возобновить конкурсъ, слѣдствіемъ котораго и было названное нами изслѣдованіе г. фон-Бушена, признанное удовлетворяющимъ цѣли конкурса—вызвать примѣнимый къ государственнымъ условіямъ Россіи проектъ новаго устройства статистической части. Такова краткая исторія настоящаго вопроса.

Неоспоримая и громадная важность предмета заставляетъ насъ обратить на него подобающее вниманіе нашихъ читателей, несмотря на то, что русская публика, вѣроятно, по непривычкѣ къ

(*) Записки геогр. общ. 1864 г. кн. 3.

предмету, привычка считать статистику вообще весьма скучной матеріей.

Въ трудѣ г. фон-Бушена намъ кажутся наиболѣе заслуживающими вниманія: объясненіе и критика существующихъ въ Россіи приемовъ по статистикѣ населенія и соображенія автора объ устройствѣ другихъ по возможности вѣрныхъ и рациональныхъ приемовъ.

Зачатками статистической системы въ Россіи можно назвать: народную перепись (ревизію), текущіе списки населенія и метрики. По закону, переписи распространяются только на русскихъ подданныхъ, платящихъ подати, и производятся исключительно съ финансовой цѣлью—раскладки податей; все же остальное населеніе государства, то-есть всѣ сословія привилегированныя, иностранцы, инородцы, иррегулярная войска и т. д., въ переписи не вносятся, почему она, имѣя характеръ неполной, мѣстной и частной мѣры, становится для общей статистики населенія по самому своему принципу безполезною. Но и исчисленіе податной части населенія достигается переписью крайне неудовлетворительно и приводитъ къ большимъ недоразумѣніямъ, ради финансовой точности и строгости, и потому весь рядокъ ревизіи до того запутанъ и многосложенъ, требуетъ столько времени, труда и переписки, порождаетъ столько недоразумѣній, что окончательно дѣлаетъ невозможнымъ дѣйствительное опредѣленіе наличнаго населенія. Кромѣ того, финансовый характеръ ревизіи вводитъ въ производство ея весьма важный, но по русскимъ порядкамъ, крайне запутанный и сложный элементъ—переписку, которая, находясь въ постоянномъ противорѣчій съ дѣйствительностью, порождаетъ новыя замедленія, новую переписку и не даетъ никакого результата, если только не считать результатомъ цифры, вполнѣну меньшія противъ дѣйствительности, или относящіяся къ населенію, никогда неживущему въ данномъ мѣстѣ, и не дающія никакого понятія о дѣйствительномъ распредѣленіи и составѣ населенія. Такимъ образомъ финансовый характеръ ревизіи есть основаніе ея неудовлетворительности и источникъ неудобствъ. Форма производства нашихъ ревизій по сложности своей неудобна до высшей степени. Въ ревизіи участвуютъ почти всѣ вѣдомства, такъ-какъ сказки составляются ближайшими начальниками, всѣ помѣщики (прежде) и, наконецъ, значительное число частныхъ лицъ, подающихъ сказки отдѣльно отъ себя о своихъ семействахъ. По меньшей мѣрѣ, число сказководателей простирается отъ 180 до 190 тысячъ; связанныхъ одною только вѣншею формою сказокъ. Затѣмъ слѣдуетъ огромное число лицъ, участвующихъ въ переписи только тѣмъ, что принимаютъ сказки и пересылаютъ далѣе, то-есть служатъ какъ-бы станціями при прохожденіи сказокъ отъ мѣста составленія до казенной палаты. Ревизскія комиссіи, учреждаемыя въ каждомъ уѣздѣ (около 700) и состоящія изъ 4-хъ человекъ, проверяющихъ только вѣншую форму сказокъ, занимаютъ 1800 человекъ. Самая ревизія и весьма сложная проверка ревизскихъ сказокъ и сводъ ихъ продолжается обыкновенно око-

до полутора года, при чемъ дѣйствіе ревизіи начинается не одновременно повсюду, а со дня полученія на мѣстахъ высочайшаго указа, также какъ и оканчивается различно, въ продолженіе по крайней мѣрѣ шести мѣсяцевъ, назначаемыхъ, сверхъ годичнаго срока для производства ревизіи, на исключеніе умершихъ и включеніе вновь родившихся по день подписанія сказокъ. Такимъ образомъ, принявъ среднее число родившихся и умершихъ податнаго состоянія мужскаго пола и полагая только одинъ мѣсяць средней разницы между временемъ подачи сказокъ, получается отъ 30 до 40 тысячъ податныхъ душъ менѣе, чѣмъ слѣдуетъ ко дню заключенія сказокъ. Это—минимумъ, который можно предположить. Вѣроятная ошибка должна доходить по крайней мѣрѣ до 50 тысячъ душъ. Повѣрка ревизскихъ сказокъ, производилась правительствомъ черезъ чиновниковъ, вродолагается годъ. Повѣрка эта крайне сложна, обходится дорого и ведетъ къ весьма незначительному результату. Кромѣ сличенія съ метрическими книгами, дѣлаются распросы въ присутствіи понятыхъ и духовенства, приведеніе къ присягѣ, собраніе міра и проч.; все это сопряжено съ множествомъ безпорядковъ, тратою времени и даже не безъ притѣненій. Многосложная переписка, сопровождающая повѣрку, производится безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Расходы на производство ревизіи г. фон-Бушенъ нечислятъ по меньшей мѣрѣ въ миллионъ рублей, въ томъ числѣ на заготовленіе бланковъ для ревизскихъ сказокъ 60 тысячъ, содержаніе ревизскихъ комиссій въ каждомъ уѣздѣ, всего до 700, по 1,000 рублей на каждую—700 тысячъ, и на расходы по повѣркѣ и командированію чиновниковъ и постороннихъ ревизоровъ, по 2,500 руб. на губернію—около 150 тысячъ руб., и т. н. Такова въ общихъ чертахъ наша народная перепись.

Текущіе списки населенія, именно: опредѣляемые актами о состояніяхъ, какъ, на примѣръ, дворянскія родословныя книги и для духовенства—консисторіальные списки; списки фискальные, какъ, на примѣръ, городовыя обывательскія книги, имѣющія цѣль регистрацію недвижимой городской собственности, окладныя книги для домовладѣльцевъ и проч.; наконецъ, списки полицейскіе, существующіе лишь въ городахъ, вообще представляютъ собою крайне неполный и односторонній статистическій матеріалъ, и даже не болѣе какъ разрозненныя и отрывочныя свѣдѣнія. Дворянскія родословныя книги неполны потому, что въ нихъ вносятся только лица, владѣющія населенной недвижимой собственностью, и потому, что законъ не опредѣляетъ срока для внесенія въ книгу, слѣдовательно, записываніе дворянъ въ книгу не составляетъ ни необходимости, ни обязательства; еще менѣе при этомъ возможно ожидать свѣдѣній объ имѣніи въ личномъ составѣ дворянства, то-есть о прибылѣ и убылѣ. Общій списокъ дворянъ, который долженъ содержаться въ герольдіи, вовсе не заключаетъ въ себѣ женскаго пола. Консисторіальные списки, если они вѣдуются исправно, оказываютъ собою для статистики ничтожную учетъ

гу. Городская обывательская книга, веденная согласно предписаніямъ закона, могла бы служить прочнымъ основаніемъ статистики городского населенія съ объясненіемъ гражданскаго состоянія, состава семейства, имущества, промысла, мѣстопребыванія важнаго лица, и т. п., но, къ сожалѣнію, указанная для веденія этихъ книгъ правила почти нигдѣ не соблюдаются и своевольно измѣняются; всѣ же прочіе городскіе и сельскіе списки, какъ, наприм., окладныя книги податнымъ сословіямъ, суть извлеченія изъ ревизскихъ сказокъ, съ текущими поправками о происходящихъ перемѣнахъ, и притомъ для одного лишь мужскаго пола. Полицейскіе списки, предназначенные только для городовъ, имѣющіе цѣлью преимущественно контроль паспортовъ, адресныхъ и другихъ билетовъ, видовъ на жительство и т. п., хотя по принципу и могли бы давать матеріалъ о наличности населенія, но для веденія этихъ списковъ не существуетъ постоянныхъ повсемѣстныхъ правилъ и они ведутся не вездѣ, преимущественно лишь въ значительныхъ городахъ. Самая цѣль этихъ списковъ и существующій способъ веденія ихъ не могутъ сдѣлать ихъ годнымъ статистическимъ матеріаломъ. Авторъ настоящаго изслѣдованія прибавляетъ о полицейскихъ спискахъ, что къ улучшенію ихъ, равно какъ и другихъ текущихъ списковъ населенія, служитъ главнымъ препятствіемъ страшная запутанность и непонятный безпорядокъ нашей паспортной системы, безъ радикальнаго преобразованія которой нечего и думать объ улучшеніи списковъ населенія.

Что касается до метрическихъ книгъ, порученныхъ духовенству, то онѣ неодинаковы для всѣхъ вѣроисповѣданій и особенно кратки и сматы для господствующаго православнаго исповѣданія, и еслибы веденіе этихъ книгъ было вполне исправное, то онѣ не дали бы для администраціи и науки такихъ матеріаловъ, которые, при извлеченіи свѣдѣній и обработкѣ ихъ, не представили бы огромнѣйшихъ затрудненій. Но главный недостатокъ метрикъ состоитъ въ томъ, что онѣ, примѣняясь только къ христіанскому населенію, не касаются весьма значительной части населенія (около 7 миліоновъ), состоящаго изъ магометанъ, евреевъ и язичниковъ, населяющихъ въ значительномъ числѣ Сибирь. Другія неточности метрической регистраціи происходятъ оттого, что, напримѣръ, смѣшанные браки, особенно православныхъ съ католиками, записываются вдвойнѣ, вслѣдствіе двойнаго вѣнчанія; число незаконнорожденныхъ православнаго исповѣданія иногда значительно увеличивается причисленіемъ раскольничьихъ рожденій, считаемихъ по закону родившимися внѣ брака; мертворожденные записываются безъ вслѣдствія опредѣленныхъ правилъ, иногда въ книгѣ рожденій, иногда въ книгѣ смертей, а иногда и въ той и въ другой. У протестантовъ рожденія записываются поздно, иногда чрезъ годъ и болѣе. Смерти регистрируются безъ удовлетворительной спеціализаціи причинъ, что, впрочемъ, не вездѣ и возможно; умершіе не на родинѣ считаются вдвойнѣ: по метрикѣ того прихода, гдѣ произошла смерть;

и по податнымъ спискамъ на мѣстѣ приписки. Формы метрикъ различны по каждому вѣроисповѣданію, почему и неудобны при обработкѣ ихъ; наконецъ, всѣ метрики ведутся по приходамъ; приходы же, какъ территоріальныя единицы, никогда почти не совпадаютъ съ административнымъ дѣленіемъ, такъ же какъ и благочинія никогда не совпадаютъ съ административными границами и представляютъ, какъ и приходы, примѣры крайней чрезполосности.

Предоставляемъ читателю самому опредѣлить степень достоверности и точности нашего отечественнаго сираго статистическаго матеріала о населеніи. Но какъ необходимость административной статистики признали и у насъ, то несмотря на несовершенство матеріаловъ, наши статистическіе органы, губернскіе статистическіе комитеты, преобразованные въ 1860 г., и центральный статистическій комитетъ, учрежденный въ 1858 г., трудятся надъ разработкой этой огромной массы хаотическаго матеріала и, конечно, приходятъ лишь въ тому отрицательному результату, что сравненіе выводовъ комитетовъ и народной переписи даютъ «вопіющую разницу». Къ этому велицинумъ будетъ прибавить, что и тѣ и другіе выводы въ свою очередь далеки отъ истины и слѣдовательно и по тѣмъ и по другимъ даннымъ, наше отечество остается вполне terra incognita, и что наши статистическіе органы могли бы скорѣе «сочестъ пески, лучи планетъ», чѣмъ дать правительству и публикѣ вѣрный счетъ о составѣ и движеніи населенія въ Россіи.

Трудъ г. фон-Бушена заканчивается общими выводами о мѣрахъ къ преобразованію источниковъ статистики населенія въ Россіи. По мнѣнію автора, вполне доказанному, беспорядочность и недостаточность статистическихъ источниковъ въ Россіи, основывается не на случайныхъ ошибкахъ, а на коренныхъ началахъ нашего управленія, и не трогая этихъ началъ, нѣтъ никакой возможности приступить къ нашимъ статистическимъ источникамъ; преобразование же ихъ, по этимъ причинамъ, не можетъ зависѣть отъ центральнаго статистическаго органа. Относительно невозможности исправленія существующаго порядка, авторъ выражается такъ: «Класть заплатки на дырявое, старое платье возможно только тогда, когда дыря не слишкомъ велики и ихъ не слишкомъ много. Въ противномъ случаѣ приходится оставить старое и сшить новое. То же слѣдуетъ сдѣлать со статистическими источниками. Ихъ нечего исправлять, ихъ приходится создать вновь.»

Изъ этого видно, что г. фон-Бушенъ—смѣлый реформаторъ, останавливающаяся ни передъ чѣмъ. Предѣлы нашей хроники не дозволяютъ намъ войти въ оцѣнку предположеній г. фон-Бушена, почему мы и ограничиваемся общими и краткими очеркомъ проектируемыхъ мѣръ для созданія въ Россіи статистической системы, заключающихся въ слѣдующемъ:

1) Сосредоточить всѣ статистическія операціи въ одномъ мѣстѣ, центральномъ статистическомъ органѣ. Метрики, текущіе списки

населенія и переписи должны сдѣлаться спеціальнымъ дѣломъ центрального статистическаго комитета. Второй инстанціей статистической администраціи должны быть губернскіе статистическіе комитеты, а третьей—и самой главной, занимающейся непосредственно собираніемъ статистическаго матеріала: въ городахъ—городская полиція, въ селеніяхъ—волостные старшины или выборные волостнаго правленія, и въ инородческихъ управленіяхъ—инородческая полиція.

2) Образовать статистическіе участки, сообразно средней населенности и разбросанности поселеній, среднимъ числомъ по одному на 5,000 душъ, всего до 12,000 участковъ. Для каждаго участка назначить одного регистратора, число которыхъ будетъ простираться для сельскихъ участковъ 10,000 и для городовъ—2,000.

3) Ввести обывательскіе списки съ полнымъ счетомъ юридическаго населенія и съ отмѣткою выбывающихъ и прибывающихъ; гражданскія метрики, одинаковыя для всѣхъ вѣроисповѣданій, внѣ всякой связи съ метриками духовнаго вѣдомства; и періодическую повѣрку обывательскихъ книгъ по наличности, то-есть производство переписи при участіи особо-приглашенныхъ счетчиковъ.

4) Настоящую паспортную систему замѣнить другою системою, по которой запись въ обывательскую книгу должна служить вмѣсто паспорта и вида на жительство, копіи съ записи новорожденнаго—вмѣсто его метрическаго свидѣтельства, и такая же копія—свидѣтельствомъ о смерти. Запись браковъ должна служить документомъ для вѣнчанія.

5) На содержаніе статистической администраціи и статистическихъ операцій, назначить особую плату за каждую запись, за выдачу свидѣтельства о рожденіи или смерти, свидѣтельства на вступленіе въ бракъ, равно какъ и за отмѣтку о перемѣнѣ жительства. Одну часть платы предоставить въ пользу регистраторовъ, а другую въ доходъ казны. Плата за запись о рожденіи предложена въ 20 к., за запись о смерти 10 к., за свидѣтельство на вступленіе въ бракъ 1 р. 50 к., и за выдачу копіи съ записи въ обывательскую книгу—20 к. Весь сборъ, по расчету автора, долженъ простираться до 1.800,000 руб., изъ которыхъ $\frac{2}{3}$, оставаясь въ пользу регистраторовъ, должны составить вознагражденіе за ихъ трудъ, отъ 150 до 160 руб. въ годъ на каждаго, а $\frac{1}{3}$, то-есть до 600,000 руб. должны поступить въ губернскіе статистическіе комитеты на текущіе расходы и на образованіе губернскихъ статистическихъ суммъ, предназначаемыхъ на производство переписей чрезъ каждые пять лѣтъ.

Въ подкрѣпленіе предположенія объ установленіи платы за записи, авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что и теперь народъ платитъ пошлину за паспорта, виды и всякаго рода свидѣтельства, и кромѣ того, безчисленныя взятки, статистика которыхъ, конечно, авторомъ не приведена.

Проектъ г. фон-Бушена долженъ вызвать многосторонній бри-

лическій разборъ относительно примѣнимости его на практикѣ къ Россіи. Важность предмета вполне этого требуетъ, тѣмъ болѣе, что проектъ возбуждаетъ радикальныя перемены многихъ нашихъ порядковъ, глубоко въѣвшихся въ бытъ и привычки народа. Мы сдѣлаемъ съ своей стороны одно краткое замѣчаніе, не придавая ему, впрочемъ, особаго значенія: проектъ вводитъ особую новую власть въ самую глубь народа, неизмѣющаго никакого понятія ни о цѣли, ни о значеніи статистики, почему едва-ли можно ожидать довѣрія и уваженія со стороны народа къ новымъ создающимся требованіямъ.

Другая отрасль статистики, не менѣе важная, какъ и статистика населенія, есть регистрація поземельной собственности, которой (регистраціи) также не существуетъ еще въ Россіи. Чтобы разомъ повончить съ статистическими вопросами, мы рѣшаемся направить вниманіе читателя на вопросы о поземельной статистикѣ, заимствуя свѣдѣнія объ этомъ изъ доклада комиссіи, избранной статистическимъ отдѣленіемъ географическаго общества для обсужденія программы и состоянія источниковъ поземельной статистики въ Россіи.

Международный и статистическій конгрессъ, съѣзжавшійся въ Берлинъ въ 1862 году, утвердилъ программы для предварительнаго изслѣдованія объ источникахъ для статистики поземельной собственности въ разныхъ государствахъ Европы. Цѣль этихъ программъ—приготовление полной международной поземельной статистики. Россійское географическое общество должно было удовлетворить требованіямъ этихъ программъ, и поэтому должно было изучать источники и документы, служащіе нынѣ или могущіе служить для поземельной собственности въ Россіи. Комиссія, занимавшаяся этимъ дѣломъ, пришла къ тѣмъ убѣжденіямъ, какъ и г. фон-Бушенъ, то-есть что у насъ нѣтъ никакихъ источниковъ и документовъ, по которымъ можно бы было дать отвѣты о состояніи поземельной собственности въ Россіи, по программамъ международного конгресса. Кадастръ произведенъ не вездѣ, генеральное межеваніе устарѣло и невѣрно, специальное межеваніе не окончено по всѣмъ губерніямъ, инвентари и нынѣ уставныя грамоты даютъ свѣдѣнія только о части помѣщичьихъ земель. Однимъ словомъ, оказалось, что любознательнымъ и хлопотливымъ сынамъ Запада мы можемъ дать одинъ только отвѣтъ, что... отъ Перми до Тавриды и т. д. все наше, но сколько—неизвѣстно. Между тѣмъ, не только для удовлетворенія международныхъ конгрессовъ, но и для нашихъ домашнихъ надобностей, весьма важныхъ и настоячивыхъ, какъ, напримѣръ, земскія учрежденія, выборы и вообще всѣ дѣла будущаго земства, необходимо приведеніе поземельной собственности въ положительную и точную извѣстность.

Въ этихъ видахъ комиссія предполагаетъ ввести такую регистрацію поземельной собственности, которая давала бы отвѣтъ о пространствѣ собственности, цѣнности и доходности ея, и юридическомъ качествѣ собственниковъ, при чемъ она должна служить по возможности документомъ на владѣніе и слѣдить за всѣми переходами правъ отъ одного лица къ другому, за перемѣнами во владѣніи, раздробленіемъ и соединеніемъ участковъ. Затѣмъ при введеніи впоследствии (?) ипотечной системы, эта же регистрація должна служить и для записыванія частныхъ долговъ.

Чтобы сосредоточить регистрацію, комиссія полагаетъ ввести для каждаго уѣзда книги поземельнаго владѣнія, веденіе которыхъ поручить земскимъ управамъ, а для первоначальнаго составленія книгъ образовать временныя комиссіи изъ члена земской управы, землемѣра, мирового посредника и двухъ выборныхъ изъ землевладѣльцевъ.

Настоящій вопросъ, разработанный только въ общихъ чертахъ, будетъ обсужденъ подробно отдѣленіемъ статистики географическаго общества. Любопытно знать, какія будутъ изысканы возможныя и удобоисполнимыя мѣры для опредѣленія цѣнности и доходности земель, и для правильнаго измѣренія ихъ по всему государству. Намъ кажется, что не нужно обладать большимъ скептицизмомъ, чтобы мало вѣрить въ успѣхъ такого предпріятія, какъ задуманная комиссіей регистрація поземельной собственности, имѣющая притомъ характеръ не исключительно статистическій, но и юридическій.

Статистика земельной собственности нужна и для администраціи, и для науки, и нужна какъ можно скорѣе, особенно для дѣлъ земства; но мы думаемъ, что для этого необходима программа болѣе удобоисполнимая, чѣмъ книга, предполагаемая комиссіей. Ни межевыхъ средствъ, ни нормальныхъ цѣвъ для каждой мѣстности у насъ нѣтъ, и создать ихъ, конечно, скоро нельзя.

Ипотечный порядокъ едва-ли не болѣе необходимъ, чѣмъ статистическая регистрація, и мы думаемъ, основой земельной статистики должны будутъ послужить ипотечныя книги, а не наоборотъ, какъ полагаетъ комиссія.

Когда настоящій вопросъ будетъ обсужденъ въ географическомъ обществѣ, мы сообщимъ сущность его мнѣній нашимъ читателямъ.

Въ предъидущей хроникѣ сказано было нѣсколько словъ о линіи укрѣпленій, охраняющихъ торговый путь нашъ въ Среднюю Азію. Неудобство и дороговизна составляютъ отличительную черту этого сообщенія, почему и успѣхи наши къ распространенію этимъ путемъ торговли и вліянія на среднеазіійскія ханства, требуютъ громаднхъ жертвъ, упорнаго настойчиваго труда, и

несмотря ни на что, успѣхи эти столь малы, что всякій ощутительный результатъ рисуется только въ отдаленномъ будущемъ. Но удачно ли выбранъ именно этотъ путь, и нѣтъ ли другого болѣе легкаго и выгоднаго пути въ средину Азіи — это вопросъ, на который отвѣчаетъ г. Бутыркинъ въ «Морскомъ Сборникѣ» статьей: «О самомъ удобномъ пути для торговли съ Средней Азіей» (*). Удобнѣйшимъ путемъ для торговаго развитія, между всѣми созданными доселѣ путями, всегда будетъ представляться путь водяной — говоритъ авторъ. За него торговля хватается какъ за путь, облегчающій барыши предпріятія. Для среднеазіатской торговли, вмѣсто пути караваннаго, въ нѣсколько мѣсяцевъ (съ громадными издержками — прибавимъ мы) чрезъ оренбургскую линію, также существуетъ водяной путь: Волгою и Каспійскимъ моремъ, до Красноводскаго залива, откуда до Аму караваннаго пути 10 дней. Но необходимымъ условіемъ для открытія этого пути, по мнѣнію автора, необходимо вначалѣ завязать торговые сношенія съ обитателями степей, лежащихъ между бережьями Каспія и кочевьями хивинскими — туркменами, которые считаются весьма опасными разбойниками, хотя мнѣніе это, заимствованное русскими отъ персіанъ, авторъ опровергаетъ, указывая на мнѣніе объ этомъ академика Бэра. Подъ вліяніемъ предубѣжденія къ туркменамъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ съ нашими сосѣдами туркменами никакихъ торговыхъ оборотовъ и равнодушно смотримъ на то, какъ они ведутъ торговлю съ Персіей и Хивой, тогда какъ обѣ эти страны сами живутъ чужимъ добромъ, отчасти нашимъ пополамъ съ англійскимъ. Это тѣмъ болѣе странно, что выгода отечественной промышленности должна быть значительна, если устроить прямую торговую связь съ этимъ народомъ. Удобство пути и развитіе по нему торговли усилитъ сбытъ нашихъ произведеній, а дешевизна доставки передъ товарами, идущими теперь въ Азію чрезъ Индію, ослабитъ конкуренцію послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что они составляютъ преимущественно бракъ. Не смотря, однако, на свое плохое качество, англійскіе товары расходятся тамъ единственно отъ недостатка конкуренціи. Англичане издавна оцѣнили азіатскую лѣнь, и извлекаютъ изъ нея себѣ пользу, навязывая азіатцамъ свои произведенія, и не затрудняясь никакими препятствіями доставки. Русскіе, несмотря на сравнительную легкость пути, не рѣшаются везти товаровъ къ своимъ кочевымъ сосѣдямъ, ожидая ихъ самихъ за товарами къ нимъ. Чрезъ оренбургскую линію, вся почти торговля производится нѣсколькими бухарцами, естественно везущими къ себѣ, по трудному степному пути, лишь то, чего не доставляютъ имъ англичане, или доставляютъ уже очень плохо. Наше домогдство есть прямая причина, по которой торговля наша чрезъ оренбургскую линію, несмотря на увеличеніе ея, идетъ ежегодно къ дефициту; привозъ товаровъ къ намъ увели-

(*) «Морск. Сборн.» 1864 г. № 9.

чивается, а вывозъ нашихъ относительно уменьшается, и въ настоящее время цифра перваго стала уже вдвое болѣе послѣдняго. Годовой отпускъ товаровъ по этой линіи, показанъ за 1862 г., въ 2,787,478 р., а ввозъ — въ 5,018,701 руб. Даже Средняя Азія, какіе-нибудь туркмены, эксплуатируютъ насъ своей торговлей! Разность въ привозѣ и отвозѣ товаровъ составляетъ золото, увозимое азіятцами; оно-то и составляетъ главный ихъ спросъ, и потому, по мнѣнію автора, необходимо намъ самое сильное оружіе противъ нихъ. Стоитъ лишь на годъ запретить имъ ввозъ къ намъ товаровъ, и гордый своимъ звѣрствомъ и нѣшній эмиръ бухарскій покорно склонитъ голову. Не пролагая пути въ рынки Азіи, мы теряемъ ежегодно значительное количество звонкой монеты, и осуждаемъ себя, подобно азіятцамъ и вообще народамъ нецивилизованнымъ, пользоваться трудами болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Предлагаемое открытіе новаго пути опирается на усиленіи сбыта на Востоку нашихъ произведеній, и имѣя въ основѣ своей обширное политическое значеніе, оно обязываетъ насъ, по мнѣнію г. Бутыркина, торопиться его осуществленіемъ, какъ дѣломъ чрезвычайной важности для отечественной торговли и общей государственной пользы. Медлить открытіемъ пути опасно, потому что англичане уже недалеки отъ этой стороны нашихъ границъ. Для состязанія съ ними, намъ крайне необходимо имѣть опорнымъ пунктомъ хоть бѣдную Хиву, и пароходство по Аму-Дарьѣ. Позволивъ предупредить себя и на этомъ пунктѣ, мы дадимъ большой просторъ ихъ вліанію въ этихъ мѣстахъ, вредящему намъ и теперь въ отношеніяхъ съ туркменами: интриги англичанъ въ послѣдніе годы проникли и сюда; такимъ образомъ, не встрѣчая преграды, вліаніе ихъ можетъ усилиться до того, что для нашей торговли закроются даже рынки Хивы и Туркменіи. При энергіи со стороны русскихъ, авторъ находитъ неопаснымъ соперничество англичанъ, везущихъ въ Туркестанъ свои товары морскимъ путемъ вокругъ мыса Доброй-Надежды до Индіи, и потомъ горами и степями, всего 28,000 верстъ; тажъ же, какъ и путь чрезъ оренбургскую линію не можетъ соперничать съ путемъ каспійскимъ, потому что этотъ послѣдній, кромѣ выгоднаго водянаго сообщенія съ центромъ Россіи по Волгѣ и Каспійскому морю, простирается берегомъ до Аму-Дарьи только на 400 верстъ, а затѣмъ, до Бухары водами этой рѣки 350 верстъ. Мѣры къ осуществленію своей мысли, авторъ предлагаетъ слѣдующія: открыть караванныя сообщенія съ Хивой хоть одинъ разъ. Завести береговую факторію, и устроить правильное, постоянное сообщеніе съ бассейномъ рѣки Аму-Дарьи, обезпечивъ его хорошими колодцами, и привлечь туркменъ на постоянное кочевье къ нѣкоторымъ пунктамъ. Удобнымъ для сего мѣстомъ представляется старое русло Аму-Дарьи, гдѣ есть мѣста, годныя для пастбищъ скота, и хорошая вода. Въмѣсто вьючнаго пути, ввести сообщеніе на телегахъ и арбахъ. По краю Балханскихъ горъ произвести развѣдки каменнаго угля.

Турмень снабжать слѣдующими товарами: хлѣбомъ, снастями для рыбной ловли, и посудой для тошненія сала, жира, и солениа бараньего мяса. Имѣть цѣлю основать на руслѣ Старой Амударьи постоянный аулъ. Для охраненія сплава товаровъ по Каспководскому заливу долженъ быть посланъ крейсеръ. Все это предпріятіе должно быть основано на частный капиталъ, который, по соображеніямъ автора, долженъ простираться до 50,000 рублей.

Весьма жаль, что авторъ недостаточно выяснилъ всѣ особенности и трудности предлагаемаго имъ пути. Неужели одно только препятствіе къ торговлѣ этимъ путемъ — опасеніе хищничества турмень? Трудно допустить, чтобы это затрудненіе служило постояннымъ препятствіемъ съ тѣхъ поръ, какъ торговля съ Азіей признана весьма выгодной для русскихъ торговцевъ, а сознание это существуетъ весьма давно. Краткость берегового пути (400 верстъ) весьма обольстительна, судоходныя сообщенія по Каспійскому морю существуютъ уже давно, въ послѣднее время пароходство развилось тамъ до значительныхъ размѣровъ, каспійскіе порты снабжены военной силой; все это дѣлаетъ необъяснимымъ косиѣніе торговыхъ сношеній этимъ выгоднымъ путемъ съ сосѣдними кочевыми народами.

Въ дополненіе къ очеркамъ объ оренбургской линіи и о пути въ среднюю Азію чрезъ Каспійское море, мы считаемъ необходимымъ извлечь нѣсколько свѣдѣній изъ весьма интересной и любопытной статьи г. Иванина о самой Хивѣ и рѣкѣ Амударьѣ (*). Мѣстность эта столь же мало извѣстна, какъ и центральная Африка, даже менѣе; топографическихъ и археологическихъ изслѣдованій о хивинскомъ ханствѣ вовсе нѣтъ, также какъ и добросовѣстныхъ хорошихъ описаній путешественниковъ, непосѣщающихъ страну вслѣдствіе неудобствъ и дороговизны путешествій по степямъ и подозрительности тамошняго правительства; между тѣмъ ближайшее знакомство съ топографіей и археологіей края могло бы открыть прежніе пути, по которымъ двигалась наша торговля съ средней Азіей, и разъяснить многія мѣста древняго періода нашей исторіи. Хива представляетъ собою такой же оазисъ среди азіатской степи, какъ Египетъ въ африканской, и обязана своимъ плодородіемъ рѣкѣ Аму, какъ Египетъ—Нилу. Въ Хивѣ существуютъ замѣчательныя гидротехническія сооруженія для искусственнаго орошенія полей и садовъ, возникшія въ отдаленныя времена и преимущественно въ эпоху процвѣтанія аравійской торговли и владычества чингисидовъ, когда выкопаны были въ безводныхъ пространствахъ глубокіе ко-

(*) «Морск. Сборн.» 1864 г. № 8 — 9.

лодцы, построены караван-сарай, развалины которыхъ видны и теперь, и проложены пути, удобные для движенія торговли, такъ что по историческимъ свѣдѣніямъ XIV вѣка, путешествовавшіе изъ Хивы въ Крымъ могли не брать съ собою никакихъ запасовъ, потому что все необходимое находили въ караван-сараяхъ.

Статья г. Иванниа составлена и провѣрена по разсказамъ бывшихъ въ плѣну въ Хивѣ казаковъ оренбургскаго войска, почему она и не можетъ заслуживать полнаго вѣроятія во многихъ отношеніяхъ; но относительно этнографіи, она весьма полна и, по нашему мнѣнію, представляетъ матеріалъ наиболѣе достовѣрный, чѣмъ всякое описаніе туриста, изучающаго край во время кратковременнаго путешествія.

Границы хивинскаго ханства представляютъ вопросъ весьма спорный; самъ ханъ считаетъ свои владѣнія граничащими съ Коканомъ, восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря, Персіей и берегомъ Аральскаго моря; но многія изъ мѣстностей, лежащихъ въ этихъ границахъ, суть не болѣе какъ кочевья, только и пригодны неосѣдлымъ подданнымъ хивинскаго хана, почему онъ, естественно, и не встрѣчаетъ сопротивленія со стороны своихъ сосѣдей—Россіи и Персіи—къ обозначенію умственныхъ границъ ханства естественными рубежами. Авторъ же статьи, не соглашаясь въ этомъ отношеніи съ ханомъ, неизвѣстно впрочемъ по какимъ причинамъ, говоритъ, что хивинское ханство имѣетъ протяженіе только 350 верстъ отъ сѣвера къ югу, и отъ востока къ западу въ самомъ широкомъ мѣстѣ на 100 верстъ; при чемъ онъ вовсе не означаетъ въ числѣ границъ Хивы—ни восточнаго берега Каспійскаго моря, ни Персіи. Изъ племенъ, живущихъ и кочующихъ на этомъ пространствѣ, совершенно подвластны хивинскому хану только осѣдлые жители низовьевъ р. Аму-Дарья, живущіе на его долинахъ; киргизы, кочующіе по лѣвую сторону низовьевъ и нѣкоторые племена туркменъ и киргизъ, кочующія въ сторонѣ Каспійскаго моря; остальные же жители, живущіе въ чертѣ, которую хивинскій ханъ считаетъ границей своего владѣнія, состоятъ только подъ его вліяніемъ, и съ перемѣною хивинскихъ хановъ, переходятъ иногда во владѣніе бухарское или персидское, или дѣлаются вовсе независимыми.

Рѣка Аму-Дарья съ своими многочисленными притоками и каналами представляетъ цѣлую водную систему, оживляющую пустынный край и обусловливающую весь экономическій бытъ и матеріальныя средства народа. Ширина Аму-Дарьи отъ 200 до 500 саж., а во время разлива—отъ 2 до 5 верстъ. Разливы эти бывають раза 3 или 4 въ годъ и иногда доходятъ до наибольшей высоты отъ $\frac{1}{2}$ до 1 сажени и даже болѣе—выше береговъ. Теченіе рѣки весьма быстро—до 5 верстъ въ часъ, но несмотря на это, плаваніе по ней на плоскодонныхъ судахъ удобно. Долина рѣки по обѣимъ сторонамъ ея прорѣзывается искусствен-

ными каналами и естественными притоками; каналы раздѣляются на государственные или большіе, общинные или средніе и частные или меньшіе. Государственныхъ каналовъ одиннадцать, каждый отъ 25 до 120 верстъ въ длину и отъ 5 до 30 саж. въ ширину, глубина ихъ отъ $1\frac{1}{2}$ аршина до $2\frac{1}{4}$ сажень; каналы эти занимаютъ протяженіе до 700 верстъ; число общинныхъ каналовъ до 50; частныхъ же каналовъ весьма мало—не болѣе 4; число естественныхъ притоковъ, длиною отъ 38 до 80 верстъ, всего до 10. Если принять въ соображеніе, что число осѣдлыхъ жителей хивинскаго ханства не болѣе 800,000, по приближительному вычисленію автора, то протяженіе искусственныхъ каналовъ, очевидно, превышаетъ 1,000 верстъ, составляетъ замѣчательное явленіе. Лѣсовъ въ ханствѣ мало, и недостатокъ ихъ замѣняется искусственною посадкою деревьевъ цѣлыми рощами. Грунтъ земли на всемъ пространствѣ ханства состоитъ изъ красной и сѣрой, весьма вязкой глины, покрытой мѣстами бѣлымъ и желтымъ пескомъ на $\frac{1}{2}$ аршина; черноземъ встрѣчается рѣдко; земли, орошенныя водами Аму-Дарьи, вообще хорошо заваханы, воздѣланы и усажены множествомъ деревъ; мѣстъ ненаселенныхъ и невоздѣланныхъ внутри ханства немного. Климатъ въ ханствѣ вообще здоровый; изъ болѣзней чаще всего бываютъ горячки и лихорадки, особенно въ лѣтнее время, что приписываютъ неумѣренному употребленію дынь. Мѣстныхъ заразительныхъ болѣзней не бываетъ. На иностранцевъ климатъ не оказываетъ вреднаго вліянія. Народъ въ Хивѣ вообще здоровъ и долговѣченъ, многіе живутъ до 100 лѣтъ и болѣе. Зима продолжается отъ ноября до февраля, морозы бываютъ сильныя и рѣка покрывается льдомъ толщиною до полъаршина, но снѣгу выпадаетъ такъ мало, что санной дороги не бываетъ. Изрѣдка случаются землетрясенія. Хлѣба: пшеница, просо, сорочинское пшено и т. п. и пѣнные плоды—родятся въ изобиліи; родятся также хлопчатникъ, изъ сѣмянъ котораго выдѣлываютъ масло для освѣщенія, марена, табакъ, вошедшій нынѣ въ Хивѣ во всеобщее употребленіе. Рыбы и дичи много, рыболовство составляетъ промыселъ. Металлоносныхъ рудъ совсѣмъ нѣтъ; свинецъ, мѣдь, желѣзо и чугуны хивинцы получаютъ изъ Россіи, Персіи, Кокана и Бухаріи.

Ханство лежитъ на незначительной высотѣ отъ обыкновенной поверхности рѣки Аму-Дарьи, и во время разливовъ ея могло бы быть затоплено, но это предупреждается высочайшими насыпями на берегахъ рѣки и каналовъ; насыпи постоянно поправляются и поддерживаются, смотря по мѣстности, вышиною иногда въ челоушескій ростъ. Несмотря на насыпи, вода иногда при разливѣ просачивается сквозь песчаную почву, затопляетъ не въ время поля и причиняетъ большой вредъ жатвѣ; случается также верѣдко, что стремительнымъ напоромъ вода разрываетъ насыпь на ханскихъ каналахъ, протокахъ или на самой рѣкѣ, и окрестность затопляется. Въ такихъ случаяхъ, всѣ окрестные жи-

тели, по данному знаку, немедленно сбѣгаются и задѣлываютъ прорывъ; въ наиболѣе опасныхъ отъ прорывовъ мѣстахъ, ставятся караулы и наряжаются поочередно рабочіе съ инструментами и матеріалами, необходимыми для задѣлки прорыва.

Такъ-какъ по свойству климата и земли, урожай болѣе всего зависитъ отъ орошенія полей, то копаніе и расчистка каналовъ, посредствомъ которыхъ вода изъ рѣки проводится на всѣ поля, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ работъ жителей, занимающихся земледѣіемъ. Для этихъ работъ каждую весну высылаются собранные со всего ханства рабочіе, по одному съ каждымъ дома, платящаго подати, раздѣляются на партіи, изъ которыхъ каждая обязана работать 15 дней, подъ надзоромъ начальниковъ работъ; за лѣность виновные наказываются жестоко, иногда заколачиваются палками на смерть, но вообще эти работы производятся съ необыкновенной дѣятельностью. Желающіе нанять вмѣсто себя работниковъ на эту повинность, платятъ отъ 60 коп. до 4 руб. сер. въ день. У всякаго землевладѣльца каждый участокъ поля или сада окопанъ каналами и огороженъ валами; гдѣ нужно пустить воду, тамъ разрываютъ валъ или открываютъ сдѣланныя въ валу деревянныя трубы и спускаютъ воду именно на тотъ участокъ, гдѣ это нужно. Хивинцы селятся отдѣльными дворами въ видѣ нашихъ хуторовъ; землевладѣльцевъ, имѣющихъ значительное пространство земли, немного; болѣею частію каждый имѣетъ только одно поле (отъ 3 до 4 десятинъ), которое обрабатываютъ сами съ помощію семействъ или одного или двухъ работниковъ. Около городовъ, которые населены преимущественно чиновниками правительства, купцами и ремесленниками, вмѣсто хуторовъ есть селенія по 20—30 дворовъ. Дома хивинцевъ строятся изъ глины, величиною съ наши крестьянскія избы; въ крышѣ дѣлается отверстіе для свѣта, оно же служить и трубой для дыма. Городъ Хива, главный городъ ханства и мѣстопробываніе хановъ, обведенъ двумя глиняными стѣнами; одна изъ нихъ окружаетъ главную часть города. Въ г. Хивѣ 2 дворца, 17 мечетей, 22 училища, одинъ караванъ-сарай, крытые рыды и 260 лавокъ въ разныхъ частяхъ города. Хива имѣетъ 4 загородныхъ дома. Другихъ городовъ въ ханствѣ 19; нѣкоторые изъ нихъ съ весьма незначительнымъ населеніемъ. Въ окрестностяхъ г. Хивы много развалинъ, изъ которыхъ замѣчательныя суть развалины города Куки-Ургенса и другія.

Рѣка Аму-Дарья, этотъ Нилъ средней Азіи, назадъ тому лѣтъ 250, впадала въ Каспійское море; это подтверждается, во первыхъ, тѣмъ, что еще видно старое русло рѣки, бывшее когда-то заселеннымъ, чему служить свидѣтельствомъ развалина, и во вторыхъ тѣмъ, что отъ рѣки къ морю замѣчается вообще естественный скатъ. Петръ 1 думалъ, что рѣка заперта плотиною, и потому перестала вливаться въ Каспійское море, и что стоить только разрушить плотину, и рѣка снова обратится на прежній путь. Нѣкоторые и теперь полагаютъ, что хивинцы, опасаясь

набѣговъ нашихъ казаковъ, запрудили рукавъ р. Аму, впадавшій въ Каспійское море, и обратили воду въ Аральское. Хивинцы же дѣйствительно опасаются, чтобы рѣка не обратилась къ старому руслу; во время сильнаго наводненія 1834 г., вода прорвалась въ это русло, и они съ тревогою и страхомъ наблюдали за тѣмъ, далеко ли ушла вода, и говорили между собою: «русскіе заводятъ укрѣпленіе на нашей землѣ (бывшее укрѣпленіе Ново-Александровское), теперь Богъ даетъ имъ воду». Но авторъ статьи полагаетъ, что рѣка измѣнила свое теченіе вслѣдствіе поднятія почвы нѣкоторыхъ мѣстъ восточнаго берега Каспійскаго моря отъ подземнаго огня. Вопросъ этотъ, при настоящемъ состояніи научныхъ изслѣдованій береговъ Каспійскаго моря, еще не можетъ быть положительно разрѣшенъ, и если дѣйствительно виновата въ томъ природа, что у Россіи отнять естественный путь воднаго сообщенія съ внутренностью средней Азіи, то ничего болѣе не остается, какъ искать средства возстановить сообщеніе съ Хивой какимъ либо другимъ способомъ; если же, какъ думалъ Петръ 1, и какъ многіе думаютъ и теперь, хивинцы искусственно обратили теченіе рѣки въ Аральское море, то это крайне прискорбно. По хивинскимъ источникамъ, рѣка обратилась въ Аральское море въ XVII столѣтіи, и, какъ можно заключить, по естественной причинѣ, потому что современный этому событію ханъ сожалѣлъ о городѣ Ургенсу, который по отсутствію воды опустѣлъ.

Какова бы ни была причина, по которой воды Аму-Дарья оставили наше Каспійское море, но по всей вѣроятности, еслибы хивинцы видѣли пользу въ прежнемъ ея теченіи, то искусственно достигли бы этого, потому что нужны для сего работы были бы ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ пространствомъ, на протяженіи котораго вырыты ими и поддерживаются нинѣ искусственные каналы и насыпи, служащія къ оплодотворенію и охраненію страны отъ наводненія. Но едва-ли рѣка Аму-Дарья менѣе важна для нашей торговли съ средней Азіей, чѣмъ искусственные каналы нужны для хивинцевъ, и нѣтъ ли какой либо возможности въ *наше время* возстановить прежнее сообщеніе съ Хивой, драгоценнымъ для насъ воднымъ путемъ. Между берегомъ Каспійскаго моря и Хивой — 400 верстъ, не болѣе; но нинѣ возможенъ суэзскій каналъ, идущій черезъ материкъ, а мы имѣемъ старое русло рѣки, еще существующее. Можетъ быть, оно и опять было бы годно, еслибы вода рѣки въ ея настоящемъ теченіи могла быть поднята искусственно и этимъ способомъ обращена на прежнее теченіе, подобно тому, какъ въ наводненіе 1834 г. рѣка прорвалась въ свое прежнее выѣсталище.

Главное занятіе хивинцевъ — хлѣбопашество и садоводство, затѣмъ слѣдуетъ торговля; въ Хивѣ торгуютъ почти всѣ достаточные люди, и особеннаго купческаго сословія нѣтъ; мануфактурной же и фабричной промышленности, въ собственномъ значеніи этихъ словъ, въ ханствѣ нѣтъ. Хивинцы обрабатываютъ

хлопчатую бумагу, шелкъ и прочія свои произведенія, каждый у себя дома, для собственнаго употребленія и для мелочной продажи. Судходство съ недавняго времени стало распространяться въ Хивѣ; но хивинцы покуда еще весьма плохіе мореходы: имъ еще неизвѣстны ни руль, ни паруса, они плаваютъ на веслахъ и на шестахъ по отмелямъ. Суда ихъ плоскодонныя съ расширомъ. Въ ханствѣ нѣтъ рѣзкаго раздѣленія сословій; всѣ пользуются одинаковыми правами, и несутъ одинаковыя обязанности, исключая духовенства, которое имѣетъ привилегію не платить податей и не нести общественныхъ повинностей; духовенства считается до 1,500 семействъ. Ханъ иногда пользуется совѣтами духовенства въ дѣлахъ правленія; но вообще правленіе въ Хивѣ вполне деспотическое; воля хана есть законъ, законовъ же письменныхъ и точныхъ нѣтъ; народъ управляется болѣе преданіями, обычаями и кораномъ. Ханъ не можетъ похвалиться любовью и довѣріемъ своего народа. Чиновники въ Хивѣ весьма склонны къ лихоимству. Чаше всего случаются преступленія слѣдующія: воровство, обманъ, ссоры, драки и нерѣдко убійства за удержаніе воды въ каналахъ, когда ее мало; случается, что перепруживаютъ каналы, для того, чтобы болѣе пустить воды на свое поле; въ такомъ случаѣ живущіе ниже по каналамъ остаются безъ воды, что и бываетъ предметомъ столкновеній.

Училищъ, содержимыхъ отъ правительства, нѣтъ, но есть школы, которыя по обѣтамъ содержатся частными лицами, въ нихъ муды обучаютъ грамотѣ и корану. Грамотность распространена.

Въ военномъ отношеніи Хива особенно слаба. Войско собирается изъ волонтеровъ, неимѣющихъ средствъ къ существованію, но отъ правительства они не получаютъ содержанія даже во время походовъ хана, и оружіе получаютъ отъ хана только отличившіеся; привлекаетъ же хивинцевъ въ военную службу грабежъ. Ружья безъ курковъ, съ фитилями, порохъ самодѣльный, очень плохой. Есть нѣсколько орудій; въ 1838 г. начальникомъ ханской артиллеріи былъ русскій крестьянинъ Василій Лаврентьевъ; взятый въ плѣнъ на Каспійскомъ морѣ и проданный въ Хиву; и вся артиллерійская прислуга состояла изъ русскихъ плѣнныхъ, которые въ 100 шагахъ не попадали въ цѣль, вѣроятно по той причинѣ, что артиллерійская прислуга была еще менѣ свѣдуща въ дѣлѣ, чѣмъ самъ главный начальникъ артиллеріи. Нынѣшній ханъ, для своей потѣхи, дѣлаетъ иногда артиллерійское ученіе и требуетъ только, чтобы звукъ отъ выстрѣловъ былъ сильнѣе, и чтобы скорѣе стрѣляли; на вѣрность же выстрѣловъ не обращаетъ никакого вниманія.

Произволъ хана, который иногда безъ дальнихъ околичностей отнимаетъ у своихъ подданныхъ ихъ собственность, внушилъ хивинцамъ такое понятіе о власти, что они не радѣваютъ ее, отъ насилія, чѣмъ, впрочемъ, крайне недовольны, и въ случаѣ войны хивинцы защищаютъ не хана, не отечество, а свою собственность. Каракалпаки и турмены, при основаніи въ 1834 г. на-

шого укрѣпленія, говорили, что «съ которой стороны вѣтеръ, туда и мы».

Въ заключеніе о Хивѣ и хивинцахъ можно сказать, что ханство находится еще на низкой степени образованія, но земледѣліе, садоводство и гидро-техническія работы въ хорошемъ состояніи. Вообще Хива составляетъ для всякаго сосѣда по всему лакомый кусочекъ, и ея самобытность не кажется прочной. Самобытность эта служитъ опроверженіемъ нападокъ на Россію за наклонность къ завоеваніямъ, и нѣтъ сомнѣнія, что будь на нашемъ мѣстѣ Франція, Англія, или Пруссія, или Австрія, то присоединеніе Хивы совершилось бы давнымъ давно, подобно Ниццѣ, Савойѣ и Шлезвиг-Голштейну. Завоеванія такихъ странъ, гдѣ осѣдлость сдѣлалась уже прочнымъ фактомъ народной жизни, но гдѣ нѣтъ еще высшихъ проявленій цивилизаціи, слѣдуетъ предпочитать завоеваніямъ, гдѣ приходится бороться съ упорнымъ чувствомъ независимости, потому что раннія завоеванія не сопровождаются такими успѣхами и жертвами, какъ завоеванія въ послѣднемъ случаѣ. Примѣромъ Кавказъ: энергическія мѣры противъ него назадъ тому 100 лѣтъ избавили бы насъ отъ тѣхъ жертвъ, которыхъ онъ *потребовалъ послѣдствіи*.

Въ тѣсной связи съ вопросами о русской торговлѣ вообще, находится вопросъ объ очищеніи Дона и азовскихъ портовъ. Исслѣдованіемъ этого послѣдняго вопроса занимается экспедиція, снаряженная географическимъ обществомъ; очищеніе же гирлъ Дона уже производится. Мы пользуемся отчетомъ секретаря общества, В. П. Безобразова о путешествіи его на Волгу и къ азовскимъ портамъ, чтобы сообщить результаты его наблюденій о товарномъ и коммерческомъ движеніи между бассейнами Волги и Дона, между приволжскими низовыми губерніями и Азовскимъ моремъ, и между прочимъ изученіе результатовъ волжско-донской желѣзной дороги и донскаго пароходства. По замѣчаніямъ г. Безобразова, нынѣ всѣ вывозимые за границу хлѣба и продукты изъ мѣстностей, начиная съ Екатеринштадта (немного выше Саратова) вверхъ идутъ почти исключительно къ Балтійскому морю, и только съ Екатеринштадта внизъ начинается движеніе къ Азовскому морю, но даже и здѣсь это послѣднее движеніе далеко не столь значительно, какъ движеніе къ Балтійскому морю. Нетолько изъ Саратова и прилегающихъ пристаней, но даже изъ Камышина грузы идутъ къ сѣверу. Преобладающее движеніе продуктовъ плодороднаго самарско-саратовскаго края къ Балтійскому морю г. Безобразовъ находитъ неестественнымъ, потому что край этотъ нетолько географически почти втрое ближе къ Азовскому морю, но сверхъ того сплавное судоходство по Волгѣ значительно удобнѣе и быстрѣе ввознаго, и связан-

ная съ послѣднимъ доставка товаровъ по системамъ волжско-ладожскихъ искусственныхъ водныхъ путей затруднительна и медленна; во всякомъ случаѣ вывозъ хлѣба изъ низовыхъ приволжскихъ губерній къ Азовскому морю можетъ обходиться дешевле, чѣмъ вывозъ къ Балтійскому морю. Такое неестественное, по мнѣнію г. Безобразова, направленіе нашихъ вывозныхъ продуктовъ къ Балтійскому морю зависитъ отъ затруднительности воднаго сообщенія съ Азовскимъ моремъ, вслѣдствіе засоренія морскихъ портовъ и донскихъ гирлъ. Мы имѣемъ въ виду возразить ниже на исключительность приводимой авторомъ причины, направляющей къ Балтійскому морю волжскіе продукты, а теперь послѣдуемъ за его выводами. Однимъ изъ важныхъ условій движенія грузовъ по Волгѣ къ Азовскому морю, говоритъ г. Безобразовъ, можетъ служить соединительный путь между Волгою и Дономъ, или между ихъ изгибами, наиболѣе другъ къ другу приближающимися и съ незапамятныхъ временъ служившими однимъ изъ важныхъ всемірно-историческихъ звеньевъ коммерческаго движенія между Западомъ и Востокомъ, Европой и Азіей; затѣмъ общепользность и выгодность волжско-донской желѣзной дороги въ дальнѣйшемъ ея развитіи, чему въ свою очередь могутъ содѣйствовать: усиленіе судоходства собственно пароваго на Дону и развитіе *возвратнаго* (то-есть отъ азовскихъ портовъ и Дона къ Волгѣ) товарнаго и коммерческаго движенія, которое нынѣ почти не существуетъ вовсе. Усиленіе пароходства на Дону составляетъ поэтому первый вопросъ вообще для всего коммерческаго движенія между Азовскимъ моремъ и Волгою. Но важнѣйшее затрудненіе для развитія пароходства и судоходства на Дону составляетъ его мелководье и отмели, уже слишкомъ извѣстная публикѣ. «Кажется можно сказать безъ преувеличенія—добавляетъ г. Безобразовъ—что нѣтъ вопроса въ юго-восточной Россіи, который бы болѣе занималъ собою умы, нежели вопросъ объ очищеніи Дона, которое дѣйствительно способно придать совершенно иную жизнь не только всему этому краю, но и другимъ обширнымъ краямъ Россіи, находящимся съ нимъ въ коммерческихъ сношеніяхъ или могущимъ съ нимъ вступить. Нужно сказать откровенно, что къ этому вопросу примѣшивается въ сужденіяхъ торгующихъ и производителей не мало раздраженія, которое легко понять и которое происходитъ вслѣдствіе сборовъ безъ всякихъ до сихъ поръ видимыхъ результатовъ, взимаемыхъ на очищеніе донскихъ гирлъ, по добровольному согласію ростовскаго и таганрогскаго купечества, сверхъ общихъ сборовъ на улучшеніе судоходства».

Компанія волжско-донской дороги и пароходства взяла на себя очищеніе Дона; дѣло это поручено весьма знающему и благонадежному офицеру, но авторъ утверждаетъ, что тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя были до сихъ поръ на это назначены правительствомъ, будетъ недостаточно для устраненія препятствій на Дону на продолжительное время. Что же касается до возмож-

ности капитальнаго улучшенія Дона для судоходства, при *значительныхъ* на это пожертвованіяхъ, то самая эта возможность никакъ *не отвергается* многими знающими людьми. Какъ бы то ни было, но желательно, чтобы самое строгое вниманіе было обращено на вопросъ объ очищеніи Дона, съ которымъ связано благосостояніе цѣлаго огромнаго края Россіи и отъ котораго зависятъ многіе государственные интересы (какова вывозная наша торговля и открытіе рынковъ для хлѣбородныхъ губерній); желательно бы было, чтобы къ разрѣшенію этого вопроса, равняющагося, по своей важности, съ сооруженіемъ цѣлой линіи желѣзныхъ дорогъ, были направлены самыя энергическія усилія. Чтобы судить, какія послѣдствія могутъ быть отъ улучшенія судоходства по Дону, достаточно сказать, что стоимость пшеницы иногда болѣе чѣмъ удваивается (съ 3 р. до 6 и 7 р.) чрезъ доставку съ мѣстъ производства, въ приволжскихъ губерніяхъ или въ верховьяхъ Дона, до таганрогскаго рейда, гдѣ они грузятся на иностранные корабли; главная же часть этихъ расходовъ ложится на Донъ, на многократныя перегрузки и на страховую премію, которая, по соображеніямъ торговцевъ, должна обезпечить страшные риски, сопряженные съ этими операціями.

О слабости развитія ввозной торговли чрезъ азовскіе порты г. Безобразовъ говоритъ, что она зависитъ отъ слабости вывозной торговли, слѣдовательно, въ сущности отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя затрудняютъ вывозную торговлю. Авторъ увѣренъ, что успѣхи вывозной торговли сами по себѣ необходимо должны повлечь развитіе ввозной торговли; уже слышно объ иностранцахъ, намѣреющихся заводить въ Ростовѣ на Дону и Таганрогѣ свои конторы въ виду улучшенія путей сообщенія, какъ главнаго условія успѣха; чрезъ возростаніе же ввозной торговли удешевится доставка по желѣзной дорогѣ вывозныхъ товаровъ, потому что теперь вагоны и донскіе пароходы возвращаются безъ груза и вознаграждаютъ свои потери на товарахъ, отправляемыхъ за границу.

Было бы совершенно излишне распространяться о важности предметовъ, изслѣдованныхъ г. Безобразовымъ, и о тѣхъ вопросахъ, которые онъ разрѣшаетъ. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что разрѣшенія à priori, какъ это дѣлаетъ г. Безобразовъ, въ подобныхъ вопросахъ можетъ имѣть мѣсто лишь относительно общепользности такого предпріятія, какъ, напримеръ, очищеніе донскихъ гирлъ и азовскихъ портовъ, но относительно жертвъ и издержекъ и сравненія ихъ съ ожидаемыми пользами, по нашему мнѣнію, необходимы выводы, основанные на точныхъ данныхъ. Въ выводахъ г. Безобразова даже и будущая, возможная польза горячо защищаемаго имъ дѣла кажется отчасти сомнительной, потому что авторъ сгруппировалъ лишь обстоятельства, служащія къ подтвержденію его тенденціи, умолчавъ окончательно о тѣхъ сторонахъ предмета, которыя способны возбудить нѣкоторое недовѣріе къ всесторонности и полнотѣ его

ислѣдованія. Авторитетъ древности и даже недавняго прошедшаго о томъ, что переволокъ между Дономъ и Волгой всегда служилъ естественнымъ и лучшимъ торговымъ путемъ, соединяющимъ Востокъ съ Западомъ, Азію съ Европой—едва-ли можетъ имѣть какой нибудь смыслъ теперь. Древность не имѣла другого пути и даже не имѣла искусственной ладожской водной системы, слѣдовательно, не было и другого выбора для сообщенія, какъ промежутокъ между Волгой и Дономъ. Европейскіе рынки, открывшіеся для Россіи весьма недавно чрезъ Балтійское море, также не существовали прежде вовсе. Теперь всѣ данныя, на которыхъ могутъ опираться соображенія объ этомъ торговомъ пути, являлись значительно. Сѣверные европейскіе рынки открыты для насъ чрезъ Балтійское море, слѣдовательно, для нашихъ южныхъ портовъ остались лишь рынки, находящіеся на побережьяхъ Чернаго моря, Архипелага и Средиземнаго моря. Англія, Голландія, Швеція, Германія, даже Франція, нуждающіяся въ привозномъ хлѣбѣ болѣе въ сѣверной своей части, чѣмъ въ южной—ближе отъ насъ чрезъ Балтійское море, чѣмъ чрезъ Черное и Азовское. Желѣзная дорога, соединившая посредствомъ Нижняго Новгорода центръ Волги съ балтійскими портами, приблизила къ этой мѣстности сѣверные европейскіе рынки; доказательствомъ можетъ служить приводимый г. Безобразовымъ фактъ, что по нижегородской и николаевской желѣзнымъ дорогамъ начинаютъ доставлять хлѣбъ къ Балтійскому морю, оставляя прежній путь—искусственную ладожскую водную систему. Дорога, которая должна соединить Москву съ Чернымъ моремъ, помимо уже рѣшеннаго вопроса о томъ, чрезъ Кіевъ или Кременчугъ, не можетъ не оказать сильнаго вліянія на нашу вывозную, а также и ввозную торговлю; съ каждой новой линіей желѣзной дороги къ европейскому рубежу неминуемо должны создаваться новые обмѣнные рынки какъ внутри Россіи, такъ и въ Европѣ. Все это не можетъ возникнуть абсолютно, безъ вліянія на то, что существовало донынѣ. Мы вѣримъ, что съ каждой новой линіей, съ каждымъ новымъ путемъ должны увеличиваться торговые обороты Россіи, но степень этого увеличенія въ свою очередь не можетъ не повліять на цифры оборотовъ каждаго изъ существующихъ внутреннихъ рынковъ, и повліять неблагоприятно въ частности на каждый прежній рынокъ. Если цифра сбыта чрезъ существующіе торговые пути равняется 3, по 1 на каждый путь, то съ открытіемъ четвертаго пути, если сбытъ и увеличивается на $\frac{1}{2}$, то мы получимъ общую цифру $3\frac{1}{2}$, раздѣленную на 4; слѣдовательно, съ увеличеніемъ общей цифры, въ частности каждый путь долженъ потерять; иначе пришлось бы европейскіе рынки признать всепоглощающимъ жерломъ, а русскіе рынки—неисчерпаемымъ источникомъ поглощаемаго матеріала. Но въ обсужденіи тѣхъ предметовъ, къ которымъ относятся наши возраженія, болѣе или менѣе неизбежны выводы *a priori*; почему изслѣдованіе г. Безобразова о пути между Дономъ и Волгой можно на-

звать не болѣе, какъ не исполнѣ многостороннимъ; что же касается до жертвъ и издержекъ на очистку Дона и азовскихъ портовъ, то въ этомъ случаѣ всякіе выводы, основанные не на положительныхъ данныхъ, не могутъ и не должны имѣть никакой цѣны и никакого значенія. Какъ велики должны быть издержки? Какъ онѣ относятся къ воображаемой, ожидаемой пользѣ? Чѣмъ и когда возроются эти издержки? Вѣдь нельзя же признать ихъ безвозвратными, иначе это было бы противно самымъ основнымъ приемамъ коммерціи и администраціи. Разъясненіе всѣхъ этихъ неизбѣжныхъ вопросовъ, хотя съ приблизительными цифрами, всѣ интересующіеся предметомъ, вправѣ ожидать отъ г. Безобразова.

Въ «Военномъ Сборникѣ» (*) напечатана небольшая статья г. Пѣнигина: «Воспоминанія о военно-учительскомъ институтѣ». Статья эта имѣетъ скромное значеніе біографическаго матеріала о знаменитомъ временщикѣ графѣ Аракчеевѣ и раскрываетъ, во-первыхъ, педагогическія воззрѣнія графа Аракчеева и, во-вторыхъ, убѣжденіе его о томъ, что онъ былъ двойникъ и продолжатель дѣятельности Петра-Великаго. Посредствомъ чтенія въ училищѣ «Дѣяній Петра-Великаго» соч. Голикова, графъ приучилъ учениковъ къ сравненію его дѣятельности съ дѣяніями Петра-Великаго. Напримѣръ: 1) «Петръ-Великій преобразовалъ дворянство и государственную администрацію на европейскій ладъ, а графъ Аракчеевъ перестроивалъ бытъ крестьянъ (обращая ихъ въ военныхъ поселенцевъ) также на ладъ иноземный, пересаживая все лучшее по сельскому хозяйству на почву русскую; 2) какъ дѣйствовалъ графъ Аракчеевъ? Быстро, неумолимо, даже жестоко, какъ и Петръ-Великій.» Благодаря г. Пѣнигину, біографъ графа Аракчеева будетъ имѣть новую черту характера этой личности.

Педагогическая система графа Аракчеева также весьма замѣчательна. Военно-учительскій институтъ былъ любимымъ заведеніемъ графа Аракчеева; онъ имѣлъ въ виду воспитать здѣсь учителей для военныхъ школъ въ поселеніяхъ. Институтъ отличался тѣмъ, что тамъ были запрещены всякія тѣлесныя наказанія и издавался учениками еженедѣльный журналъ: «Семидневный Листокъ», печатаемый ими самими въ походной типографіи Аракчеева. Вѣроятно, этотъ листокъ пропалъ безслѣдно для исторіи русской прессы, потому что издавался въ новгородскомъ поселеніи, конечно, безъ цензуры, почему и «узаконеннаго числа экземпляровъ» не было представляемо въ ценсурный комитетъ. Но рядомъ съ этими порядками, будущихъ учителей, избавленныхъ отъ тѣлеснаго наказанія, обучающихся между прочимъ у Гиб-

(*) «Военный Сборн.» 1864 г. № 12.

дича и Н. И. Гр—ча изящному чтенію исторіи Петра I, в издающихся журналъ, послали съ *педагогической цѣлью* мести улицы, зажигать фонари, шить солдатскіе штаны въ швальнѣ, вонать картофель, лукъ, капусту и т. п. «Я знаю, что это будетъ имъ не нужно, но не худо знать», глубокомысленно говорилъ Аракчеевъ.

Настоящій биографическій матеріалъ отличается отъ прочихъ извѣстныхъ въ печати матеріаловъ тѣмъ, что авторъ съ неподражаемой наивностью повѣствуетъ о жизни творца военныхъ поселеній, очерчивая его, помимо своего желанія, иногда въ такихъ комическихъ чертахъ, что въ этомъ свѣтѣ фигура графа Аракчеева является въ первый разъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Начиная нашу русскую литературную лѣтопись въ нынѣшнемъ году, мы должны оговориться, что въ этомъ отдѣлѣ будемъ довольствоваться самыми короткими отзывами о книгахъ. Мы желали бы, чтобы эти отзывы только знакомили читателя съ сущностью новыхъ книгъ. Подробныя же критическія статьи мы будемъ печатать въ первомъ отдѣлѣ нашего журнала. Для полноты лѣтописи, мы будемъ помѣщать и перечни сколько-нибудь замѣчательныхъ книгъ, вышедшихъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль. Полагаемъ, что и они не будутъ бесполезны для тѣхъ читателей, которые не имѣютъ случая слѣдить постоянно за книжными извѣстіями.

Король Лиръ. *Трагедія Шекспира, переводъ В. Лазаревскаго. Спб. 1865.*

Нашу литературную лѣтопись, на новыя 1865 годъ, мы начинаемъ чрезвычайно пріятнымъ извѣстіемъ о новомъ переводѣ *Короля Лира*, сдѣланномъ г. Лазаревскимъ — переводъ самымъ полнымъ и добросовѣстнымъ, каковаго у насъ до сихъ поръ не существовало. Переводъ, правда, не отличается блескомъ стиха, за то онъ будетъ очень великимъ, по своей полнотѣ, послѣ сокращеннаго перевода Дружинина. Мы рекомендуемъ его всѣмъ, кто любитъ Шекспира. Изданіе по изяществу и роскоши—рѣдкое у насъ.

Этюды путешественника. Италия, Швейцария. Путешественники и путешествие. Сочиненіе П. Ковалевскаго. Спб. 1864 г.

Большая часть этой книги, именно вся Италия, была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», и мы объ этихъ увлекательныхъ картинахъ имѣли случай выразить наше мнѣніе въ то время, когда онѣ печатались въ нашемъ журналѣ. Мы и теперь нисколько не переѣняли этого мнѣнія о нихъ, и думаемъ, что описаніе путешествія г. Ковалевскаго, на раду съ «Фрегатомъ Палладой» г. Гончарова, съ «Письмами объ Италиі» г. Боткина, должно быть въ библиотекѣ каждаго русскаго, какъ книга классическая. Другого описанія Италиі, такого художественнаго, у насъ нѣтъ.

Въ отношеніи же къ г. Ковалевскому, мы можемъ только сказать, что это—лучшее его произведеніе. Писать послѣ этого путешествія г. Ковалевскій в стихи, в повѣсти, и романы, но все это не имѣетъ ничего общаго съ «Этюдами путешественника».

Исторія Новгорода Великаго отъ древнихъ временъ до паденія. И. Бѣльева. Москва. 1864.

Исторія Новгорода, очевидно, въ послѣднее время стала предметомъ особеннаго вниманія со стороны нашихъ ученыхъ. Только что г. Костомаровъ успѣлъ издать свою исторію «Сѣверно-русскихъ народоправствъ», гдѣ исторія Новгорода занимаетъ главное мѣсто, какъ вслѣдъ за нею является исторія Новгорода г. Бѣльева. Повидимому, исторія Новгорода г. Бѣльева составляетъ уже избытокъ, невызываемый потребностями читающей публики; но въ сущности между двумя книгами большая разница. Вслѣдствіе этого, въ изложеніи нѣкоторыхъ эпохъ, оба автора даже весьма значительно разошлись другъ съ другомъ; особенно это рѣзко бросается въ глаза въ исторіи паденія независимости Новгорода. Какъ извѣстно, г. Костомаровъ не питаетъ особеннаго сочувствія къ московскому періоду русской исторіи; въ этомъ онъ и правъ: московскій періодъ имѣлъ много качествъ совсѣмъ непривлекательныхъ. Но г. Костомаровъ, повидимому, въ своемъ недостатокѣ сочувствія не поставилъ себѣ справедливыхъ границъ. Московскій періодъ, при всѣхъ своихъ дурныхъ качествахъ, развившихся подъ вліяніемъ рабства, имѣетъ громадную заслугу въ собираніи русской земли. Именно къ этому-то собиранію земли у г. Костомарова и недостаетъ сочувствія, быть можетъ, подъ вліяніемъ его идеи о федеративномъ началѣ въ древней Руси. Потому въ исторіи борьбы между Новгородомъ и Иваномъ Васильевичемъ (III), г. Костомаровъ явнымъ образомъ стоитъ на сторонѣ Новгорода; для него Новгородъ — представитель того начала, которому г. Костомаровъ сочувствуетъ; между прочимъ, для него Новгородъ—представитель кроткихъ и честныхъ нравовъ, а Москва представительница нравственной

заразы. Это, конечно, до нѣкоторой степени справедливо. Но Москва—представительница другого начала, начала самостоятельности и независимости, не менѣе важнаго въ исторіи, вслѣдствіе котораго она и перетянула въ спорѣ съ Новгородомъ. Недостатки Москвы не были въ ней всеобщими, не были какимъ-нибудь нормальнымъ явленіемъ; они были случайны и рано или поздно должны были уступить мѣсто другимъ лучшимъ качествамъ, а достоинства ея составляли необходимое условіе бытія русскаго народа, какъ народа независимаго и своеобразнаго. Москва сдѣлала то, что русскій народъ къ концу концовъ не низшелъ на степень хлоповъ, какъ онъ низшелъ въ бывшихъ княжествахъ полоцкомъ, волынскомъ, галицкомъ и кievскомъ, гдѣ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, теперь совсѣмъ ужъ и не Россія, а Польша. Еслибы Новгородъ поддался Польшѣ, то и тамъ теперь было бы что-нибудь похуже. Въ критикѣ историческихъ событій нельзя довольствоваться тѣмъ, чѣмъ мы довольствуемся въ современной жизни; къ ней нельзя прилагать мѣрку нашей обыденной жизни. Въ исторіи нерѣдко погибаютъ прекрасныя учрежденія, которымъ нельзя не сочувствовать; но гибель ихъ ведетъ къ большому добру, нежели существованіе. Лишенные залоговъ развитія, они должны слиться съ другими элементами, чтобы произвести явленія болѣе прочныя и благодѣтельныя. Съ этой точки нужно смотрѣть и на паденіе свободы и независимости Новгорода. Паденіе Новгорода было историческою необходимостью при стремленіи всего русскаго народа къ единству и при относительной слабости Новгорода сравнительно съ Москвою. Еслибы Новгородъ былъ сильнѣе, онъ покорилъ бы Москву, нашелъ бы въ ней самой соучастниковъ, которые держали бы его сторону во имя свободы и промышленности, какъ сторонники Москвы въ Новгородѣ держали сторону великаго князя во имя православія и народности. Но въ этомъ-то и дѣло, что учрежденія Новгорода, какъ ни кажутся они привлекательны въ сравненіи съ учрежденіями Москвы, не имѣли въ себѣ залоговъ прочности и жизни; они точно также деморализировали новгородское населеніе, какъ татарское иго деморализировало Москву. Это была обыкновенная непосредственная демократія, та самая, которая господствовала на римскомъ форумѣ и въ аѳинской епископаліи, гдѣ много шуму, много рѣшеній, но мало исполнителей, гдѣ одинъ другого побуждаетъ къ принятію труднаго рѣшенія, и одинъ за другого прячется при исполненіи этого рѣшенія. Именно это и было въ Новгородѣ; оттого новгородское вѣче въ послѣднее время своего существованія отличается особенно частыми переходами отъ однихъ рѣшеній къ другимъ, совершенно противоположнымъ; оттого вражда партій все усиливалась, а своекорыстіе отдѣльныхъ лицъ все болѣе и болѣе брало перевѣсъ надъ патриотизмомъ гражданъ.—Иванъ III очень ловко понималъ, когда нужно было нанести послѣдній ударъ Новгороду, и нанесъ его съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ. И нельзя

въ Иванѣ III видѣть только лицемѣра, прикрывавшаго личныя стремленія національными цѣлями. Личныя стремленія, конечно, были и у него, но они совпадали съ національными цѣлями, которыя онъ и понималъ и стремился къ достиженію ихъ, а не то, чтобы они тамъ только случайно сошлись. Но г. Костомаровъ видитъ въ немъ только лицемѣра, который прикрываетъ себя маскою миролюбія и права, который лицемѣрно даже молится, отправляясь въ походъ противъ Новгорода.

Не такъ относится къ этому дѣлу г. Бѣляевъ; онъ, очевидно, принимаетъ сторону самаго князя; для него Новгородъ съ самаго перваго столкновенія съ Иваномъ III вездѣ и во всемъ неправъ; онъ не защищаетъ права свои по старинѣ, напротивъ нарушаетъ права князя, а Иванъ III только заботится о сохраненіи правъ и все столкновеніе произошло только изъ-за-того, что Марѳа Борецкая и ея сторонники не хотѣли потерять своего вліянія въ Новгородѣ; при этомъ г. Бѣляевъ, въ противоположность г. Костомарову, видимымъ образомъ старается представить поступки Ивана III въ болѣе мягкомъ видѣ, опускаетъ безъ вниманія разоренія и убійства, сдѣланныя московскими войсками въ походъ 1471 года; вообще, подобно г. Костомарову, онъ видимымъ образомъ одну сторону старается представить въ лучшемъ свѣтѣ, а другую старается очернить.—Достоинства книги г. Бѣлева такъ велики, что объ этомъ недостаткѣ ея нужно особенно жалѣть. Этимъ недостаткомъ онъ ослабилъ самъ себя; книга его не будетъ пользоваться довѣріемъ читающей публики, которая въ наше время больше нежели когда нибудь желаетъ знать безпристрастную историческую истину. Такимъ образомъ въ своемъ противодѣйствіи одностороннему и поверхностному либерализму, г. Бѣляевъ не достигнетъ цѣли, и противъ самаго себя даетъ весьма сильное оружіе. Да независимо отъ этого и сама историческая истина здѣсь страдаетъ, что тоже немалый недостатокъ въ историческомъ трудѣ. Г. Бѣляевъ впасть въ крайность, противоположную той, въ которую впасть г. Костомаровъ, и имѣетъ, однако, съ нимъ то общее, что оба они очень поверхностно относятся къ предмету: г. Костомаровъ главною причиною катастрофы считаетъ эгоистическія стремленія Ивана III, а г. Бѣляевъ — интриги Борецкихъ. Было бы очень нетрудно знать исторію, еслибы въ самомъ дѣлѣ можно было довольствоваться такими объясненіями историческихъ событій.

Впрочемъ, какъ мы уже сказали, этотъ недостатокъ есть едва ли не единственный въ книгѣ г. Бѣлева, которая представляетъ читателю исторію Новгорода во всей ея полнотѣ, отъ призванія Рюрика до потери независимости. Г. Бѣляевъ начинаетъ древнею географіею Новгорода, которую изображаетъ довольно подробно и весьма толково; затѣмъ описываетъ новгородское общество, церковь и правительство, и потомъ уже переходитъ собственно къ исторіи событій отъ 862 до 1478 г. Книга написана съ осно-

вѣдательностью и умѣньемъ, которыя, безспорно, составляютъ постоянное качество ученыхъ трудовъ г. Бѣльева. Потому для исторіи Новгорода она, вѣроятно, надолго останется монографіею, наиболѣе авторитетною.

Вся книга г. Бѣльева раздѣляется на 12 рассказовъ; такъ, по крайней мѣрѣ, они перенумерованы самимъ авторомъ; но, въ самомъ дѣлѣ, рассказовъ только 11, потому что въ серединѣ одинъ рассказъ (5-й) пропущенъ, именно тотъ рассказъ, который долженъ слѣдовать за описаніемъ внутренней жизни Новгорода и предшествовать рассказу о призваніи Рюрика. Кажется, что это сдѣлано г. Бѣльевымъ не безъ умысла. Онъ, какъ извѣстно, принимаетъ свою собственную и оригинальную теорію начала русскаго государства. Быть можетъ, этотъ пропущенный рассказъ и содержитъ въ себѣ изложеніе древнѣйшей исторіи Новгорода до Рюрика, который печатать г. Бѣлевъ не хотѣлъ почему нибудь теперь. Мы будемъ рады не ошибиться въ этомъ предположеніи, и съ удовольствіемъ увидѣли бы въ печати выработанную вполне теорію г. Бѣльева, когда-то не вполне развитую имъ; а то ужъ очень свирѣпствуетъ теперь г. Геденонъ въ своей теоріи начала русскаго государства.

Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности. Томъ II (отъ Карамзина до Пушкина). Составилъ А. Галяховъ. Спб. 1864.

Читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ первый томъ этого прекраснаго сборника; цѣль этого изданія—служить пособіемъ при изученіи исторіи русской литературы послѣ-петровскаго періода—пособіемъ не столько для учениковъ, сколько для преподавателей. Русская литература хотя существуетъ давно, однако еще не достигла той степени зрѣлости, которая прідала бы многимъ ея произведеніямъ монументальное, общечеловѣческое значеніе; но своей неразвитости, она еще до сихъ поръ въ правѣ назваться молодою, и большая часть ея памятниковъ принадлежитъ къ числу явленій, имѣющихъ только относительную историческую важность. Это обстоятельство, съ одной стороны, затрудняетъ изученіе нашей литературы, такъ-какъ оно еще не можетъ быть опредѣлено конечною цѣлью ея развитія, но съ другой стороны, дѣлаетъ подобное изученіе необходимымъ, такъ-какъ ни одно почти русское литературное произведеніе не можетъ быть понято безъ исторической обстановки, которая обуславливала бы его смыслъ. И вотъ книга г. Галяхова предназначена служить пособіемъ для такого изученія. Его задачей было—дать характерные образцы каждаго литературнаго явленія послѣ-петровскаго періода, каждаго направленія заявленныхъ литературою идей, каждаго значительнаго иностраннаго вліянія, каждой иностранной пошпки создать оригинальныя формы умственного и литературнаго развитія. Г. Галяховъ, какъ извѣстно, опредѣляетъ понятіе о литературѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ, и потому въ его программу вошла не

T. CLVIII. — Отд. II. 10

одни поэтическія произведенія, но и сочиненія историческаго, политическаго, философскаго и критическаго содержанія. Такимъ образомъ, здѣсь находятъ себѣ мѣсто все почти умственное движеніе русскаго общества; нельзя не признать выгоды этой точки зрѣнія, если вспомнить, что до сихъ поръ въ литературѣ сосредоточивалось почти все наше общественное развитіе.

Въ литературномъ періодѣ, составляющемъ содержаніе втораго тома «Исторической Христоматіи», мы находимъ уже значительный матеріалъ для выясненія умственныхъ интересовъ нашего общества того времени. Уже въ вѣкъ Екатерины наша литература отчасти перестаетъ быть искусственно пересаженнымъ растеніемъ; еще болѣе чувствуются въ ней живыя силы—въ карамзинскій періодъ; хотя и здѣсь она служитъ выраженіемъ образованнаго меньшинства, но въ ней есть уже то цивилизующее начало, то образовательное содержаніе, которымъ она въ свою очередь вліяетъ на общество. Если въ настоящее время мы чувствуемъ живое значеніе литературы, обсуждающей текущіе вопросы и образующей наше общественное сознаніе, то, можетъ быть, первые шаги ея на этомъ поприщѣ должны быть отнесены къ карамзинскому періоду. Событія екатерининской и александровской эпохъ много говорили русскому чувству и не могли не дѣйствовать на русскій умъ; это и отразилось на литературѣ. Видя въ послѣдней выраженіе общества, г. Галаховъ характеризуетъ карамзинскій періодъ чрезвычайно многосторонне: мы находимъ у него и рядъ образчиковъ тогдашняго сентиментализма, и характерныя черты изъ борьбы тогдашнихъ западниковъ съ славянофилами, двухъ общественныхъ направленій, изъ примиренія которыхъ, можно сказать, возникла «Исторія Государства Россійскаго», и завлеченія мистаизма, и образцы тогдашней сатиры, то строгой, то шушливой, нашедшей себѣ высшее выраженіе въ знаменитомъ произведеніи Грибоѣдова, и туманныя мечтанія романтизма въ произведеніяхъ Жуковскаго, и яркіе проблески античнаго классицизма у Батюшкова. Чтобы дать понятіе о томъ или другомъ писателѣ, г. Галаховъ выбираетъ изъ него нѣсколько небольшихъ произведеній или, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколько отрывковъ, но такихъ, которые представляли бы значительную цѣлость; такимъ образомъ, каждая приведенная статья представляется съ опредѣленнымъ и окруженнымъ содержаніемъ и легко поддается разбору; самые отрывки и цѣлыя произведенія выбраны очень удачно, съ глубокимъ пониманіемъ литературной личности ихъ авторовъ. Количество приведенныхъ образцовъ изъ каждаго писателя, конечно, соотвѣтствуетъ большому или меньшему его литературному значенію и таланту; но мы вполне одобряемъ обычай г. Галахова характеризовать литературный періодъ не только главными, но и второстепенными представителями (такъ, въ разбираемомъ томѣ, кромѣ Карамзина, Дмитріева, Озерова, Жуковскаго, Батюшкова, Мерзлякова, Гнѣдича, Грибоѣдова, Крылова, кн. Вяземскаго, составитель цитуетъ Каменева, Подшивалова, Шишкова, П. Макаро-

ва, Дашкова, Бевитцкаго, В. Измайлова, В. Пушкина, кн. Шаликова, кн. С. Шихматова, Марина, Шатрова, кн. Горчакова, Пнина, Востокова, гр. Растопчина, Кривовскаго, С. Глинку, А. Измайлова, Нахимова, Милонова, В. Панаева, Нарѣзнаго, А. Тургенева, Воейкова, кн. Шаховскаго, Катенина, Кокоткина, Хмѣльницкаго, Неворова, Лабзина, Ф. Глинку и нѣсколькихъ духовныхъ писателей (*). Каждая статья снабжена рядомъ разнообразныхъ примѣчаній, объясняющихъ ея главную мысль, подробности ея содержания, вліяніе приведеннаго произведенія и его отношеніе къ другимъ. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ помѣщены подробности библиографическія и біографическія, между которыми многія разсыканы самимъ г. Галаховымъ и впервые являютъ въ печати. Вообще, со стороны примѣчаній второй томъ намъ кажется богаче перваго. Такимъ образомъ каждая статья обставлена всѣмъ, что только облегчаетъ ея пониманіе, и на обязанности преподавателя, пользующагося хрестоматіей г. Галахова, лежитъ только виннуть въ предложенный матеріалъ и усвоить его содержаніе и смыслъ. Вообще хрестоматія г. Галахова представляетъ драгоценнѣйшее пособие для изученія русской литературы и для того объяснительнаго чтенія ея памятникъ, которое все болѣе и болѣе распространяется въ преподаваніи. Вѣроятно, преподаватели съ одобреніемъ встрѣтятъ второй томъ прекраснаго труда г. Галахова и вмѣстѣ съ нами пожелаютъ, чтобы третій его томъ, заключающій въ себѣ пушкинскій періодъ, не замедлилъ выходомъ и не уступалъ бы въ достоинствѣ своимъ предшественникамъ.

Учебный Атласъ по Русской Исторіи. Составленъ и изданъ Е. Замысловскимъ. Выпускъ первый. Спб. 1865.

Въ нашей учебной литературѣ не было до сихъ поръ русскаго историко-географическаго атласа: Правда, есть у насъ атласы Ахматова и Павлицева, но они изданы очень давно; наша наука далеко ушла съ тѣхъ поръ, какъ они были составлены. Г. Замысловскому пришла счастливая мысль пополнить этотъ недостатокъ, и результатомъ ея было изданіе атласа, заглавіе котораго выписано выше. Въ составъ его должны войти девять картъ довольно большаго объема, изображающихъ русскую землю въ разные періоды ея существованія: «Дѣленіе картъ — говоритъ составитель въ предисловіи — поставлено въ связи съ тѣмъ дѣленіемъ на періоды, которое рѣзко обозначается въ самомъ ходѣ русской

(*) По нашему мнѣнію, г. Галаховъ могъ бы включить въ свою хрестоматію отрывки еще изъ трехъ писателей: 1) И. М. Муравьева-Апостола, автора «Путешествія въ Тавриду» и переводчика Аристофановыхъ «Облаковъ», замѣчательнаго стилиста и одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; 2) графа Сперанскаго, между преобразованиями котораго не должно забывать, между прочимъ, и преобразованіе канцелярскаго слога; 3) Вигеля, который по своему направленію и дѣятельности прямо относится къ Карамзинскому періоду, а по литературному таланту не будетъ послѣднимъ между своими современниками.

исторіи, и каждая карта изображаетъ какъ-бы результатъ измѣненій въ русской государственной области, совершившихся въ теченіе того періода, которому она посвящена». Судя по первому выпуску атласа, изданному въ настоящее время, составителю удалось вѣрно схватить тѣ эпохи, которыя дѣйствительно ознаменовались важными измѣненіями въ географическихъ предѣлахъ русской земли. Такъ наприимѣръ, первая карта атласа изображаетъ Русь, въ годъ смерти Ярослава Владиміровича; но вмѣстѣ съ тѣмъ, на ней изображено разными красками распредѣленіе племенъ въ восточной Европѣ съ IX по XI вѣкъ, такъ что глядя на эту карту, легко можно видѣть, какія изъ этихъ племенъ вошли въ составъ древнѣйшаго русскаго государства; во второй картѣ, относящейся къ удѣльному періоду, намъ кажется совершенно вѣрнымъ раздѣленіе Руси не на княжества, а на земли; это раздѣленіе, соответствуя отчасти распредѣленію славяно-русскихъ племенъ, показываетъ связь послѣдняго съ ослабленіемъ удѣльныхъ волостей. Въ третьей картѣ, изображающей Русь въ половинѣ XV вѣка, обиліе географическихъ подробностей въ средней полосѣ Россіи, и бѣдность ихъ въ южной ея части, очень наглядно изображаютъ, что центръ государственной дѣятельности передвинулся къ сѣверу. Вообще карты г. Замысловскаго отличаются большою отчетливостью и ясностью, хотя изданы и не роскошно; онѣ предназначены для среднихъ учебныхъ заведеній, но по обилію подробностей годятся и при чтеніи такихъ сочиненій, какъ исторіи Карамзина, Соловьева и проч. По точности нанесенныхъ подробностей можно видѣть, что карты составлены добросовѣстно, и при помощи дѣйствительно всѣхъ тѣхъ пособій, которыя предлагаетъ новая наша наука; это мнѣніе наше подтверждаетъ и тотъ лестный отзывъ объ атласѣ г. Замысловскаго, который недавно былъ высказанъ въ этнографическомъ отдѣленіи нашего географическаго общества, г. Калачовымъ. Пока вышелъ только первый выпускъ атласа, состоящій изъ трехъ картъ, и кромя того, заключающій въ себѣ очень хорошее дополненіе, перечень водныхъ путей сообщенія въ древней Руси. Второй и послѣдній выпускъ, въ шесть картъ, выйдетъ къ апрѣлю мѣсяцу. Будемъ надѣяться, что издатель останется вѣренъ своему слову; такимъ образомъ, наша педагогическая литература сдѣлаетъ прекрасное приобрѣтеніе, вполне достойное наибольшаго успѣха.

Опытъ сравнительнаго обзоренія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи, германской и славянской. Изслѣдованіе П. Полеваго, писанное на степень маистра русской словесности. Спб. 1864.

Наши ученныя диссертациі послѣдняго времени представляютъ одну особенность, весьма замѣчательную. Чтобы объяснить читателямъ эту особенность, припомнимъ себѣ, что всякій ученный трудъ имѣетъ двѣ стороны: одну — такъ называемую чернорабочую, состоящую въ отыскиваніи фактовъ, которая во многихъ

случаяхъ требуетъ только механическаго труда, времени и самой ничтожной головной работы — и другую, болѣе деликатную, которая состоитъ въ пониманіи фактовъ, въ созданіи изъ нихъ системы, того, что составляетъ самую сущность ученаго труда. Наука послѣдняго времени стала на самую лучшую дорогу изученія фактовъ и постройки системъ не иначе, какъ на основаніи этихъ фактовъ. Потому отискиваніе фактовъ, какъ ни мало требуетъ оно силъ умственныхъ со стороны автора, въ наукѣ имѣетъ громадное значеніе; безъ него система вѣчно будетъ уподобляться дому, построенному на пескѣ. Но одни факты безъ осмысленія ихъ, разумѣется, такъ и останутся только фактами, ничего неговорящими, мертвымъ матеріаломъ; потому другая сторона работы, объясненіе фактовъ, постройка на основаніи ихъ системы, имѣетъ ближайшее, болѣе существенное отношеніе къ наукѣ, имѣетъ для нея болѣшую важность. Разумѣется, она требуетъ и болѣе умственныхъ силъ и болѣшаго образованія.

Нашнихъ молодыхъ ученыхъ, обыкновенно, достаетъ только на первую сторону труда, а со второю они справляются обыкновенно очень плохо. Кромя тѣхъ доказательствъ этой мысли, которыя уже извѣстны нашей читающей публикѣ, г. Полевой представляетъ еще одно. Онъ предположилъ сдѣлать сравнительное обзорѣніе памятниковъ народной поэзіи германской и славянской. Памятники, которыми занимается г. Полевой, слѣдующіе: Семундова Эда, Саги, Веовульфъ, Искни о Гильдебрандѣ, о Нибелунгахъ, Кудруна; а изъ славянскихъ пѣсень — о Судѣ Любуши, пѣснь Краледворской рукописи, Слово о полку Игоревѣ, и Слово о Задонщинѣ. Иагага содержаніе памятниковъ, г. Полевой дѣлаетъ свое дѣло довольно удовлетворительно, хотя далеко не вполне; именно, онъ не вдумался хорошо въ содержаніе, не представилъ его себѣ въ цѣлости и общности, и не изложилъ такъ, чтобы самыя существенныя черты выступали на первый планъ, а второстепенныя стояли потомъ, чтобы весь разсказъ представлялъ ясную картину, въ которой читатель видѣлъ бы и единство предмета, и пропорціональность въ подробностяхъ. Но съ изложеніемъ содержанія, въ трудѣ г. Полевого еще можно помириться; а съ другою половиною его, гдѣ магистрантъ сравниваетъ памятники, философствуетъ объ нихъ, помириться очень трудно. Эту часть г. Полевой начинаетъ классификацію эпическихъ памятниковъ вообще. «Эпосъ обыкновенно — говоритъ онъ — дѣлать на два главные вида: мифическій и героическій. Но очень трудно подвести всѣ эпическія произведенія подъ эти два разряда. Если разумѣть подъ названіемъ мифическаго тотъ эпосъ, въ которомъ преобладаетъ сверхъестественное надъ естественнымъ, а подъ названіемъ героическаго тотъ, въ которомъ сверхъестественное является на второмъ планѣ, то весь отдѣлъ славянскихъ памятниковъ не подойдетъ ни подъ одинъ изъ этихъ разрядовъ. Они представляютъ собою особый видъ, который легче всего назвать историческимъ эпосомъ, потому что въ основа-

нѣм славянскаго эпоса постоянно является истинное происшествіе, быль (или то, что народъ считаетъ былью), переданная въ поэтической формѣ». Эта классификація можетъ ввести въ большую ошибку читателя, мало знакомаго съ дѣломъ: онъ подумаетъ, что эпическія поэмы не славянскія, какъ, напримѣръ, пѣснь о «Нибелунгахъ», уже ничего историческаго въ себѣ не имѣютъ, что въ нихъ даже въ основаніи нѣтъ истиннаго происшествія; но эта ошибка. Нетолько пѣснь о Нибелунгахъ или другія героическія поэмы среднихъ вѣковъ или древности, какъ Илиада, но и произведенія ижеическія, какъ Беовульфъ или Саги или пѣсни Эдды, въ основаніи нерѣдко имѣютъ быль. Если въ историческихъ источникахъ иногда нѣтъ указанія на такія происшествія, послужившія основаніемъ для эпоса, то это еще не даетъ права заключать, чтобы его дѣйствительно не было. Напротивъ, въ наукѣ принято, въ самыхъ баснословныхъ разсказахъ древности видѣть, или по крайней мѣрѣ не отказываться видѣть, истинную основу. Такъ въ разсказѣ о походѣ аргонавтовъ, видятъ указаніе на древнѣйшія путешествія грековъ къ подножію Кавказа; въ преданіяхъ о тирскомъ Геркулесѣ, видятъ указанія на открытія и завоеванія финиціанъ по берегамъ Средиземнаго моря и т. д., такъ что истинное происшествіе въ основѣ эпоса не можетъ служить признакомъ для классификаціи его. Дѣлать эпическія произведенія можно и на два вида, и на три, какъ угодно г. Полевому; но только по причинамъ болѣе основательнымъ и опредѣленнымъ; и славянскій эпосъ не тѣмъ отличается отъ германскаго и другихъ, что будто бы въ немъ только одною въ основаніи лежала быль. Нѣтъ, въ немъ и основаніе, и развитіе — все имѣетъ характеръ историческій; Игорь или Дмитрій-Донской, или Славой съ Забоемъ, или Ярославъ идутъ противъ враговъ такъ, какъ и въ наше время ходятъ противъ враговъ, и сражаются съ ними такъ, какъ и теперь сражаются. Сверхъестественный элементъ входитъ въ славянскій эпосъ почти исключительно въ лирическихъ отступленіяхъ, или въ указаніи на предзнаменованія. Напримѣръ, Забой и Людены наносятъ другъ другу удары, льютъ кровь, забрызгиваютъ другихъ; все это такъ, какъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. А Беовульфъ сражается съ чудовищемъ, одареннымъ страшною силою, и у него страшная неестественная сила; онъ спускается подъ землю; тутъ все сверхъестественное. Такъ же много сверхъестественнаго и вообще необычнаго и въ Нибелунгахъ. И эти-то богатствомъ сверхъестественнаго и необычнаго и отличаются они, напримѣръ, отъ Слова о полку Игоревѣ, которое представляетъ поэтическое изображеніе событія, только съ такими атрибутами сверхъестественнаго, безъ которыхъ не обходился эпическія произведенія даже позднѣйшія. Но основаніе, въ большей части эпическихъ произведеній, даже такихъ, въ которыхъ очевидно, преобладаетъ элементъ ижеическій — истинное. Такимъ образомъ, классификація г. Полеваго построена на ложномъ основаніи.

Дальше стараюсь выяснить разницу между эпосомъ мноючскимъ и эпосомъ героическимъ, г. Полевой совсѣмъ не заботится даже о какомъ нибудь основаніи, а все свое разсужденіе основываетъ только на томъ, что ему такъ кажется. «Когда Сигурдъ и Беовульфъ—говорить отъ—борятся со змѣемъ, или Беовульфъ съ чудовищнымъ Гремделемъ, и то и другое событіе намъ кажется почти возможнымъ, чуть не дѣйствительнымъ происшествіемъ въ живомъ разказѣ обѣихъ эпоей». «Но намъ странно читать въ пѣсни о Нибелунгахъ, извѣстный разказъ 2-й части о томъ, какъ Гагенъ—этотъ герой грубой средневѣковой дѣйствительности—нечаянно сталкивается съ водяными дѣвами, покищаетъ у одной изъ нихъ платье, принуждаетъ ее предсказывать будущее и т. д.» Отчего же въ одномъ случаѣ вамъ сверхъестественное кажется вѣроятнымъ, почти дѣйствительнымъ, а въ другомъ оно вамъ кажется страннымъ и невѣроятнымъ?—Какимъ образомъ, герой средневѣковой дѣйствительности въ народномъ воззрѣніи не можетъ встрѣтиться съ водяною дѣвою?—Очевидно, если для какого времени возможны подобные разказы, то для среднихъ вѣковъ, и высказанное г. Полевымъ воззрѣніе намъ кажется страннымъ. Вѣроятно, здѣсь ошибка его происходитъ оттого, что онъ усиливается найти разницу между тѣмъ и другимъ эпосомъ, но дѣйствительной разницы не находитъ, и потому сочиняетъ такую, которая въ дѣйствительности не существуетъ. Еще разъ онъ принимается отыскивать разницу между эпосомъ мноючскимъ и эпосомъ героическимъ, и опять неудачно. «Эпосъ мноючскій—говоритъ онъ—ни о чемъ не разказываетъ плавно, послѣдовательно; а сосредоточивъ свое вниманіе на одномъ какомъ нибудь событіи, набрасываетъ одну черту за другою, кладетъ одну за другою яркія краски, даетъ въ немногихъ словахъ ясное, полное понятіе о томъ событіи или характерѣ, которые составляютъ предметъ пѣсни, но не входитъ въ подробности, или по крайней мѣрѣ рѣдко входитъ. Однимъ словомъ, каждая отдѣльная пѣсна мноючскаго эпоса представляетъ очеркъ, набросанный смѣлой и сильной рукой». Очевидно, вся эта характеристика есть не что иное, какъ наборъ словъ; каждая черта ея, безъ исключенія, можетъ быть отнесена и къ героическому эпосу, и даже къ историческому. «Изложеніе героическаго эпоса совершенно противоположно изложенію Эдды (то-есть эпоса мноючскаго): въ немъ нѣтъ и двухъ словъ безъ связи». А будто въ Эддѣ это есть? Долго было бы выписывать всѣ слабыя мѣста диссертациі; поэтому мы и удовольствуемся приведенными выписками. Онѣ вполнѣ подтверждаютъ сдѣланное нами положеніе, что наши же молодые ученые достаютъ только на черную работу. И книга г. Полеваго если имѣетъ какое нибудь значеніе, то именно только этою стороною. Впрочемъ, самъ г. Полевой, повидимому, имѣетъ высокое понятіе о своемъ трудѣ, потому что въ предисловіи самъ говорить о важности и самостоятельности его.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги, сколько нибудь замѣчательныя:

Магницкій. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Соч. Е. Оболенскаго. (Цѣна 1 р. 25 к. сер.) Это—отдѣльные оттиски статьи, напечатанной въ «Рус. Вѣстникѣ».

Сны, рассказъ изъ времянь XVII вѣка. Н. Костомарова. Сиб. 1865. Ц. 1 р.

Путешествіи по Сибири и прилегающимъ къ ней странамъ центральной Азіи. Составлено Этцелемъ и Винеромъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Демкина. Сиб. 1865.

Краткій учебникъ физиологій А. Германа. Переводъ съ нѣмецкаго, просмотрѣнный и дополненный Сьменовымъ. Выпускъ второй (послѣдній). Сиб. 1865. (Ц. за два выпуска 2 р.).

Томъ II сочиненій Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, изд. акад. наукъ, съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта. Этотъ томъ содержитъ стихотворенія, писанныя отъ 1798 по 1808 годъ, и къ нимъ приложено 237 рисунковъ, изготовленныхъ въ оригиналѣ современными Державину художниками. Ц. 8 р.

Ученіи Дарвина «о происхожденіи видовъ», общепонятно изложенное Фр. Роале. Переводъ съ нѣмецкаго О. А. Усова. Съ полтипиками. Мос. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к. (На русскомъ есть уже переводъ этого сочиненія, но крайне небрежный. Переводъ г. Усова исполненъ тщательно). Изд. А. Н. Глазунова.

Слуги жвауды, исторія пяти чувствъ. Соч. Массе. Вып. I. Описаніе костей, съ рисунками. Сиб. 1865 года. Ц. 65 к.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

X-й томъ «Этюдъ по исторіи человечества», Лорана. — «Вильгельмъ Оранскій», соч. Клоза. — V-й томъ «Исторіи Англіи въ XVI и XVII вѣкахъ», Ранке. — «Три лекціи изъ исторіи среднихъ вѣковъ», Каминьютте. — «Парламентская Франція», Ламартина.

Этюдъ по исторіи человечества (исторія народнаго права и международныхъ отношеній), соч. Ф. Лорана. Т. X: *Народности* (*). — Большое историко-философское сочиненіе извѣстнаго профессора гентскаго университета Лорана, съ каждымъ томомъ приобрѣтаетъ все болѣе и болѣе интереса. Недавно вышедшая десятая часть, подъ заглавіемъ «Народности», заслуживаетъ

(*) *ÉTUDES SUR L'HISTOIRE DE L'HUMANITÉ (histoire du droit des gens et des relations internationales)*, par F. Laurent, professeur de droit à l'université de Gand. T. X. *Les Nationalités*. Paris. 1865.

глубокого вниманія. Какъ извѣстно, Лоранъ — родомъ бельгіецъ и владѣеть обширными учеными средствами; ему одинаково хорошо знакомы языки: нѣмецкій, англійскій, голландскій и итальянскій, и одинаково доступны самыя разнообразныя источники и пособія, на точную и полную разработку которыхъ онъ употребилъ стараніе, вполнѣ заслуживающее удивленія. Главнымъ результатомъ его трудовъ стало именно то сочиненіе, котораго появился теперь десятый томъ. Сперва это сочиненіе называлось «Исторією народнаго права и международныхъ отношеній». Но такъ-какъ съ самого начала авторъ придавъ слишкомъ широкій смыслъ понятію о народномъ правѣ, безконечная важность котораго, какъ центральнаго пункта въ исторической культурѣ, привела его къ обширному историко-философскому труду, то прежнее названіе пришлось измѣнить на то, которое теперь читаемъ на оберткѣ сочиненія. Въ восьмомъ и девятомъ томахъ («Реформація», «Религіозныя войны»), авторъ какъ будто отступилъ отъ самой идеи сочиненія, выражаемой его международной точкою зрѣнія, и впалъ какъ-бы въ непослѣдовательность; но въ только что появившейся части, мы находимъ разъясненіе этихъ сомнѣній: его приѣмъ въ восьмомъ и девятомъ томахъ имѣлъ цѣлю сообщить обильный запасъ фактовъ, которые облегчили бы намъ постепенное пониманіе предопредѣленнаго единства жизни человѣчества, путеводной нити Лорана. И это рѣшительное возвращеніе къ первоначальной основной идеѣ сочиненія оживило самое его изложеніе.

Лорана всего болѣе характеризуютъ двѣ черты—совершенная свобода мысли, которая ставитъ его въ независимое отношеніе къ католическимъ догматамъ, и твердая, пронизанная горячимъ одушевленіемъ вѣра въ Божество, управляющее судьбами человѣчества. Оба качества, одно — въ критическомъ, другое — въ положительномъ направленіи, возвышаютъ религіозную сторону земнаго существованія: религія, по мнѣнію автора, есть самая лучшая связь для единства человѣчества—единства, которое, конечно, будетъ достигнуто только посредствомъ будущаго объединенія нынѣшнихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, въ настоящее время нерѣдко враждующихъ между собою, вмѣсто того, чтобы способствовать этому единству.

Лоранъ не признаетъ ни совершенно абстрактнаго, ни христіанскаго космополитизма. Онъ признаетъ единство въ живомъ разнообразіи; различіе національностей не есть кара божія, но скорѣе самое благое дѣло промысла, для соединенія человѣчества: «народности—отъ Бога». Въ феодальныя среднія вѣка, собственно говоря, не было народовъ, точно такъ, какъ и въ древности, которая знала только отдѣльные города и династическія царства. Съ полнымъ признаніемъ человѣческаго достоинства, необходимо связана идея о союзѣ государственномъ, удовлетворяющемъ нравственнымъ требованіямъ человѣка; поэтому созданіе народнаго права принадлежитъ по преимуществу современному человѣку. Идеалу

индивидуального совершенства соответствует, но Лорану, идеалъ международного братства; но этотъ идеалъ можетъ быть достигнутъ не вдругъ: для этого нужна вѣковая работа исторіи, борьба страстей, лишения, опыты и нарушенія права, въ которыхъ крѣпится нравственное сознание народовъ и индивидуумовъ. Для современной точки зрѣнія были необходимы многія посредствующія ступени, о которыхъ нельзя было умолчать. Всемирная монархія и абсолютная верховная власть, кабинетная политика и завоевательныя войны — это переходные періоды, но не конечныя цѣли движенія. Макиавелли, изображение котораго представляетъ образцовое произведеніе этой десятой части, не можетъ быть зеркаломъ, или защитой современнаго патріотизма и всемірнаго гражданства. Кто въ состояніи это выполнять — покажетъ Лоранъ въ слѣдующей части.

Вильгельмъ Оранскій, основатель голландской свободы, соч. Клоза, по смерти его изданное Вутке (*). — Исторія отпаденія Нидерландовъ отъ Испаніи такъ блистательно разсказана американскимъ историкомъ Мотлеемъ, что наврядъ-ли новый трудъ о томъ же предметѣ найдетъ много читателей. Одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ, докторъ Клозъ, написалъ подробную монографію о жизни Вильгельма Оранскаго, которую послѣ его смерти издалъ и снабдилъ примѣчаніями его другъ, лейпцигскій профессоръ Вутке. Книга эта, по всей вѣроятности, никогда не сдѣлается популярной. Она написана очень безцвѣтно, и точка зрѣнія автора очень мало разнится отъ точки зрѣнія всѣхъ протестантскихъ историковъ, начиная отъ Шиллера до послѣдняго времени. Все же, однако, какъ результатъ добросовѣстнаго многолѣтняго труда, книга эта, отличающаяся кромѣ того полнѣйшимъ безпристрастіемъ, вполне заслуживаетъ вниманія занимающихся исторіею. Особливо полезно къ ней прибѣгнуть какъ къ лучшему матеріалу для повѣрки болѣе блестящаго и занимательнаго сочиненія Мотлея. Наконецъ, докторъ Клозъ очень рельефно выставляетъ тѣ трудныя вопросы въ жизни Вильгельма Оранскаго, которые еще все не разрѣшены или разрѣшены только частью. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ Мотлей, вазалось, положительно рѣшилъ навсегда; но нѣмецкій ученый снова ихъ поднимаетъ и приходитъ къ совершенно другимъ заключеніямъ. Такъ извѣстно, что всего темнѣе, неразгаданнѣе въ исторіи великаго штатгальтера, тѣ событія, въ которыхъ высказывается его хитрость, его недостатокъ правдивости. Прежде всего, Вильгельма упрекаютъ за его неблагородное поведеніе въ дѣлѣ заключенія брака съ несчастной принцессой саксонской Анной, при чемъ онъ далъ слово, что не помѣшаетъ женѣ исповѣдовать протестантскую религію и будетъ воспитывать дѣтей въ этой же религіи, и потомъ нару-

(*) WILHELM VON ORANJEN. Aus dem Nachlasse K. L. Klos'es, mit einer Würdigung des Oraniers von H. Wuttke. Leipzig. 1864.

шилъ свое обѣщаніе. И Мотлей, и Клозъ всѣми силами стараются, хотя на основаніи совершенно противоположныхъ документовъ и фактовъ, доказать, что Вильгельмъ и въ этомъ дѣлѣ воля себя героемъ. Но это ни одному, ни другому не удается. Тутъ замѣчательно еще то, что Мотлей въ своемъ блестящемъ, можно сказать, страстномъ разсказѣ обыкновенно ссылается на факты вѣрные, въ примѣчаніяхъ дѣлаетъ ссылки на документы, неоставляющіе никакого сомнѣнія въ достовѣрности его свѣдѣній; но, увлекаясь своими пламенными сочувствіями и антипатіями, онъ приходитъ часто къ заключеніямъ, совершенно противорѣчащимъ его же фактамъ. Напротивъ, нѣмецкій историкъ въ своемъ хладнокровномъ, сдержанномъ изложеніи иногда извращаетъ событія, приводитъ такіе факты, которые уже давно признаны невѣрными, но общія его заключенія и выводы болѣе подходятъ къ истинѣ. Впрочемъ, что касается вопроса о бракѣ Вильгельма, то ни одинъ историкъ не представляетъ ничего новаго, и вопросъ этотъ остается попрежнему темнымъ. То же можно сказать и о другихъ двухъ событіяхъ, поставляемыхъ обыкновенно въ укоръ Вильгельму. Это именно его двойственное, хитрое поведеніе передъ самымъ возмущеніемъ. Извѣстно, что онъ поддерживалъ всѣми силами введеніе тѣхъ самыхъ указовъ Филиппа о преслѣдованіи протестантовъ и введеніи постановленій тридентскаго собора, которые послужили главною причиною взрыва. Другіе патриоты, предчувствуя пагубное вліяніе этихъ указовъ, предлагали ихъ не вводить, но Вильгельмъ одержалъ верхъ, проповѣдуя необходимость послушанія королевской волѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, пожаръ вспыхнулъ, и Вильгельмъ, сбросивъ маску, сталъ во главѣ возстанія. Положимъ, что оба историка совершенно правы, утверждая, что онъ такъ поступилъ изъ патриотизма, но это все-таки не доказываетъ, чтобы онъ не поступилъ въ томъ случаѣ, какъ человѣкъ коварный. Наконецъ послѣдній спорный вопросъ изъ жизни перваго штатгальтера, именно знаменитое письмо Д'Алавы, которое считаютъ поддѣлкой Вильгельма, также ни мало не разъясняется ни Мотлеемъ, ни новыми изслѣдованіями Клоза. Какъ извѣстно, это письмо Д'Алавы, испанскаго посла въ Парижѣ, къ регентшѣ Маргаритѣ заключало въ себѣ разсказъ о жестокихъ намѣреніяхъ короля противъ нѣкоторыхъ важныхъ лицъ въ Нидерландахъ, и что перехваченное Вильгельмомъ, оно было представлено имъ на дендермондскомъ свиданіи съ предводителями патриотической партіи. Конечно, это письмо побудило самыхъ нерѣшительныхъ преступить къ дѣйствию изъ одного чувства собственной безопасности. Маргарита, въ секретномъ письмѣ къ Филиппу, въ которомъ ей вовсе не было нужды скрывать, прямо объявила, что это подлогъ, сдѣланный Вильгельмомъ. Съ тѣхъ поръ, большая часть историковъ придерживалась этого мнѣнія, но прямого доказательства до сихъ поръ не открыто. Мотлей признаетъ подложность письма, но увѣряетъ, что это сдѣлано однимъ изъ приверженцевъ Вильгельма, который

самъ бытъ введенъ въ заблужденіе. Слабость этого довода очевидна. Новый историкъ Вильгельма гораздо смѣльче: онъ и его издатель стараются всѣми силами доказать, что это письмо было подлинное, но ихъ мнѣнія основаны на однихъ соображеніяхъ и не подтверждены никакими фактами. Изъ этихъ немногихъ примѣровъ читатели видятъ, сколько еще есть темныхъ, неразгаданныхъ фактовъ въ жизни Вильгельма; но намъ кажется, что напрасно историки стараются своихъ героевъ представить незапятнанными образцами добродѣтели. Пускай тѣ упреки, которые дѣлаютъ Вильгельму Оранскому, и совершенно справедливы — это ни чуть не уменьшаетъ уваженія, которое неволью всагій чувствуется къ великому дѣлу этого человѣка, освободившаго свою родину отъ тяготѣвшаго надъ нею испанскаго ига.

Исторія Англій въ XVI и XVII столѣтіяхъ, соч. Леоп. Ранке. Т. V (*).—Знаменитый старикъ Ранке съ бодростью молодого человѣка продолжаетъ свою учено-литературную дѣятельность. Не прошло еще года послѣ изданія четвертаго тома его «Исторіи Англій», какъ появилась новый томъ, болѣе полный по содержанию и болѣе интересный, чѣмъ предшествовавшій ему. Интересъ этого сочиненія тѣмъ значительнѣе, что по содержанию своему эти томы Ранке совпадаютъ съ пзвѣстнымъ произведеніемъ Маколей. Это обстоятельство даетъ возможность провести паралель между взглядами и приемами англійскаго и нѣмецкаго историковъ, подобно тому, какъ мы сейчасъ сравнивали Мотлея съ Кюзомъ. Какъ извѣстно, время отъ 1675 до 1688, подготовившее паденіе Стюартовъ, богаче и внутренними, и внѣшними событіями, чѣмъ первая половина періода реставраціи. Борьба между прерогативою короны и притязаніями парламента на власть кончилась во вредъ королевской власти. Съ тѣхъ поръ, какъ домогательства парламента окончательно слились съ протестантско-англиканскими стремленіями противъ коварнаго вѣроломства и жестокости двухъ послѣднихъ Стюартовъ, Ранке начинаетъ опредѣленно обнаруживать симпатію къ побѣдоносной сторонѣ. Тѣмъ не менѣе, у него еще замѣтна нѣкоторая слабость къ Карлу II: онъ менѣе осуждаетъ его нравственные недостатки, чѣмъ Маколей. Удерживая за нимъ до послѣдней минуты величіе помазанника, Ранке не только оправдываетъ его нѣжную и впечатлительную натуру, но даже изображаетъ его, въ отличіе отъ другихъ историковъ, ловкимъ и хитрымъ политикомъ, который, несмотря на преніяствія, постоянно возраставшія по его собственной винѣ, неутомимо прокладываетъ новые пути, чтобы удержать хоть одну часть своей прерогативы, а именно: законное право наслѣдства своего дома. Когда нельзя было больше слѣдовать тайнымъ католическимъ стремленіямъ, и союзъ съ вѣрною

(*) ENGLISCHE GESCHICHTE VORNEHMICH IM 16 u 17 JAHRHUNDERT, von L. Ranke. 5 Band. Berlin. 1865.

королю епископальной церковью получалъ для него значеніе, онъ, передъ самой смертью, принимая послѣднее помязаніе отъ бенедиктинца, радовался своему торжеству надъ нею, и такимъ образомъ, до послѣдней минуты сохраняя хладнокрое, передавалъ своему наслѣднику страшное свое рѣшеніе. За то Ранке отворачивается отъ Іакова II, который былъ мужественнѣе своего брата, но менѣе его благоразуменъ, который, не связывая себя законами, хотѣлъ принудить англиканскихъ епископовъ произнести собственный приговоръ. Съ полнымъ безпристрастіемъ Ранке слѣдитъ за образованіемъ обѣихъ политическихъ партій, торіевъ и вигговъ. Дѣлая вѣрныя характеристики государственныхъ людей: Дерби, Кларендона, Сѣндерланда, Шефтсбери и Россея, онъ обращаетъ вниманіе на тѣ противоположныя черты этихъ личностей, которыя, сначала бывъ незамѣтны, обнаружались во время великихъ катастрофъ—во время іезуитскаго и республиканскаго заговора; во время попытки Монмута и рѣшительнаго прибытія Вильгельма Оранскаго. Лордъ Галифаксъ у Ранке не такъ бросается въ глаза читателю, какъ у Маколея; но тѣмъ не менѣе его высокій талантъ, его искусная политика находятъ себѣ достойную оцѣнку, равно какъ и личность не столь же великаго, но не менѣе почтеннаго доктора Бернета, умѣвшаго примирить въ самый рѣшительный моментъ тѣ противорѣчія, въ которыя обстоятельства ставили его политическіе и религіозные принципы. Два превосходные характера графа Арджилъ и юнаго герцога Монмута, который на каждомъ шагу остается Стюартомъ, несмотря на ложную избранную имъ дорогу, обрисованы въ немногихъ неподражаемыхъ чертахъ. Отвратительная личность лорда Джеффрея въ дальнѣйшемъ изложеніи не выступаетъ такъ ярко, какъ у Маколея. Описаніе кровавыхъ ассизовъ, которому Маколей посвятилъ цѣлую главу, въ сочиненіи Ранке занимаетъ одиннадцать строкъ.

Говоря вообще, неизбѣжное сравненіе двухъ знаменитыхъ историковъ, которые говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія, по большей части не въ пользу Ранке; преимущество на сторонѣ Маколея уже потому, что онъ написалъ исторію своего собственнаго отечества и при этомъ относится къ ней, хотя и свободно, но съ живѣйшимъ участіемъ. Тѣмъ не менѣе, и у Ранке есть своя значительная доля своеобразныхъ достоинствъ, особенно обнаруживающихся въ разбираемомъ пятomъ томѣ. Выразительная краткость его богатаго мыслью разсказа порою можетъ стать на ряду съ очарованіемъ художественнаго макалеевскаго описанія; самая объективность воззрѣнія иностранца точно такъ же имѣетъ свою цѣну, какъ и убѣдительная точка зрѣнія челоуѣка, принадлежащаго въ своей родинѣ къ извѣстной партіи. Маколей умѣетъ представить жизнь цѣлаго народа и съ любовью останавливается на каждомъ народномъ движеніи; напротивъ того, Ранке, оставаясь повѣреннымъ кабинетовъ и дипломатовъ, относится холодно и безъ особеннаго сочувствія къ ан-

гійскому народу, хотя послѣдній въ описываемыхъ событіяхъ принималъ не только страдательное, но и чрезвычайно дѣятельное участіе. Но, несмотря на то, взвѣсивши безпристрастно недостатки великаго соперника Ранке, нельзя не признать, что нѣмецкій историкъ-мыслитель и англійскій историкъ-художникъ своими отличительными достоинствами, такъ сказать, дополняютъ другъ друга; соединенные вмѣстѣ, они могли бы составить идеаль совершеннаго историка. Историческія знанія Ранке такъ богаты, его взгляды на общія европейскія отношенія такъ превосходятъ своей глубиной сужденія Маколея, что именно явленія, которыя или были совершенно пропущены, или неясно изложены въ знаменитомъ англійскомъ сочиненіи, лучше всего разработаны въ сочиненіи Ранке. Перехода отъ одной главы къ другой, вы видите, какъ могущественное величіе Лудовика XIV, затѣвавшее Европу, все болѣе и болѣе подавляло Англію, когда онъ подкупалъ золотомъ короля или парламентъ, или когда онъ выгонялъ своихъ реформатскихъ подданныхъ и нападалъ на Пфальцъ, преднамѣренно стараясь подавить государственную жизнь Англій и запутать въ свои сѣти обманутаго Іакова II. Единственною личностью, выказавшею ему сопротивление, былъ Вильгельмъ Оранскій, высокое значеніе котораго, какъ защитника протестантизма и народной самостоятельности, справедливо признаетъ Ранке. «Былъ на свѣтѣ человекъ, котораго съ самыхъ различныхъ сторонъ одинаково сильно затрогивала внѣшняя политика Франціи и внутренняя политика Англій» — такъ начинается Ранке главу, въ которой онъ излагаетъ великое предпріятіе Вильгельма, неизбежное и благотѣльное какъ для Англій, такъ и для всего Запада. Съ удивительною вѣрностью Ранке раскрываетъ тѣ нити, которыя связывали партіи въ Англій съ генеральными штатами и съ нѣмецкими государями, протестантовъ съ католиками, и которыя привлекли къ себѣ одного союзника въ лицѣ папы Иннокентія XI въ противоположность стuarto-французскому іезуитству.

У насъ и даже въ Англій часто удивляются начитанности Маколея по части памфлетовъ, полемическихъ сочиненій, дипломатическихъ актовъ и малозвѣстныхъ источниковъ всякаго рода, и смотрятъ на эту начитанность, какъ на нѣчто недостижимое. Ранке съ намѣреніемъ не признаетъ достоинства за мемуарами Граммона и тому подобными современными картинами нравственнаго состоянія общества для изображенія его глубокой нравственной порчи; онъ тоже изслѣдовалъ тѣ матеріалы въ Парижѣ, Гагѣ и Лондонѣ, изъ которыхъ Маколей уже выбралъ все лучшее. Но на сколько можно проникнуть въ его матеріалы, они богаче, чѣмъ у Маколея. Такъ, напримѣръ, Ранке воспользовался извѣстными французскихъ и бранденбургскихъ дипломатическихъ памятниковъ и нѣкоторыми другими матеріалами, которыми до сихъ поръ не вользовался никто. Мы уже сказали, что внѣшняя сторона сочиненія Ранке не можетъ идти въ сравненіе съ Маколеемъ: Ранке не художникъ; къ этому нужно прибавить еще,

что въ новомъ томѣ замѣтна искусственность и какое-то однообразіе изложенія.

Три лекціи къ исторіи среднихъ вѣковъ, соч. Ф. Кампшulte (*).—Обращаемъ вниманіе читателей на эти лекціи, замѣчательныя удачнымъ соединеніемъ живаго популярнаго изложенія съ здоровыми историческими идеями. Первая лекція «о характерѣ и развитіи крестовыхъ походовъ», имѣеть цѣлю указать на главнѣйшее явленіе второй половины среднихъ вѣковъ, именно на «постепенное уничтоженіе средневѣковыхъ формъ, постепенное ослабленіе церковнаго вліянія и начало новаго свѣтскаго міросерцапія, которое, переходя изъ рода въ родъ съ возрастающей силой, уже съ раннихъ поръ получаетъ преобладаніе въ крестовыхъ походахъ, все болѣе и болѣе уничтожаетъ ихъ религіозный отгнѣнокъ, и наконецъ, преобразуетъ ихъ въ предпріятіе, носящее на себѣ свѣтскій характеръ». Авторъ очень хорошо представилъ, какъ «сначала форма, и потомъ идея крестовыхъ походовъ принимаютъ свѣтскій характеръ». Однако, нельзя согласиться со взглядомъ автора на то вліяніе, которое имѣла самая форма веденія войны. Авторъ хочетъ видѣть главную причину неудачи позднѣйшихъ предпріятій въ томъ, что «свѣтская власть руководила крестовыми походами, ихъ вела и направляла, сдерживала и ограничивала»; поэтому они въ той же степени теряли свою внутреннюю силу. «Опытъ, направленный на то, чтобы сковать одушевленіе въ извѣстныя формы, постоянно наталкивался на трудности». Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что крестовые походы, съ тѣхъ поръ какъ великія власти Запада взяли въ свои руки управленіе, часто дѣлались средствомъ для достиженія чужихъ цѣлей, что, безъ сомнѣнія, влекло за собою вредныя послѣдствія. Но не должно упускать изъ виду, что одно только воодушевленіе многочисленныхъ массъ противъ войскъ Саладина съ трудомъ могло бы что нибудь сдѣлать. Печальныя послѣдствія недисциплинированнаго воодушевленія въ такъ называемомъ крестовомъ походѣ противъ Багдада были слишкомъ очевидны для того, чтобы не заставить подумать о другомъ родѣ веденія войны. Вторая лекція, «Вѣнчаніе Карла-Великаго на царство и всемірная христіанская монархія среднихъ вѣковъ», показываетъ, какъ изъ идеи о римской монархіи и общей церкви развивалась идея о христіанской всемірной монархіи, и какъ коронованіе Карла было формальнымъ выраженіемъ тому, что уже существовало на самомъ дѣлѣ. Между прочимъ, авторъ полагаетъ, что коронованіе Карла, по тогдашнимъ возрѣніямъ, должно было быть не возобновленіемъ западной римской имперіи, «а перенесеніемъ цѣлаго нераздѣльнаго имперіумъ mundi отъ грековъ къ франкамъ», такъ что существованіе византійской имперіи казалось «аномаліей». Третья

(*) ZUR GESCHICHTE DES MITTELALTERS. Drei Vortrage, von F. W. Kampshulte. Bonn. 1864.

лекція касается одного вопроса изъ мѣстной исторіи нѣмецкаго права и имѣеть специальный характеръ.

Парламентская Франція (1834—1851), соч. *Альфонса Ламартина*. Отдѣлъ первый: 1834 — 1840; въ двухъ книгахъ (*). — Въ этомъ сборникѣ должны заключаться политическія сочиненія Ламартина и рѣчи, произнесенныя имъ въ представительныхъ собраніяхъ іюльской монархіи и республики—словомъ, все, что относится до политической карьеры Ламартина. Пока вышелъ только первый томъ; въ немъ помѣщены рѣчи, произнесенныя до 1840 года, да кромѣ того въ началѣ сборника помѣщенъ биографическій этюдъ о Ламартинѣ, написанный Л. Ульбахомъ. Луи Ульбахъ—недурной романистъ, но оказывается прѣпложимъ биографомъ. Никогда еще биографъ не прославлялъ своихъ героевъ съ такимъ чрезмѣрнымъ многословіемъ. Пророкъ, государственный человѣкъ будущаго времени, гений свободы—вотъ какого рода иперболами Ульбахъ характеризуетъ Ламартина. Само собою разумѣется, что при этомъ о спокойной оцѣнкѣ человѣка не можетъ быть и рѣчи. Извѣстно, что Ламартинъ во время іюльской династіи находился въ выгодномъ положеніи, внѣ партій. Это величественное уединеніе имѣло ту двойную выгоду, что Ламартину не приходилось отказываться отъ личнаго, болѣе вѣрнаго пониманія вещей, и что онъ могъ разбирать недостатки всѣхъ партій, даже съ видомъ нѣкотораго превосходства. И вотъ его рѣчи, собранныя подъ именемъ *La France parlementaire*, представляютъ превосходную критику ошибокъ и іюльской монархіи, и тогдашней оппозиціи. Но если бы мы спросили себя о положительныхъ политическихъ мнѣніяхъ автора, то пришлось бы сказать, что его уединенное положеніе было не только бесплодно и не только служитъ плохимъ доказательствомъ его государственныхъ способностей, но что онъ раздѣляетъ самыя пагубныя заблужденія своего народа. Онъ свободенъ только отъ одной предопредѣленной наклонности французовъ: онъ отвергаетъ культъ Наполеона, который такъ страшно отмстилъ за себя Тьеру и другимъ своимъ поклонникамъ. Онъ желаетъ, чтобы на гробницѣ Наполеона было написано: *à Napoleon seul!*—этимъ онъ указываетъ на то, что эпоха Цезарей кончилась. Его воззрѣніе представляетъ удивительную смѣсь легитимистическихъ и республиканскихъ тенденцій. Поэтому онъ не имѣеть понятія о необходимомъ основаніи прочной свободы, о самоуправленіи. Онъ возвышаетъ всемогущество государственной власти такими словами, которыя могъ бы списать Лудовикъ XIV или Наполеонъ: чѣмъ свободнѣе народъ, тѣмъ строже должна быть централизація, тѣмъ заботливѣе должна

(*) *LA FRANCE PARLEMENTAIRE* (1834—1851). *Oeuvres oratoires et écrits politiques, d'ALPHONSE LAMARTINE. Précédés d'une étude sur la vie et les oeuvres de Lamartine par LOUIS ULBAH. Première série. 1834—1840. II Tomes, Bruxelles. 1864.*

вмѣшиваться администрація во всѣ дѣла народа. На этомъ основаніи онъ защищаетъ центральную сѣть желѣзныхъ дорогъ. Онъ требуетъ свободы торговли и, несмотря на это, поетъ похвальную пѣсню коммунистамъ. Эта партія есть для него идея, а не партія. Онъ отвергаетъ военное господство въ Алжирѣ, но и не задумывается о томъ, что народъ безъ самоуправления можетъ распространять свои колоніи только посредствомъ военного деспотизма, а не посредствомъ свободного расселенія.

Таковъ Ламартинъ въ своихъ рѣчахъ: но было бы несправедливо судить о немъ, какъ о государственномъ человѣкѣ на основаніи однихъ рѣчей; не должно забывать, что виновникъ этихъ многословныхъ диорамбовъ въ страшныя минуты февральской революціи спасъ свое отечество, благодаря своимъ нравственнымъ способностямъ и удивительному героическому мужеству. Этюдъ Ульбаха, въ которомъ ясно изложены собственныя воззрѣнія Ламартина, оставляетъ тяжелое впечатлѣніе. Онъ показываетъ, что великій опытъ перваго десятилѣтія имперіи прошелъ почти безслѣдно для значительной части французской демократіи. «Не народные мастерскія были несчастіемъ для Франціи, но ихъ насильственное закрытіе»; такія крайнія убѣжденія, высказанныя въ 1864 году, могутъ служить доказательствомъ поверхностнаго доктринѣрства радикаловъ.

Въ послѣднее время появились слѣдующія книги:

NOUVEAUX ÉCRITS DE L'HISTOIRE ROMAINE AU IV ET V SIÈCLES. Trois ministres de fils de Théodose. Par *Am. Thierry*. (Новые рассказы изъ римской исторіи IV и V вѣковъ. Три министра синовей Θεодосія, *Ам. Тьерри*). Paris.

THE GHOSTS AND THEIR REMAINS, ANCIENT AND MEDIEVAL. By *C. W. King*. (Гностики и ихъ слѣды въ древности и среднихъ вѣкахъ. Соч. *К. В. Кинга*). London.

KÖNIG JOHANN VON BÖHMEN UND BISCHOF NANKER VON BRISLAU. Beitrag zur Geschichte des Kampfes mit dem Sclaventhum im deutschen Osten. Von *G. Grünhagen*. (Король Іоаннъ Богемскій и епископъ бреславльскій Нанкеръ. Дополненіе къ исторіи борьбы противъ славянства на нѣмецкомъ востокѣ, соч. *Грюнхагена*). Wien.

LA FRANCE sous LOUIS XIV, par *E. Bonnetère*. 2 vol. (Франція при Лудовикѣ XIV, *Боннетера*. 2 т.). Paris.

FRÉRON OU L'ILLUSTRE ÉPIQUE, par *Ch. Monselet*. (Фреронъ или знаменитый критикъ, соч. *Ш. Монселе*). Paris.

LES NOMS AINSI. Etudes littéraires contemporaines, par *G. de la Bricolière*. (Любимыя имена, очерки современной литературы, *Ж. де ла-Бризольера*). Paris.

KRITISCHE WANDERUNGEN IN DREI KUNSTGEBIETEN. Lichten und Schattenbilder zur Geschichte und Charakteristik der deutschen Bühne, moderner Literatur und bildende Kunst, von O. Bamck. (Критическія странствованія въ три области искусства. Соч. О. Банка). Leipzig.

L'HISTOIRE PAR LE THÉÂTRE, 1789—1851, par Théodore Muret. 1 série. La Révolution, le Consulat, l'Empire. (Исторія посредствомъ театра (1789—1851), соч. Т. Мюре. Отдѣл I. Революція, консульство, имперія). Paris.

A HISTORY OF CARICATURE AND GROTESQUE IN LITERATURE AND ART, by Th. Wright. (Исторія карикатуры и уродливо-смѣшнаго въ искусствѣ и въ литературѣ, соч. Т. Райта).

DICIONNAIRE GÉNÉRAL DE LA POLITIQUE, par M. Block. T. II. (Политическій словарь М. Блока. Т. II). Paris.

ON CAPITAL PUNISHMENT, by J. M. Moir. (О смертной казни, соч. Д. Мокри Мокра.) London.

VILLAGE LIFE IN SWITZERLAND. By S. Delmaré (Деревенская жизнь въ Швейцаріи, соч. С. Дельмара). London.

LA VIE DOMESTIQUE EN PALESTINE, par M. E. Rogers. (Домашняя жизнь въ Палестинѣ, М. Е. Роджерса). Paris.

КУРЬОЗЫ.

I. ПРОЕКТЪ ОБЪЯВЛЕНІЯ ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА N ВЪ 1866 ГОДУ.

Наступилъ новый годъ, прошелъ весь январь, слѣдовательно, прошло время и журнальныхъ объявленій, подписка состоялась. Теперь, не рискуя никакими приличіями, которыя должны соблюдаться въ литературномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, теперь можно оглянуться на цѣлый дождь разнообразныхъ журнальныхъ объявленій, всѣхъ видовъ и направленій, и извлечь изъ нихъ нѣчто пригодное для нашихъ курьозовъ.

Въ историческомъ ходѣ нашихъ журнальныхъ объявленій, обыкновенно начинаютъ поражать ваше вниманіе прежде всего темные слухи, пущенные какимъ-нибудь корреспондентомъ—слухи о томъ, что г. Тургеневъ написалъ или романъ, или повѣсть. Слухъ длится недолго, и за нимъ является объявленіе какого-нибудь журнала, которое говоритъ такъ: «Мы имѣемъ объщаніе И. С. Тургенева помѣстять въ нашемъ журналѣ *новость*» (*). Какую повѣсть, то-есть какъ она называется—объ этомъ умолчано, по-

(*). См. объявленіе «Библіотеки для Чтенія» на 1865 годъ.

тому что и самъ И. С. Тургеневъ обыкновенно сомнѣвается, написалъ ли онъ повѣсть.

Другой какой-нибудь журналъ, встрѣясь съ подобнымъ объявленіемъ, поднимаетъ тонъ нѣсколько выше и уже говорить: «И. С. Тургеневъ уведомилъ насъ, что первая написанная имъ повѣсть будетъ помѣщена въ нашемъ журналѣ» (*). Это объявленіе написаю, очевидно, въ перебой первому. Тотъ журналъ («Библиотека для Чтенія») просто говорилъ, что будетъ напечатана повѣсть Тургенева; этотъ прибавляетъ, что первая изъ повѣстей все-таки будетъ напечатана въ «Эпохѣ».

Публика радуется, что г. Тургеневъ откинулъ въ сторону свою непростительную лѣнь и написалъ уже *два* повѣсти. Когда дѣло находится въ такомъ положеніи, корреспондентъ одной газеты («Русскаго Ивалида») распускаетъ слухъ, что Тургеневъ написалъ не повѣсть, а *Собаку*, и *Собака* эта будетъ напечатана въ дружественномъ журналѣ—«Русскомъ Вѣстникѣ».

Вотъ, наконецъ, думаетъ публика, три вещи, которыя мы имѣемъ право ожидать въ 1865 году; по крайней-мѣрѣ ихъ обѣщали уже *три* журнала. Что г. Тургеневъ можетъ написать повѣсть, тутъ нѣтъ никакихъ особенныхъ недоразумѣній... Но *Собака*... Собака, что это такое? Корреспондентъ, заинтересовавшій публику, прибавляетъ только, что это *перл*—перлъ художественный и фантастическій. Тутъ дѣйствуетъ нѣчто сверхъестественное.

Какъ бы тамъ ни было, но очевидно люди перестаютъ быть героями романовъ. Вотъ дѣйствующее лицо повѣсти г. Тургенева—*Собака*; въ одномъ англійскомъ романѣ, съ которымъ мы уже познакомили публику въ Курьозахъ, героиней была *Лошадь*. Двигаемся впередъ.

За г. Тургеневымъ второе мѣсто въ объявленіяхъ занимаетъ обыкновенно г. Островскій. Сколько онъ вышетъ комедій въ годъ, если судить по объявленіямъ—непостижимо. Прежде онъ писалъ много-много одну комедію въ годъ, а теперь посмотрите, вотъ что объявляютъ на 1865 годъ:

Эпоха: «г. Островскій *положительно обѣщавъ* намъ въ будущемъ году *свою комедію*».

Библиотека для Чтенія: «А. Н. Островскій обѣщавъ намъ *изъ начала 1865 года одну изъ своихъ комедій*.»

Современникъ: «Въ числѣ матеріаловъ, *затовленныхъ* для Современника, *есть*, между прочимъ, *новая комедія* А. Н. Островскаго».

(*). См. объявленіе «Эпохи» на 1865 г.

Мы сохранили текст объявленій, чтобы показатъ, во первыхъ, нгривость вариаций на одну и ту же тему, и во вторыхъ, чтобы насъ не заподозрили въ преувеличеніяхъ.

Итакъ, въ 1865 году, мы, кромѣ трехъ повѣстей Тургенева, прочтемъ *три* новыя комедіи г. Островскаго, къ сожалѣнію, *неназванныя*. Отсутствіе такой важной вещи, какъ названіе, можетъ повлечь нѣкоторое неудобство. Г. Островскій можетъ разослать свои комедіи не туда, куда слѣдовало, и матеріалы редакцій могутъ перепутаться.

Въ итогѣ до сихъ поръ у насъ: три повѣсти г. Тургенева и три комедіи г. Островскаго. Недурнѣ 1865 годъ!

Продолжаемъ далѣе наши наблюденія. Въ прежнее время такую же роль, какъ гг. Тургеневъ и Островскій, играли въ объявленіяхъ г. Гончаровъ. Теперь онъ какъ будто совсѣмъ со сцены объявленій и въ нынѣшнемъ году нагнѣвъ не былъ помянутъ. А можно бы!

О нѣкоторыхъ авторахъ журналы объявляютъ, какъ о чемъ-то имъ постороннемъ, хотя они и далеко не посторонніе. Это дѣлается для счету писателей. Такимъ образомъ объявленіе «Эпохи», перечисляя тѣхъ авторовъ, которыми она думаетъ гордиться въ 1865 году, именно тотчасъ послѣ гг. Тургенева и Островскаго, третьимъ нашимъ писателемъ выставляетъ г. Достоевскаго, и объ этомъ *какъ-бы* *постороннаго* «Эпохѣ» писателѣ, выражаетъ слѣдующее: «*Θ. М. Достоевскій, кромѣ постоянного, непосредственнаго своего участія въ «Эпохѣ», помѣститъ въ ней въ будущемъ году свой романъ».*

Ни для кого не секретъ, особенно послѣ полемики «Эпохи» съ «Современникомъ», что г. Достоевскій не только одинъ изъ постоянныхъ участниковъ въ «Эпохѣ», но и главный руководитель ея. Онъ—ея боецъ и представитель главныхъ «не червильныхъ» идей «Эпохи». Мысль «Эпохи», если она есть, выразилась въ объявленіи, слѣдовательно, нужно полагать, этому объявленію весьма нечуждъ г. Θ. Достоевскій.

А при этихъ условіяхъ какъ-то особенно пріятно видѣть, что во первыхъ, г. Θ. Достоевскій самъ о себѣ говоритъ какъ о постороннемъ лицѣ; во вторыхъ, рекомендуетъ себя публикѣ не съ дурной стороны, именно самъ себя ставитъ рядомъ съ гг. Тургеневымъ и Островскимъ, и втретьихъ, еще пріятнѣй, хотя уже и совершенно непонятно, что даже онъ, и какъ авторъ и какъ редакторъ, не знаетъ, какой романъ помѣститъ въ «Эпохѣ», такъ-какъ заглавіе этого романа ему *еще неизвестно*.

Далѣе. Иногда журналы прибѣгаютъ къ отчаяннымъ средствамъ и пишутъ дѣлье ряды повѣстей и романовъ *безъ названія*, котораго

у нихъ будутъ помѣщены, хотя имъ и хорошо извѣстно, что все неозаглавленное едва ли еще написано авторомъ и, можетъ быть, никогда не будетъ написано. Къ такому средству прибѣгнулъ «Современникъ» въ 1865 году, объявивъ, что въ немъ будутъ помѣщены: *новая комедія* г. Островскаго, *романъ и рассказы* Н. Щедрина, *повѣсть* г. Слѣпцова, *два повѣсти* (можно сказать: три и четыре, какъ угодно) г. Левитова, *романъ* г. Михайлова, *поэма* г. Некрасова (и г. Некрасовъ, редакторъ «Современника», не знаетъ названія своей поэмы!).

Тутъ видна рѣшимость: повидимому, составители объявленія могли бы очень удобно передѣлать его такъ: будутъ помѣщены: *два романа* Щедрина, *три повѣсти* Слѣпцова, *четыре рассказа* Левитова и такъ далѣе. Это ничего не стоитъ для редакціи.

Какъ бы то ни было, но такая нетрудиительность редакцій, въ изобрѣтеніи обѣщаній, внушила намъ мысль слѣдующаго объявленія на 1866 годъ, которымъ всѣ одинаково могутъ воспользоваться, перепечатавъ его. Оно годится для всѣхъ журналовъ и для подписки очень замѣтно. Вотъ оно.

•ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1866 ГОДУ ЖУРНАЛА N.

(Послѣ нѣсколькихъ словъ, гдѣ каждый журналъ похвалитъ свое направленіе и объявитъ публикѣ, что онъ лучше всѣхъ остальныхъ, когда дѣло дойдетъ до обѣщанія литературныхъ и ученыхъ статей, онъ будетъ продолжать такъ):

«Мы надѣемся помѣстить въ будущемъ году:

«*Пять* романовъ г. Тургенева, въ которыхъ дѣйствующія лица: собака, кошка, лошадь, нѣмецъ и ваширъ.

«*Три* комедіи г. Островскаго, въ которыхъ купцы представлены свѣтски-образованными людьми: совершенная новость!!!

«*Шесть* драмъ г. Писемскаго, въ которыхъ убивается семь мужиковъ».

«*Два* путешествія г. Гончарова вокругъ свѣта: одно спереди назадь, другое сзади напередъ».

«Кромѣ того вамъ положительно обѣщали наследники *Висла* новыя записки, если онѣ отыщутся въ бумагахъ покойнаго».

«Мы имѣемъ положительное увѣреніе отъ г. *Писемскаго*, что романъ его, который еще не написанъ, непременно будетъ передавать намъ въ скорости».

«Мы получили письмо отъ г. *Гончарова*, въ которомъ онъ насъ положительно уведомляетъ, что новыя главы романа «Изъ жизни Райскаго», онъ не намѣренъ печатать, но онѣ будутъ переданы въ наше полное распоряженіе для просмотра».

«Мы отискали первыя стихотворенія г. *Григоревича*, никому неавѣстныя—кто-бы думалъ, что онъ писалъ стихи!—я намѣрены подарить ими нашу публлку.

«Вотъ художественный запасъ на будущій годъ! Но мы богаты и ученныя статьими!

«Г. *Ө. Достоевскій* готовитъ для насъ новыя изслѣдованія о бѣльѣ арестантовъ, содержимыхъ въ Сибири, съ точнымъ указаніемъ, у кого было куачное, а у кого холщевое.—Эти интересныя изслѣдованія, которыми авторъ дорожитъ преимущественно, нигдѣ не будутъ напечатаны, кромѣ нашего журнала.

«Сверкъ того намъ обѣщали ученныя статьи:

«Г. *Антоновичъ*: «О якости испорченной матеріи и силѣ этой пакости» (Глава I. Вліяніе г. Тургенева и его романа: Отцы и Дѣти, на порчу нашей молодѣжи. Глава II. Поправленіе этой молодѣжи съ помощью *Capsules Sorahine*, какъ послѣдняго средства доброй науки, медицины. Глава III. Выдоравливающій атлетъ или «Современникъ» — самый лучшій журналъ).

«*Прилжч. редакціи*: Нѣкоторыя главы этой интересной статьи, къ сожалѣнію, будутъ нами напечатаны по латини.

«Статья г. *Цымина*: «Исторія русской литературы», рассказанная преимущественно по даннымъ астрономической науки и новѣйшимъ открытіямъ химіи.

«Статья г. *Лаврова*: «Передовыя печальницы» (женщины-прогрессистки), или начало женскаго труда въ Россіи. Въ видѣ приравленія къ статьѣ будетъ кратко вложена исторія физико-математическихъ наукъ. Трудъ самобытный.

«Г. *Писарева*: «Ветеринарная наука, какъ главный предметъ преподаванія дѣтямъ отъ восьми до десяти лѣтъ.»

«Г. *Салтыкова*: «Нѣчто о трудѣ съ музыкой и пляской, или мое прощаніе съ редакціей «Современника».

II. КАКЪ ОТЫСКИВАЕТСЯ «НАПРАВЛЕНІЕ» ДЛЯ ЖУРНАЛА?

Странная фраза воразила всѣхъ въ нывѣннемъ объявленіи «Эпохи» на 1865. Говорится, что журналъ будетъ издаваться «семействомъ»... Такъ-какъ въ семьѣ бывають и большіе и малые, и очень умные и просто умные, то это «семейное» обстоятельство разъяснило намъ много недоумѣній. Главное вотъ въ чемъ. Программа журнала, издаваемого семействомъ, выражается такъ: намъ нужно прежде всего любить, любить; а что любить—мы не знаемъ. Слѣдовательно мы такъ и будемъ издавать журналъ.

Вся сущность объявления въ этомъ; для доказательства приводимъ и подлинныя слова:

«Не хулить, не осуждать, а любить умно—вотъ что надо теперь наиболѣе настоящему русскому. Потому что, кто способенъ любить—тотъ уже знаетъ, что и хулить ему надо: знаетъ безошибочно и чего пожелать, что осудить, о чемъ спросить и чего домогаться надо».

Совершенно справедливо. Мы и ожидали поэтому, что «Эпоха» скажетъ, что именно намъ нужно любить.

Она и сказала: «Но за те ми до сихъ поръ не научились и, почти сплошь, не знаемъ того, что именно должно не бранить на Русь», слѣдовательно—не знаемъ, что и любить».

Это называется программа журнала и его направленія.

Понятно, что публика пришла въ нѣкоторое смущеніе. Что любить? зачѣмъ? по какому поводу? И какимъ образомъ такую безсмысленную любовь проповѣдуетъ «семеѣство»? Публика была изумлена такою же несладницею, какою поразило ее нѣкогда «Время», заговорившее о почвѣ. Что разумѣло «Время» подъ «почвой»—такъ никто и не могъ добиться толку: такъ и бросили. И только теперь и то совершенно случайно, въ силу несчастнаго обстоятельства, смерти А. Григорьева, главнаго сотрудника «Эпохи», раскрылось дѣло такъ, какъ оно есть.

Оказалось, что мудрые люди попусту ломали голову, доискиваясь мысли въ статьѣ «Времени», и были блаженнымъ лишь тѣ, кто ни о чемъ не спрашивалъ этотъ журналъ. По непротистительной оцѣнѣ, само же «семеѣство» напечатало переписку свою съ Григорьевымъ, изъ которой оказались вещи невѣроятныя. Кто бы въ самомъ дѣлѣ могъ подумать, что «семеѣство», начинавшее издавать «Время», само не знало, куда идти и зачѣмъ идти. То подражало оно «Современнику», хвалило Новаго Поэта, писало обличительныя фельетоны, восторгалось статьями «Современника», то вдругъ набрасывалось на «Современникъ» и бранило его. Далѣе, оно то вторило словамъ славянофиловъ, то вдругъ бранило славянофиловъ, какъ людей одностороннихъ и пережившихъ свое время. Кончилось же тѣмъ, что сочинило свою программу изъ нѣкоторыхъ статей «От. Зап.» того времени, что и было ему указано тогда же. Все это вмѣстѣ взятое не помѣшало тому же «Времени» отчаянно нападать на «Отечественныя Записки». Всѣ растерялись и не знали, куда идетъ журналъ. Къ довершенію печали «Время» ослѣпилось на «Рус. Вѣстникъ» и начало писать самыя ожесточенныя статьи: недоумѣнію не было конца. Правда, «Рус. Вѣстникъ» нашелся и отвѣчалъ ему фразой, которая совершенно сконфузила новый журналъ. «Вѣстникъ» выра-

зился нѣсколько фигурально, именно: что «Время» шипитъ его сзади. Острота подѣйствовала такъ сильно на это «смейство» философовъ, что редація «Времени» съ жестокостью днейхъ выдала сотрудника, написавшаго статью противъ «Русскаго Вѣстника», именно г. Кускова. Всѣ поняли, по крайней мѣрѣ, какой образъ полемики приличествуетъ со «Временемъ».

Но яркость журнальная «Времени» продолжала еще озадачивать. Что бы такое принесло съ собою «смейство»? думали литераторы, и никакъ не могли понять. Все повидимому въ журналѣ было старо, а все выдавалось за новое. Публика была точь въ точь въ томъ же положеніи, какъ теперь само «смейство», которое сознается, что оно ничего не понимаетъ, хотя и будетъ издавать журналъ.

Но, какъ мы сказали, разгадки самыхъ мудреныхъ загадокъ оказываются всегда простыми до озадаченности. Таковы онѣ и должны быть. То, что казалось глубокомысленнымъ, божественнымъ, задорнымъ, какъ будто бы и во имя идеи, оказалось просто чесаніемъ рукъ, зудомъ въ пальцахъ, которые могли бы быть такъ же хорошо употреблены и на иное дѣло.

«Воспоминанія» А. Григорьева раскрываютъ намъ слѣдующее: «Смейство» не знало, какую идею проводить, другими словами, какое дать направленіе журналу: А. Григорьевъ сказалъ имъ слѣдующія слова (въ письмѣ къ г. Страхову):

«Я схожусь съ Достоевскимъ не во всемъ, а во многомъ расхожусь совершенно. По моему мнѣнію, нельзя работать Богу и мамонѣ, нельзя признавать философію, исторію и поэзію и дружить съ Современникомъ, нельзя, уважая себя и литературу, печатать К... и фельетоны М... нельзя ради дешеваго либерализма держать въ политикѣ Р... нельзя печатать какъ нѣчто хорошее, драму Гербеля и т. д.

«Времени», чтобы быть самостоятельнымъ, нужно или 1) окончательно изнать насъ и тебя (Григорьева и г. Страхова) и попытаться переманить Ч. или 2) быть послѣдовательнымъ въ своей вѣрѣ въ поэзію и жизнь, въ идею народности вообще (въ противоположность абстрактному человечеству)—воспользоваться (!?) слабками славянофильства, какъ всякой теоріи, и встать на его мѣсто» («Эпоха» сент. 1864 г. стр. 26 и 27).

Вотъ вамъ вся разгадка прежняго «Времени». Вотъ отчего одна половина семейства, братья М. и Ф. Достоевскіе, тянули къ «Современнику», и старались во всемъ подлаживаться къ нему съ перваго же № «Времени» (1861 года), къ которому относятся и письма Григорьева; а другая половина, Григорьевъ и г. Страховъ, тянули къ славянофиламъ. Отъ этого толки о народности

и въ то же время нападки на славянофиловъ, ничѣмъ немотивированные, и нападки на «Современникъ» во имя народности.

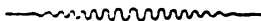
Теперь это все ясно; но зачѣмъ же журналы исписали столько бумаги попусту, года четыре назадъ, толкуя съ «Временемъ» о почвѣ и народности? Чтѣ бы «семейству» тогда же напечатать это письмо Григорьева, и дѣло было бы кончено—и ясно для литературы. Люди собрались издавать журналъ, и не знаютъ, чтѣ дѣлать: хвалить ли «Современникъ» или хвалить «День». Если главные редакторы стояли на этой точкѣ нерѣшимости, то чтѣ сказать о другихъ сотрудникахъ? Когда даже такія понятія, какъ народность и абстрактное человѣчество, были неясны редакторамъ, то чтѣ же могло быть имъ ясно?

Другое письмо Григорьева еще характеристичнѣе. Вотъ оно, тоже изъ Оренбурга, и тоже 1861 года. «А я пишу затѣмъ, чтобы ругаться, ругаться сквернословно... Недавно я прочелъ октябрьскій № «Отеч. Записокъ», и въ нихъ великолѣпное начало статей Шапова: «Великорусскія области во времена междуцарствія»—начало фактическаго оправданія всего того, чтѣ думаетъ о Руси и ея исторіи Островскій, *чтѣ думалъ и гадательно высказывалъ я по своей чуткости*. Чтѣ же вы, то-есть «Время» ловите... въ родѣ Маслова, и не залучите такого человѣка, какъ Шаповъ, который носить въ себѣ цѣлое, *совсѣмъ новое и вполне народное направленіе*? Какъ это журналу, толкующему непрерывно о народности, не сойтись съ нимъ и съ Павловымъ? Или глаза у васъ на затылкѣ? и вы увидите только то, чтѣ будетъ уже позади васъ? Стыдно! А время еще есть. Я увѣренъ, что Шаповъ такъ, случайно, печатается у Краевского. Вотъ эта статья, да статья Павлова въ новомъ календарѣ — эпохи, а не... повѣствованіе въ водяныхъ стихахъ о «чувствіяхъ»... Тутъ, въ этихъ статьяхъ новымъ вѣетъ и пахнетъ. Оно идетъ, это новое—и въ этихъ статьяхъ, и можетъ быть въ «Мининѣ» Островскаго, идетъ на конечное истребленіе б...словія «Вѣстника», празднословія западниковъ, суесловія (какъ скоро!) «Дня», холословія Костомарова, буесловія «Современника». А вы зѣвайте да печатайте *буйство Масловыхъ и грошовой либерализмъ*... Ругательство въ сторону. *Видѣ какую же нибудь цѣль хочеть имѣть «Время»? Какую же?... Иной, кромѣ знамени народности въ широкомъ смыслѣ, ему и имѣть нельзя. Вся другія цѣли: социализмъ, англійское устройство, узкая народность и проч. и проч. разобраны».*

Вотъ гдѣ вся сущность: потому что всѣ другія цѣли уже *разобраны*, «семейство» взяло себѣ народность, да и не знаетъ, чтѣ съ нею дѣлать. Григорьевъ по своему любилъ народъ, а г.

Страховъ занимался Гегелемъ, М. Достоевскій переводилъ Шиллера, а г. Θ. Достоевскій писалъ сентиментальные романы въ родѣ «Бѣдной Лизы», или романы фельетонные, въ которыхъ нѣтъ жизни, какъ выразился въ той же перепискѣ Григорьевъ. Откуда же взяться народности? А между тѣмъ *народность* написана на знамени! Пробовали замѣнить ее *почвою*—выходить хуже... Эта почва, привезенная изъ Москвы отъ славянофиловъ, какъ петербургскіе калачники привозятъ московскія дрожжи въ Петербургъ для калачей—не удалась здѣсь, скислась... Въ Москвѣ увѣрали еще въ сороковыхъ годахъ, что нужно любить, любить, а «что любить» — мы знаемъ, прибавляли славянофилы. Въ Петербургъ привезли эту любовь. «Семейство» думало, что эта любовь вчерашняя, а вышло, что она давнишняя, и въ Петербургѣ не дѣйствуетъ, какъ и старыя дрожжи. А между тѣмъ нужно говорить о народности...

Бываютъ же такіе злые люди въ наше время, которые награждаютъ... направлениемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Для новыхъ подписчиковъ 1865 г. прилагаются 1) двѣ первыя части романа В. В. Крестовскаго «Петербургскія труппы» и 2) начало романа Диккенса «Нашъ взаимный другъ».

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1865 году

выходятъ *два раза въ мѣсяцъ* (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ *до 15-ти печатныхъ листовъ.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

состоящее изъ *двадцати-четырехъ книгъ,*

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногороднихъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. В. Вазунова, на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редацію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ: А. Краковский и С. Дудышевскій.

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ. 28 января 1865 года.

